Хейзел Райли - Игра Олимпа

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Название: Game of Olympus. Catarsi / Игра Олимпа: Освобождение
Автор: Хейзел Райли / Hazel Riley
Серии: Game of Gods #6 / Игра Богов #6
Перевод: nasya29
Редактор: nasya29

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Аннотация

Они открыли Пандору, столкнулись с самыми тёмными тайнами своего прошлого и наконец обрели свободу, за которую так долго боролись. И всё же между стенами кампуса Йеля и залитыми солнцем пляжами Калифорнии Лайвли очень скоро понимают: счастливый конец — это не точка назначения, а ежедневная битва с собственными демонами.

Пока Хайдес и Хейвен готовятся поклясться друг другу в вечной любви, Аполлон должен решить, готов ли он раз и навсегда порвать с болью прошлого. Посейдон гонится за волной со вкусом прощания, которого он никогда не хотел произносить, Афина надеется наконец расшифровать карту собственного сердца, а Дионис ищет свет на дне бутылки — и находит его в глазах того, кто никогда не считал его неудачником.

Гера тоже бросает вызов своей судьбе, чтобы понять: любовь — не проклятие. Аресу же предстоит столкнуться со светлым наследием своего отца Гипериона, а Гермес, душа любой вечеринки, учится превращать тишину воспоминаний в новую мелодию. Тени Кроноса и Крио постепенно блекнут, освобождая место для новой, утешительной истины: настоящее освобождение — не в том, чтобы стереть свои раны, а в том, чтобы научиться носить их с гордостью.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Оглавление

ИГРА НАСИЛИЯ. Аполлон 5
Глава 1. КРАСНЫЙ БАРХАТ 5
Глава 2. ДВА АПОЛЛОНА 14
Глава 3. ВРЕМЯ 24
Глава 4. «ОДИН САНТИМЕТР?» 33
Глава 5. BMX 39
ИГРА НЕБЕС. Хайдес и Хейвен 45
Глава 1. БРАТЬЯ 45
Глава 2. «ШЕСТЬ ЗЁРЕН — И ТЕПЕРЬ ТЫ МОЯ» 53
Глава 3. «ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ» 61
Глава 4. «ИГРЫ БОГОВ ПРОХОДЯТ КАЖДУЮ ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ» 70
ИГРА ПРИЛИВОВ. Посейдон 75
Глава 1. «СИНЯЯ ГОЛОВА» 75
Глава 2. «ЭЙ, ПОСИ» 81
Глава 3. НУЖНАЯ ВОЛНА 86
Глава 4. ТРУС 94
Глава 5. ТОТ, КТО СОТРЯСАЕТ ЗЕМЛЮ 104
Глава 6. ЛАЙН-АП 115
Глава 7. ОТБОЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ 117
Глава 8. 21 МИЛЯ 119
ИГРА ЭЙФОРИИ. Дионис 132
Глава 1. ДИОНИС 132
Глава 2. ДОРИ 141
Глава 3. АМЕРИКАНЕЦ 152
Глава 4. ДОРИАН 158
Глава 5. НИС 166
Глава 6. БЛОНДИНОЧКА 176
Глава 7. ДИОНИС 185
ИГРА РАЗУМА. Афина 192
Глава 1. «Я ХОЧУ ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ И ПЛАТЬЯ В ЦВЕТОЧЕК» 192
Глава 2. «Я ХОЧУ БЫТЬ ТАКОЙ ЖЕ ИНТЕРЕСНОЙ, КАК МОИ БРАТЬЯ» 200
Глава 3. «Я ХОЧУ ТАНЦЕВАТЬ ТАК, БУДТО НИКТО НЕ ЗНАЕТ, КТО Я» 216
Глава 4. «Я ХОЧУ СТАТЬ МАТЕРЬЮ» 227
Глава 5. «Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОНА ВЕРНУЛАСЬ К ЖИЗНИ» 238
Глава 6. «Я ХОЧУ ИСПОЛНИТЬ ЖЕЛАНИЯ МОЕЙ СЕСТРЫ» 248
Глава 7. «Я ХОЧУ ТЕБЯ» 256
Глава 8. «Я ХОЧУ ВСЁ ТО, ЧТО У МЕНЯ УЖЕ ЕСТЬ» 267
ИГРА ОБРЕЧЁННЫХ. Гера 276

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Глава 1. ПРОКЛЯТИЕ 276
Глава 2. ЗЛОЙ РОК 282
Глава 3. ВЕСНУШКИ 295
Глава 4. «ЗАБУДЬ» 308
Глава 5. БОГ ВИНА 320
Глава 6. НАБЛЮДАТЕЛИ 330
Глава 7. «ДВА ЧАСА» 339
Глава 8. 21 СЕНТЯБРЯ 344
ИГРА ПОСЛЕСВЕЧИЯ. Арес 349
Глава 1. «ОДИН, ЧЕТЫРЕ, ТРИ» 349
Глава 2. «ЗДОРОВО, МЕЛКИЙ» 358
Глава 3. «НАРЦИСС, ЭГОИСТ, ИМПУЛЬСИВНЫЙ, ХАМ, ЛИЦЕМЕР, ХАОТИЧНЫЙ, САРКАСТИЧНЫЙ НА ГРАНИ ОСКОРБЛЕНИЯ, ЭГОЦЕНТРИК И ПИРОМАН» 366
ИГРА КОРОН. Кронос 379
Глава 1. «ДОБРОТА — ЭТО СЛАБОСТЬ» 379
Глава 2. НОЧЬ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ 391
ИГРА НАСЛЕДИЯ. Гермес 411
Глава 1. «ДЕНЬ, КОГДА...» 411
Глава 2. «...НАЧАЛА СЧИТАТЬ ЗВЕЗДЫ» 419

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА НАСИЛИЯ. Аполлон

Глава 1. КРАСНЫЙ БАРХАТ

В греческой мифологии Аполлон, сын Зевса и Латоны, родился на острове Делос, входящем в архипелаг Киклады. Как бог искусств, Аполлон часто связан с Музами и изображается с кифарой в руках. В других случаях он держит лук — двойственный символ его грозной силы: он мог защищать смертных и отводить от них беды, но при необходимости также насылать мор и внезапную смерть.

Лав

Сегодня один из тех дней. Один из тех дней, которые я ненавижу всей душой и в которые мне хочется поехать в тир и стрелять, пока не закончатся все доступные патроны.

Это те дни, когда Аполлон замыкается в себе, отгораживается от мира и не даёт мне ни единого шанса ему помочь.

Прошло уже семь месяцев с тех пор, как мы открыли Пандору. Семь месяцев с тех пор, как умер Уран, Рея оказалась под следствием, а ребята наконец освободились от ужасов, на которые их обрекли патриархи семьи Лайвли.

Как бы ни сложился для них счастливый конец после стольких страданий, горькое послевкусие всё равно осталось. Никто почти не говорит о том, что на самом деле значит счастливый конец после настолько трагичной истории. Многие истории заканчиваются тогда, когда проблемы решены, чтобы читатель или слушатель мог попрощаться с героями на светлой ноте. В реальности всё иначе, потому что после счастливого конца остаётся посттравматический стресс. Счастливая жизнь не начинается мгновенно. Сначала приходится разбираться с тем, что оставили в тебе пережитые события.

И пока такие люди, как Гермес, Хайдес и Афина, ходят на терапию и находятся под наблюдением в том числе специалистов ЦРУ, такие, как Аполлон, не хотят говорить о своих чувствах даже с братьями.

Сценарий всегда один и тот же. Я понимаю, что сегодня один из *таких* дней, в ту секунду, когда Аполлон переступает порог квартиры, которую я сняла неподалёку от кампуса Йеля. Его плечи опущены сильнее обычного, его «привет» едва слышно, а прекрасные зелёные глаза не ищут моих. Он отводит взгляд в надежде, что я не пойму, как ему плохо.

Это первый признак. Потом появляется второй. Аполлон целует меня в висок и, ничего не спрашивая, садится за кухонный стол с учебниками по медицине и принимается заниматься. Я спрашиваю, как он, а он уходит от ответа настолько искусно, насколько это вообще возможно. Поначалу я даже не понимала, что он избегает вопроса, потому что его тактика продумана до мелочей. Он отвлекает меня, роняя книгу, которую я поднимаю раньше него. Или делает вид, будто получил невероятно важное сообщение от Хайдеса, Хейвен или кого-нибудь ещё из семьи.

Каждое моё оставшееся без ответа «как ты?» — словно удар ножом, от которого перехватывает дыхание.

В такие дни мне едва удаётся заставить его посмотреть мне в лицо. А когда это всё-таки происходит — от безысходности и потому, что он понимает: вечно избегать

меня не получится, — у меня сердце проваливается куда-то в грудь. Я никогда не видела настолько печальных глаз, как у Аполлона в его плохие дни.

Я прекрасно знаю, через что он прошёл в детстве, когда его биологическая мать страдала от депрессии. Я знаю, понимаю, и после всего, что случилось с ним за последние годы… мне самой приходится ходить на терапию, чтобы всё это переварить.

Такие дни меня уничтожают. И физически, и эмоционально. Настолько, что в редчайших случаях я решаю припереть его к стенке и прямо сказать, что вижу: ему плохо. Я прошу рассказать мне. Прошу выплеснуть всё наружу. Прошу хотя бы подумать о терапии. Он слушает меня, но ничего в его поведении не меняется.

Но Аполлон в такие печальные дни никогда не относится ко мне неуважительно. Никогда не отказывает в помощи, если она мне нужна. Даже если внутри него самого идёт самая тяжёлая битва, стоит мне сказать, что плохо *мне*, — он бросает всё. Полностью забывает о себе, отодвигает собственную боль и поддерживает меня.

Хуже всего те дни, когда мы вообще не видимся. В дни, когда мне нужно работать или у него дела в кампусе, он исчезает полностью. Я не получаю от него ни сообщений, ни звонков, сколько бы ни пыталась сама выйти на связь. И тишина телефона без единого уведомления разъедает меня изнутри, мешает сосредоточиться, заставляет гадать, где он, всё ли с ним в порядке, помнит ли он обо мне, представляет ли хотя бы немного, как сильно я волнуюсь.

А потом он возвращается. Физическое расстояние исчезает, но эмоциональное остаётся прежним.

Мне хотелось бы, чтобы этого было достаточно, но это не так. Потому что в любви важно не только то, что человек рядом с тобой поддерживает тебя, — важно, и даже важнее всего, чтобы это было взаимно. Если ты не позволяешь мне помогать тебе и вообще никому не позволяешь, далеко ли мы сможем зайти? Мы так и останемся стоять на одном месте.

Аполлон Лайвли даёт мне всё, но не позволяет мне дать ему всё в ответ. Он помогает мне, но не даёт мне помочь ему.

И я чувствую себя бессильной, чувствую себя бесполезной, чувствую себя так, словно пытаешься убежать от кошмара, но ноги тяжёлые и неповоротливые, они не способны бежать, и каждое движение будто высасывает из тебя всю оставшуюся энергию.

Но больше всего меня тревожит другое: когда Аполлон становится слишком молчаливым, обычно это значит, что он что-то скрывает. А от того, что у него есть секреты и он не доверяет их мне, больно вдвойне.

Вот и сегодня вечером он сидит за моим столом, перед ним раскрыта книга, рядом лежит тетрадь, куда он время от времени что-то записывает своим изящным почерком.

— День хорошо прошёл? — осторожно пробую я, устроившись на двухместном диване.

Он что-то невнятно мычит.

— Это не ответ.

Раздражение в моём голосе заставляет его поднять голову. Он смотрит на меня какую-то долю секунды, а потом снова отводит взгляд.

— В столовой сегодня были фаршированные кабачки. Лиам купил двадцать штук, и некоторые студенты начали возмущаться. Гермес вмешался, чтобы его защитить. Это было уморительно.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

У меня дрожит рука. Так сильно, что приходится схватить её второй и удерживать на месте.

— Это не ответ на вопрос, который я тебе задала.

— Ты спросила…

— Я спросила, хорошо ли прошёл твой день. Я спрашиваю, всё ли с тобой в порядке, Аполлон. Какого чёрта тут вообще делают фаршированные кабачки Лиама?

Он продолжает подчёркивать что-то карандашом в книге.

— Всё как обычно.

Не знаю, что именно сегодня во мне срабатывает. Не знаю даже, почему именно сейчас, после всех тех дней, когда Аполлон вёл себя точно так же. Я знаю только одно: накопившееся во мне раздражение взрывается, вспыхивает пожаром и напрочь отключает мне мозги.

Я вскакиваю и подхожу к столу. Одним быстрым движением сдвигаю книгу и тетрадь в сторону, буквально вытаскивая их у него из-под носа.

Он даже глазом не моргает.

— Лав? Что ты делаешь?

Спокойствие и невозмутимость, с которыми он задаёт этот вопрос, словно вообще ничего не происходит, бесят меня ещё сильнее. Он что, специально?

— Я устала, Аполлон. Устала от того, как ты себя ведёшь.

Он хмурится.

— Прости?

Я начинаю заикаться, издавая обрывки звуков — начала разных, никак не связанных между собой фраз, которые так и не находят правильного продолжения. Теперь дрожат обе руки, пока я стою перед ним, не в силах выплеснуть всё, что чувствую.

Но Аполлон Лайвли всё-таки остаётся Аполлоном Лайвли. В этом он никогда не изменится, и именно за это я в него и влюбилась. Он наклоняется вперёд, берёт меня за руки и мягко сжимает их, заставляя перестать дрожать.

— Говори со мной. Выплесни всё. Я слушаю.

Боже, как же я это ненавижу. Его способность довести меня до предела своим молчанием, а потом быть настолько воспитанным и добрым, что я умудряюсь забыть даже, почему вообще на него разозлилась.

Я глубоко вдыхаю.

— Я так долго избегала этого разговора, потому что надеялась: тебе просто нужно пространство, чтобы осмыслить всё случившееся. Потому что думала, что если вывалю на тебя ещё и все свои негативные чувства, тебе от этого легче не станет. Потому что была уверена: моя собственная боль из-за твоей отстранённости несравнима с той болью, которую ты испытываешь из-за прожитой тобой жизни. Но правда в том, что я больше не могу. Я не могу так продолжать.

— Моей отстранённости? — повторяет он.

— Тебе тяжело даже смотреть мне в лицо, Аполлон, — начинаю я. — Когда я спрашиваю, как ты, ты уходишь от ответа и переводишь разговор на другое. Иногда вообще не отвечаешь, будто не услышал. Хотя я прекрасно знаю, что мой голос ты услышал громко и отчётливо. Неужели ты не думаешь, что игнорировать меня — жестоко? Хотя бы немного?

— Лав…

— Дай мне закончить, чёрт возьми.

Он замолкает. Я высвобождаю руки из его ладоней, и тогда он тоже встаёт.

— И не только со мной ты такой. Я вижу это и тогда, когда мы собираемся всей семьёй. Ты почти не разговариваешь, намного меньше, чем когда мы познакомились. Иногда тебя приходится окликать, потому что ты словно теряешься где-то внутри себя и просто смотришь в пустоту. А иногда вопрос приходится повторять тебе даже по три раза, прежде чем удаётся вытянуть хотя бы обрывок ответа. Я знаю, что ты часто отказываешься от предложений Герма и братьев, когда они зовут тебя куда-нибудь всем вместе. Я знаю, Хайдес пытался вытянуть из тебя хоть слово, а ты просто ушёл, ничего не сказав. Хейвен тоже пыталась, а получила в ответ только улыбку и «не волнуйся», после чего с ней поступили точно так же: оставили одну, как дурочку. А Гермеса ты остановил ещё до того, как он успел произнести хотя бы слог!

Я тяжело дышу, но ещё не закончила. Мне просто нужен воздух, нужно привести мысли в порядок, заставить бешено колотящееся сердце немного замедлиться.

— Снаружи ты — самое точное воплощение спокойствия. И это спокойствие настолько нереальное, что совершенно очевидно: внутри тебя скрывается немыслимое насилие.

Аполлон меняется. Плечи напряжены и сгорблены, на лицо ложится мрачная тень, искажающая его ангельские черты. Глаза становятся двумя тёмно-зелёными омутами и смотрят на меня так, словно я враг.

— Мне… плохо, Аполлон, — вырывается у меня на выдохе. — Мне плохо, потому что плохо тебе, а ты не позволяешь мне помочь. Я страдаю как ненормальная, потому что парень, в которого я влюблена, возвёл вокруг себя стену и не позволяет мне её перейти. Ты захлопнул дверь прямо перед моим носом и игнорируешь каждую мою попытку, даже когда я часами стучу в неё обоими кулаками, пока не становится больно. Почему? Что происходит? Почему?

Его кадык дёргается вниз.

— Мне жаль.

Я жду, что он скажет ещё что-нибудь, но этого не происходит. Смотрю на стрелки часов, висящих на стене у него за спиной, пока секундная не обходит циферблат трижды. Три минуты абсолютной тишины.

— И всё? Это единственное, что ты можешь мне сказать?

— Мне правда трудно добавить что-то ещё, Лав. Что я могу с этим сделать? Вы думаете, я сам выбираю чувствовать себя плохо? Думаете, если заставить меня говорить об этом, мне станет легче? Каждый человек справляется с болью и проблемами по-своему. Это мой способ, и вам следует его принять.

— Что ты можешь сделать? — повторяю я, всё сильнее распаляясь. — Знаешь, что ты можешь сделать? Позволить себе помочь. Хорошо, допустим, ты не хочешь проходить через это вместе с нами. Я понимаю, принимаю, осознаю и отступаю. Мы не всегда можем решить чужие проблемы, иногда одной любви недостаточно. Но ты мог бы обратиться к тому, кто действительно знает, как помочь. Мог бы начать психол…

Аполлон издаёт усталый смешок, поворачивается ко мне спиной и отходит к кухонной стойке. Вцепляется в столешницу, и костяшки пальцев белеют.

— Я не хочу ни с кем об этом говорить, — произносит он сквозь зубы.

— Тогда как, по-твоему, тебе станет лучше? Как?

— Рано или поздно станет. Если продолжать жить каждый день так, будто ничего не произошло, может быть, оно само уйдёт.

— Почему ты так с собой поступаешь? Ты правда думаешь, что так исцелишься?

Он вздрагивает.

— Для меня это всегда был способ справляться со всем. Знакомая дорога, которую я знаю, к которой привык с самого детства. Мой мозг слишком привык работать именно так, чтобы пробовать что-то другое.

— Аполлон…

Он резко оборачивается.

— Ты понятия не имеешь, насколько это больно. Если бы ты могла войти в мою голову, ты бы убежала, Лав. Убежала бы от жестокости моих мыслей, от моей боли. Ты тоже не захотела бы говорить о некоторых вещах. Не захотела бы даже думать о них, ни единой доли секунды.

Каждое слово он отчеканивает со злостью, и всё же я чувствую боль, проходящую сквозь его тело непрерывным разрядом.

— Я не хочу говорить о том, что у меня внутри. Я хочу забыть, что это вообще произошло. Я бы даже согласился на электрошок, лишь бы стереть все воспоминания о том, через что мне пришлось пройти. Как ты можешь думать, что я сумею рассказать об этом тебе, Гермесу или кому-нибудь ещё из семьи? Или вообще незнакомому человеку? Как я могу говорить об этом с кем-то, если не могу даже сам с собой?

— А как нам быть рядом с тобой, если ты всех нас отрезаешь?

— Перестаньте страдать из-за меня! — внезапно выкрикивает он так громко, что я делаю шаг назад. — Со мной всё будет хорошо, — уже тише продолжает он. — Обещаю. Но мне нужно время.

— Я не могу просто стоять здесь, беспомощная, и слушать твоё молчание, твоё мычание, твои уклончивые ответы и смотреть в твои печальные глаза. Не могу.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но передумывает. Грудь поднимается, а потом он выпускает весь воздух. И в этот момент я чувствую, как что-то меняется и во мне. Моё тело будто опустошается, словно внутри больше нет ни плоти, ни костей — только воздух. Ноги дрожат и становятся ватными, а среди мыслей пробивается новое ощущение, от которого грудь пронзает болью.

— Тогда тебе стоит меня бросить, — бормочет он.

Удар настолько жестокий, что я сгибаюсь вперёд и хватаюсь за стол.

— Что?

— Тебе стоит меня бросить, Лав. Я могу быть рядом с тобой, какой бы ни была твоя боль, но я действительно не способен позволить тебе делать то же самое для меня. Я понимаю, что это может тебя ограничивать, причинять тебе боль, и мне очень жаль. Но если ты не можешь с этим справляться, лучше тебе меня оставить.

— Как ты можешь такое говорить? И ещё с таким спокойствием! Ты предлагаешь мне тебя бросить так, будто просишь налить тебе стакан воды!

Он делает шаг вперёд и тычет пальцем себе в грудь.

— Спокойный? Я? Я умираю внутри, Лав.

— Но… но… — лепечу я как дура.

Слова меня предают.

— Ты хочешь, чтобы между нами всё закончилось? — шепчу я. — Ты правда хочешь, чтобы я тебя бросила?

— Если я причиняю тебе боль, думаю, для тебя это будет правильным решением.

— А для тебя какое решение правильное? — набрасываюсь я на него, почти крича.

— То, от которого тебе станет лучше.

— К чёрту! — ору я и так сильно толкаю стол, что он сдвигается с места. — К чёрту, ты даже бороться не будешь? Вот так просто предлагаешь мне тебя бросить? Даже не скажешь, что для тебя лучшим выбором было бы остаться вместе, потому что ты меня любишь?

— Я...

В следующую секунду я уже вплотную к нему. Обхватываю его лицо обеими руками, вдавливая подушечки пальцев в кожу, но всё же стараюсь не причинить ему боль.

— Ты меня любишь? Я тебе небезразлична? Ты меня любишь, Аполлон? Скажи!

Его дыхание дрожит, когда он отвечает:

— Да. Я люблю тебя больше, чем самого себя.

Я смеюсь ему прямо в лицо.

— Легко сказать, учитывая, что себя ты вообще не любишь. Ты себя ненавидишь, Аполлон. Ненавидишь настолько, что тонешь в собственной боли и отрезаешь от себя всех вокруг. Такое признание в любви ничего не весит.

— Тогда что...

— Борись! Позволь себе помочь. Кто угодно, мне всё равно, но сделай это!

Я не замечаю, что плачу, пока его большой палец не стирает слезу с моей щеки. Только тогда чувствую остальные. Они обрушиваются полноводной рекой, скользят по коже и стекают с подбородка. Громкий всхлип разносится по всей квартире, заставляя меня почувствовать стыд.

Я чувствую себя такой уязвимой, какой не была ещё никогда, разбитой на куски перед человеком, который, наоборот, старается держать всё внутри себя. Чувствую себя дурой, полной идиоткой, которая унижается только потому, что призналась в собственных чувствах.

— Лав, пожалуйста, не плачь.

Я резко отскакиваю назад, разрывая любой физический контакт между нами. Оставляю безопасную дистанцию.

— Я тебя люблю, — говорю я. — Но последние месяцы я совсем не любила себя, потому что позволяла тебе отстранять меня и заставлять чувствовать себя неважной, почти обузой среди твоей боли. Но правда в том, что я себя люблю. Люблю настолько, что не могу продолжать страдать, если ты даже не пытаешься ничего изменить.

Он коротко кивает.

— Мне не нужно, чтобы ты любил меня больше, чем себя. Мне нужно, чтобы ты любил себя и чтобы эта любовь к самому себе позволяла тебе быть со мной в здоровых отношениях. Больше ничего.

— Значит...

— Всё кончено.

Два слова срываются с моих губ и повергают меня в шок. Едва произнеся их, я тут же прижимаю ладонь ко рту. Они звучат настолько странно, настолько далеки от того, чего я на самом деле хочу, что мне почти кажется, будто кто-то завладел моим телом и сказал их вместо меня.

Но я прекрасно знаю, что это на самом деле. Борьба между разумом и сердцем. Сердцем, оставшимся в холодных руках Аполлона, и ясным разумом, который кричит мне, что я должна уважать себя и дать ему то пространство, которого он так хочет.

— Всё кончено, — повторяет он, словно пробуя на слух звучание этих слов, моего решения, новой реальности, в которую мы сейчас вступаем.

Мне тут же хочется забрать их обратно. Сердце берёт верх и шепчет, что я ещё могу передумать, могу сказать ему, что ничего страшного, если он держит меня на расстоянии, ничего страшного, если только он будет рядом со мной, а я — нет, что я смогу жить и без того, чтобы решать его проблемы. Лишь бы он был со мной.

Но это не так.

Я больше не могу так страдать. Я не должна больше так страдать.

— Понимаю.

Мне хочется ударить его. Хочется, чтобы он попытался заставить меня передумать, но в глубине души я знаю: Аполлон просто такой. Ещё бы он стал оспаривать чужое решение — это совершенно против его характера.

В его голове это называется уважать выбор другого человека. В моей — он просто сдаётся и отказывается от нас.

— Уходи, — приказываю я. — Вон.

Последнее слово вырывается так, словно мне всадили нож в горло. Хриплый, сдавленный звук.

Я смотрю, как он собирает свои вещи и складывает обратно в рюкзак. Он даже поправляет стол, который я сдвинула толчком, возвращая его точно на прежнее место с такой маниакальной аккуратностью, что я остаюсь в полном недоумении.

Он не смотрит на меня. Не говорит ни слова. Проходит мимо, и тогда я вижу её — слезу, скользящую по его левой щеке.

Дверь квартиры открывается и закрывается, и Аполлона Лайвли здесь больше нет.

Я падаю на пол, прямо на колени. Хотя всё ещё держалась за стол, сила тяжести оказывается сильнее и тянет меня вниз.

Я начинаю рыдать — не потому, что сделала выбор, которого не хотела, а потому, что именно этого хотел Аполлон, потому что он сам мне это предложил. Он попросил меня его бросить, хотя это было последним, что я когда-либо сделала бы по собственной воле. Хотя всё, чего я хотела, — просто быть с ним. Сделать его счастливым или хотя бы помочь ему стать счастливее. Я просто хотела...

Я просто хотела нас.

И его маффины «Красный бархат», которые он пёк каждую неделю и приносил мне в одних и тех же белых бумажных пакетах, где его изящным, узким почерком было написано: «Для Лав».

Я хотела ленивых воскресных утр, проведённых в постели за поцелуями и разговорами обо всём и ни о чём. Хотела узнавать что-то новое об этом таком загадочном и закрытом парне — даже самые глупые и банальные вещи вроде его любимого цвета или месяца, который он ненавидит больше всего.

Я хотела наши три оборота резинки и тот единственный сантиметр волос, который теперь подстригала ему каждые два месяца.

Я хотела всего, и хотела только любви. Хотела, чтобы он любил меня так же сильно, как я его, но не сильнее, чем самого себя.

Я плачу так долго и сильно, что становится тяжело дышать. Грудь поднимается и опускается в безумном ритме, болит так, словно в неё снова и снова вонзают нож. Не знаю как, но я доползаю на четвереньках до дивана и ложусь. Сворачиваюсь клубком, а слёзы пропитывают мягкую ткань.

Опустошённая. Полностью.

На меня обрушиваются воспоминания о счастливых моментах и начинают убеждать, будто всё это ещё можно вернуть, будто одного прошлого достаточно и мне нужно немедленно бежать к Аполлону и забрать обратно каждое сказанное слово.

Я плачу, потом засыпаю, потом просыпаюсь и снова плачу. Встаю только для того, чтобы выпить немного воды прямо из-под крана на кухне. На часах три ночи. Прошло восемь часов с тех пор, как Аполлон ушёл, а мне хуже, чем раньше.

Кто, чёрт возьми, вообще сказал, что время помогает?

Я почти уверена, что через неделю буду ещё большей развалиной, чем сейчас.

Я скучаю по Аполлону. И скучаю по той его версии, которую видела, когда убеждала себя, будто пережитые им травмы способны исчезнуть вместе со счастливым концом, который мы получили, открыв Пандору. Я скучаю по той версии себя, которая была счастливой и любимой.

Я уже возвращаюсь к дивану, когда какой-то звук у двери заставляет меня резко выпрямиться и замереть. Это не похоже на стук — скорее на случайный удар о дерево.

Потом раздаётся ещё один звук, которому я не могу найти объяснения.

Я подхожу к двери и заглядываю в глазок на лестничную площадку.

Прямо там, прислонившись к стене и сидя на полу, находится Аполлон. Ноги согнуты, голова лежит на коленях, длинные распущенные волосы падают по обе стороны лица, скрывая его. Я даже не понимаю, спит ли он.

Не раздумывая, я отпираю дверь. Его тело реагирует мгновенно, но он не встаёт.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня снизу вверх своими зелёными, печальными и всё такими же далёкими глазами.

— Я не смог уйти.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты здесь с тех пор, как я тебя выгнала? Все восемь часов?

Он кивает.

— Почему?

— Я не смог уйти, — повторяет он.

— Почему?

— Потому что ты плакала, а я не могу оставить тебя одну, когда ты плачешь или когда тебе плохо. Я физически не смог спуститься по лестнице и вернуться в кампус. Не смог отойти от тебя.

Скажи ему, что любишь его и хочешь быть с ним, — шепчет сердце. *Этого достаточно.*

Но разум отвечает: *Нет. Скажи ему уйти и иди спать. Одного маленького проявления любви недостаточно. Завтра он снова исчезнет в своей боли.*

И я должна слушать разум.

— Возвращайся в Йель, Аполлон. Спасибо, но тебе нужно уйти. Ты не можешь сидеть на этой площадке, пока я не перестану плакать. — Я пытаюсь тихо рассмеяться, чтобы разрядить обстановку, но смех выходит слишком усталым.

— Я не...

Я указываю на своё лицо.

— Я не плачу. Можешь идти.

— Лав...

— Ты больше не имеешь права обо мне заботиться.

— Имею. Ты больше не моя девушка, но ты моя подруга. Я пообещал Тиму быть рядом с тобой…

Одно упоминание моего брата заставляет кровь вскипеть в венах. Как он смеет?

— Не впутывай его. Не смей приплетать Тимми и обещания, которые ты ему давал, — шиплю я. — Я не хочу быть твоей подругой. Я хочу быть твоей девушкой. А теперь уходи.

— Я не…

— Хватит.

Кивком указываю ему подняться. И одному Богу известно, какую боль причиняет мне необходимость быть с ним такой холодной и отстранённой. Особенно после того, как он провёл последние восемь часов на лестничной площадке.

Потому что он мой друг.

Ох, да пошёл ты, Аполлон Лайвли.

Я не могу снова смотреть, как он уходит. Возвращаюсь в квартиру ещё до того, как он начинает спускаться по лестнице.

Я засыпаю, когда во мне уже не остаётся слёз. А утром, когда просыпаюсь в одиннадцать с раскалывающейся головой и красными от плача глазами, на коврике у двери лежит пакет. Знакомый. Тот самый, который всегда делал меня счастливой.

Позволь мне приготовить их для тебя в последний раз.

Три маффина «Красный бархат».

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. ДВА АПОЛЛОНА

Главным местом поклонения богу было богатейшее святилище в Дельфах, у подножия горы Парнас, в Фокиде. Дельфийский Аполлон прежде всего почитался как бог мудрости, а на стенах храма были высечены два изречения, призывающие к умеренности и осознанию собственных границ: «Ничего сверх меры» и «Познай самого себя».

Аполлон

— Ты действительно самый придурочный придурок на всей Земле, — заявляет Гермес. — Придурок, который придуривается придурочнее всех придурков, когда-либо придуривавшихся на этом свете.

Я вздыхаю.

— Ты понял? Ты вообще меня слушаешь? — не отстаёт он.

— Ты говоришь мне это почти каждый день уже несколько месяцев.

— И буду продолжать, пока ты не вернёшь себе ту потрясающую женщину, которая зовётся Лав Лиакос.

Прошло четыре месяца с тех пор, как Лав меня бросила. Четыре месяца она со мной не разговаривает, а у меня не хватает смелости даже поздороваться, когда я случайно сталкиваюсь с ней рядом с кем-нибудь из семьи. Четыре месяца я хотя бы раз в неделю оставляю перед дверью её квартиры маффин «Красный бархат». Четыре месяца я остаюсь трусом с разбитым сердцем, которому до боли не хватает женщины, которой он сам предложил его бросить.

И ровно четыре месяца мои братья меня оскорбляют. Кузены уже отказались от попыток вбить мне в голову хоть каплю здравого смысла, хотя Гера время от времени задаёт осторожные вопросики и пытается вытянуть из меня признание. Только она и Хелл пробовали действовать мягко.

Я думал, что, избавив её от тяжести отношений с таким человеком, как я, почувствую себя лучше. Мне казалось, это будет бескорыстным поступком: отказаться от Лав ради её счастья, пока сам я буду вариться в собственной боли.

Правда — жалкая, отвратительная правда — в том, что мне стало хуже. Я не залечил рану, я высыпал на неё пятьсот килограммов соли. И каждый день живу с тяжестью совершённой ошибки и безумным страхом, что Лав больше не захочет иметь со мной ничего общего. Если слишком долго отталкивать людей, которые упрямо пытаются приблизиться, в конце концов они сдаются. Даже самые настойчивые.

Меня отвергали всю жизнь, и я не думаю, что выдержу ещё одну захлопнутую перед носом дверь. Только не от Лав. Не от самой прекрасной и сильной любви, какая мне когда-либо доставалась.

Я всё испортил.

Снова.

— Послушай меня... — начинает Гермес, развалившись на моей кровати в костюме Купидона.

Он с голой, блестящей от масла грудью, в белых шортах и с пернатыми крыльями за спиной. Лицо накрашено: у внешних уголков глаз по маленькой золотой звёздочке, на губах тонкий слой блеска. На обеих щеках нарисованы красные сердечки.

— Я пытаюсь заниматься, — перебиваю его, сильнее сжимая карандаш. — Оставьте меня в покое.

— Да кому вообще есть дело до твоего образования, — вмешивается Арес, сидящий на полу. Он одет Алексом из «Заводного апельсина».

— Мне нужно получить диплом. На вечеринку я не пойду, — отрезаю я. — Убирайтесь.

— Да кому вообще есть дело до твоего диплома, — не унимается он. — Ты пойдёшь с нами на вечеринку, хотя бы потому, что не можешь пропустить празднование в честь лучшего из своих кузенов! Придумай себе костюм и выйди уже из этой комнаты.

Будто я хотя бы на секунду допускаю мысль о том, чтобы пойти на хэллоуинскую вечеринку Йеля или на не-день рождения Ареса. Будто в этот период моей жизни подобное вообще способно занимать хоть какое-то место в моей голове.

— Лав тоже там будет, — снова говорит Хайдес. — За последние четыре месяца это впервые даст вам возможность находиться рядом дольше нескольких секунд. Воспользуйся ей.

Интересно, где остальные, когда они мне так нужны? Где Лиам, который должен отвлекать Гермеса своей чушью, Хейвен, чтобы утащить Хайдеса куда-нибудь и спариваться с ним как кролики, и Зевс, чтобы схватить Ареса за ухо и уволочь прочь? Где более деликатные члены семьи, когда они нужны? Я остался с теми, кто никогда не сдаётся и уверен, будто может вручить мне волшебное руководство «как перестать быть таким Аполлоном» и вернуть девушку.

— Слушай сюда, Джаред. — Арес похлопывает меня по плечу. — Надень рубашку, расстегни её, чтобы было видно всю твою татуированную мускулистую грудь. Смажь её немного каким-нибудь маслом Хайдеса. Приходи на вечеринку, уверенно, по-мужски хватаешь Лав за запястье и утаскиваешь куда-нибудь, чтобы...

— Ты как всегда свинья! Сначала он должен извиниться, открыть ей сердце, поговорить о чувствах! — отчитывает его Герм.

— Дай закончить! Он уводит её в пустую комнату, признаётся ей в любви и раскаянии, а потом ставит на четвереньки и хорошенько трахает. Я уже забыл, насколько скучный Аполлон, когда он ни с кем не спит.

— Ладно, тогда с твоим советом я согласен. Полло, ты справишься. Забудь о гордости. И запомни: даже после того, как вы помиритесь, тебе всё равно придётся работать над собой. Терапия — это не так уж плохо, знаешь?

— Совсем нет. — Арес снова барабанит пальцами по моему плечу. — Мне очень помогает.

— Не скажешь... — бормочет Хайдес.

Я шлепком сбрасываю руку Ареса с плеча и так сильно подчёркиваю предложение, что ломаю кончик карандаша. Не потому, что не хочу слушать их советы — я доверяю своим братьям. Просто если я и пойду на терапию, то это должно произойти на моих условиях. В моём темпе. За последние годы я нашёл в себе смелость на множество вещей, не моргнув глазом и молча перенося боль. Но когда речь идёт о том, чтобы вернуть девушку, которую я потерял? Я трус.

Поэтому я позволяю им болтать, притворяясь, будто слушаю. Иногда мычу в ответ, киваю, вставляю несколько достойных «Оскара» «да, конечно» и «ага».

Краем глаза замечаю Хайдеса с прищуренными веками. Он слишком хорошо меня знает и понимает, что я притворяюсь. Но ничего не говорит, потому что знает меня так же хорошо, как любит.

Хайдес меня понимает. Ругает, конечно, и я знаю, что своим поведением в последние месяцы причинил боль и ему, но он отбрасывает всё это в сторону и остаётся рядом. Особенно когда я этого не хочу.

Именно он подходит ближе, оставляя Герма и Ареса продолжать свои разглагольствования.

— Брат.

Я мычу.

— Ты мне доверяешь?

— Конечно.

— Тогда надень что-нибудь, что хотя бы сойдёт за костюм на Хэллоуин, и иди с нами на вечеринку.

Я запрокидываю голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Он стоит надо мной, возвышаясь во весь рост. Не дожидаясь ответа, мягко забирает карандаш из моей руки и закрывает книгу.

— А если она... — шепчу я. — Если она не захочет... если она даже видеть меня не захочет? Даже находиться со мной в одном месте?

Он улыбается.

— Лав тебя не ненавидит, и я уверен, что она хочет тебя увидеть. Но первый шаг должен сделать ты. Понимаешь ведь?

Нет, не понимаю, потому что у меня нет вообще никакого опыта в подобных ситуациях. Я изображаю понимание, кивая, только чтобы не выглядеть тем социально неприспособленным типом, которым являюсь на самом деле. Когда я поднимаюсь на ноги, Арес и Гермес разражаются аплодисментами и ободряющими воплями.

Я заставляю их ждать за дверью спальни, пока переодеваюсь. У меня нет ничего, что хотя бы отдалённо напоминало костюм, поэтому решаю просто выглядеть элегантно. Надеваю белую рубашку, расстёгнутую до середины живота, и чёрные брюки. Распускаю волосы и позволяю им падать на плечи, даже не пытаясь расчесаться. Да к чёрту всё.

Кампус кишит студентами в самых причудливых нарядах. Кто-то выбрал классических призраков, мумий, ведьм и колдунов, другие подошли к делу куда изобретательнее. Всю дорогу до сада кампуса Герм и Арес соревнуются, кто угадает больше персонажей. Мы с Хайдесом молча наблюдаем. Я — потому что вот-вот снова увижу Лав и от одной этой мысли у меня потеют ладони. Он — потому что знает: внутри я умираю от тревоги, и молчание, даже разделённое с кем-то, — единственное, что делает её хоть немного легче.

Её я замечаю первой.

После Посейдона, но только потому, что его голубая голова — единственная такая во всей толпе и всегда служит маяком, по которому можно найти семью в людном месте.

— Эй, народ! — вопит Гермес, размахивая рукой в воздухе. Он начинает трусцой бежать к ним под весёлыми взглядами других студентов.

Я иду вперёд, не отрывая глаз от травы под ногами, но сердце кричит, чтобы я поднял голову и позволил себе ещё раз взглянуть на Лав. Всего один раз.

Я делаю это украдкой, ни разу не поднимая взгляд выше её шеи. Я боюсь встретиться с теми большими сияющими глазами, которые когда-то смотрели на меня с любовью, а в последний раз, когда я их видел, едва удерживали слёзы.

Какого чёрта я с ней сделал?

На Лав невероятно красивое платье: чёрный кружевной корсет и пышная юбка с головокружительно высоким разрезом. Правая нога появляется между складками ткани, и из-за одного этого мне становится трудно даже вспомнить, как вообще ходить по прямой.

Я собираю те жалкие остатки смелости, которые у меня ещё есть, и заставляю себя поднять взгляд к её лицу. Кудрявые волосы собраны в высокий, слегка растрёпанный хвост, подчёркивающий её идеальные черты.

Её глаза первыми находят меня.

И тут же ускользают, не дав мне даже времени обрадоваться.

Она обнимает Гермеса, потом широко улыбается Хайдесу и Аресу. Когда приходит очередь поздороваться со мной, повисает тишина.

— Привет, — первым решаюсь я.

— Привет.

Она говорит со мной вежливо, но с той отстранённостью, с какой говорят с незнакомцами.

Чёрт. Как я мог быть таким идиотом?

Снова видеть её больно. За последние четыре месяца мы, конечно, встречались, но всегда лишь на несколько мгновений. Она продолжала общаться с Гермом, Хайдесом, Хейвен и остальными, только никогда в моём присутствии. Мы сталкивались случайно и всегда расходились, чтобы не устраивать драму и не причинять друг другу лишнюю боль.

Находиться с ней в одном месте дольше пяти минут оказывается настоящим шоком. Мне начинает не хватать воздуха, а земля под ногами будто наклоняется, заставляя терять равновесие. Единственное, что удерживает меня на месте, — она. Она — та неподвижная точка, на которую нужно смотреть, чтобы не упасть.

Мысли несутся со скоростью света, накрывая меня таким потоком, что я не успеваю за ними следить. После расставания я много думал о том, каким мужчиной хочу быть. Не только для Лав, моей семьи и друзей, но и для самого себя. Для того мужчины, который каждый день живёт в этом мире; для разных версий меня, которым приходится справляться с жизнью.

Я не хочу быть человеком, который возводит стену и никого через неё не пропускает. Потому что, когда строишь непроницаемую защиту, рано или поздно люди перестают пытаться её разрушить. Одиночество прекрасно ровно до того момента, пока ты не заберёшься на собственную стену и не заглянешь наружу сверху — только чтобы обнаружить, что там больше никто тебя не ждёт.

Исцелиться от того, что меня сломало, страшно. Это значит снова об этом думать, говорить вслух, осмысливать и проживать заново. А я вырос с убеждением, что самые сильные боли нужно запирать в ящике собственного мозга до тех пор, пока не забудешь даже о существовании этого отделения.

Я тот Аполлон. И какая-то часть меня всегда будет поначалу реагировать именно так. Но я хочу быть и другим Аполлоном — тем, который понимает, что это неправильно, и после первого небольшого срыва выпрямляется и идёт дальше.

Я хочу быть Аполлоном, который остаётся один, когда ему это необходимо, но умеет впускать тех, кому он небезразличен.

Глубоко вдохнуть, подойти и попросить её отойти со мной поговорить. Ничего сложного. Все справляются. Значит, и я смогу.

Но стоит мне сделать шаг, как она уже поворачивается, держась за руки с Хейвен и Герой, и они направляются танцевать.

Я так и замираю, по-идиотски удерживая ногу на весу.

Гермес, наблюдавший ту же сцену, хлопает меня по спине.

— Не сдавайся. Подожди немного, а потом действуй, тигр.

— Какой ещё тигр? Он больше похож на беспомощного детёныша панды, — комментирует Арес с другой стороны.

Отсюда я даже не могу толком её видеть. Игнорирую остальные реплики этих двух идиотов и перемещаюсь в сторону, надеясь сделать это незаметно. Протискиваюсь между пьяными студентами в костюмах, время от времени раздражённо выдыхая, и нахожу уголок, где можно хотя бы нормально дышать. Утаскиваю стакан с одного из столиков с напитками и устраиваюсь под ветвями дерева, прислонившись спиной к стволу.

Делаю глоток, не сводя глаз с Лав.

Тут же морщусь. Водка с чем-то слишком фруктовым и сладким. Редкостная гадость.

Единственное утешение — она. Самое прекрасное зрелище, которое когда-либо увидят мои глаза.

Лав ни разу не оборачивается в мою сторону, но я почти уверен, что она знает: я здесь и смотрю на неё так, словно кроме неё на этой вечеринке никого нет. Никакого удовлетворения она мне не даёт, и меня это вполне устраивает, потому что значит: она всё ещё та самая упрямая девушка, которая с самого нашего знакомства не давала мне расслабиться.

Проблема возникает, когда какой-то незнакомец становится у неё за спиной и наклоняется к ней, чтобы что-то сказать.

Лав улыбается ему — скорее из вежливости, чем от радости.

Он тоже улыбается, только куда искреннее и откровенно заигрывая. Продолжает что-то говорить, и я не упускаю из виду его руку, которая движется слишком уж близко к бёдрам моей девушки.

Бывшей девушки.

Да. Теперь она моя бывшая. Но, надеюсь, ненадолго.

Ревность пожирает меня заживо. Настолько, что, когда его рука ложится на голое предплечье Лав, стакан сминается у меня в пальцах. Липкая жидкость стекает по коже, и я роняю мерзкий напиток на землю.

В следующее мгновение я уже иду к ним. Хейвен замечает меня первой и утаскивает Геру на несколько шагов назад.

— ...мы могли бы пойти... — говорит незнакомец.

— А ты иди отсюда, — отвечаю я. — Без неё.

Глаза Лав мгновенно впиваются в мои, брови удивлённо взлетают.

Парень окидывает меня взглядом, а потом понимает, кто я. У нас уже не та репутация, что раньше, и теперь этот университет нас не ненавидит, но старые слухи всё ещё ходят.

— А может, займёшься своими делами и позволишь ей самой мне это сказать?

Он прав. Зачем я так унижаюсь? У меня ведь даже нет на это права.

Я открываю рот, но не нахожу ответа. Мало того что я влетел сюда и прервал их с ревностью какого-то типичного альфа-самца, так ещё и не способен нормально продолжить разговор.

А теперь я ещё и чувствую, как лицо начинает гореть от стыда.

— Я никуда с тобой не пойду, — нарушает тишину Лав. Она резко дёргает рукой, заставляя его отпустить её. — И никто не разрешал тебе меня трогать.

Он закатывает глаза и уходит, ничего не сказав.

— А ты убери эту самодовольную улыбочку, — бросает мне Лав и поворачивается спиной.

На лицах Геры и Хейвен совершенно одинаковое выражение: широко распахнутые глаза и сжатые губы, будто обе без слов требуют, чтобы я её остановил.

Моя рука вытягивается сама собой. Я осторожно хватаю Лав за запястье. Несколько секунд она колеблется. Потом, словно с опозданием вспоминает, что между нами больше ничего нет, и стряхивает мою руку.

— Что?

— Можешь ненадолго отойти со мной? Куда-нибудь, где никого нет.

Я говорю так тихо, что боюсь: она меня не услышала и придётся повторять. Запас смелости на сегодня уже почти иссяк.

— Пожалуйста, — добавляю я.

Я слишком хорошо знаю Лав, чтобы не заметить, как смягчаются черты её лица.

— Я танцевала с подругами.

Гера и Хейвен тут же спешат вмешаться:

— Мы тебя подождём! Иди, всё нормально.

Я указываю на них с лёгкой улыбкой.

— Видишь?

— Аполлон, чего ты хочешь? — Она, однако, совершенно серьёзна.

— Несколько минут поговорить.

Она прикусывает губу, выдавая эмоции, которые до сих пор от меня скрывала. В конце концов кивает и жестом велит идти. Я веду её в крыло с аудиториями для внеучебных занятий.

Помещение кулинарного клуба — моего клуба — открыто. Свет не включается, но огромные окна сбоку пропускают лунный свет, рассыпая вокруг нас серебристые полосы, и мои глаза быстро привыкают к полумраку.

Лав проходит мимо меня и прислоняется к пустой кухонной стойке. Скрещивает руки на груди и смотрит на меня, ожидая.

— Как ты? — спрашиваю я.

Она даже не моргает.

— Аполлон, я пришла сюда не для светской болтовни о жизни.

— Ты ешь мои маффины?

Что это, чёрт возьми, вообще за вопросы?

— Нет.

Несмотря ни на что, я улыбаюсь. Я знаю, что она врёт. Она любит их больше всего на свете. Я не верил ей даже тогда, когда мы только познакомились и она отказывалась их есть, утверждая, что ей не нравится «Красный бархат».

— Еду выбрасывать нельзя.

— Я отдаю их соседке. Милой старушке, которая их обожает, если тебе интересно.

Врёт.

— Ну, я рад. Правда.

Я позволяю ей одержать эту маленькую победу — думать, что я поверил. Знаю, что ей это нужно, а я никогда не стану лишать её того, в чём она нуждается.

— Я продолжу приносить их тебе. Будем радовать твою соседку.

— Отлично, спасибо.

Я несколько раз провожу ладонями по лицу, словно могу стереть ими всё волнение, которое сейчас испытываю, а потом запускаю руки в длинные распущенные волосы. Хочется, чтобы она сняла резинку с моего запястья и сама собрала мне волосы в хвост, как делала всегда.

Шаг за шагом я приближаюсь к ней — почти нерешительно, осторожно, словно иду навстречу зверю, который намерен меня растерзать. Останавливаюсь рядом. Она не отодвигается и никак не показывает, что моя близость ей неприятна.

— Надеюсь, ты сейчас скажешь, что ты придурок.

— Нет, но ты права. Наверное, с этого и стоило начать.

— Давай. Скажи.

Я вздыхаю.

— Я придурок, Лав.

— Верно.

— Мне жаль.

Она шумно выдыхает. Я не понимаю. Если я извиняюсь и признаю, что был идиотом, почему она не выглядит довольной? Наоборот, такое чувство, будто я только всё ухудшаю.

— Я что-то не то сказал?

Она отталкивается от стойки и встаёт напротив меня.

— Нет. Проблема в том, что ты до сих пор не сказал ничего из того, что я хотела услышать. Ты пришёл сюда только затем, чтобы назвать себя придурком и извиниться? Думаешь, это всё исправит? Думаешь, именно это я хочу услышать?

Я колеблюсь.

— Нет?

Она тихо смеётся, и в её смехе столько обречённости, что меня охватывает настоящий ужас.

— Я вообще не хочу, чтобы ты себя оскорблял. И твои извинения мне тоже не нужны.

— Тогда что…

— Я хочу, чтобы тебе стало лучше! — взрывается она. — Хочу, чтобы ты попросил о помощи, разобрался со всеми своими проблемами! Я не хочу, чтобы первое, что ты сделал после этих месяцев в одиночестве, — пришёл ко мне, начал себя унижать и просить прощения. Я хочу, чтобы ты взял ситуацию в свои руки и помог себе.

Я остаюсь ошеломлённым.

Лав смотрит на меня, хотя я то избегаю её взгляда, то снова возвращаюсь к нему, как тот трус, которым и являюсь.

— Аполлон, я тебя люблю, — шепчет она. — Но я не могу быть с тобой, пока тебе плохо. С тех пор как мы расстались, ничего не изменилось.

— Нет, изменилось. Клянусь тебе.

— Что именно?

Я не знаю, что ответить. Моё понимание самого себя действительно изменилось, и постепенно мозг начинает принимать мысль о том, что мне нужно что-то менять. Но мои поступки пока за этим не поспевают. Я сделал шаг вперёд только в своей голове. На самой дороге я всё ещё стою там же.

Лав вздыхает.

— Я возвращаюсь к остальным.

Она проскальзывает мимо, едва касаясь моего предплечья обнажённым плечом. Её аромат остаётся в воздухе за ней; я даже не знаю, сколько ночей провёл, пытаясь его вспомнить.

— Лав, подожди, — окликаю я.

Она не останавливается.

Мне приходится бежать за ней, следовать из аудитории по коридору и до главной мраморной лестницы. Рядом проходят люди, толком нас не замечая, слишком увлечённые этой дурацкой вечеринкой, которая в Америке воспринимается чуть ли не как явление Мадонны в Лурде.

— Я хочу, чтобы мне стало лучше! — кричу ей вслед.

Это заставляет её остановиться, хотя спиной ко мне она всё ещё повернута.

— Правда хочу. Но больше всего я хочу знать, где моя биологическая мать. Всё ли с ней в порядке, жива ли она, выздоровела ли. Меня забрали у неё, потому что из-за депрессии она не могла обо мне нормально заботиться, но она меня любила, и я любил её. Именно поэтому после того, как история с Пандорой закончилась, я был таким отстранённым. Потому что все вышли из неё с ответами, которых хотели, а я — с последствиями своих травм, раскрытых перед всей семьёй и ЦРУ, и даже без знания, где находится моя мать.

Рея вырастила меня, это правда, и я всегда буду её любить. Но мне необходимо знать и то, где женщина, которая родила меня. Она была хорошей, несмотря на то, как мало могла обо мне заботиться. Она просила у меня прощения, много плакала, целыми днями не могла подняться с постели и всё-таки заставляла себя встать и пойти купить хоть что-нибудь поесть на те крохи, что у неё были.

Только ради меня.

Кронос скрывал от меня любую информацию о ней. Намеренно. Так же как он использовал Хайдеса, чтобы давить на меня, он использовал и её. Теперь я знаю, что защитил Хайдеса. Осталась последняя недостающая часть.

Лав смотрит на меня. Она остановилась посреди лестницы, по которой спускалась.

— Информация находится в личном помещении Кроноса на горе Отрис, под самим Олимпом, — тихо говорит она. — Но остров арестован, туда нельзя попасть…

Я торопливо киваю.

— Знаю, знаю. Я не прошу тебя помочь мне пробраться туда или рисковать работой… Я просто хочу быть уверен, что, когда остров нам вернут, я смогу пойти туда и увидеть всё своими глазами.

— Да, Аполлон. Хорошо.

— Я бы хотел, чтобы ты была там со мной.

Она увлажняет губу языком.

— Аполлон…

Я спускаюсь на одну ступеньку, сокращая расстояние между нами.

— Я стану лучшей версией себя. Не только той, которую ты заслуживаешь видеть рядом с собой, но и той, которую заслуживают мои братья и кузены. И той, которую заслуживаю я сам, чтобы прожить каждый оставшийся день своей жизни спокойнее.

Её глаза заволакивает слезами, и я надеюсь, что они не прольются.

— Пообещай мне.

Я беру её руку и прижимаю к своему сердцу.

— Клянусь тебе, Лав. Я хочу это сделать. Но мне нужно время и твоё терпение.

— Не отгораживай меня. Не всегда, — умоляет она. — Я знаю, иногда человеку нужно побыть одному, это нормально. Но ты изолируешь себя полностью. Иногда впускай нас. Даже если просто для того, чтобы мы были рядом, пока тебе больно. Молча. Просто рядом.

— Да.

— Да?

— Лав, я скорее умру, чем намеренно причиню боль чувствам людей, которых люблю, — признаюсь я. — Даже если в последнее время я этого не показывал, именно так я себя чувствую. Я катастрофа, я знаю, и даже не уверен, что одних извинений хватит, чтобы меня прост…

— Ты прощён и без извинений, — перебивает она. — Мною и всеми, кто в последние месяцы пытался быть рядом, а в ответ получал захлопнутую дверь. Извиниться ты должен перед самим собой — за ту боль, в которой продолжаешь тонуть и даже не пытаешься выплыть. Ты должен попросить прощения у себя, Аполлон.

Я спускаюсь с последней ступеньки, разделяющей нас, и наклоняю голову, пока мой нос почти не касается её.

Я не из тех, кто плачет, но сейчас мог бы рухнуть на пол и разрыдаться как ребёнок.

До сих пор не верится, что в моей жизни есть люди, которые любят меня настолько, что им даже не нужны мои извинения.

— Я так сильно тебя люблю, Лав, — шепчу я.

На её губах появляется намёк на улыбку.

— Ещё бы.

Мой взгляд медленно проходит по каждой черте её лица. Я знаю его наизусть, но мне нужно наверстать четыре месяца, когда я не мог им любоваться. Едва я провожу пальцами по контуру её губ, Лав качает головой.

— И что ты, по-твоему, делаешь? Всё это тебе ещё придётся заслужить обратно.

— Да к чёрту. Я был без тебя несколько месяцев. Мне тебя не хватает как воздуха, Лав. Теперь ты уходишь отсюда со мной.

— Что…

Вопрос умирает у неё в горле и превращается в короткий вскрик, когда я отрываю её от пола и закидываю себе на плечо, словно мешок картошки.

Вот теперь остальные нас замечают.

— Аполлон! — вскрикивает она, изо всех сил пытаясь придать голосу серьёзность. Но у неё всё-таки вырывается смешок, и он даёт мне именно тот заряд, который нужен, чтобы продолжить и ни о чём не пожалеть.

Она лёгкая как пёрышко, а мои длинные ноги позволяют мне широкими шагами быстро добраться до общежития. Ключ я достаю ещё до того, как подхожу к двери своей комнаты.

Оказавшись внутри, я даже не утруждаю себя тем, чтобы включить свет. Заношу Лав в спальню и бросаю на кровать, прямо на белые простыни.

— Аполлон… — снова пытается она, запыхавшись.

В её глазах то же желание, которое я испытываю к ней.

Я хватаюсь за юбку её платья и резко дёргаю, разрывая ткань. Ложусь поверх неё, устраиваясь между её обнажённых ног, и оставляю поцелуй на шее. Стон, срывающийся с её губ, настолько сильный, что я, кажется, никогда его не забуду.

Но прежде чем я успеваю продолжить, она меня останавливает. Обхватывает моё лицо ладонями и прижимается лбом к моему.

— Подожди.

— Жду. Что не так?

— Перед тем как попрощаться с моим братом… — голос у неё ломается. — …ты пообещал ему, что будешь дарить мне только счастливые дни, что мне никогда не будет не хватать счастья.

— Да, и…

Она перебивает:

— А я хочу, чтобы теперь ты дал другое обещание мне.

— Всё, что хочешь, — торопливо отвечаю я.

Я сделаю всё, о чём она попросит. Всё.

— Пообещай, что постараешься быть счастливым и сам. Я хочу, чтобы и у тебя были счастливые дни, Аполлон. Ты не должен всё время думать только о том, что можешь дать другим. Дай что-нибудь и самому себе. А когда не сможешь справиться один — попроси людей о помощи. Пожалуйста.

Я немного отстраняюсь, только чтобы посмотреть прямо в её добрые глаза. Они широко распахнуты и смотрят на меня с такой любовью, которую я никогда не думал найти и которой даже сейчас, кажется, совершенно не заслуживаю.

— Хорошо, — с трудом шепчу я.

Она быстро целует меня, едва касаясь моих губ.

— Хорошо?

— Хорошо.

Мы одновременно киваем.

— Лав?

Она запускает пальцы в мои волосы, а потом ведёт ими вниз по спине, оставляя за собой такую приятную дорожку мурашек, что мои глаза сами собой закрываются.

— Что, любимый?

— Ты — огромная часть моего счастья.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 3. ВРЕМЯ

Эпитет, чаще всего относимый к Аполлону и нередко разделяемый с его сестрой Артемидой, — Феб, буквально «сияющий». Он отсылает как к красоте бога, так и к его связи с Солнцем.

Аполлон

— Ты готов? — спрашивает Лав.

Я киваю, не сводя глаз с двери, на которой висит табличка: **ГОРА ОТРИС**.

Кажется, будто только вчера мы вошли сюда все вместе, а вышли уже без Тимоса. Я до сих пор помню игру, устроенную как телевизионная викторина, публику из манекенов и фальшивого ведущего. Сосуды. Отчаянный плач Гермеса, которому пришлось решать нашу судьбу. И то, как он заставил нас гордиться им, разгадав головоломку.

Остальные в семье не знают, что мы здесь. Я попросил Лав оставить это только между нами, по крайней мере до послезавтра, когда мы вернёмся в Штаты. Если бы я предупредил их, они захотели бы пойти с нами, а я боюсь, что что-нибудь может пойти не так.

Лав заверила меня, что ЦРУ перевернуло весь остров вверх дном и никаких неприятных сюрпризов здесь больше нет. Вся система безопасности горы Отрис отключена; это значит, что мы можем выйти, когда захотим, и не останемся запертыми здесь до тех пор, пока одного из нас не принесут в жертву, как в прошлый раз.

Сегодня по острову бродят и другие группы спецназа SWAT, а также несколько агентов ЦРУ, отправленных сюда вместе с Лав. Они нашли и другие файлы, помимо тех, что хранились в сейфе и которыми Тим сумел поделиться в том числе благодаря помощи Локи.

Лав только вкратце сказала мне, что это такое: видеозаписи игр, которые Кронос и Уран устраивали в своих залах. Каждую партию записывали и архивировали — возможно, ради какой-то более масштабной цели, которой мы пока не понимаем, а может, просто потому, что они были безумцами и получали удовольствие, пересматривая чужие страдания.

У всех нас есть разрешение посмотреть эти записи, но я уверен, что многие члены моей семьи откажутся. Я здесь сегодня в том числе и ради этого.

Я резко толкаю дверь и первым вхожу в Елисейские поля — место блаженства, где обитают души праведников.

Несмотря на всё, что происходило здесь за эти годы, это место до сих пор меня завораживает. Поле искусственное, но каждая деталь кажется настоящей. Деревья и река, бегущая среди пышных трав, навсегда застыли в безупречной красоте подделки и всё же выглядят живыми. Я помню, что во времена Пандоры впечатление было не только визуальным, но ещё тактильным и звуковым. Здесь даже слышались птичьи трели и искусственный ветер, гулявший по всему залу.

Теперь остались только тишина и неподвижность.

Лав ведёт меня к двери, которую мы тогда не открывали. На ней висит надпись: **ТАРТАР**.

Пока мы приближаемся, я бросаю взгляд на поля искусственных цветов, где всё ещё стоят надгробия, посвящённые Афродите, Гипериону, Ньюту, Алетее и Делайле. Единственная красивая деталь во всей этой тайной части острова, и наверняка порождение разума Реи.

За дверью только тёмный коридор и две комнаты по сторонам.

На двери слева красуется вывеска, похожая на те, что висят у входа в игровые залы Олимпа. На ней написано:

ΤΑ ΣΠΛΑΓΧΝΑ ΤΟΥ ΧΡΟΝΟΥ.

Недра времени, — перевожу я про себя.

Справа находится второй игровой зал, который называется **ΑΙΘΗΡ**, «эфир». Самая чистая и высокая область неба, стихия, с которой в мифологии отождествляли Урана.

Я даже не хочу представлять, что могло происходить в зале Урана. Возможно, это единственная правда в моей жизни, которую я не хочу знать.

— Приготовься, — тихо говорит Лав, направляясь к залу Кроноса. — Это место настолько пропитано его самовосхвалением, что становится страшно. А его игра — настоящий кошмар.

Мне хочется рассмеяться, хотя ничего смешного здесь нет. Я жил с Кроносом и прекрасно знаю, на что он способен.

Зал круглый, выдержан в белых тонах, с мраморными элементами. По круглой площадке в центре сразу становится понятно, где проходила игра. Она чуть приподнята над остальным полом. В самом центре стоит статуя, и, постепенно обходя её, я понимаю, что она состоит из пяти мужских человеческих фигур, сливающихся одна с другой. Перед каждой установлена табличка с высеченной надписью.

Первая, та, что смотрит на тебя сразу при входе, — сам Кронос. Это понятно не только из подписи, но и по телосложению и лицу, высеченному с поразительной точностью. В руке он держит серп — извечный символ Титана, которым тот оскопил собственного отца, чтобы захватить власть.

ΧΡΟΝΟΣ, ХРОНОС

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ, ИЗМЕРИМОЕ, ЛИНЕЙНОЕ ВРЕМЯ.

ЭТО ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ТЕЧЁТ. ГОДЫ, ЧАСЫ, МИНУТЫ И СЕКУНДЫ.

Вторая фигура, судя по всему:

ΚΑΙΡΟΣ, КАЙРОС

ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ. ОН ОБОЗНАЧАЕТ НЕ КОЛИЧЕСТВО, А БЛАГОПРИЯТНОЕ МГНОВЕНИЕ.

Из руки второй фигуры словно рождается ладонь третьей статуи, продолжающейся мускулистыми руками и кудрявыми волосами.

ΑΙΩΝ, ЭОН

ЭПОХА, КОСМИЧЕСКОЕ И БЕСКОНЕЧНОЕ ВРЕМЯ.

ОБОЗНАЧАЕТ ВЕЧНЫЙ КОНТИНУУМ, УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЦИКЛ.

Из его волос проступает затылок четвёртой фигуры, выделяющейся густой длинной бородой, спускающейся ниже подбородка.

ΑΙΔΙΟΣ, АЙДИОС

ВЕЧНОЕ, НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Пятая и последняя фигура ниже и менее внушительна, чем остальные, ещё и из-за худощавого телосложения. Остальные выглядят старше сорока, а он, кажется, единственный молодой.

ΔΙΑΣΤΗΜΑ, ДИАСТЕМА
ИНТЕРВАЛ, ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ДВУМЯ СОБЫТИЯМИ.

Вокруг сооружения расставлены сиденья. Первым притягивает взгляд настоящий трон с красной бархатной обивкой и золотой барочной вышивкой. Остальные куда менее роскошны и больше напоминают сложенные вместе мраморные блоки, на которые можно присесть.

За пределами этого центрального круга расположен ещё один, более узкий, словно обрамляющий первый. Его разделяют греческие колонны, поднимающиеся от пола и упирающиеся в потолок. Больше всего он похож на коридор — именно по нему мы с Лав и идём. Когда я уже решаю, что здесь больше ничего нет, мы останавливаемся в глухом углу, где стоит письменный стол с закрытым ноутбуком.

— Здесь всё, — приглашает меня Лав.

Я не колеблюсь ни секунды, хотя руки начинают дрожать, едва экран оживает. Передо мной открывается окно с папками.

Первые названы нашими именами. В них лежат наши свидетельства об усыновлении, результаты тестов, которые проводили в приютах, подконтрольных Кроносу, и наши фотографии, сделанные ещё до того, как мы стали жить с ними. Не желая нарушать личное пространство братьев и кузенов, я подробно открываю только свою папку.

Среди фотографий из приюта одна заставляет меня задержаться дольше. Курсор мигает на экране. Я сижу в саду под ветвями дерева, а вокруг меня стоят пять машинок, собранных из Lego. Воспоминание накрывает внезапно — как что-то, что никогда не исчезало из головы, просто ты не возвращаешься к этому, пока какой-нибудь толчок не заставит память снова ожить.

Я строил много машин, потому что для меня они означали путь к свободе из «Сент-Люцифера».

В следующем файле нахожу видео. Чёрное превью никак не помогает понять, хочу я это увидеть или лучше избежать.

— Это запись твоей игры в Лабиринте Минотавра, когда ты был ребёнком, — объясняет Лав дрожащим шёпотом.

Я хмурюсь.

— Они и это записывали?

Она кивает.

— Есть видео каждого из вас, кто туда входил. Он записал даже Ньюта, когда ты обманул его и заставил играть вместо Хейвен. И есть тот вечер, когда она сама играла против Кроноса.

Чёрт.

Мне не нужно смотреть. Я и без того прекрасно помню каждую секунду внутри. В тот вечер, в наказание за то, что я помог Хайдесу, мне пришлось под угрозой до конца жизни подчиняться приказам отца. Если бы я не был его верным приспешником, он избавился бы от моего брата. Он прекрасно знал, на какие кнопки нажимать.

Я иду дальше, к своему свидетельству о рождении. Не смотрю ни на вес, ни на прочие незначительные детали — сразу перехожу к имени биологической матери.

Лорел.

— Как только вернёмся в штаб-квартиру, проверим это имя по архивам и попробуем её найти. Похоже, она больше не живёт там, где вы находились до того, как вмешались социальные службы.

Я только киваю. Её слова доходят до меня обрывками, а пробелы я заполняю логикой. С того момента, как я прочитал это имя, оно продолжает звучать у меня в голове. Заполняет все мысли и принимает форму каждого слова, возникающего в сознании.

Лорел.

Я просматриваю остальные материалы, но ничего действительно важного не нахожу. Аттестат об окончании школы, программа моего курса медицины в Йеле и данные, связанные с моим игровым залом здесь, на Олимпе.

Я возвращаюсь назад и открываю папку, посвящённую этому помещению.

Передо мной появляется страница с пятьюстами тринадцатью видео, все разной продолжительности. Некоторые идут тридцать минут, другие — до двенадцати часов. Я не понимаю почему.

Я поворачиваюсь к Лав, не задавая вопрос вслух.

Она заметно сглатывает.

— Это всё… партии, которые проходили здесь. Игра всегда была одна и та же. К сожалению, одному из наших пришлось пережить ужасный месяц, чтобы в этом убедиться, просмотрев их от первого до последнего.

— Насколько всё плохо? — шепчу я.

— Четыре участника. Выживает только один.

Три смерти за партию, пятьсот тринадцать партий. Тысяча пятьсот тридцать девять.

Не то чтобы я ожидал, что сюда приходили играть в покер, но и такой бойни представить не мог.

По позвоночнику проходит ледяная дрожь, заставляя меня так заметно напрячься, что Лав начинает волноваться.

— Ты не обязан это смотреть.

— Мне можно?

— Да. На самом деле разрешение есть у всех вас. Но мы не советуем…

Я наугад выбираю файл и дважды щёлкаю по нему едва дрожащим пальцем. Глубоко вдыхаю, прежде чем развернуть видео на весь экран.

Это тот же зал, в котором мы сейчас стоим, только камера установлена так, чтобы в кадр лучше попадали статуя и сиденья. Дверь открывается, и первым входит Кронос — гораздо моложе, чем я его помню, но с тем же безумным взглядом. Внешний коридор, где сейчас стоим мы, занят сплошной вереницей вооружённых мужчин, одетых с головы до ног в чёрное, если не считать белых масок, скрывающих их лица.

— Добро пожаловать на игры Кроноса! — восклицает он, театрально раскидывая руки — один из его любимых жестов.

За ним идут четверо мужчин. Понятия не имею, кто они, и не помню, чтобы хоть раз видел их на деловых ужинах, на которые он заставлял меня ходить. Но я точно знаю, что это одни из тех скучающих богачей, которые приезжали на остров ради галлюцинаций от тяжёлых наркотиков и возможности поставить на кон жизнь и деньги.

У первого азиатские черты лица и чёрные, зализанные назад волосы. У второго тёмная кожа и почти наголо выбритая голова. Третий выглядит выходцем из северных стран: платиновый блонд и голубые глаза. Последний самый неприметный — каштановые волосы, лишний вес и усы над тонкими губами.

Дверь за их спинами закрывается, и двое мужчин перегораживают её, оставаясь сторожить единственный выход.

— Теперь, когда двери заперты, а вы уже здесь, пути назад нет, — объявляет мой приёмный отец. — Теперь, когда вы оказались в зале времени, вы либо играете, либо погибаете. Напоминаю: отказ от участия означает неминуемую смерть. — Он кивает в сторону мужчин в масках. — Единственный способ спастись — довести игру до конца.

Мужчина с азиатскими чертами ослабляет галстук и начинает ходить вокруг сидений.

— Что это вообще за игра, Кронос?

В его голосе слышится насмешка. Я и сам пока не понимаю, к чему Кронос ведёт. Всё похоже на детскую игру со стульями, где после остановки музыки нужно успеть занять место, чтобы не проиграть.

— Как видите, вокруг вас пять сидений. Кроме трона, который предназначен мне и является безопасным, есть только ещё одно, которое гарантирует победу, — объясняет он. — Каждое из остальных кресел означает смертную казнь.

Он усмехается и намеренно делает паузу, чтобы они успели почувствовать тяжесть сказанного. Мужчины смотрят на него в полном недоумении.

— Что? — спрашивает брюнет.

— Смертную казнь, Кронос? Ты шутишь? — добавляет другой.

Кронос садится на трон и закидывает ногу на ногу.

— Трое из вас точно умрут, зато один останется в живых и заберёт деньги из банка игры. Каждый из вас поставил по триста тысяч долларов, я тоже. Полтора миллиона — неплохо, правда?

Никто не издаёт ни звука.

— Нет? — настаивает Кронос.

— Кронос, мы и так все богаты! Нам нахрен не нужны эти деньги, — набрасывается на него блондин на ломаном английском. — Мы не думали, что смерть гарантирована. Мы думали, игра...

Слова путаются у него на языке, и мужчина с азиатскими чертами подходит ближе и хлопает его по плечу.

— Но если правильно выберете, куда сесть, сможете выжить. И никакого давления на вас нет. — Его голос звучит так, будто он разговаривает с группой маленьких детей. — Здесь времени не существует. Можете выбрать прямо сейчас и закончить игру, а можете вообще ничего не выбирать и умереть здесь от голода и жажды. Я не ставлю вам ограничений. Можете потратить столько часов или даже дней, сколько захотите, чтобы принять решение.

— Без воды мы протянем три дня, может, четыре!

Кронос скалится.

— Тогда вам остаётся выбрать: умереть в игре или умереть от обезвоживания, друзья.

— Кронос, у нас семьи! И мы твои партнёры. Мы финансируем это чёртово место, приезжая к тебе каждые выходные. Ты не можешь вот так нас прикончить!

— Ошибаешься. Ещё как могу. Вы всё подписали и не имеете права никому ничего говорить. А теперь перестаньте быть трусами и играйте.

Четверо обмениваются взглядами и тихими репликами, а Кронос барабанит пальцами по подлокотнику трона и осматривает созданный им самим игровой зал с таким восхищением, словно видит его впервые.

Я ставлю видео на паузу и снова открываю папку, теперь уже внимательнее просматривая продолжительность записей, потому что у меня появилась новая информация.

— Здесь есть видео даже по… — шепчу я.

— Двенадцать часов, — заканчивает за меня Лав. — Самое длинное — четыре дня. Они позволили себе умереть от жажды, лишь бы не играть и не погибнуть в самой игре. Обезвоживание было менее болезненным, чем те казни, которые придумал твой отец.

Чёрт.

И правда. Вот запись продолжительностью девяносто шесть часов и три минуты.

Рядом ещё одна — семьдесят семь часов.

Меня мутит от одной мысли об этих мужчинах, запертых здесь внизу, которые предпочитали умереть естественной смертью, лишь бы не принять наказание Кроноса. От того, какой ужас они должны были испытывать и как медленно, мучительно тянулось для них время.

Я возвращаюсь к игре, которую мы начали смотреть.

— Нам хотя бы скажут, какая смертная казнь ждёт на трёх из четырёх кресел?

Кронос указывает на него пальцем.

— Рад, что кто-то наконец об этом спросил. Спасибо за вопрос, Дэвид.

Он хлопает в ладоши, и раздающиеся шаги возвещают о приближении других людей, которые пока ещё не попадают в кадр.

Это четыре фигуры в капюшонах, и, если я хорошо знаю образ мыслей моего отца, они не что иное, как физические воплощения понятий времени, высеченных в мраморе на статуе в центре зала.

Кронос представляет их.

— Кайрос — подходящий момент. Эон — вечный континуум. Айдиос — непреходящее время. Диастема — промежуток времени между двумя событиями. Один из них безопасен. Остальные трое — настоящие палачи, которые приведут ваш смертный приговор в исполнение.

Каждый занимает место за одним из сидений и не произносит ни слова. Они стоят настолько неподвижно, что я почти не вижу разницы между ними и их мраморными изображениями в статуе.

— Кронос, прекрати этот цирк и отпусти нас…

— Судьба каждого из вас будет зависеть от того, какое кресло вы выберете. Одно гарантирует жизнь, я уже говорил. Одно — обезглавливание серпом.

— Что? — выкрикивает мужчина с густыми усами.

— Серп вообще не подходит для…

Кронос смеётся.

— Знаю!

Он хохочет всё сильнее, пока лицо не краснеет.

— В этом и вся прелесть. Чтобы отделить голову, ему придётся ударить несколько раз, так что агония будет весьма впечатляющей. Интересно, кому из вас повезёт…

Меня выворачивает почти до рвоты.

Лав закрыла глаза и только что отвернулась.

— Серп — самый могущественный символ Кроноса в мифологии, — продолжает он. — Символ Титана, который отнял власть у своего отца.

Один из мужчин садится на пол, возможно, окончательно сломленный, и сворачивается там, как ребёнок. Если бы я не знал, что почти все они трусы, мне было бы его жаль.

— Другое кресло предполагает отравление с помощью одного очаровательного создания, которое в некоторых традициях связывают с Кроносом. Змеи. В нашем случае мы воспользуемся прекрасной коралловой змеёй, которая, как вы уже догадались, ядовита. Хотите, я расскажу, что вас ждёт после её укуса?

Никто ему не отвечает.

Он продолжает, ухмыляясь. Чем больше проходит времени, тем сильнее, кажется, Кронос наслаждается происходящим.

— Её яд нейротоксичен, а значит, воздействует на нервную систему. Реакция может начаться через десять минут, а может и через двенадцать часов, и вызывает прогрессирующий паралич, который со временем усиливается, пока не приводит к смерти. Вы почувствуете мышечную слабость и затруднение дыхания, не сможете двигаться. Проще говоря, это всё равно что умереть от удушья.

Участники начинают озираться, словно змея уже может ползать где-то по залу и напасть на них неожиданно.

— Третья казнь посвящена моей любимой жене Рее. Как я надеюсь, вам известно, хотя, боюсь, это не так, поскольку людьми культуры вы никогда не были, когда Кронос начал пожирать собственных детей, опасаясь, что они свергнут его так же, как он сам сверг Урана, Рея придумала хитрость, чтобы их спасти. Вместо Зевса она дала ему камень, завёрнутый в пелёнки, и заставила проглотить. Благодаря этому Зевс смог спрятаться и подготовиться к тому, чтобы победить его.

Я вопросительно смотрю на Лав. Что это может быть за наказание? У меня есть догадка, но я надеюсь, что…

— Вам придётся глотать острые камни. Они повредят пищеварительный тракт — рот, пищевод, желудок и кишечник. Вам будет трудно глотать, вы будете испытывать сильнейшую боль и вас начнёт рвать. Возможны разрывы органов, кишечная непроходимость и внутреннее кровотечение.

Он перечисляет всё это с широкой улыбкой.

— Кронос, умоляю, мы отдадим тебе все деньги, которые…

Кронос поднимает руку в сторону игрока.

— Не смей оскорблять меня такими предложениями, иначе я оскоплю тебя серпом ещё до того, как ты примешь участие в настоящей игре. Жалкий нищий.

Я увеличиваю скорость воспроизведения. Теперь, когда я знаю правила, мне незачем смотреть на отчаяние этих мужчин, которым приходится решать собственную судьбу. Сначала они выбирают вообще ничего не выбирать и позволить текущему времени убить и поглотить их, но затем передумывают и решаются сыграть, в том числе под влиянием слов Кроноса.

Они начинают ссориться, когда по какой-то непонятной причине решают, что одно конкретное кресло и есть безопасное. Мужчина с азиатскими чертами изо всех сил пытается завладеть им, толкает блондина и бьёт мужчину с усами в живот.

Темнокожий мужчина говорит меньше всех и не участвует в этих сценах, а значит, и Кроносу доставляет меньше удовольствия. Он даже будто особо не раздумывает, прежде чем выбрать своё кресло и сесть, ожидая дальнейшего. Лицо у него стоическое, настолько бесстрастное, что я начинаю задумываться, не пытается ли он просто отстраниться от происходящего.

Постепенно каждый делает выбор. С начала игры прошло больше часа. Все уже сидят на мраморных креслах. Мужчина, который раньше сидел на полу, дрожит, лоб покрыт потом, губы двигаются очень быстро, словно он беззвучно читает молитву.

Всех привязывают ремнями, похожими на кожаные, чтобы они не смогли сбежать.

Я думаю о том, полностью ли эта игра случайна — просто повод причинить боль и развлечься чужими страданиями, в лучших традициях Кроноса и Урана. Или всё-таки существует способ выбрать правильное кресло и выжить.

Следующие пятнадцать минут тяжело смотреть даже мне. Несмотря на всё, что я видел за эти годы, порой я отворачиваюсь.

Мужчина, который сел первым и оставался невозмутимым, выбрал выигрышное кресло.

Остальные кричат и дёргаются так сильно, что ремни, удерживающие их, сдирают кожу с запястий.

Я отворачиваюсь, когда мужчину с азиатскими чертами начинают рубить серпом. Лезвие действительно для этого не подходит, как и предупреждал Кронос, и требуется несколько ударов, прежде чем голова отделяется и скатывается к его ногам.

Мужчину с усами, самого испуганного из всех, рвёт прямо на себя. Что, впрочем, никак не улучшает выпавшую ему судьбу: глотать острые камни. Сцена отвратительна, и я не знаю, смогу ли когда-нибудь её забыть. Слёзы. Один из людей Кроноса держит его за голову и заставляет проглатывать камни. Кровь течёт изо рта. Его снова рвёт.

А потом появляется она — маленькая тонкая змея длиной меньше метра. Голова почти не отличается от шеи, глаза маленькие, но от её необычной окраски меня пробирает дрожь. Яркие полосы: красная, чёрная и жёлтая.

По приказу Кроноса змею специально провоцируют, чтобы она кусала мужчину снова и снова и яд наверняка выделился и попал в кровоток.

Но впереди ещё два часа записи, и сначала я не понимаю почему. Пока Кронос сам не произносит это вслух.

Двое других мужчин уже мертвы.

Остались победитель и отравленный.

— Игра не закончится, пока все не умрут, — объявляет Кронос. — Мы будем наблюдать за ним до последнего вздоха.

Я перематываю к последним секундам, потому что смотреть на его агонию уже слишком.

В конце видео Кронос стоит среди трёх трупов. Победивший игрок плачет, хотя выражение лица остаётся бесстрастным. Он тяжело дышит, судорожно выталкивая воздух через нос, а широкая грудь поднимается и опускается в неровном ритме.

— Поздравляю. Ты выиграл своё время на Земле.

Видео обрывается.

Лав уже давно перестала смотреть, и это становится для неё сигналом снова повернуться ко мне. Она осторожно касается моей руки.

— Мне жаль.

— Он... — запинаюсь я. — Он причинил столько боли людям и нам, что иногда я спрашиваю себя, действительно ли меня должно утешать то, что он умер именно так, как умер. Иногда думаю, не хотел ли я, чтобы он умирал в куда большей агонии. Или, может, предпочёл бы, чтобы вы нашли его и он провёл остаток жизни в тюрьме.

Иногда... иногда мне кажется, что для таких людей, как он, просто не существует страдания, достаточно сильного, чтобы вернуть им всё зло, которое они причинили.

— Знаю, — тихо говорит она.

Мы больше не произносим ни слова, а у меня нет ни малейшего желания смотреть другие партии. Всё тело дрожит от ярости и отвращения. Я хочу, чтобы и эту часть Олимпа уничтожили. Хочу, чтобы остался просто остров, который можно построить заново и превратить в счастливое место.

Я хочу оставить позади всё, что случилось со мной здесь.

Я хочу стать новой версией себя.

Только вот... бывают дни, когда я боюсь, что единственный способ это сделать — перестать существовать. Иногда мне страшно, что боль никогда не уйдёт и я обречён на неё навсегда.

Но потом Лав берёт моё лицо в ладони и целует в щёку, и что-то в моём сердце становится на место.

Но потом я вижу своего брата Хайдеса и вспоминаю, ради чего выжил и ради чего хочу продолжать жить.

Но потом я вижу свою семью, вспоминаю, что у меня есть мечты и впереди ещё много лет.

И вспоминаю, что время — настоящее время — не такое жестокое, каким был Кронос.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 4. «ОДИН САНТИМЕТР?»

Согласно мифологии, Аполлон олицетворяет меру, дисциплину, гармонию и контроль. Греческая культура видела в нём идеал совершенной, пропорциональной красоты.

Аполлон

Сейчас одиннадцать утра, когда я выхожу из первого здания на Седьмой авеню в Парк-Слоупе, Бруклин.

Для меня это уже привычка.

Сегодня исполняется ровно пять лет с тех пор, как я начал ходить на терапию к доктору Уилсон. Она женщина средних лет, с серым каре, которое всегда идеально гладко уложено. На лице очки в толстой оправе, за ними — добрые карие глаза.

Тот Аполлон, который возводил стены и оставлял всех снаружи, никуда не исчез, и доктор объяснила мне, что какая-то его часть навсегда останется во мне. Главное — научиться быть ещё и тем Аполлоном, у которого в стене есть маленькая дверца и который в те дни, когда способен на это, впускает внутрь любимых людей.

К собственному удивлению, я обнаружил, что такие дни действительно существуют, вопреки всем моим ожиданиям.

Бывают дни, когда мне нужна помощь Лав. Дни, когда я даже способен плакать перед Хайдесом, позволить ему обнять меня, погладить по волосам и успокоить.

Но самым большим открытием стало то, что… это оказалось не так ужасно, как я боялся. Дать голос всем мыслям, которые годами держал внутри, было всё равно что вынырнуть из воды именно в тот момент, когда чувствуешь, что больше не можешь обходиться без кислорода.

Словно снова начинаешь дышать, только постепенно. Когда физический шок от долгой задержки дыхания проходит, ты жадно хватаешь воздух, стараясь втянуть в себя как можно больше. Тело понемногу привыкает и начинает дышать ровно. Лёгкие перестают гореть, движения грудной клетки замедляются.

После целой жизни, проведённой без воздуха, момент, когда я наконец вынырнул на поверхность, оказался травмирующим. Выбивающим почву из-под ног. Мне казалось, что я умираю, как бы чрезмерно драматично это ни звучало.

Единственные люди, способные вытянуть меня из глубины, — Лав, мои братья, Хейвен и Афина. С кузенами и остальной семьёй я по-прежнему не могу выдавить из себя ни слова, но они всё понимают и не давят.

Арес, правда, тоже протянул мне руку. Это случилось в первый месяц моей терапии, после одного из наших семейных ужинов. Он отвёл меня в сторону, отпустил пару мудацких шуточек, чтобы скрыть неловкость этого слишком личного момента, а потом сказал: если когда-нибудь почувствую необходимость и захочу поговорить, могу обратиться и к нему.

А ещё есть вопрос «биологической матери».

Несмотря на то что её имя и адрес мне известны уже давно, я ни разу не пытался её найти. И одновременно стараюсь как можно чаще навещать Рею в тюрьме.

Из разговоров с ней я узнал, что Кронос назвал ей вымышленное имя и что даже она, в сущности, никогда по-настоящему не знала, кем была эта женщина. Рея попросила Тейю передать мне всё, что ей известно, но, когда ЦРУ попыталось отыскать

эту женщину и проверить достоверность информации, они не нашли никого, чьи данные совпадали бы с моими.

Рея всем сердцем хочет, чтобы я поехал к… Лорел. Лорел. Мне приходится заставлять себя даже просто мысленно произнести её имя. Она говорит, что мысль о том, что хотя бы у одного из нас может быть рядом настоящая мать, «делает её счастливой».

Но я не уверен, что способен начать всё заново с ней. Не уверен, что восстановление отношений с биологической матерью пойдёт мне на пользу.

Я всё ещё думаю о ней, когда сажусь в свой внедорожник. Так и остаюсь сидеть за рулём, неподвижно, блуждая взглядом по приборной панели. С зеркала заднего вида свисают чётки с железным крестом — подарок Ареса на покупку машины.

Лорел.

Теперь она живёт в Портленде. Вышла замуж, и у неё даже есть шестилетняя дочь — ровно столько было мне, когда социальные службы забрали меня у неё.

До Портленда от Нью-Йорка чуть больше пяти часов на машине. С тех пор как я это узнал, не прошло ни дня, чтобы я об этом не думал. Иногда решаю, что обязательно поеду к ней, а иногда хочу оставить всё как есть и больше никогда не пересекаться с ней. Бывает, планирую поездку, а потом всё отменяю. Бывает, даже сажусь в машину с намерением доехать до неё, но на полпути разворачиваюсь и возвращаюсь домой. В одно воскресное утро прошлого месяца я доехал до самого Портленда, припарковался неподалёку от известного мне адреса и просидел два часа в первом попавшемся кафе, глядя в пустоту и пытаясь решить, что делать.

Доктор Уилсон говорит, что такая нерешительность нормальна, и заверяет: со мной всё в порядке и если я хочу её увидеть, и если не хочу встречаться с ней вовсе.

Она также объяснила, что сложные отношения с моим приёмным отцом Кроносом хорошо объясняют мои постоянные метания между желанием приблизиться и стремлением отступить. И что в конечном счёте решение принадлежит только мне, а правильного или неправильного варианта здесь нет. Что бы я ни выбрал — это нормально.

И сегодня, сидя один в машине, я снова ловлю себя на том, что хочу вбить Портленд в навигатор.

Я звоню первому человеку, о котором думаю всякий раз, когда мне тяжело и я понимаю, что один не справлюсь.

Хайдес отвечает после первого же гудка.

— Эй.

— Привет. Я не мешаю?

— Нет, я пью фрап… кофе.

На мгновение я улыбаюсь, но тут же снова становлюсь серьёзным.

— У меня опять странные мысли.

— Лорел? — сразу спрашивает он.

В последнее время, когда я снова и снова прокручивал в голове, встречаться мне с биологической матерью или нет, чаще всего говорил об этом именно с Хайдесом. Однажды вечером он помог мне пережить приступ паники, а потом уложил в постель, как отец укладывает ребёнка.

Я молчу так долго, что он снова заговаривает:

— Хочешь к ней поехать? Опять об этом думаешь?

Я киваю, а потом вспоминаю, что он меня не видит.

— Можешь приехать ко мне? — шепчу я.

Он не спрашивает, где я нахожусь. Не спрашивает, всё ли со мной хорошо. Не тратит время на другие вопросы.

— Скинь геолокацию.

Мне почти слышно, как он встаёт и ножки стула скребут по полу. Тем временем я открываю сообщения на телефоне и отправляю ему точку, где припаркован, — всего в нескольких кварталах от кабинета психолога.

— Приеду, как только смогу.

Это последнее, что он говорит перед тем, как закончить звонок.

Правда в том, что мне не нужно обсуждать с кем-то очередной приступ нерешительности и очередной кризис. Желание поехать к ней сейчас слабое, словно почти погасшее пламя. Проблема — в растёкшемся воске, в остатках того огня, из которых рождается уже другая, настойчивая мысль.

И для этой идеи мне нужны мой брат и девушка, которую я люблю.

Я отправляю сообщение и Лав:

Аполлон: Увидимся дома примерно через час? Если сможешь.

Хайдесу требуется полчаса, чтобы добраться до меня. Он находит мою машину и садится на пассажирское сиденье, не сказав ни слова. Одно его физическое присутствие ослабляет напряжение, сковывавшее всё моё тело. Будто теперь вокруг стало больше кислорода, которым я могу дышать.

Я завожу двигатель и молча выезжаю на дорогу. Хайдес уважает моё молчание и смотрит в окно так, словно происходящее совершенно нормально. Он всегда так делает, когда я звоню ему во время очередного экзистенциального кризиса, а я до сих пор не смог перебороть свою застенчивость и сказать, что ценю это больше любого другого жеста на свете.

Чувствовать себя нормальным — единственное, что мне сейчас нужно.

На первом красном светофоре я нарушаю молчание.

— Я не хочу ехать к Лорел.

— Хорошо.

— Но хочу сделать кое-что другое.

Краем глаза замечаю, как он поворачивается ко мне.

— Я слушаю.

Я жду зелёного. Трогаюсь слишком резко и едва не глушу двигатель.

— Поедем ко мне.

— Чтобы?..

Глубокий вдох.

— Подстричь мне волосы.

До меня доносятся только звуки уличного движения, автомобильные гудки и крики людей снаружи. Хайдес рядом со мной полностью онемел. Несколько раз открывает рот, а потом снова закрывает. Наконец хмурится.

— Один сантиметр?

Мы уже делали это раньше — в тот вечер, когда Уран взломал наши телефоны, чтобы установить приложение «Пандора», которое должно было раскрыть наши секреты. Мой оказался первым: признание в том, что Кронос заставлял меня заниматься сексом с жёнами мужчин, с которыми ему нужно было заключить важные сделки и которых он хотел расположить к себе.

Длинные волосы стали для меня бессознательной защитой от этих женщин. Всё из-за той одной, которая ушла, так и не продолжив секс, только потому, что с длинными волосами я казался ей менее мужественным и менее привлекательным. После этого я позволял им расти и никогда не подстригал, надеясь, что кто-нибудь ещё подумает так же и мне не придётся с ней спать.

Коротко подстричь волосы для меня означало бы отпустить ту часть своей жизни — ту, которую я, конечно, никогда не забуду, но которую теперь наконец могу назвать закрытой главой.

Доктор Уилсон научила меня, что всё, что я выбираю делать для себя и что не причиняет вреда окружающим, — правильно. Даже если поначалу мне от этого больно.

Я понемногу учусь прислушиваться к себе.

И знаю, что должен подстричь волосы.

— Ты уверен? — голос Хайдеса возвращает меня в настоящее.

— Коротко, да. Примерно как у тебя.

Я паркуюсь, затягиваю ручник и всё равно не двигаюсь с места.

— Понимаю, — тихо говорит он. — Тогда подстрижём.

Он отстёгивает ремень и уже собирается выйти, но затем поворачивается ко мне, всё ещё неподвижному.

— Ты ведь умеешь стричь так, как у тебя самого? — уточняю я.

Его губы едва заметно дрожат, уголки ползут вверх — ещё немного, и он рассмеётся.

— Сделаю всё, что смогу. Выходи давай.

Ох. Совсем не это я хотел услышать. И ради чего мы столько лет над ним издевались, если он даже не может гарантировать мне нормальную стрижку?

Моя дверь распахивается. Хайдес уже стоит рядом.

— Давай, брат. Ты пережил вещи куда страшнее, чем стрижка в моём исполнении.

Он не ошибается.

Мы поднимаемся в квартиру, и, когда переступаем порог, Лав уже там. Она ходит туда-сюда по гостиной, скрестив руки на груди, а в глазах полно тревоги.

— Наконец-то! — восклицает она. — Что случилось? Всё нормально?

— Мне нужна была и она, — сообщаю брату. — Но, наверное, стоило хотя бы немного её успокоить после того, как я написал сообщение и исчез.

Хайдес вздыхает.

— *Isos.* («Возможно» по-гречески.)

— Так что происходит?

Я иду к кухонному ящику и достаю ножницы, подходящие для волос. Слегка ими размахиваю и готов поклясться, что оливковая кожа Лав с каждой секундой становится всё бледнее.

— Стрижём волосы. Мне это нужно.

— Один сантиметр? — уточняет и она.

— Нет. Коротко. Как у Хайдеса.

Она широко распахивает глаза.

— Ты уверен, что хочешь это сделать?

— Да. Для меня важнее сам жест. Сегодня я должен их отрезать после стольких лет отказа и травм.

Она тоже не пытается меня переубедить. И, если не считать первого мгновения потрясения, складки на её лбу разглаживаются и исчезают. На лице появляется мягкая улыбка, и она кивает в сторону ванной.

— Идём.

В тот день, когда я подрезал волосы, я был разбит на куски. Мне казалось, сердце вот-вот перестанет биться; всё это время я словно находился без воздуха, с головой под водой и полностью застывшим телом.

Сегодня я уже не разбит, но ещё и не целый. Я человек, который собрал некоторые свои части обратно и ждёт момента, когда сможет соединить все остальные. Я больше не под водой — моё лицо над поверхностью, и я дышу широко раскрытым ртом, пытаясь унять жжение в лёгких.

Я крепко зажмуриваюсь и слушаю, как лезвия ножниц снова и снова смыкаются и расходятся. Руки брата осторожны, хотя иногда я чувствую, как они колеблются. Он говорит, куда наклонить голову, когда держать её ровно и не двигаться, обходит меня кругом и поправляет каждую сторону.

— Готово.

Стоит такая тишина, что удары сердца грохочут у меня в ушах.

Я не смотрю на своё отражение. Первое, к чему устремляется взгляд, — Лав. Она улыбается во все тридцать два зуба, щёки раскраснелись и округлились. Но настоящее чудо — её глаза. Они сияют.

— Я нормально выгляжу? — шучу я.

— Ты прекрасен, — шепчет она.

Хайдес изображает кашель.

Лав фыркает.

— И ты был отличным парикмахером. Молодец.

Он похлопывает меня по плечу, предлагая наконец оценить результат.

И только теперь я встречаюсь взглядом со своим отражением в зеркале. Шок выбивает из равновесия, хотя я и был, и до сих пор остаюсь абсолютно уверен в своём решении. И всё же чем дольше смотрю, тем сильнее узнаю себя.

Всё тот же я.

Только одним грузом меньше.

Один сантиметр был защитой.

А это… свобода.

Будто часть меня заживает; множество маленьких кусочков снова собираются вместе, находят правильное место и соединяются друг с другом.

— Мне нравится, — успокаиваю я его. — Хотя думаю, что это первая и последняя настолько радикальная стрижка. Длинные волосы были щитом, да, но ещё и эстетическим выбором, который мне нравится больше. Просто мне нужно было хотя бы один раз увидеть себя с короткими волосами.

— Иначе ты лишишь Ареса его шуток, а нам будет их не хватать, — шутит брат.

Джаред, Леголас, Тарзан, Иисус… Боже, возможно, стоит пересмотреть решение больше никогда так коротко не стричься.

Внезапно я оказываюсь в крепких объятиях, которые вырывают меня из мыслей. И когда Хайдес отвечает на них, я понимаю, что первым обнял его именно я, и чувствую, как жар разливается по лицу, заставляя меня покраснеть.

— *Sas efcharistó,* — шепчу я, прижимая его крепче. («Спасибо» по-гречески.)

— Не за что.

Я первым размыкаю объятия, потому что на сегодня с сентиментальностью ещё не закончил.

— Я должен кое-что тебе отдать.

Лав уже знает, что именно, потому что только благодаря ей эта вещь оказалась у меня и теперь я могу подарить её брату. Её нашла группа SWAT во время обысков на Олимпе много лет назад. Я так долго ждал, прежде чем отдать её Хайдесу, и сам толком не знаю почему.

Потому что с самого детства тебя до ужаса пугает необходимость показывать чувства и делать настолько эмоциональные вещи, — шепчет часть моего мозга. Та самая часть, которая со временем становится всё яснее, взрослее и осознаннее.

Хайдес приподнимает бровь, и шрам с левой стороны лица слегка искажается.

Я иду в спальню и открываю верхний ящик тумбочки, где уже давно бережно храню эту вещь. Когда протягиваю её Хайдесу, он смотрит так, словно вообще не понимает, что это.

— Это машинка из Lego, — объясняю я.

— До этого я и сам догадался. Но… зачем?

Иногда я забываю, что их воспоминания о приюте пострадали из-за отвратительных настоев из цветов лотоса, которыми нас заставляли пить, чтобы стереть память. Тех самых, которые я тайком вызывал у себя обратно, лишь бы ничего не забыть.

— Садись. Это хорошая история. Я тебе расскажу.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 5. BMX

В семейном контексте Аполлон выступает носителем равновесия и защиты, но при этом способен быть беспощадным. Он часто действует вместе со своей сестрой Артемидой и мстит за мать Латону за нанесённые ей оскорбления и причинённое насилие. Он преданный сын и отец, готовый убить ради своих детей. Но ещё он брат, способный отложить конфликт ради восстановления гармонии, особенно в отношениях с Гермесом.

Он олицетворяет божество, склонное восстанавливать порядок в кровных узах.

Приют «Сент-Люцифер»

Другие дети шепчутся об Уильяме.

Самый распространённый слух — что он немой. Они решили так потому, что он ни разу ни с кем из них не заговорил и они видели, как с сотрудниками приюта он общается только жестами.

Второй по популярности слух, если точнее, даже вопрос: почему у него волосы длиннее, чем у остальных мальчиков. Короче, чем у девочек, но «определённо слишком длинные» для мальчишки.

Некоторые говорят, что он, должно быть, сумасшедший, и специально повышают голос, чтобы он услышал.

Другие бормочут, что хорошо, что он ни с кем не разговаривает, потому что и без того не выглядит приятным.

Уильяму всё равно. Для него «Сент-Люцифер» — ужасное место, где каждую ночь ему приходится вызывать у себя рвоту после странной жидкости, которую его и остальных детей заставляют пить после тестов.

Каждый его день проходит точно так же, как предыдущий и следующий. Подъём в восемь утра, потом завтрак, занятия, обед, час игр и отдыха, предназначенный для того, чтобы дети учились общаться друг с другом, и ужин. В девять все должны быть в постели. В половине десятого выбранных для тестов уводят в скрытое крыло приюта. Их интеллектуальные способности проверяют загадками и заданиями, ответы записывают и фиксируют, а затем отправляют обратно в кровать после настоя из цветов лотоса, который постепенно стирает воспоминания.

Каждую из этих частей дня Уильям проводит один.

Но и это его не волнует.

Единственного ребёнка, который относится к нему не так, как остальные, зовут Малакай. О нём тоже шепчутся, только иначе — со страхом. Дети предупреждают друг друга держаться от него подальше.

Малакай здесь с младенчества: его нашли возле мусорного контейнера, когда ему был всего один день. Уильям часто думает о том, насколько тяжело ему, должно быть, приходится. Ответ приходит сам собой, когда он случайно наблюдает за ним. У Малакая всегда злое выражение лица, словно он ненавидит весь мир, даже самого себя. Слишком сильное чувство для такого маленького ребёнка.

Малакаю, как и Уильяму, плевать на шёпот за спиной. Он настоящий ураган: носится по саду с криками, со всеми ссорится, постоянно получает наказания на занятиях и отказывается есть большую часть того, что ему подают в столовой.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Дети в «Сент-Люцифере» почти боятся его, настолько, что иногда начинают сомневаться, действительно ли именно Уильям здесь самый странный.

Через две недели после появления Уильяма Малакай вдруг замечает, что ни разу с ним не разговаривал. Он видит его там — с чуть длинноватыми каштановыми волосами, тусклыми зелёными глазами и нахмуренным лбом, когда тот пытается собрать из Lego что-то совершенно непонятное.

Всё ещё тяжело дыша после бега, Малакай подходит ближе.

— Эй.

Уильям смотрит на него, а потом возвращается к своей игре.

— Как тебя зовут? — не отстаёт тот.

Никакого ответа.

— Ты немой, как говорят остальные?

Уильям едва заметно улыбается и пожимает плечами.

Ему всё равно.

Детский разум работает странно, необъяснимо и удивительно. Именно эта реакция Уильяма заставляет Малакая сесть рядом. Его короткие ноги широко расставлены, ступни болтаются, потому что он не способен просидеть неподвижно дольше двух секунд.

— Что строишь? — спрашивает Малакай.

Уильям не удостаивает его объяснением. Изо рта не вырывается даже вздоха. Даже движения у него кажутся беззвучными. Единственный звук — стук деталей Lego, которые сталкиваются, соединяются, разбираются и снова собираются.

Малакай изучает незавершённую фигурку так, будто перед ним самая сложная головоломка на свете. Потом начинает догадываться.

Машина?

Он не знает, что Уильям любит автомобили, потому что, будь у него машина, он мог бы сесть в неё и сбежать отсюда. В конце концов, если одна машина привезла его сюда, другая может увезти прочь.

— Это машина! — кричит Малакай, гордый тем, что разгадал загадку.

Уильям кивает — настолько загадочно, что этот жест вполне может означать что угодно.

Когда Малакай берёт деталь Lego, собираясь помочь, руки Уильяма замирают, а глаза мгновенно устремляются на нового товарища. Во взгляде смешиваются оскорблённость и удивление, но новенький этого не замечает. Или, что вероятнее, решает проигнорировать.

За полчаса, вместе и почти не говоря ни слова, они собирают маленькую машинку из Lego. Красную, яркую, с чёрными колёсами. К сожалению, совсем не тот вид транспорта, на котором Уильям мог бы сбежать из «Сент-Люцифера», но благодаря ей он узнаёт, что не все дети считают его странным и не все видят в нём только его избирательный мутизм.

Недели тянутся медленно, но для Уильяма они уже не похожи на прежние.

Появилось кое-что новое: Малакай. Или Кай, как его некоторые называют. После очередных неприятностей и нескольких ссор он ложится рядом с Уильямом и наблюдает, как тот строит из цветных кубиков всё новые вещи. У них даже появляется собственная игра: Малакай должен угадать, что именно пытается построить Уильям. Если угадывает — выигрывает. Что именно, он и сам толком не знает, но ему всё равно весело. А заодно он без остановки болтает, даже не получая ответа.

Честно говоря, в какой-то момент он начинает думать, что детский шёпот — не просто злость, а правда и что Уильям действительно немой. Поэтому однажды спрашивает снова.

Уильям вздыхает.

Малакай навостряет уши.

— Да? Ты не умеешь говорить? Правда?

Он уверен, что Уильям строит книгу.

— Ничего себе, — продолжает он. — Я никогда не встречал человека, который...

— Я умею говорить, — перебивает Уильям самым безразличным тоном, на какой способен. — Просто не хочу.

Малакай остаётся с открытым ртом, не в силах произнести ни слова. Он даже не замечает, что оказался прав и Уильям действительно собрал книгу с синей обложкой.

С того дня один продолжает упорно хранить свой избирательный мутизм, а второй всё так же разговаривает с ним и пытается угадать, что он строит.

Но одно в сердце Уильяма совершенно точно: ему нравятся эти моменты с Малакаем. Настолько, что у него появляется желание и даже потребность как-нибудь это показать. Поэтому иногда он протягивает ему несколько деталей Lego и приглашает строить вместе. За одну неделю у них набирается невероятное количество машин.

Когда Малакай заболевает и вынужден лежать в постели с температурой, Уильяму его не хватает. Он садится играть прямо под огромным деревом, на которое Кай любит забираться, чтобы бросать веточки в других детей.

Но не во всех.

Он целится в самых злых — тех, кто шепчет гадости про него и про Уильяма.

Уильям находит острый камень и, оглянувшись по сторонам, вырезает на коре две буквы.

«В».

«М».

ВМ. Их инициалы.

Проходит три месяца. Занятия продолжаются, приёмы пищи в столовой по-прежнему даются Малакаю тяжело, потому что он никак не может перестать влипать в неприятности, а Уильям строит бесконечное количество вещей, в основном машин. Одних детей усыновляют, другие приезжают. И среди последних появляется одна особенно необычная.

Девочка с длинными рыжими волосами, очень бледной кожей и глазами разного цвета. Один карий, другой голубой.

Дети снова начинают судачить.

Её зовут Хейвен, но кто-то произносит имя неправильно и называет её «Хэвен» — как «рай».

В первый же день Хейвен и Малакай ссорятся. Он забирается на большое дерево в саду и начинает срывать один лист за другим и сбрасывать их на неё, а она не может залезть наверх с такой же лёгкостью.

На второй день лучше не становится.

На третий дети уже шепчутся, что и от Хейвен стоит держаться подальше — такая же странная, как Кай. Единственный плюс в том, что теперь он слишком занят тем, что донимает её мелкими пакостями, и почти не мешает остальным.

На четвёртый день Хейвен садится рядом с Уильямом на занятиях. Представляется, протягивает ему маленькую ладонь, как видела у взрослых, но он даже не смотрит в её сторону.

Хейвен, впрочем, всё равно.

Тем же днём после обеда она снова подходит к нему — ещё до того, как Малакай успевает найти её ради очередной перепалки и новых шалостей.

— Привет, Уильям.

Он резко поднимает голову, и, когда смотрит на неё, зелёными глазами встречаясь с её разноцветными, его охватывает такое чувство спокойствия и защищённости, что он даже рот приоткрывает от удивления.

— Отстань от него! — восклицает Малакай, внезапно появляясь рядом. — Она зануда!

Хейвен слабо толкает его.

— А ты обезьяна, которая вечно лазает по дереву!

— Зато я умею лазать, морковная башка.

— Зато мне брокколи силой в рот не запихивают, потому что я плачу и не хочу их есть.

— Брокколи отвратительные!

— Они вкусные. Ты просто маленький.

— Ты тоже маленькая, дура! — Кай стучит друга по голове. — Уильям, кто прав? Тебе они нравятся?

Тот пожимает плечами.

— Нормальные.

Оба широко распахивают глаза, поражённые тем, что услышали его голос. Для Малакая это всего второй раз за многие месяцы. Для Хейвен — первый, хотя она здесь меньше недели.

Но больше Уильям не произносит ни звука. Он позволяет Хейвен и Каю играть с Lego и строить вместе с ним, однако слова и разговоры оставляет им. А разговоры эти частенько превращаются в жаркие споры.

Сколько бы они ни ругались, Кай и Хейвен всегда вместе. Два огня, которые уравновешивает спокойная, тихая вода Уильяма.

Они странное, необычное трио. Остальные дети всё ещё шепчутся — они никогда не перестают, — но теперь не подходят близко и обязательно проверяют, чтобы никто из троих не услышал, что говорят у них за спиной.

Уильям удивляет всех, когда начинает разговаривать. Тихо, только с Хейвен и короткими фразами. Его речь совсем не похожа на то, чего ожидаешь от ребёнка: в нём будто живёт зрелость человека, которому пришлось самому заботиться о себе, потому что его матери было слишком плохо, чтобы делать это за него.

Для своего возраста Уильям обладает интеллектом выше среднего. Тесты показывают это совершенно ясно: у него не только более богатый словарный запас, он отлично справляется с числами, логическими задачами и решением проблем. Именно последнее качество особенно сильно впечатлит Кроноса и Рею Лайвли: какую бы ситуацию ни поставили перед Уильямом, он всегда находит способ выбраться из неё и решить проблему.

Странная супружеская пара начинает навещать Уильяма всё чаще, и он это замечает, хотя ничего не говорит. Каждый раз, когда они останавливаются рядом, чтобы немного поболтать, Уильям смотрит только на Рею — прекрасную женщину с

волосами цвета пшеницы и мягкой улыбкой. В Кроносе есть что-то, что ему не нравится, хотя желание покинуть «Сент-Люцифер» сильнее дурного предчувствия, которое тот вызывает.

Во время их пятой встречи мужчина делает нечто странное.

— Привет, Аполлон. Как ты сегодня?

Это вынуждает его заговорить.

— Аполлон?

Кронос наклоняется, чтобы оказаться с ним на одном уровне и посмотреть прямо в глаза.

— Ты хотел бы иметь семью, которая будет о тебе заботиться? Красивый дом и никаких этих никчёмных детей, которые тебе мешают?

Что-то блестит в глазах Кроноса. Искреннее намерение дать ему всё, что он обещает, но вместе с ним — и нечто куда более зловещее.

— Мы усыновим тебя, Малакая и Хейвен, и будем счастливой семьёй, — добавляет он.

Услышав их имена, Уильям чувствует, как что-то внутри сдвигается, заставляя забыть неприятное ощущение, которое вызывает Кронос. Мысль о том, что их не разлучат, заставляет его почти мгновенно кивнуть — с таким энтузиазмом, которого он никогда прежде не проявлял.

Кронос выглядит довольным. Больше ничего ему не говорит и направляется к Александрии, директрисе приюта, которая ждёт в углу сада.

Рея наклоняется к Уильяму, рассматривая его постройки из Lego.

— У тебя так много машин.

Он мычит.

— Тебе нравятся автомобили?

— Только потому, что это единственный способ сбежать отсюда.

От этой фразы Рея леденеет. Тело застывает, а улыбка исчезает. Она надеется, что Кронос окажется не таким, как Уран, и что эти дети действительно смогут стать счастливыми рядом с ними, покинув «Сент-Люцифер». И всё же та её часть, которая по-прежнему хочет отрицать очевидное, убеждает себя, что любое место лучше одиночества в приюте.

Так и должно быть.

Но у жизни всегда свои планы, не совпадающие с теми, которые строим мы.

Однажды Хейвен удочеряют.

Но не Кронос и Рея, как он обещал Уильяму.

В одно мгновение начинается паника. Уильяму настолько больно, что он даже не способен открыть рот и попрощаться, а Малакай бросается на сотрудников приюта, которые ведут Хейвен к новым родителям. Маленький ребёнок, но с силой настоящего демона. Ему удаётся укусить одну женщину за икру и замедлить её; его тут же хватают другие и поднимают в воздух, пока он брыкается, вырывается и кричит имя Хейвен.

— Уилли, помоги мне! Они её уводят! — вопит он.

Уильям опускает голову. Прядь волос падает на лицо, скрывая его часть.

У него не хватает смелости даже посмотреть вслед Хейвен. Он не хочет видеть, как она уходит. Не хочет снова переживать то, что чувствовал с матерью, когда социальные работники взяли его за руку и вывели из обшарпанной квартиры, а она кричала, плакала, умоляла не забирать его и временами становилась агрессивной. Тогда её тоже удерживали силой — точно так же, как сейчас держат Кая.

Уильям не способен пережить ещё одно прощание.

С того дня Малакай ждёт возвращения Хейвен на самой высокой ветке дерева, чтобы видеть поверх ворот приюта и надеяться заметить её рыжую голову.

Уильям ждёт внизу, у основания дерева, со своими Lego. Он продолжает строить машины. Теперь уже не для того, чтобы самому сбежать из «Сент-Люцифера», а чтобы добраться до своей маленькой подруги, где бы она ни находилась.

— Продолжай строить их вместе со мной, — подбадривает Малакай. — Тогда мы сможем поехать её искать.

И Малакай продолжает — с той же целью и с той же надеждой в сердце снова увидеть Хейвен.

На стволе дерева рядом с буквами «В» и «М» он вырезает ещё одну — «Х».

BMX.

Уильям, Малакай, Хейвен.

Каким-то образом эти буквы становятся для него символом семьи. И теперь у него есть только одно желание — снова найти Хейвен и однажды добавить к ним новые.

Он ещё не знает, что когда-нибудь так и будет.

A3X2.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА НЕБЕС. Хайдес и Хейвен

Глава 1. БРАТЬЯ

Персефона, дочь Деметры, богини урожая и полей, была молода и прекрасна и проводила всё своё время на природе, играя с цветами.

Однажды в земле разверзлась огромная трещина, из которой появился Аид, бог подземного мира. Без памяти влюбившись в Персефону, он похитил её и унёс в мир мёртвых.

Хайдес

— Ну так что думаешь о причёске? Тебе нравится? — спрашиваю я, поглядывая на неё через зеркало.

В ответ — ничего. Только пустой взгляд.

— Ну да, вообще-то мне не нужно ничьё подтверждение. Мои волосы всегда великолепны, просто… сегодня особый случай, понимаешь? Они должны быть ещё прекраснее, чем обычно, — настаиваю я.

Сегодня двадцать третье сентября, и я женюсь.

Сегодня я женюсь на женщине всей моей жизни, на той самой занозе в заднице, которую пять лет назад встретил у лестницы западного крыла Йеля. И которой сунул в руку своё надкусанное яблоко, потому что… ну, объяснить причины сложно. Спустя пять лет я и сам до сих пор их не понимаю.

Она по-прежнему молчит, но через несколько секунд на её губах появляется подобие ухмылки.

Я тут же улыбаюсь в ответ. От одного её улыбающегося лица моё сердце едва не лопается от счастья. Когда-то вещей, способных сделать меня счастливым, было до смешного мало, и я бы никогда не поверил, что однажды жизнь подарит мне их столько.

— Ты же понимаешь, что она новорождённая и ответить тебе не может, да, идиот? — выпаливает Арес, развалившись на диване со скрещёнными на груди руками.

Маленькая Ника Лайвли, моя дочь, издаёт пронзительный вопль, словно поняла, что дядя только что оскорбил её отца.

Арес вздрагивает.

— Спокойно, мелочь, спокойно.

Аполлон, безупречно собранный и элегантный, сидит в небольшом кресле, обитом красным атласом, и тихо посмеивается.

— Я боюсь этой девочки и того, какой её вырастят Макако и Коэн, — продолжает Арес. — Они научат её метать столовые приборы раньше, чем ходить. Она станет угрозой обществу.

— Я тоже так думаю, — поддакивает ему Аполлон.

Что довольно иронично, учитывая игры моего брата с верёвкой и табуреткой, но… не будем об этом.

— Макако посадит её под домашний арест, если заметит хоть один секущийся кончик, — не унимается Арес. — А если к двадцати она хотя бы на спор не покажет грудь кому-нибудь, кто ей нравится, Хейвен от неё отречётся и отдаст на усыновление.

— Ты перегибаешь, Арес. Предупреждаю, — шиплю я, ещё раз поправляя свои чёрные пряди. — Сегодня у меня хорошее настроение, но даже оно не помешает мне разбить тебе лицо.

Арес театрально распахивает глаза и прижимает ладонь к груди.

— Нельзя говорить такие вещи перед Господом нашим Иисусом Христом.

Аполлон начинает подниматься.

— Я тебе сейчас тоже разобью…

— Эй, народ, как жизнь? — раздаётся весёлый голос Гермеса, и тот входит в комнату совершенно голый, а его светлые кудри усыпаны золотыми блёстками.

Он сразу замечает сжатый кулак Аполлона и моё серьёзное лицо.

— Что происходит? — Он торопливо хватает нашего брата за плечи и толкает обратно, заставляя снова сесть.

— Обсуждаем Нику и то, какой она вырастет с двумя чокнутыми родителями, — объясняет Арес. — Я ставлю на то, что к восемнадцати её арестуют за непристойное поведение в общественном месте.

Он сегодня явно нарывается. Что до меня, мы вполне можем спокойно провести свадьбу, отпраздновать, а потом сразу перейти к его похоронам.

Гермес проходит перед нами, с присущей ему невозмутимостью выставляя напоказ всё своё хозяйство. Кажется, к этому моменту его голым я видел уже чаще, чем Хейвен.

— Я бы на вашем месте, — начинает он, — лучше переживал, как бы она не получила права раньше тебя.

— Я никогда не говорил, что у меня их нет, — парирует Арес.

— Значит, они у тебя есть, — тут же отвечает Аполлон.

— Этого я тоже никогда не говорил.

Мы с братьями переглядываемся. В их глазах отражается ровно то же раздражение, которое чувствую я. История с водительскими правами уже превратилась в величайшую тайну нашей семьи. После того как мы раскрыли прошлое Хейвен и Кроноса, Ареса и его близнеца, тайны приюта и Пандоры, осталось выяснить только одно.

Есть у Ареса Кейдена Лайвли водительские права или нет?

Каждый раз, когда мы пытаемся спросить его напрямую, всё заканчивается там же, где началось.

Я поворачиваюсь к нему и пригвождаю к месту самым убийственным взглядом, на какой способен.

— Чёрт, — произносит Лиам, сидящий в углу комнаты рядом с Посейдоном и набивающий рот пирожными, которые стащил с нашего свадебного кейтеринга. С тех пор как увидел их и получил от меня разрешение попробовать, он почти не закрывает рот. — Выражение лица Хайдеса напоминает мне Йель. Те времена, когда он ходил по университету с яблоком в руке и видом человека, который мечтает взорвать весь кампус.

Гермес мгновенно оживляется.

— Пирожные? Кинь мне одно, Лиам!

Лиам бросает ему шоколадный мини-маффин, покрытый красной глазурью. Меткость у него так себе, а Гермес из тех людей, которым нельзя доверить даже мяч об пол отбить. Пирожное врезается брату прямо в грудь, а потом падает на пол, оставляя на его бледной коже цветной след глазури.

Как ни в чём не бывало, Герм собирает её пальцем и облизывает.

— М-м-м, вкусно.

— Герм, нет… — кричит Аполлон, подавшись вперёд и вытянув руку.

Но тот уже поднимает маффин с пола и целиком запихивает себе в рот.

— Фто? — спрашивает он с набитым ртом, разбрызгивая крошки.

Я отворачиваюсь с отвращением, словно вижу подобное впервые.

— Ты можешь, ради бога, пойти одеться? Здесь моя дочь, и она не должна видеть тебя голым, — отчитываю я его.

Он вскидывает руки к потолку.

— Эй, я специально встал в этот угол, откуда мой Цветочек меня не видит. Расслабься, Дива.

Я подбираю халат, брошенный на пустое кресло, и швыряю ему. Гермес молча надевает его и завязывает пояс, прежде чем показаться в поле зрения племянницы. Затем берёт её на руки и начинает осторожно покачивать, шепча ей детским голосом всякие глупые, но милые словечки.

До свадьбы остаётся три часа, и праздновать мы будем на Олимпе. Лабиринт мы уничтожили уже чуть больше года назад, игровые залы закрыты, а к следующему году их окончательно снесут.

Когда церемония закончится, мы с Хейвен покинем остров и отправимся в медовый месяц, а остальные вернутся к своей обычной жизни. Теперь наш дом — Соединённые Штаты, но, когда нам хочется побыть всем вместе вдали от всего мира или просто устроить себе отпуск, мы возвращаемся сюда. Мы делаем это, чтобы победить тяжёлые воспоминания, связанные с этим местом, и ради Реи, которая пожертвовала собой ради нас. Даже самые тёмные места способны увидеть свет, если наполнить их людьми, которых любишь.

Конечно, зачастую я с удовольствием обошёлся бы без Ареса и Лиама, но… это безнадёжная битва.

— Значит, через три часа ты женишься, — вырывает меня из мыслей Лиам, облизывая испачканные кончики пальцев. — Как ощущения? Волнуешься? Тревожно? Нервничаешь? Боишься споткнуться? Или что Хейвен передумает и сбежит? Или что объявится отец Урана и скажет, что наши проблемы ещё не закончились? Или что…

— Мне больше нравилось, когда он читал нам свои стихи, — бурчит Аполлон.

Я выдавливаю улыбку.

— Всё хорошо, Лиам. Я счастлив.

— Не похоже. Хочешь, попрошу у Поси немного травки, чтобы ты расслабился?

— Нет, спасибо. Я в порядке.

— Ты выглядишь напряжённым.

Я шумно выдыхаю.

— Потому что ты меня бесишь.

— А, ладно. Тогда я очень медленно отойду назад и буду держаться от тебя подальше.

Несмотря ни на что, я смеюсь.

— Всегда можешь выпустить пар, написав пост в Tumblr, — поддевает меня Гермес, потираясь носом о пухлую щёку моей дочери. — Только не говори, что перестал им пользоваться.

Я расправляю плечи.

— Конечно перестал. Это всё в прошлом.

Четыре пары глаз устремляются на меня, безмолвно вынося приговор. Даже моя дочь смотрит так, будто не верит ни единому моему слову.

Арес ухмыляется и садится. После того как он последний час валялся на диване как собака, его элегантный костюм весь измялся.

— Мы знаем, что ты завёл новый тайный профиль.

— И мы его найдём! — обещает Гермес. — Найдём и жизни тебе не дадим, братишка.

Аполлон, подпирающий голову рукой, вздыхает.

— Не переживай, я — нет. Мне неинтересно. Это только им двоим больше нечем заняться.

Арес вдруг вскакивает на ноги и подходит ко мне. Блеск в его тёмных глазах совершенно меня не успокаивает. Обычно, когда у него появляется такой взгляд, он либо собирается сказать какую-нибудь глупость, либо уже придумал очередную хреновую идею.

— Давай заключим сделку: ты прямо сейчас говоришь нам, как называется новый блог, а мы никогда не расскажем Нике, что ты сидел в Tumblr.

Я распахиваю рот.

Они теперь ещё и шантажируют меня?

— И ещё не расскажем ей, как ты висел на деревьях в саду Йеля с гроздью бананов на коленях, — добавляет он.

Я хмурюсь.

— Но я никогда такого не делал! — возмущаюсь.

Он пожимает плечами.

— Она-то этого не знает. Кому она поверит? Своему прекрасному дяде или отцу?

— Полагаю, отцу, хера здорового.

Арес распахивает глаза.

— Хелл рассказала тебе мои размеры? Чёрт, а я думал, это останется между мной и ней.

Я отталкиваю его ладонью, пока Гермес, Аполлон и Лиам покатываются со смеху. В этот момент дверь комнаты, где я готовился последние несколько часов, распахивается.

Наконец-то ещё один человек, который вместе со мной и Аполлоном хоть как-то компенсирует недостаток мозгов у Лиама, Герма и Поси.

Афина.

На ней уже платье подружки невесты: простое бордовое атласное платье с вырезом сердечком, прямой линией ниспадающее вдоль её стройной фигуры. Теперь её чёрные волосы коротко острижены до ушей — эту стрижку она выбрала несколько лет назад и с тех пор ни разу не меняла. Именно такую хотела для неё Афродита, а наш отец Кронос запрещал, потому что она была «недостаточно женственной». Афина решила носить её до конца жизни, словно оставляя в себе постоянный след нашей сестры.

Лиам подносит два пальца ко рту и одобрительно присвистывает.

Она закатывает глаза, а потом переводит взгляд на меня.

— Мы можем отнести Нику к Хейвен?

— Конечно, — отвечаю я.

Афина кивает Лиаму и Поси, поручая им отвезти малышку вместе с коляской в комнату, где готовится моя будущая жена.

Когда мы остаёмся одни, я понимаю, что на этом всё не закончилось. Она указывает на Аполлона и Гермеса, а потом на стеклянную дверь, ведущую на длинную террасу.

— Выйдем ненадолго.

— О, отлично, да! — Арес подпрыгивает на месте.

— Только братья и сестра. Кузены не допускаются, — уточняет она.

— Почему?

— Потому что ты задолбал.

Арес начинает шипеть на неё, как змея; несмотря на это, он понимает, что нам нужно побыть вчетвером, и не пытается навязать своё присутствие. Он направляется к двери, но в последний момент оборачивается и смотрит на меня.

— Увидимся на свадьбе. — Он театрально шевелит пальцами. — Только не думай обо мне слишком много, когда будешь целовать Коэн. Я-то знаю, что ты довольствуешься ею лишь потому, что не можешь заполучить меня.

Я массирую переносицу, пытаясь отвлечься от покалывания в пальцах, которое так и подталкивает меня отвесить ему пощёчину. Не делаю этого только потому, что нанёс два слоя питательного крема, чтобы на фотографиях мои руки тоже выглядели безупречно.

— Иногда я забываю, что вы двое несколько лет назад целовались, — замечает Аполлон.

Гермес ухмыляется.

— О, я-то никогда этого не забывал. Одно из лучших моих воспоминаний.

— Пока, любовь моя! — пропевает Арес, исчезая за дверью.

Даже когда он уже идёт по коридору, мы всё ещё слышим его вопли.

— Коэн, открывай! Пора готовиться к свадьбе под Britney Spears, ну же! И надеюсь, у вас там полно вина, иначе притащим Аполлону кувшины воды и дадим ему поколдовать в стиле Иисуса!

Мы слушаем, пока не раздаётся хлопок двери. Проходит пять секунд — я отсчитываю их про себя, — и помещение взрывается первыми нотами Toxic.

Тем временем Афина ведёт нас наружу, хотя мы и без того знаем, куда она хочет пойти. В одно из мест, где летом мы проводили лучшие дни. Когда эта жизнь становилась слишком тесной, когда Кронос не давал нам покоя, а мы были марионетками в его руках. Самое простое и банальное место на свете, куда он только мог нас привести, и всё же самое лучшее: частный пляж.

Мы садимся на песок бок о бок, спиной к дому и лицом к спокойному, прозрачному морю, и молча слушаем шум волн. Едва заметный ветерок делает жару не такой душной. Запах соли напоминает мне обо всех полуночных купаниях в подростковые годы.

— Как насчёт последней игры между братьями и сестрой? — предлагает Гермес.

Если бы мне пришлось поставить на то, кто из нас четверых первым нарушит тишину, я бы поставил всё на него.

И если бы Афродита всё ещё была здесь, уверен, она бы тут же поддержала эту идею.

— Почему «последней»? Я женюсь, а не на войну ухожу.

— Скоро поймёшь, что жизнь мужа с маленькой дочкой, которая обсирается каждый час, не оставляет много времени на те же вещи, которыми ты занимался раньше, — парирует Герм.

— Новорождённые не пачкают подгузник каждый час, — уточняет Аполлон.

— Это была ирония. Какой же ты зануда.

— Что за игру ты придумал? — перебиваю я их, прежде чем они начнут препираться.

Гермес широко разводит руки перед собой, будто изображает появление огромного эпического заголовка.

— Игры Богов: последняя партия олимпийцев.

Несколько мгновений мы молчим, и пауза затягивается настолько, что Афина раздражённо выдыхает.

— Я привела вас сюда, чтобы мы спокойно провели время как братья и сестра, только вчетвером, а вы, как обычно, всё портите.

— Дай ему шанс. Послушаем, в чём игра, — возражаю я.

— Назовём её… «ФантаСвадьба Див». — Он пересаживается перед нами, скрестив ноги. — Делаем ставки на то, что сегодня произойдёт на свадьбе. Каждый предсказывает какое-нибудь конкретное событие, а в конце вечера проверяем, что действительно сбылось.

О.

Должен признать, мне нравится.

Конечно, это не одна из тех адреналиновых и опасных игр, в которые мы играли раньше, но, пожалуй, настало время для чего-нибудь лёгкого и весёлого.

— Я первый, — продолжает он. — Ставлю на то, что через полчаса после начала приёма Нис и Поси уже будут пьяными и с расстёгнутыми рубашками.

Я морщусь.

— Слишком просто. Это не ставка, а заранее известный исход.

Зная их, они вполне могут быть пьяными уже сейчас.

— Я ставлю на то, что, пока вы с Хейвен будете произносить клятвы, слышно будет только рыдания Лиама, — наступает очередь Аполлона.

Герм указывает на него пальцем.

— Хорошая.

Афина вступает:

— А я, к сожалению, ставлю на то, что, когда за ужином дойдёт до тостов и речей, Лиам выдаст стихотворение с парной рифмой, которое сочинил для тебя и Хейвен.

Боже, надеюсь, нет.

Но вероятность очень высока.

Особенно потому, что вчера утром я видел, как он записывал в блокнот все слова, которые рифмуются со словом «свадьба». Учитывая, что краем глаза я заметил там нечто вроде «усадьба» и «погибель», мои ожидания ниже обычного.

— Я ставлю, что… что… что… — Я даю себе время подумать, а потом мысль внезапно проносится в голове. — Ставлю на то, что сегодня ночью по небу пролетит падающая звезда. И это будет пожелание счастья от нашей сестры.

Все трое смотрят на меня с непроницаемыми лицами, пока по щеке Гермеса не скатывается одинокая слеза, которую он тут же быстро стирает.

— Проклятье, зачем ты скатился в сентиментальность? Я вообще-то говорил о пьянках, тайных перепихонах в темноте, траве и всякой фигне…

Я улыбаюсь и протягиваю руку, чтобы взъерошить его кудри. От движения с них осыпается целый дождь блёсток.

Аполлон обнимает меня мускулистой рукой за плечи и притягивает к себе с той застенчивостью, которая свойственна самому сдержанному и спокойному из братьев. Это длится всего несколько секунд, но для меня они стоят целой жизни.

— Это будет прекрасный день. Поздравляю, брат.

Я знаю, что так и будет.

Во-первых, потому что рядом Хейвен и сегодня официально начинается наше «навсегда».

Во-вторых, потому что рядом моя семья.

И да, включая Лиама. Хотя бы про себя я могу это признать.

— Но наши отношения и безграничная страсть к играм от этого не изменятся, — продолжаю я с абсолютно серьёзным лицом. — Более того, знаете что?

— Что? Название твоего нового секретного профиля в Tumblr? Ну пожалуйста!

— Прекрати, Гермес, — обрываю я его.

Афина хихикает и швыряет в него горсть песка.

— Что скажете, если мы продолжим наши Игры Богов, но уже ответственно? Версия «Лайвли, которым вообще-то надо ещё как-то жить во взрослом мире».

Я сразу замечаю, как они выпрямляются, а в глазах вспыхивает то, что я совершенно точно могу назвать нездоровым любопытством.

— Будем устраивать наши игры каждую пятницу вечером. Собираться дома у того, кто их организует, вместе со всей остальной семьёй и играть все вместе.

Гермес уже улыбается.

Аполлон хмурит лоб и прикусывает губу.

— То есть вместо воскресных семейных ужинов, как у нормальных людей… у нас будут пятничные игровые вечера?

Я киваю.

Не проходит и нескольких секунд, как все разражаются одобрительными возгласами. Не ожидал, что Аполлон согласится. Я уже успел представить бесконечный спор между мной, им и Гермесом, пока мы пытаемся его уговорить.

— По-моему, хорошая идея. Хорошее новое начало, — наконец вздыхает Тена, глядя на ясное небо над нами. Облаков совсем немного — ровно столько, чтобы солнце продолжало сиять, но при этом обещало красочный закат.

— А мы точно справимся? — тихо спрашивает спустя некоторое время Гермес. — Ну, в смысле, взрослые обязанности — штука серьёзная. Не то что прогулять пару в Йеле или перенести экзамен.

— Вообще-то и это было серьёзно, Герм, — одёргивает его Аполлон.

Тот тут же передразнивает его, и мне снова приходится вмешаться:

— Конечно справимся. А3Х2 навсегда, помните? Где бы мы ни были, семья всегда будет собираться вместе.

Афина первой кивает, едва заметно улыбаясь.

— А3Х2, — шепчет она.

И даже если теперь нам не хватает одной «А», мы всё равно всегда останемся А3Х2. Пусть её не видно, пусть к ней нельзя прикоснуться — я чувствую эту «А». Мы все её чувствуем. В каждом месте, куда отправляемся, на каждом празднике, который отмечаем, в каждом нашем смехе и в каждом слове любви, которое говорим друг другу.

Неважно, сколько времени пройдёт, мы всегда останемся пятью братьями и сёстрами, которые любят играть.

И будем играть всю жизнь.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. «ШЕСТЬ ЗЁРЕН — И ТЕПЕРЬ ТЫ МОЯ»

Деметра начала повсюду искать дочь и, обезумев от отчаяния, перестала заботиться о растениях, вызвав великий голод. Природа уснула, а люди страдали без её даров. Тогда Зевс решил вмешаться и приказал Аиду вернуть Персефону Деметре. Аид согласился, но прежде чем отпустить её, дал ей съесть шесть зёрен граната, из-за которых она была вынуждена возвращаться в царство мёртвых на шесть месяцев в году.

Так древние объясняли смену времён года: когда Персефона возвращалась на землю, Деметра пробуждала природу — наступали весна и лето; когда же дочь вновь спускалась в Аид, земля снова становилась голой и безжизненной, как осенью и зимой.

Хейвен

— Маленький рай, ты просто восхитительна! — вопит Гермес, едва увидев меня.

К счастью, он одет. Я боялась, что за десять минут до начала церемонии застану его всё ещё голым, в одном атласном халате, распахнутом так, что всё хозяйство наружу. Для этой свадьбы уже маленькое достижение.

Аполлон рядом с ним кивает мне — куда более робко и сдержанно.

Лав подходит к нему и толкает локтем.

— Ты тоже скажи ей что-нибудь приятное, бука!

Его лицо озаряет совершенно искренняя улыбка, обнажая ямочки на щеках. Он дёргает Лав за прядь кудрявых волос, а она приподнимается на носочки и слегка кусает его за шею.

— До сих пор не могу поверить, что у Аполлона есть девушка, — встревает Арес, который наконец соизволил сделать музыку потише и дать нам хоть немного передышки. — Мне не хватает шуток о том, как он дрочит.

Хелл в платье подружки невесты несильно шлёпает его по затылку.

— Сильнее, Хейз, — подбадривает её Аполлон.

Арес угрожающе потрясает указательным пальцем, хотя выглядит это скорее смешно, чем страшно.

— Даже не смей настраивать против меня мою девушку!

— Так, может, перейдём к действительно важным вещам? — взрывается Гера, тоже уже в праздничном платье. — Например, не знаю… проводим Хейвен к алтарю?

Да, пожалуй, неплохая идея.

Если бы пять лет назад кто-то сказал мне, что в итоге я выйду замуж за угрюмого парня, который в мой первый день первокурсницы в Йеле сунул мне в руку своё надкусанное яблоко, я, наверное, поверила бы. Меня бы это не удивило. Потому что с самого первого мгновения, когда наши взгляды встретились, я это почувствовала. Тот самый мгновенный удар молнии, бешеное притяжение, которое невозможно игнорировать.

Какая-то часть меня знала, что это только начало.

Та самая часть, которая сегодня на седьмом небе от счастья.

Перед тем как идти, я прощаюсь с дочерью, маленькой Никой — нашей победой. Целую её в тёплую, пахнущую младенцем макушку и шепчу, что люблю её. Арес берёт её на руки и уносит с собой.

Мои подружки невесты — Афина, Хелл и Гера — тепло прощаются со мной и отправляются вперёд. Они должны пройти по проходу раньше меня, а я беру ещё несколько минут, чтобы глубоко подышать.

К алтарю меня поведут Аполлон и Гермес.

Много лет назад, когда Гиперион погиб во время одного из испытаний Ареса, я призналась им, что хотела бы, чтобы именно он повёл меня к алтарю, но даже не успела его об этом попросить. Аполлон и Герм тут же предложили заменить его, не раздумывая ни секунды.

Я беру обоих под руки, и мы выходим через стеклянную дверь к пляжу, где пройдёт свадьба, а фоном станут морские волны.

Я чувствую: это идеальная свадьба, именно в том месте, о котором я мечтала.

И с тем человеком, которого я хотела.

Скрытая пышными кустами вдоль дорожки, ведущей к пляжу, я выглядываю сквозь зелёную листву. Все гости — около пятидесяти человек — уже сидят на белых стульях лицом к морю и алтарю: арке, установленной на двух белых греческих колоннах, вокруг которых вьются ветви плюща и голубые гималайские маки.

Мои любимые цветы.

На мгновение я закрываю глаза и вспоминаю тот день, когда Хайдес оставил их для меня в оранжерее Йеля — напечатанными на бумаге. Даже когда не мог исполнить мои желания буквально, он всё равно находил способ подарить мне то, что я люблю.

Он никогда не переставал это делать.

И я уверена, что не перестанет до конца нашей жизни.

Под аркой стоит человек, который проведёт церемонию, несмотря на то что Арес два месяца подряд пытался убедить Аполлона взять эту роль на себя. Чуть в стороне небольшой ансамбль из арфы, скрипки и фортепиано развлекает гостей.

— Волнуешься? — шепчет Гермес.

Он тоже подглядывает, просунув голову между кустами.

— Кстати, Зевс только что надрал Аресу ухо. Интересно, что тот сказал.

— Нет, всё хорошо.

Это правда. Когда что-то правильно, тревоге просто неоткуда взяться. Единственное, что я чувствую, — лёгкий электрический разряд, воспламеняющий всё тело, но он приятный. Чистый выброс адреналина, от которого кровь бурлит и хочется со всех ног броситься к алтарю, сразу сказать: «Да», — и пропустить всё остальное.

Мне настолько не терпится это сделать, что, надев платье, я прыгала как ребёнок, который умоляет родителей поскорее отвести его на детскую площадку.

— Ты точно не споткнёшься на песке с таким шлейфом? — продолжает Гермес.

Он вытаскивает голову из кустов, и среди его светлых кудрей застревает листик. Я снимаю его с улыбкой.

— Мы будем его держать, — напоминает ему Аполлон. — Она никогда не упадёт.

Он говорит не только об этом конкретном мгновении, не только о сегодняшнем дне и следующих нескольких минутах. И мне приходится сильно прикусить щёку изнутри, чтобы не дать волю слезам, которые могут испортить макияж.

Гермес переживает об этом гораздо меньше и издаёт тихий всхлип умиления.

— Кажется, сейчас начнётся свадебный марш, — шепчу я.

Братья мгновенно выпрямляются: грудь вперёд, плечи расслаблены, подбородок поднят, а во взглядах — только спокойствие и… пожалуй, ещё немного гордости.

Нас окутывает тишина, и я понимаю: это пауза перед первыми нотами марша.

— Дыши, милая, дыши, — шепчет Гермес. — Всё будет хорошо, всё пройдёт прекрасно, и ты не упадёшь.

— Герми, я прекрасно себя чувствую и дышу.

— Я знаю. Это я себе говорил.

Я смеюсь, и Аполлон тут же подхватывает.

Так и начинается моя свадьба: с тихого смеха и двух моих лучших друзей, ставших мне почти братьями, которые ведут меня к будущему мужу.

Звучат первые ноты Heaven Is a Place on Earth. Сначала только фортепиано — простая, кристально чистая мелодия, плывущая к нам по воздуху. Но когда мы подходим к началу прохода между двумя рядами стульев, к нему присоединяется арфа.

Мой взгляд скользит по первым рядам, где сидят те, кого я считаю семьёй, пусть нас и не связывает кровь.

Я сразу нахожу Тейю: она машет мне обеими руками с поднятыми большими пальцами и одними губами произносит:

«Ты охрененно выглядишь».

Арес рядом с ней укачивает Нику и одобрительно кивает, но его взгляд то и дело перескакивает на его девушку Хелл, которая ждёт меня у алтаря.

Зевс, как всегда собранный, лишь слегка улыбается, и это особенно забавно на фоне его парня Лиама, сидящего рядом: тот вытирает слёзы платком и смотрит на меня так, будто я — главное достижение всей его жизни. Кажется, прошла вечность с тех времён, когда в Йеле он упорно сопровождал меня на каждую пару и пытался за мной ухаживать с помощью совершенно кошмарных приёмов.

Посейдон от него не отстаёт — всё с той же ярко-голубой шевелюрой. Он плачет, обнявшись с Локи, который утешает его с весёлой усмешкой.

Эрос — тот светловолосый парень, который тесно работал с Афри и спас ситуацию с Пандорой, не дав Лав и Афине погибнуть, — стоит и улыбается мне так, будто мы дружим всю жизнь.

Нис, как всегда, выглядит смешнее всех. Он поднимает к небу свою фляжку с вином, символически выпивая за меня и Хайдеса.

А вот в ряду слева стоят пустые стулья. Мы оставили их такими в память о тех, кто должен был быть с нами сегодня, кто должен был оставаться рядом с нами всю жизнь.

Один стул — для Афродиты.

Один — для Тимоса.

Один — для Гипериона.

Один — для Реи, которая всё ещё находится в тюрьме, отбывая пожизненный срок, благодаря которому её дети освобождены от всякой вины.

Один — для моей матери, Алетеи.

Один — для моего брата Ньюта.

И один — для Джек.

Когда я задерживаю на этом взгляд чуть дольше, то осознаю, скольких людей потеряла. Я думаю о них каждый день своей жизни, и иногда их отсутствие причиняет такую боль, будто всё случилось совсем недавно.

Когда мы проходим уже половину прохода, к мелодии присоединяется скрипка.

Аполлон и Гермес — свидетели Хайдеса, а у меня есть мои подружки невесты, все в бордовых платьях. Хелл и Гера не сдерживают сентиментальности и даже не

пытаются скрыть блестящие от слёз глаза. Афина, напротив, как всегда держится железно и не хочет слишком явно показывать свои чувства.

И наконец — моя любимая часть.

Хайдес Малакай Лайвли.

Он стоит там, огромный, внушительный в своей массивной фигуре. Серые глаза прикованы ко мне неизвестно уже сколько времени. Возможно, он заметил меня ещё тогда, когда я подглядывала из-за живой изгороди. Тень вызывающей ухмылки искажает шрам на левой стороне его лица — тот самый, который я столько раз целовала и гладила, что выучила его очертания наизусть.

Больше я не способна смотреть ни на что другое.

Ни на церемониймейстера позади него.

Ни на Гермеса и Аполлона, которые передают меня в руки своего брата и занимают места с его стороны алтаря.

Церемонию проводит мужчина средних лет с добрыми глазами и толстой чёрной оправой очков, сидящей на носу картошкой. Он прочищает горло.

Позади нас гости снова рассаживаются.

— Мы собрались здесь в этот прекрасный день, чтобы отпраздновать союз Хейвен Коэн и Хайдеса Лайвли, — объявляет он. — Брак — это не только обязательство, но и клятва вечного счастья. Обещание уважать и поддерживать друг друга, несмотря на все невзгоды, которые жизнь может поставить на нашем пути.

Хайдес бросает на меня взгляд и, едва шевеля губами, шепчет:

— Он что, пытается нас сглазить?

Гермес, видимо, понимает его по губам, потому что не может сдержать ухмылку.

А пока ведущий церемонии продолжает пространно рассуждать о любви, мои руки дрожат от одной мысли о том, как мы вообще дошли до этого дня. Я не могу перестать смотреть на Хайдеса. Не могу перестать быть счастливой.

Со временем я убедила себя, что счастье бывает двух видов.

Первое — простое: мгновение такой сильной радости, о которой ты знаешь, что рано или поздно она закончится, поэтому стараешься насладиться ею до последней капли.

А второе — настолько глубокое, что ты знаешь: оно уже никогда по-настоящему не исчезнет. Оно навсегда останется в твоей памяти и будет вспыхивать снова каждый раз, когда ты хотя бы мысленно вернёшься к мгновению, в котором оно родилось.

Для меня Хайдес — именно такое счастье.

И этот момент — тоже.

— Хайдес, — произносит ведущий церемонии.

Настало время согласия.

— Да, согласен, — мгновенно отвечает он.

Позади нас раздаётся хор смешков, а потом отчётливо звучит голос Ареса:

— Ну конечно, чёртов сентиментальный придурок!

Церемониймейстер ласково улыбается.

— Мистер Лайвли, боюсь, вам придётся дождаться полной формулировки.

— Дивы делают что хотят… — комментирует Гермес.

Ведущий поворачивается к нему и вопросительно приподнимает бровь.

— Простите, молчу.

Он снова обращается к нам.

— Хайдес, согласен ли ты взять Хейвен Коэн в жёны, обещая всегда хранить ей верность, любить и уважать её в радости и горе, в здравии и болезни, во все дни своей жизни?

— Да, согласен, — повторяет Хайдес с ещё большей убеждённостью, если такое вообще возможно.

Теперь моя очередь.

— Хейвен, согласна ли ты взять Хайдеса Лайвли в мужья, обещая всегда хранить ему верность, любить и уважать его в радости и горе, в здравии и болезни, во все дни своей жизни?

— Да, согласна.

А теперь начинается самая сложная часть.

Личные клятвы, которыми мы решили обменяться ещё в тот самый момент, когда начали планировать эту свадьбу.

Я решаю говорить первой — небольшой текст, который написала глубокой ночью, но который словно сам перетёк из моего сердца на бумагу, будто ничего проще в мире и быть не могло.

— Мне никогда не нравилось выражение: «Я знаю тебя как свои пять пальцев». Наверное, потому что пальцы здесь вообще ни при чём… — Я улыбаюсь. — Нет. На самом деле мне не нравится другое выражение: «Я знаю тебя как свои карманы». Потому что карманы — часть одежды, которая не принадлежит тебе с самого начала жизни. Она становится твоей лишь в тот момент, когда ты её покупаешь и приносишь домой.

— Да и одежда не остаётся с нами до конца. Мы её рвём, портим пятнами, которые уже невозможно вывести, она становится слишком тесной или слишком свободной. Или, что ещё хуже, нам просто перестаёт нравиться, как она на нас сидит. Поэтому о тебе я предпочитаю говорить, что знаю тебя как собственную ладонь. Ладонь — часть тела, которая принадлежит тебе с первого мгновения, когда ты появляешься на свет. Она остаётся твоей независимо от того, насколько сильно ты меняешься и сколько времени проходит.

— Вот кто ты для меня, Хайдес. Я знаю тебя как собственную ладонь. Поэтому обещаю, что ты всегда будешь частью меня. Не чем-то, что однажды может стать слишком тесным или испортиться, не чем-то, от чего можно устать, а частью меня — неотделимой, от начала и до самого конца. Частью, которую я буду защищать от всего мира и всегда носить с собой.

Серые глаза Хайдеса застилают слёзы, и, когда он моргает, одна из них скользит по коже как раз со стороны шрама.

А мне хочется рассмеяться, потому что я вспоминаю, как читала свои клятвы остальным и Лиам тут же выдал:

«А если тебе руки ампутируют?»

Хайдес прочищает горло, но на мгновение колеблется.

— После такого будет трудно сказать что-нибудь лучше.

Я улыбаюсь ему.

И он начинает.

— Квантовая запутанность — это явление, при котором две частицы оказываются настолько тесно связаны, что состояние одной зависит от состояния другой, даже если их разделяет огромное расстояние.

Он поворачивается к гостям.

— И нет, это не очередной мой заскок, где я насильно притягиваю науку к романтике. Это экспериментально подтверждённый факт, клянусь. Сам Эйнштейн рассматривал это явление, хотя и ошибочно критиковал его, называя «жутким действием на расстоянии».

Лиам поднимает руку.

— А это что значит?

Под взглядами всех присутствующих он тут же опускает её.

— Простите. Я думал, вопросы из зала разрешены.

— Это значит, — продолжает Хайдес, не показывая ни малейшего раздражения, — что связь, возникшая между двумя частицами, сильнее расстояния, которое их разделяет. Само разделение становится не более чем условностью, словом, которое мы используем, хотя в действительности оно ничего не меняет. Эйнштейн это описал, Белл проверил, а затем явление подтвердили на фотонах, электронах и атомах. Так что повторяю: всё это реально.

Он берёт меня за руку и переплетает наши пальцы.

— В квантовой системе с двумя запутанными частицами бессмысленно говорить об одной, не говоря одновременно и о второй. Настолько сильна существующая между ними связь. И то же самое бывает с людьми. Два человека могут быть связаны настолько глубоко, что остаются частью друг друга, даже когда находятся далеко, даже когда их разделяет время, даже когда они больше не разговаривают и никак не контактируют. И происходит это не потому, что они посылают друг другу какие-то простые сигналы, а потому, что когда-то принадлежали одному состоянию. Если задуматься, именно это произошло с нами, Хейвен.

Я уже понимаю, к чему он ведёт.

Сердце резко ускоряется, словно я снова слышу от него признание в любви впервые.

— Мы оказались связаны ещё тогда, когда были двумя детьми, запертыми в приюте. И хотя время и расстояние физически нас разделили, мы всё равно продолжали влиять друг на друга, пока наконец не встретились снова. Мы всегда были частью одной прекрасной системы. Даже когда жизнь словно делала всё возможное, чтобы не дать нам воссоединиться… что ж, этого всё равно не могло не произойти. И я уверен, что не существует ни одной версии нашей истории, в которой мы не находим друг друга. Случилось бы это позже Йеля или раньше — наша запутанность всё равно всегда была сильнее.

Я киваю, и от этого движения слёзы скатываются к губам, оставляя на языке солёный вкус.

— Вот что я тебе обещаю. Ты часть моей системы, Хейвен, и ни время, ни расстояние никогда не смогут по-настоящему нас разделить. Я никогда не был религиозным человеком. Никогда не верил ни в идиллический образ Рая, ни в жестокую картину Ада, но… теперь я точно знаю: после смерти что-то обязательно должно быть. Потому что даже там мы с тобой снова встретимся. Мне всё равно, что именно нас ждёт, если я смогу найти тебя. И если ты окажешься в Аду, а я — в Раю, я откажусь от вечного блаженства, лишь бы вечно страдать рядом с тобой.

Рыдания Лиама разрывают потрясённую тишину, повисшую после этой невероятной речи.

Гермес, пытаясь не захлебнуться в реке слёз, которые льются у него вместе со мной и моими подружками невесты, украдкой показывает на Лиама и смотрит на Хайдеса.

— Первая ставка «ФантаСвадьбы» сыграла, — едва выговаривает он.

Церемониймейстер хлопает его по плечу и жестом предлагает Аполлону утешить брата, а затем слегка аплодирует, удовлетворённо переводя взгляд с меня на Хайдеса.

Осталось лишь скрепить это обещание.

Хайдес надевает кольцо мне на безымянный палец и произносит:

— Этим кольцом я беру тебя в жёны.

Я делаю то же самое с его кольцом и в свою очередь произношу:

— Этим кольцом я беру тебя в мужья.

Церемониймейстер поднимает руки и кладёт ладони нам на плечи, слегка сжимая их в тёплом, почти дружеском жесте. Клянусь, у него блестят глаза. Кажется, расчувствовался даже он.

— Официально объявляю вас мужем и женой, — провозглашает он. — Можете поцеловать друг друга.

Я не успеваю даже моргнуть.

Ладони Хайдеса обхватывают моё лицо и притягивают меня к нему. Через секунду знакомые губы целуют меня так, словно это происходит впервые.

Из всех поцелуев, которыми мы обменялись, этот, пожалуй, мой любимый.

В нём вкус всей боли, которую мы пережили, и всей радости, что из неё родилась. Наше сошествие в Аид и последовавшее за ним восхождение в Рай.

И теперь, когда Хайдес дал этому название, я наконец могу назвать чувство, которое всегда испытывала к нему.

Та самая квантовая запутанность, связавшая нас ещё в детстве и из которой я никогда не захочу — да и не смогу — вырваться.

Часть меня.

Моя навсегда.

— Всё, можете уже прекращать, смотреть противно! — орёт Арес.

Последовавший за этим болезненный вопль даёт мне понять, что кто-то отвесил ему очередную за сегодня затрещину. И, думаю, далеко не последнюю.

Хайдес отстраняется всего на несколько миллиметров, а затем проводит большим пальцем по моей щеке.

Мы не отходим друг от друга даже тогда, когда церемониймейстер объявляет:

— С огромной радостью впервые представляю вам как мужа и жену — Хейвен и Хайдеса.

Гости разражаются аплодисментами, слышатся даже свист и радостные возгласы. Некоторые из них доносятся со стороны Геры, Хелл и Гермеса.

Но Хайдеса это, похоже, совершенно не интересует.

Он продолжает смотреть только на меня и оставляет несколько лёгких поцелуев на моей щеке и кончике носа.

— Ты ведь не пожалеешь, что вышла за меня? — шепчет он.

— Пожалею?

— Да. Когда нам будет по восемьдесят, а моя кожа по-прежнему останется великолепной, в отличие от твоей, потому что ты не слушала моих советов по уходу. И тогда тебя охватит такая чудовищная зависть, что она начнёт раздирать и терзать наш брак, пока не уничтожит нашу любовь навеки…

— Меня больше удивляет, что ты вообще думаешь, будто сможешь терпеть меня до восьмидесяти, — признаюсь я, едва сдерживая смешок.

— Я рассчитываю на то, что мужчины в среднем живут меньше женщин. Но если хочешь серьёзный ответ… я буду терпеть тебя до конца своих дней. А когда они подойдут к концу, я отправлюсь искать тебя, где бы ты ни была. В Аду, Чистилище, Раю — где угодно, что бы ни существовало после смерти.

Я прикусываю губу, готовясь снова его поддеть, как мы делали с самого первого мгновения нашего знакомства.

— А если после смерти вообще ничего нет?

Он не колеблется.

Будто ответ был у него готов ещё до того, как вопрос успел оформиться у меня в голове.

— Я всё равно найду способ добраться до тебя.

И тогда мы будем ничем вместе.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 3. «ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ»

Аид, в отличие от многих других богов, не живёт на Олимпе, а обитает в царстве мёртвых. Он вовсе не злое божество, каким его часто изображают, а справедливый и суровый бог, поддерживающий порядок и не позволяющий мёртвым покидать подземный мир. Его главная задача — управлять потоком душ и следить за соблюдением погребальных обрядов, чтобы умершие могли занять отведённое им место в загробном мире.

Хайдес

Ника у меня на руках, и я стараюсь укачивать её как умею, следя за тем, чтобы движения не были слишком резкими. Хейвен сидит рядом со мной за столом молодожёнов, откинувшись на спинку стула. Она выглядит счастливой, наблюдая за гостями, заполнившими пространство вокруг нас.

Мы устроили всё в саду перед виллой: расставили круглые столы, украшенные всё теми же голубыми маками, свечами и гирляндами тёплых огней, которые очерчивают весь периметр праздничной зоны. Есть даже танцпол, на котором во что бы то ни стало настояли Гермес и Посейдон.

Хотя, если честно, мне кажется, им был нужен исключительно диджей-сет, за который отвечают Цербер и Харон — когда-то они работали в моём игровом зале здесь, на Олимпе. Несмотря на открытие Пандоры и финальную игру, мы остались на связи и прекрасно ладим. Кроноса и Урана они тоже терпеть не могли, что меня ничуть не удивляет.

Музыка начинает становиться всё тише, и Хейвен кладёт голову мне на плечо и шепчет:

— Ты ведь понимаешь, что сейчас будет?

О да.

— Тосты нашей семьи.

К сожалению, каждый из них решил подготовить для нас речь. Мы не до конца понимаем, что именно они задумали, но что-то подсказывает мне: ничего простого и банального не будет.

К сожалению.

— Время тостов, народ! — орёт в микрофон Цербер, подпрыгивая на месте, как та ещё ходячая катастрофа. — Друзья и родственники, подходите к краю танцпола и поздравляйте молодожёнов, не стесняйтесь!

Пока все желающие постепенно собираются, я понимаю, что первым будет Лиам.

В руке у него листок бумаги, который не предвещает ничего хорошего.

Цербер уступает ему сцену и изо всех сил пытается заглянуть в листок, чтобы заранее прочитать хотя бы пару слов.

Лиам выходит в центр танцпола и постукивает пальцем по микрофону.

— Так, работает.

Он смотрит на меня и Хейвен.

— Ребята, я так счастлив, что вы поженились. Серьёзно, Хайдес. Даже несмотря на то, что, когда Хейвен приехала в Йель, был период, когда мои великолепные навыки ухаживания едва не помогли мне увести её у тебя…

— Никогда такого не было, — перебиваю я.

Кто-то смеётся.

— В общем, — продолжает он, — я написал для вас стихотворение.

— И его обязательно читать? — спрашивает Афина.

Зевс подъезжает к ней на инвалидном кресле.

— Будь добрее, сучка.

— Ребята, успокойтесь, — вмешивается Хелл.

Мы с Гермесом одновременно показываем друг на друга пальцами.

— Ещё одна ставка «ФантаСвадьбы» сыграла! — восклицает мой брат.

Лиам кашляет, снова привлекая к себе всеобщее внимание.

— «Всё началось однажды с яблока простого,
и вспыхнула любовь, как пламя восковое».

— Пока что не так плохо, — замечает Хейвен.

— «Потом она ему показала грудь свою,
а я жалел, что не подсматривал в ту минуту».

Я сжимаю кулак.

— Я его убью.

Ника тихонько издаёт какой-то звук.

— Наша дочь только что разрешила. Слышали?

Лиам ещё сильнее выпячивает грудь.

— «Хайдес — настоящая Дива,
при виде Хейвен у него слюна так и льётся красиво.
Хейвен — богиня…» — Тут мне не хватило рифмы, простите.

Он чешет затылок.

— «Поэтому вы идеальная пара,
одна половинка единого пирога, вот такая забава.
Шоколадный торт люблю я сильней всего,
но и пицца “Маргарита” тоже ничего.
Пусть любовь ваша вечно живёт,
и счастье с радостью вам принесёт.
По крайней мере, надеюсь, а то все эти строчки напрасно
писал я, сидя на диване прекрасно».

Он многозначительно поглядывает на публику.

— На самом деле я не сидел на диване, просто нужна была рифма. «Прошу вас, никогда не разводитесь,
ведь розы красные, фиалки голубые,
любовь прекрасна, но ваша — прекраснее вдвойне!»

Первым аплодирует Зевс.

И несколько секунд он делает это в полном одиночестве.

Постепенно к нему присоединяются остальные. Харон и Цербер хлопают, переглядываясь с откровенным недоумением, из-за чего всё становится ещё смешнее.

— Спасибо, Лиам! — кричит Хейвен.

Она толкает меня локтем.

— Будь добрее.

— Не думаю, что у меня получится, любовь моя.

— Хочешь провести медовый месяц без секса?

Я вскакиваю на ноги и начинаю хлопать изо всех сил, пока ладони не начинают болеть.

— Браво!

Хейвен запрокидывает голову и хохочет как сумасшедшая.

Тем временем на сцене уже устраивается Гермес.

Именно поэтому я внезапно чувствую потребность сесть обратно и передать Нику жене: мне нужно быть готовым ко всему.

У Герма в руке бокал шампанского, который он поднимает в нашу сторону.

— Вижу крайне обеспокоенное выражение на идеально увлажнённом и сияющем лице моей любимой Дивы. Всё хорошо, Хайдес?

— Великолепно, — отвечаю я, скрестив руки на груди.

— Отлично, потому что ради моей лучшей подруги я хочу, чтобы у тебя всегда было счастливое и любящее лицо, а не эта кислая физиономия зануды.

Он подмигивает Хейвен.

— Правда в том, что каждый раз, когда я смотрю на вас, мне хочется плакать как ребёнку, потому что я вспоминаю всё, что нам пришлось пережить, и думаю: как вообще возможно, что мы добрались сюда, до счастливого финала? Как получилось, что после всех безрассудных и опасных решений Маленького рая она не умерла ещё давным-давно? Лично я списал её со счетов ещё до боксёрского поединка на Олимпе…

Между столами прокатывается озадаченный ропот.

— Спасибо, Герми! — отвечает Хейвен.

Но голос у неё весёлый.

Голубые глаза моего брата становятся серьёзнее, губы складываются в более нейтральную линию.

— Вы мои любимые главные герои. Смотреть ваше представление было для меня опытом, который я никогда не забуду. Я всегда — и я подчёркиваю, всегда — буду сидеть в первом ряду и аплодировать вам. Даже когда вы перепутаете реплику или эпично грохнетесь на сцене. Хотя тогда я, конечно, ещё и поржу и сфотографирую вас, но потом всё равно продолжу хлопать и подбадривать. До самой нашей смерти. А учитывая характер Хейвен, боюсь, первой будет она, но…

Моя рука двигается сама.

Хватает испачканную едой вилку и швыряет её в высокую фигуру Гермеса.

Он уворачивается в последнюю секунду, вызывая смешки у остальных членов семьи.

— Я вас люблю! — кричит Герм, посылая нам воздушные поцелуи.

Отвечает ему только Хейвен.

Я ограничиваюсь тем, что одними губами произношу:

«Я тебя люблю».

Его место занимает Дионис, слегка пошатываясь на ходу. Когда мне уже кажется, что он вот-вот рухнет, он внезапно выпрямляется и заключает перемирие с силой тяжести.

В руках у него два бокала вина; он отпивает сначала из одного, потом из другого.

Впрочем, он далеко не так пьян в хлам, как мне доводилось видеть раньше.

— Не торопись там, — поддевает его Афина.

— Именно это я и собирался делать, да.

Он обращается к нам.

— Ребята…

Тянутся бесконечные секунды молчания.

На его покрасневшем лице одна эмоция сменяет другую с такой скоростью, что я едва успеваю следить. Я узнаю радость и гордость, и они заставляют меня поверить, что Нис сейчас скажет что-нибудь глубокое и эмоциональное.

Он прикладывает ладонь к груди, к самому сердцу, но из-за движения немного вина выплёскивается из бокала.

— Отличное вино. Правда. Поздравляю. И всего хорошего.

Он возвращается на своё место, превратив дорогу обратно в полноценный модельный проход.

Аполлон — невероятно застенчивый и невероятно замкнутый Аполлон — выходит перед нами вместе с Лав.

Он обнимает её за талию, а свободной рукой держит микрофон.

Несколько мгновений он медлит, и мне нетрудно понять почему.

Все взгляды направлены на него.

Тишину может нарушить только его хриплый, медленный голос.

Мой брат не создан для таких вещей. Он скорее из тех, кто сбегает и прячется где-нибудь в углу.

— Если в этом мире есть два человека, которые принадлежали друг другу с самого первого мгновения встречи, то это вы, — начинает он. — Хейвен, ты всегда была моей луной, и я всегда чувствовал тебя частью себя, почти сестрой. Ты была единственным ребёнком в приюте, способным заставить меня хоть что-нибудь сказать. И не только потому, что была такой горячей головой, что могла разговаривать даже с камнем…

Хейвен смеётся.

За их спинами я замечаю Ниса, который практически лежит на столе, пока Локи и Гермес пытаются поднять его и заставить выпить воды.

— Хайдес, всё началось с нас двоих. С того самого момента, когда мы снова нашли друг друга здесь ещё детьми, я понял, что проведу всю жизнь, следя за тем, чтобы с тобой всё было хорошо, защищая тебя и оберегая — даже от самого себя, если понадобится. S'agapó, apó to fengári méchri na epistrépso, allá disekatommýria forés. («Я люблю вас — до Луны и обратно, только миллиарды раз».)

Думаю, Аполлон — единственный человек на свете, способный заставить меня расплакаться, просто сказав, что любит меня. Пробить стену собственной застенчивости для него — почти титанический подвиг. И то, что он старается сделать это ради нас, ради своей семьи, а особенно ради меня, наполняет моё сердце всеми этими приторными чувствами, которых мы обычно избегаем.

Тело неудержимо тянется к нему. Не успеваю моргнуть, как уже иду навстречу и затягиваю его в удушающие объятия, настолько крепкие, что самому не хватает воздуха.

— S'agapó, aderfé, — шепчу ему в волосы. («Я люблю тебя, брат» — по-гречески.)

Он не отвечает вслух, но каким-то образом это всё равно ощущается как ответ. Я научился понимать его молчание гораздо лучше, чем слова, которые он произносит.

Лав поздравляет нас и благодарит за то, что мы подарили ей семью, в которой она смогла укрыться после того, как потеряла свою.

Посейдон посвящает нам танец.

Думаю, забыть это мне удастся очень нескоро: специально для нас он поставил хореографию, продуманную до мельчайших деталей. По крайней мере, так утверждает он сам. И я почти уверен, что Харон и Цербер оборвали музыку раньше времени.

Хейвен первой начинает аплодировать, пусть и с совершенно растерянным видом, а заметив, что мои руки неподвижны, хватает меня за запястья и заставляет тоже хлопать.

Зевс и Гера произносят простой тост — именно такой, какого я от них и ожидал.

Тейя же, как обычно, остаётся безумной Тейей: ей выключают микрофон сразу после того, как она начинает желать нам долгой жизни, полной потрясающего секса.

Когда наступает очередь Ареса, я внезапно становлюсь религиозным и крещусь.

Видно, что он уже навеселе, хотя и не уничтожен алкоголем так, как Нис. Элегантный пиджак куда-то исчез, а зелёная рубашка расстёгнута почти до самого живота, чуть выше пупка.

Хелл рядом с ним начеку.

— Я здесь, чтобы забрать у него микрофон в ту секунду, когда он скажет что-нибудь непристойное.

Арес поворачивается к ней и наклоняется, чтобы поцеловать в щёку.

— Ах да? Например, если после этой речи я отведу тебя за одно из тех деревьев и тра…

Она выхватывает микрофон из его руки с отточенными рефлексами человека, который слишком много лет имеет дело с Аресом.

Улыбается нам во все тридцать два зуба.

— Поздравляю, ребята! Я правда очень за вас рада и по этому случаю хочу посвятить вам одно слово.

— Одно слово? — кричит Лиам из-за стола.

Он уже начал есть, хотя никто другой ещё даже не притронулся к еде. Он что, украл её?

— Я вообще-то посвятил им стихотворение. Переплюнь меня, плагиаторша.

— Не так уж сложно переплюнуть ту херню в рифму, которую ты пишешь, — рявкает Арес, даже не посмотрев в его сторону.

Потом жестом велит своей девушке не обращать на Лиама внимания и продолжать.

У Хелл в руке маленькая записка.

— Trouvaille. По-французски это значит «счастливая находка». То, чего ты не искал, но что жизнь неожиданно позволяет тебе найти, когда решает подарить нечто прекрасное. Именно этим вы — вся эта семья — стали для меня. Вы даже не представляете, сколько смелости дали мне тогда, когда я слишком боялась. Я никогда не забуду, как Хейвен первой подошла ко мне и предложила дружбу. И как она с Хайдесом с самого начала стали почти крёстными для меня и этого идиота, моего парня.

Её голос дрожит.

Она запинается.

— И я никогда не забуду, как Тимос убедил меня сменить направление учёбы, рассказав о другом особенном человеке, который, в отличие от меня, так и не получил возможности сделать это.

Чёрт.

Сколько бы времени ни прошло и сколько бы я ни тренировал мозг принять случившееся и объяснить его рационально, даже косвенное упоминание моей сестры всё равно бьёт как эмоциональный удар.

— Иди сюда! — приказывает Хейвен.

Хелл подбегает к нашему столу и наклоняется, чтобы как можно крепче обнять Хейвен, насколько это вообще возможно с Никой, всё ещё прижатой к её груди.

Арес аплодирует и, прикусив нижнюю губу, вновь завладевает микрофоном.

— Так, пора немного развеселить обстановку, как думаете?

Зевс, Афина и Аполлон тут же начинают на него орать.

— Эй! Я сказал «развеселить», а не «подогреть». Я перестал поджигать вещи, не переживайте. Сегодня никаких пожаров. Единственное, что здесь по-настоящему горячее, — это я.

Тишина.

Он оглядывается.

— Да ладно вам, это было смешно! Хорошая же шутка.

Я смотрю на часы на запястье.

— Ты собираешься уже закончить или свалишь?

Цербер и Харон принимают это за сигнал убрать его со сцены; Арес ускользает от них, прыгая вдоль края танцпола как пружина и умоляя дать ему ещё пару минут.

— Ладно, ладно, всё! Я здесь. Простите. Вы же знаете, мне трудно выражать нежные чувства к Макако. Ну, в смысле, он моя любимая обезьянка, и мы пережили вместе столько волшебных мгновений. Вместе обесцвечивали волосы, я пытался увести у него девушку, поджёг гроб его отца и устроил ещё кучу проблем, которые, если честно, уже не помню… Но одну вещь я всё-таки могу сказать от чистого сердца, хотя бы на секунду отложив в сторону мой блестящий едкий сарказм.

Его глаза — один из которых по-прежнему слеп — встречаются с моими.

— Если Коэн и Хелл умрут и оставят нас одних, мы обязаны дать друг другу шанс, любовь моя.

Хейвен понимает, что сейчас произойдёт, раньше меня.

Как и ещё несколько человек.

Я замечаю только телефоны, уже направленные на нас, и жену, которая вместе со стулом отодвигается в сторону, подальше от меня.

Арес бросается через стол, не обращая внимания на тарелки и цветы, и обхватывает моё лицо ладонями.

Его рот оказывается на моём раньше, чем я успеваю его послать.

Это короткий поцелуй в губы, точно такой же, какой много лет назад я сам дал ему во времена его семи испытаний.

Я отталкиваю его прежде, чем ему придёт в голову добавить язык.

Стираю невидимые следы с губ тыльной стороной ладони.

— Отойди, пока я не врезал тебе и не выбил все зубы.

Самодовольная ухмылка Ареса никуда не исчезает, но он всё же пятится обратно к центру танцпола.

— Чем сильнее ты меня отталкиваешь, тем больше я понимаю, как сильно ты меня хочешь.

Смех вокруг никак не утихает, и Арес даже изображает руками просьбу о тишине, чтобы закончить свою прекрасную долбаную речь.

Предполагаю, что идиотская часть предназначалась мне, а серьёзная и милая — целиком Хейвен.

— Коэнсоседка, — сразу смягчается он. — Ты была моей первой подругой. Первым человеком, который вообще смог вытерпеть мой отвратительный характер. Я всегда буду благодарен тебе за дружбу, которую ты мне подарила, хотя любить меня никогда

не было ни просто, ни естественно. Помни, что ты всегда можешь на меня рассчитывать. Особенно когда Хайдес перестанет удовлетворять тебя в постели и тебе понадобится плечо, чтобы поплакаться. Я выслушаю.

Хейвен быстрым движением убирает от меня все столовые приборы.

— Если очень захочу, я ему прямо стол швырну, — предупреждаю её.

Арес посылает мне смачный воздушный поцелуй и исчезает, размахивая руками так, будто зал тонет в овациях.

Харон забирает микрофон и первым делом издаёт долгий вздох.

— Итак, господа. К счастью, мы почти закончили, а потом снова сможем веселиться и пить, чтобы забыть всё, что только что услышали.

Завершает череду Афина.

Грациозная и одновременно угрожающая, она идёт босиком: туфли на каблуках она отбросила в сторону сразу после окончания церемонии.

— Я знаю, чего вы ждёте, — начинает она. — Что самая холодная и беспощадная Лайвли хотя бы сегодня растает и выдаст речь, набитую сентиментальностью и милыми словами, которых раньше никогда не произносила. Так вот — вы ошибаетесь. Прежде всего потому, что я к такому не привыкла, а ещё выступаю последней, так что, по-моему, остальные уже сделали и сказали достаточно. Хотя, если подумать, действительно красивыми были только речи Аполлона и Хелл…

— А моё стихотворение? — восклицает Лиам с распахнутым ртом. — Вам не понравилось? Оно было плохим?

Он обращается к остальным, теперь уже снова сидящим за столами.

Афина его игнорирует.

— Я здесь, чтобы представить вам финальное произведение этой серии тостов. Проект, над которым мы работали целый месяц. Не потому, что он был особенно сложным, а потому, что, как вы сами понимаете, участвовавшие в нём люди, — она кивает в сторону остальных членов семьи, — далеко не все отличаются сговорчивостью и простотой в управлении. Вот что у нас получилось.

Из угла, которого я раньше даже не замечал, появляется прямоугольный белый экран, и его устанавливают напротив нас с Хейвен.

С помощью Харона, Аполлона и Афины включается проектор.

На экране появляется поставленное на паузу видео.

— Готовы? — спрашивает Аполлон.

— Не думаю, но всё равно запускай, — отвечаю я.

Воздух наполняют знакомые ноты I Love Rock ’n’ Roll.

На экране возникает надпись:

Best of семьи Лайвли

О господи.

На видео Лиам в чёрном парике, а на неправильной стороне лица у него ужасно нарисован шрам.

В руке он держит яблоко и соблазнительно смотрит в камеру, пока мимо него проходит Арес в рыжем парике, который, насколько я понимаю, изображает Хейвен.

— Лиам, ты должен сказать реплику! — шипит чей-то голос за кадром.

Он выходит из образа.

— А какую, ребята?

— «Ты ошибаешься».

— Я знаю, что ошибаюсь, но если вы скажете мне реплику, я смогу продолжить сцену!

— Нет, «ты ошибаешься»!

— Да понял я, скажите только, какую…

— Реплика и есть «ты ошибаешься», долбоёб! — накидывается на него Арес-Хейвен. — На, оставь мне в руке надкусанное яблоко и давай уже закончим эту сцену.

Лиам-Хайдес смотрит на фрукт.

— Я не могу её съесть. Ненавижу яблочную кожуру, сначала почистите мне её.

Экран темнеет.

Хейвен хохочет как сумасшедшая вместе с остальными гостями.

Во втором эпизоде главным героем снова оказывается Лиам, на котором одни боксеры. Его тело с головы до ног покрыто блёстками. Я сразу понимаю, что они воссоздают хэллоуинскую вечеринку в Йеле — первую, на которой побывала и Хейвен.

В следующей сцене рыжий парик Хейвен уже на Посейдоне, а меня играет Гермес, который кормит Поси зёрнами граната.

— Открывай рот, Persefóni mou, давай.

Мне хочется провалиться сквозь землю.

И передушить их всех по одному.

А потом где-нибудь спрятаться и уже там посмеяться, чтобы не доставлять им никакого удовольствия.

Дальше мы видим Ареса с рыжими волосами, который раздевается и остаётся с голым торсом. К коже у него приклеен лист бумаги с надписью:

СИСЬКИ КОЭН

Афина, играющая саму себя, фотографирует его.

Есть даже сцена нашего с Хейвен первого боксёрского поединка во время игр Тены. Точнее, тот момент, когда Лиам врывается в комнату и обещает ей помочь, а потом тут же отступает и заявляет, что она независимая женщина и прекрасно справится сама.

Я едва не прыскаю со смеху, когда показывают закадровый фрагмент, где Арес спрашивает:

— А сцену, где Аполлон надрачивает до смерти, потому что всю жизнь один, мы снимать не будем?

Зато потом он снова появляется — в каштановом парике до плеч и тунике, которая должна изображать одеяние Иисуса. Он стоит на табуретке с петлёй в руке.

Подмигивает в камеру.

— Хочешь сыграть в «Виселицу»? Давай, если победишь, превращу тебе немного воды в вино.

Есть даже сцена со мной, которого играет Тейя: я пишу пост в Tumblr.

Но самое лучшее начинается, когда Арес играет самого себя. Рядом с ним — сделанный из бумаги саркофаг и бутафорские языки пламени. В руке он держит зажигалку и восклицает:

— Ассорти из Тутанхамона на гриле?

А потом Гермес танцует под Gasolina, Арес сидит в машине и упорно отказывается подтверждать, есть ли у него права, они воссоздают один из наших летних дней на пляже и то, как мы танцевали под дождём в кампусе Йеля.

Перед моими глазами один за другим проходят воспоминания обо всём, что мы пережили в самые безумные годы нашей жизни, — в настолько нелепом исполнении, насколько это вообще возможно.

В последнем кадре все втиснулись в объектив, улыбаются и машут рукой.

Арес ругается с Зевсом, одновременно пытаясь потрогать Хелл за грудь.

Лиам, Поси и Гермес пожирают печенье так, будто не видели еды несколько веков.

Тейя танцует, хотя никакой музыки вообще нет.

Гера смеётся.

Афина раздражённо фыркает.

Аполлон закатывает глаза.

Нис подмигивает, хотя, думаю, он просто пьян.

Семья, которую я определённо не выбирал, потому что любой нормальный человек предпочёл бы людей поздоровее.

Но вместе с тем — семья, которую я никогда ни на кого не променяю. Семья, которой я невероятно горжусь и за которую буду благодарен жизни до конца своих дней.

— Я их люблю, — шепчет Хейвен.

Я нахожу её руку и крепко сжимаю, потом притягиваю её к груди и целую в макушку, прямо в ароматные рыжие волосы.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 4. «ИГРЫ БОГОВ ПРОХОДЯТ КАЖДУЮ ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ»

История любви Аида и Персефоны отражает глубокую символическую связь между смертью и возрождением, между концом жизни и надеждой на новое начало. Персефона, бывшая жертвой похищения, становится могущественной царицей подземного мира и правит рядом с Аидом твёрдо и властно.

Хейвен

Счастье иногда бывает довольно сложным чувством.

Многие утверждают, что на самом деле всё просто и что с ним легко справляться. Многие говорят: когда ты счастлива, нужно это осознать и крепко держаться за этот момент. А главное — когда счастье уходит и оставляет тебя одну, не жалеть о нём, а быть благодарной за то, что вообще его испытала.

Мне не стыдно признаться: когда счастье меня покидает, я переживаю это почти как глубокую утрату.

Разве есть что-то плохое в желании побыть счастливой ещё хотя бы мгновение?

Что плохого в том, чтобы вцепиться в счастье ногтями и удерживать его как можно дольше?

Поэтому, глядя, как после прощаний гости покидают праздник, я совершенно не готова рыть могилу для счастья, которое подарила мне моя свадьба.

Я хочу оттянуть момент, когда придётся устраивать ему похороны.

Мы с Хайдесом решили отправиться в медовый месяц завтра после обеда, чтобы провести ещё немного времени с семьёй и отдохнуть после нескольких часов беспрерывного веселья.

Мы ещё поднимали тосты, пили и ели до ощущения, что животы вот-вот лопнут. Хохотали во всё горло, пели и танцевали так долго, что теперь саднит горло и болят ноги. Гермес руководил групповыми танцами и ставил хореографию, а меня раскрутил столько раз, что, кажется, у меня до сих пор кружится голова.

Впервые сегодня никто не отчитывал нас с Хайдесом за бесчисленные поцелуи, которыми мы обменивались, никто не говорил:

«Снимите уже номер».

Или:

«Может, перестанете жрать лица друг друга у нас на глазах?»

Ника спит в своей коляске и кажется мне самым совершенным существом, которое я когда-либо видела.

Хайдес смотрит, как она спит, будто она занята самым интересным делом на свете.

И то, как он смотрит на неё — с абсолютным обожанием, — наполняет меня тем облегчением, к которому я всегда стремилась.

У меня не было рядом отца, но знание, что у моей девочки лучший отец в мире, словно чинит каждый осколок сердца той маленькой дочери, которой я когда-то была.

Когда мы остаёмся только своей семьёй, я всё ещё не готова с ними прощаться.

— Хотите пойти в «другой сад»? — предлагаю я.

Нис зевает.

— М-м?

Лиам каким-то образом всё ещё ест.

Кажется, это уже пятый кусок торта.

«Другой сад» — место, где когда-то возвышался Лабиринт Минотавра. Всего год назад мы сравняли его с землёй, устроив пожар, который полностью его уничтожил: прощальный жест в адрес прошлого, которое мы хотели забыть.

Теперь от него осталась лишь обычная лужайка с густой травой и несколькими декоративными деревцами, которые только начинают расти.

— Коэн, я понимаю, ты невеста и это ваш день… но ты не устала? — отвечает Арес.

— Можешь и не идти, — вмешивается Хайдес, уже готовый последовать за мной.

До полуночи остаётся всего несколько минут. В конце концов, не так уж поздно, пусть праздновать мы начали ещё в одиннадцать утра.

Всё, чего мне хочется, — лечь на траву рядом со всеми и смотреть вместе с ними на небо.

Не знаю, почему сегодня я такая сентиментальная и эмоциональная. Возможно, это просто естественное человеческое желание продлить счастливые мгновения.

Больше никто не произносит ни слова.

Мы идём через сад с яблонями и выбираем самый короткий путь к поляне, где раньше стоял лабиринт.

Некоторое время слышны только наши шаги, шелест травы под ногами и морские волны, разбивающиеся о скалы неподалёку.

По крайней мере, пока Гермес не разрывает тишину самой гермесовской фразой, какую только мог произнести:

— Это что, одно из тех насекомых со светящейся задницей?

Он указывает куда-то вперёд, и сначала я не понимаю куда, пока не замечаю слабый огонёк, лениво танцующий в воздухе.

Светлячок.

Мы все останавливаемся.

К этому моменту уже зашли в сад. Траву здесь не косили, и она достаёт мне до колен.

Когда кто-то пытается заговорить, Зевс его одёргивает.

А потом тихо произносит:

— Смотрите.

Я напрягаю зрение, и постепенно в темноте появляются другие светящиеся точки.

Их немного. Сезон светлячков почти закончился, но мягкий климат Греции и отсутствие светового загрязнения на острове позволяют увидеть их даже сейчас.

Они медленно парят в воздухе, но светятся живо и ярко, придавая ночи какое-то иное, почти волшебное настроение.

Звёзд немного, и кажется, будто светлячки пришли сюда помочь небу сиять чуть ярче.

Если честно, раньше я никогда не видела ни одного, хотя они всегда были среди животных, которые завораживали меня больше всего.

— О боже, знаете, что они мне напоминают? — восклицает Афина.

— Ночь светлячков в Йеле! — одновременно отвечают Хайдес и Гермес.

Традиция нашего старого университета.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Одним позднеосенним вечером Йель устраивал в саду центрального кампуса небольшую площадку, натягивая между деревьями гирлянды. Студенты могли повесить на них записку со своим желанием.

Я до сих пор помню своё.

Самый банальный рисунок полного стакана воды.

Я, конечно, понятия не имела, что это желание сбудется и что исполнит его именно тот странный помешанный на яблоках парень, от которого брат советовал мне держаться подальше.

В ту ночь Хайдес впервые меня поцеловал.

А дальше началась бесконечная череда катастроф: я оказалась здесь, на Олимпе, чтобы провести борцовский поединок с человеком, который позже станет моим парнем, а его отец захотел удочерить меня как шестого ребёнка.

— Должна признаться, мне не хватает времён Йеля, — вырывается у меня.

Вместо того чтобы назвать меня сумасшедшей, все начинают соглашаться.

Первой меня поддерживает Афина.

— Мне не хватает возможности наказывать отбросов, которые прикрывались деньгами богатеньких родителей и продолжали творить своё дерьмо по всему кампусу.

— Мне не хватает игр, — продолжает Арес.

Гера дружески толкает его плечом.

— Потому что все мы, кто больше, кто меньше, неисправимые игроманы.

— Кстати… — вмешивается Хайдес, обмениваясь каким-то заговорщическим взглядом с Теной, Гермесом и Аполлоном, смысла которого я не понимаю. — Сегодня утром мы кое-что обсуждали.

Гермес издаёт возбуждённый писк.

— Я скажу, я скажу, я скажу! Ну пожалуйста, я скажу! Можно я? Можно? Ладно, я скажу, даже если вы против. Говорю? Точно? Ладно!

Локи смотрит на него с влюблённой улыбкой.

А у Афины, кажется, совсем другое желание — придушить его.

— Игры Богов продолжаются! — орёт Герм, театрально вскидывая руки. — Каждую неделю, по пятницам, вместо этих ужасно скучных и банальных семейных ужинов мы будем собираться и играть. Всё будет как в Йеле: вытягиваем того, кто организует игры, а потом встречаемся в месте, которое он выберет и которое станет игровым полем. Это может быть наш дом, лес, пляж или даже Олимп.

Пока он продолжает объяснять идею, во мне снова просыпается знакомый зуд.

Там, в дальнем уголке мозга.

Как раз в том месте, откуда растёт моя одержимость победой.

— Игры должны быть… — Арес запинается, а потом поворачивает голову к Аполлону и широко раскрывает глаза. — …нормальными, да? Ничего такого, что подвергнет нас опасности, я надеюсь.

Аполлон обнимает его за плечи.

— Что такое, боишься меня, Аресик?

— Тебе легко говорить. Ты всё время воскресаешь.

— Да и вообще, если смотреть правде в глаза, вам нельзя устраивать совместный ужин каждую неделю. Слишком много летающих столовых приборов, которые могут вас убить, — замечает Хелл.

Лиам кивает.

— Жалко только еду. Если пообещаете, что будет ещё и стол с закусками, я с удовольствием поучаствую. Не играя. Просто посмотрю. И поем. Вот.

Пока все начинают увязать в деталях и спорить, оставлять ли пятницу, сохранять ли шахматные фигуры, придумывать новые игры или повторять старые из Йеля, я замечаю Лав.

Она стоит, скрестив руки на груди, и молча наблюдает.

На губах едва заметная улыбка, но головой она слегка покачивает.

— Мы вытащили вас из всего дерьма, устроенного вашими родителями, а вы всё равно сидите здесь и думаете, как бы ещё поиграть. Вы невероятные.

— Будь здесь Термос, — отвечает Арес, — он бы уже лаял, что мы безответственные идиоты, и нёс прочую скучную чушь.

Лав выгибает бровь.

— И ты бы его винил? Ты попросил его одолжить тебе машину, не имея прав, а потом разбил её.

Арес направляет на неё указательный палец.

— Я никогда не говорил, что у меня их нет.

— Значит, они у тебя есть! — орёт она.

— Я никогда не говорил и что они у меня есть.

Раздаются всеобщие стоны.

Эта тайна уже становится по-настоящему невыносимой.

Когда-то она меня забавляла. Теперь мне хочется схватить Ареса за голову и снова и снова бить ею о стену, пока он не выплюнет правду.

— Ты его мать, ты-то наверняка знаешь, — шепчет Герм, толкая Тейю локтем. — Я тебе заплачу, если скажешь.

Тейя смеётся.

— Даже я не знаю. Но если бы и знала, ваше отчаяние слишком меня развлекает.

Арес тут же притягивает её к себе и целует в висок.

— Мами — моя лучшая подруга. Она никогда меня не предаст.

— Мами? — повторяет Афина, едва сдерживая смех.

Арес тут же выпячивает грудь и шумно фыркает носом.

— Да. Мами. Какие-то проблемы, Гадюка?

Они продолжают препираться, пока мой мозг не решает, что больше не желает их слушать, и переключается на тишину окружающей природы.

Новые пятничные игры.

Новое начало.

Потому что, в сущности, если что-то заканчивается, это ещё не значит, что с ним обязательно нужно прощаться.

Иногда оно просто меняется и остаётся частью твоей жизни, только уже в другой форме.

Разве не в этом смысл существования?

Переходить из одной точки в другую, меняясь, когда это необходимо.

Всегда смотреть вперёд, чтобы добраться до цели, и иногда оглядываться назад, чтобы не забывать, что у нас было, что мы пережили и что привело нас туда, где мы сейчас.

Я знаю, что должна попрощаться с этим счастливым днём.

Знаю, что должна попрощаться со временем, когда мы все жили в одном общежитии, ходили в одну кофейню и встречались в университетских коридорах.

Но ещё я знаю: в какой бы точке этого нового начала ни оказалась, я всегда смогу сыграть с ними ещё одну партию.

У меня всегда будет способ к ним вернуться.

Мускулистые руки Хайдеса обнимают меня и прижимают к его груди.

Я откидываю голову туда, где бьётся его сердце, и закрываю глаза.

— Уже знаю, что буду надрывать вам задницу каждую пятницу и выигрывать во всех играх подряд, — бормочу я.

Прямо у моего уха раздаётся тихий, чарующий смешок, который до сих пор способен вызвать у меня мурашки.

— А вот и нет, — возражает мой муж. — Stai sbagliando, Persefóni mou.

— Ты ошибаешься, моя Персефона.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА ПРИЛИВОВ. Посейдон

Глава 1. «СИНЯЯ ГОЛОВА»

Повелитель волн и морских глубин, Посейдон носит на голове шевелюру, отражающую его царство: голубую, как морская бездна, и волнистую, как волны, которые он сам поднимает. Неслучайно греки называли его «кианохайта» — «голубовласым».

Посейдон

— Ты бы предпочёл съесть ложку песка или чтобы тебя дёрнули за прядь волос?

Я резко вскидываю голову и щурюсь: девочка, которая только что со мной заговорила, слишком низкая, чтобы заслонить солнце, и лучи тут же бьют мне в глаза.

— Что?

Наверное, она моего возраста. Может, ей девять? Не знаю, я плохо умею определять, сколько людям лет. По-моему, маме и папе по пятнадцать, и, когда я им об этом говорю, они начинают хохотать как сумасшедшие. Зевс каждый раз меня поправляет и называет правильные цифры, но я всё равно их забываю, да и вообще не верится, что они настолько старые.

— Что бы ты предпочёл? Выбирай сам, пока я не решила за тебя!

Голос у неё звонкий и ужасно смешной. На ней ярко-голубой слитный купальник, а кожа такая бледная, что я удивляюсь, как она до сих пор не обгорела. Волосы — чернее всего, что я когда-либо видел, прямые и до самой талии, только среди тёмных прядей есть одна голубая, цвета океана. Глаза тоже чёрные, миндалевидные, а рот похож на маленькое сердечко. На ней жёлтые очки для плавания.

Я открываю и закрываю рот, не в силах придумать ответ. Чего ей от меня надо? Я её вообще не знаю. Подошла ко мне, пока я спокойно сижу здесь, у самого моря, и задала самый странный вопрос в моей жизни.

Моя нерешительность становится моим приговором. Её маленькая рука хватает меня за светлую прядь и со всей силы дёргает, заставляя вскрикнуть.

Она смеётся.

— Какой ты нежный! Надо было выбирать ложку песка.

— Ни один вариант не был нормальным!

Она кивает.

— Знаю. В этом и смысл моей игры. Оба варианта плохие, зато ты можешь выбрать тот, который похуже меньше.

Я растираю затылок там, где она схватила меня за волосы и потянула изо всех своих сил.

— Ужасная игра.

Девочка садится рядом со мной, хотя я её не приглашал.

— Мы с семьёй приехали сюда, в Хаф-Мун-Бей, два дня назад. До этого три года жили в Сан-Франциско, но из-за маминой работы пришлось перебраться сюда, — рассказывает она. — Как здесь живётся? Тебе нравится? Мы можем дружить? У меня нет друзей. И другим детям я, кажется, не очень нравлюсь.

— Ты всех дёргаешь за волосы, как меня? Потому что тогда причина их неприязни вполне понятна.

Она смеётся. Смех похож на перезвон множества маленьких колокольчиков.

— Бабушка говорит, мне просто надо найти того, кому понравится мой характер.

— Твоя бабушка?

— Да, я приехала сюда с мамой и бабушкой.

— А твой папа где?

Она кривится и болтает ногами. Океанская вода подступает ближе — сегодня утром она спокойнее обычного — и касается кончиков её пальцев.

— Меня учили, что семья — это люди, которые любят друг друга. Мама и бабушка меня любят, а папа — нет. Значит, папа не семья.

— Откуда вы приехали?

— Из Тхонъёна. Это приморский город на побережье Южной Кореи.

— Ого. Никогда о нём не слышал.

— Там красиво.

— Понятно.

— Хочешь, чтобы я ушла?

Я всё ещё не знаю, что думать об этой незнакомке. Боюсь, она снова дёрнет меня за волосы.

— Меня зовут Посейдон Лайвли.

— Хэ-Рин. Но в школе все почему-то слышат «Эйвери». — Она показывает язык.

Я всё ещё застрял на первом варианте.

— Как?

— Хэ-Рин. — Она произносит имя медленнее. — Давай, повторяй.

— Хэ...

— Рин.

— Рин.

— Хэ-Рин!

Когда у меня наконец получается произнести правильно, она хлопает в ладоши.

— А что это значит?

— «Хэ» — это «море» или «океан», а «рин» означает «чистый», «текучий». Бабушка говорит, что это морская вода, которая течёт.

Океан — моё самое любимое место на свете. Маме и папе каждый день приходится брать меня на руки и силой уносить с пляжа. Вода прекрасна, потому что она всё время движется и никогда не устаёт. А ещё мне нравится запах соли, хотя мой брат Зевс, этот всезнайка, постоянно меня поправляет: оказывается, надо говорить «запах моря». В общем, мне нравится этот запах на моей коже, и я совсем не хочу его смывать, когда папа Гиперион чуть ли не силой запихивает меня в ванну. Мне нравится чувствовать песок под ногами — кроме тех часов после обеда, когда он раскаляется. И я люблю плавать. Больше всего я мечтаю научиться сёрфингу и оседлать волны Тихого океана, как это делают ребята постарше. Прямо сейчас двое из них заходят в воду с досками под мышками.

— А какая у тебя семья? — спрашивает Хэ-Рин.

— Мою маму зовут Тейя, а папу — Гиперион. Они усыновили меня три года назад вместе с моими братьями и сестрой: Зевсом, Герой и Дионисом.

Пока она слушает, лоб у неё хмурится, а губы двигаются, словно она повторяет за мной имена.

— А я-то думала, это у меня слишком странное имя для Америки! — Она улыбается. — Думаю, мы вполне можем дружить.

— Я вообще-то не говорил, что хочу с тобой дружить.

— Ты предпочитаешь стать моим другом или чтобы я целую минуту очень сильно щипала тебя за живот?

Я распахиваю рот.

— Так нельзя спрашивать! Ты же заставляешь меня с тобой дружить.

— Я тебя не заставляю. Если ты выбираешь стать моим другом, значит, для тебя это менее плохой вариант. Получается, на самом деле ты сам доказываешь, что хочешь со мной дружить.

Она смотрит на меня с довольным видом.

— Я ничего не понял, — признаюсь я.

Хэ-Рин разражается смехом.

— Ты забавный.

— Спасибо. Обычно мне говорят, что я немного тупой…

— Кто это говорит?

— Мои одноклассники. А однажды я слышал, как это говорили две мамы…

Хэ-Рин поджимает губы и болтает ногами, поднимая в воздух мелкие брызги.

— А я не думаю, что ты тупой.

— Тогда можем дружить.

Некоторое время мы молчим. Мама подходит проверить, всё ли у меня хорошо, и ласково улыбается Хэ-Рин, а потом одними губами показывает мне, что я должен рассказать ей, кто это и как мы познакомились.

Время от времени Хэ-Рин снова предлагает мне сыграть в свою ужасную игру, после которой я получаю ещё одну выдранную прядь и пригоршню песка в желудке.

Когда она наконец даёт мне немного передохнуть, я пользуюсь моментом, чтобы удовлетворить любопытство. Показываю на её волосы.

— А что это за голубая прядь? Крутая.

Она берёт её в руку и поглаживает с довольной улыбочкой.

— Нравится? Вообще-то она ненастоящая. Крепится заколкой, потому что мама и бабушка говорят, что я ещё слишком маленькая, чтобы красить волосы в синий.

Я таращу глаза.

— Ты хочешь синие волосы? Но ни у кого не бывает синих волос. Таких вообще не существует!

— Синий — мой любимый цвет, и я хочу такие волосы. Не чёрные. Чёрный — грустный.

— А мне нравится бирюзовый. Или голубой.

— Тогда тебе надо сделать волосы бирюзовыми. Или голубыми.

Несколько мгновений мы молча разглядываем волосы друг друга.

— А со скольких лет тебе разрешат их покрасить? — спрашиваю я.

— С шестнадцати.

Я протягиваю ей руку и обещаю:

— В шестнадцать покрасим волосы вместе.

— Синяя голова, — заявляет она.

— Голубая голова. Или бирюзовая, — соглашаюсь я, хотя уже не так уверенно.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Хэ-Рин изо всех сил стискивает мою руку — чего и следовало ожидать. Чёрт, да сколько же силы в этой девчонке. Почти столько же, сколько в двух пальцах Зевса, которыми он хватает нас за уши, если мы делаем что-нибудь не так.

— По рукам. Теперь ты обязан быть моим другом ещё…

— Восемь лет, — выпаливаю я.

— Сколько тебе лет?

— Девять.

— Мне тоже. Шестнадцать минус девять — семь. Семь лет, Поси.

Ой. Точно. Я не силён в математике. Цифры меня путают.

Иногда я спрашиваю маму и папу, не тупой ли я, особенно когда понимаю слова буквально и задаю вопросы, от которых все вокруг разевают рты. Мой брат Зевс всегда взъерошивает мне волосы и отвечает, что нет. Ему очень нравится говорить, что я из тех, кто вместо вопроса «почему?» задаётся вопросом «а почему бы и нет?». Я не знаю, хорошо это или нет, комплимент ли — это вообще, но в нашем доме слово «тупой» строго запрещено.

Хэ-Рин не похожа на других детей. Она не говорит, что я тупой только потому, что я неправильно вычел.

— Ты бы предпочёл, чтобы я на минуту засунула твою голову под воду или чтобы я закопала тебя на пляже по шею на целый час?

На этот раз я смеюсь. И с радостью позволяю своей новой странной подруге засыпать меня песком. Я даже помогаю ей выкопать яму, в которую потом сяду. Её мама подходит проверить, всё ли в порядке и не мешает ли мне её дочь.

Когда я уже намертво застрял в песке и наружу из золотистого слоя вокруг меня торчит только голова, мой взгляд устремляется к морю. Один сёрфер ловит волну, раскинув руки и удерживая тело в идеальном равновесии.

Хэ-Рин это замечает.

— Ты тоже хочешь так?

— В следующем году мама с папой запишут меня на занятия. Инструктор сказал, что я пока слишком щуплый и, если ещё немного подождать, у меня, возможно, будет лучше получаться.

— А я занималась сёрфингом в Сан-Франциско.

Я резко поворачиваюсь к Хэ-Рин.

— Что?

— Я начала в семь лет. Я довольно хорошо умею.

— Вау.

Не знаю, что ещё сказать; если честно, я немного завидую тому, что она уже начала, а я ещё нет.

— Я тебя подожду, и будем кататься вместе.

От её слов я улыбаюсь так широко, что начинают болеть мышцы лица. Оглядываю песок вокруг себя.

— А почему бы нам не закопать ещё и мою голову?

Хэ-Рин распахивает свои миндалевидные глаза.

— Ты умрёшь! Под песком невозможно дышать.

— А, точно. Ладно. Тогда до ноздрей.

Она разражается смехом. И снова кажется, будто звенит тысяча маленьких колокольчиков.

— Ты завтра опять будешь здесь, на пляже? — спрашивает она.

Я киваю.

— Ещё поиграем?

— Хорошо.

— Спасибо.

— Только никаких странных вопро…

— Ты и так знаешь, что я буду их задавать. Так что сам рискуешь.

Когда солнце начинает опускаться и небо окрашивается в оранжевый, папа приходит за мной, чтобы ехать домой. Он единственный, кто всегда меня ждёт. Моим братьям и сестре не очень нравится проводить время на пляже: Зевс всё время сидит в тени и читает, а Гера изо всех сил старается загореть. Дионис сидит под зонтиком — в кепке, солнечных очках и весь обмазанный солнцезащитным кремом, — с такой огромной кислой миной, что даже мороженое не способно её стереть.

Это я готов проводить каждый час своей жизни, стоя ногами в воде, и папа делает всё возможное, чтобы я был счастлив. Поэтому, даже когда остальные уже уходят, он остаётся со мной, и домой мы возвращаемся вдвоём. Ритуал всегда один и тот же: он смывает с меня весь песок, который успел забиться во все части тела, включая уши и нос, хорошенько вытирает меня, потом усаживает на пассажирское сиденье и сам пристёгивает ремнём.

От пляжа до дома всего одиннадцать минут на машине, но мне всегда хочется, чтобы время замедлилось. Отчасти потому, что я хочу ещё немного сохранить на себе запах соли, а отчасти потому, что быть рядом с папой — самое простое на свете.

Он включает радио и ставит свои песни, напевая себе под нос, если только в этот момент не задаёт мне какой-нибудь вопрос. Всегда один и тот же диск, который он записал сам из всех своих любимых песен.

Мне кажется, у меня самый потрясающий папа на свете. Иногда странно так думать, потому что он не мой настоящий отец. Мне объясняли это получше, но, если коротко: мой настоящий отец был другим человеком, а мама и папа усыновили меня, потому что они были лучшими родителями и любили меня.

Но мне всё равно. Гиперион и Тейя официально мои родители уже три года, и эти три года были очень счастливыми. Они разрешают мне ходить к морю, ждут, если я хочу искупаться ещё один, самый последний раз, помогают смывать водоросли, которые липнут к телу, покупают мне много мороженого и помогают с учёбой, ни разу не теряя терпения, когда моему мозгу трудно поспевать за всей информацией.

Жизнь с ними прекрасна, как запах океана.

— Хорошо сегодня провёл время?

Я смотрю на его профиль. Когда мы едем вместе, я всегда поворачиваюсь к нему и разглядываю его, пока он ведёт машину.

— Да.

— А кто та девочка, с которой ты всё время был?

Я прикладываю огромные усилия, чтобы правильно вспомнить произношение её имени, хотя её здесь нет, она всё равно не услышит и не сможет обидеться.

— Хэ-Рин! Она переехала сюда с мамой и бабушкой. Она кореянка!

Он улыбается.

— Красивое имя.

— Правда? Странное, как наши.

Он на мгновение запинается.

— Наши имена не странные, эй.

— Меня зовут Посейдон, — напоминаю я ему. — А тебя Гиперион. Маму — Тейя. А про Зевса я вообще молчу...

— Если бы ты только знал, что существуют ещё люди по имени Кронос и Уран... — бормочет он так тихо, что мне кажется, будто я ослышался. — В любом случае я рад за тебя. Думаешь, ещё увидишься с ней? Хочешь пригласить её поиграть к нам домой?

— Думаю, да. Я при ней столько глупостей наговорил, а она ни разу не назвала меня «тупым». Она классная.

Красный свет светофора дарит нам ещё несколько минут. Папа пользуется этим, чтобы погладить меня по щеке.

— Конечно, она не назвала тебя этим плохим словом. Ты не тупой.

— Не тупой... — неуверенно повторяю я. — Пап?

Машина плавно трогается.

— Да?

— Тогда почему некоторые говорят, что я тупой?

— Потому что люди не всегда бывают добрыми, и ты ничего не можешь с этим сделать, кроме как не обращать на них внимания.

— Но иногда я ведь делаю глупости, правда? Иногда я что-то говорю или делаю, а другие дети смотрят на меня так, будто я инопланетянин. Я правда так странно себя веду?

Он бросает на меня взгляд.

— Ты не тупой, Посейдон. Ты просто любопытный и очень часто идёшь на поводу у своего любопытства: там, где другие остановились бы на вопросе, ты обязательно ищешь ответ.

Я киваю, обдумывая его слова.

— Как тогда, когда я укусил кусок мыла для рук?

Он улыбается.

— Например, да.

— Или когда я отрезал волосы кукле Геры, потому что хотел посмотреть, отрастут ли они снова, как наши?

— Ну, это был вполне законный вопрос, а не глупость. Ты просто провёл эксперимент.

— Но мне всё равно не стоило этого делать...

— Зато ты потратил свои накопленные деньги, чтобы купить ей новую куклу.

— Точно. Значит, я тупой, но добрый?

Теперь он смеётся — от души, — сворачивая на улицу, которая ведёт к нашему дому. Длинную жилую улицу, по обеим сторонам которой стоят маленькие разноцветные домики и тянутся сады с деревьями и цветами.

— Ты не тупой. И да, ты добрый.

— Пап?

— Что, сынок?

— А в шестнадцать мне можно будет покрасить волосы в голубой?

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. «ЭЙ, ПОСИ»

Посейдон — бог спокойных вод, медленных течений и безопасных гаваней. Моряки молились ему не только о том, чтобы избежать его гнева, но, и чтобы он даровал попутный ветер. Ведь это бог, способный предпочесть ярости спокойствие.

Посейдон

— Я не хочу в школу, — повторяю я. — Я хочу на пляж, плавать!

Папа замирает у раковины с намыленной тарелкой в руке. А мама вздыхает. Устало, как человек, который слышал одну и ту же жалобу уже слишком много раз, хотя я не виноват в том, что мои одноклассники были злыми и постоянно меня отталкивали.

Тейя подходит ко мне и опускается на колени, чтобы оказаться со мной на одном уровне.

— Милый, если кто-то будет тебя обижать, ты звонишь мне, и я пойду и разобью ему мор…

Папа тут же бросается к нам, вытирая намыленные руки.

— Любимая, может, сменишь меня там? Я сам поговорю с Поси.

Она кривится, пожимает плечами и отходит.

Папа наклоняется ко мне. Как бы сильно я ни любил маму, иногда она бывает очень порывистой и говорит слишком резко. Гиперион — её полная противоположность: там, где она заряжает нас энергией и вытаскивает наружу смелость, о существовании которой мы сами не подозревали, он дарит спокойствие — особенное тепло, которое я чувствую прямо в груди, там, где бьётся сердце.

Мама — это чувство, которое, как мне кажется, я испытаю, когда наконец оседлаю те огромные волны, на которых сейчас катаются взрослые. Папа — это чувство, когда лежишь на воде и позволяешь ей качать тебя, пока плывёшь на спине.

— Малыш, в чём проблема?

Я опускаю голову.

— Проблема в детях, с которыми я буду учиться.

Он вздыхает.

— Сегодня у тебя первый день в средней школе. Скорее всего, многие одноклассники будут новыми, и у тебя появится возможность начать всё сначала. Может быть, всё пройдёт хорошо, как думаешь? Вдруг тебя ждёт приятный сюрприз.

— Я не очень в это верю, пап.

— В этот раз мы не позволим повториться тому, что уже было, — восклицает мама, размахивая мокрым половником. В воздух летят хлопья мыльной пены. — Будем действовать сразу. Если понадобится, я сама пойду домой к родителям этих невоспитанных сопляков, которые считают себя крутыми, потому что строят из себя грёбаных хули…

Папа кашляет так громко, что я не слышу окончания фразы.

За время начальной школы меня трижды переводили из класса в класс, чтобы я мог уйти от детей, которые надо мной издевались. Было грустно понять, что, куда бы я ни попадал, меня всё равно продолжали высмеивать.

Уже в первый месяц мне дали прозвище, от которого я так и не смог избавиться. Из Посейдона я превратился в Тупейдона. Что бы я ни сказал или ни сделал, в ответ

обязательно слышались смешки и насмешки, а на меня смотрели со злобой — даже некоторые родители.

Сколько бы мама с папой ни пытались говорить с учителями, никто из них так и не вмешался по-настоящему.

Зевс и Гера тоже старались мне помочь, оставаясь рядом, когда у них была такая возможность. К сожалению, от этого стало только хуже, потому что теперь я был не просто тупым ребёнком, а тупым ребёнком, которого защищают брат с сестрой.

Я не знаю, правда ли я такой тупой, как все говорят, но иногда, когда произношу свои мысли вслух, люди смотрят на меня странно. Просто мне требуется больше времени, чем другим, чтобы понять, как что-то сделать, или разобраться в предмете, который многим даётся совсем легко.

— Ты не можешь не ходить в школу, малыш, — тихо говорит папа, почти так, словно ему самому жаль это произносить. — Просто попробуй и рассказывай нам, как всё проходит. Мы будем реагировать с первого же дня и сделаем всё возможное, чтобы следующие годы были для тебя счастливее.

Я всё равно не очень верю его словам: он всегда видит в людях хорошее. Так однажды сказала мама, и с тех пор я понял, насколько это правда. У папы огромное сердце и такая доброта, которая, кажется, не исчезает даже рядом с людьми, обращающимися с ним ужасно.

Папа решает отвезти меня в школу один, но перед тем, как я сажусь в машину, ко мне подходит Зевс и взъерошивает волосы. Это самое близкое к объятию, на что способен мой старший брат. Он не из тех, кто любит открыто проявлять чувства. Он совсем не такой, как Гера, в которой столько любви, что я не помню ни одного дня, когда она меня не приласкала.

Когда мы трогаемся, начинает играть моя любимая песня из папиной коллекции. Первые ноты Hey Jude группы Beatles заполняют салон и всё-таки заставляют меня улыбнуться.

Папа запевает во весь голос, заменяя имя Джуд на Поси.

— Эй, Поси, не бойся...

Я не удерживаюсь от смешка.

— Ну пап!

Он только прибавляет громкости и продолжает орать песню, фальшивя на каждом слове, но ни на секунду не переставая улыбаться. Когда мы останавливаемся на светофоре, женщина в соседней машине смотрит на нас, слегка округлив глаза. Папе всё равно. Наоборот, он хватает меня за руку и начинает размахивать моей рукой в воздухе в такт мелодии.

— Давай, пой со мной!

Я начинаю нерешительно, потому что сегодня никак не могу заставить себя быть в хорошем настроении. Мне не хочется получать этот маленький кусочек счастья, если потом всё равно придётся пять часов сидеть взаперти в классе, где меня называют «тупым».

Но папина радость заразительна, и проходит совсем немного времени, прежде чем мы уже оба поём во весь голос и машем руками.

Когда последние ноты песни затихают, мы уже припаркованы в нескольких шагах от моей школы. Я обеими руками вцепляюсь в ремень безопасности, ладони вспотели, сердце колотится. Папа отстёгивает свой ремень и поворачивается ко мне, удобно откинувшись на сиденье, словно это кресло.

— Знаешь, Пол Маккартни написал Hey Jude, чтобы поддержать сына Джона Леннона, когда его родители переживали очень тяжёлый развод. Пол хотел подбодрить Джулиана — Джуда — и не дать ему утонуть в грусти и боли. Очень добрый поступок, правда?

Я киваю.

Меня всегда поражает, что папа не просто любит какую-нибудь песню и слушает её: он обязательно ищет смысл текста и разыскивает интервью, чтобы узнать о ней побольше.

— Больше всего мне нравится строчка: «Возьми грустную песню и сделай её лучше», — продолжает он. — Мне нравится, как она подталкивает тебя взять неприятную ситуацию и обратить её себе на пользу, понимаешь? С чем бы тебе ни пришлось столкнуться в жизни, не закрывай сердце для надежды. Ищи её внутри себя, в людях, которые тебя любят, в маленьких хороших вещах — и сделай своим щитом от грусти.

— Да. Хорошая мысль.

Он улыбается.

— Как насчёт того, чтобы взять её себе?

Я хочу быть смелым ради папы и мамы. Но всё равно мне кажется, что я никогда не перестану в них нуждаться, даже когда вырасту.

— Проводишь меня до двери? — шепчу я.

— Конечно, Поси. Без вопросов.

Мы идём через школьный двор. Здесь стоят огромные деревья с очень зелёными, блестящими листьями, и, если прищуриться, можно заметить маленьких птиц, сидящих на ветках. Я сосредотачиваюсь на них, а не на других детях, которые идут рядом с нами вместе со своими родителями.

Теперь я уже боюсь, что другие могут понять, что я тупой, просто посмотрев на меня, даже если я буду молчать и вообще не двигаться.

Папа оставляет меня перед дверью класса, где всё кипит: дети меняются местами, ножки стульев скребут по полу, вокруг стоит весёлый гул голосов. Он наклоняется ко мне, чтобы оказаться ближе к моему лицу, но при этом остаётся так, чтобы остальные его не видели.

— Удачи, чемпион.

Когда я пытаюсь отвернуться и войти, он меня удерживает.

— Поси?

— Да?

Может, он скажет, что передумал и мне не нужно идти в школу, что я могу вернуться с ним в машину, петь его стариковские песни, а потом мы, может быть, даже поедем на пляж плавать.

— «Возьми грустную песню и сделай её лучше». Помни об этом.

Какой бы красивой ни была эта фраза, я совершенно не понимаю, как мне это сделать. Печальная мелодия и грустные слова всё равно остаются тем, чем были. Так же как я остаюсь ребёнком, над которым все смеются.

Я оглядываюсь, высматривая свободные места. Надеюсь, найти пустую парту, которую не придётся ни с кем делить. Проверяю один раз, второй, потом ещё — до пяти раз, — прежде чем с разочарованием понимаю, что таких нет.

Остаётся только решить, кто из детей без соседа по парте выглядит наименее злым.

Вдруг одна рука взлетает вверх и начинает яростно размахивать.

— Поси!

Знакомый голос.

Я нахожу глазами лицо, которому он принадлежит. Два миндалевидных глаза и водопад блестящих чёрных волос.

Хэ-Рин?

Когда наши взгляды встречаются, она хлопает ладонью по свободному стулу рядом с собой.

— Иди сюда!

Пока я подхожу, не веря, что мне настолько повезло, я начинаю это чувствовать. Моя грустная песня становится веселее. Именно об этом говорил папа.

— Мы будем учиться в одном классе? — восклицаю я, садясь рядом.

Её глаза сияют.

— Похоже, что да! Ты рад?

Я уже собираюсь ответить, что да, конечно, да, я так счастлив, что сердце вот-вот лопнет у меня в груди, но вмешивается один мальчик. У него каштановые волосы и кожа белая, как молоко. Он хмурится, разглядывая меня, и я сразу начинаю ждать худшего. Он обращается к Хэ-Рин, даже не удостоив меня приветствия.

— Ты точно хочешь сидеть с этим? Мой лучший друг учился с ним в начальной школе и говорит, что он вообще какой-то странный!

Хэ-Рин даже не моргает.

— Мне плевать и на тебя, и на твоего друга.

— Ещё пожалеешь, если меня не послушаешь! — настаивает он. Потом показывает на парту позади своей, где одна сидит девочка. — Пересядь к Стелле, я её знаю. С ней тебе будет лучше.

Я опускаю голову, нервно перебираю пальцами на коленях и заставляю себя думать о хороших воспоминаниях, чтобы отгородиться от этой унизительной ситуации.

Я вздрагиваю, услышав удар.

Хэ-Рин стоит на ногах, всё ещё прижав сжатый кулак к синей столешнице. Наклонившись к нашему однокласснику, она смеряет его взглядом с головы до ног, а лицо у неё пунцовое.

— Поси — мой лучший друг! Не смей говорить о нём ничего плохого, понял? Оставь нас в покое!

Каждое слово она произносит таким серьёзным, низким тоном, что замолкают даже другие дети вокруг нас. Мальчик, которому всё это адресовано, поднимает руки и отступает.

— Ладно, — запинается он. — Ладно.

Но, когда он снова поворачивается к нам спиной, то наклоняется к соседу по парте, и я слышу их разговор.

— Они оба психи, — бормочет один.

— Ага. Лучше держаться подальше от обоих.

Я ухмыляюсь, совершенно не способный обидеться. Особенно потому, что Хэ-Рин ведёт себя так, словно ничего вообще не произошло: достаёт пенал и дневник и аккуратно раскладывает их перед собой.

А я смотрю на неё. Смотрю, как заворожённый, словно… тупой, да.

Я понимаю это день за днём. В течение своего первого года в средней школе, когда ладони больше не потеют перед тем, как я выхожу из папиной машины. Когда я

больше не медлю, прежде чем попрощаться с ним и мамой. Когда одноклассники всё ещё смеются надо мной, но мне уже всё равно. Потому что у меня есть Хэ-Рин, которая защищает меня и играет со мной, а иногда одна настоящая подруга стоит больше, чем множество тех, кому ты на самом деле не нужен.

Я понимаю, что грустная песня всё равно остаётся грустной песней: нельзя изменить её мелодию и слова так, чтобы она стала счастливой. Но рядом может быть кто-то, кто будет петь её вместе с тобой, улыбаясь.

Именно этим она для меня и является.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 3. НУЖНАЯ ВОЛНА

Чтобы спасти его от Кроноса, Рея притворилась, будто родила жеребёнка, а своего настоящего сына, Посейдона, спрятала среди стада овец. Арна, дочь Эола, бога ветров, стала его кормилицей, а затем его воспитали Тельхины — девять братьев с собачьими головами и рыбьими хвостами вместо нижней части тела, владевшие искусством обработки металла и кузнечным ремеслом. Именно они создали для Посейдона орудие, которому суждено было стать его символом: трезубец.

Посейдон

Я люблю в сёрфинге всё.

Холод, который пробирается под гидрокостюм у запястий и шеи. То, как ледяная океанская вода ударяет в меня, заставляя вздрагивать. Я люблю запах воска, которым натираю доску: и тот, что пахнет кокосом, и тот, от которого тянет парафином.

Люблю лишь, пристёгнутый к моей лодыжке, даже несмотря на то, что он всегда немного тянет.

Люблю мгновения перед тем, как зайти в воду, когда нужно читать волны и ждать подходящего момента. Он никогда не бывает идеальным, но лезть в воду сразу и бросаться очертя голову — ошибка, которую я усвоил ещё на своём самом первом занятии.

Люблю, как океан сопротивляется, как вода разбивается о мои колени, не пускает меня вперёд и тянет доску назад. Потому что благодаря этому я ещё сильнее ценю момент, когда он наконец вспоминает, как сильно я его люблю, и перестаёт сопротивляться моему движению.

Мне нравится и лайн-ап. Когда сидишь на доске, свесив ноги в воду, и ждёшь идеальную волну. Это тихий, одинокий, почти священный момент. И я люблю его ещё сильнее, когда рядом со мной Хэ-Рин. А это бывает в девяноста девяти процентах случаев.

Сегодня днём Тихий океан, кажется, не собирается дарить нам ни одной волны.

Мы с Хэ-Рин сидим на досках уже столько, что мой мозг успел зарегистрировать это время как вечность.

— Ты бы предпочёл съесть ту мерзкую водоросль, которая плавает перед нами, или чтобы я перевернула тебя вместе с доской?

Я закатываю глаза.

Прошло уже пять лет с тех пор, как она начала эту свою игру. Хотелось бы сказать, что в какой-то момент она прекратила и мы спокойно зажили дальше, не подвергая меня пыткам, но ничего подобного. Я всё ещё застрял в игре, которую мы начали в девять лет и которая сегодня, когда нам уже по четырнадцать, продолжает идти как ни в чём не бывало.

— Даже в мой день рождения не можешь оставить меня в покое?

Хэ-Рин не отвечает. Одним быстрым движением она сталкивает меня вниз. Я слишком расслабился, хотя и подозревал, что она именно так и сделает, и в результате ухожу под воду, а лишь дёргает меня за лодыжку.

Я выныриваю, отплёвываясь.

— Засранка.

— С днём рождения, Поси!

Я снова устраиваюсь на доске, теперь ближе к ней, а потом яростно трясу головой, забрызгивая её водой. Хэ-Рин хихикает и даже не пытается прикрыться.

— Ещё два года — и мы сможем покрасить волосы, — напоминаю я ей.

Это наша обязательная фраза на каждый день рождения.

Ещё три года и… Ещё четыре года и… Ещё пять лет и…

— На этот раз ты даже правильно вычел.

— Я посчитал на пальцах той руки, которую ты не видишь.

Она смеётся. Её смех с годами совсем не изменился, и я этому рад. Если уж на то пошло, между нами вообще ничего не изменилось. Мы выросли и продолжаем расти — бок о бок. Видимся почти каждый день, почти всегда здесь, на пляже, оседлывая очередную волну.

Мама всё твердит, что мне стоит позвать её вместе поесть мороженого или сходить куда-нибудь в симпатичное место. Я отвечаю, что мы вообще не такие и она всё неправильно понимает. К тому же Хэ-Рин не ест мороженое, если на улице меньше восемнадцати градусов. Такое у неё правило. А я его уважаю. Вот. Да.

Я уже знаю Хэ-Рин так же хорошо, как собственных братьев и сестру. Знаю, что её любимый цвет — синий, что она терпеть не может любые украшения, но никогда не снимает браслет дружбы, который мы купили в одиннадцать лет: много разноцветных бусин и белая ракушка-подвеска. Знаю, что она ненавидит, когда её называют Эйвери, в плохо замаскированной попытке сделать из неё американку, поэтому при других я всегда зову её Хэ-Рин. Знаю, что, если бы ей оставалось жить три минуты и тридцать три секунды, она провела бы их, слушая I Want It That Way группы Backstreet Boys. Знаю, что она терпеть не может собирать волосы в хвост и предпочитает носить их распущенными, что мечтает о волнистых волосах, а не о «прямых, как спагетти». Знаю, что её любимое животное — морской конёк и она мечтает хотя бы раз в жизни увидеть одного вживую. Она презирает американский фастфуд и обожает французскую кухню, а если бы могла, питалась бы одними блинами с утра до вечера.

Хэ-Рин была первой девочкой, которая ни разу не назвала меня «тупым» и никогда не смотрела на меня странно, если я говорил или делал что-нибудь такое, чего она сама никогда бы не сказала и не сделала. Она всегда защищала меня от других, а я защищал её, когда над ней издевались из-за миндалевидных глаз или потому, что её имя якобы «невозможно произнести».

Я прикрываю её спину, а она — мою. Мы идеально уравновешиваем друг друга, у нас отношения на равных.

— Знаешь, мне кажется, сегодня мы так ни одной волны и не поймаем, — бормочет она спустя некоторое время.

Я поворачиваюсь к ней. Солнце уже опустилось низко, готовясь скрыться за горизонтом, и его лучи словно подсвечивают всю её фигуру, окружая золотистым сиянием. Порыв ветра растрёпывает её чёрные, идеально прямые волосы, и одна прядь падает ей на лицо. На мгновение, на крошечную долю секунды, мне хочется протянуть руку и убрать её за ухо. А потом, может быть, немного задержаться пальцами на её щеке.

Но я ведь не могу так сделать, правда? Нет. Боже, нет. Это было бы странно. Конечно, я бы сделал это только потому, что она мне дорога. Чтобы всё было ясно.

Хэ-Рин ложится на доску и устремляет взгляд в небо. Я повторяю, за ней, даже не замечая этого. Только она смотрит вверх, а я смотрю на неё.

Не знаю точно, сколько проходит времени. Мне кажется — три вдоха, но небо уже окрашивается в оранжевый, а вода вокруг нас превращается в жидкое золото.

Когда её глаза останавливаются на мне, я резко отворачиваюсь, избегая её взгляда, и сопровождаю движение совершенно фальшивым кашлем.

— Да ладно, не делай такое лицо, — весело восклицает она, ничего не замечая. — Знаю, ты надеялся поймать несколько классных волн в свой день рождения, но мы ещё можем сделать этот день потрясающим.

— И как?

Хэ-Рин с размаху хлопает ладонью по поверхности воды, окатывая меня прямо по лицу.

— Я-то что сделал? — воплю я, сдерживая смех.

Следует второй залп. На этот раз мой рот открыт, и вкус морской соли заставляет меня кашлять и отплёвываться.

— Надо было сказать, что день и так потрясающий, потому что ты проводишь его со своей лучшей подругой.

— Ну, это само собой. Каждый день с моей лучшей подругой потрясающий.

Хэ-Рин кивает, будто я ученик на экзамене, который только что дал преподавателю правильный ответ.

— Но можно сделать ещё лучше.

— Я тебя боюсь, когда у тебя такой взгляд и такой тон.

— Какой взгляд и какой тон?

— Тот самый взгляд и тот самый тон Хэ-Рин, которая задумала что-то, из-за чего у нас будут неприятности.

— Ты любишь неприятности.

— Твоя правда.

Я всегда её поддерживаю. Нам обоим приходят в голову одинаково идиотские идеи, и ни один из нас ещё ни разу не отказался проверить их на практике. Чаще всего вытаскивать нас из неприятностей приходится Зевсу, сопровождая спасательную операцию бесконечной нотацией в лучших традициях старшего брата.

Хэ-Рин внезапно спрыгивает с доски, застав меня врасплох.

— Пойдём красить волосы.

— Что? Но нам ещё нет шестнадцати…

— И что? Насколько вообще могут что-то изменить два года? Ни насколько. Сделаем это сейчас, в четырнадцать.

Мой мозг не тратит на раздумья ни секунды.

— Я за.

Мы возвращаемся на берег со всех ног, подгоняемые адреналином. Всё это время смеёмся как идиоты, хотя никто не сказал ничего смешного. Просто смеёмся — даже когда бежим к дороге и ждём автобус, который довезёт нас почти до моего дома. Мы без всякого стыда хихикаем и в магазине, причём настолько сильно, что я хватаюсь за полку и роняю с неё с десяток коробок краски для волос.

Покупаем всё необходимое, чтобы осветлить чёрные волосы Хэ-Рин, и идеальный для неё оттенок синего, а потом нужный цвет для меня — голубой. У меня светлые волосы, так что краска должна взяться без особых проблем.

Дома мы начинаем красться на цыпочках, едва переступив порог. План простой: подняться по лестнице и запереться в моей ванной так, чтобы нас никто не заметил. К сожалению, на кухне сидят Арес, Нис и Зевс.

Они останавливают нас мгновенно.

— Эй, ребята, — здоровается Зевс. — Как дела?

— Куда собрались? — тут же добавляет Арес. — Презервативы нужны?

Я разеваю рот. А Хэ-Рин смеётся, будто сама мысль о том, что между нами может происходить что-то подобное, совершенно нелепа.

Нис показывает на неё пальцем и смотрит на меня.

— Не очень хороший знак, сразу говорю.

— Хватит уже со своими пошлостями, — одёргивает его Зевс. Потом прищуривается, изучая меня и мою подругу так, словно судья перед вынесением приговора. — Что вы задумали? Хэ-Рин, останешься у нас на ужин?

— Ты неправильно произнёс. Нужно Хэ… — начинаю я.

Хэ-Рин останавливает меня, схватив за предплечье.

— С удовольствием, спасибо!

Я знаю, что мои братья-занозы ещё не закончили, поэтому мягко подталкиваю её в сторону коридора.

— Почему бы тебе не пойти первой? Я тут кое с чем разберусь и догоню.

Арес и Дионис одновременно поднимают руки и провожают её двумя одинаково ехидными улыбочками. Она не обращает внимания: давно их знает и настолько воспринимает меня исключительно как друга, что, думаю, даже не улавливает половину их намёков на нас двоих.

Когда мы остаёмся одни, первым в атаку идёт Арес.

— Да поцелуй ты её уже взасос, и покончим с этим раз и навсегда.

— Как всегда, сама утончённость, — бормочет Зевс.

— А я с ним согласен, — добавляет Нис.

— Тебя никто не спрашивал, — отрезаю я. — Вообще-то никто никого ни о чём не спрашивал. Хватит!

Арес уже снова открывает рот, но его отвлекает Гера. Сначала я слышу, как она тепло здоровается с Хэ-Рин, а потом появляется у подножия лестницы. Волосы у неё уложены волнами, она даже накрасилась, а одежду, похоже, подбирала тщательнее обычного.

— Куда идёшь? — тут же допытывается Зевс.

Гера поправляет сумочку на плече.

— Прогуляться.

— С кем?

— С подругой.

— Её зовут Дилан, у неё ореховые глаза и самая милая улыбка на всём белом свете, — декламирует Нис, изображая женский голос.

Гера распахивает глаза.

— Ты читал мой дневник?! — визжит она.

Она уже бросается на него, сжав руки в кулаки. Нис запрыгивает на стул и начинает носиться по кухне, прячась за Зевсом, который раскидывает руки и прикрывает его собой.

— Это личное! — продолжает она, пытаясь до него добраться. — Ты не имеешь права рыться в моих вещах, это не твоё дело! Как ты вообще посмел? Боже, Нис, клянусь, я тебя…

Зевс ищет взглядом меня и Ареса.

— Вы двое не хотите помочь?

— Нет, неохота… — отвечает Арес.

Я сглатываю.

— А я занят.

Когда Гера на кого-то злится, лучше не вмешиваться. Она самый добрый человек на свете, но способна превратиться в настоящего демона.

— Как бы там ни было, — Зевс оттесняет нашу сестру подальше, — одна с парнем ты не пойдёшь. Я буду держаться на расстоянии и прослежу, чтобы всё было в порядке.

Это мгновенно отвлекает её от вторжения Ниса в личную жизнь.

— Что? Даже не мечтай. Мне не нужна нянька. И я не хочу, чтобы ты ходил за мной и шпионил!

Он скрещивает руки на груди и смотрит на неё сверху вниз. Зевс старше всех нас, хотя и ненамного, но, когда мамы с папой нет, сам берёт на себя роль родителя. Они его об этом никогда не просили — ему это просто свойственно. Арес говорит, что он всего лишь долбаный помешанный на контроле зануда, а Нис «полностью подписывается». По-моему, Зевс просто заботливый.

— О да, Лиззи. Ты меня не переубедишь. Вот увидишь, ты даже не заметишь, что я рядом.

— Зевс, ну пожалуйста! Дилан хороший человек.

— Парни в таком возрасте думают только об одном.

— Это правда, — соглашается Арес, жуя бутерброд с открытым ртом. — О сексе. Я знаю, потому что сам думаю об этом каждый день, каждую секунду, каждое мгновение…

Зевс поднимает руку.

— Всё, хватит. Мы поняли.

— Неправда, — вмешиваюсь я. — Я думаю и о других вещах.

Все поворачиваются и молча смотрят на меня.

Нис вздыхает.

— Мы знаем, Поси. Ты живёшь в своём мире рыб и водорослей.

— А вот Дилан наверняка нет, — снова идёт в наступление Зевс, теперь уже преследуя Геру, направляющуюся к входной двери. — Поэтому я иду с тобой. Нравится тебе это или нет. А если попробуешь сбежать — позвоню папе.

— Ты невыносимый, клянусь. Ну разве можно…

Её голос обрывается хлопком входной двери: они оба уже снаружи.

Арес и Нис хихикают как дети. Но отвлеклись они ненадолго: драма с Герой закончилась, и теперь их внимание снова переключается на меня и Хэ-Рин. Чёрт.

— Итак, возвращаясь к… — начинает Арес.

— Нет. Оставьте меня в покое.

Я сбегаю прежде, чем они успевают добавить хоть слово. Взлетаю по лестнице почти через три ступеньки и спотыкаюсь, как назло, прямо на последней.

Хэ-Рин уже в моей ванной и раскладывает всё, что понадобится нам для окрашивания волос.

Её телефон лежит на раковине и играет её любимую песню Backstreet Boys. Она двигается в такт и время от времени подпевает, пока готовит осветляющий состав и размешивает его в маленькой миске. А моя голубая краска, похоже, уже готова.

Я прислоняюсь к дверному косяку и несколько секунд наблюдаю за её маленьким представлением.

— Ты бы предпочёл попробовать на вкус крем-краску или покрасить в голубой ещё и брови?

Она застаёт меня врасплох.

Сердце будто проваливается куда-то в груди. Она заметила, что я за ней наблюдал? Если да, её это совершенно не волнует. Она продолжает заниматься своим делом, даже не удостоив меня взглядом.

— Ну? Мне опять самой выбирать за тебя?

Если честно, все эти годы почти всегда так и было. Хэ-Рин задавала мне очередной абсурдный вопрос, я не мог решить, что ответить, и тогда она выбирала вместо меня. Самое смешное — она всегда выбирала именно то, что, как я в глубине души понимал, выбрал бы и сам.

Сегодня происходит то же самое.

— Ладно, красим брови. В конце концов, они должны подходить к волосам, правда?

Я сажусь на закрытую крышку унитаза, смирившись со своей судьбой.

— Знаешь что? Можно ещё покрасить в голубой волосы под мышками.

Поднимаю руку и разглядываю густые светлые волосы.

— Да. Мне нравится эта идея.

Хэ-Рин смеётся и берёт первую из двух кисточек для окрашивания, которые мы купили.

— Хорошо. Начинаем.

У нас нет никакого опыта, но Хэ-Рин старается изо всех сил. Она разделяет мои волосы на несколько секций и наносит краску с таким сосредоточенным выражением лица, что я убеждаю себя: результат будет идеальным. Она касается меня осторожно; иногда кладёт свободную руку мне на плечо, пока другой кисточкой промазывает волосы. Иногда проводит ладонью по волосам, просто чтобы равномерно распределить краску.

И впервые её прикосновения ощущаются вот так.

Впервые её руки на мне заставляют меня с трудом сглатывать и чувствовать какое-то странное волнение в животе.

К волнению в животе мне не привыкать. Такое бывает, когда я ем слишком много молочного или смешиваю какую-нибудь странную еду, вроде хот-догов со сливками.

— Не двигайся, теперь брови, — шепчет она.

Хэ-Рин обхватывает меня рукой за шею, заставляя запрокинуть голову. Она возвышается надо мной и наклоняется ближе, внимательно разглядывая моё лицо. Потом собирает остатки краски и указательным пальцем размазывает её по моим бровям.

Она так близко, что кончик её носа почти касается моего.

Я вздрагиваю, и не думаю, что она этого не заметила.

Но она выглядит совершенно невозмутимой, безразличной, будто в происходящем нет ничего необычного.

Что со мной?

Я задерживаю взгляд на её губах в форме сердечка — и внутри снова всё проваливается. Это гораздо хуже, чем когда я объедаюсь моцареллой. Да. С Хэ-Рин... дело точно не в лактозе. Почему я так себя чувствую?

Может быть, я просто никогда не был настолько близко к девушке. Она единственное существо женского пола, которого я знаю за пределами своей семьи. Я не хочу испортить нашу дружбу только из-за своего любопытства.

Мне нужно успокоиться.

Я прочищаю горло, и мы меняемся местами. Я поворачиваюсь к ней спиной, делаю несколько глубоких вдохов, а когда снова подхожу к ней, то уже становлюсь прежним Поси. Сначала мы осветляем её волосы, потом я наношу краску.

Краска летит во все стороны: за пределами воды я полный неумеха. Будто моё тело создано для жизни в океане, а на суше теряет всякую способность приспосабливаться.

Мы отмываем всё как можем, а потом встаём рядом перед большим зеркалом над раковиной.

У неё голова тёмно-синяя.

У меня — голубая. Хотя нет, скорее бирюзовая.

Несколько минут мы молча и предельно серьёзно разглядываем себя. А потом одновременно взрываемся смехом.

— Твоя мама и бабушка запретят тебе со мной видеться.

— А Тейя скажет, что мы выглядим потрясающе.

— Правда, моя мама именно такая.

— Гиперион и Зевс нас отругают, — продолжает она.

— А Арес будет над нами издеваться.

— А Нис, как обычно, сделает скучающее лицо.

— Я даже почти жду этого с нетерпением.

Мы внимательно рассматриваем друг друга в зеркале.

— Тебе нравится? — спрашиваю я.

— Очень. А тебе?

— Мне тоже. Тебе идёт.

Она улыбается.

— Я вообще-то про твои волосы. Тебе твои нравятся?

Я чувствую, как лицо вспыхивает.

— А. Точно. Какой я тупой…

— Эй, мы не говорим это слово, помнишь?

Я встряхиваю волосами. От них пахнет краской и какой-то химией. И почему-то мне это нравится.

— Я их обожаю. Думаю, больше никогда в жизни не сменю цвет. Буду красить волосы в бирюзовый всегда.

— Всегда?

Я встречаю её тёмные глаза в зеркальном отражении.

— Да. Всегда. А что я такого сказал?

— Ничего. Просто «всегда» звучит слишком уж сильно. Рано или поздно тебе надоест.

— Мне никогда не надоест этот цвет, — бормочу я.

— А я?

Её вопрос застаёт меня врасплох.

— А почему ты должна мне надоесть? Ты моя лучшая подруга.

— Навсегда?

Я с трудом сглатываю. Мне хочется, чтобы между нами было это «навсегда», но я уже не уверен, что хочу, чтобы всё оставалось так же, как было до сих пор.

Я вымученно улыбаюсь.

— Навсегда.

Она кивает, снова надевая на себя тот самый суровый вид, который отличал её с первой секунды нашего знакомства.

— Отлично. А теперь пойдём вниз и посчитаем, сколько шуточек про нас отпустит Арес.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 4. ТРУС

Море считалось у греков опасным и непредсказуемым. Поэтому Посейдон, его бог, жесток не ради развлечения: он реагирует, когда это необходимо, чтобы восстановить равновесие и наказать за высокомерие.

Посейдон

— Алкоголь на этой вечеринке просто отвратительный. Они что, не могли скинуться и купить что-нибудь приличное? — ворчит Дионис, допивая последнюю каплю. Он сминает стакан и отбрасывает его в сторону, а потом достаёт из кармана брюк фляжку. — Хорошо хоть я своё вино принёс.

Гера подбирает стакан с песка и бросает в один из пакетов для мусора.

Если честно, это и правда не лучшая выпускная вечеринка на свете.

— Зевс на три часа, — предупреждает Арес. — Спрячь, пока он не увидел и не начал читать нотации.

Я воспринимаю это как сигнал тревоги и для себя. Допиваю свой напиток двумя большими глотками — пожалуй, даже слишком большими, потому что часть жидкости стекает по подбородку.

Гера забирает и мой стакан и укоризненно смотрит на меня, одновременно показывая пять пальцев свободной рукой.

Я тяну ладонь к ней, чтобы дать пять, но она со вздохом отдёргивает руку.

— Нет. Я имела в виду, что это уже пятый. Тебе пора остановиться.

— Моя версия была веселее… — бормочу я.

Арес и Нис хихикают над недоразумением.

Голова кружится, и я уверен: если поддамся желанию просто завалиться спиной на песок, меня вырвет. Я перебрал.

Сегодня вечером Венис-Бич забит выпускниками и теми, кто просто примазался к празднику, чтобы получить повод выпить, поесть и повеселиться. Если честно, это далеко не мой любимый пляж в Хаф-Мун-Бей, Фрэнсис-Бич и Рузвельт-Бич мне нравятся гораздо больше. Но для празднования окончания школы место не такое уж плохое.

Мой взгляд сам собой устремляется к Хэ-Рин. Она тоже выпустилась и сейчас празднует это прямо во рту у своего парня.

Донни.

Кого вообще зовут Донни? Я даже не подозревал, что такое имя существует, пока она меня с ним не познакомила.

Они сидят в нескольких метрах от нас на одном из покрывал, расстеленных на песке, и без конца целуются, шепчут что-то друг другу на ухо, смеются и трогают друг друга. Лично я нахожу это отвратительным.

Хорошая новость в том, что мне удалось поступить в Стэнфорд, поднявшись из листа ожидания. Последние два года школы я учился как сумасшедший, занимался с репетиторами, чтобы подтянуть оценки, и всеми возможными способами набирал дополнительные баллы. Некоторые предметы всё ещё даются тяжело, но со временем я выяснил, что биология для меня вообще не представляет сложности. Она мне не только очень нравится — я легко её понимаю и всегда получаю самые высокие оценки.

Очень хорошая новость: мои братья и сестра тоже будут учиться в Стэнфорде, причём поступили без особых проблем. Все, кроме Ареса: ему придётся уехать в Нью-Хейвен и учиться в Йеле, выполняя миссию по наблюдению за нашими загадочными кузенами и Хейвен.

Потрясающая новость: Хэ-Рин тоже будет учиться в Стэнфорде.

Плохая новость: Донни тоже туда поступил.

Не то чтобы он мне не нравился. Я его просто ненавижу.

Он не раскрывает в Хэ-Рин лучшее — наоборот, во всём её ограничивает. Они вместе уже почти год, и почти год Хэ-Рин снова ходит с чёрными волосами, потому что её замечательный парень сказал, что «так ей гораздо лучше, а этот синий был слишком вызывающим и нелепым».

Мы всё ещё видимся, всё ещё вместе занимаемся сёрфингом, но гораздо реже. «Эффект Донни» существует на самом деле и заметно давит на нашу дружбу.

— Хэ-Рин и этот тип собираются размножаться прямо у всех на глазах? — спрашивает Зевс, когда подходит к нам. Он стоит, слегка повернувшись в сторону этих двоих, и на лице у него написано чистейшее отвращение.

— Мне не нравится Донни, — говорит Гера, усаживаясь на покрывало, на котором мы и так едва помещаемся. — Он понемногу гасит весь свет в Хэ-Рин.

Арес выхватывает фляжку у Ниса.

— И вообще, что за ебаное имя — Донни?

Рука Зевса движется так быстро, что я вздрагиваю. Он шлёпает по фляжке как раз в тот момент, когда Арес подносит её ко рту, и она улетает куда-то влево. Падает в песок, туда, где почти нет света.

— Хватит пить эту дрянь!

— Эй! Она моя была! И как мне её теперь искать? — возмущается Нис.

Зевс тычет в него указательным пальцем.

— Будет тебе уроком. Пора прекращать.

Мой брат пожимает плечами.

— Нет. Куплю другую. Украду деньги из твоего кошелька, пока ты спишь.

Я не удерживаюсь от смешка, который тут же умирает под яростным взглядом Зевса.

— В общем, — продолжает Гера, освобождая Зевсу место на полотенце, — всё это произошло потому, что Поси нас никогда не слушал и упустил её.

— Что, прости? — взвизгиваю я.

— Тебе надо было с ней переспать, брат, — переводит Арес на свой хамский.

— Она моя лучшая подруга.

— В которую ты всегда был влюблён, — добавляет Гера. — И которой ты никогда не признавался в своих чувствах, потому что ты трус. А теперь ей надоело ждать, и она сошлась с существом, которое ближе всех известных мне людей стоит к обезьянам.

Арес обхватывает меня за плечи и притягивает в неловкое подобие объятия.

— Не будь к нему слишком строга. Можно ли винить его за неуверенность? Вот если бы он был таким красивым, как я, ему было бы легко признаваться кому угодно — он бы заранее знал, что ни одна не откажет. Не его вина.

Я хохочу, но перестаю, заметив ошарашенные взгляды Зевса, Геры и Ниса.

— Он тебя только что оскорбил, Поси. Тут нечего смеяться, — говорит Зевс.

Оскорбительный сарказм Ареса убивает меня наповал, независимо от того, направлен он на кого-то другого или на меня.

С тех пор как он появился, дома стало больше смеха. До Ареса нам вроде бы ничего не не хватало, но, когда он вошёл в нашу жизнь, мы поняли, что на самом деле его присутствия нам как раз и недоставало. Будто с самого начала нам было суждено быть семерыми, а не шестерыми.

— По-моему, ещё не поздно, — настаивает Гера. — Если бы ты сделал первый шаг, она бросила бы Донни в ту же секунду.

Я морщусь.

— Я вообще не говорил, что люблю её или хочу быть с ней.

— Ладно, а я никогда не говорил, что участвовал в сексе втроём, но мы все знаем, что это было. Некоторые вещи не обязательно произносить вслух, — парирует Арес.

Я снова смеюсь, пока остальные раздражённо фыркают.

В конце концов Гера поднимает руки.

— Делай что хочешь, Поси. Но единственный совет, который я всё-таки хочу тебе дать: не потеряй её дружбу. По-моему, уже пора разлепить их языки и провести немного времени со своей… лучшей подругой. Не позволяй ему отнять её у тебя ещё и в этом смысле.

Я киваю.

— Может, позже.

Боже, какой же я трус.

— В общем, скоро мы расстанемся с Аресом, который уедет в Йель. Надо воспользоваться этим временем, побыть вместе, всей семьёй, и разделить…

Арес вскидывает бровь.

— Ты сейчас ждёшь, что кто-нибудь тебя перебьёт, потому что сам не знаешь, как продолжить ту херню, которую начал?

— Нет, — защищаюсь я.

— Да, — хором отвечают Нис, Гера и Зевс.

После нескольких секунд тишины мы все разражаемся смехом.

Я люблю своих братьев и сестру, даже когда они лезут не в своё дело и тычут меня носом в правду. Но больше всего люблю их за то, что, что бы ни случилось, они всегда на моей стороне.

То, что я годами вытворяю с Хэ-Рин, — глупость в самом буквальном смысле. Я тупой, и, хотя именно это слово ранит меня сильнее всего, признаться самому себе в нём почему-то проще всего.

Мне нравится моя лучшая подруга.

И я никогда ей в этом не признавался.

Невероятно.

Я правда тупой.

Арес выхватывает хот-дог прямо из руки девушки, сидящей позади нас, оставляя её с открытым ртом, и протягивает его мне.

— Съешь ещё один и иди к Хэ-Рин. Мне вообще похуй на то, проведёшь ли ты со мной какое-то там качественное время перед моим отъездом.

Я никогда не отказываюсь от еды. Даже когда уже сыт. Даже когда знаю, что она просрочена.

Я запихиваю в рот половину хот-дога и спрашиваю, продолжая жевать:

— Нет?

— Нет. В Йеле я отлично повеселюсь. Хейвен симпатичная, я хочу затащить её в постель.

— Мама с папой отправляют тебя туда не для этого! — восклицает Зевс. — Ты должен серьёзно отнестись к этой ситуации, Арес. Она может оказаться даже опасной, папа говорит, что наш дядя совсем не...

— Я пошутил, просто хотел тебя поддеть. Успокойся, — перебивает он. — То есть не совсем. Я бы правда с ней переспал, если честно, но сверхсекретную миссию поставлю на первое место и заставлю маму с папой мной гордиться.

Он сопровождает это совершенно фальшивой улыбкой. К сожалению, я снова начинаю смеяться, но рот у меня настолько забит, что кусочки хлеба разлетаются во все стороны. Я не подбираю их с песка только потому, что слишком темно и я ничего не вижу, иначе не раздумывал бы ни секунды.

— Ты настоящий идиот, — огрызается Зевс, хотя на этот раз даже он не может скрыть улыбку.

Моё внимание снова переключается на Хэ-Рин. Слава богу, они перестали пожирать языки друг друга, но к ним подошли какие-то друзья Донни, которых я раньше не видел. Я опускаю взгляд ниже — на открытые ноги Хэ-Рин под джинсовыми шортами и на ладонь Донни, спокойно лежащую у неё на бедре.

Ладно. Самое время провести немного времени с моей лучшей подругой.

Я пытаюсь подняться, но из-за алкогольного головокружения тут же валюсь обратно на землю. Ни Арес, ни Нис не помогают мне и даже не пытаются как-то смягчить падение.

Зевс наклоняется вперёд и прищуривается.

— Ты пьяный?

— Нет.

— Господи, я оставил вас одних на двадцать минут и вернулся к компании бухих в хлам?

Арес фыркает.

— Началось. Опять нотации.

— Да, серьёзно, — вмешиваюсь я. — Оставь нас в покое хотя бы сегодня. Я, между прочим, и сам не в восторге от того, что напился.

Зевс что-то недовольно ворчит.

— Трава гораздо лучше, — заключаю я.

Он распахивает глаза.

— Ты куришь косяки?

— Ты до сих пор не понял? — Нис разражается смехом. — Бывают вечера, когда он возвращается домой и вместо нас здоровается с вешалкой.

Зевс вскидывает бровь, явно рассматривая эту информацию с новой стороны.

— Я видел, как он делал вещи и постраннее.

Прежде чем он успевает начать длинный список сомнительных поступков из моего прошлого, я снова пытаюсь встать. Гера приходит на помощь и с большим трудом удерживает меня за предплечья. Сёрфинг и все водные виды спорта заметно изменили моё тело — не только внешне, но и в плане физической формы и силы.

Моё героическое вставание встречают одобрительными возгласами и аплодисментами братьев и сестры, привлекая внимание студентов вокруг. Я их игнорирую — за столько лет уже привык — и иду с высоко поднятой головой.

Донни и его друзья меня не замечают, зато Хэ-Рин замечает. Я почти уверен, она видела и то, как я поднимался, пока моя семья болела за меня.

— ...она много о тебе рассказывала. Эйвери? — говорит один из незнакомых парней.

— Хэ-Рин, — автоматически поправляю я.

Все поворачиваются ко мне.

— Что?

— Хэ-Рин, — медленно повторяю я. — Не Эйвери. Хэ-Рин.

Донни улыбается и слегка похлопывает её по щеке.

— Эйвери — это наше шуточное прозвище, правда, малышка? Иногда я по привычке так её представляю. Но да, её зовут Хэ-Рин.

Не знаю почему, но для меня это всё равно звучит неправильно. Его голос царапает кожу, как бирка на футболке, которую я забыл срезать.

Донни — огромная бирка, пришитая в самом неудобном месте из всех возможных.

— Пройдёмся? — предлагаю Хэ-Рин, делая вид, будто рядом с нами вообще никого нет.

Я знаю, Донни хотел бы возразить, но тут же передумывает, когда его девушка встаёт и переключает всё внимание на меня. Жест, который говорит больше тысячи слов.

Мы молча отходим, ступни проваливаются в песок. Вокруг вечеринка достигает пика: музыка становится всё громче, кто-то танцует, кто-то поёт, кто-то пьёт и фотографируется. Я ненавижу весь этот шум, потому что он заглушает плеск моря и грохот разбивающихся волн.

Я замечаю стакан в маленькой руке Хэ-Рин.

— Теперь Донни ещё и пить тебя приучил, Синяя Голова?

Хотя её волосы снова чёрные, моё прозвище для неё не изменилось.

— Сказал человек, который сам явно навеселе.

По крайней мере, она не поняла, что я пьян в хлам...

— И вообще, это лимонный чай.

— Ещё хуже алкоголя.

Я заставляю её рассмеяться.

— Он самый лучший.

— Лучший — персиковый.

— Ты лимонный даже никогда не пробовал! — восклицает она, всё сильнее веселясь. — Я уже несколько лет пытаюсь заставить тебя его попробовать.

Правда. Я даже не знаю, сколько раз получал дёрганье за волосы или какие-нибудь безумные наказания только потому, что в её игре «Что бы ты предпочёл?» вторым вариантом было выпить целую бутылку лимонного чая. Просто он меня не привлекает, ладно? Не понимаю, как что-то с кислым вкусом лимона вообще может быть вкусным. И уж тем более вкуснее персика. Очень мало фруктов лучше персиков.

— И никогда не попробую, — заключаю я.

Хэ-Рин толкает меня плечом.

— Ладно. Ты бы предпочёл попробовать мой лимонный чай или проглотить горсть песка?

Я закатываю глаза.

— Ненавижу эту игру.

— И всё равно подыгрываешь мне уже восемь лет.

— Я тебе не подыгрываю. Ты не оставляешь мне выбора!

— Правда.

— Вот именно...

— Не выбираешь? Тогда я выберу за тебя...

Чёрт.

Я тут же наклоняюсь, зачерпываю немного песка и запихиваю его в рот. Жую — насколько вообще возможно жевать что-то, настолько зернистое — и сглатываю, крепко зажмурившись. Это не первое моё наказание, связанное с поеданием песка, но к ощущению я всё равно так и не привык.

Хэ-Рин громко хохочет, берёт меня под руку и прижимается ко мне всем телом.

— Ты невероятный.

От ощущения её тела рядом со мной, от того, как она держится за меня, накатывает волна спокойствия и тепла. Я чувствую её как разряд, проходящий через всё тело — от бирюзовых кончиков волос до пальцев ног.

Может, мне стоит напрячь мышцы руки, чтобы она почувствовала их под пальцами. Может, она наконец заметит, что я неплохо подкачался и больше не тот тощий мальчишка, который был слишком слаб для занятий сёрфингом. И, может быть, заметит, что мышц у меня больше, чем у Донни.

Просто к слову.

Внезапно Хэ-Рин отстраняется. По её лицу проходит тёмная тень.

— Подожди. Что ты имел в виду под «теперь Донни ещё и пить тебя приучил»?

Я вздрагиваю.

— Ничего.

— Говори.

— Давай не будем портить вечер, хорошо?

— Говори, или я вернусь к нему.

Я знаю, это невинная фраза, но для меня она звучит куда серьёзнее.

И больнее.

Я засовываю руки в карманы бермуд и опускаю голову.

— Я имел в виду, что Донни плохо на тебя влияет.

Она смеётся, но в этом смехе нет ни капли веселья.

— Да неужели?

Я пожимаю плечами.

— Ты не поправляешь его, когда он представляет тебя друзьям как Эйвери. И, кстати, что вообще значит «шуточное прозвище, которым он тебя называет»? Ты всегда ненавидела, когда твоё имя американизировали, даже не пытаясь научиться произносить «Хэ-Рин».

Она ускоряет шаг и идёт впереди меня, лишь бы повернуться ко мне спиной.

— Это всё глупости. Люди взрослеют и...

— Значит, я тоже могу называть тебя Эйвери? — провоцирую я.

Она останавливается и поворачивается, скрестив руки на груди.

— Что?

— Я тоже могу называть тебя Эйвери, раз всё это детские глупости. — Я изображаю удивление. — Ой, господи, нет, не могу. Это же ласковое прозвище, которое выбрал для тебя Донни! Вместе с «малышкой», как я мог забыть. Одного ужасного прозвища ему было мало.

Она отшатывается, словно я её ударил.

Если честно, мне самому хочется сделать то же самое. Выйти из собственного тела, посмотреть на себя со стороны и понять, какого чёрта со мной происходит. Я не из тех, кто бросается такими колкостями.

Особенно в лучшую подругу.

— Поси...

— Ты стала меньше заниматься сёрфингом с тех пор, как вы вместе. Он даже не приходит посмотреть на тебя. Он вообще хоть раз видел, как ты сёрфишь? Хоть раз смотрел, как ты занимаешься тем, что любишь больше всего на свете? — продолжаю я, совершенно не способный нажать на тормоз. — Не думаю. Он не просто отдаляет тебя от того, что ты любишь, ему даже неинтересно узнать, что именно ты любишь.

— Мы всё ещё говорим о сёрфинге или проблема в том, что меньше сёрфинга означает меньше встреч с тобой?

— Да плевать на меня, Хэ-Рин! — взрываюсь я. — Кому вообще есть дело до меня? Мне важно, чтобы ты была счастлива и чтобы какой-то тупой парень не оттаскивал тебя от того, что ты любишь, и не проявлял неуважение к твоему чёртову имени!

Она открывает рот, но не издаёт ни звука.

— И да, ладно? Да. Я тут тоже при чём. Потому что, конечно, я по тебе скучаю. Конечно, мы стали реже видеться, и меня это расстраивает. А не должно? Ты по мне не скучаешь? Ты думаешь обо мне столько же, сколько я думаю о тебе?

О нет.

О. Нет.

Последний вопрос не должен был прозвучать. Он должен был остаться у меня в голове.

— Прости, — шепчу я. — Я не хотел...

— Не хотел сказать, что скучаешь по мне? Забираешь свои слова обратно?

Она всё ещё стоит со скрещёнными руками. Наклоняет голову набок и прищурено смотрит на меня. Порыв прохладного ветра растрёпывает её чёрные волосы, несколько прядей хлещут по лицу.

Она такая красивая.

Блядь.

Нет. Прекрати.

— Не забираю, — наконец говорю я. — Я скучаю. Не только по тому, что ты рядом, но и по той девушке, которой ты была до того, как этот тип с самым ужасным именем на свете полностью тебя погасил.

Она распахивает рот.

— Погасил меня?

— Ты никогда не смеёшься, когда ты с ним. Ты знала?

— А ты откуда знаешь?

— Потому что я всегда смотрю на тебя, когда вы вместе! — кричу я, уже доведённый до отчаяния тем, что приходится вот так во всём признаваться. — И ты никогда не смеёшься. Вы только жрёте друг другу лица, а он лапает тебя своими мерзкими руками, будто вы не в общественном месте.

— Посейдон.

Ай.

Она никогда не зовёт меня полным именем. Только когда действительно злится.

Но я не отступаю.

— Почти всегда говорит только он. Твоё имя не уважает. Ему неинтересно смотреть, как ты сёрфишь, хотя, между прочим, это было бы самое красивое зрелище, которое его тупые глаза увидели бы за всю жизнь. Он трогает тебя, будто ты какая-то куколка, а со мной всегда обращается как с идиотом. Как будто я гиря, привязанная к твоей лодыжке, от которой он никак не может избавиться.

Я выпаливаю всё на одном дыхании.

— Ты перегибаешь, предупреждаю.

— А что бы ты сказала, если бы я встречался с девушкой, которая называла бы меня «тупым»? Которая насмешливо смеялась бы над моими маленькими моментами заторможенности?

Хэ-Рин сильно прикусывает губу.

— Что тебе надо её бросить.

Я широко развожу руки и сияю улыбкой.

— Вот и последуй собственному совету.

— Послушай, Поси…

— Я не перегибаю, — возвращаю ей обвинение, брошенное всего несколько секунд назад. — Я просто ставлю тебя перед реальностью. Больно, да? А на что тогда нужны друзья?

— Потому что…

Не знаю, откуда это берётся. Ещё одна фраза выскальзывает из головы и ныряет прямо с моих губ наружу.

Спишу на алкоголь. Да.

— Ты бы предпочла вернуться к нему и дальше позволять ему пожирать твой язык или остаться здесь и ругаться со мной?

Хэ-Рин резко вскидывает голову.

Она почти смеётся от абсурдности происходящего.

За восемь лет дружбы я ни разу не обращал против неё её собственную игру.

Ни разу.

— Отвечай, давай, — настаиваю я.

Она поднимает подбородок.

— Вернуться к нему.

— Врёшь.

— Ничего подобного, Поси.

— Я тебя знаю. Ты врёшь.

— Ты не…

— Скажи правду хоть раз вместо того, чтобы прятаться за недоверчивыми смешками и всезнайскими шуточками. Сможешь, Хэ-Рин?

— Я не…

— Один раз. Всего один.

— Посейд…

— Скажи!

Может, я кричу слишком громко.

Может, мы уже превратились в прекрасное развлечение для остальных выпускников, но мне плевать. Мы их больше не увидим, школа закончилась.

— Я бы предпочла остаться здесь и ругаться с тобой, понятно?! — кричит она мне в лицо. — Я бы предпочла ругаться с тобой любому другому варианту на свете, даже

хорошему. Я бы выбрала что угодно, если там есть ты. Потому что я тебя люблю, ты мой лучший друг.

Всё было идеально...

До последней части.

Моё тело расслабляется, плечи опускаются — знак поражения, которое разливается внутри.

— Тогда почему ты с Донни?

Хэ-Рин подходит ближе и берёт меня за руку, другой по-прежнему удерживая стакан лимонного чая.

— Потому что ты видишь только то, что мы показываем на людях. Потому что, уверяю тебя, у него есть и хорошие стороны, как у любого человека. И уверяю тебя, у меня в этих отношениях тоже есть недостатки, и я далеко не идеальна с Донни. Но если я буду искать человека, в котором нет ни одной вещи, которая мне не нравится, то останусь одна на всю жизнь, Поси. Иногда... приходится идти на компромиссы. Понимаешь?

Конечно, понимаю.

Это даже не шпилька в мой адрес. Это целый лук, который она швыряет мне прямо в лицо с расстояния в несколько сантиметров.

Она намекает на то, что за все эти годы у меня так и не было настоящих отношений. Несколько первых свиданий — да, несколько недель бессмысленной переписки в телефоне, несколько первых поцелуев, а потом...

Ничего.

Я даже ни разу ни с кем не занимался сексом.

Я девственник.

Наверное, как и некоторые нейроны у меня в голове.

Я всегда ей об этом говорил и объяснял. Я не хочу компромиссов. Я хочу человека, в котором мне нравится всё.

По её мнению, это безумие? По мнению остальных?

Мне всё равно.

Потому что я знаю: такой человек существует.

Я её знаю.

Того человека, в котором я не вижу ни одного недостатка.

Она стоит прямо передо мной.

И упорно продолжает считать меня своим лучшим другом.

Я не могу сглотнуть. В горле пересохло, неприятное жжение перехватывает дыхание.

— Понимаю, — шепчу я.

Если я ещё официально не сошёл с ума, то в глазах Хэ-Рин вижу разочарование, будто она надеялась, что я не пойму, что буду бороться сильнее, что этот спор продолжится, пока не приведёт нас к какому-нибудь переломному моменту.

— Мне надо вернуться к Донни.

— А мне — к братьям и сестре.

Я сглатываю ком в горле и сегодня ночью решаюсь зайти ещё немного дальше.

— Или, может, найти здесь какую-нибудь девушку, с которой у меня случится первый опыт.

Как бы внимательно я ни всматривался в её лицо, ничего не меняется.

— Может быть.

— Ладно.

Я хотел услышать совсем не это.

Она проходит мимо, оставляя за собой знакомый шлейф духов.

— Хэ-Рин?

Она останавливается, но не оборачивается.

— Да?

Хоть раз в жизни набери немного смелости, Посейдон Кайли Лайвли. Смелости. Чёрт возьми. Что бы на твоём месте сделал Арес? Сказал бы то, что думает.

Сделай так же.

Если всё пойдёт плохо, завтра утром я свалю всё на алкоголь и притворюсь, будто ничего не помню. Да, звучит как очень зрелое и рациональное решение.

— А если выбор будет другим? — Голос у меня хриплый. — Если тебе не обязательно оставаться здесь и ругаться со мной?

— В смысле?

— Ты бы предпочла вернуться к Донни или остаться здесь и поцеловать меня?

От ужаса у меня едва не подкашиваются ноги. Тяжесть того, что я только что выпалил, обрушивается на меня, заставляя потерять равновесие. Не знаю, сколько сил уходит лишь на то, чтобы остаться стоять — ступни утопают в песке, руки сжаты в кулаки по бокам. Я отчаянно пытаюсь нащупать свой центр тяжести. Заключить хоть какое-то перемирие с гравитацией.

Я слышу её ответ.

Невнятный шёпот. Он доносится до меня слабым звуком, которому я никак не могу придать форму.

Но мне слишком страшно просить её повторить, чётко произнеся каждое слово.

Слишком труслив.

Даже когда алкоголь снимает все тормоза.

Я не двигаюсь.

Пока не проходят, кажется, бесконечные минуты, и Хэ-Рин снова не начинает идти, оставляя меня одного.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 5. ТОТ, КТО СОТРЯСАЕТ ЗЕМЛЮ

Один из важнейших эпитетов Посейдона — «Ἐννοσίγαιος» («энносигайос»), то есть «тот, кто сотрясает землю». Для греков не существовало чёткого разделения между землетрясениями, цунами и морскими бурями: всё это было проявлениями одного и того же бога. Когда земля дрожала или море внезапно вздымалось, для них это означало, что Посейдон ударил своим трезубцем о землю.

Посейдон

Лицо Ареса появляется на экране после семи гудков. И трёх звонков подряд, на которые он не ответил.

— Наконец-то! Ты где, чёрт возьми, пропадал? — взрывается Зевс, держащий телефон. — Я уже волноваться начал.

Хэ-Рин машет Аресу рукой.

У него растрёпанные волосы, лицо покрыто красными пятнами, дыхание сбито.

— Я трахался, — тяжело дышит он. — Уже и сексом нельзя заняться, чтобы вы сразу не решили, что случилось самое худшее?

Зевс вздыхает.

— Ну знаешь, у нас есть брат, который сбежал с деньгами наших родителей, и мы понятия не имеем, где он. Нормально, что мы переживаем.

Диониса нет уже столько времени, что я перестал считать. Единственное, что помню: он оставил нам короткую записку с извинениями, а Тейе и Гипериону пришло уведомление о подозрительной операции на банковском счёте. После этого он словно растворился.

Будто никогда и не существовал. Настолько, что иногда я спрашиваю себя, действительно ли вообще его знал, правда ли он когда-то был моим братом или я просто придумал его присутствие в своей жизни.

Мы так и не перестали пытаться его найти, включая наших родителей, но теперь это кажется почти невыполнимой миссией. Мы с Аресом уже смирились с тем, что Нис не позволит себя найти, если сам этого не захочет, но Зевс и Гера упрямее всех.

Мы продолжили жить. Учились, ходили на занятия, устраивали свои тайные игры в кампусе Стэнфорда, наказывали некоторых студентов, которые это заслужили, сдавали экзамены и теперь начали второй курс.

То же самое делал Арес в Йеле, под именем Перси Хейл. С самого первого дня там он сблизился с Ньютом Коэном, братом Хейвен, чтобы завоевать его доверие и через него проще добраться до неё. Гера тоже находится там, но пока держится в стороне.

— Итак, рассказывай новости, — продолжает Зевс.

Арес поворачивается, глядя на что-то за пределами камеры.

— Блондинка, четвёртый размер груди, симпатичная задница. Кончила три...

— Я не про твою трахалку! — перебивает его Зевс, проводя ладонями по лицу. — Про Хейвен и остальных Лайвли!

Я изо всех сил стараюсь не смеяться.

Арес показывает на меня пальцем.

— Я по тебе скучаю, Поси, знаешь? Ты мой любимый брат.

— Арес, — одёргивает его Зевс своим обычным властным тоном.

Тот встаёт. Судя по тому, что камера захватывает его голую грудь, он всё ещё совершенно голый.

— Эй, девушка? Как тебя зовут?

— Господи, — шепчет Зевс.

— Холли, — отвечает она.

— Холли, отлично. Одевайся и уходи. У меня дела.

— Арес! — одновременно кричат Хэ-Рин и Зевс.

Он поворачивается к экрану с распахнутыми глазами.

— Что? Вы сами сказали сосредоточиться на важных вещах.

— Да, но не обращаться вот так с бедной девушкой, — уточняет Зевс.

Я откидываюсь на спинку дивана, заранее предвкушая представление, которое начнётся буквально через несколько секунд. Мы забились в мою комнату, потому что это единственное место, где можем побыть одни, без соседей, которым совершенно не обязательно знать об Олимпе, смертельных играх, дядях с лабиринтами, куда они бросают детей…

А ещё я живу один потому, что раньше делил комнату с Дионисом.

Поначалу было тяжело. Тяжело потому, что Гера плакала и ей нужен был кто-то эмоционально крепче неё, чтобы утешать. Тяжело потому, что Зевс замкнулся и не говорил о своих чувствах. Тяжело потому, что Арес, наоборот, чувствовал себя преданным и выплёскивал всё через злость. Оставался только я — всегда весёлый и невинный. Мне самому было паршиво, но я всё равно утешал Геру, успокаивал Ареса и учился жить рядом с молчанием Зевса.

А то, что нас ещё и разбросало по разным местам, ситуацию совсем не облегчило. Мне повезло, что рядом была Хэ-Рин. В какой-то момент пришлось рассказать ей обо всём, что скрывается за внешне нормальной жизнью моей семьи; я боялся её напугать, но она всё поняла и настояла, что теперь это и её борьба тоже. Мои братья и сестра это оценили: кто-то с некоторыми оговорками, как Зевс, а кто-то с особым энтузиазмом. Разумеется, Арес. Более того, он даже решил вдохновиться детской игрой Хэ-Рин для собственной — «Меньшее зло». И, опять же, разумеется, последствия в ней куда хуже, чем простая горсть песка во рту.

— Ты просто мудак! — орёт сейчас Холли. — Я уже вообще ничего не жду от мужчин, но ты худший из всех, кого я встречала!

— Холли, давай, мы можем поговорить…

Она его перебивает:

— Хорошо. Давай поговорим. Я слушаю.

Арес чешет затылок.

— Ну… это была просто фраза. Так говорят. Ты должна была ответить, что не хочешь это обсуждать, и уйти.

Зевс откидывает голову на стену, и раздаётся глухой стук.

— Идиот.

Следующие несколько минут Холли осыпает Ареса оскорблениями, после чего в комнате, где бы он там ни находился, наконец наступает тишина. Он даже успевает натянуть футболку и возвращается к нам.

Театрально распахивает глаза.

— Немного переборщила, да?

— Давай вернёмся к Хейвен, если ты не против, — одёргивает его Хэ-Рин. — А потом мы с тобой, Тейей и Герой отдельно поговорим о том, как ты обращаешься с женщинами.

Арес фыркает как ребёнок.

— Нет, только не мама...

— Итак, есть новости? — спрашивает Зевс.

— Скажем так, Хейвен Коэн в очередной раз подтверждает, что она... своеобразная. Она сделала невозможное, чтобы попасть на игры Лайвли в качестве зрителя, а потом ещё и из кожи вон лезла, чтобы её пригласили участвовать в одной из них. Слишком любопытная, Афина её терпеть не может, а Хайдес совершенно очевидно хочет её трахнуть.

— А теперь что-нибудь более полезное? — настаивает Хэ-Рин.

Он задумывается.

— Даже не знаю. Хейвен участвовала в игре Афины, и ей пришлось выйти на боксёрский поединок против Хайдеса, который жульничал, чтобы ей помочь. Что будет дальше — понятия не имею. Думаю, всё покатится к чертям, вот и всё, но от Ньюта мне пока ничего не приходило.

— Кронос? Рея? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Насколько я знаю, пока ни на что не заявляли права. Что странно, потому что папа нам всю голову прожужжал, что Кронос сделает всё возможное, чтобы вернуть Хейвен...

— Полагаю, остаётся только ждать, — бормочет Зевс, поглаживая отрастающую бороду. — Как только что-нибудь узнаешь, сразу звонишь нам. Ясно?

— Есть, сэр.

Он отдаёт честь.

Я забираю телефон, понимая, что серьёзная часть разговора закончилась и теперь можно немного посплетничать с братом, внедрённым в Йель.

— А в остальном? Что расскажешь?

— Даже не знаю... Лиам всё тот же ходячий социальный эксперимент.

О, я обожаю истории про Лиама. Это моя любимая часть наших звонков. Я знаю об этом парне всё, хотя никогда его не встречал. И уверен: если когда-нибудь встретимся, мы сможем стать лучшими друзьями. Я чувствую в нём родственную душу, хотя Арес называет его «занозой в заднице».

— Он всё ещё пишет стихи Афине.

— До сих пор? Но почему ему никто не скажет, что она лесбиянка? — восклицаю я. Мне его даже немного жаль.

Арес закатывает глаза.

— Пос, он единственный во всём Йеле, кто этого не знает. Это уже патология. Думаю, даже если мы ему скажем, ничего не изменится, а мне всё равно придётся слушать его ужасные стихи.

— Ты бы хоть немного его поддерживал, — отчитываю я. — Лиам вроде неплохого человека.

— О, он и не плохой. Перси обращается с ним прекрасно. По крайней мере старается, используя весь свой актёрский талант. А вот Арес... Арес хочет ему врезать.

— Не могу дождаться знакомства! — говорю я, игнорируя его непрошеную оценку.

Хэ-Рин смотрит на меня и улыбается.

— Эй, Хэ-Рин, а ты как? Бросила того придурка, у которого мозг в члене? — спрашивает Арес.

Даже слишком мягко выразился.

Хотя он и не назвал его имени — его тупейшего, нелепейшего имени, — моё тело всё равно реагирует. Будто он прямо сейчас стоит передо мной и изменяет моей лучшей подруге. Руки сами сжимаются в кулаки у бёдер, пока Хэ-Рин отвечает, что да, всё кончено.

А потом кладёт ладонь на мою.

От прикосновения её мягкой, тёплой кожи мои пальцы тут же разжимаются, а тело расслабляется.

Я до сих пор помню тот день, когда Хэ-Рин пришла ко мне и плакала, потому что Донни изменил ей с тремя разными девушками. Помню, как оставил её ночевать у себя после нескольких часов, проведённых за тем, что я утешал её, гладил по волосам и вытирал слёзы.

Это был один из лучших вечеров в моей жизни, один из лучших, что мы провели вместе за всё время нашего знакомства. Звучит почти жестоко, но я могу объяснить почему, и всё не так плохо, как кажется. В ту ночь, когда у Хэ-Рин наконец закончились слёзы, мы выехали из кампуса и отправились на Линда-Мар-Бич.

Несмотря на нагрузку в колледже, мы никогда не бросали сёрфинг. Мы не слишком отдалились от своих любимых пляжей и в менее загруженные периоды всё ещё тренируемся и вместе ловим волны.

В ту ночь мы выбрали участок с более спокойной и покладистой водой, подходящий даже начинающим сёрферам. Вообще-то мы приехали туда не кататься; заниматься сёрфингом ночью, когда вокруг темно и невозможно следить за волнами, довольно опасно.

Мы зашли в воду с досками и просто остались там, покачиваясь на поверхности. Океан был почти гладким, а луна в небе отбрасывала серебристое сияние на тёмную воду. Мы поговорили о таком количестве совершенно разных вещей, что я не думаю, будто в мире существует ещё хоть один человек, способный выдерживать гиперактивность моего мозга так, как Хэ-Рин. Никто не делает это с той же лёгкостью.

После той ночи я больше ни разу не видел, чтобы она плакала из-за Донни. Она не дала ему второго шанса, как бы он ни умолял. Она пошла дальше, и свет, который этот идиот в ней погасил, снова засиял — ярче прежнего.

Иногда мне хочется спросить её о той выпускной ночи на пляже. Какой вариант она тогда выбрала, загнанная в угол собственной игрой.

Тот ответ, которого я не услышал.

Но если есть вещь, которая совсем не изменилась, так это то, что я всё ещё маленький трус.

После ещё нескольких бесполезных разговоров мы прощаемся с Аресом, а остаток дня мы с Хэ-Рин решаем посвятить сёрфингу. Сегодня выбираем Рокавей-Бич, хотя он и вообще всегда был нашим любимым. Он находится всего в нескольких минутах от Линда-Мар, и его преимущество не только в том, что здесь меньше людей, но и в более стабильных волнах, которые гораздо лучше подходят опытным, привычным к ним сёрферам.

Два часа спустя мы сидим на досках — мокрые насквозь и тяжело дышим после пойманных волн. Я слишком вымотан, чтобы продолжать, а вот Хэ-Рин замечает ещё

одну и бросается за ней. Я остаюсь смотреть на неё в благоговейной тишине. Иногда, когда вижу её в деле, вообще не могу сосредоточиться на технике или исполнении. Вместо этого взгляд задерживается на изгибах её тела: тонкой талии и широких бёдрах, обтянутых гидрокостюмом. На длинных ногах с крепкими мышцами. На изгибе груди.

Иногда я думаю, что никогда не буду ни с одной девушкой, потому что ни одна девушка не похожа на Хэ-Рин. В другие дни убеждаю себя, что никогда этого не узнаю, если не заставлю себя познакомиться с кем-нибудь ещё. А бывают ночи, когда я представляю её обнажённое тело, а на следующее утро не могу даже посмотреть ей в лицо.

Я боюсь разрушить самую прекрасную дружбу в своей жизни. Почти уверен, что именно это и сделаю и что она вообще не разделяет моих чувств. Но в то же время я не способен двигаться дальше, не могу больше двух равнодушных секунд смотреть ни на одну другую девушку. А от одной мысли, что однажды Хэ-Рин придёт ко мне знакомить со своим новым парнем, у меня начинают дрожать руки.

Я пытаюсь расслабиться, когда вижу, как она возвращается ко мне, энергично гребя руками и улыбаясь во все тридцать два зуба.

— Ты видел меня? Видел, как я поймала волну? Она была довольно высокая, да? Я хорошо справилась? Может, я немного замешкалась, когда вставала, и не сразу поймала равновесие, но ведь не упала. В общем, отличный результат, правда?

Она тараторит без остановки, а внутри меня поднимается такая нежность, что словно обволакивает сердце.

— Ты отлично справилась. Правда.

Она подплывает ко мне, садится на доску и смотрит прямо на меня.

— Знаешь, я познакомилась с одной девушкой на моём инженерном курсе. Очень симпатичная, длинные каштановые волосы, зелёные глаза, ужасно добрая и смешная.

Я хмурюсь.

— Эм. Ты сейчас совершаешь передо мной каминг-аут?

— Нет, Поси, я предлагаю её тебе!

Чёрт.

— Мне?

— Мы уже несколько недель сидим рядом, и я достаточно долго с ней общалась и наблюдала за ней, чтобы вынести свой вердикт: она идеально тебе подходит.

— Идеально мне подходит, — повторяю я неуверенно, почти зло, и даже мне самому этот тон режет слух.

Хэ-Рин колеблется.

— Ну да. Скажем так, твоя лучшая подруга её одобряет.

— Здорово, — бросаю я и снова перевожу взгляд на волны.

Один парень ловит волну, но стойка у него неправильная — это легко заметить. Через несколько секунд он падает, взметнув воду на несколько метров. Я считаю до пяти, потом вижу, как он выныривает, и расслабляюсь.

— Ты не хочешь с ней познакомиться? — не сдаётся она.

— Нет.

— Ладно, а почему ты разговариваешь со мной таким тоном? Мне не нравится.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, не отрывая взгляда от парня, который только что упал.

— Ты со школы так делаешь, Хэ-Рин, — шепчу я.

Она наклоняется ко мне ухом.

— Что делаю?

— Ищешь мне девушку! — взрываюсь я.

Словно сама природа решила встать на мою сторону, небо разрывает гром — настолько сильный, что перекрывает рёв волн. Я проверял прогноз: ещё четыре часа назад никакой грозы не ожидалось.

Капля воды ударяет меня по щеке. Нам хватает одного короткого взгляда, чтобы начать двигаться к берегу и выбираться из океана, пока гроза не превратила нас в своих пленников.

Но Хэ-Рин не сдаётся и продолжает разговор:

— И искать тебе девушку — это плохо потому что?..

— Потому что я тебя об этом никогда не просил, — огрызаюсь я. Голос дрожит от злости так сильно, что мне приходится остановиться и вдохнуть. — Я никогда не просил тебя искать мне девушку. Мне это неинтересно, ясно?

Я слишком груб.

Боль, появившаяся на её лице и слегка спрятанная за привычной гордостью, причиняет боль и мне.

Но я всё равно не могу остановиться. Злость прокатывается по телу разрядами. Настолько, что я не могу расстегнуть лишь на лодыжке, и Хэ-Рин приходится мне помогать. Я с раздражённым звуком отпинываю доску в сторону.

— У тебя никогда не было отношений, и ты никогда не рассказывал мне ни о какой девушке. Я думала, ты слишком стесняешься сделать первый шаг или на тебя до сих пор влияет то, как жестоко с тобой обращались дети, когда мы были маленькими. Я просто хотела…

— Хотела помочь, я понял, спасибо. Спасибо, Хэ-Рин, но в этом нет необходимости. Никогда не было и никогда не будет.

С каждым словом мой голос становится всё громче.

В небе раздаётся ещё один раскат грома.

— Почему ты так сильно злишься? — снова спрашивает она, теперь мягко. — Есть что-то, о чём ты не решаешься мне сказать? Может, ты…

Я смеряю её взглядом.

— Может, я что?

— Может, ты гей и пока не решаешься сделать каминг-аут передо мной.

Если бы я не был настолько зол, то рассмеялся бы.

Вместо этого только фыркаю.

— Я не гей, Хэ-Рин. Мне нравятся женщины.

— Тогда почему ты так разозлился?

Дождь начинает лить всё сильнее, и мы остаёмся единственными на пляже, кто всё ещё сидит у самого моря, пока остальные сёрферы вокруг бегут искать укрытие.

— Ты же знаешь, мне можно рассказать всё.

Знаю.

Но не могу.

Правда не могу.

Только не в этот раз.

Я провожу рукой по мокрым волосам.

— Хэ-Рин. Пожалуйста, давай пойдём к машине и вернёмся в Стэнфорд.

— Поси.

Не заставляй меня разрушить нашу дружбу.

Не заставляй меня разрушить нашу дружбу, пожалуйста.

Но она идёт вперёд — гордая, с высоко поднятой головой, как всегда. И пригвождает меня к месту своими тёмными глазами, в которых искрится решимость получить то, за что она сейчас борется: правду, вырванную из моего рта.

И сколько бы я ни пытался выглядеть отстранённым, внутри я умираю от страха. Я до ужаса боюсь всё разрушить и потом страдать как собака.

— Посейдон.

— Хэ-Рин, хватит. Ты правда начинаешь действовать мне на нервы.

— Говори, чёрт возьми! Скажи мне правду!

— У меня нет никакой…

— Почему тебя это так бесит? Почему ты не…

— Я не хочу, чтобы ты искала мне девушку, потому что мне неинтересна ни одна девушка и никогда не будет интересна! Ясно?

— Почему это ни одна девушка не должна тебя заинтересовать? — кричит она.

— Потому что ни одна девушка никогда не будет такой, как ты! — ору я ещё громче.

За её спиной молния вспарывает небо.

Хэ-Рин под проливным дождём резко замирает, слегка округлив глаза. Рот приоткрывается от изумления, и никогда прежде мне так сильно не хотелось её поцеловать.

Несколько секунд она лишь открывает и закрывает рот, прежде чем наконец заговорить.

— Что ты сказал?

— Мне неинтересна ни одна девушка, потому что ни одна девушка — не ты, Хэ-Рин, — шепчу я, и она слышит меня несмотря на гром и шум дождя. — Правда в том, что в моём мире есть только ты. Все остальные… могут поискать себе другое место, потому что всё пространство, которое у меня есть, я всегда буду оставлять тебе.

Произнести эти чувства вслух — всё равно что оказаться в воде. Как когда я плыву. Как когда стою на доске, а волна скользит подо мной и позволяет мне мчаться вместе с ней.

Это свобода.

Самая чистая и сильная.

А потом приходит страх. Та трусость, к которой я, кажется, приговорён всю жизнь. Страх, что она рассмеётся, как всегда, смеялась, когда кто-нибудь шутил о нас двоих, о том, что между нами может быть что-то большее, чем дружба.

Безумный ужас от мысли, что я только что её потерял.

Я не могу потерять лучшую подругу, которая у меня когда-либо была. Девочку, которая защищала меня от всех, смеялась вместе со мной над глупостями, которые я вытворял, сам того не замечая, объясняла вещи, которых я не понимал, и никогда не спрашивала, как вообще можно этого не понимать. Девчонку, которая ходила со мной на занятия сёрфингом, с которой мы делили смех и разговоры в наших комнатах и самые прекрасные, наполненные словами молчания, пока ждали волны на пляже.

Я не могу потерять одного из тех немногих людей, рядом с которыми я никогда не чувствовал себя неправильным.

— Скажи хоть что-нибудь, умоляю, — шепчу я.

Её глаза затуманены слезами, и я, кажется, умру прямо сейчас, если не узнаю, почему она плачет.

— Знаешь, почему я всё время пыталась знакомить тебя с девушками?

— Потому что я тебе не нравлюсь и тебе меня жалко? — шучу я.

Мне удаётся вырвать у неё слабую улыбку.

— Нет, Поси. Потому что ты никогда не рассказывал мне ни о ком и я понятия не имела, какие девушки тебе вообще нравятся. Я хотела понять, какой у тебя тип, чтобы раз и навсегда выяснить, похожа ли я на него хотя бы немного. Могла ли я заинтересовать тебя — и характером, и внешностью.

Я остаюсь с открытым ртом.

— Не может быть.

Она кивает и прикусывает губу, сдерживая более широкую улыбку.

— Тот вопрос, который ты задал мне на выпускной вечеринке... Я ответила, что предпочла бы поцеловать тебя. Но ты ничего не сказал, и я расстроилась. Решила, что ты просто шутишь, что это были провокации пьяного лучшего друга, которого задело, что я застряла в неправильных отношениях.

— Хэ-Рин…

Её имя вырывается почти стоном, в котором одновременно столько боли и любви.

Одним широким шагом я оказываюсь рядом, сокращая расстояние между нашими телами. В одно мгновение прижимаюсь к ней и обхватываю её лицо ладонями. Прижимаюсь лбом к её лбу и закрываю глаза.

— Я ничего не ответил, потому что не расслышал тебя, клянусь. И слишком боялся попросить повторить. Боялся услышать отказ.

Я дышу как сумасшедший.

Что, чёрт возьми, эта девушка со мной сделала?

— Я бы всегда выбрала тебя. При любых обстоятельствах.

Наше дыхание смешивается. Я чувствую её тёплый воздух на коже и зов этих маленьких полных губ. Я схожу с ума от желания прикоснуться к ним, прижать её тело к своему и убедиться, что больше никто никогда не сможет её у меня забрать.

— Знаешь, какой у меня тип, Хэ-Рин?

Она проводит кончиком языка по губам.

— Ты не можешь рассказать после того, как поцелуешь меня?

Я тихо смеюсь ей в ухо.

— Нет. Хочу сказать сейчас. Прямо посреди грозы.

Она фыркает, улыбаясь.

— Ладно. Какой у тебя тип?

— Упрямая. Решительная, если что-то выбрала. Помешанная на ужасной игре, в которой страдаю всегда только я. Морщит нос при каждом моём крошечном проявлении нежности, потому что ужасно смущается. Великолепно сёрфит. Смешная и намного умнее меня. Может быть, с чёрными, идеально прямыми волосами, которые она терпеть не может, а я считаю прекрасными. И с двумя тёмными миндалевидными глазами, такими нежными, что в них влюбился бы кто угодно.

— Поси… — шепчет она.

Запрокидывает голову, приоткрывает губы и без слов умоляет меня её поцеловать.

— Я тебя поцелую, Хэ-Рин. Поцелую, клянусь. Можешь не сомневаться, что…

Звонок моего телефона заставляет нас обоих вздрогнуть.

Я вообще не из тех, кто ругается матом, но сейчас само собой вырывается:

— Блядь.

— Ответь. Вдруг это важно.

Мне требуется вся сила, которая есть в теле, чтобы от неё оторваться. Я ждал так долго, что необходимость ждать ещё хотя бы минуту причиняет почти физическую боль — совсем не похожую на всё, что мне когда-либо приходилось терпеть.

Зевс звонил мне дважды.

— Ты где? — спрашивает он.

Тон не сулит ничего хорошего.

— Я...

— Неважно. Где бы ты ни был, возвращайся в Стэнфорд. Тебе нужно собрать вещи. Мы уезжаем.

— Что?

Хэ-Рин грызёт ноготь указательного пальца.

— Что? — шепчет она в ответ.

— У нас проблемы. Хейвен отправляется в Грецию, чтобы встретиться с Хайдесом. Кронос получит её целиком в свои руки, это очевидная ловушка. Мы тоже должны ехать. Немедленно.

Ехать куда?

В Йель, на другой конец Соединённых Штатов?

Или в Грецию?

Тяжесть того, что означает эта новость, разбивает идеальный пузырь, который нам наконец удалось создать спустя столько лет. Мой мозг мечется между семьёй и любовью к Хэ-Рин, но я должен поставить братьев и сестру на первое место.

Мы несёмся как сумасшедшие, насколько позволяют доски, пока не добираемся до машины. Я не превышаю скорость только потому, что она рядом со мной.

Следующие часы проходят как галлюцинация. Будто я застрял в кошмаре, где все мои движения замедлены и я не понимаю, где вообще нахожусь. Я собираю чемодан и коротко объясняю Хэ-Рин, что произошло. Она спрашивает, куда мне надо ехать, и я отвечаю, что понятия не имею. Говорит, что хочет поехать со мной, а я кричу, что нет, об этом не может быть и речи, потому что я не собираюсь подвергать её опасности.

Когда Зевс заходит ко мне в комнату, лицо у него самое холодное из всех, что я когда-либо видел.

— Пожалуйста, объясни мне, куда вы едете и что собираетесь делать, — умоляет его Хэ-Рин. — Я не могу просто смотреть, как вы уезжаете, не зная, будете ли вы в безопасности.

— Не переживай.

У него хватает самообладания её успокоить.

У него всегда хватает.

— Мы едем в Нью-Хейвен, а потом, возможно, отправимся в Грецию. Пока всё очень запутанно, но Тейя и Гиперион уже летят первым рейсом.

— Я еду с вами.

Мы с Зевсом одновременно восклицаем:

— Нет!

— Почему нет?

Я закрываю чемодан, ставлю его вертикально, потом хватаю куртку и надеваю.

— Мы не станем подвергать тебя опасности. Ты должна остаться здесь и продолжать свою спокойную жизнь в Стэнфорде.

Хэ-Рин смотрит на меня так, будто я ударил её ножом.

— Я не смогу спокойно жить дальше, если вы…

Зевс встаёт, между нами, поворачиваясь ко мне спиной. Кладёт руки Хэ-Рин на плечи и наклоняется к ней.

— Мы тебя любим, ты уже стала частью нашей семьи, и в этом нет никаких сомнений. Ты имеешь полное право переживать, но нет никакого смысла подвергать тебя тем опасностям, с которыми нам приходится сталкиваться.

— Зевс, пожалуйста…

— Я знаю. Но ты не можешь поехать.

По её щеке скользит слеза, и мне приходится опустить голову, чтобы не видеть её и самому не разреветься вместе с ней.

— Я его люблю, — шепчет она.

Тишина, опускающаяся на комнату, кажется нереальной.

Каждая мышца в моём теле замирает.

Я его люблю.

Она.

Любит.

Меня.

И мне приходится услышать это вот так — когда я уезжаю, не зная, что после этой поездки станет со мной или с моей семьёй.

Кадык Зевса дёргается, челюсть напрягается от признания, способного пошатнуть даже такого внешне отстранённого человека, как он.

— Я его защищу. Обещаю.

Хэ-Рин кивает.

— Спасибо. Только не забывай беречь и себя.

Вот поэтому эта девушка мне так сильно и нравится.

Зевс заключает её в объятия — для него это очень редкий жест. Думаю, мы с ним обнимались раза два за все десять с лишним лет, что мы братья. Единственный человек, с которым он немного охотнее проявляет нежность, — Гера; со всеми остальными он избегает физического контакта и любых привычных проявлений любви. Зевс из тех, кто показывает, что любит тебя, отчитывая или отправляясь следом, когда ты идёшь на свидание с парнем.

— Нам нужно немедленно ехать в аэропорт, — предупреждает он меня. — Даю тебе три минуты, а потом мне придётся стать тем противным братом, который силой оттащит тебя от неё.

Не добавляя больше ни слова, он забирает мой чемодан и выходит из комнаты.

Три минуты — бесконечно и жестоко мало.

Я столько всего хочу ей сказать.

Столько всего хочу сделать.

Но вместо этого просто хватаю её и крепко прижимаю к себе. Она утыкается лицом мне в грудь и полностью отдаётся моим объятиям. Её руки обвивают мою талию, она цепляется за меня так, будто от этого зависит её безопасность.

Я делаю то же самое и крепко зажмуриваюсь, чтобы не расплакаться как ребёнок.

— Одна минута! — кричит Зевс из-за двери.

Я чуть отстраняю её — только чтобы увидеть лицо.

Стираю слёзы прежде, чем они заставят сломаться и меня. За все годы нашего знакомства я видел, как Хэ-Рин плакала не раз, но никогда — из-за меня.

Именно этим я гордился больше всего: что ни разу не причинил ей боль, ни разу не стал причиной её слёз.

— Я тоже тебя люблю, Хэ-Рин, — шепчу я.

Я не целую её только потому, что у меня нет столько времени, сколько я хочу.

Нет столько времени, сколько она заслуживает.

Я представлял этот момент столько раз, втайне от всех, что теперь реальность должна не просто оправдать мои ожидания, а превзойти их.

Я хочу не торопиться с ней вообще никуда.

А вот слёзы себе всё-таки позволяю.

Только когда закрываю за собой дверь и иду по коридору.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 6. ЛАЙН-АП

Хотя молнии принадлежат Зевсу, морские бури — владение Посейдона. Именно он обрушивает жестокий шторм на Одиссея, ослепившего его сына Полифема.

Хэ-Рин

На языке сёрферов лайн-ап — это участок моря сразу за зоной разбивающихся волн, где сёрферы ждут ту, которую будут ловить. Это место наблюдения и изучения, тихого ожидания и предвкушения, где ты должен понять, за какой волной стоит погнаться.

Я уже час стою в лайн-апе почти неподвижно, рядом мой трастер — доска с тремя плавниками, покрытая воском.

Ни одна волна не кажется той самой.

Ни одна волна не кажется той самой с тех пор, как его больше нет здесь со мной.

Когда две волны встречаются, происходит то, что в физике называют «принципом суперпозиции». Их амплитуды складываются в каждой точке. Воды от этого не становится больше, но возникает временная волна — результат столкновения двух первоначальных. Итог зависит от того, как сочетаются их гребни и впадины.

Если две волны встречаются гребень к гребню, их амплитуды складываются, и получается более высокая волна. Физики называют это «конструктивной интерференцией» — именно так в открытом море могут внезапно возникать волны значительно выше остальных.

Если встречаются гребень одной волны и впадина другой, одна гасит другую, и поверхность воды может даже казаться совершенно ровной. Это называется «деструктивной интерференцией». Пройдя сквозь друг друга, обе волны словно рождаются заново и продолжают путь такими, какими были изначально.

Я всегда думала о себе и Посейдоне как о двух разных волнах одного океана. Всегда представляла, как мы движемся рядом, в одном направлении, к одной цели, преодолеваем препятствия и другие волны, а потом продолжаем путь вместе.

Не знаю, как это случилось, но мы превратились в две волны, которые встретились. В то короткое мгновение, когда нам хватило смелости признаться друг другу в чувствах, наши гребни совпали, амплитуды сложились, и возникла волна, гораздо больше нас самих. Но потом этот момент закончился, разрушенный проблемами жизни, и нам пришлось разойтись, вернувшись к своему изначальному состоянию.

Прошло пять месяцев с тех пор, как он и Зевс уехали, оставив меня в Стэнфорде.

И уже пять месяцев я ничего о них не слышу.

Я знаю, что они живы. Хотя бы это. Я отправила столько сообщений Гере, что понимала: её доброе сердце не сможет игнорировать меня вечно. В их семье безумных игроманов ситуация сейчас слишком деликатная, и я понимаю, почему мне не разрешают точно знать, где они находятся и чем занимаются.

Я не могу добраться до них физически.

Но и никакой связи с ними у меня тоже нет.

С тех пор как Посейдон уехал, он снится мне почти каждую ночь. Меня преследует воспоминание о его улыбке. И о том, как крепко он прижимал меня к себе, когда прощался.

Это похоже на траур.

Я потеряла не только его — я потеряла и ту себя, которой была рядом с ним. Тот свет, который только он умел во мне зажигать.

Я годами переживала, что могу оказаться не той девушкой, которую он захочет видеть рядом с собой, и ни разу не подумала, что настоящей проблемой станет его семья и весь опасный мир, вращающийся вокруг них.

Единственное, чего я хочу, — чтобы он написал мне сообщение.

Даже если в нём будет сказано «прощай» и что мы больше никогда не увидимся.

Я просто хочу поставить точку.

А вместо этого будто сижу перед приоткрытой дверью и жду, откроет ли её кто-нибудь наконец — или захлопнет прямо у меня перед носом.

Я ни на чём не могу сосредоточиться. Учёба идёт плохо, занятия превратились просто в возможность сидеть в комнате и смотреть в пустоту, с людьми я почти не общаюсь. Ночи заполнены кошмарами, после которых я просыпаюсь со слезами на глазах, потому что он исчез, а у меня нет даже одного сообщения от него.

Сёрфинг — единственное, за что мой разум ещё способен цепляться.

Хотя теперь гораздо чаще я отвлекаюсь, во время тейк-оффа срываюсь с доски и с силой падаю в воду.

Но сегодня один из тех дней, когда даже то, что я люблю, не помогает облегчить тяжесть в груди.

Я остаюсь в лайн-апе до тех пор, пока солнце не начинает садиться, приближаясь к линии горизонта.

Остаюсь там и жду волну.

Или, может быть, жду, что мой лучший друг вдруг появится из ниоткуда — со своим звонким смехом — и предложит устроить соревнование, кто поймает больше волн.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 7. ОТБОЙНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Когда Посейдон любит, он опасен, сокрушителен и непостоянен — совсем как море, которым правит. Его любовь никогда не бывает спокойной. Она всегда сила.

Посейдон

В сёрфинге одно из самых неправильно понимаемых, но при этом важнейших явлений — rip current. Отбойное течение. Это сильный узкий поток воды, направленный от берега в открытое море.

Оно возникает, когда волны разбиваются у побережья, выталкивая большое количество воды к пляжу, а затем эта вода возвращается обратно не равномерно, а по узким каналам, создавая своего рода реку внутри океана.

Заметить такое течение может показаться сложно, но достаточно хорошо помнить его признаки: участок воды там темнее и ровнее, пены меньше. Парадоксально, но именно эта зона выглядит самой спокойной — и при этом становится самой опасной, если ты в неё попадёшь.

Для обычного пловца или купальщика это враг. А для сёрфера может стать союзником и помочь быстрее добраться до лайн-апа, экономя силы и избавляя от необходимости бороться с волнами. Главное, чтобы оно помогало, а не представляло опасность, — точно знать, где в него войти и где выйти.

Если попал в отбойное течение, нельзя бороться с ним. Лучшая стратегия — сохранять спокойствие, держаться на воде, плыть параллельно берегу, пока не выйдешь из потока, а уже потом возвращаться к суше.

В Калифорнии такие течения встречаются очень часто. Наш инструктор по сёрфингу всегда предупреждал нас быть осторожными и устраивал проверки, чтобы убедиться: мы умеем их распознавать и не позволим им взять над нами верх.

Только один раз в жизни я случайно попал в отбойное течение. На физическом уровне это было самое странное ощущение, которое мне когда-либо доводилось испытывать. Чувствуешь, что тебя уносит от берега, и, сколько бы ты ни плыл вперёд, пытаясь до него добраться, совершенно не приближаешься. Чем сильнее стараешься вернуться, тем дальше оказываешься. Будто идёшь по эскалатору, который движется в противоположную сторону.

В тот раз я выбрался без особых проблем.

А сейчас…

Я больше не могу добраться до берега.

В глубине души я надеялся, что, когда мы внезапно уехали из Стэнфорда из-за чрезвычайной ситуации, то вскоре туда и вернёмся. Я убедил себя, что мы со всем разберёмся и снова заживём прежней жизнью.

Но это оказалась лишь верхушка айсберга.

Ситуация стала настолько серьёзной, что нам пришлось переехать в Нью-Хейвен и подать документы на перевод в Йель.

А я, получается, и правда тот самый тупица, которым меня всегда считали.

Я ничего не сказал Хэ-Рин.

Больше ей не писал.

Не звонил.

Я не смог даже открыть её сообщения.

Потому что знаю: если расскажу ей о наших новых планах и о переводе, остановить её уже не получится. Она бросит Стэнфорд и приедет сюда. Не только ради меня, но и ради моих братьев и сестры.

Позволить ей это — значит попросить отказаться от жизни, которую она построила в Калифорнии. От учёбы, друзей, мамы и бабушки, которая уже несколько месяцев болеет и нуждается во внучке.

А главное — подвергнуть её опасности со стороны Кроноса и Урана.

Мне хочется позвонить ей примерно каждый час каждого дня.

И почти столько же раз мне хочется сбежать отсюда и вернуться в Калифорнию.

Но я никому об этом не говорю, потому что мне стыдно показывать свой страх остальным членам семьи — таким смелым, умным и готовым пожертвовать собой.

Я пытаюсь изображать крутого и безразличного. Несу всю чушь, которая приходит в голову, лишь бы они не поняли, что по ночам мне снятся кошмары и я хочу уйти.

Спрятаться где-нибудь в мире, где есть пляжи и волны, которые можно ловить, и больше никогда никому о себе не напоминать.

Но я также знаю: когда всё это закончится, Хэ-Рин никогда меня не простит. Чем дольше я остаюсь внутри этого течения и пытаюсь плыть прямо к берегу, тем сильнее оно затягивает меня и тем выше риск, что её ненависть ко мне станет необратимой.

Я знаю, что, чтобы выбраться, нужно плыть параллельно берегу.

Но я не могу по-настоящему объяснить ей, что происходит.

Не могу рисковать тем, что она тоже нырнёт в это море.

Однажды я вернусь к ней.

И если она меня не простит...

Я всё равно буду любить её всегда — так же, как не перестаёшь любить океан, даже когда его волны сбивают тебя с доски и с силой швыряют под воду.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 8. 21 МИЛЯ

Жена Посейдона — нереида Амфитрита, которая поначалу не хочет выходить за него замуж. Тогда бог посылает к ней дельфина, чтобы тот поговорил с ней, и ему действительно удаётся её убедить. В знак благодарности Посейдон превращает дельфина в созвездие.

Посейдон

— Двадцать одна миля, — бормочу я в тишине, повисшей в салоне.

Мы арендовали машину после приземления в Международном аэропорту Сан-Франциско. Мне не пришлось долго раздумывать над этой поездкой домой. Через два месяца после того, как мы открыли Пандору и освободили остров, я больше не выдержал и купил билеты. Хотя моё будущее теперь связано с Йелем и окончанием учёбы, я должен увидеть Хэ-Рин и попросить у неё прощения, чем бы всё ни закончилось.

— И сколько, блядь, времени — это двадцать одна миля? — возмущается Нис, его голос искажён алкоголем. — Ненавижу, когда вы говорите расстояние в милях вместо того, сколько времени ехать. Вам не кажется, что важнее знать, сколько понадобится, чтобы добраться до места, а не сколько до него миль?

— Дионис! — отчитывает его мама, сидящая сзади между моими братьями и сестрой.

Арес устроился на пассажирском сиденье рядом со мной.

— Минут тридцать максимум, если без пробок. И вообще какого чёрта тебе это понадобилось?

— Мне надо было понять, сколько ещё придётся сдерживать рвоту, — отвечает Нис и опускает окно.

Высовывает голову наружу, делает несколько глубоких вдохов, потом возвращается обратно.

— Полчаса выдержу.

— Хватит пить вино! — вопит Тейя.

Начинается битва не на жизнь, а на смерть. Гера и Тейя отстёгивают ремни и тянутся к Нису, пытаясь выхватить у него фляжку. Кто-то ударяется головой о потолок машины, кто-то издаёт болезненный стон, а мне кажется, что я даже слышу звук пощёчины.

В конце сражения Гера сжимает добычу в руке и испускает победный клич.

— Всё, Поси, можем ехать.

Арес развалился на сиденье, солнечные очки на носу, выражение лица скучающее.

— Давай, жми на газ и поехали.

Я смотрю на него.

— Ты же знаешь, что перед тем, как нажать на газ, нужно завести двигатель, медленно отпустить сцепление и…

— Конечно я знаю! — огрызается он, явно задетый. — Я просто хотел сказать: езжай уже.

— Ты это знаешь потому, что у тебя есть права? — осторожно спрашиваю я, заводя двигатель.

— Никогда такого не говорил.

— Значит, прав у тебя нет.

— Этого я тоже никогда не говорил.

Лицо мамы возникает между нашими сиденьями так внезапно, что сердце подпрыгивает в груди.

— Значит, если Поси начнёт засыпать за рулём и никто из нас не сможет его сменить, ты сможешь повести машину, Арес? Или нет?

— Я точно слишком бухой, чтобы садиться за руль, — невнятно сообщает Нис.

— Даже человек без прав за рулём был бы лучше него, — соглашается Арес.

— Так у тебя их нет? — спрашивает Гера.

Арес пожимает плечами и просто включает радио, которое теперь работает одновременно с навигатором.

— Я знаю только, что мы записали тебя в автошколу и права ты получил, — ворчит Тейя, снова откидываясь на сиденье. — Но понятия не имею, есть ли они у тебя до сих пор. Может, их отобрали, или ты их потерял, или…

— Может, сосредоточимся на действительно важном вопросе? Который, между прочим, и есть причина этой поездки. Мы семь часов летели не только потому, что соскучились по дому, — перебивает её Арес.

О нет.

Пожалуй, я предпочитал прежнюю тему.

Или слушать, как Нис несёт пьяную бессмыслицу.

Я крепче сжимаю руль, выезжая на шоссе штата Калифорния 92 в западном направлении. Вообще-то я надеялся провести дорогу в тишине и просто любоваться видами. Пересекая полуостров Сан-Франциско, CA-92 проходит через холмы и небольшие города залива, а потом открывает панорамный вид на океан.

Я хотел, чтобы это была спокойная поездка, в которой семья просто будет рядом и поддержит меня. Поэтому Арес, мама, Гера и Нис здесь со мной. Конечно, ещё и потому, что после того, как мы наконец разобрались с Ураном, Калифорния осталась общей мечтой для всех нас. В конце концов, именно здесь мы выросли.

Для них эта поездка — прощание.

Для меня — огромный знак вопроса.

Семья решила окончательно обосноваться недалеко от Нью-Йорка. После выпуска кто-то поступит в магистратуру в Йеле, кто-то — в NYU, кто-то начнёт работать. Мы знаем лишь одно: хотим оставаться рядом, если наши жизненные планы это позволят.

Я единственный, кто всё ещё висит между двумя вариантами.

Хэ-Рин здесь, в Калифорнии.

И если по какой-то невероятной случайности она всё ещё меня захочет, меньшее, что я могу сделать, — остаться с ней после того, как в следующем году получу диплом. Позволить ей самой решить, чего она хочет, раз два года назад я лишил её этого выбора.

Два вечера назад Лиам познакомил меня с практикой, которая, кажется, сейчас очень популярна в соцсетях.

Называется манифестинг.

Он заставил меня манифестировать своё желание — в спокойной комнате среди свечей и подушек, пока TikTok пошагово объяснял нам, что делать, — в надежде, что оно станет реальностью:

Хэ-Рин прощает идиота, которым я был.

Правда в том, что ради того, чтобы вернуть её, я сделал бы что угодно. Публично унизился бы, встал на колени, пошёл бы в церковь молиться богу, в которого никогда не верил, принял бы любую религию, лишь бы мои молитвы дошли до того, кто согласится их исполнить.

Виды Тихого океана, открывающиеся по дороге, заставляют сердце бешено колотиться. Не только потому, что я снова приближаюсь к ней, но и потому, что чувствую присутствие воды — своей стихии.

Единственного, что никогда в жизни не заставляло меня чувствовать себя неправильным.

Единственного, чему я всегда чувствовал себя принадлежащим.

— Ты придумал, что ей скажешь? — спрашивает Арес спустя минут пятнадцать пути.

За это время он успел подключить свой iPhone к машине и теперь радует нас полной дискографией Britney Spears. В зеркале заднего вида я замечаю, что Нис уже отключился, откинувшись на подголовник с открытым ртом, и храпит. А Гера молчит и смотрит в окно.

Иногда мне кажется, что Гера страдает сильнее всех нас, но никто этого не замечает, потому что она никогда не показывает.

— Нет, вообще-то понятия не имею, что ей сказать, — признаюсь я. — Может, начать с «привет».

Он делает вид, будто одобряет.

— Великолепное начало. Ты просто мастер.

— А потом сказать, что я её люблю, — торопливо добавляю я.

— «Привет, я тебя люблю», — произносит он моим голосом. — Ну да, просто потрясающе.

— Правда?

— Нет.

— Ладно. А что мне тогда сказать?

Он пожимает плечами.

— Откуда я знаю? Я каким-то чудом сумел завоевать Хелл, куда уж мне ещё и тебе помогать. Единственный способ помочь — одолжить тебе моё лицо.

Я фыркаю и прибавляю громкость музыки, надеясь, что он поймёт просьбу заткнуться.

Арес и правда ненадолго оставляет меня в покое, ограничившись напоследок:

— Хорошенько всё обдумай и поступи правильно, потому что мы скучаем по Хэ-Рин и хотим вернуть её в семью. Ясно?

Как будто всё так просто.

Когда я паркую машину на подъездной дорожке у дома, в голове остаётся только одна мысль:

Хэ-Рин.

Ничего нового, вообще-то, но на этот раз я наконец могу ей поддаться.

Я выскакиваю из машины, оставив ключи в замке зажигания, и бросаюсь бежать по улице.

— Ты куда, блядь, понёсся?! — орёт Арес.

Тейя и Гера уже вышли из машины.

Нис всё ещё спит.

— Я прямо сейчас иду к ней. Больше ни секунды ждать не буду.

Я слышу, как они снова меня зовут, но не отвечаю и даже не оборачиваюсь. Бегу так, будто участвую в самом важном соревновании своей жизни. Ноги всё сильнее разгоняются, и уже через несколько минут я потею как сумасшедший.

Конечно, можно было поехать на машине, но на её улице негде парковаться, и я не собираюсь терять на это время.

Я уже потратил слишком много лет своей жизни вдали от неё.

Больше этого не повторится.

Когда добегаю до её дома, я задыхаюсь как сумасшедший, а лёгкие будто горят. Спотыкаясь, добираюсь до двери и намертво вцепляюсь в кнопку звонка, словно у живущих здесь людей и без того недостаточно причин меня ненавидеть.

Из дома доносится знакомый голос:

— Иду! Секунду!

Передо мной появляется мама Хэ-Рин — чёрные волосы собраны в тугой пучок, очки чуть съехали по переносице.

Её глаза распахиваются.

Рот тоже приоткрывается, едва заметно дрогнув.

— Со-Ён, — здороваюсь я.

Её лицо тут же становится суровым, а между нами падает тишина, которая кажется длиннее всех тех лет, что мы провели рядом.

Я считаю про себя, пока она наконец не открывает рот.

— Для тебя теперь я госпожа Кан.

Удар прямо в сердце.

— Прост...

— Не передо мной должны прозвучать первые извинения из твоего рта, — перебивает она. — Думаю, моя дочь заслуживает услышать их первой.

— Конечно. Ты можешь сказать, где мне её найти? — Я заглядываю ей за плечо, внутрь дома. — Она здесь? Можешь позвать...

— Она ушла и наконец спокойно живёт своей жизнью после стольких месяцев грусти. Ты поговоришь с ней и извинишься, когда она закончит свои дела, не прерывая её. Мы поняли друг друга?

Ладно, я, конечно, не ожидал, что здесь откроют шампанское в мою честь, но всё же...

— Хорошо. Я подожду её здесь.

Со-Ён вскидывает тонкую бровь.

— В дом я тебя не пущу.

Этого я и ожидал.

Я сажусь на ступеньку перед дверью и выдавливаю улыбку, хотя внутри умираю.

— Конечно. Буду ждать здесь.

— Она может вернуться через несколько часов.

— Неважно.

— Когда они с Лео куда-нибудь выбираются, то обычно никуда не торопятся.

Каждая мышца в моём теле парализуется, а по затылку проходит ледяной разряд. Я внезапно забываю, как вообще глотать слюну. Казалось бы, это должно быть проще.

— Лео? — переспрашиваю я, запинаясь.

Со-Ён усмехается.

— Лео, да.

— Не обязательно же мужское имя... — бормочу я.

Да. Может, это подруга, которую зовут… Леонида. Леона. Или как-нибудь ещё.

— В данном случае мужское, — вытаскивает меня из мыслей Со-Ён.

— Чёрт.

— Следи за языком, молодой человек!

В некоторых вещах она вообще не изменилась.

Я продолжаю смотреть на неё в надежде, что она скажет что-нибудь ещё.

В конце концов она вздыхает.

— Ну что ж, тогда жди здесь. Хорошего дня.

Как я и ожидал — и боялся, — дверь закрывается прямо перед моим лицом.

Но я не настаиваю, потому что знаю: заслужил. Я ехал в Хаф-Мун-Бей с пониманием, что готов на что угодно, лишь бы снова заслужить их любовь.

Я уверен, проходит совсем немного времени, прежде чем дверь снова открывается.

Мама Хэ-Рин возвращается ко мне, но на этот раз садится рядом и протягивает маленькую голубую тарелку с куском торта.

— Это же… — начинаю я.

Она улыбается.

— Тот самый, который ты так любил в детстве. Ешь давай.

Живот тут же начинает урчать, а во рту становится больше слюны.

Я замираю, когда кусок уже на полпути ко рту.

— Он ведь не отравлен, правда?

Со-Ён даже не моргает.

— Узнаешь, только если попробуешь.

— Со-Ён!

Теперь она даже тихо смеётся.

— Ешь, Поси.

От первого укуса у меня чуть не наворачиваются слёзы.

Дело не только во вкусе того, что я любил в детстве. Это ещё и воспоминание о нашей дружбе с Хэ-Рин, о тех временах, когда мы были детьми и всё казалось проще. Когда разбитая коленка была самой большой болью в мире, а единственной причиной торопиться — необходимость успеть домой к любимым мультфильмам.

— Ты был первым ребёнком, который упрямо решил научиться правильно произносить имя Хэ-Рин. И моё. И бабушкино. Первым, кто защищал её от чужой жестокости и с улыбкой терпел эту её игру «Что бы ты предпочёл?», которую она так любила. — Она хлопает меня по спине, пожалуй, чуть сильнее необходимого. — Я до сих пор помню, как ты впервые пришёл к нам на ужин и упёрся, что обязательно попробуешь нашу корейскую еду, хотя я предлагала приготовить тебе что-нибудь другое.

Я смеюсь.

— О боже, от тех острых клёцек я расплакался.

Она смеётся вместе со мной.

— В тот вечер ты выпил целый литровый пакет молока.

— Какие хорошие воспоминания.

Настолько хорошие, что одна слеза всё-таки вырывается, и я чувствую её солёный вкус на языке вместе со сладким и нежным вкусом торта.

— Я понимаю, почему ты сделал то, что сделал.

Она говорит это так тихо, что я наклоняюсь ближе и прошу повторить.

— Я понимаю, почему ты уехал и исчез, — снова говорит она. — Я знаю свою Хэ-Рин. Если бы ты сказал ей, что останешься на другом конце страны, она бы помчалась за тобой. С такой упрямой головой, как у моей дочери, ты поступил самоотверженно. Конечно, способ выбрал немного радикальный, но... я тебе благодарна.

Ладно.

Вот этого я не ожидал.

— Ты мне благодарна? — спрашиваю я, разбрызгивая несколько крошек торта.

— Благодарна за то, что ты держал её подальше от опасностей своей семьи. И благодарна за то, что вернулся теперь, когда, как я понимаю, всё закончилось. Отказаться от любви вот так, особенно в вашем возрасте, совсем непросто. Для этого нужно очень много мужества. А у тебя его хоть отбавляй, милый.

— У меня? Мужества? — У меня вырывается горький смешок. — Я всю жизнь трус.

Она качает головой.

— Ты смелый. И у тебя благородное сердце. Ты держал любимую девушку подальше от себя, потому что знал: она тоже любит тебя настолько, что бросит всё и подвергнет себя опасности ради тебя. Поверь, чтобы поступить так, требуется гораздо больше мужества.

— Значит... вы меня не ненавидите?

Со-Ён поднимает обе брови.

— Господи, я тебя точно не ненавижу. Хэ-Рин... злится на тебя. Ты же её знаешь. Ей понадобится время, чтобы простить тебя, но у тебя есть шанс.

— Это не проблема. Я буду ждать её прощения до самой смерти.

Она взъерошивает мне волосы, потом задерживается, разглядывая их.

— Так и не бросил эту ужасную краску, да?

— Это было единственное, что у меня осталось от Хэ-Рин. Благодаря этому цвету мне казалось, будто она рядом, даже когда была далеко.

Её глаза увлажняются.

— Я всегда болела за вас двоих.

— Правда?

— Она на пляже. На том самом. Вашем.

От внезапности этой информации я вздрагиваю.

— Иди. Сейчас же. Не теряй больше ни минуты.

Я отдаю ей тарелку, потом набрасываюсь на неё и крепко-крепко обнимаю.

Она смеётся и отвечает на объятие, прося немного ослабить хватку, потому что ей уже трудно дышать.

Я иду по дорожке к тротуару, но в последний момент останавливаюсь и разворачиваюсь.

Со-Ён смотрит на меня непонимающе, а потом смеётся, когда я хватаю оставшийся кусочек торта и закидываю его в рот.

— Не мог оставить ни крошки.

— Ты всё тот же милый мальчик, которого я когда-то узнала.

Я дарю ей последнюю улыбку, благодарю и снова срываюсь на бег.

Возвращаюсь домой, но захожу только за ключами от машины и сразу еду к пляжу. Бежать к любви всей своей жизни романтично только тогда, когда между вашими домами пятнадцать минут пешком.

До пляжа слишком далеко.

Я паркуюсь на первом свободном месте и бросаюсь к тому самому участку, где мы всегда вместе занимались сёрфингом.

Тому самому, где познакомились детьми.

Несмотря на толпу, я узнаю её мгновенно.

Увидеть её снова спустя два года — и колени начинают дрожать от эмоций. Чистая, яростная радость сотрясает каждую частицу моего тела, проникает под кожу, цепляется за меня и почти лишает дыхания.

Я снимаю обувь и иду по песку, пока, между нами, не остаётся всего несколько метров.

Хэ-Рин стоит у самого моря в купальнике, спиной ко мне.

Не думаю, что она меня видела или слышала, но в какой-то момент её тело резко выпрямляется, будто от удара хлыста. Спина напрягается, пальцы едва заметно шевелятся вдоль бёдер.

— Хэ-Рин, — шепчу я.

Я задыхаюсь.

Эта девушка необратимо перевернула всю мою жизнь. Я не знаю, что буду делать, если она меня так и не простит. Она поворачивается.

Мучительно медленно. Так спокойно, что мне хочется самому схватить её за плечи и одним движением развернуть к себе. Я слишком давно не видел её лица.

Слишком давно не слышал её голос.

Я чувствую, будто умираю от желания.

В её глазах нет той же радости, которая, я уверен, сияет в моих, но это неважно. Она смотрит на меня, я смотрю на неё, мы снова вместе, в одном месте, и мир снова стал прекрасным.

Я считаю секунды до того, как она заговорит.

И говорит она совсем не то, на что я надеялся.

— Нет.

— Нет? — повторяю я.

Хэ-Рин начинает качать головой, всё сильнее.

— Нет, нет, нет.

Я тянусь к её руке, но она отступает на шаг.

— Хэ...

— Нет, этого не может быть. Нет. Тебя здесь на самом деле нет. Ты ненастоящий. — Она тараторит без остановки.

Я иду к ней, пытаясь сократить расстояние, между нами.

— Я правда здесь. Я настоящий. Тебе нужно только выслу...

— Нет, нет, нет. Я ничего не буду слушать. Вообще ничего.

Ладно, я надеялся, что она будет счастлива, боялся, что не будет, но... я не представлял, что она начнёт бесконечно бормотать «нет» и убегать от меня.

Она идёт вдоль берега, удаляясь.

Мне требуется несколько секунд, чтобы отреагировать, слишком уж я потрясён. Я бегу за ней, окликая.

— Хэ-Рин! Побег ничего не решит.

Она издаёт горький смешок.

— Это для всех работает, кроме тебя?

— Хэ-Рин! Стой!

Мне уже всё равно, что я кричу, что нас кто-то слышит или видит эту сцену.

Я догоняю её и встаю прямо перед ней так быстро, что она, не ожидая этого, врезается мне в грудь и тут же отшатывается, будто её ударило током.

— Посейдон.

— Можешь остановиться, пожалуйста? Можешь просто постоять здесь несколько минут? Прошу тебя.

Она скрещивает руки на груди.

Это зелёный свет.

Мой шанс сказать всё, чего я не мог написать ей за эти годы разлуки. Возможность исправить тот ущерб, который я причинил.

Да.

Я справлюсь.

Открываю рот.

Закрываю.

Я так счастлив видеть её, видеть прямо перед собой, что мозг отключается и забывает все речи, которые я готовил последние недели.

— Привет, — наконец шепчу я.

Идиот.

Она качает головой и проводит рукой по лбу.

— Что ты здесь делаешь?

— Вернулся забрать свою девушку.

Похоже, немного смелости во мне всё-таки есть.

Она отступает на шаг, потом ещё на один, пока ступни не оказываются в воде. Волны сегодня сильные и разбиваются о её лодыжки, взметая резкие брызги.

— Я не твоя девушка.

Я вздыхаю.

— Правда. Работаю над этим.

— Работаешь плохо. Ты уволен.

Она проходит мимо, толкнув меня плечом; но на этот раз мои рефлексы срабатывают лучше её, и я хватаю её за запястье, заставляя остановиться.

Резким движением она освобождается.

— Ты можешь перестать всё время уходить? — вспыхиваю я. — Я не уволен. Я продолжу пытаться. Ты моя девушка…

— Я не твоя девушка.

— Ладно. Не сейчас. Но станешь. Тебе просто нужно дать мне возможность всё объяснить, а для этого неплохо бы постоять на месте, а не убегать, ради всего святого!

Она издаёт короткий звук — наполовину недоверчивый, наполовину amused.

Вдруг на меня обрушивается новая мысль.

А если она так враждебна потому, что пошла дальше и у неё действительно есть парень?

А если тот Лео, о котором говорила её мама, это?..

Я должен был учитывать возможность, что за это время она попыталась начать отношения с кем-то ещё.

Что однажды решила сходить на свидание с другим и отпустить меня навсегда.

— Лео — твой парень? — спрашиваю я, запинаясь.

Она хмурится.

— Что?

— Ты встречаешься с этим Лео, о котором мне сказала твоя мама?

Хэ-Рин закатывает глаза и подносит пальцы ко рту, чтобы свистнуть.

Через несколько секунд я слышу тяжёлые шаги по песку.

А потом вижу его.

Золотистый ретривер несётся к нам и прыгает на ту, кого я, очевидно, должен считать своей хозяйкой. Хэ-Рин гладит собаку и несколько раз целует в голову.

— О, — бормочу я. — Лео — собака. Не парень. Он… собака.

Хэ-Рин бросает на меня взгляд.

— Перестань так улыбаться. То, что Лео собака, ещё не значит, что у меня нет парня.

Улыбка тут же исчезает.

— Есть?

Она фыркает.

— Нет. Но тебе всё равно нужно уйти. Ты ведь это умеешь лучше всего, правда?

— Ты же знаешь, тогда была другая ситуация…

Хэ-Рин пристёгивает Лео поводок и снова идёт вдоль берега, оставляя меня позади так, будто разговор окончен.

Мне требуется несколько секунд, чтобы снова побежать за ней.

Серьёзно?

Опять?

Она вообще не умеет стоять на одном чёртовом месте?

Впрочем, я это заслужил.

Буду бегать за ней, пока не договорю.

— Подожди! Эй!

— Я не хочу с тобой разговаривать, Посейдон. Уходи! — кричит она.

— Я не уйду, пока не получу возможность объясниться.

— Мне не нужны никакие объяснения. Уходи!

— Ты не знаешь…

— Нет, не знаю, правда? Я ничего не знаю. Я знаю только, что мы попрощались после того, как признались друг другу в любви, а потом ты перестал мне писать и отвечать. Я знаю, что Гиперион умер, а я даже не смогла приехать на его похороны. Я знаю, что Зевс попал в аварию и у него парализованы ноги, но я не могла быть рядом с ним. Я знаю, что ты чуть не погиб, а я жила, не зная, мёртв ты или жив. Вот что я знаю, Посейдон.

— Ты не могла знать, где мы находимся. Это было опасно, я сделал это ради тебя. Ты же знаешь, насколько безумная у меня семья. Когда папа умер…

Дрожь в моём голосе, наполненном болью, заставляет её замедлиться — из жалости.

— Арес был в самом разгаре своих семи подвигов, ситуация была ужасная, Хэ-Рин, правда. Я не хотел причинить тебе боль. Ты должна…

— Я знаю! — восклицает она, разворачиваясь ко мне. — Я знаю, знаю, что твои рассуждения имеют смысл. Но ты хотя бы мог меня предупредить. Одно «я жив» раз в неделю. Одно «ты не можешь знать, где я, я сам вернусь, когда придёт время». Хоть что-нибудь!

Я наклоняю голову набок.

— И тебе бы этого хватило? Ты бы этим удовлетворилась? Или стала бы настаивать, чтобы приехать ко мне, разрушив свою жизнь и блестящее будущее?

Её глаза полны слёз.

— Бабушка умерла, а тебя не было рядом.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Гиперион умер, а меня не было рядом с тобой.

Слеза скатывается по её щеке.

То же происходит и со мной.

— Я знаю.

— Зевс пострадал, а я…

— …не была рядом со мной.

Фраза вырывается вместе с рыданием.

— Мне жаль. Я просто сделал то, что было правильно для тебя, а не то, чего хотел сам. Если бы всё зависело от меня, я купил бы тебе билет в тот же день, когда мы попрощались. Я бы взял тебя с собой. Клянусь.

Она медленно кивает, а по её прекрасному лицу текут новые слёзы.

— Пока ты продолжала блестяще учиться в Стэнфорде и проводила всё дополнительное время, которое подарила тебе жизнь, с бабушкой, я жил в Аду. Я оплакивал отца, который ушёл из этого мира в полном одиночестве, видел, как умерла моя кузина — с ребёнком в животе, как Зевс сорвался с колеса обозрения, как брат Хейвен впал в кому, как Джек… пронзили стрелами, как Тимос пожертвовал собой ради нас, я… я… я…

Тяжесть всех этих потерь лишает меня слов. Язык заплетается, и меня накрывает тяжёлое, почти физическое чувство дискомфорта.

— Я видел, как невинные люди рисковали жизнью. Так много, что ты даже представить не можешь. Не только мы, Лайвли, напрямую втянутые в семейные драмы, но и друзья, знакомые. Даже совершенно незнакомые люди, Хэ-Рин! Незнакомые.

Она плотно сжимает губы, но они дрожат так сильно, что я боюсь: сейчас она разрыдается прямо передо мной.

А к этому я не готов.

— Ты понимаешь? — заканчиваю я, не желая давить сильнее.

Она кивает.

— Ты хоть представляешь, как сильно я по тебе скучала? — шепчет она.

Я подхожу ближе, протягивая руку, чтобы погладить её по лицу, но она отстраняется и прикусывает губу.

— Хэ-Рин…

Проходят минуты, словно часы.

Она продолжает смотреть на море, где кто-то занимается сёрфингом. Лео сидит у её ног, высунув язык и выглядя совершенно счастливым.

— Ты не можешь рассчитывать, что просто вернёшься и всё исправишь, будто ничего не произошло. Кто гарантирует мне, что это не повторится? Что не объявится ещё какой-нибудь странный сумасшедший родственник, который снова подвергнет вас опасности? Опасности, от которой ты опять захочешь меня защитить, оттолкнув и исключив из своей жизни?

— Насколько я знаю, других у нас…

Она прожигает меня взглядом.

— Ладно. Наверное, не в этом была суть.

— Сейчас я тебе не доверяю. Я не могу снова впустить тебя в свою жизнь и рисковать тем, что опять потеряю. Я не могу тебя потерять. Не снова, Посейдон.

— Больше этого не случится.

— Я бы очень хотела тебе поверить. Правда.

— Ты меня любишь, Хэ-Рин? Мне всё ещё настолько повезло, что у меня есть твоя любовь?

— Не знаю.

— Хорошо. Всё равно хорошо, неважно. Потому что я — да. Я тебя люблю. Сильнее всего на свете.

Она вздрагивает, выдавая тень какого-то чувства, которое просто не может быть отрицательным.

Надежда вспыхивает во мне снова, как пламя, которое я уже боялся потерять навсегда.

— Я рада, — отвечает она отстранённо.

Я едва не смеюсь.

— Хэ-Рин, ты бы предпочла, чтобы я сейчас ушёл и больше никогда не вернулся, или чтобы я остался и снова заслужил твоё доверие?

Возвращение к её игре оживляет воспоминания: все те разы, когда именно она задавала мне абсурдные вопросы и втягивала в эту игру.

Я знаю, что она вспоминает то же самое, потому что впервые с тех пор, как я её нашёл, в её глазах вижу отражение того же света, который, я уверен, сияет в моих.

— Нечестно использовать мою игру против меня.

— Отвечай, или я выберу за тебя.

— Это тоже нечест…

Одним движением я сокращаю расстояние между нами и беру её лицо в ладони.

Хэ-Рин пытается отстраниться, но мне достаточно настоять всего один раз, и она сдаётся, расслабляясь под моими руками.

Новые слёзы скользят по её коже, и я начинаю целовать их одну за другой.

Чувствую на губах солёный вкус и хочу только одного: чтобы это был последний раз, когда причиной её боли становлюсь я.

— Ты не ответила. Время вышло, — шепчу я. — Я выбираю за тебя. И выбираю остаться и снова заслужить твоё доверие.

— Уходи, — шепчет она в ответ, зажмуриваясь. — Уходи.

— Я больше не уйду.

— Уходи, — настаивает она.

— Я больше никогда не уйду, — обещаю я. — Никогда, никогда, никогда, никогда больше.

Несколько мгновений я слышу только бешеный, яростный стук собственного сердца.

Я знаю: если она ещё раз скажет мне уйти, это уже будет окончательно.

Одно «уходи» ещё можно списать на гордость Хэ-Рин, которую я слишком хорошо знаю.

Но после определённого количества это уже становится твёрдым решением.

— Тебе придётся очень постараться, ты ведь понимаешь?

Я выпускаю воздух, который всё это время держал в лёгких.

— Столько времени, сколько тебе понадобится, Хэ-Рин. Правда. Я никогда не сдамся.

С обезоруживающей мягкостью она берёт меня за руки и убирает их со своего лица.

Отступает на шаг, ни на секунду не отводя от меня глаз.

— Тебе нужно вернуться в Нью-Хейвен.

Я пожимаю плечами.

— Сейчас мне нужно быть там, где ты. Когда простишь меня, тогда и подумаем о нашем будущем.

— Нет. Я хочу, чтобы ты закончил учёбу в Йеле. А я закончу здесь.

— Ты же не серьёзно...

— Мы оба этого заслуживаем. Ты не можешь снова всё бросить.

— Я не могу снова бросить тебя, — поправляю я.

Она качает головой.

— После выпуска спокойно решим, что делать дальше. Вот чего я хочу, Поси. Тебя и меня, но без того, чтобы мы вмешивались в жизни друг друга.

Я понимаю, что она непреклонна, такая же упрямая, какой была в день нашего знакомства.

Вздыхаю.

— Я всё равно буду приезжать.

— Рассчитываю на это.

— Буду. И начнём заново, маленькими шагами. Когда закончу учёбу, вернусь сюда.

Она улыбается.

— Посмотрим.

— Хэ-Рин?

— Что?

— У нас остался незаконченный поцелуй.

— И я точно не позволю тебе получить его сейчас, учитывая, что ты только что вер...

Я заставляю её замолчать, прижавшись губами к её губам.

Она замирает у моего рта, возможно от шока.

Если честно, я и сам поражён своим поступком.

Будто тело двинулось само, не спросив разрешения у мозга, прежде чем голова успела осознать, что происходит.

Я не хочу быть навязчивым, поэтому лишь мягко целую её губы — со всей нежностью, которую годами приходилось сдерживать и подавлять из страха быть отвергнутым.

Это прекраснее всех раз, когда я представлял этот момент.

Где-то глубоко в сердце я всегда это знал.

Всегда знал, что признание не разрушит нашу дружбу.

А вот если бы я и дальше всё держал в себе, со временем это разрушило бы мою жизнь; я страдал бы вечно, если бы её у меня не было.

То, что я чувствую сейчас рядом с ней, то, что чувствую даже тогда, когда нас разделяет расстояние и одной мысли о простом звуке её голоса хватает, чтобы стать счастливым, — это не разрушение.

Это то, что каждый человек заслуживает испытать хотя бы раз в жизни.

Я слегка отстраняюсь, разрывая поцелуй.

Когда начинаю говорить, наши губы всё ещё совсем близко.

— Ты... — запинаюсь я. — Ты сделала мои грустные песни лучше. И я люблю тебя, Хэ-Рин, так, как никогда не полюблю ни одну другую девушку на свете. Я бы

предпочёл умолять тебя о прощении до конца своих дней, чем уйти, даже не попытавшись за тебя бороться.

Вот она — тень той улыбки, которая всегда сводила меня с ума.

Почти сразу исчезает, потому что эта упрямица, как обычно, не хочет сдаваться слишком быстро.

— Посейдон…

— Ни одна другая, — повторяю я сквозь стиснутые зубы.

Она не возражает.

— И я в этом уверен, — добавляю я, подхваченный приливом уверенности, которого никогда прежде не испытывал.

Я достаю телефон из кармана и звоню маме. Она отвечает после второго гудка. Это её особый талант: меньше трёх гудков у неё не бывает. Никогда.

Я не жду, пока она заговорит, и опережаю её:

— Я закончу учёбу в Йеле, получу диплом, а потом вернусь в Калифорнию. И, если всё пойдёт хорошо, однажды за нашим столом будет сидеть моя девушка Эйвери.

Я подмигиваю Хэ-Рин, произнося её неправильное имя.

— На это может уйти несколько лет. Мы не будем спешить и не станем откладывать в сторону свои планы.

Хэ-Рин закатывает глаза и щиплет меня за предплечье так сильно, что я одновременно стону от боли и смеюсь.

На другом конце мама тут же засыпает меня вопросами:

— Эйвери? Кто? А куда делась Хэ-Рин? Поси…

Вообще-то Тейя никогда не знала, что в детстве другие дети переделывали её имя в Эйвери. Ей самой «Хэ-Рин» никогда не казалось слишком сложным, поэтому она и не задумывалась об этом. А я уж точно не собираюсь объяснять всё сейчас — лучше продолжу эту случайно возникшую шутку.

— Потом поймёшь, не переживай. Скоро увидимся дома.

Тем временем Хэ-Рин лишь машет мне на прощание и зовёт Лео. Поворачивается ко мне спиной и уходит медленными шагами, гораздо спокойнее, чем раньше.

Шагами человека, который на самом деле не хочет уходить.

Я знаю это не из самоуверенности, а потому что знаю её.

Время от времени она оборачивается ко мне, словно проверяет, не был ли я галлюцинацией и действительно ли всё ещё стою здесь.

Я остаюсь столько, сколько ей нужно, пока она не отходит настолько далеко, что уже не может меня заметить, и я могу уйти, не заставив её снова почувствовать себя брошенной.

Но в одном я всё-таки ошибаюсь.

Хэ-Рин не прощает меня через те годы, о которых я сказал маме.

Ей требуется гораздо меньше времени.

Мы оба получаем дипломы: Хэ-Рин — в Стэнфорде, я — в Йеле.

А потом я сразу же бегу к ней, возвращаюсь домой, и мы начинаем строить то будущее, о котором я всегда мечтал.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА ЭЙФОРИИ. Дионис

Глава 1. ДИОНИС

Миф рассказывает, что Зевс, влюбившись в фиванскую принцессу Семелу, сделал её беременной, вызвав ревность своей супруги Геры. Семела сомневалась в истинной природе своего возлюбленного, и Гера воспользовалась этим, переодевшись простой смертной, чтобы убедить её потребовать от Зевса ощутимое доказательство его божественности. Зевс всеми силами пытался отговорить принцессу, понимая, что это видение станет причиной её смерти, но Семела осталась непреклонна. Бог, связанный обещанием исполнить любое её желание, явился перед ней во всей своей мощи — в облике молнии, — и Семела мгновенно превратилась в пепел. Однако Зевсу удалось спасти шестимесячный плод, который она носила в утробе, зашив его в собственное бедро до окончания срока вынашивания. Дионис родился во второй раз, и именно от этого двойного появления на свет происходит его эпитет — бог «рожденный дважды».

Дионис

Многие думают, что я пью столько вина, потому что хочу забыться. Они считают, что я измученная душа, которая страдает и должна топить свои проблемы в алкоголе. В общем, те самые философские разговоры людей, которые уверены, что могут тебя психоанализировать, потому что считают себя эмоционально более глубокими, чем остальные.

Другие думают, что я просто алкоголик.

А третьим вообще всё равно. Например, Лиаму.

В любом случае я не алкоголик и не пью, чтобы забыть свои страдания.

Я пью, потому что люблю вино. Мне нравится его вкус. Я даже пытался бросить, переключившись на виноградный сок. В конце концов, основной ингредиент всё равно тот же, да? Так вот… похожи они были примерно никак.

Я пытался, честно. Стиснув зубы, заставлял себя пить сок вместо вина.

После одного бокала сдался и снова взял флягу со спиртным.

Я никогда не смог бы пить, чтобы забыть. То дерьмо, которое я видел в своей жизни, не забудешь даже с помощью великолепного Шато Петрюс. Конечно, не буду отрицать — я пробовал. Попытки нужны хотя бы для того, чтобы потом не жить с сожалениями.

Правда в том, что мне в жизни практически ничего не важно. Если бы у апатии было лицо, это было бы моё бледное личико с острыми скулами и пустым взглядом.

Ладно, возможно, я не совсем апатичен ко всему. Если бы кто-то из моих братьев или моя мать оказались в опасности, мне было бы не всё равно.

Скажем так, мне важны только они. За себя я не переживаю: смерть никак на меня не действует. Мне кажется, что жить гораздо проблемнее и, в моём случае, бессмысленнее.

Я не сделал в своей жизни ничего хорошего или выдающегося. Если не считать того, что украл деньги у родителей и сбежал в Париж. Когда меня спрашивают, что произошло во Франции, с этим странным блеском в глазах, мне почти становится

стыдно. Они явно ждут великих приключений; суровая реальность в том, что я пил, жрал как свинья, ходил по музеям, бродил по столице, заглядывал в кварталы красных фонарей и большую часть времени просыпался посреди улицы — разбитый и совершенно не понимающий, где я, когда я и кто я вообще такой.

Если бы я мог вернуться назад… ну, думаю, я бы сделал всё то же самое, что и в первый раз.

Я не человек, которому суждено искупление.

Я безнадёжный случай. Настолько безнадёжный, что даже моя семья перестала пытаться.

Думаю, они делают это, потому что боятся: вдруг я снова сорвусь, уеду куда-нибудь на другой конец мира и умру там, в каком-нибудь углу, один, среди людей, которые даже не говорят на моём языке.

Они сдались, и меня это устраивает, потому что бороться за такого человека, как я, просто не стоит.

Прошло два месяца с тех пор, как открылась Пандора, и Олимп заполонили копы. Ситуация далека от идеальной, но хотя бы этот старик Уран больше не представляет угрозы.

Постепенно почти все снова начинают жить обычной жизнью — без смертельных игр, приложений, раскрывающих секреты, и странных патриархов, которые воспринимают греческую мифологию слишком серьёзно.

Я… ну, я особо ничего не делаю. Я просто…

— Тебе никогда не надоедает, да? — восклицает женский голос, прерывая поток моих мыслей.

Аврора, которую все зовут Рори, стоит передо мной, уперев руки в бока. Её светлые волосы собраны в растрёпанный хвост, а две пряди падают на лицо.

Вот моя любимая часть дня: любоваться красивой девушкой, которая, скорее всего, считает меня алкоголиком, неспособным завести друзей, если не считать её десятилетнюю младшую сестру.

— Bonjour, blondinette, — приветствую я её, беру за руку и оставляю поцелуй на тыльной стороне ладони.

Выражение её лица всегда бесценно. Она терпеть не может, когда я называю её «блондиночкой».

— Вообще-то нет, — отвечаю я. — Теперь я уже привязался к отделению онкологии.

Когда Локи случайно застрелил Ареса и отправил его в больницу, я бродил по отделениям в поисках отвлечения и познакомился со Сторми. Десятилетней девочкой, которая не умеет правильно произносить моё имя и у которой есть сестра — Рори, та самая блондиночка передо мной. Их мама, Мария, проходит лечение от рака, и вполне возможно, что я прихожу сюда несколько раз в неделю, чтобы их увидеть.

Боже, как же объяснить это так, чтобы не выглядеть странным и тупым? Не то чтобы я испытывал какую-то особую привязанность к Сторми, боже упаси. Она просто приятная и весёлая девочка, каких много. Но мне не так уж плохо сидеть здесь и разговаривать с ней, пока она ждёт, когда её мать закончит курс химиотерапии. За последние месяцы я понял: с детьми иногда можно поговорить куда интереснее и умнее, чем со взрослыми.

Сторми, в свою очередь, наверняка поняла, что многие дети её возраста соображают лучше меня. Но ничего.

А её старшая сестра… это уже настоящее небесное зрелище. Она и эти волосы — такие светлые, будто они сияют золотом на солнце; карие, мягкие кошачьи глаза; губы с чётко очерченной дугой Купидона и постоянно пылающие щёки. У неё ещё и идеальная задница.

Но, повторюсь, мне всё это не особо важно.

Я просто ищу новые способы занять время, новые увлечения. Лиам пробует фигурное катание, а я хожу в больницу играть с десятилетней девочкой.

Рори вздыхает и поправляет очки.

— Сторми здесь нет, сегодня она позже выходит из школы. Я иду её забрать. Вы увидитесь завтра, думаю, ведь ты здесь постоянно…

— Ты намекаешь, что мне нечем заняться в жизни?

— Ну, я не хотела именно так это формулировать, но…

— Это правда, да, — перебиваю я, задумавшись. — В любом случае, увидимся завтра.

Рори кивает и одновременно делает несколько шагов назад.

— Ладно, — отвечает она, растягивая гласные. — До завтра.

Как только она поворачивается ко мне спиной, я вскакиваю и догоняю её. Она сразу увеличивает расстояние между нашими телами, будто я какой-то заразный. Если честно, она всегда так делает. Похоже, я ей не особо нравлюсь.

Она терпит меня только потому, что её сестра хорошо обо мне отзывается и ей весело проводить время, когда мы вместе. По сути, я бесплатная няня. Пока её мать борется с одной из самых страшных болезней в жизни, я помогаю ей забыть, что она находится в больнице.

Кроме этого, Рори не испытывает ко мне каких-то особо положительных чувств. Я её понимаю; с женщинами у меня никогда особо не складывалось. Они часто говорят, что я «неуместен». Некоторые даже утверждают, что мой способ знакомства заставляет их захотеть стать лесбиянками.

Мне кажется, это немного преувеличено, хотя, если честно, отчасти я могу их понять. Я совершенно не умею обращаться с девушками; то, что для меня может казаться романтичным, для них становится лишь ещё одной причиной окончательно отказаться от мужчин.

Я вообще не особо хорош в общении с людьми, но когда дело касается женщин, я достигаю просто катастрофического уровня. Аврора разговаривает со мной только потому, что вынуждена, я это точно знаю. Я пытаюсь что-нибудь сказать, надеясь, что хотя бы однажды не заставлю её подумать, будто я полный идиот.

Она бросает на меня несколько взглядов искоса, и это знак: слишком долго молчим, пора что-нибудь сказать.

— Знаешь, когда я был во Франции, я познакомился с проституткой, которую звали так же, как тебя.

Она резко поворачивается ко мне, широко распахнув глаза.

— Она была очень красивой! И, если можно добавить, весьма востребованной, — успокаиваю её я.

Выражение её лица не меняется.

Возможно, она неправильно поняла мои намерения.

— Я с ней ничего не делал, если что, — уточняю я. — С ней, по крайней мере. А вот Мабель и Флер…

Рори машет рукой в воздухе.

— Ладно, прекрасно, хватит!

Я иду за ней через парковку больницы, и когда она открывает машину и садится на водительское место, я делаю то же самое, устраиваясь на пассажирском.

Она замирает.

— Какого чёрта ты делаешь?

— Еду с тобой.

— Что?

— Еду с тобой забрать Сторми из школы. Давай, заводи машину, а то опоздаем.

— Что? — восклицает она уже более высоким голосом.

Я вздыхаю и смотрю на неё.

— Аврора, мне правда нужно повторить это в третий раз или мы можем на этом остановиться?

— Я тебя не просила ехать со мной.

Я вытаскиваю ключ из её руки и вставляю его в замок зажигания.

— Не нужно, спокойно. Я сам себя попросил и сам же согласился.

Рори смотрит на меня с открытым ртом. Я выдавливаю улыбку, которая, кажется, только сильнее её сбивает с толку, а потом указываю на ключ.

— Поехали.

— Послушай, сегодняшний день был тяжёлым, и у меня всё ещё есть проблемы, которые нужно решить. Было бы лучше, если бы ты вернулся в Йель и занялся учёбой, например.

Я фыркаю.

— И зачем мне…

— Например, чтобы получить диплом?

— Я как раз узнаю, можно ли его купить. Не переживай.

Она хмурится.

— Шучу же. Ну правда, ты никогда не смеёшься?

Аврора заводит машину, раздражённо выдыхая.

— Может, потому что у моей матери рак, я провожу дни, заботясь о своей сестре, и пытаюсь пережить всё это вместе с отцом, который совершенно сломлен. А в это время какой-то странный парень, который пьёт литры вина, рассказывает мне о проститутках, которых он встретил в Париже…

Она показывает на меня пальцем, выезжая с парковки.

— И пристегни ремень безопасности, чёрт возьми!

— Серьёзно? Этот костюм Armani. Я не могу рисковать, что ремень сожмёт ткань или оставит склад…

В мгновение ока Аврора останавливается и вытягивает руку передо мной. Она хватает ремень безопасности и пристёгивает меня, не оставляя ни малейшего шанса возразить.

— Что плохого в том, что ты только что перечислила? — спрашиваю я наконец.

— Тебе кажется нормальным учиться в одном из самых престижных университетов мира и даже не ходить на занятия? Иметь единственного друга — десятилетнюю девочку — и рассказывать мне о французских проститутках, с которыми ты переспал?

— О боже, Аврора, не сводi всё к сексу! Они были моими подругами. На самом деле я платил им за разговоры и за компанию на час. Это были одинокие дни в Париже.

По её убийственному взгляду я понимаю: сказал я явно не то.

— Знаешь, что я думаю о тебе, Дионис?

Её внезапно спокойный и усталый тон заставляет меня заёрзать на сиденье.

— Я бы предпочёл не знать.

— Всё равно скажу.

Мой разум действует быстрее, чем я успеваю подумать. Я распахиваю дверь машины, пока она едет по дороге.

— Тогда я выйду здесь, спасибо.

Аврора вскрикивает и на несколько секунд теряет контроль над машиной — её ведёт влево.

Её крик заставляет меня закричать в ответ.

В итоге мы оба орем, а я всё ещё держусь за открытую дверь.

Машина сзади сигналит нам.

— Немедленно закрой!

Я послушно закрываю дверь, а Аврора выпускает воздух через сжатые губы. Костяшки её пальцев белеют — она так сильно сжимает руль, будто от этого зависит её жизнь.

Она продолжает ехать молча, и я понимаю: мне нужно замолчать, дать ей время успокоиться и всё переварить.

Мне просто нужно было как-то отвлечь её от того мнения обо мне, которое она собиралась высказать. Я до ужаса боюсь, что люди, узнав меня поближе, сразу поймут, что я скрываю.

Мне не нравится, когда люди видят мои слабые места, и я уверен, что Аврора достаточно умна, чтобы уже всё понять.

Но одно дело — когда это остаётся просто мыслью в её голове, которую она никогда не подтверждает. И совсем другое — услышать это вслух.

Это вещи, о которых даже я сам стараюсь не думать.

Почему мы вообще постоянно пытаемся заниматься самоанализом? Выяснять, что движет другими людьми? Какая разница.

Занимайтесь своими делами.

— Ты даже не собираешься извиниться? — резко спрашивает она, нарушая тишину.

Я бурчу:

— За что?

Она что-то недовольно бормочет себе под нос.

— Послушай, блондиночка, это напряжение между нами…

Я вздыхаю и несколько раз показываю рукой между нами.

— Эта атмосфера. Немного ненависти, за которой скрывается желание. Это нужно решить. Почему бы нам не сходить куда-нибудь вместе?

Она начинает смеяться.

— Что ты сказал?

— Сходим. Переспим. Не знаю… снимем напряжение!

— Дионис, — она всё ещё смеётся, произнося моё имя, — то «напряжение», которое ты чувствуешь, появилось потому, что ты силой залез в мою машину, а потом попытался выпрыгнуть из неё на ходу. И всё.

— «На ходу», — повторяю я. — Ты ехала двадцать километров в час. Ты водишь как старушка. Немного нажми на газ, давай.

— И вообще, ты не можешь приглашать девушку на свидание… вот так!

— Не могу? Ну, ты привлекательная. Очень. И я тоже привлекательный. Это могло бы сработать.

Она поперхнулась смешком.

— Как?

— Ты не находишь меня привлекательным? Ни капельки?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на себя в зеркало заднего вида.

— Да, у меня есть мешки под глазами, и я бледный как бетон, но я не урод.

— Дионис, — отчитывает меня она.

— Что? Ты бы не переспала со мной? Без обязательств?

Она пытается не рассмеяться.

— Почему бы тебе просто не замолчать? Ты намного приятнее, когда молчишь.

Я скрещиваю руки на груди и надуваюсь.

— Видишь?

— Что?

Я растерянно смотрю вниз, на свой костюм и ужасный ремень, прижатый сверху. Поднимаю его рукой, удерживая подальше от пиджака.

— Вот теперь да. Твой ремень портит ткань.

— В любом случае…

Аврора останавливается на первой парковке, которую находит рядом со школой Сторми.

— Я не ненавижу тебя, Дионис. Сегодня просто тяжёлый день. А ты очень часто бываешь немного неуместным. В обычные дни я могу это пережить и не обращать внимания. Но сегодня мне есть о чём ещё заботиться, понял?

— Ну, я могу тебе помочь. Что тебе нужно?

Я опускаю голову на центр руля, оставаясь так — прижавшись лбом к нему.

— Посмотрим… Мне нужно забрать вещи из прачечной, потому что у нас даже времени нет постирать одежду.

Я морщусь.

— Ладно, это я пропущу. Слишком скучно. Ещё?

— Мне нужно срочно найти няню, потому что сегодня маме особенно плохо, и мы с папой хотим остаться рядом с ней. Но, с другой стороны, Сторми не может видеть её в таком состоянии и не может сидеть всё время в больнице. Она ребёнок. А ещё мне нужно…

— Я посижу со Сторми.

— Да, конечно.

— Я побуду её няней. У девушки моего кузена Аполлона есть квартира неподалёку. А остальные члены моей семьи гораздо ответственнее меня. Можешь забрать её когда угодно. Мы приготовим ей ужин, дадим воды, поиграем с ней — что угодно.

Она слегка поворачивает голову.

— Ты? Ты действительно хочешь всем этим заниматься?

— Мне не нравится этот тон. Я часто с ней в больнице. Что тебя удивляет?

— «В больнице», да. В зале ожидания.

Я пожимаю плечами.

— Какая разница? Ты же знаешь, что я нравлюсь Сторми, знаешь, что я хорошо к ней отношусь. Девушка моего кузена — агент ЦРУ, если это тебя убедит.

Аврора отрывается от руля и проводит руками по волосам, забывая, что они собраны.

— Давай для начала заберём её, пока кто-нибудь её не похитил и не решил нашу проблему раз и навсегда.

Я расстёгиваю ремень безопасности выверенными движениями, чтобы он не дёрнулся слишком резко и не помял пиджак.

В тот момент, когда я заканчиваю и открываю дверь, Аврора уже стоит передо мной, скрестив руки на груди и закатив глаза.

Когда мы подходим ко входу в школу, Сторми уже там.

В окружении двух учительниц.

Она цела и невредима, но её длинные светлые волосы теперь подстрижены коротко — примерно до середины щеки. Одна сторона короче другой.

Впрочем, сама она совершенно не выглядит расстроенной. Наоборот, с гордостью демонстрирует новую причёску. Щёки надуты, руки скрещены на груди.

— Что случилось? — восклицает Рори, привлекая внимание других родителей и детей, которые всё ещё находятся во дворе.

Когда Сторми видит меня, её лицо сразу светлеет.

Одна из учительниц подходит к нам и останавливает, прежде чем мы успеваем до неё добраться. Наверное, хочет поговорить наедине.

Судя по её лицу, новости хорошие не будут.

— Сегодня у нас в классе был день мамы. Каждый ребёнок подготовил рассказ о своей маме и принёс фотографию. Сторми… показала фотографию своей мамы в больнице. Некоторые девочки начали над ней смеяться, потому что у её мамы не было волос.

Я растерянно оглядываюсь вокруг.

С каких это пор маленькие девочки стали настолько жестокими?

— А вы ничего не сделали? — отвечает Аврора.

Она старается говорить взрослым и серьёзным тоном, но я понимаю: она просто прячет боль.

— Конечно сделали, мы их отругали. Потом Сторми пошла в туалет. Мы не заметили, что у неё были с собой ножницы, и она сама подстригла волосы. Она не захотела говорить причину, но, возможно, с сестрой ей будет легче поговорить.

Я снова смотрю на Сторми, которая переминается с ноги на ногу, словно едва сдерживается, чтобы не подбежать к нам.

— Дионис!

— Эй, Сторми Руки-ножницы. Что ты натворила?

Аврора что-то быстро говорит учительнице, а потом проходит мимо неё и с размаху поднимает Сторми на руки. Она отворачивается от остальных людей и лишь слегка машет им на прощание.

Я семеню следом.

— Сторми, кто эти девочки? Покажи мне, и мы отомстим.

Она пытается указать пальцем, но Аврора опускает её руку.

— Мы не будем мстить. Просто уйдём.

— Я всех их под ноль побрею, — шиплю я. — Сторми, тебе нужно только дать мне добро…

— Хватит, Дионис, — резко обрывает меня Аврора.

Я встречаюсь взглядом с несколькими девочками, которые смотрят на Сторми так, как мне совсем не нравится.

— Чего уставились? — спрашиваю я, заставляя их вздрогнуть. — Моя тётя в тюрьме, так что вам лучше нас не раздражать.

Рори спотыкается на ходу.

— Твоя тётя «в тюрьме»?

— Да, но её подставили. Она ничего не нарушала…

Я успокаивающе улыбаюсь.

— На самом деле это сделали мой дядя и дед.

Она ускоряет шаг, будто хочет от меня оторваться.

Я бегу трусцой, чтобы догнать её.

— Эй, вообще-то ты не можешь меня здесь бросить!

До машины Сторми хихикает, прижатая к сестре. Её глаза всё время направлены на меня.

После того как она чуть не обрилась наголо и услышала неприятные вещи о своей маме, она выглядит удивительно спокойной.

Я бы на её месте устроил школе полный конец.

Рори усаживает её на заднее сиденье и садится рядом.

Я устраиваюсь спереди, но поворачиваюсь к ним.

— Сторм, почему ты так подстригла волосы? — спрашивает она.

Девочка пожимает плечами.

— Потому что они говорили, что мама странная без волос. А у их мам волосы длинные и красивые. Поэтому я решила подстричься как она, чтобы показать девочкам: можно быть красивой даже без волос.

Её слова повисают в салоне машины.

Мы с Авророй смотрим друг на друга, и я надеюсь, что она не ждёт, что именно я найду ответ.

Потому что я явно самый неподходящий человек для этого.

А потом её слова что-то задевают внутри моего апатичного сердца.

Что-то, к чему я не привык.

И что я совершенно не знаю, как принять.

— Сторми… — бормочет Аврора, но останавливается.

Ей тоже тяжело.

В конце концов, речь идёт и о её матери, и эти ужасные слова, пусть даже косвенно, пришлось услышать и ей.

Это мой шанс сделать что-то действительно полезное.

— Сторми, — зову я её. — Как насчёт того, чтобы сейчас поехать к одной моей подруге домой и немного поправить стрижку? Мой кузен хорошо умеет ухаживать за волосами, можешь называть его Дива, если хочешь.

Сторми смешно морщит нос.

— Я хочу, чтобы они были короткими, как у мамы.

Я киваю.

— Хорошо. Мы сделаем их настолько короткими, насколько ты захочешь.

— Ты же не думаешь, что они некрасивые?

— Конечно нет. Они прекрасные. И твоя мама очень красивая, — успокаиваю я её.

— Тогда побрей и свои тоже вместе со мной! — кричит она, хлопая в ладоши.

Аврора широко раскрывает глаза.

— Давай без крайностей, Сторми…

Она хихикает, а Рори с облегчением выдыхает.

Наши взгляды встречаются, и в её глазах я вижу благодарность.

То, чего я нечасто вижу.

Аврора снова садится впереди и не трогается с места, пока я не пристегну ремень.

Всю дорогу до дома Лав Сторми рассказывает нам о своём школьном дне. Она трогает волосы и смотрит на себя в зеркало заднего вида с таким видом, будто это самая модная причёска на свете.

Перед тем как выйти из машины, её сестра хватает меня за предплечье, впиваясь в него всеми пальцами.

Неужели никто не уважает мои дорогие вещи?

— Не давай ей сладкое, от него она становится гиперактивной. Пожалуйста.

— Нет. Я как раз думал немного травы, чтобы она лучше спала…

— Это не смешно.

— Я не шучу. У моего брата Поси есть одно растение и…

— Дионис!

Я ухмыляюсь.

— Ne t'inquiète pas, petite blonde. Значит…

— «Не переживай, маленькая блондинка», — заканчивает она с зевком.

Я несколько раз моргаю.

— И как, чёрт возьми, ты это знаешь?

— Je parle aussi français. J'ai étudié à Paris pendant six mois, il y a quelques années, et je suis diplômée en langues, — объясняет она с идеальным произношением.

(«Я тоже говорю по-французски. Я училась в Париже шесть месяцев несколько лет назад и получила диплом по языкам» — на французском.)

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. ДОРИ

Культ Диониса выражался через экстатические и оргиастические обряды, которые главным образом проводили женщины, называемые «вакханками» или «менадами». Они отдавались танцам, песням и возлияниям в честь бога, часто среди лесов и диких горных вершин.

Эти празднества, называемые «вакханалиями», находили одно из своих высших проявлений в дифирамбе — хоровой песне, соединённой с ритуальными движениями. Дионис воплощал опьянение и экстаз как преобразующие силы, способные освободить человека от самосознания и повседневной реальности, уводя его за пределы человеческого опыта.

Дионис

Гермес, Лиам, Хейдес, Арес и Аполлон сидят на полу — все с невероятно сосредоточенными лицами — изучая Сторми.

— Думаю, я неплохо всё исправил, — соглашается Хейдес после внимательного анализа.

Благодаря своим невероятным талантам парикмахера он исправил неровную стрижку девочки.

Арес показал ей фотографию Бритни Спирс в 2007 году, когда она в приступе безумия побрила голову, и сказал, что теперь Сторми похожа на величайшую поп-звезду планеты.

— Мне тоже кажется, что получилось мило, — добавляет Герм.

Сторми болтает ногами в воздухе.

— Я хочу, чтобы они были короткими, как у мамы!

— А как у её мамы? У тебя есть фотография? — спрашивает меня Хейдес.

Я вздыхаю.

— У неё рак. Из-за химиотерапии у неё больше нет волос.

Все пятеро раскрывают рты.

— Может, нам побрить её наголо? — спрашивает Лиам.

Я размышляю несколько секунд.

Именно этого она хочет.

Но я боюсь, что Аврора разозлится и устроит мне выговор. Или даже настолько сильно обидится и решит, что я настолько безответственный, что больше не позволит мне быть рядом с её сестрой.

И, если честно… мне бы её немного не хватало.

Сторми тянет меня за пиджак.

— Позвони Рори! Спроси, можно ли мне.

— Эй, мелкая, этот костюм стоит дорого! — возражаю я, но не отстраняю её.

Я не могу позвонить её сестре. У неё наверняка полно дел и собственных переживаний.

Поэтому я наклоняюсь к Сторми и пытаюсь объяснить всё разумно.

— Слушай, мелкая, забудь, что тебе сказали твои тупые одноклассницы.

— «Тупые»?

Аполлон выплёвывает воду, которую пил.

— Это плохое слово, забудь его, — приказываю я.

— Тупые!

— Ладно, если повторишь это перед Рори, не говори ей, что я тебя научил. Скажи, что это сделал мой кузен Аполлон.

Малышка кивает, смеясь.

— Хорошо.

— Возвращаясь к нашей теме… забудь, что они сказали. Тебе не нужно становиться лысой, чтобы доказать им, что мама красивая. В конце концов, какая разница? Мы все знаем, что она красивая. Ты сама это знаешь. Разве это не главное?

Повисает тишина.

Я неловко улыбаюсь, надеясь, что это хоть немного усилит мои слова, потому что, судя по всему, их оказалось недостаточно.

Сторми откидывается на спинку дивана — жест, который делает её намного взрослее, чем она есть.

На самом деле такое бывает часто.

Несмотря на то что ей десять лет, иногда она говорит и делает вещи с пугающей зрелостью.

— Может, ты и прав, Дионсус.

— Дионис, — поправляет Арес.

Я смотрю на него искоса.

— Забей. Она просто никак не может правильно произнести моё имя.

— Итак! — Герм хлопает в ладоши и расплывается в ослепительной улыбке. — Что хочешь делать, Сторми? Поиграем с куклами?

Она фыркает.

— Я вообще-то уже не ребёнок.

— Тебе десять лет. Ты «ребёнок», — отвечает Арес.

Потом толкает Гермеса локтем.

— И вообще, у нас тут нет кукол. Что ты вообще предлагаешь, чёрт возьми?

Пока мои братья — и теперь я уже без сомнений включаю в их число и Лиама, который годами является постоянной частью нашей жизни и постоянным партнёром Зевса, — и кузены устраивают сложное обсуждение того, как её развлечь, я вступаю в борьбу с собственной головой и телом.

Моя рука дрожит.

Она тянется к внутреннему карману пиджака, где лежит фляга с вином.

Я не пил с тех пор, как мы забрали Сторми из школы.

Обычно я не прикасаюсь к алкоголю, когда нахожусь с ней, потому что чувствую ответственность и не могу позволить себе быть не в состоянии ясно мыслить.

Проблема в том, что обычно мы проводим вместе максимум два часа.

А прошло уже четыре.

И я начинаю ощущать желание.

Маленькая ладонь ложится поверх моей руки, пытаясь остановить дрожь.

Поначалу я не особо переживал и спокойно пил из фляги при ней.

Потом начал врать и говорить ей, что это просто виноградный сок.

Сторми не такая, как другие дети, поэтому она прекрасно знает, что это алкоголь и что это означает.

— …у нас нет кукол, но мы можем дать ей голову Аполлона с его длинными волосами. Ей понравится заплетать косички, да? Вот эта вся ерунда, — говорит Арес.

— То есть только потому, что она девочка, ей обязательно должно нравиться делать причёски? — возражает Герм. — Не будь сексистом.

— Раз уж заговорили о сексе, в это время я мог бы трахаться с Хелл, а вместо этого слушаю, как вы уничтожаете каждую мою идею.

— Герм прав. Укладка волос — это не только для женщин, — вмешивается Хейдес.

Я снова смотрю на Сторми.

На её карие глаза — такого же цвета, как у Рори, но другой формы.

У сестры они меньше и вытянутее, а у Сторми — круглые и большие.

— Почему у тебя дрожала рука? — спрашивает она.

— Потому что я борюсь с желанием выпить… мой виноградный сок, — вру я.

— А почему ты не можешь его выпить?

— Это вредно.

— Тогда тебе стоит перестать, да. Я не хочу, чтобы тебе было плохо.

Ох.

Ничего себе.

Это действительно очень мило.

— Ну… спасибо.

Сторми легонько ударяет меня кулачком по ноге, и, чтобы доставить ей хоть немного удовольствия, я изображаю болезненный стон.

Будто ничего не произошло, она поворачивается к остальным членам семьи с серьёзным выражением лица.

Спина прямая, руки подняты.

— Вы все, тишина, пожалуйста. Вы уже слишком разошлись, — отчитывает она их.

Все одновременно поворачиваются и подчиняются приказу.

— Я сама скажу, чем хочу заняться. Я не играю с куклами, я большая. Но вы можете быть моими куклами.

Я приподнимаю бровь.

— Ребята, осторожно, — бормочет Лиам. — Я видел фильм ужасов, который начинался именно так. Мне такое вообще не нравится. Совсем.

— Вы будете моделями, — объясняет она. — Вы пойдёте в шкаф девушки Аполлона и выберете платье, которое, по вашему мнению, самое красивое. Потом вернётесь сюда и будете по очереди проходить передо мной. Я выберу победителя, — восторженно объясняет она. — И, конечно, я тоже хочу что-нибудь примерить!

— Я в деле, чёрт возьми! — восклицает Гермес, вскакивая так, будто всю жизнь ждал именно такого предложения.

Он показывает на Сторми.

— И слово «чёрт возьми» ты тоже услышала от кузена Аполлона.

Арес закатывает глаза.

— Но Лав одевается как парень. Мы никогда не найдём ничего достаточно сексуального, чтобы победить. Моё тело заслуживает большего.

Аполлон отступает назад и съезжает по полу, пока его спина не ударяется о стену.

Хейдес хватает его за лодыжку и возвращает обратно к ним.

— Даже не пытайся. Мы все в этом участвуем.

Я смеюсь и устраиваюсь поудобнее на диване.

— Это будет прекрасно.

— Конечно, потому что ты тоже будешь участвовать, Дионсус.

Улыбка исчезает с моего лица.

— Ты не серьёзно, мелкая.

— Иди выбери свой наряд и постарайся. Я не позволю тебе победить только потому, что ты мне нравишься больше остальных.

Гермес останавливается.

— «Дионис самый приятный»? Но эта девочка что, вообще ни с кем больше в мире не общается, чтобы сделать такое заявление?

— Может, мне лучше остаться здесь с тобой, — предлагаю я. — Мне нужно за тобой присматривать, я не могу пойти…

— Дионсус, — останавливает меня она, протягивая руку с театральным драматизмом. — Я сижу на диване, я большая, я справлюсь. Мне не пять лет.

— Но…

Она толкает меня. Я совершенно не ожидаю такого жеста, поэтому слишком расслаблен, чтобы сопротивляться, и чуть не переворачиваюсь на пол.

Я резко вскакиваю.

— Если ты тоже не пойдёшь, я скажу Рори, что это ты научил меня ругаться. Вот тогда у тебя точно не останется ни единого шанса её завоевать.

Что?

— Ты с ума сошла? Я не хочу завоевывать твою сестру!

— Хорошо, хорошо, обсудим это спокойно в другой раз. А сейчас иди выбери лучший наряд, если хочешь победить.

Я прищуриваюсь.

— Только не говори ей, что это из-за меня.

Она ухмыляется с видом человека, который всё прекрасно понимает.

Да, это правда, я не хочу завоевывать Аврору.

Но только потому, что она слишком хороша для меня.

Серьёзно, в какой параллельной вселенной у меня получилось бы заполучить такую девушку?

Я всё ещё надеюсь, что у неё может появиться желание просто переспать без обязательств.

Меня бы это устроило.

Это был бы маленький кусочек рая, после которого меня бы снова вышвырнули обратно в ад.

Лиам хватает меня за руку и тащит в спальню Лав.

Аполлон сопротивляется сильнее всех, но объединённых сил Ареса и Хейдеса хватает, чтобы сдвинуть его с места.

— Не могу поверить, что я должен надеть одежду своей девушки, — бурчит он.

После получасового спора у каждого из нас появляется свой образ.

Весь гардероб Лав разбросан по двуспальной кровати, и, к счастью, её самой нет дома до завтрашнего утра — у неё ночная смена.

Аполлону придётся всё убрать, в конце концов, это почти и его квартира тоже.

Гермес подключает телефон к колонкам стереосистемы и выбирает трек из своего плейлиста для показа мод.

Именно он открывает шоу со своей неизменной Gasolina Daddy Yankee.

Он выбрал платье чуть выше колена — облегающее, с V-образным вырезом и жёлтого цвета.

Спина открыта, а платье завязывается вокруг шеи, где Хейдес попытался сделать ему красивый бант.

На ногах у него — пара босоножек на каблуке, которые он носит крайне неумело.

Они слишком маленькие, и пятка полностью вываливается наружу.

Он проходит через всю гостиную туда и обратно, время от времени останавливаясь, чтобы принять позу.

Судя по тому, как Сторми хлопает и подбадривает его, ей это безумно нравится.

— Ладно, теперь я. Освободите сцену, лузеры, — заявляет Арес, расталкивая всех, чтобы занять место.

Гермес включает ему песню Бритни.

Арес надевает джинсовую мини-юбку с низкой посадкой, которая на несколько размеров ему мала и даже не застёгивается.

Сверху — пастельно-зелёная блузка с пышными рукавами.

Ступни едва помещаются в пару вьетнамок.

Перед началом своего выхода он надевает солнечные очки.

Сторми внимательно изучает его, а потом, встретившись со мной взглядом, говорит:

— Вьетнамки — это просто ужасное падение стиля…

— Согласен, — отвечаю я.

Даже смотреть на них вызывает у меня тошноту.

Годы эволюции моды, люди, которые полностью меняли правила стиля… чтобы после 2000 года всё ещё носить вьетнамки.

Аполлон выходит как человек, которого ведут на эшафот.

Улыбка у него натянутая, и из-за неё он выглядит ещё более несчастным, чем выглядел бы без этой попытки казаться счастливым.

На нём белое льняное платье до пола.

Лиам собрал на себе набор вещей, которые вообще не сочетаются.

Чёрное пальто поверх коричневой толстовки и длинная юбка до щиколоток.

Хейдес выходит предпоследним.

На нём застёгнутая кожаная куртка, настолько тесная, что она подчёркивает его накачанные мышцы, чёрная юбка и высокие сапоги до колен.

Сбоку они расстёгнуты, потому что иначе он в них просто не помещается.

Когда наступает моя очередь, взгляд Сторми становится ещё ярче.

Я взял единственный элегантный костюм — пиджак и брюки, — который нашёл в шкафу.

Он чёрный, очень классический, но с ужасно сделанными швами.

Зато я настолько худой, что размер Лав для меня не такой маленький, как для тела моих кузенов и братьев.

Когда мы заканчиваем свои выходы, мы заставляем Сторми примерить каблуки Лав, необычные солнечные очки, браслеты и ожерелья.

Она говорит, что на нас это смотрится лучше.

Лиам воспринимает это как комплимент, не понимая, что его просто подкололи.

После окончания этого маленького спектакля мы выстраиваемся рядом друг с другом — как обычный американский бойбэнд — и ждём вердикта Сторми.

Сегодня вечером мы поставили на кон собственное достоинство.

Нас оценивает десятилетняя девочка, а на нас одежда девушки Аполлона.

Гермес держит пальцы скрещёнными.

— Выбери меня, выбери меня, выбери меня!

Как всегда.

— Победитель показа…

Она делает паузу, растягивая последнюю гласную.

Её щёки краснеют, как только взгляд останавливается на Хейдесе.

О нет.

Кто-то влюбился.

Или дело в том, что именно он подстриг ей волосы, поэтому теперь она поставила его выше всех остальных.

— Хейдес!

— Какого хрена? — кричит Арес, уперев руки в бока.

Гермес драматично вопит:

— Нет!

Аполлон уже исчез в спальне переодеваться.

Лиам стоит в кухонном углу с половиной маффина red velvet во рту.

— Кто победил? — с трудом бормочет он, разбрызгивая крошки вокруг.

— Сторми, ты ещё можешь передумать и сделать правильный выбор.

Арес опускается перед ней на колени.

— Ты ошибаешься, мелкая.

Она щипает его за щёку.

— Вообще-то нет. Хейдес очень красивый, обаятельный, красивее любого принца!

Хейдес довольно ухмыляется, явно наслаждаясь моментом.

— Спасибо, малышка. Не позволяй дяде Аресу себя подкупить. Он неудачник, который уже много лет пытается убедить себя, что красивее меня.

Мой телефон вибрирует в кармане, сообщая о новом сообщении.

Рори: Всё хорошо??? Сторми в порядке??

Я: Кто такая «Сторм»?

Рори: Дионсус.

Я: Поела, разбила сердца Ареса и Гермеса, призналась в любви Хейдесу. В полном порядке. Сейчас уложим её спать.

Рори: Хорошо, спасибо.

Я: Когда ты приедешь за ней?

Рори: Как можно скорее. Прости.

Я: Нет, дело не в том, что она обуза или что-то такое. Я просто хочу, чтобы ты тоже пошла поспала и отдохнула.

Рори: Каждый час сна — это час меньше рядом с моей мамой.

Я: Ей совсем плохо?

Рори: Да.

Я: Насколько?

Рори: Настолько, что пришлось связаться с похоронным агентством.

Чёрт.

Я несколько раз перевожу взгляд с экрана на Сторми.

Единственное, что мешает мне ответить Рори, — младшая сестра, за которой я сейчас должен присматривать, уже зевает в третий раз.

Не знаю, дело ли в сонливости или Гермес и Арес просто довели её до смертельной скуки.

Они, кажется, этого не замечают.

В отличие от Аполлона, который бросает на меня взгляд.

Он специально сменил постельное бельё в кровати Лав для Сторми.

Я подхожу к ней, отодвигая своих невыносимых родственников.

— Закончите уже, вы двое. Вы жалкие.

Я беру Сторми за руку.

— Пойдём спать, мелкая.

Пока мы укладываем её в кровать, а Аполлон проверяет, хорошо ли она укрыта, я поворачиваюсь к двери и обнаруживаю, что все остальные последовали за нами.

Они стоят, прислонившись к дверному косяку, и заглядывают внутрь так, будто я укладываю редкое мифическое создание, а не десятилетнего ребёнка.

— Может, почитаем ей сказку, чтобы она уснула? — предлагает Лиам.

— Аполлон, расскажи ей Евангелие, давай, — поддевает его Арес.

Лёгкое посапывание заставляет нас всех замолчать.

Сторми уже в мире снов.

Спокойная так, как я хотел бы быть всю жизнь.

И так, как я никогда не буду.

Мы выходим на цыпочках, шёпотом напоминая друг другу вести себя тихо.

Остальные возвращаются в кампус.

Мы с Аполлоном остаёмся в доме Лав.

Он — потому что он её парень.

Я — потому что… ну, мне нужно дождаться Аврору.

Аполлон мне нравится, потому что он похож на меня.

Он не испытывает потребности заполнять тишину бесполезными разговорами или какой-нибудь ерундой.

Он занимается своими делами, отвечает только когда к нему обращаются, и от него исходит аура абсолютного спокойствия и умиротворения.

Мы сидим и смотрим телевизор, переключая бесполезные программы, пока не находим что-то менее бессмысленное, чем остальные. Я потягиваю своё вино и допиваю всю флягу, а он никак это не комментирует. Через час он уже храпит.

А я бодрее, чем когда-либо.

Я забираю два маффина, лежащих на кухонной стойке, последние оставшиеся, как я только сейчас замечаю. Лиам уничтожил минимум три, если не четыре.

Я выхожу через пожарную лестницу и съедаю один, сидя на ступеньках, над головой — звёздное небо, а внизу, пять этажей ниже, доносятся редкие звуки ночных прохожих.

Я сразу замечаю машину Авроры, которая припарковалась прямо там. Я высовываюсь за лестницу и свищу ей, пока она выходит из машины, а потом начинаю махать руками в воздухе, чтобы она меня увидела. Показываю ей подняться сюда, и через несколько минут она уже стоит передо мной.

Она выглядит уставшей так, как я не видел её последние месяцы. Так, как она не выглядела ещё несколько часов назад, возле школы Сторми.

— Она спит? Я заберу её и уйду, обещаю.

Она выглядит как беззащитный щенок. На ней лежит тысяча обязанностей, пока она сталкивается с потерей матери и вынуждена казаться сильной перед младшей сестрой.

— Сядь немного здесь и отдохни.

Я постукиваю по свободному месту рядом с собой.

— Не думаю, что…

Я машу белым бумажным пакетом, внутри которого лежит последний маффин.

— У меня ещё есть сладкое, если тебе нравится торт «Красный бархат».

Её брови взлетают вверх.

Попался.

— Давай, я сам его приготовил, — продолжаю я. — Тебе не интересно узнать о моих кулинарных талантах?

Аполлон никогда об этом не узнает, и вообще, что тут такого? Это маленькая безобидная ложь.

Рори садится рядом со мной и берёт пакет. Несколько минут слышен только звук того, как она жуёт, издавая довольные звуки. Иногда к этому добавляется шум проезжающих машин.

— Там случайно нет вина в качестве секретного ингредиента? — спрашивает она, уже на середине.

— Нет, но это был бы интересный эксперимент. Спасибо за идею, blondinette.

Рори закатывает глаза и доедает сладкое одним укусом, потом сминает уже пустой пакет. Её взгляд падает на меня, и сначала я не понимаю, почему она так долго медлит.

Возможно, она впервые за месяцы нашего знакомства действительно рассматривает меня. Возможно, именно сегодня ночью, под луной и звёздами, она понимает, насколько я красив и…

— На тебе женская одежда, Дионсус?

— Только не начинай тоже с этим «Дионсус», пожалуйста.

— Ты называешь меня «блондиночкой»!

— Это гораздо милее, чем «Дионсус», хотя, ладно… Моя сестра, когда хочет меня позлить, называет меня «Дори».

Что со мной не так?

Почему я вообще рассказываю вещь, которую она может использовать против меня?

Аврора широко раскрывает рот.

— О боже, «Дори» ещё лучше!

— Нет, нет, нет, нет… — начинаю быстро повторять я.

— Почему на тебе женская одежда, Дори?

Я поднимаю костлявый указательный палец вверх.

— Вопрос не в том, почему на мне женская одежда, а в том, почему я ношу костюм настолько ужасного кроя и настолько плохо сделанный.

Она фыркает.

— Как скажешь, Дори, но ответь.

— Я и остальные устроили для Сторми показ мод. Мы выбрали одежду из шкафа хозяйки дома, а она оценила нас и выбрала лучший образ.

У Авроры непроницаемое выражение лица.

— Вы все переоделись в женскую одежду и устроили показ для Сторми?

— Да. С музыкой на фоне.

— Как на настоящем подиуме?

— Именно. Ещё и с движениями и поворотами.

Она кусает нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

— Это очень мило.

— Я не понимаю, почему ты сегодня не доверяла мне, когда я предложил посидеть с ней. — Я задумываюсь. — Хотя, если честно, часто кажется, что ты вообще мне не

особо доверяешь. И всё же, думаю, Сторми никогда не рассказывала тебе обо мне ничего плохого. Я всегда хорошо с ней обращался.

— Сторми говорит о тебе только хорошее, — подтверждает она. — Но можешь меня винить? Однажды вечером я вышла из комнаты мамы и увидела свою младшую сестру, которая разговаривала с двадцатилетним парнем, пьющим вино прямо из бутылки. Это не тот человек, с которым ты оставишь младшую сестру…

Я киваю.

— Вообще-то да.

— А теперь посмотри на нас. Дионсус, или Дори, — отличный нянь для моей сестры.

— Хватит уже так трагично искажать мои прекрасные имена, — шиплю я.

— У тебя много имён, да.

— Это, скорее, много разных версий меня. Дионис, Дионсус, Нис, Дориан, Дори, Американец — так меня называли в Париже…

— А какое тебе нравится больше всего?

Я не знаю, что заставляет меня выплюнуть свои самые сокровенные мысли, но это происходит.

— К сожалению, мне кажется, что каждая версия меня — это разочарование. Поэтому у меня нет любимой.

Я чувствую её взгляд на себе. В обычных обстоятельствах трудно смотреть ей в глаза, а сейчас это просто невозможно.

— Дионсус не является разочарованием для Сторми.

— Хотя бы так.

— И для меня тоже.

Каждая мышца в моём теле замирает.

Она действительно это сказала?

Аврора отдаётся долгому зевку — настолько сильному, что у неё выступает слеза.

— Как ты вообще справляешься со всем этим? — спрашиваю я тихо, боясь потревожить её даже слишком громким голосом.

— Не знаю. Возможно, если я физически изматываю себя, мне не приходится думать о том, насколько я устала морально. Беготня туда-сюда по делам не оставляет времени размышлять о том, что происходит. Игры со Сторми и попытки казаться счастливой и спокойной заставляют меня верить, что я действительно такая, а не просто куча негативных мыслей.

— Ты хорошо справляешься. Правда хорошо.

Она слегка поворачивается ко мне, изучая меня так, будто проверяет, насколько искренни мои слова.

— Спасибо.

— И если что угодно понадобится, со Сторми разберусь я.

— Дионис, тебе нужно учиться и жить дальше. Ты не можешь быть няней моей сестры.

— Это решаешь не ты.

Она что-то тихо бурчит себе под нос. Думаю, это ругательство в мой адрес.

Я показываю на неё пальцем.

— Вот оно снова. Это напряжение между нами. Нам нужно поцеловаться. Можно я тебя поцелую?

— Нет.

— Почему нет? Я тебе не нравлюсь внешне?

Она улыбается.

— Ты не «некрасивый», но я не из тех людей, кому нужны случайные, мимолётные вещи без чувств. А ты слишком запутанный, чтобы войти в мою жизнь в таком смысле.

— Откуда ты знаешь, что я «запутанный»?

Она поднимает бровь.

Я вздыхаю.

— Ладно, возможно, немного. И это очевидно даже без того, чтобы я рассказывал тебе всё напрямую.

— Когда у тебя были последние серьёзные отношения?

Мне даже не нужно думать.

— Никогда. У меня их никогда не было.

— Ммм.

— Любовь мне никогда не была интересна.

— Уверен?

Мне никогда не была интересна любовь, потому что я всегда считал само собой разумеющимся, что это не то, в чём я был бы хорош. Я стараюсь избегать дорог, которые кажутся опасными, где вероятность того, что я устрою аварию, слишком высока.

— Я бы не справился, поэтому никогда не пытался, — признаюсь я.

Аврора тихо фыркает, сдерживая смешок.

— Какая чушь.

— Эй!

Я щипаю её за икру, скрытую под джинсами.

— Chacun voit midi à sa porte.

«Каждый видит полдень у своей двери».

Пословица, которую я выучил во время своего парижского периода. Она просто означает, что у каждого человека свой взгляд на вещи.

— Я люблю эту пословицу, но в данном случае она вообще не подходит.

Я передразниваю её, не зная, как ответить так, чтобы перетянуть аргумент на свою сторону.

Мы исчерпываем темы для разговора, и я не собираюсь снова спрашивать, как там её мать: у неё и так был тяжёлый день.

Мы забираем Сторми, которая даже не просыпается, когда Аврора поднимает её на руки, и выходим из квартиры на цыпочках.

Аполлон развалился на диване, вытянув ноги и запрокинув голову в неудобном положении.

Перед тем как уйти, я указываю на него.

— Это Аполлон, мой кузен. Запомни, если в ближайшие дни Сторми начнёт выдавать странные слова.

Она смотрит на меня своим обычным взглядом — смесью растерянности, смирения и веселья.

Ну хотя бы немного веселья есть.

Она заставляет меня принять её предложение подвезти меня до кампуса, хотя я настаиваю, что могу дойти пешком и прогуляться, но меня выдаёт внезапная потеря равновесия из-за алкоголя.

В темноте салона, где Сторми спокойно спит на заднем сиденье, Аврора не трогается с места.

Мы неподвижно сидим, смотря прямо перед собой, сквозь лобовое стекло, и слушаем тишину, смешанную с нашими тихими вдохами и ускоренным биением моего сердца.

Что со мной происходит?

— Теперь ты уже не можешь отрицать это напряжение между нами, — шепчу я.

— Никакого «напряжения» нет. Я просто жду, пока ты пристегнёшь ремень. Только потому, что темно, не значит, что я этого не замечу.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 3. АМЕРИКАНЕЦ

Дионис олицетворяет неразрешенное напряжение между контролем и свободой, между удовольствием и опасностью, и напоминает нам о том, что капитуляция перед экстазом иногда может открыть неожиданные пути к познанию себя и мира.

Дионис

Париж, 2021

Если бы прямо сейчас кто-нибудь спросил, как меня зовут, я бы ответил: «Тридцать три». Это, к слову, даже не мой возраст, но я всегда так говорю. Сам не знаю почему, это вырывается инстинктивно. Может, потому что в этом возрасте умер Иисус. Или потому, что в моей голове это звучит забавно.

Тридцать три.

Иногда кто-нибудь таращит глаза и отвечает: «Невероятно, что ты дожил до таких лет».

На самом деле, не думаю, что я когда-нибудь дотяну до тридцати.

Здесь меня называют Американцем. Я — тот самый американец, который словно сошел с экрана фильма Тима Бёртона, и который каждый вечер теряет сознание, закидываясь любой дрянью, что ему предложат. По крайней мере, так говорят.

Темное небо надо мной, кажется, идет кругом, но меня это не пугает, потому что я знаю: всё дело в алкоголе и травке. За последние месяцы я принимал вещи и похуже, и ловил куда более жуткие галлюцинации.

Когда я перевожу взгляд и щурюсь, то замечаю, что в паре метров от меня стоит скамейка. Черт возьми. Я уже как минимум час валяюсь на земле, на пешеходном мосту через канал Сен-Мартен, в одном из своих лучших костюмов, и только сейчас понимаю, что мог бы лечь на чистую скамейку.

Я жалок.

Сен-Мартен — одно из моих любимых мест в Париже. Особенно когда время переваливает за полночь, и здесь становится безлюдно. Сегодняшняя ночь печальнее обычного; луна — лишь тусклый серп, частично скрытый облаками. Обычно я смотрю на её отражение в воде, пока не засну.

Нередко я просыпаюсь на какой-нибудь парижской улице, несмотря на то что каждый месяц плачу за аренду маленькой квартиры. Зачастую я слишком устал, пьян и обдолбан, чтобы добраться до дома.

Стараюсь относиться к этому философски, и если кто-то спрашивает, отвечаю, что мне нравится сливаться с природой и отвергать комфорт чистой теплой постели. Это просто опыт. *Voilà.*

Если бы мои предки узнали, чем я тут занимаюсь во Франции, думаю, кража их денег ради побега оказалась бы не самым большим их разочарованием.

Я думаю о маме и папе каждый день, так же как о братьях и Лиззи.

Первые месяцы здесь были освобождением. Освобождением от ожиданий, от этой семейки, которая обожает смертельные игры и помешана на гребаном выдуманном мифе.

Но чем больше проходило времени, тем сильнее менялся вкус свободы, и в итоге она испортилась. Горьковатое послевкусие одиночества стало преобладающим: я

чувствую его каждый день на языке, и не могу смыть, даже выпив всё вино, какое только можно найти в этом городе.

Я никогда ни в чем не был хорош. И многое даже не пробовал, потому что был уверен, что у меня ни черта не выйдет. И всё же я не сомневался, что уж с этим-то справлюсь на отлично: украсть деньги, сбежать и жить на экстази во Франции до конца своих дней.

Судя по всему, в этом я тоже полный отстой.

Невероятно.

Даже после самой адреналиновой и безумной ночи в своей жизни я обнаруживаю себя валяющимся где-то на земле, пялящимся в небо и испытывающим отвращение от собственного одиночества.

Секс не приносит мне никакого удовольствия, не дает удовлетворения, не возбуждает, и я испытываю облегчение, как только он заканчивается. Вино слишком вкусное, но мне нужно всё больше и больше, чтобы анестезировать себя. Наркотики — это дрянь, от травки у меня депрессия, а в смеси с алкоголем от неё еще и раскалывается голова.

Я чувствую это прямо сейчас. Виски пульсируют так часто, что я даже не слышу собственных мыслей. Не то чтобы в моей башке было что-то интересное, что стоило бы послушать.

Мне вечно чего-то не хватает. Я всегда чувствую себя человеком лишь наполовину.

В те ночи, когда это чувство становится слишком сильным и превращается в пузырь, который начинает поглощать меня, словно клетка, мне не остается ничего другого, кроме как позвонить им.

У меня два номера. Один известен моей семье, а второй — новый, по которому меня не отследить, и они не знают, что он мой.

Я достаю телефон из внутреннего кармана пиджака и набираю номер Лиззи, который помню наизусть. Не знаю, сколько у них там сейчас времени, но это неважно. Наоборот, если она не ответит, мне будет легче, и...

— Алло?

Я задерживаю дыхание.

Звук её голоса — как удар кулаком в грудь. Словно тиски смыкаются на шее, лишая меня всего кислорода.

Неистовая волна тоски накрывает меня, пригвождая к холодной земле, словно сверху навалилась невидимая тяжесть, сковывая движения.

— Алло? — повторяет голос Лиззи.

Моя сестренка.

— Там есть кто-нибудь? — настаивает она с новой тревогой.

Она поняла, что это я? Она думает обо мне? Если бы я сказал ей, что это Дориан, её Дори, как бы она отреагировала? Послала бы меня к черту за то, что я натворил? За то, что сбежал, как трус? Сказала бы, что для всей семьи я мертв и они даже имя моё произносить не желают? Или она была бы рада меня слышать? Хотя бы чуточку, чтобы хватило моему сердцу?

Звонок обрывается.

Я остаюсь лежать, прижимая мобильник к уху, пока рука не устает настолько, что больше не может его держать, и телефон падает на землю.

Мне казалось, что мне было плохо, когда я находился там, с ними, будучи единственным разочарованием в семье и вынужденным противостоять Кроносу и Урану, но…

Я никогда не чувствовал себя таким одиноким, как в эти месяцы в Париже.

Никогда, как сегодня ночью.

— *Vous voulez un mouchoir?* («Хочешь платочек?» — по-французски).

Женский голос разрывает тишину.

Я растерянно оглядываюсь, затем вспоминаю, что лежу на земле, и приподнимаю голову.

— Кто здесь? — отвечаю я по-английски, не задумываясь. Затем повторяю по-французски.

— Я здесь, — отвечает незнакомка на безупречном английском.

Медленно я опираюсь на локти, чтобы приподняться ровно настолько, чтобы различить во тьме силуэт. Она сидит на той самой скамейке, которую я заметил слишком поздно, свернувшись калачиком.

Она протягивает руку и машет бумажным платочком.

— С чего бы мне… — начинаю я.

И ровно в тот момент, когда я собираюсь сказать, что он мне не нужен, я чувствую, как из носа текут сопли. Подношу руки к лицу, ощупывая его. Оно мокрое от слёз. Я рыдаю как ненормальный и даже не заметил этого.

Я прыскаю от смеха.

— Я так обдолбан, что даже не понял, что плачу.

— А-а. Так тебе нужен платочек или нет?

Я пытаюсь приподняться еще чуть-чуть, чтобы разглядеть её лицо, но тело сдается. У меня нет сил пошевелиться, поэтому я остаюсь лежать, отказавшись от идеи увидеть, кто эта незнакомка. Буду довольствоваться звуком её голоса.

— Нет, спасибо, — в конце концов сдаюсь я.

Она шмыгает носом. — Тем лучше, мне они самой нужны.

— Ты тоже плачешь? Что случилось?

— Мой парень… теперь уже бывший, бросил меня сегодня вечером. Мы должны были пойти куда-нибудь, поужинать в милом местечке неподалеку, а вместо этого он заставил меня притащиться в ресторан только для того, чтобы там меня кинуть.

«Кинуть» [прим. пер.: в оригинале девушка использует итальянскую идиому *piantare in asso* (оставить ни с чем / кинуть), которая исторически произошла от фразы *lasciare in Nasso* — «оставить на Наксосе». Это отсылка к мифу об Ариадне, которую Тезей бросил на острове Наксос, где её впоследствии нашел и спас Дионис].

Я не могу сдержать смех, который вырывается из моего рта и заполняет воздух вокруг нас.

Я чувствую на себе её взгляд. — Тебе так смешно от того, что меня отшили, да?

— О, боже, нет-нет-нет. Дело в другом.

— В чем же?

— Меня зовут Дионис, как бога вина в греческой мифологии. Согласно мифу, когда Тесей благодаря красной нити, подаренной ему Ариадной, побеждает Минотавра в лабиринте, он затем сбегает вместе с ней. Прибыв на Наксос, он бросает её там и дает дёру. Тут вмешивается Дионис, который высаживается на острове, влюбляется в девушку и женится на ней. Выражение *piantare in asso* — «оставить ни с чем» —

ошибочно, оно пошло именно от этого события, потому что изначально было «оставить на Наксосе».

Девушка медленно кивает. — Понятно. Ну и мудак этот Тесей.

— В той версии мифа, которую я тебе только что рассказал, — да. Но у одной и той же истории есть множество вариантов. Например, согласно другим преданиям, это боги заставили его бросить её. В-третьих — сам Дионис приказывает ему это во сне.

— М-м-м.

— Тебе бы домой пойти, вместо того чтобы плакать на скамейке, в одиночестве, посреди ночи.

— Кто бы говорил. Сам валяешься на земле, обдолбанный в хлам, и рыдаешь.

— Мне нечего терять.

— С чего ты взял, что мне есть что?

— А разве нет?

Она колеблется. — Ну, вообще-то да. В Штатах меня ждет семья, когда я закончу здесь свой учебный семестр. У меня много планов на жизнь, на самом деле. Парень, который меня бросил, — не конец света, но мне всё равно нужно было поплакать из-за этого.

— Справедливо. Жалость к себе полезна, но в правильных дозах.

Я слышу, как она ерзает на скамейке. — А с тобой-то что случилось?

Ага. Я уж точно не хотел, чтобы она переводила стрелки на меня. Я просто хотел сунуть нос в чужие дела и послушать о чужих проблемах, лишь бы не думать о своих.

И что мне ей сказать? С чего начать?

Что я каждый вечер напиваюсь, потому что недоволен жизнью и обокрал родителей, чтобы сбежать на другой конец света? Я мог бы сказать ей, что отвернулся от своей семьи, потому что чувствовал себя единственным бездарем, единственным из них, кто ничего не доводил до конца. Единственным, кто с трудом поступил в престижный колледж, кто списывал на школьных экзаменах и даже платил за дополнительные баллы. Должен ли я сказать незнакомке, что я — тот, кто портит всё, за что берется, в то время как меня окружают выдающиеся люди? Я мог бы рассказать ей, что сбежал во Францию, чтобы больше ничьих ожиданий не обманывать. И что теперь никто из родных меня не ищет, потому что, возможно, они поняли, что так будет лучше.

Было бы слишком тяжело признаться вслух, что я умею только дурить людей и жульничать? Я превосходно притворяюсь, что мне на всё плевать. Если другие в это верят, мне даже стараться не нужно. Они никогда не узнают, что на самом деле мне не плевать, и что я даже не пытаюсь, потому что больше всего на свете боюсь облажаться.

— Вау, это мощно, — комментирует девчонка.

Я хватаю ртом воздух. — Что?

— Твой монолог. Просто убивает. Теперь я понимаю, почему ты валяешься на земле.

— Дерьмо, я думал, что просто размышляю про себя.

— Нет, ты говорил вслух. Некоторые слова проглатывал, но я всё поняла.

— Отлично. *Mais bon...* Я — человек-катастрофа. Никому не пожелаю иметь меня в своей жизни. Даже самому себе.

— Да уж, звучит так, словно ты тот еще ходячий хаос, — соглашается она.

— По крайней мере, меня не бросали перед романтическим ужином, — шучу я.

— *Con.* («Мудак» по-французски).

— *Merci bien.* («Большое спасибо» по-французски).

— Но ведь любой беспорядок можно устранить, всё можно расставить по местам. Разве не так?

В темноте ночи я обдумываю её вопрос. Несмотря на то, что мозг работает в замедленном темпе, я всё же делаю попытку.

— Нет, — отвечаю я наконец. — Наводить порядок — значит пытаться исправить хаос, а в этом я точно потерплю фиаско.

— Так к жизни не относятся. Ты не можешь сдаться только потому, что…

— Ну давай, послушаем, что бы ты сделала на моем месте?

— Для начала я бы вернулась домой и извинилась перед всеми. Затем завязала бы с наркотиками и травкой. И, возможно, с алкоголем тоже. Потом нашла бы цель в жизни, что-то, что приносило бы удовлетворение, начав с мелочей, которые кажутся настолько глупыми и банальными, что ты их даже не замечаешь. Иногда именно они делают нас счастливыми.

Я морщусь, обдумывая её слова. — Нет, меня твой жизненный план не убедил. Придумай другой. Посмотрим, найдешь ли ты тот, что мне понравится.

Она взрывается смехом. — Ты и правда странный.

Я разочаровываю даже незнакомцев.

— Думаешь, шанс есть у каждого? Что никто в мире не является по-настоящему пропащим? — спрашиваю я, поддавшись одному из тех эмоциональных порывов, которые я так ненавижу и отвергаю.

— Думаю, что терпеть неудачи в жизни — это нормально, и это не делает тебя пропащим. Что делает тебя настоящим неудачником, так это нежелание даже попытаться.

— Мы всё ещё говорим о моих проблемах, или ты предлагаешь мне пофлиртовать с тобой?

Она фыркает. — *Con.*

— Ты ведь тоже чувствуешь напряжение между нами, а?

— Какое ещё «напряжение»?

— Нам стоит поцеловаться.

— Нет, не «стоит».

— Перепихнуться без поцелуев?

— Тоже нет.

— Продолжать плакать в тишине, до самого рассвета, вместе?

Девушка сморкается, но мне кажется, я слышу смешок. — Вот это — да. Но учти, что когда наступит рассвет, я встану со скамейки и продолжу свою жизнь.

— Оке-е-ей.

— А ты? Так и останешься лежать на асфальте или поднимешься?

Великая дилемма. — А что, если я встану, и это не принесет ничего хорошего?

— «Если», — она делает акцент на том же слове, что и я. — Ты же сам знаешь, что есть вероятность того, что, наоборот, это принесет «что-то хорошее».

— Но…

— Хочешь сыграть в игру? — перебивает она меня.

О, нет. Снова игры. Но ей мне хочется сказать «да». — Объясни правила.

— Представь, что на рассвете ты встаешь с этого места и пытаешься сделать всё то, в чем отказывал себе из страха потерпеть неудачу. Представь сценарий, на

который ты так сильно надеешься, даже если он настолько идеален, что кажется нереальным. Расскажи его мне.

Я колеблюсь.

В конце концов, я уже вывалил на эту незнакомку все свои негативные мысли. Какой вред от того, если я признаюсь и в позитивных?

— Только не втирай мне, что у тебя их нет. У циников надежд больше, чем у мечтателей.

Я вздыхаю и устраиваюсь на земле поудобнее. Я бы очень хотел приподняться, чтобы узнать хоть что-то о её внешности, хотя бы цвет волос, но не могу. Словно на живот положили тяжелый груз.

И я рассказываю ей. Я представляю себе будущее и представляю его прекрасным, таким, каким, я не верю, оно у меня когда-нибудь будет.

Мы говорим до самого рассвета, обо всём и ни о чём. Я несколько раз спрашиваю, могу ли я её поцеловать, и каждый раз она отвечает «нет». Я признаюсь ей в своих самых сокровенных желаниях, потому что знаю: больше никогда в жизни мне не представится случай быть таким уязвимым. Я делаю это, потому что мы даже не можем посмотреть друг другу в лицо, и потому что больше никогда не встретимся. Я делаю это ещё и, прежде всего, потому, что впервые за долгое время не чувствую себя одиноким.

Когда солнце начинает всходить, девушка поднимается со скамейки и объявляет, что идет домой.

Я остаюсь лежать на земле, устремив взгляд на воду канала и её ленивое течение. В моей голове звучит французская пословица, которой меня несколько месяцев назад научил кто-то из местных.

Chacun voit midi à sa porte.

Каждый видит полдень у своей двери. У каждого человека своя точка зрения, с которой он смотрит на вещи.

Именно поэтому я прощаюсь с ней, не глядя ей в лицо, но давая себе зарок никогда не забывать ту ночь, когда незнакомка заставила меня посмотреть на моё будущее с другой перспективы. Она показала мне полдень у другой двери.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 4. ДОРИАН

В некоторых версиях мифа Дионис не только любит Ариадну, но и делает её божественной, навсегда избавляя от человеческой боли. После её смерти бог превращает её в созвездие: Северную Корону.

Дионис

— *Chacun voit midi à sa porte.* Каждый видит полдень у своей двери, — начинает Рори, стоя за церковным аналоем и произнося речь в память о матери. — Каждый из нас смотрит на вещи со своей перспективы. Всякий раз, когда я смотрела на проблемы из своей маленькой дверцы, считая их слишком огромными и неразрешимыми, она была рядом. Она брала меня за руку, заставляла подняться и вела к своей двери. Приглашала меня туда, к себе, чтобы взглянуть на них с другой точки зрения: с её собственной. Она умела показать мне, насколько я сильна, насколько неприятные ситуации необходимы для роста, но это вовсе не означало, что они меня уничтожат и что я с ними не справлюсь. У неё был этот особенный дар — делать любую боль легче, одним лишь своим присутствием или лаской. Смотреть на вещи из её двери было иначе. Полдень её глазами — это ясное, голубое, безоблачное небо с ослепительным и притягательным солнцем, которым невозможно не восхищаться. Вот почему, узнав о её болезни, я испугалась, что у меня больше никогда не будет этой дверцы, в которую можно заглянуть. Что у меня больше не будет её — той, кто берет меня за руку и заставляет посмотреть на всё с другой перспективы. С перспективы любящей мамы, вечно позитивной и жизнерадостной женщины. А потом я поняла: эта дверь никуда не исчезает. Она всегда там, на случай, если мне понадобится увидеть полдень другими глазами, зелеными мамиными глазами. И сейчас она нужна мне больше, чем когда-либо, сейчас, когда главная проблема — это её отсутствие. Я сижу здесь, прислонившись головой к косяку, с ослепленными солнцем глазами, и думаю о том, как мне повезло, что в моей жизни была такая любовь. Что у меня была такая мама. Потому что так будет всегда. Её любовь остается здесь, со мной, как и её открытая дверь. Как и полуденное солнце в небе.

Сторми, сидящая на первой скамье рядом со своим отцом Аттикусом, поворачивается ко мне с грустной гримаской. Я тут же смахиваю слезу и слабо улыбаюсь ей.

Последние три недели Марии, матери Сторми и Рори, были счастливыми.

Или, по крайней мере, так рассказывает Рори во время своей речи на похоронах. Её семья была рядом с ней каждое мгновение, не покидая ни на шаг. И я могу это подтвердить, потому что я был там с ними.

Я не хотел вмешиваться, но Сторми постоянно спрашивала обо мне в той клинике, куда перевели её мать в последний месяц болезни.

Мария почти всё время лежала в постели, страдая от перманентной усталости. Из-за отсутствия аппетита она также сильно потеряла в весе. Ей постоянно требовался кислород, который подавался через маску, закрывавшую добрую половину лица.

Несмотря на это, её семья была рядом и использовала каждую оставшуюся секунду, чтобы побыть с ней. Я ни разу не заходил в палату — из уважения к ним, а ещё потому, что наблюдение за тем, как они теряют мать, постоянно возвращало мои мысли к Гипериону.

Проблема людей, которые вкладывают все свои силы в то, чтобы запереть собственные эмоции и не дать им вырваться наружу, заключается в том, что достаточно малейшего триггера, чтобы их освободить. Я чувствовал, как они брыкаются и мечутся внутри меня, пытаясь вылезти, взорваться и заставить меня сломаться.

Я никогда не чувствовал себя таким хрупким, как в эти три недели. Потому что, прощаясь со Сторми и Рори, я не переставал думать о тех долгих месяцах, потерянных вдали от отца. О том, сколько времени я у нас украл, будучи уверенным, что впереди его бесконечно много. Только для того, чтобы потом потерять его раньше времени.

Сколько времени мы теряем вдали от людей, которые нам дороги, не зная, сколько нам осталось. Жизнь — та ещё сука, вот и всё.

Когда у Марии случался приступ удушья, в дело вступал я: забирал Сторми, чтобы отвлечь её. Вокруг клиники был небольшой сад с густой и ухоженной травой. Сторми носилась из стороны в сторону, называя меня «Дионсус». А я смеялся вместе с ней, про себя молясь о том, чтобы там, в палате на четвертом этаже, её мать не уходила навсегда.

Я пил больше, чем следовало, признаю. Но никогда — на глазах у девочки. Всегда в одиночестве, по дороге домой, в *Uber*, который в знак благодарности оплачивал отец Рори, Аттикус. Я пытался отказываться, но он упрямее, чем я и обе его дочери вместе взятые.

В ночь на вторник, за несколько часов до восхода солнца, Мария покинула нас.

Сторми плакала так сильно, что Рори начала плакать вместе с ней, потому что просто не знала, как её успокоить.

Она плачет и сейчас, но это более сдержанный плач. Тот тихий плач, когда ты уже выплеснул большую часть боли и настолько устал, что больше не можешь выдавить из себя ни слезинки, даже если внутри её ещё навалом.

После похоронного обряда мы переместились к ним домой. Сторми заставила меня лечь вместе с ней на гамак, подвешенный к дереву в саду в жилом районе неподалеку от Нью-Хейвена, пока знакомые, друзья и родственники приходят выразить им соболезнования.

Мы не разговариваем, просто качаемся, не издавая ни звука. Я не знаю, о чем она думает, но я продолжаю прокручивать в голове речь, которую Рори произнесла во время церемонии.

Она начала с французской пословицы, одной из моих любимых, которую я выучил за время пребывания в Париже, и это стало для меня огромным потрясением.

Меня поразила не только нежность её слов или то, что она прочитала их, не проронив ни слезинки. Это напомнило мне о незнакомке в Париже, в одну из худших ночей в моей жизни. Я стараюсь не слишком часто думать о той девушке, потому что она, возможно, единственная в мире, кто заставил меня захотеть хоть что-то попытаться сделать.

— Дионсус? — зовет меня Сторми.

— Что, малявка.

— Можно тебя кое-о-чем спросить?

— Хоть о двух вещах.

— У меня только один вопрос.

— Тогда спрашивай одну.

— Что там, после смерти?

Дерьмо, я никак не ожидал такого вопроса. Надеялся, она попросит принести ей стакан сока.

— Аполлон, расскажи ей ты, ты же у нас эксперт, — встревает Арес, сидящий в нескольких метрах от нас на траве вместе с остальными.

Хайдес отвешивает ему подзатыльник. — Думаешь, сейчас подходящее время для твоих ебаных шуточек?

— Нет, но либо я пошучу, либо расплачусь, — признается он.

Вся семья знает о Рори, Сторми и их матери. Но сегодня присутствуют только те, с кем девочка познакомилась в вечер показа мод, и кто время от времени продолжал помогать мне работать для неё нянькой: Лиам, Хайдес, Аполлон, Арес и Гермес. Все в элегантных костюмах, сидят гуськом на траве в саду. Это было бы смешно, не будь мы на похоронах.

— Так что же там, после смерти? Где теперь мама? — настаивает Сторми.

Не будь она десятилетним ребенком, я бы ответил ей: «Да откуда мне, блять, знать». Но вместо этого я лежу здесь, изо всех сил пытаясь найти умный ответ, который мог бы её успокоить, но при этом не давал бы ложных надежд.

— Не ври мне, — добавляет она.

Час от часу не легче.

Я облизываю губы и вздыхаю. — Это зависит от тебя.

— От меня? Я же не Бог.

Арес поднимает руку. — Можно ещё одну шутку?

— Нет, — хором отвечаем мы.

Затем я снова поворачиваюсь к Сторми. — Это зависит от тебя в том смысле, что всё зависит от того, где тебе самой хочется её представлять. Когда ты думаешь о маме, где ты её видишь?

Она поджимает губы. Мы лежим валетом. Мои ноги — рядом с её головой, а её… где-то на уровне моего живота, учитывая, что я в два раза выше.

— Наверное, в её любимом месте. В маленьком городке, где она родилась и выросла, и где папа попросил её выйти за него. — Она улыбается. — Они всегда об этом рассказывали. Они познакомились, когда она приехала в город; он подсел к ней в кинотеатре и пытался заговорить с ней под любым предлогом, но мама была слишком стеснительной, чтобы пойти дальше простого приветствия. Когда она вернулась в свой городок, он сделал невозможное, чтобы завоевать её — даже караулил на улочке, по которой, как он знал, она должна была пройти, просто чтобы увидеть её мельком. Думаю, именно в этом месте я её и представляю. Или там, или на балконе нашего дома, где она держала все свои растения. Она обожала цветы, но из-за болезни ей пришлось их оставить, а мы с Рори не особо знали, как за ними ухаживать. Мне нравится представлять её вместе с ними, как она поливает их, разглядывает и гладит, словно они — самое ценное, что есть в мире.

Я с трудом сглатываю, голос срывается. — Ну, значит, она там.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно.

— Хм. Окей.

Проходит ещё несколько минут тишины и ленивого покачивания в гамаке. Пара друзей Марии и Аттикуса выходит из дома, машет нам в знак приветствия и с нежностью смотрит на Сторми.

— Дионсус, а можно ещё один вопрос?

— Хорошо, что ты говорила, что у тебя их не два.

Я выдавливаю из неё улыбку, за которой следует драматичное закатывание глаз.

— Твои родители оба живы?

Прозвучи это из чьих-либо других уст, это показалось бы бестактным и грубым. Но Сторм — всего лишь ребенок, нуждающийся в понимании, и из её рта ни единого слова не вылетает с неправильной интонацией. Это огромный талант.

Я обмениваюсь взглядом с Аресом, который теперь бледный как моцарелла. Он опустил голову, как будто спросили его.

— Нет. Мой папа умер в прошлом году.

— Ты плакал?

— Немного.

— Всё ещё плачешь?

Теперь Арес навострил уши в мою сторону. Я почти никогда не говорю с ними об этом.

— Да, — признаюсь я.

— А ты не представляешь его где-нибудь, счастливым?

Я качаю головой. — Нет, вообще-то никогда не пробовал. Но думаю, сегодня самый подходящий день, чтобы начать.

Сторми слабо улыбается. — Где сейчас твой папа?

Этот образ поражает меня, как удар молнии. Он возникает в моей голове с такой естественностью, что это выбивает меня из колеи, потому что я понимаю: в глубине души он всегда был похоронен в той части моего подсознания, в которой я отказывался копаться. Как и многие другие вещи, до которых у меня не хватает смелости дотронуться.

— Он наверняка в своей машине, едет по пустынной прибрежной дороге, с опущенным стеклом, и ветер треплет ему волосы. Играет его любимый плейлист со всеми песнями, которые он так любит. На пассажирском сиденье — моя мама. Сзади — мы пятеро. Папа поет *Hey Jude* группы *The Beatles*, заменяя имя Джуд на Поси. Потом он ставит *Creep* группы *Radiohead*, импровизируя дуэтом с мамой. Я представляю его там, с людьми, которых он любил больше всего на свете, и с тем, что он любил больше всего на свете: с музыкой.

Арес вскакивает на ноги и отходит к тротуару. Хайдес тут же идет за ним, а остальные остаются сидеть с блестящими от слез глазами.

Единственная, кто улыбается — это Сторм. — Это очень красиво. Твой папа именно там, я не сомневаюсь.

— Думаешь, это возможно? — возвращаю я ей тот же вопрос, который она задала мне.

Она всё понимает. И улыбается ещё шире. — Конечно.

Я протягиваю ей руку, сжатую в кулак, и она ударяет по нему своим. В этот же момент на нас падает тень.

— Сторм, папа спрашивает о тебе. Можешь вернуться в дом?

Аврора стоит рядом с гамаком, в своем маленьком черном платье, со светлыми волосами, собранными в хвост. На ней ни грамма макияжа, но грусть во взгляде не портит её красоту. Словно даже такая уродливая вещь, как боль, не осмелилась тронуть её.

Сторм вздыхает и садится с помощью сестры. Прежде чем уйти, она бросает на меня взгляд. — Ты ведь не уйдешь, Дионсус?

— Нет, я останусь здесь.

Она кивает и машет ручкой в знак прощания. Рори даже случайно на меня не смотрит; она берет сестру за руку, и они вместе направляются к дому.

Гермес занимает место Сторми, едва не перевернув гамак. — Кузен, хочешь совет?

— От тебя? Нет.

— Я всё равно его дам.

— Ещё бы.

— Иди к Рори. Она расстроена.

— Конечно, расстроена, у неё мать умерла. Думаешь, ты и правда такой проницательный?

— Нет, я имею в виду: если она тебе нравится, будь рядом с ней.

— Не думаю, что в данный момент я ей нужен. Да и вообще никогда не был нужен. Я просто переросток-друг её младшей сестренки.

Он бьет меня коленом по икре. — Поднимай задницу и иди за ней. Однажды ты скажешь мне спасибо.

Я прекрасно знаю, что Рори плохо, и тот порыв, который я испытываю — пойти за ней, отвести в сторону и попросить выговориться хотя бы мне, — это нечто новое и выбивающее из колеи. С другой стороны, я никогда не отличался выдающимся эмоциональным интеллектом. Я боюсь сделать только хуже.

— Да пошел ты, — бормочу я, вскакивая на ноги.

От резкого движения гамак переворачивается, и Герм сползает на землю. Лиам и Аполлон остаются невозмутимыми.

Я захожу в дом, оглядываюсь по сторонам в поисках Рори. Мельком вижу голову её отца, но старшей дочери с ним нет. Затем я замечаю это — движение краем глаза. Возле лестницы. Мне кажется, я вижу силуэт, который только что преодолел последнюю ступеньку на верхний этаж.

Я тоже поднимаюсь и оказываюсь в коридоре с кремово-желтыми стенами и несколькими открытыми дверями.

— Аврора? — зову я.

Я иду вперед, пока не нахожу её. Она сидит на полу перед открытой комнатой. За её спиной двуспальная кровать, две тумбочки по бокам и трехстворчатый шкаф. Полагаю, это спальня родителей.

Я понимаю, что она делает, когда вижу часы на стене, показывающие несколько минут первого. Французская пословица. Она смотрит на полдень из маминой двери.

Я указываю на пустое место рядом с ней. — Эй, *blondinette*. Можно сесть?

Она не смотрит на меня, но кивает. Так что я опускаюсь к ней на паркет и устраиваюсь рядом, опираясь ладонью в пол. Её рука совсем близко от моей, мне потребовалась бы самая малость, чтобы они соприкоснулись.

Аврора бросает быстрый взгляд на меня. — Не боишься помять или испачкать свой костюм от *Armani*?

— Что ты такое говоришь? — восклицаю я, оскорбленный до глубины души. — Это *Yves Saint Laurent*, как можно спутать его с *Armani*?

Уголки её губ приподнимаются на долю секунды — слишком короткую, чтобы я мог насладиться этим сполна, но достаточно долгую, чтобы я почувствовал гордость за самого себя.

— Почему ты здесь, Дионсус?

— Потому что ты не проронила ни слезинки по Марии, но выглядишь совершенно разбитой.

Она сползает чуть вперед, прислоняясь головой к дверному косяку. Напротив неё — другая комната, похожая на кабинет. Однако с этой позиции мы находимся на идеальной траектории, чтобы видеть окно с двойным остеклением, выходящее на голубое небо. Солнце выглядывает с левой стороны и бросает сноп света на пол.

Рука Рори робко тянется к этому освещенному участку.

— Не помню, благодарила ли я тебя за всё, что ты сделал за последние месяцы. И, особенно, за последние три недели. Ты подарил моей сестре немного утешения и покоя, и за это я всегда буду тебе благодарна.

— Пустяки.

— Теперь, когда всё кончено...

Фраза повисает в воздухе, и я знаю почему. Я и сам задавался этим вопросом: наши отношения завязались благодаря случайной встрече в больнице и там же продолжались, в стерильных стенах этого места. Теперь, когда мамы больше нет, я не знаю, какую роль могу играть в её жизни.

Смогу ли я продолжать видеться со Сторм? Будет ли это странно? И, самое главное, сможем ли мы с Авророй продолжать встречаться? Мое время с ней было лишь следствием того, что я проводил время с её сестрой.

— Я знаю, что это ненормальная ситуация, что я в два раза старше её и мне следовало бы заниматься в жизни чем-то другим, но... Я очень привязался к Сторми, и мне бы хотелось продолжать с ней видеться, — признаюсь я. — Она хорошая девочка и многому меня научила.

— Она тебя тоже очень любит. Я ничего не имею против.

— А ты?

— Я?

— Ты хочешь и дальше видеться со мной?

Рори едва заметно поворачивается, но у неё не хватает смелости посмотреть мне в глаза. — Я бы хотела, чтобы ты взял свою жизнь в собственные руки. Ты потратил последние четыре месяца, помогая нам, но так ни разу и не помог самому себе.

— Ты же знаешь, я ненавижу такие разговоры.

— Они тебе не нравятся, потому что это правда, от которой ты бежишь.

Ладно, но это должен был быть сентиментальный и эмоциональный момент, а не сеанс психоанализа.

— Не застревай в чужих жизнях, — добавляет она.

— Я не... — Я сдаюсь и испускаю усталый вздох. — Послушай, ты не можешь этого понять, и я не жду, что поймешь. Это неважно. Важно лишь то, чтобы я не исчез из жизни Сторми.

— Нет, я как раз понимаю. Это ты не помнишь.

Я хватаю ртом воздух. Что, черт возьми, значат эти фразы?

— Аврора, пожалуйста.

— Я слышала вас в саду. Я стояла позади, пока вы фантазировали, где сейчас моя мама и твой папа.

— Отлично, ты еще и шпионка. И что с того?

— А то, что ты никогда не говорил нам, что потерял отца. Даже не обмолвился. Ты держал это взаперти, в какой-то части себя, вместе со всеми теми вещами, которых избегаешь, потому что думаешь, что если встретишься с ними лицом к лицу, станет

только хуже. Но всё это время ты был рядом со мной и моей сестрой, пока мы теряли маму. Понимаешь, насколько это...

— Альтруистично? — подсказываю я.

Моя попытка свести всё к иронии, кажется, только злит её.

— Насколько это несправедливо!

— «Несправедливо»?

— По отношению к тебе самому, — уточняет она, распаляясь всё сильнее. — Это саморазрушение.

— Я здесь, чтобы утешить тебя и побыть рядом, так почему ты теперь нападаешь на меня и переводишь стрелки? — Я выпрямляюсь, не в силах найти удобную позу. — Это ты несправедлива.

Рори полностью поворачивается ко мне, уставившись на меня с приоткрытым от изумления ртом. — Я не нападаю на тебя, Дионис. Я говорю, что мне больно смотреть, как ты обесцениваешь собственную боль и заботишься только о чужой.

Лучше взять на себя чужую боль, чем разбираться со своей. Лучше было помогать Сторм на пути, приведшем её к потере матери, чем идти по своему собственному. Если бы я сделал это, мне пришлось бы задуматься о годах, потерянных без папы. О чувстве вины. О том, каким разочарованием я стал.

Я слишком долго жил, погруженный в апатию, чтобы суметь выбраться из нее и столкнуться со всеми этими чувствами. Я бы просто от этого умер.

Правда в том, что я хотел бы быть Дорианом. Тем мальчиком, который впервые вошел в дом Гипериона и Тейи с бешено бьющимся сердцем и неугасающей улыбкой. Счастливым усыновленным ребенком, который смотрел на своих новых родителей и гадал, чем заслужил такое невероятное везение.

Я хотел бы быть и Дионисом тоже, но тем, кем был до побега. Я хотел бы вернуться назад и стать парнем, который остается с семьей, а не отворачивается от нее.

Дионис последних лет был никчемным, он обокрал родителей, провел долгий дерьмовый период в Париже, а затем отправился в Йель мучить Хейвен, возомнив себя спасителем. Тем, кто разоблачит тупые семейные игры. Он срывался на братьев, потому что они злились на него, потому что они приняли его обратно с обидой, болью и гневом.

Дориан, Дионис, Нис, Дори, Американец... Все версии меня, которые я разрушил и разнес в щепки.

Я возвращаюсь в настоящее, к глазам Рори, которые изучают меня, ни на секунду не отрываясь от моих.

Я с трудом сглатываю, прежде чем найти в себе силы заговорить. — Хочешь, чтобы я ушел?

— Если я скажу «да», ты уйдешь, забьешься в какую-нибудь дыру и напьешься. Если я скажу «нет», ты останешься здесь и продолжишь игнорировать свои проблемы. Что мне ответить тебе, Дионис?

От её усталого тона мне становится тошно. Это та самая интонация, которую я часто слышу в голосах окружающих, когда они сдаются, смирившись с тем, что я никогда не изменюсь и что мне уже ничем не поможешь.

Вот кто я для остальных. И я даже не могу обижаться, потому что они правы. Я не могу винить их, не могу возразить. Я осознаю свои проблемы.

Я поднимаюсь на ноги, немного с трудом. Что-то упорно удерживает меня прикованным к полу, и дело не в избытке алкоголя в крови — это очередное из тех чувств, которые я не привык испытывать.

Чувство, которое, я уверен, пробуждает во мне только Аврора.

Я достаю фляжку из внутреннего кармана пиджака. Она еще полная, сегодня утром я сделал всего два глотка. Я опускаю её на паркет, твердой и уверенной рукой, прямо перед Рори.

Затем я поворачиваюсь к ней спиной и ухожу, не дожидаясь её реакции.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 5. НИС

У Диониса было множество связей с нимфами и юными охотницами, но лишь одна великая любовь: Ариадна. Дочь Миноса, царя Крита, принцесса помогла Тесею убить Минотавра, но афинский герой бросил её на Наксосе, куда, согласно одной из версий мифа, Дионис прибыл на колеснице, запряженной животными, в сопровождении своей триумфальной свиты. Бог влюбился в неё, взял в жены и возвысил до божественного статуса. С того момента их союз стал символом супружеской любви и не раз воспевался в искусстве.

Дионис

Прошла неделя, а я валяюсь на барной стойке, пьяный в стельку.

Жалкое зрелище, ага.

Хуже всего то, что за эти семь дней я притрагиваюсь к выпивке уже далеко не в первый раз. Я продолжал пить, даже без своей верной фляжки, хотя и в меньших количествах. Я почти обманул себя мыслью, что могу измениться, что лед тронулся.

Да уж, рецидив эпических масштабов.

Не знаю точно, что именно меня сегодня триггернуло. Возможно, то, что, отведя Сторми домой, я обнаружил в дверях не Рори, а её отца. Как и во все остальные разы на этой неделе. Я водил Сторм в парк, но каждый раз, когда я заходил за ней, меня встречал Аттикус. И когда я приводил её обратно, там снова был он.

Хотелось бы знать, где Рори. Что она делает. Как себя чувствует. Как она вообще. О чем думает. С кем проводит время. И почему избегает меня, если она действительно это делает.

Может, всё это лишь в моей голове. Может, я преувеличиваю.

А может, я прав, и она — очередная в списке тех, кто сдался и махнул на меня рукой. Если так, то я не могу на неё обижаться. Не сказать, чтобы я давал людям особые поводы надеяться на то, что я изменюсь.

Боже, какая пытка. Обычно большое количество алкоголя блокирует все неудобные мысли. Сегодня же, кажется, всё происходит с точностью до наоборот. Любая негативная мысль, скрытая в самых темных закоулках моего разума, выпрыгивает наружу и отвешивает мне пощечины.

Что должен сделать бедный парень, чтобы игнорировать свои проблемы с паранойями и жить под вечной анестезией? Что?

Я заказываю еще один стакан, несмотря на то что бармен косо на меня смотрит. Знакомые взгляды, я ловил их пачками. Обычно они исчезают, когда оставляешь щедрые чаевые.

Пока я вливаю в себя очередной напиток, из-за пульсации в висках меня едва не выворачивает наизнанку. Я со стуком ставлю стакан на деревянную стойку и делаю глубокий вдох полной грудью.

Если я не могу анестезировать мысли, я могу отвлечься, испытав физическую боль. Может, хоть это поможет.

В углу бара сидит довольно шумная троица. Видок у них недружелюбный, и они изрядно пьяны, хоть и меньше меня. Их внушительные габариты делают их идеальными для моих целей.

Я оставляю бармену пятидесятидолларовую купюру и слегка пошатываясь слезаю с табурета. Направляюсь к троице со спокойной улыбкой, и когда я останавливаюсь перед ними, все они поворачиваются с вопросительными взглядами.

Я выбираю того, что ближе всех. Сжимаю правый кулак, замахиваюсь и бью ему прямо в лицо. Удар выходит сильным, его голова откидывается в сторону, а два его друга сыплют проклятиями и спрашивают, какие у меня, нахрен, проблемы.

Я не отвечаю. Торопливо выхожу из бара, чтобы не создавать проблем персоналу. Улица темная, на тротуаре ни души, но для верности я сворачиваю в глухой переулок и жду.

Я успеваю дойти до середины переулка, когда чья-то рука хватает меня за плечо.

— Куда ты, блять, собрался, мудак?

Это тот парень, которому я врезал. Предсказуемо.

Мне тут же прилетает ответный удар — такой силы, что, кажется, я чувствую, как мозг бьется о череп, летая из стороны в сторону. Я пячусь назад; алкоголь, из-за которого я и так едва стоял на ногах, грозит повалить меня на землю.

Он хватает меня за воротник рубашки, удерживая на ногах.

— Не-е, эй, — шамкаю я. — Только не одежду. Она дорогая.

Он хмурится. — Чего?

— Можно я разденусь, прежде чем ты меня изобьешь? Не хочу портить костюм.

— Ебаный идиот, — шипит он, прежде чем снова наброситься на меня.

Я участвовал в паре драк, когда жил во Франции. В совсем немногих, потому что физическое насилие — это не мое. Я получал немало ударов кулаками и ногами, но никогда еще меня не били так сильно, как сегодня. Возможно, потому, что сегодня у меня нет ни малейшего желания защищаться, тогда как в предыдущие разы я не только пытался это делать, но и сам лез в атаку.

Я не жалуюсь. Я позволяю этому здоровяку использовать меня как боксерскую грушу; каждый нанесенный им удар — минус одна мысль в моей голове. Он активирует правильные участки моего мозга — те, что концентрируются на физической боли и отсекают всё остальное.

Я дохожу до того, что, когда начинаю бояться, что с него хватит и он захочет уйти, я отпускаю пару оскорблений, чтобы спровоцировать его продолжить. И он каждый раз ведется, с остервенением набрасываясь на меня во втором, третьем и четвертом раундах.

Я чувствую вкус крови во рту, и что-то течет у меня из носа. Надеюсь, он ничего мне не сломал, потому что тащиться в больницу у меня нет никакого терпения.

— Винс, всё, хватит. Валим отсюда! — окликает его один из друзей из глубины переулка.

Тот толкает меня так, что я рушусь на землю. Я ударяюсь затылком, хотя и пытаюсь смягчить падение в последний момент, и мир вокруг меня становится размытым и дрожащим. На долю секунды мне кажется, что я умираю.

— Пусть это будет тебе уроком, мудак!

Я вытягиваю руку. — Не-ет, постой, постой… — Я лихорадочно придумываю, как бы его обозвать. — Твоя мать — это…

Слова застревают у меня на языке, вылетая в неправильном порядке. Буквы меняются местами и образуют фразы, лишенные всякого смысла.

Выражение лица Винса медленно меняется. Он расправляет хмурый лоб и слегка округляет глаза. — Какие у тебя, нахрен, проблемы?

— Никаких. Продолжай меня избивать, — с трудом выдавливаю я.

Вся ярость исчезает, словно его человечность только что прорвала пелену насилия и выплеснулась наружу. Он смотрит на меня уже не налитыми кровью глазами с побагровевшим лицом, а с таким видом, будто испытывает ко мне жалость.

Я бы посмеялся, будь у меня на это силы. У меня болят даже лицевые мышцы.

— Ну ты и странный тип, конечно. Почему бы тебе не пойти домой, вместо того чтобы провоцировать незнакомцев на улице?

— Потому что я мудак.

— Это-то я понял.

Винс бросает на меня последний взгляд и поворачивается спиной. Я смотрю, как его ботинки уходят, затем останавливаются и возвращаются обратно. Он подбирает меня с грязного асфальта, что-то бормоча себе под нос, и ставит на ноги. Ноги меня не держат, поэтому он вынужден прислонить меня к стене, чтобы я мог опереться.

— Сотовый с собой есть? — спрашивает он.

— Винс! Какого хера ты творишь? Сначала избиваешь, а теперь помогаешь? Чувак, пошли! — снова орет один из тех парней.

— Позвони мамочке, пусть приедет и заберет тебя, — советует он, затем хлопает меня прямо по груди и исчезает.

Мое сердце бешено колотится, а в голове пульсирует, и хотя я мучаюсь как собака, позвонить маме и рассказать, в какое дерьмо я вляпался по собственной воле — это вообще не вариант.

Да, именно, прямо как когда ты валялся на улицах Парижа, пьяный и в депрессии, и у тебя не хватало духу позвонить своим и признаться, что ты натворил херни. Продолжай в том же духе — оставайся в одиночестве, как брошенная на улице бродячая собака. Просить о помощи — это ведь так глупо, верно?

Дерьмо. Голоса в моей голове возвращаются, готовые заглушить физическую боль.

Я начинаю двигаться, хромая и цепляясь руками за стену, на которую опираюсь, пока не оказываюсь на улице, на тротуаре. Троих здоровяков и след простыл, но у меня еще есть альтернатива.

Этот бар находится в одном квартале от дома Рори и Сторми. Проводив девочку, я рванул сюда, потому что это было ближайшее место, где можно было утопить любые мысли.

Это ужасная идея, но я всё равно это сделаю. К черту всё.

Добраться до их улицы оказывается сложнее, чем я думал. Из-за опьянения я сбиваюсь с пути, боль во всем теле заставляет меня раз за разом спотыкаться, вынуждая хвататься за фонарные столбы и мусорные баки.

И всё же я не сдаюсь. Мне нужно снова увидеть Рори. И Сторми.

Увидеть Рори.

И чтобы меня подлатали.

Увидеть Сторми, когда я буду потрезвее и без крови, стекающей по лицу.

Время чуть за полночь, и есть огромный риск, что она пошлет меня нахер, но я всё равно стучу. Звонка избегаю, лишь трижды уверенно бью костяшками пальцев в дверь.

Она открывается через несколько секунд.

И она здесь, передо мной. Со светлыми распущенными волосами, падающими на плечи волнами, в очках для зрения на носу и с широко распахнутыми, нежными, добрыми карими глазами.

У меня во рту всё еще стоит привкус крови, и я уверен, что она продолжает течь из носа, но я забываю, что собирался сказать, и могу думать лишь о том, какая она, черт возьми, красивая.

— Что, черт возьми, с тобой случилось?

— Красавица, — заплетающимся языком бормочу я.

Она хмурится. — Дионис?

Она щелкает пальцами у меня перед лицом, и я прихожу в себя.

— Меня избили. — Я фыркаю. — Точнее будет сказать, я позволил себя избить. И ты — единственная, кого я хотел видеть.

Зачем я ей это сказал? Не следовало.

— Ты истекаешь кровью, ты…

— Выгляжу как кусок дерьма, да.

— Почему ты не позвонил братьям или кузенам? Потерял телефон?

— Нет, он у меня. Я не звонил им, потому что хотел увидеть тебя.

Боже, зачем я продолжаю это повторять? Прекрати, ты жалок.

Я притворно кашляю и указываю на свой костюм. — Посмотри, во что он превратился…

Мне не удается выжать из неё улыбку, потому что на её лице читается только тревога. Она мягко берет меня за руку, втягивает в дом, а затем закрывает дверь ударом ноги.

— Садись на диван в гостиной. Я принесу аптечку и посмотрю, что можно сделать.

— Оке-е-ей.

Я вхожу и сажусь, чертыхаясь от боли. Не думал, что даже от чертовой мягкой подушки может быть так больно. Откидываю голову назад и пялюсь в потолок, который кружится надо мной, словно я на карусели. Надеюсь только, что меня здесь не стошнит, это было бы уже полнейшим дном.

Аврора возвращается с аптечкой первой помощи, но прежде чем подойти ко мне, оглядывает меня с ног до головы и испускает вздох.

Она опускается на колени на свободное место рядом со мной, и я поворачиваю голову, предоставляя ей полный доступ. Она внимательно изучает мое лицо, и по мере того, как она осматривает раны, её брови всё сильнее хмурятся.

— Хорошенькая же ты катастрофа, а.

— Значит, ты считаешь меня хорошеньким.

— Я еще сказала «катастрофа», — бумочит она, пропитывая ватный тампон дезинфицирующим средством.

— Но в начале было «хорошеньким».

Она фыркает. — Прекрати и заткнись.

— Снова чувствую напряжение между нами, — повторяю я свою старую шутку, которую вечно ей отпускаю.

Аврора прижимает тампон к моей губе, и от жжения я вздрагиваю и пищу, как придурок.

— А я слышу только нытье парня, которого избили до полусмерти, и теперь он расплачивается за последствия.

— Никакой у тебя ко мне жалости…

И всё же её прикосновения становятся бережными. Жжение в ранах никуда не делось, но я не жалуюсь, потому что слишком сосредоточен на её руке,

придерживающей меня за шею, пока другая обрабатывает ссадины — её горячие пальцы в прямом контакте с моей холодной кожей.

Мои глаза борются за то, чтобы оставаться открытыми, подгоняемые физической и умственной усталостью. Мне приходится призывать на помощь все оставшиеся силы, чтобы они не закрылись. Мне нужно смотреть на неё, теперь, когда она так близко ко мне. Мне нужно очертить каждую линию её лица и впечатать её в память, чтобы сохранить это воспоминание на тот случай, когда её больше не будет в нескольких миллиметрах от меня.

«Если ты вообще сможешь хоть что-то вспомнить, учитывая количество алкоголя в твоей крови», — шепчет привычный стервозный голосок.

Который, однако, всегда прав.

— Мне нужна вода, — с трудом шепчу я. — Много воды. Очень много. Мне нужно протрезветь.

— Как только закончу обрабат…

— Нет, сейчас. Я должен выпить её сейчас. Точнее, дай мне сначала протрезветь, а потом продолжай дезинфицировать раны.

То, как торопливо вылетают слова, заставляет её замереть; на самом деле, я, должно быть, выгляжу так, будто на меня нашел внезапный приступ бреда. — Ты в порядке?

— Нет. Я боюсь, что забуду этот момент. Поэтому хочу прожить его трезвым, — признаюсь я.

Если даже я сам слышу в своем голосе нотку боли, то я абсолютно уверен, что её слышит и она. Это подтверждается тем, как дергаются её брови и расширяются зрачки.

— Дионис, зачем ты всё это сделал? Зачем довел себя до такого состояния?

— Потому что я не мог перестать думать о плохом. Физическая боль была единственным способом отвлечься… Вот только теперь я сижу с кружащейся головой, ноющим телом и тысячей мыслей, которые продолжают меня донимать.

Она грустно улыбается. — Нис…

Её рука застывает в воздухе. Я нежно обхватываю её запястье, опускаю её руку себе на колени и теряюсь, вычерчивая воображаемые узоры на тыльной стороне ладони.

— Что у тебя в голове? — шепчет она. — Поговори со мной.

Замок щелкает. И ментальная клетка, в которой я всегда всё запирал, распахивается. Все мысли кружатся в моей голове, хаотично и беспорядочно. Фразы, слова, воспоминания, страхи, неудачи, катастрофические сценарии предстают передо мной один за другим, даже не давая времени как следует их рассмотреть.

А затем я фокусируюсь на ней. На первопричине всего.

Страхе сделать хотя бы один шаг и упасть.

— Я ничего не делаю, потому что боюсь облажаться, — признаюсь я. — И поэтому живу пассивно, ведь если я ничего не делаю, я не могу потерпеть неудачу, не могу ошибиться. А если я ни хера не делаю, люди ничего от меня не ждут, а значит, я не могу их разочаровать.

Её глаза ни на мгновение не отрываются от моего лица.

Я тихо усмехаюсь. — Люди думают, что во Франции я был невесть каким искателем приключений: сбежал в один прекрасный день и больше не давал о себе знать. Реальность же такова, что я облажался даже в этом. Мои парижские будни —

это только пьянки, жратва, пара музеев, о которых я ничего не помню, потому что никогда не был в ясном уме, и утренние пробуждения, чаще всего прямо на улице. Я выжил, но внутри меня сжирала тоска по дому и по братьям.

Она кивает, словно прекрасно понимает мою речь, словно ожидала именно тех слов, что я ей сказал.

— Мне нравится быть со Сторми, потому что с ней я не чувствую себя неудачником. С ней я чувствую, что в чем-то хорош, и такое со мной впервые. Обычно я всегда был тем, кто умеет только бухать, держать удар алкоголя и забивать на всё хер. Но Сторм, когда она со мной, смеется, играет, шутит... короче, я ей нравлюсь. Это произошло случайно, я просто наткнулся на нее в ту ночь, когда мой брат рисковал жизнью, и вот так случайно обнаружил, что я хоть что-то умею. Что кто-то считает меня на что-то годным.

Аврора слушает, не шевелясь.

— А еще была ты, — я перехожу к самой сложной части.

Её плечи напрягаются.

— Ты была... ты выглядела довольной, когда видела Сторми после того, как она проводила время со мной. Казалось, ты рада тому, как я с ней обращаюсь. И ты улыбалась мне, благодарила меня. Ты признавала, что я в чем-то хорош, и я испытывал такое облегчение, что просто не могу тебе описать.

— Это правда. Ты всегда был в чем-то хорош. Но, Нис... Тебе не кажется, что это может сработать и со всеми остальными вещами, которые ты отказываешься пробовать из страха потерпеть неудачу? Если ты ничего не делаешь, как ты узнаешь, что в чем-то хорош?

Она зажигает одно из тех немногих прекрасных воспоминаний о Франции, что у меня есть. Слова, которые мне сказали почти два года назад.

Девушка на канале.

Аврора замечает, что я отключил мозг. Она хлопает меня по колену. — Эй?

Я улыбаюсь, погруженный в свои мысли. — Извини, ты напомнила мне...

— О чем? — спрашивает она с такой настойчивостью, что я на секунду заминаюсь.

— Напомнила о моем времени во Франции. В одну из худших ночей в моей жизни я валялся на земле у канала Сен-Мартен. Разбитый и лишенный всякой надежды. Мне бы следовало позвонить маме или папе, сказать им, где я, и извиниться. Но мне не хватило духу, я боялся отказа, боялся провала. Но...

— Но?

— В тот вечер там была девушка... незнакомка, чьего имени я даже не спросил. Было темно, я лежал на земле, она сидела на скамейке, я даже не видел её лица. Я вывалил на неё всё то, что только что сказал тебе, а она меня не осудила. Наоборот, узнав обо мне только самое худшее, она попыталась подтолкнуть меня к тому, чтобы я вернулся домой и взял свою жизнь в руки.

Аврора кивает. — Но ты этого не сделал.

— Не сделал. Хотя и хотел. Хотя на мгновение её слова заставили меня поверить, что я не пропащий. Что раз уж незнакомка разглядела во мне потенциал, то, возможно, он и правда есть.

Когда я тянусь за коробочкой с обезболивающим, она отстраняется и качает головой. До меня доходит с опозданием: реакция на алкоголь. Проклятье.

— Иногда я задаюсь вопросом, что бы подумала обо мне эта незнакомка, если бы узнала, что спустя годы я стал еще большей катастрофой, чем тогда, когда мы встретились. Как сильно она была бы разочарована.

Аврора теребит руки, а когда поднимает голову, пелена слез застилает её карие глаза.

— Можешь спросить у неё прямо сейчас.

— Что?

— Можешь спросить у меня. Прямо сейчас. Что я об этом думаю.

Я прислушиваюсь, но лишь для того, чтобы потянуть время. Я прекрасно слышал, что она сказала. Просто мой мозг отказывается это принимать.

— Аврора, о чем ты?

Она запускает руку в волосы, растрепывая их еще сильнее. — Той девушкой была я, Нис.

Я открываю рот, затем снова закрываю. Хочу что-то сказать, но не могу сформулировать ни единого осмысленного слова. Чувствую, как земля уходит из-под ног. И начинаю истерически смеяться.

— Окей, вообще-то сейчас серьезный момент. Не время для шут…

— Я была твоей Ариадной, помнишь? Которую парень бросил ни с чем, и которую нашел Дионис, — бормочет она. — Я просила тебя встать вместе со мной на рассвете. Я встала, а ты нет, ты остался лежать на земле, а я больше не оглядывалась. Но в глубине души я надеялась, что в твоей жизни что-то изменится. Ты был разбит, и я искренне переживала за тебя. Можешь представить, каким шоком для меня было увидеть тебя в тот вечер в больнице, когда ты объяснял моей младшей сестренке, что тебя зовут не Дионсус.

Кажется, я сейчас упаду в обморок. И на этот раз алкоголь тут ни при чем.

Опираясь на диван, я поднимаюсь, неуверенно стоя на собственных ногах, которые, похоже, твердо намерены предать меня и заставить рухнуть. Аврора подается вперед, готовая поймать меня, если я упаду.

— Почему, черт возьми, ты мне никогда не говорила? — восклицаю я.

Не знаю, счастлив я, опечален, разочарован или потрясен. Я испытываю слишком много эмоций одновременно, и если я не смогу их успокоить и упорядочить, боюсь, у меня начнется разрушительная паническая атака.

— Не знаю, — признается она. — Я надеялась, что ты вспомнишь сам. Боялась, что тебе станет неловко от осознания того, что ты так сильно раскрылся перед незнакомкой, с которой, как ты был уверен, больше никогда не встретишься… Я не знаю.

— Ты… Ты не представляешь, как часто я думал о тебе. Я был уверен, что больше никогда тебя не увижу, Аврора. Твою мать.

— Я тоже. А оказалось…

Я начинаю расхаживать по гостиной взад-вперед. Эта новость словно пробудила меня от долгого сна. Не знаю, насколько это биологически возможно, но мне кажется, что я вдруг абсолютно протрезвел.

У меня замыкает мозги.

Окончательно.

Потому что она здесь. И она не просто Рори, старшая сестра моего единственного друга — десятилетней девочки. Она не просто красавица-сестра Сторми, у которой я время от времени вырываю улыбку. Она еще и та девушка, которая за тысячи миль от

дома заставила меня почувствовать, что меня видят, хотя бы на одну ночь. Незнакомка, с которой я проговорил часы напролет до самого рассвета, и вместе с которой мне хотелось подняться, чтобы начать всё сначала.

В одно мгновение я беру её лицо в ладони и целую. Это ужасный поцелуй, правда отвратительный. Я так много лет не целовал девушек, что, кажется, забыл, как это делается: мои губы движутся нескоординированно, а её не поспевают за мной, настолько сумбурно я действую.

Этот поступок настолько шокирует даже меня самого, что я тут же останавливаюсь в нескольких миллиметрах от её губ.

Аврора стоит как мраморная статуя.

— Извини, я не целовал девушек… годами, на самом деле. Ты первая, кто… кто…

Я пытаюсь продолжить поцелуй, но Рори отталкивает меня и вскакивает на ноги.

— Нет-нет-нет, о боже, нет, — начинает она торопливо бормотать.

В мгновение ока начинается паника. Теперь уже не я наматываю круги вокруг дивана, а она. Я даже не успеваю спросить, что не так, как она сама срывается с места.

— Ты пьян. Ты уязвим. Это не то, чего ты хочешь на самом деле.

— Что?

— Ты не трезв. Не…

— Был бы трезвым, сделал бы то же самое, — перебиваю её я.

— Ты не можешь этого знать. И ты не можешь вваливаться в мой дом, истекая кровью, и целовать меня. Блять, не можешь.

Я поднимаю руки в воздух. — Извини.

— Одно дело, когда ты отпускаешь свои шуточки о нас, когда флиртуешь от скуки и провоцируешь меня. Другое дело — когда твоя шутка переходит от слов к делу. Так не делается, Дионис, не…

Я останавливаю её. — Аврора. Ты думаешь, мой поцелуй — это просто шутка? Что я просто пьян и запутался?

— А что еще я должна думать?

— Ну не знаю, может, что если я целую тебя, то это потому, что ты подарила мне единственную счастливую ночь в Париже за всё время, что я там провел? Потому что, не зная меня, ты не осудила меня и сказала, что я могу попробовать и не облажаться? Потому что ты доверяла мне свою сестру и каждый раз давала понять, что я молодец, зная, что именно это мне было нужно услышать? Потому что ты открыла мне дверь в полночь и начала меня лечить, хотя я мудак, который позволил избить себя специально? Потому что ты ни разу не набросилась на меня с криками, что я должен бросить пить и что я алкоголик? Потому что ты ни разу не назвала меня «неудачником»?

Слеза скатывается по её щеке.

— Или, может, потому, что ты потрясающе красивая, и любой человек в здравом уме и с работающими глазами захотел бы тебя поцеловать?

Она проводит руками по щекам, смахивая слезы, которые продолжают литься обильным потоком.

— Тебе стоит подумать о том, что если я целую тебя, то я серьезен, потому что я, уверяю тебя, не развлекаюсь, целуя кого попало. Я в ужасе от отношений с другими людьми, Аврора, ты еще не поняла? Прежде чем сделать шаг, я сам себе ампутирую ногу. Я же говорил тебе, разве нет? Я говорил, что никогда не хотел пробовать любить,

потому что знал, что не буду в этом хорош, как и во всем остальном в моем жалком существовании. И всё же, если бы мне пришлось дать этому шанс, я бы попробовал только с тобой, Рори.

Дерьмо. Поверить не могу, что я вывалил ей всё вот так прямо.

Я даже не могу на неё злиться. Во-первых, потому что она слишком красива, и у неё такое личико ангелочка, что злиться на неё просто невозможно. Во-вторых, потому что я понимаю её точку зрения. Понимаю, почему она так боится моих действий и слов. Я ненадежный человек.

Но теперь... Теперь мне бы хотелось дать ей гарантии, что она может мне доверять, но я не знаю, как это сделать.

— Извини. — Я делаю шаг назад, потом еще один. — Ты права. Я не могу вваливаться к тебе домой посреди ночи и создавать столько проблем. Это несправедливо по отношению к тебе. Особенно если я не могу гарантировать, что завтра всё изменится и я перестану быть той ходячей катастрофой, которую ты знаешь.

— Куда ты идешь? — спрашивает она, подходя ближе.

— Мне нужно домой. Нужно успокоиться. Нужно...

Я продолжаю пятиться назад, к выходу, но спотыкаюсь и ударяюсь о стену.

— Я отвезу тебя на машине. Стой здесь, мне только нужно обуться.

— Нет-нет-нет. Прошу тебя, не надо. Я кому-нибудь позвоню. Не хочу тебя больше беспокоить.

— Нис...

— Спасибо за всё. И еще раз прости.

Я поворачиваюсь к ней спиной, пока не расплакался прямо ей в лицо. Это было бы уже чересчур. Тихо закрываю дверь в надежде, что наши споры еще не разбудили остальную семью.

Дохожу до тротуара и сажусь там, на краю. Всё вокруг расплывается из-за крупных слез, яростно текущих по моему лицу. Единственный звук, разрывающий тишину — это мой плач.

На мгновение я задумываюсь об этом, признаю. Думаю о том, чтобы вызвать такси и вернуться в кампус одному. Как сделал бы Американец.

Но, кажется, я больше не хочу быть этим человеком. Не хочу быть всеми этими сломанными версиями самого себя, которые сосуществуют и бьют друг друга каждый божий день моей жизни.

Я хочу, чтобы люди могли верить моим словам, чтобы они не мирились с моей апатией к миру, ведь я слишком часто отвергал их помощь и поддержку.

Достаю мобильный и набираю номер мамы.

Она отвечает после первого же гудка, как всегда.

Как только она слышит мои всхлипы, она пугается. — Милый! Что случилось? Где ты? Ты в порядке?

— Нет, я не в порядке, — говорю я с трудом, хватая ртом воздух.

— Где ты?

— У дома Авроры. То есть, на улице. Ты можешь... — Слова застревают в горле.

Я должен это сделать.

Ради всех тех раз, когда я не смог попросить её об этом во Франции.

— Ты можешь приехать за мной? — шепчу я.

— Конечно. — Она не колеблется ни секунды, и от её решимости мое сердце начинает биться быстрее. — Скинь мне геопозицию. Я сейчас приеду. Как можно скорее. Никуда не уходи.

Что-то внутри меня встает на место. В тот самый момент, когда мне удается попросить маму забрать меня, вместо того чтобы оставаться лежать на тротуаре и плакать в одиночестве. Приходит осознание того, что, возможно, я мог бы сделать это давным-давно. Возможно, они бы сказали мне «да» еще годы назад.

Когда машина резко тормозит перед тротуаром, на котором я сижу, мама выбегает из неё. С лицом, искаженным тревогой, а затем — болью, когда она видит, как я плачу, скорчившись и разбитый вдребезги.

Она не задает вопросов, хотя их у неё наверняка огромное множество.

Она садится рядом, обнимает меня и прижимает мою голову к своей груди. Она гладит мои кудрявые волосы с той любовью, которую может дать почувствовать только мать.

— Всё хорошо, — шепчет она, оставляя легкие поцелуи на моем затылке. — Всё хорошо, я здесь.

Я насквозь промачиваю её футболку под кожаной курткой. Я сворачиваюсь калачиком, прижимаясь к ней, будто мне пять лет и я всего лишь маленький мальчик.

— Я знаю, что вы сдались и махнули на меня рукой, думая, что так будет лучше для всех, что так я больше никогда не сбегу. Но правда в том, что я больше не хочу быть таким. Я больше не хочу быть таким.

Она начинает укачивать меня, не переставая нежно целовать в макушку.

— Каждая версия меня сломана, — всхлипываю я между судорожными вдохами.

— Каждую версию тебя можно собрать заново. Мы со всем разберемся. Я здесь.

— Мне нужно было позвонить тебе, когда я был во Франции. Я так хотел это сделать.

— Я бы ответила после первого же гудка, ты же знаешь. Это неважно, теперь я здесь.

Теперь она здесь.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 6. БЛОНДИНОЧКА

Дионис — не холодный и не отстраненный бог, он испытывает сильные страдания. Он связан с опьянением, экстазом, но также и с болью. Его культ рождается из человеческой потребности забыть страдания, выходя за рамки рациональности. Он эмпатичен к смертным, ведь он берет в жены Ариадну после того, как её бросил Тесей, и спускается в Аид, чтобы вернуть к жизни свою мать Семелу. В «Рождении трагедии» Ницше противопоставляет прилагательному «аполлонический», которое означает порядок и меру, понятие «дионисийский», то есть хаос, слияние и жизненную силу.

Аврора

Когда я открываю дверь дома, правая рука Сторм сжата в руке Гермеса, а левая — в руке Лиама.

У меня вырывается обреченный вздох.

Уже месяц, как я не видела Диониса: в последний раз это было в ту ночь, когда он заявился сюда истекающим кровью, а потом поцеловал меня, признавшись во всех тех вещах, в которые мне с трудом верилось.

Моя сестра всё еще видится с ним, я знаю, но он никогда не появляется лично, чтобы забрать её или привести обратно. Он поручает эту задачу своим братьям или кузенам, которые изо всех сил стараются ничего мне не рассказывать.

С тех пор как Сторм с ними познакомилась, она говорит только о них. Они даже все вместе пришли на похороны, и каждую неделю водят её в парк или забирают из школы, когда я не могу. Я несколько раз пыталась их успокоить, сказать им, что они не должны взваливать на себя эту ответственность и что мы с папой справляемся. Это никогда не помогало.

Я их понимаю; любить Сторм так же естественно, как дышать. И они кажутся из той породы семей, которые, если видят в ком-то хорошее, берут его под свое крыло.

Однако я бы солгала, если бы сказала, что не скучаю по Нису. Он был частью моей жизни в самые худшие месяцы, когда я теряла маму. Когда я достигла дна ямы, вырытой жизнью, Нис был на поверхности и протягивал мне руку. Несмотря на то, что у него были свои проблемы. Он был там и вытащил нас с сестрой. Понемногу, с терпением и тем своим отношением, которое поначалу приводило меня в замешательство. И которое в итоге я стала находить уморительным.

Когда я увидела его перед собой впервые после нашей встречи в Париже, я не могла в это поверить. Я убеждала свой мозг, что он ошибся, но было невозможно забыть этот голос, его медленную и апатичную манеру говорить, и то, как странно работает его разум, формулируя фразы, которые он затем произносит вслух.

Я никогда не переставала думать о нем после того, как встала со скамейки той ночью, на рассвете, и ушла. И, на самом деле, я ему солгала: неправда, что я больше не оглядывалась, оставив его там. Я оборачивалась несколько раз, чтобы посмотреть на него, в надежде, что он встанет и даст себе шанс. Я изо всех сил старалась больше не возвращаться в то место, но в свою последнюю ночь в качестве американской студентки во Франции я совершила долгую прогулку вдоль канала Сен-Мартен в надежде встретить его снова.

Это была не жалость. Я никогда не испытывала к нему подобных чувств. Это была… надежда. Я надеялась на счастливый конец для него, надеялась, что в его истории случится ошеломительный сюжетный поворот, способный перевернуть судьбу главного героя.

Встретить его снова и убедиться, что произошло прямо противоположное, оставило во мне грусть, которую я не смогла бы объяснить. Что-то, выходящее за рамки простой эмпатии.

Он сидел там, в той комнате ожидания, в слишком уж элегантном костюме и с бутылкой в руке. Он, с его острой челюстью и впалыми щеками, с глубокими тенями под парой зеленых кошачьих глаз. С каштановыми волнистыми волосами, взъерошенными так, словно он с рождения не брал в руки расческу. Воплощение усталости, но настолько прекрасное воплощение, от которого было трудно отвести взгляд.

Дионис из тех людей, которые поражают своей элегантностью. Из тех, кто красив без всяких усилий, ничего для этого не делая, и, возможно, даже не осознавая этого.

Именно Сторм проводила с Нисом больше всего времени, и я влюбилась в то, как она мне о нем рассказывала. С ней он позволяет себе быть лучшим человеком, менее апатичным и более спокойным.

Конечно, были моменты, когда я с удовольствием бы врезала ему головой, но боюсь, что мне нравится даже эта его черта.

Я бы также солгала, если бы сказала, что тот поцелуй был хорош. Боже, это была просто катастрофа. Нис не знал, как двигать губами и куда девать руки. Он был неуклюжим, неуверенным. Это был один из тех ужасных поцелуев, после которых ты не можешь не поверить ему, когда он говорит, что ты — первая девушка, к которой он приблизился за много лет, потому что он никогда не хотел давать никому шанс. И, возможно, именно это и заставило меня так сильно его полюбить, заставляя вспоминать тот момент каждый божий день с тех пор, как это случилось.

Единственное, чего бы я хотела — это уверенности в том, что с ним всё будет в порядке. Я не могу жить в страхе обнаружить его у своей двери в стельку пьяным и израненным. Или, того хуже, валяющимся где-нибудь, дезориентированным и на грани потери сознания. Я не могу жить, гадая, вызваны ли его слова или поступки опьянением. И тем более я не могу смириться с тем, что, возможно, на следующий день он обо всем забудет.

Я не могу быть с разбитым человеком, потому что я сама разбита. Многие говорят, что сломанные осколки созданы для того, чтобы подходить друг другу, что когда два человека разбиты вдребезги, их частички находят друг друга и собираются в целое.

Я не согласна. Два сломанных человека должны сначала собрать воедино свои собственные осколки, а уже потом быть вместе как целостные личности.

Я просто жду момента, когда у меня появится возможность объяснить это Нису. Я могу быть его подругой, так же как Сторми. Могу игнорировать ускоряющееся сердцебиение, когда он бросает на меня эти свои хитрые взгляды и провокационные ухмылки. Могу даже игнорировать то, как мои ноги превращаются в желе, когда я смотрю, как он берет мою сестру на руки и играет с ней, заставляя её смеяться так, как никому другому не удавалось.

Проблема в том, что он больше не дает о себе знать, не появляется и не отвечает на мои звонки.

Арес успокоил меня, сказав, что он справляется с ситуацией: думает о себе, прежде чем о других. И я этому искренне рада.

Хотелось бы только знать, как он. Чтобы кто-нибудь рассказал мне о нем. Даже Сторм перестала рассказывать мне, как они проводят время.

— Привет, Рори. Как дела? — щебечет Герм, улыбаясь. Он проходит в дом, не дожидаясь, пока я приглашу его войти. — Ты пьешь достаточно воды? Позавтракала? Поразмышляла о жизни и её великих тайнах?

Лиам следует за ним по пятам. — Знаешь, я часто размышляю о тайнах жизни. Например: ты никогда не задавалась вопросом, почему Земля вечно должна всё делать сама? Почему именно она должна вращаться вокруг Солнца и одновременно вокруг своей оси? Потому что она женщина? Это очень несправедливо. Неравенство имеет глубокие корни, уходящие в древнейшие времена.

Его тирада оставляет меня настолько сбитой с толку, что мне требуется несколько секунд, чтобы сдвинуться с места и пойти за ними на кухню.

Гермес ставит рюкзачок Сторм на стол, открывает его и достает белый бумажный пакет. — Это маффины, которые Полло испек для Маленькой Бури. Если хочешь, можешь тоже съесть один, Рори.

Я прислоняюсь к дверному косяку, скрестив руки на груди, и слабо улыбаюсь. — О, спасибо, очень мило.

— Но будет лучше, если ты его не съешь, — отчитывает меня сестра. — Я хочу забрать их все себе, вот так.

Лиам подходит к холодильнику. — Не, ну а если серьезно. Что ты думаешь о неравенстве между Землей и Солнцем? — Он указывает на холодильник. — Можно?

— Угощайся.

Он настолько привык обслуживать себя сам, что когда папа едет за продуктами, он спрашивает меня, чего бы мог захотеть Лиам.

Однако сегодня утром что-то не так. Он выдавливает взбитые сливки на маринованный огурчик, и если мне не изменяет зрение, на его лбу выступила испарина. Гермес проходит мимо него, легонько толкает и бормочет вполне отчетливое: «Ты должен успокоиться, чувак».

— Окей, окей, я пытаюсь.

Я жду, когда всё, что они скрывают, выйдет наружу. У меня предчувствие, что рано или поздно я об этом узнаю. Это подтверждает моя сестра и то, как она время от времени бросает на меня нескромные взгляды.

— Что вы делали сегодня утром? — спрашиваю я Сторм, как и всегда.

— Ничего! — вопит Лиам. — Ничего необычного! Почему ты спрашиваешь? Что ты подозреваешь?

Гермес хлопает себя рукой по лбу, а Сторм закатывает глаза.

— Всё как всегда, Рори. К сожалению, Хайдеса не было…

Это на мгновение отвлекает меня. Её влюбленность в Хайдеса Лайвли зародилась в первый же вечер, когда я доверила оставить её с Нисом и его семьей, и с тех пор она и не думала проходить.

— Ты должна завязывать с этой любовью, Сторми, — отвечает Герм с брезгливым выражением лица. — Нет ничего особенного в этой Диве.

— Нет, он прекрасен, как прекрасный принц, — возражает она с мечтательным взглядом.

Лиам кивает. — Согласен с малышкой, он красивый парень.

— «Прекрасный принц»? Он вечно одет во всё черное и ходит хмурый — эмо-принц и фанат *Green Day*, я бы сказал.

Я подхожу к столу, а Лиам делает два шага назад, врезаясь в дверцу холодильника. Вместо того чтобы сунуть в рот огурец, который он держит в левой руке, он подносит ко рту правую и пытается откусить распылитель баллончика со сливками.

Сторм быстрым движением выхватывает его у него из рук. — Лиам!

— Так, всё, хватит: рассказывайте, что вы скрываете, — приказываю я.

Лиам выплевывает изо рта дозатор для сливок, который он откусил. Белый пластиковый кусочек катится к нашим ногам.

Я бы нашла это уморительным, если бы не начало нарастать неприятное сосущее чувство под ложечкой. Боюсь, что бы это ни было, оно касается и меня тоже, и отнюдь не в позитивном ключе.

— Как ты догадалась, что мы скрываем от тебя секрет? — допытывается Лиам.

— Не знаю, Пеппе, попробуй поразмыслить над этим, — дразнит его Герм. Как обычно, он не может злиться на друга и в итоге всегда смеется над тем, как тот рушит их планы.

— Огурчик со сливками? Я запаниковал. Хотел найти какое-нибудь занятие, чтобы не вызывать подозрений, но переборщил.

— Да ничего страшного, — успокаиваю я его. Затем пригвождаю Герма к месту. — Рассказывай, Златовласка.

Каждый раз, когда я его так называю, он на мгновение задумывается, а затем смотрит на меня с ухмылкой, которую мне трудно расшифровать.

— Окей, Рори, сегодня кое-что произойдет. Тебе это покажется безумием, но ты должна будешь подыграть, не задавая вопросов и не отказываясь.

— Мне это уже не нравится, — говорю я.

— А придется, — парирует Сторми. Она тянется к Лиаму. — Я тоже хочу попробовать огурчик со сливками.

Я поворачиваюсь к Гермесу, который кажется единственным в этой комнате, кто мог бы дать мне объяснения. — Гермес, что происходит?

— Ты должна пойти в свою комнату и собрать чемодан. На... дней пять, да. Пять смен одежды, сама смотри, что тебе нужно. У тебя максимум два часа. А лучше, если уложишься в один.

Чемодан.

— Зачем?

— А для чего собирают чемоданы, Аврора? — Он ласково щелкает меня по щеке. — Чтобы отправиться в поездку!

Его энтузиазм на меня не действует.

Лиам и Сторм наблюдают за этой сценой, как двое зрителей в зале. Он готовит огурцы со сливками один за другим, и они делят их на двоих. Чавканье — единственный звук, витающий на кухне, пока я не справляюсь со своим первоначальным замешательством.

— «В поездку» куда? И зачем? С кем? Гермес, я не понимаю. Вы с ума сошли?

— Со мной. — Гермес указывает на присутствующих. — Твоей сестрой и Лиамом.

— А кто вам сказал, что я хочу ехать с вами в поездку? К тому же папа останется здесь один, у меня даже нет времени...

Я осекаюсь. Новое осознание пробивает себе дорогу и с силой обрушивается на меня.

— Он уже знает, — подтверждает Лиам. — Иди собирай вещи, давай.

Я собираюсь открыть рот, но Гермес поднимает указательный палец в воздух. — Никаких вопросов. Никаких отказов. Иди.

Заметив, что я снова хочу возразить, он кладет обе руки мне на плечи и разворачивает лицом к двери. Он начинает толкать меня по дому, заставляя подняться по лестнице на второй этаж.

Оказавшись в комнате, он плюхается на мою кровать, раскинув руки и ноги, как морская звезда. — Ох, какая усталость, — бормочет он.

Я сбита с толку как никогда. Но, судя по всему, я не получу ответов ни на один из своих вопросов, поэтому решаю больше не сопротивляться и подыграть им. В конце концов, они же не сажают меня одну в самолет, летящий в неизвестном направлении. Они тоже летят со мной, это должно хоть что-то значить.

Возможно, это небольшое путешествие, которое они хотят мне подарить, потому что тоже заметили, что круги у меня под глазами фиолетовые, как баклажаны, волосы вечно растрепаны, а надеваю я по утрам первую попавшуюся одежду.

— Я не могу узнать место назначения? Мне это нужно, чтобы понять, какие вещи брать. Теплые? Легкие?

Гермес перекатывается на бок и смотрит на меня. — Всего понемногу. Никаких подсказок. Шевели задницей, пока Лиам и Сторми не начали пробовать слишком странные комбинации еды и мы не загремели в больницу на промывание желудка.

Меньше чем через час мой чемодан собран, я даже причесалась и нанесла немного консилера, чтобы мое лицо выглядело менее... Не существует такого негативного прилагательного, которое могло бы в полной мере выразить ту степень отчаяния, в которой я нахожусь.

Как оказалось, папа собрал чемодан Сторм еще вчера вечером, а я ни сном ни духом.

Гермес выходит из дома последним, захлопывая за собой дверь. Он надевает солнцезащитные очки в желтой оправе и кричит: — *Paris, nous voilà!* [прим. пер.: Париж, мы летим! — по-французски]

Два часа ночи, когда мы приземляемся в Шарль-де-Голль. Парни забронировали рейс из нью-йоркского аэропорта *JFK*, чтобы обеспечить прямой перелет без пересадок, которые сделали бы путешествие слишком утомительным для Сторми.

Она, впрочем, проспала весь полет, не выказывая никаких признаков дискомфорта. Да и сейчас, пока мы едем на такси из аэропорта в отель, она дремлет на сиденье. Её голова клонится к плечу Гермеса, который без единой жалобы служит ей подушкой.

Сторми полюбила этих парней так же легко, как и Диониса. И хотя она влюблена в Хайдеса, свою запретную любовь, Гермес и Лиам — её абсолютные фавориты. Нетрудно понять, почему. Лиам — это ребенок, запертый во взрослом теле, в хорошем смысле этого слова. У него невинный и наивный, но в то же время забавный взгляд на мир.

А Гермеса невозможно не полюбить с первого взгляда: у него заразительная, почти неисчерпаемая энергия.

Всю дорогу никто не произносит ни слова, пока по радио тихо играет музыка. Когда мы подъезжаем к отелю, Гермес останавливает меня, не давая отстегнуть ремень безопасности.

— Лиам отнесет Сторми в номер, он присмотрит за ней. А нам нужно сначала кое-куда заехать.

В моей голове властно и назойливо звенит тревожный звоночек.

— Задавать вопросы нельзя, да?

Он улыбается. — Быстро учишься, *aurore*. («Аврора» по-французски).

Все время в полете, когда его не тошнило, Гермес учил французский в *Duolingo*. Он мало что может сказать, кроме ругательств и парочки рандомных восклицаний, которые вряд ли пригодились бы ему в языковом обмене с парижанами.

Я на прощание целую сестренку в лоб, она сквозь сон бормочет что-то невнятное, и мы смотрим, как они заходят в отель с нашим багажом.

Машина трогается с места, и я узнаю дорогу, по которой она едет, углы, где я гуляла одна, с бывшим парнем, с однокурсниками. Я прекрасно знаю, куда она ведет.

Канал Сен-Мартен.

Который является не только самым известным каналом Парижа.

— Герм, — шепчу я.

Даже я слышу панические нотки в своем голосе.

— Всё будет хорошо. Ты и сама это знаешь. Дай ему шанс.

Дай ему шанс.

Дионису.

Если раньше у меня было смутное, полное надежды подозрение, то теперь это уверенность.

Машина останавливается, и Гермес провожает меня прямо до места встречи. Он быстро сжимает меня в объятиях.

— Я возвращаюсь в отель, но ты в безопасности. Тебе нужно просто идти прямо.

— Хорошо. Увидимся через пару часов, полагаю.

— Конечно.

Я следую его указаниям, хотя время от времени оборачиваюсь, лишь чтобы обнаружить, что он всё еще стоит там. Он провожает меня взглядом, чтобы убедиться, что со мной ничего не случится. Или, возможно, не хочет, чтобы я сбежала в страхе.

Полная луна отражается в черных водах канала, делая сегодняшнюю ночь настолько светлой, что любую деталь вокруг можно разглядеть, не напрягая зрения. Любую деталь, включая тело, лежащее на земле в нескольких метрах от скамейки.

Длинное стройное тело в элегантном бордовом костюме.

Лицо Диониса кажется еще бледнее в серебристом свете луны. И почему-то еще красивее и прекраснее, чем когда-либо.

— И что ты делаешь, валяясь на асфальте? — начинаю я, нарушая тишину этой ночи.

— Хотел, чтобы это было символично.

Звук его голоса. Я думала, что забыла его за последний месяц. Это легкая ласка, которая касается моих волос и вызывает мурашки у основания шеи.

Он воссоздает нашу первую встречу, поэтому я подыгрываю ему: иду и сажусь на скамейку, повернувшись в его сторону.

— Ты ведь в курсе, что ты сумасшедший? — спрашиваю я.

— В курсе. Мой костюм от *Dior*, а я вот так его порчу…

Я улыбаюсь, хотя с земли он не может этого увидеть.

Словно прочитав мои мысли, он слегка приподнимается, опираясь на локти, и наши взгляды встречаются.

Вот он, этот взгляд. Взгляд, который появляется у Диониса, когда он разрушает возведенную им стену апатии, и его истинные эмоции выходят на поверхность.

— *Bonsoir, blondinette* [прим. пер.: Добрый вечер, блондиночка]. Полет прошел приятно?

— Да, если не считать Гермеса, чередующего приступы рвоты с ругательствами на французском ради тренировки произношения.

— Как всегда отвратителен.

— Итак, какие у тебя планы на эту ночь?

Он долго изучает меня из-под своих густых ресниц. Снова этот взгляд. Я не могу сдержаться и опять начинаю говорить первая.

— Помнишь, ты говорил, что задаешься вопросом, что подумала бы о тебе та девушка из Парижа, узнав, что ты стал еще хуже, чем в ту ночь, когда она тебя встретила?

Он просто кивает, скованным движением.

— Хочешь узнать?

— Смотря что это — что-то хорошее или плохое, — шутит он, хотя я улавливаю неловкость в его голосе.

Я слегка подаюсь вперед, хоть расстояние между нами всё еще слишком велико. — Она бы подумала, глядя на тебя, что это неправда. Ты не стал еще большей катастрофой, Дионис.

Его брови ползут вверх.

— Может, ты и не взял свою жизнь в руки, ладно, но ты не знаешь, что не стал хуже, потому что не видишь, какой у тебя порой бывает взгляд. Бывают моменты, пусть и редкие, когда твои глаза загораются. В них нет той апатии и равнодушия, к которым, как ты говоришь, ты привык: твой взгляд полон нежности и веселья, когда ты говоришь с моей сестрой, он был осторожным и робким, когда ты представился моей маме. И это тот самый взгляд, которым ты смотришь на меня каждый божий раз, и который я слишком долго не замечала. Я думала, что это обман, но на самом деле это глаза, полные желания и нежности.

Дионис приоткрывает рот от изумления.

— Ты не тот человек, которым себя считаешь, — заключаю я. — А самое прекрасное в том, что ты даже не представляешь, каким человеком мог бы стать.

После нескольких минут колебаний и слабой улыбки он отвечает: — Я пытаюсь это понять, шаг за шагом.

— «Шаг за шагом» привело тебя сюда, на другой континент?

Он качает головой, опуская её, возможно, чтобы скрыть еще одну улыбку. — Иногда я бываю драматичным. Я всё-таки Лайвли.

Я не совсем понимаю, что он имеет в виду под этим сравнением; судя по всему, я знакома лишь с очень малой частью их огромной семьи. Но я слышала кое-какие рассказы от Лиама и Гермеса, и, признаюсь, мне любопытно.

— Что ты делал весь последний месяц? — спрашиваю я.

— Пытался понять, могу ли я стать лучше, для себя и для тех, кто меня окружает. И для тебя в том числе. Я пил, да, признаю. Говорил с матерью — больше, чем когда-либо, даже до того, как проблемы начали захлестывать меня с головой. И еще, вообще-то, я много разговаривал со Сторми.

— О чем вы говорили?

— О тебе.

— Обо мне?

— О том, как стать кем-то, кто достоин быть рядом с тобой, — шепчет он. — Как друг или кто-то больше, неважно. Хотя предупреждаю: Сторм хочет, чтобы мы поженились.

Я стараюсь не показывать никаких эмоций. — И ты понял что-то новое, чем тебе хочется со мной поделиться?

Дионис устраивается поудобнее, садясь и вытягивая перед собой ноги, скрещенные в лодыжках.

— Я понял, что хочу попытаться, даже если мысль о неудаче приводит меня в ужас, заставляет ладони потеть, а сердце — бешено колотиться. Понял, что не хочу быть тем человеком, о котором ты никогда не знаешь, говорит ли он правду, потому что слишком пьян. Или о котором ты никогда не знаешь, вспомнит ли он то, что вы пережили вместе, потому что он был не в себе.

То же место, то же время, тот же город и те же люди. Но между нами нечто совершенно иное. В нем и во мне.

— Каждый видит полдень у своей двери, я прав? — продолжает он более мягко. — Я не хочу больше ходить к чужим дверям, чтобы увидеть ясное небо и яркое солнце. Я хочу, чтобы так было и у моей. Я больше не хочу выглядывать наружу и видеть серые, тусклые тучи. Я тоже хочу видеть вашу перспективу. Не знаю, сколько времени мне понадобится, и уверен, что будут срывы и тяжелые моменты. Я не могу обещать тебе, что всегда буду лучшей версией себя, более того, я наверняка еще не раз достигну дна, прежде чем всплыть. Но я могу заверить тебя, что Сторми никогда не увидит моей самой уродливой стороны, а ты…

— А я — да, — перебиваю его я. — Я хочу её видеть и хочу быть рядом. Я не могу тебя исцелить, никто из нас не может, но мы можем тебя поддержать — так, как ты никогда нам не позволял.

Его глаза застилает пелена слез, которые он изо всех сил сдерживает.

— А что делала ты в этот месяц?

— Думала о тебе, — признаюсь я.

— Значит, напряжение, между нами, мне не приснилось.

Я театрально фыркаю, лишь бы скрыть смущение. — Притормози, давай начнем с того, что будем друзьями.

Тело Ниса скользит вперед, сокращая расстояние, между нами, пока он не оказывается у подножия скамейки, откинув голову назад, чтобы смотреть мне в лицо.

— «Друзьями», которые целуются, ты имеешь в виду?

Я сдерживаю смешок. — Нет!

— «Друзьями», которые смотрят друг на друга так, как я сейчас смотрю на тебя?

Его взгляд настолько пронзителен, что я чувствую, как вспыхиваю. И как бы я ни пыталась от него скрыться, он притягивает меня как магнит. Дионис не просто смотрит на меня — он ласкает каждую часть меня глазами.

Чувствую, что мне не хватает воздуха, и молюсь, чтобы он этого не заметил.

В конце концов, я киваю. — Друзьями.

Он кривит губы, взвешивая мои слова. Затем вытягивает мизинец и протягивает его мне. — «Друзьями», значит.

— Друзьями, — подтверждаю я.

Я уже ненавижу это слово.

Я сцепляю свой мизинец с его, но в момент соприкосновения Нис вкладывает всю свою силу и притягивает меня к себе. Другой рукой он хватает меня за затылок, приближая ровно настолько, чтобы врезаться губами в мои. Еще один поцелуй, который он украл обманом.

Такой же сумбурный, как и первый, но более нежный, направляемый лаской, от которой у меня подкашиваются ноги и возникает желание, чтобы он отстранился лишь ради того, чтобы сказать, что тоже терпеть не может слово «друг» и что я могу забрать его обратно.

Он отрывается первым, замирая в нескольких миллиметрах от моих губ. Я чувствую его дыхание — оно не пахнет алкоголем, как в прошлый раз — теплое и нежное на моей коже.

— Извини, мне нравится целовать друзей.

— Всех?

— *Non, juste toi* [прим. пер.: Нет, только тебя — по-французски].

— И что теперь будем делать?

Его язык показывается, чтобы облизать губы, в то время как его глаза продолжают смотреть на мои, словно он хочет их сожрать.

— Хочу замкнуть круг. Я снова ложусь, а ты остаешься сидеть здесь. На рассвете мы сделаем то, на что у меня не хватило смелости почти четыре года назад. Я встану, и мы вместе вернемся в отель.

Наши мизинцы всё еще сцеплены. Его рука всё еще замерла в моих волосах. Как раз в тот момент, когда я это замечаю, он позволяет ей скользнуть сквозь мои длинные пряди, поглаживая их, пока контакт не прерывается.

— Мне нравится эта идея, — говорю я ему.

— Да?

Я мычу в знак согласия.

Впервые я чувствую, что пьяна именно я. Опьянена этим моментом, его поцелуем, его запахом и тем, как он на меня смотрит. Опьянена тем крошечным проблеском в его глазах, который я всегда замечала, надеясь, что он продлится чуть дольше, и каждый раз ожидая его возвращения.

С неохотой мы отдаляемся друг от друга. Нис снова ложится на землю, проклиная свой дорогой костюм, а я сворачиваюсь калачиком на скамейке. Идеальная имитация той ночи.

Мы говорим часами. Смеемся. И наслаждаемся тишиной тоже. Мы слишком много раз повторяем слово «друзья», пока оно не начинает звучать неправильно для нас обоих.

Но кое-что всё же меняется.

На рассвете, когда солнце приходит на смену луне и начинает освещать небо над Парижем, он встает первым. Проводит руками по ткани костюма, стряхивая грязь.

Затем он останавливается передо мной, протягивая руку ладонью вверх, ожидая мою.

Я хватаю её, и мы вместе идем к отелю.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 7. ДИОНИС

Дионис стирает границы между человеком и богом, между мужским и женским, между жизнью и смертью, между личностью и коллективом. Он — бог радикальной трансформации.

Дионис

Два самых страшных врага человека — это «последние разы» и «почти». То, что мы потеряли, и то, что могли бы иметь, будь мы чуточку внимательнее.

Ты никогда не знаешь, какой момент с человеком станет последним. Не можешь знать наверняка, какое воспоминание, созданное с ним, окажется финальным. По крайней мере, пока не потеряешь его.

Ты не знаешь, когда сообщение станет последним, которое ты получишь, пока ваш чат не опустеет и никто из вас больше ничего не напишет. Ты не знаешь, когда завершаешь ваш последний телефонный звонок. Не знаешь, когда смех звучит в последний раз и им нужно насладиться сполна, когда объятие должно продлиться на пару секунд дольше, потому что другого уже не будет, когда «пока» — это не до свидания, а прощай.

Мы живем настоящим, уверенные в том, что будущее гарантировано. А когда будущее вырывают у нас из рук, мы остаемся беспомощными, не веря, что принимали его как должное.

Здесь в игру вступают «почти». Все те ситуации, когда мы *почти* начали действовать, *почти* сделали или сказали правильную вещь, которая избавила бы нас от одного из наших «последних разов». Как много всего пошло бы иначе, если бы мы превратили «почти» в уверенность?

Мое самое большое сожаление — это те разы, когда я *почти* позвонил отцу, чтобы извиниться и сказать, что хочу вернуться в семью. Если бы я это сделал, я бы не потерял столько месяцев с ним. Но, с другой стороны, откуда мне было знать? Я никогда не думал, что потеряю его так скоро. Никогда не думал, что это будет последняя возможность создать с ним воспоминания. Мой последний раз.

Этим утром мы едем с опущенными стеклами. Черный внедорожник мамы мчится по Пасифик-Кост-Хайвей, самой знаменитой и красивой панорамной прибрежной дороге Калифорнии. Мы выехали из дома в Хаф-Мун-Бэй и направились на юг, в Санта-Круз.

Волны составляют нам компанию: прозрачно-голубые просторы, окаймляющие золотистый песок. Посейдон высунул голову из окна, полной грудью вдыхая океанский воздух, который для него как живительная влага. Зевс то и дело одергивает его, заставляя сесть в машине нормально.

Мы все здесь: Тейя за рулем, я на пассажирском сиденье, а сзади — Лиззи, Арес, Зевс и Поси.

Всё именно так, как я себе и представлял, благодаря небольшому толчку от Сторми на похоронах её матери. Она спросила меня, что будет после смерти, и где, по моему мнению, сейчас мой отец.

Это было легко и инстинктивно.

Когда Арес выслушал меня, а затем убежал, он тоже понял, что мне это было нужно, чтобы двигаться дальше. Мне нужно было заполнить ту пустоту, тот долгий

период, который я чувствовал по отношению к папе. Те месяцы, слишком многие, без воспоминаний, без человека, которого я вскоре после этого потерял.

Пока они стояли перед могилой папы, я стоял перед двумя могилами. Могилой моего отца и могилой тех слишком многих месяцев, что я провел вдали от него.

И, возможно, для кого-то такие моменты, как сегодняшний, не имеют такого значения, ведь папы здесь на самом деле нет. Но для меня... для меня он находится везде, где звучит музыка. Его любимая музыка.

Я чувствую его, прямо сейчас, с нами, он подпевает. И это не вина вина, и не помутнение моего рассудка. Клянусь.

Мама подключила свой телефон к радио и включила плейлист, который папа всегда слушал в машине или дома, по любому поводу. В поездках, во время коротких вылазок, чтобы отвезти нас в школу или за продуктами, пока он мыл посуду, готовил или убирался.

Все его любимые песни в одном плейлисте, который ему никогда не надоедало слушать.

Первая в списке — *Creep* группы *Radiohead*. В моей голове это почти символический жест. Всё начинается с его самой большой любви — Тейи. Первая песня, которую он решил добавить в список, — та, что олицетворяет его отношения с ней.

Затем настает очередь *Should I Stay or Should I Go* группы *The Clash*. Арес выдает такое представление, что, сиди он на пассажирском сиденье, наша мать точно вылетела бы с дороги. Это была песня, которую он включал на полную громкость по утрам, будя весь коридор общежития в Йеле. Но это также была песня, из-за которой он ссорился с Хелл Фокс, соседкой по комнате, и которая каким-то образом их сблизила.

Hey Jude группы *The Beatles* пробивает Посейдона на слезу, хоть он и улыбается от уха до уха.

Мы едем час туда и еще час обратно. Подпеваем всем песням подряд, спорим из-за всякой фигни (например, из-за того, что у Ареса слишком размашистая хореография для тесного салона машины), смеемся, умиляемся, а еще — наслаждаемся усталым, ностальгическим молчанием.

Это одно из самых прекрасных утр в моей жизни, даже если папы нет с нами, и его отсутствие отдается эхом в тишине между только что закончившейся песней и той, что вот-вот начнется.

Когда мама паркуется на подъездной дорожке к дому и ставит машину на ручник, никто из нас не двигается. Ни один ремень не отстегнут. В салоне витает ностальгия — но светлая, смешанная с отголосками песен, которые мы напевали и орали во всю глотку. Мы словно опутаны чарами, которые рассеются, как только мы выйдем из машины.

— Это было прекрасно, — бормочет мама, откинувшись на сиденье с ослепительной улыбкой.

— Потому что тебе не прилетало локтями от танцующего сзади Ареса, — бурчит Зевс.

— Да пошел ты, заноза в заднице! — огрызается тот.

Посейдон хихикает — он единственный, кто смеется над неудачными выпадами Ареса.

— И на этом момент семейной идиллии и покоя подошел к концу, — вздыхая, комментирует мама. Она поглядывает на задние сиденья, где Арес продолжает ерзать, чтобы достать Зевса, Лиззи пытается вклиниться между ними, чтобы их успокоить, а Посейдон смеется, снимая каждую секунду этой возни на видео.

Мы с мамой переглядываемся. Последняя понимающая улыбка, прежде чем она включает режим родителя.

Она громко хлопает в ладоши. — Так, всё, на выход, черт возьми. Я от вас всех устала. Вон из машины, и чтобы я вас не видела ближайшие двадцать четыре часа, мне нужен перерыв.

Мы тихонько посмеиваемся, и когда я отстегиваю ремень, рука Лиззи ложится мне на плечо. — Можешь подождать минутку?

Она всегда была моим слабым местом в этой семье. Это не просто предпочтение среди братьев и сестер, моя душа и её — самые родственные.

Оставшись вдвоем, она хлопает по свободному месту рядом с собой, где сидел Арес. Я быстро выхожу и пересаживаюсь к ней.

Мы устраиваемся поудобнее, склонив головы так, чтобы они опирались друг на друга.

Я знаю, что она попросила меня остаться только для того, чтобы побыть вдвоем, еще немного. Ей нечего мне сказать, я слишком хорошо её знаю.

Зато у меня на самом деле есть что ей сказать. — Я должен открыть тебе секрет, — шепчу я.

— Окей. А почему ты шепчешь?

— Потому что это смущает.

— О, значит, что-то сентиментальное.

— В яблочко.

Она слегка ерзает. Лиззи — безнадежный романтик, влюбленная в саму любовь во всех её проявлениях. Проблема в том, что мир с трудом дает ей то, чего она заслуживает.

— Когда я был во Франции, я часто звонил тебе по вечерам с разных номеров, которые потом отключал. Я хотел услышать твой голос, даже если он говорил только «алло» и «там есть кто-нибудь?». И каждый божий раз меня накрывало такой сильной волной тоски, что казалось, я умираю изнутри.

Её рука ложится поверх моих, сложенных на груди. — Я знала.

— Знала?

— Знала, что это ты, конечно. Иначе зачем бы мне вообще отвечать? Это был регулярный ритуал, как минимум два раза в неделю. Для меня было очевидно, что это ты, хоть поначалу я и не хотела в это верить.

Вот это действительно лишает меня дара речи. — Если ты знала, что это я... почему ты отвечала?

Лиззи хихикает и легонько бодает меня головой. — Тебя удивляет, что твоя любимая сестра любила тебя и скучала по тебе?

— Ну... я же бросил вас. Я думал, ты злишься на меня, что вы все на меня злитесь, и даже слышать мое имя не хотите.

— Конечно, мы были в бешенстве, — подтверждает она. — Но мы никогда не переставали любить тебя и надеяться, что ты вернешься. Для нас ты не был той ошибкой, которую совершил в то время. Ты был всем тем остальным временем, которое провел рядом с нами, и это значило в тысячу раз больше.

Блять, я могу расплакаться в любую секунду. Если вспомнить все те ночи, когда я чувствовал себя одиноким в Париже и убеждал себя, что моя семья меня ненавидит... В то время как на самом деле они просто ждали, когда я вернусь.

— Если начнешь плакать, предупреди, я сниму видео, чтобы показать остальным.

— Кретинка.

— Больше никогда не уходи.

Внезапное возвращение к серьезности возвращает и меня к главной теме.

— Я остаюсь здесь.

— И... Дори?

— М-м-м?

— Я горжусь тем путем, который ты начал.

— И подумать только, понадобилась десятилетняя девочка, чтобы придать мне смелости...

— Обожаю Сторми.

Мы все её обожаем. Эта малышка особенная, один из самых невероятных людей, которых я когда-либо встречал. За восемь месяцев она научила меня большему, чем любой другой человек за двадцать с лишним лет.

В данный момент она находится в доме, перед которым мы припарковались. Мы принимаем их с Рори у себя на неделю, здесь, в Калифорнии. Отчасти потому, что Сторм здесь никогда не была, а отчасти потому, что я хотел показать Авроре, где я вырос. Я хотел, чтобы она увидела место, где жила самая здоровая и счастливая часть меня.

Сегодняшний план таков: мама и остальные ведут Сторми на пляж, где она надеется посмотреть, как Посейдон занимается серфингом, и, может быть, самой этому научиться. Это предлог, чтобы оставить дом в полном распоряжении нас с Авророй и позволить мне осуществить свою небольшую программу: романтический обед.

Ситуация между нами... специфическая. Впрочем, мы и познакомились при весьма специфических обстоятельствах, а затем встретились снова в еще более нестандартной ситуации.

Мы продолжаем называть друг друга друзьями, хотя уже ясно, что мы оба ненавидим это определение. Мы просто соревнуемся, кто продержится дольше, отчасти потому, что это забавно, а отчасти потому, что мы немного боимся сделать этот шаг.

Я боюсь, что со мной будет слишком тяжело и я в итоге причиню ей боль. А она боится, что не сможет со мной справиться и ранит меня.

Должен признать, это почти нелепо.

Мы друзья, но время от времени я краду у нее поцелуй, и случается так, что я приглашаю её на романтический обед при свете солнца, ярко сияющего в небе. Так же, как случается, что наши руки находят друг друга и крепко сплетаются, или что в переполненной комнате наши взгляды неизменно сталкиваются, сводя на нет всё, что происходит вокруг нас.

У входа в дом Сторми уже готова и полна энтузиазма. Она дергает Посейдона за шорты-бермуды, умоляя посадить её на доску и дать прокатиться на парочке волн.

Как только она видит меня, то забывает о моем брате и бежит ко мне. — Рори ждет тебя там, смотри не испорти всё и делай то, что должен!

Её угрожающий тон сбивает меня с толку. — Что ты имеешь в виду, малявка?

— Мы все устали смотреть, как вы играете в друзей. Завоюй её, и покончим с этим!

— Подписываюсь, — бормочет Зевс, проходя мимо меня.

Арес идет прямо за ним. — Тоже «подписываюсь», кончай уже быть мудаком. — Он тут же поворачивается к Сторми. — Слово «мудак» ты услышала от кузена Аполлона, имей в виду.

Она кивает, закатывая глаза. — Да, да, как и все остальные маты, которые вырываются у вас при мне.

Мы с Аресом обмениваемся понимающим ударом кулачками.

Когда все, наконец, уходят, я делаю глубокий вдох и одергиваю пиджак своего костюма.

— *Où es-tu, blondinette?* [прим. пер.: Где ты, блондиночка? — по-французски], — напеваю я, направляясь в гостиную.

Она не отвечает, но я слышу, как что-то шевелится.

А вот и она.

Она лежит на диване, скрестив босые ноги. Светлые волосы заколоты крабиком, несколько прядей падают вперед, выбиваясь из-под контроля. Её тело облачено в длинное белое платье в лиловый цветочек, а разрез сбоку обнажает ногу.

Судя по тому, как она мне улыбается, у меня, должно быть, самое идиотское выражение лица на Земле. Она встает — медленными, элегантными движениями, а я остаюсь стоять неподвижно, ожидая, когда она подойдет. Абсолютно неподвижно, поглощенный любованием каждой деталью её фигуры.

— Доброе утро, — здоровается она.

Я беру её за руку, заставляя покружиться вокруг своей оси. Как только она завершает оборот, я подношу тыльную сторону её ладони к губам и оставляю на ней нежный поцелуй. — Друзья ведь говорят другим друзьям, что они захватывающе красивы, верно?

— Думаю, ты можешь мне это сказать, да.

— Ты чего? Это я побуждал тебя сказать это мне.

Я отпускаю её и указываю на свой синий костюм с белой рубашкой под ним. Аврора хихикает, качая головой.

— К чему этот обед наедине? — Она отвлекается и начинает принюхиваться. — Как вкусно пахнет.

Надеюсь, на вкус будет так же хорошо. Я целых два часа висел на видеозвонке с Аполлоном; он руководил приготовлением лазаньи и десерта, шаг за шагом, в то время как мои братья просто сидели и наблюдали.

Я беру её за руку и веду на кухню, где аромат становится еще интенсивнее. Проверяю духовку, в которой всё еще печется лазанья: я попросил Сторми включить духовку — противень уже был на месте — пока я был в дороге. Должно остаться не так много времени, но она еще не готова. Что, на самом деле, просто идеально.

— Боже, выглядит потрясающе, — хнычет Рори.

— Но время есть еще не пришло.

Она смотрит на меня, изогнув бровь.

Всё еще сплетя свои пальцы с её, я веду её в столовую, прилегающую к гостиной. Мы отодвинули деревянный стол в сторону, чтобы освободить место перед французским окном. Белые шторы раздвинуты, чтобы солнечный свет проникал сквозь стекла, создавая естественное освещение.

Рори замечает музыкальный центр только тогда, когда я подхожу к нему, чтобы его включить. Он принадлежал папе.

— Что ты делаешь?

— А что делают под музыку? Танцуют.

— Я не умею танцевать, Дионсус.

Я притягиваю её к себе, когда она пытается отстраниться. — Тебе нужно просто следовать за мной.

— Я серьезно: я нескоординированная, неуклюжая и совсем не элегантная. Я в итоге оттопчу тебе ноги.

Я хмурюсь. — Тебе лучше этого не делать, эти туфли…

Она фыркает, слегка толкая меня. — Ты невыносим.

Я снова приближаюсь к ней и направляю её в самую простую позицию из существующих. — Тебе нужно делать только так, смотри, — бормочу я, сцепляя её руки у себя на шее. — А мне нужно делать только так… — продолжаю я, кладя свои руки ей на талию.

Рори приподнимает голову, глядя на меня из-под ресниц. — Звучит не слишком сложно.

— Это проще простого.

Фоновая песня звучит тихо, но за ритмом легко следовать. Это *Can't Help Falling in Love* Элвиса. Я двигаюсь в такт, подталкивая тело Рори повторять за мной. Время от времени её ноги сбиваются с шага, она заливается румянцем, а я улыбаюсь ей, чтобы дать понять, что всё в порядке.

Она обретает уверенность, когда та же самая песня начинается во второй раз. Я чувствую, как её мышцы расслабляются под моими пальцами, а её движения становятся более плавными. До тех пор, пока она не прислоняется головой к моей груди в интимном, полном нежности жесте.

— Нис?

— Ты собираешься сказать мне, что наконец-то чувствуешь напряжение, между нами.

Она смеется.

— Я никогда не перестану пытаться, — отвечаю я, пока у нее вырывается вздох.

Я позволяю своим рукам скользнуть выше её бедер, вдоль всей длины спины.

— Что ты хотела мне сказать, *blondinette*?

— Хотела сказать, что перед отъездом в Калифорнию Герм дал мне коробку презервативов.

Я сдерживаю смешок, хотя во мне преобладает желание позвонить ему и спросить, какие у него, блять, проблемы. Уже много лет этот парень мнит себя ходячим автоматом по выдаче презервативов.

Я успокаиваю её: — Это нормально. Он со всеми так делает.

— А, понятно. Потому что не думаю, что двум друзьям они понадобятся, верно?

Боже, как же я ненавижу это слово.

— Нет, не думаю.

— И двое друзей не стали бы танцевать так, как мы сейчас, — добавляет она.

— Нет, и правда не стали бы. — Я опускаю лицо, чтобы вдохнуть аромат её волос. Я медлю чуть дольше, чем нужно, и, сам не знаю как, в итоге оставляю поцелуй на её виске. — И если бы ты отодвинулась самую малость… я бы мог показать тебе, как двум друзьям целоваться не следует.

Она подавляет смешок, уткнувшись мне в грудь. Её руки начинают играть с волосами у меня на затылке; затем она пропускает пряди сквозь пальцы, сжимая их с нежностью, но в то же время с такой собственнической хваткой, какой я у нее никогда раньше не замечал.

Мы перестаем танцевать, хотя музыка всё еще играет.

В этот же миг Рори отстраняется от моей груди и поднимает лицо. Кончики наших носов соприкасаются. В том положении, в котором мы замерли, солнце падает на нее справа, заливая её фигуру золотистым светом. Её светлые волосы кажутся эфирными. Она кажется нереальной.

Как раз в тот момент, когда я решаюсь поцеловать её, она поворачивает голову к французскому окну. Огромная улыбка расцветает на её лице, когда она соединяет все точки воедино, и картина обретает окончательную форму.

— *Chacun voit midi à sa porte*, — шепчет она.

Каждый видит полдень у своей двери.

Больше ничего не добавляя, она поворачивается ко мне, приподнимается на цыпочках и целует меня первой. Этот жест застает меня врасплох настолько, что я замираю как вкопанный. Не могу сразу же ответить на него.

Я сильно зажмуриваюсь, а затем приоткрываю её губы, чтобы действительно показать ей, как два друга не целуются. Крепко сжимаю её в объятиях, прижимая к себе так, словно хочу сделать её частью самого себя.

Я отрываюсь лишь для того, чтобы прошептать прямо в её губы: — Я никогда не хотел быть твоим другом.

— Я тоже, — признается она.

— Я пытался, но… мне было невозможно не влюбиться в тебя. Ты словно создана специально для того, чтобы я тебя любил, — тяжело дыша говорю я, всё еще опьяненный поцелуем и этим моментом.

Она едва заметно улыбается — возможно, из-за моего признания, а возможно, потому, что песня Элвиса продолжает играть на повторе и чертовски точно подходит к тому, что я ей сказал.

— Тогда продолжай меня целовать и давай перестанем быть друзьями, — приказывает она.

И мы так и остаемся стоять и целоваться возле нашего окна, выходящего на полдень.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА РАЗУМА. Афина

Глава 1. «Я ХОЧУ ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ И ПЛАТЬЯ В ЦВЕТОЧЕК»

Богиня мудрости, войны и искусств, любимая дочь Зевса, Афина была самой мудрой и бесстрашной среди богов Олимпа. Зевсу предсказали, что его собственный ребёнок отнимет у него трон, подобно тому как сам он отнял власть у своего отца Кроноса. Поэтому, когда Метида забеременела, он проглотил её, и Афина родилась из его головы — уже взрослой и облачённой в доспехи.

Афина, тринадцать лет

— Гермес, я тренирую тебя уже почти пять лет и до сих пор ни разу не видел от тебя нормального джеба. А джеб — одна из первых вещей, которым учатся, — раздаётся глубокий голос Диомеда.

Джеб и правда один из самых первых ударов, которым учит тренер по боксу, и заодно один из самых простых. Это всего лишь быстрый удар передней рукой, а прямой задней — другой.

Диомед — наш личный тренер по боксу с тех пор, как нам исполнилось девять. Афродита единственная не занимается этим спортом, потому что у папы на неё другие планы. Она у нас нежный цветочек и должна посвящать себя «женским занятиям».

Я тоже девочка, но со мной обращаются совсем иначе. Мне нельзя отращивать такие же длинные волосы, как у неё, хотя я часто представляю, как они доходят мне до талии и закрывают всю спину. Мне нельзя носить цветные платьица в цветочек, как те, что висят у неё в шкафу, потому что мне полагается одежда менее легкомысленная и более простая. Я часто тайком пробираюсь в её комнату и провожу пальцами по тканям. Мне не разрешают играть в куклы, но я часто разглядываю куклу сестры — с длиннющими чёрными косичками и в белом платьице.

Мама утверждает: если каждый день повторять себе, что на самом деле мне всё это не нужно и меня устраивает то, что мне навязывают, в конце концов я обману собственный мозг и убежу себя, что ни по чему из этого не скучаю.

Я усвоила, что, когда я слушаюсь папу, его глаза загораются чувством, которое он называет «гордостью». Когда я делаю то, чего он хочет, он хвалит меня: «Умница, Афина, я тобой горжусь». И мне хорошо, когда он мной гордится, даже если я делаю совсем не то, чего хочется мне самой.

Каждый месяц Диомед отчитывается перед нашим отцом о тренировках, прогрессе и сильных сторонах каждого из нас. Аполлона он хвалит за невероятную для его возраста силу и уверен, что со временем она станет ещё больше. У Хайдеса, напротив, безупречная техника: он точно следует указаниям и идеально выполняет каждое движение. По словам Диомеда, я очень быстрая и ловкая благодаря своему небольшому росту и хрупкому телосложению. А Гермес… ну, у него ничего этого нет. Он не любит бокс, а для нашего отца это повод для стыда и разочарования.

Гермес валится на пол нашего домашнего спортзала и с громким стоном растягивается на нём.

— У меня не получается! — визжит он. — У меня вообще ничего не получается. Ненавижу всё это. Я хочу заниматься чем-нибудь другим!

Диомед проводит руками по каштановым волосам, окончательно их растрёпывая. Он взрослый мужчина, как папа, высокий и крупный. У него самое доброе лицо из всех, что я когда-либо видела. Возможно, потому что мне знакомы только холодные взгляды родителей и бесстрастные лица мужчин, которые на них работают.

Аполлон и Хайдес продолжают тренировку, а я останавливаюсь, вся в поту и тяжело дыша, чтобы посмотреть на сцену, которая в последнее время повторяется всё чаще.

Диомед опускается на колено рядом с Гермесом.

— Я знаю, что тебе не нравится. Но что, по-твоему, я должен сказать Кроносу?

Гермес болтает ногами в воздухе и демонстративно капризничает, как умеет только он. Гермес превращает в спектакль вообще всё, зачастую просто потому, что ему нравится сам процесс.

— Что я безнадёжен и нет смысла тратить на меня время!

— Если я ему это скажу, он решит, что виноват я, потому что не умею тебя учить. Уволит меня, найдёт другого тренера, а тебе всё равно придётся ходить на занятия.

Гермес садится. Я вижу только его безупречный профиль и взгляд, устремлённый в пустоту, пока он обдумывает слова нашего тренера.

Наконец Диомед поднимается и протягивает ему руку.

— Давай, Герм. Ты справишься.

— Думаешь? Я не настолько ужасен?

Он медлит.

— Ну… ужасен. Но можешь стать чуточку менее ужасным, чем сейчас.

Я невольно усмехаюсь и тут же пытаюсь скрыть улыбку. Снова хватаюсь за ручки скакалки и продолжаю прыгать. Диомед постоянно повторяет, что прыжки со скакалкой развивают чувство ритма, выносливость и координацию, а потому чрезвычайно важны.

— Отлично, Хайдес, — говорит Диомед, указывая на него.

Брат стоит в углу неподалёку от меня и занимается боем с тенью — имитирует поединок без противника. Диомед требует, чтобы мы представляли перед собой соперника и соответственно уклонялись и атаковали. Я никому в этом не признаюсь, но моими противниками почти всегда становятся отец и я сама. Я изо всех сил пытаюсь представлять других людей, но у меня почему-то не получается.

— Так держать, Аполлон. Закончи круг упражнений и потом тоже немного поработай с тенью.

Круги упражнений — худший кошмар Гермеса. В них входят упражнения на пресс, отжимания, приседания и задания на равновесие. Хорош он только в последних — даже лучше всех нас. Кажется, чувство равновесия у него врождённое.

Когда мы заканчиваем каждый со своим заданием, то собираемся вокруг Диомеда. Гермес так тяжело дышит, что нам приходится подождать несколько минут, пока он немного придёт в себя.

— Первые годы я в основном учил вас наносить удары, но теперь мы переходим к новой части тренировок. Будем серьёзно работать над защитой, потому что в боксе побеждает не тот, кто наносит больше ударов или бьёт сильнее, а тот, кто умеет ударить и не пропустить в ответ. Ясно? Я хочу, чтобы вы никогда об этом не забывали.

Мы киваем. Герм — заметно менее убеждённо.

— Со следующего занятия вы будете работать в парах, и мы начнём отрабатывать атаку и защиту — в экипировке и аккуратно, чтобы никто не пострадал. На сегодня всё. Можете идти. Молодцы, ребята.

Каждое занятие Диомед заканчивает одной и той же фразой: «Молодцы». Даже в те дни, когда мы ошибаемся чаще обычного или показываем плохие результаты. Он неизменно говорит это, глядя по очереди на каждого из нас четверых, хотя Гермес никогда ему не верит.

Мы возвращаемся в свои комнаты, болтая обо всём, что приходит в голову, и время от времени подбадривая Гермеса. Когда я вхожу к себе, она уже здесь — лежит на животе поперёк моей кровати и болтает ногами в воздухе. Перед ней раскрыта книга, которую она тут же бросает, заметив меня.

Афродита вскакивает как пружинка, и её голубые глаза вспыхивают хорошо знакомым мне восторгом.

— Ну как? Научи меня чему-нибудь!

Афри ужасно хочет заниматься боксом вместе с нами. Ей нравится мысль о том, что она сможет защитить себя и сумеет напасть, если это потребуется. Наш отец считает, что такое занятие не подходит девушке вроде неё и может испортить её женственность. Которой у меня, судя по всему, вообще нет. Поэтому очень часто, когда я возвращаюсь с тренировки, она уже ждёт меня в моей комнате, а я стараюсь научить её всему, чему успела научиться сама.

Я не самый лучший учитель, но стараюсь. Для неё это очень важно, и я делаю всё возможное, чтобы её порадовать.

Мне трудно выражать привязанность словами, а поступками — ещё труднее. Я замечаю это, когда смотрю на своих братьев. Гермес и Афродита — неиссякаемые источники любви и нежностей, для них это так же естественно, как дышать. Хайдес более сдержан, но иногда ему всё же удаётся выразить чувства словами. Аполлон больше всего похож на меня, однако он так заботится о нас в самых незначительных мелочах, что этим будто компенсирует каждое несказанное слово и каждое несостоявшееся объятие.

А я… я не умею ничего из этого. Папа говорит, что именно поэтому я ему так нравлюсь: «Ты не показываешь никаких эмоций. Ты — непробиваемая стена, и в будущем это тебе пригодится, особенно в моём мире». Я не совсем понимаю, что он имеет в виду, но стараюсь убедить себя, что это достоинство.

— Ну так что? Тебе есть чему меня научить? — не отстаёт Афри.

Мне с трудом удаётся сосредоточить на ней взгляд. Я киваю с опозданием в несколько секунд.

— Я… да, да. Только сначала мне нужно принять душ.

— Я подожду! — Прежде чем я успеваю отойти, она хватает меня за запястье. — Ты в порядке?

— Да.

Это автоматический ответ. Не думаю, что когда-нибудь отвечала иначе. Афродита спрашивает меня об этом очень часто, словно знает, что я лгу, и намерена довести меня до того состояния, когда я наконец скажу правду.

Но она не давит, не раздражает меня. У Афродиты есть дар делать всё с безграничной мягкостью.

Под струями горячей воды я позволяю слезам наконец потечь. Я видела, как папа ругает Гермеса, если тот плачет, и говорит, что плач — это «отвратительная» форма

слабости. Я стараюсь избегать всего, что его раздражает, тогда он не будет ругать меня.

Когда я возвращаюсь в комнату с ещё мокрыми волосами и в чистой одежде, Афри сидит, уставившись в пустоту. Я замираю и наблюдаю за ней, боясь помешать. Потом смиряюсь с тем, что сама она меня не заметит, подхожу ближе и зову её.

Она слегка вздрагивает, губы складываются в маленькую букву «О», а затем растягиваются в огромной улыбке. Она протягивает мне руку — мягкое приглашение. Афродита поняла, что я не люблю физический контакт, поэтому никогда не навязывает его. Она предлагает мне принять прикосновение или отказаться от него и ни разу не обижается.

Сегодня как раз один из тех дней, когда я не против.

— Ты же хотела, чтобы я тебя научи...

— Пойдём на пляж. Частный урок бокса можно пропустить, ничего страшного.

— Но, Афродита...

— Молчи и иди за мной.

Она выводит меня через стеклянную дверь на террасу, которая соединяет все наши комнаты. В её конце начинается лестница, ведущая к песчаной дорожке, вдоль которой растут живые изгороди. Они скрывают пляж до тех пор, пока не доходишь до самого конца.

Частный пляж — одна из немногих счастливых вещей в нашей жизни. Я не люблю море, терпеть не могу жару и ощущение песка, липнущего к коже, но это ещё и единственное место, куда наши родители никогда не приходят. Здесь нас никто не тревожит.

Мы снимаем обувь и идём по песку. Афродита не останавливается там, где я ожидала, а идёт до самой кромки воды. Добравшись до берега, она наклоняется к морю и, прищурившись, начинает что-то искать.

— Что ты делаешь?

Она не отвечает. Проходит ещё несколько секунд, прежде чем ей удаётся поймать две ракушки. Она переворачивает их на ладони, а затем показывает мне. Они похожи на маленькие веера, с ребристой поверхностью светло-оранжевого цвета.

— Ракушка, знак природной красоты и желания, считается идеальным символом Афродиты. Обе рождаются из моря и связаны с плодородием и жизнью.

Я не говорю ей, что и так это знаю. Она и сама это прекрасно понимает. Отец заставляет нас изучать все возможные дисциплины, и греческая мифология входит в их число. Я знаю, что она ведёт к чему-то другому, а это лишь вступление.

Афродита продолжает:

— Я люблю играть с ракушками в одну игру. Она называется игрой желаний.

— «Игрой желаний»?

Она опускается на колени в песок, набирает немного и высыпает в углубление ракушки, аккуратно разравнивая его.

— Я загадываю желание и оставляю его внутри ракушки здесь, у моря. Рано или поздно волны заберут его и унесут с собой, чтобы оно исполнилось.

Я молча смотрю, как она закрывает глаза.

— Я хочу, чтобы однажды мне тоже можно было носить короткие волосы и заниматься боксом, чтобы стать сильной и уметь защищать себя самой, а не ждать, пока это сделают другие.

У меня сжимается грудь.

Она кладёт ракушку обратно на песок, поднимает голову и встречается со мной взглядом.

— Давай. Теперь твоя очередь.

Я не из тех людей, кто верит в подобные вещи. В желания, я имею в виду, и в сам акт надежды, который заключается в том, чтобы их загадывать. Но я никогда не смогла бы погасить энтузиазм Афродиты или заставить её почувствовать себя глупой из-за этой игры. Она захотела поделиться ею со мной, а я постараюсь подыграть.

Я тоже наполняю свою ракушку песком и опускаюсь ниже, пока песчинки не начинают царапать мне колени.

— Я хочу, чтобы мне тоже можно было краситься, носить платья в цветочек — с длинными лёгкими юбками — и иметь кукол, с которыми можно играть.

Последняя часть фразы заставляет меня застыть от стыда. В тринадцать лет с куклами уже не играют, Афродита давно их забросила. Просто у меня никогда не было ни одной. Я всегда лишь наблюдала, как сестра играет со своими, пока сама была вынуждена заниматься боксом и «мальчишескими вещами», как говорил Кронос. По его словам, куклы были для меня слишком детскими и легкомысленными. И всё равно я безумно их хотела. Хотела хотя бы одну — тканевую, чтобы качать её на руках, расчёсывать волосы и делать причёски. В сущности, дочь.

Мой отец, конечно, не хочет, чтобы у меня были дети. Когда я всего лишь намекнула ему, что когда-нибудь хотела бы их, он посмотрел на меня так, словно я его оскорбила — причём худшим оскорблением, какое он слышал за всю жизнь. Он говорит, что у него на меня большие планы. Карьера — мой приоритет и моё будущее. А семью и жизнь домохозяйки я должна оставить Афродите.

Мне трудно понять эту логику. Почему мы не можем быть сразу несколькими вещами? Почему мы не можем быть теми, кем хотим? Так поступают родители? Решают за тебя, кем ты станешь, потому что они взрослые и лучше понимают, как устроен мир? Неужели то, чего хочу я, настолько нелепо?

Афродита возвращает меня в реальность и переплетает свои пальцы с моими, с усилием помогая мне подняться.

— Тогда идём. Начнём исполнять твои желания.

— Как?

Она, как всегда, не отвечает. У Афродиты свои идеи, и она ими не делится — по крайней мере до тех пор, пока ты не оказываешься в самом центре их воплощения и отступать уже поздно.

Мы возвращаемся в дом той же дорогой, только в обратную сторону. Афродита тихо напевает себе под нос, а я плетусь следом, словно серая туча, готовая вот-вот разразиться дождём. Мне трудно быть такой же жизнерадостной, как она или Гермес. Мы с Хайдесом — мрачные типы, которые не скрывают своего несчастья и раздражения; она и Гермес — те, кто встречает каждую проблему с улыбкой. Аполлон… он вообще не показывает нам никаких эмоций и словно остаётся безразличным ко всему, что с ним происходит.

Но вместо моей комнаты мы идём прямиком в её.

— Так, теперь садись за мой туалетный столик и даже не думай сбежать, — приказывает она.

Я подчиняюсь. Мне всегда нравился её туалетный столик: небольшой белый стол с закруглёнными углами и большим зеркалом в стиле шебби-шик, на раме которого поблёскивают золотистые потёртости.

Тем временем сестра роется в ящиках и собирает всё необходимое. Набрав целую охапку бутылочек и флаконч иков, она подходит ко мне и вываливает всё на столик перед зеркалом.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Сейчас я тебя накрашу, уложу тебе волосы и дам примерить платье!

Её слова настолько выбивают меня из колеи, что я даже не могу ничего ответить. Я остаюсь неподвижной, даже когда она начинает медленно расчёсывать мне волосы.

Я пытаюсь встать.

— Афродита, нет. Я буду выглядеть глупо. А если папа меня увидит, он отругает меня и заставит почувствовать себя…

— Наш отец ничего не увидит. Это только для тебя. Только для нас. Пожалуйста, позволь мне.

В отражении зеркала я встречаюсь с её огромными голубыми глазами. В её радужках сияет тот самый свет, который никогда не гаснет и который я уже научилась понимать как простое, чистое желание делать других счастливыми.

Я снова усаживаюсь, вздохнув. Обычно я просто расчёсываю волосы гребнем с редкими зубьями, а потом собираю их, поэтому к ощущению щетины расчёски, скользящей между прядями, я не привыкла. Это расслабляет, возможно, ещё и благодаря осторожным рукам моей сестры.

Афродита собирает передние пряди, зачёсывает их назад и придерживает рукой.

— Какой у тебя любимый цвет?

Я медлю. На самом деле я не знаю. Никогда об этом не думала.

Она показывает мне маленький атласный бантик пастельно-розового цвета.

— Такой нравится? У меня ещё есть сиреневый, голубой, белый…

— Белый мне бы очень понравился, — перебиваю я её.

Она улыбается, берёт его со столика и закрепляет у меня на затылке с тихим щелчком.

— А теперь немного накрасим лицо… — бормочет она, переставляя косметику на столешнице. — У меня пока не так много всего, потому что наш отец говорит, что я ещё слишком маленькая. Но вот это мне уже разрешено…

Огромной кистью она набирает то, что называет «румянами»: они должны придать моим щекам естественный цвет. Щетинки касаются кожи почти как ласка, рассыпая по ней розоватую пудру. Уверенными движениями Афродита растушёвывает её, чтобы цвет лёг ровно. Хотела бы я тоже так уметь.

— А теперь немного блеска для губ! — щебечет она. Потом отступает на шаг, чтобы меня рассмотреть. — Тебе очень идёт этот оттенок. Выглядит как естественный румянец на щеках.

Я едва заметно улыбаюсь, смущённая комплиментом. Мне их почти никогда не говорят. Папа приберегает их для неё, а мне достаются похвалы за ум и за то, какая я быстрая в бою. Мне и они очень нравятся, но… я снова задаюсь вопросом: почему нельзя быть сразу разной? Разве это так неправильно?

Я позволяю ей нанести тонкий слой блеска и на мои узкие губы. Закончив, она отходит в сторону, чтобы я могла посмотреть на себя в зеркало. Мне безумно нравится увиденное, настолько, что я слишком долго улыбаюсь собственному отражению и тут же чувствую себя полной дурой.

— Тебе идёт. Ты очень красивая, — тихо говорит Афродита.

— Ты правда думаешь, что я симпатичная?

— Ты не «симпатичная». Ты очень красивая.

От её слов у меня теплеет на сердце, потому что я считаю её самой красивой девочкой из всех, кого когда-либо видела. Она и мама прекрасны и так не похожи на меня. У обеих длиннющие светлые волосы, всегда уложенные идеальными волнами или в сложные причёски. Румяные щёки, блестящие губы и эти элегантные, женственные платья. А я... я всегда хожу с собранными волосами, такими тёмно-каштановыми, что они почти чёрные, с белой кожей и тонкими, настолько бледными губами, что выгляжу больной.

Прежде чем моя вечная грусть успевает испортить атмосферу, Афродита вприпрыжку направляется к шкафу и распахивает все дверцы, открывая мне доступ ко всему своему гардеробу. Она останавливается у секции, где висят её платья.

Глядя на меня, она смеётся, наверное, потому что у меня сейчас должны быть глаза в форме сердечек.

Моё тело двигается само, не дожидаясь никаких указаний от меня. Его тянет к цветным тканям — шёлку, хлопку, атласу, узорам из крошечных белых и голубых цветов, ромашек и красных розочек. Полоски, пастельная клетка, однотонные ткани. Летние платьица и зимние платья. Простые, на каждый день, и вечерние — для деловых ужинов, на которые отец заставляет нас ходить.

— Какое тебе нравится? Ну же, выбирай!

Мне даже думать не приходится. Есть одно платье, которому я всегда завидовала и которое всегда хотела: красное, в мелкий белый цветочек, с рукавами-фонариками и вырезом сердечком, приталенное, с более широкой юбкой чуть выше колена.

Я показываю на него, немного нерешительно.

Афродита тут же снимает его с вешалки.

— О, я его обожаю! И, по-моему, тебе оно будет безумно идти.

— Думаешь?

Я прекрасно помню её в этом платье — она выглядела в нём чудесно. Мне даже неловко его у неё забирать...

— Конечно. А теперь оно твоё!

Я отступаю назад.

— Ой, нет, нет. Я ведь даже носить его не смогу. Не хочу у тебя его отнимать...

Она, кажется, меня вообще не слушает. Расстёгивает молнию на спине и швыряет платье прямо мне в лицо. Ткань обматывает голову, полностью меня накрывая. Смех сестры слышится громко и отчётливо.

— Примерь! И положи к себе в шкаф. Я его больше не хочу.

Я иду переодеваться в её ванную, но не решаюсь посмотреть на себя в зеркало. Мне нужно, чтобы первыми меня увидели её глаза. Только она способна смотреть на меня с той добротой, которой не хватает мне самой, когда я смотрю на себя.

Когда я возвращаюсь в комнату, Афродита сидит за туалетным столиком и играет кистью для румян. Я обозначаю своё появление нарочитым покашливанием. Её светлая голова резко поворачивается в мою сторону. Рот распахивается от изумления, а в глазах снова вспыхивает тот свет, который я уже научилась узнавать и искать.

— О Боже! — пищит она. — Тебе невероятно идёт! Ты потрясающая!

Я чувствую, как лицо заливает жаром. Жестом прошу её говорить тише.

— Ты кричишь как сумасшедшая, — говорю я, не удержавшись от смешка.

Афродита продолжает выкрикивать комплименты, сияя улыбкой во все тридцать два зуба. Она шумит так сильно, что, как я и боялась, кто-то стучит в дверь, а потом

открывает её. Из-за косяка показывается кудрявая голова, одна бровь поднята, взгляд настороженный.

— Что здесь происходит? — расследует Гермес.

Ну а кто ещё это мог быть, кроме этого любопытного Гермеса?

Афродита театрально и драматично указывает на меня, будто я только что завершённое произведение искусства, которое осталось лишь повесить в самом престижном музее мира.

Гермес делает вид, будто снимает очки, и медленно идёт ко мне.

— Да что, чёрт возьми, произошло? Кто эта красавица?

Не дав мне времени ответить, он берёт меня за руку и заставляет покрутиться на месте, чтобы рассмотреть со всех трёхсот шестидесяти градусов. Юбка взлетает вокруг меня, как и волосы. Мне безумно нравится ощущение юбки на теле, открытых ног, не стянутых брюками, и волос, которые падают на шею и лезут в лицо.

— Тебе нравится? — спрашиваю я.

— Я в восторге! — Он слегка мрачнеет. — Но лучше сними его, прежде чем выйдешь отсюда. У нашего отца глаза повсюду. Я даже боюсь, что в моём унитазе спрятана камера.

Точно.

Чары рассеиваются всего через несколько минут. Но мне не грустно. Хотя бы ненадолго побыть такой, какой я хочу быть, оказалось приятно.

Я не знаю, кем стану, когда вырасту, но надеюсь, что, кем бы я ни стала, мои братья и сестра всегда будут рядом со мной.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. «Я ХОЧУ БЫТЬ ТАКОЙ ЖЕ ИНТЕРЕСНОЙ, КАК МОИ БРАТЬЯ»

Афину помнят под разными эпитетами: Паллада (юная); Парфенос (дева) — это прозвание связано с тем, что она избегала любовных отношений с другими божествами, полубогами и смертными; Промахос (сражающаяся в первых рядах) — отсылка к её роли предводительницы в битвах, прежде всего патриотических и оборонительных, а не захватнических; Эргана (труженица) и Ника (победоносная). Богиня и в самом деле славилась своими выдающимися воинскими способностями.

Афина, восемнадцать лет

Изумрудно-зелёная вывеска Парфенона, моего игрового зала на Олимпе, мерцает перед глазами. Перед пирамидальным зданием выстроилась очередь из посетителей, ожидающих входа.

Всего одиннадцать вечера, а я уже ухожу, как обычно. Не люблю оставаться дольше необходимого. Кронос хочет, чтобы мы работали, проводили свои игры и вытягивали деньги из скучающих бизнесменов под наркотиками и алкоголем. Развлечение — дополнительная опция, необязательная. Кто-то ею пользуется и остаётся, как Афродита и Гермес, а кто-то сбегает из зала, едва закончив работу. Как я, Хайдес и Аполлон.

Я ненавижу громкую музыку в клубах, ненавижу танцующие, потные тела, прижатые друг к другу, отсутствие пространства, где можно нормально двигаться или хотя бы пройти. Ненавижу всё. Но обожаю играть в своём закрытом зале Парфенона.

Мои игры там связаны с драками. Только… не совсем так, как можно было бы ожидать. Мужчины, которые в них участвуют, делают это не всегда по собственной воле. Ко мне наедине обращаются их жёны и просят привести мужей в мой закрытый зал. Это услуга частной мести и правосудия для женщин, которые не способны самостоятельно защититься от жестоких женоненавистников.

В зале всего один ринг — прямо в центре. Зелёные стены в тон остальному клубу и точная копия щита Афины с изображением головы Медузы, висящая на стене напротив входной двери.

Сегодняшней жертвой стал Михаил Смирнов, русский предприниматель, миллионер, которому едва исполнилось шестьдесят. София, несчастная жена, вынужденная жить с ним, связалась со мной сегодня утром.

Когда заявления ничего не дают и их просто спускают на тормозах, когда те, кто должен защищать граждан и следить за соблюдением закона, этого не делают, когда мужчины настолько властны, что не дают женщинам даже рассказать о происходящем, приходит время частного правосудия.

Михаилу предложили эксклюзивную игру в закрытом зале со ставкой в сто тысяч долларов. От такой игры трудно отказаться, особенно если ты жестокий мужчина, убеждённый, что женский пол ниже тебя.

Поединок с двумя женщинами. Одна — я, вторая — жена, которая ищет справедливости.

С тех пор как я здесь работаю, отказывались немногие. То есть примерно за два месяца.

Михаил согласился, хотя был пьян в стельку и уже успел заглянуть в клуб Гермеса. Когда он увидел, что драться придётся со мной и собственной женой, то расхохотался так сильно, что на секунду мне захотелось схватить его за голову и колотить ею о стену, пока он не заработает черепно-мозговую травму.

Но месть — это блюдо, которое нужно подавать не столько холодным, сколько медленно. Не спешить на ринге было бы гораздо веселее, чем быстро причинить ему боль.

София дралась плохо, как я и предполагала. Хотя за час до начала игры я дала ей несколько советов и постаралась научить самым основным вещам. Зато я непобедима. И хотя в боксе защита важнее всего, как постоянно повторял наш тренер, я научилась ещё и причинять боль.

Шок на лицах этих мужчин, когда мой первый кулак прилетает им прямо в лицо, — одно из моих любимых ощущений в мире. Они никогда не ожидают, что женщина способна причинить им боль, потому что привыкли к противоположной реальности, где право ранить принадлежит только им.

Его удары были жалкими, я их почти не чувствовала. А когда он понял, что я сильный противник, и переключился на Софию, ярость застила мне глаза.

Я повалила его на живот и уселась сверху, стараясь прикасаться к нему как можно меньше — настолько мне было противно.

Я схватила его за шею и предъявила тот же ультиматум, который предъявляю всем.

— Позвоночник — одна из самых уязвимых частей твоего тела. Позвонки защищают спинной мозг — главный канал связи между мозгом и телом. Если позвонок сломается или сместится, он может повредить спинной мозг, а такое повреждение способно привести к параплегии или тетраплегии. Ты ведь знаешь, что это такое? Паралич ног или всего тела от шеи и ниже. — Именно в этот момент я сильнее сжимаю его шею. — Самые критичные позвонки как раз те, которых я сейчас касаюсь, Михаил. Шейные. Знаешь, как они называются? Атлант и эпистрофей. Мне достаточно повредить их, чтобы навсегда обречь тебя на неподвижность.

Обычно именно здесь эти ничтожества начинают понимать, во что вляпались. Некоторые сразу плачут, другие умоляют. И лишь единицы делают вид, что им всё равно, и продолжают хорохориться.

— У тебя два варианта: ты клянёшься, что больше никогда не тронешь свою жену, и я позволю тебе выйти отсюда на своих ногах, либо я ломаю тебе позвонки и прослежу, чтобы ты остался парализованным и больше никогда не смог причинить ей вред. И чтобы всё было предельно ясно: я умею вас находить, поэтому мне ничего не стоит проверить, сдержал ли ты обещание.

Только дважды бывало, что они продолжали насмехаться надо мной даже после этого. Оба теперь в инвалидных креслах, а их жёны и дочери стали счастливее. У меня есть маленькая записная книжка, куда я заношу номера и адреса всех этих женщин, и я регулярно связываюсь с ними, чтобы убедиться, что всё в порядке.

Михаил решил вести себя хорошо. К сожалению.

Я не умею легко прощать, особенно когда речь идёт о жестоких мужчинах и беззащитных женщинах и детях. Я выросла в семье, где наш отец считает насилие единственным способом воспитания, и всю жизнь вижу, как он избивает моих братьев. Когда я впервые попыталась вмешаться и защитить их, Кронос сломал мне запястье. Но этого оказалось недостаточно, чтобы отбить у меня желание вмешиваться

снова. Мне тоже доставались пощёчины, но ни одна не причиняла столько боли, сколько вид ударов, предназначенных тем, кого я люблю.

Один из вышибал у входа вежливо кивает мне, и я с таким же отстранённым видом киваю в ответ.

В ночной темноте, освещённой разбросанными по острову огоньками и яркими вывесками других клубов, я иду по второстепенным дорожкам, о которых посетители не знают. Добираюсь до зала Афродиты — Сада наслаждений.

Хотя каждый вечер в девять мы расходимся по своим клубам, всё всегда заканчивается одинаково: мы все собираемся у Афродиты. Здесь гораздо веселее, женщин среди посетителей больше, чем мужчин, пахнет потрясающе, и нет той клаустрофобии, что в остальных залах.

Сегодня я прихожу последней. Все уже сидят за нашим обычным столиком у края танцпола, который Афри всегда оставляет свободным для нас. Гермес стоит рядом — без рубашки и с расстёгнутыми брюками. Он танцует, чувственно двигая бёдрами, а девушка рядом подстраивается под него и строит ему глазки.

Сидящий рядом Хайдес бросает на него брезгливые взгляды. Аполлон тем временем потягивает свой напиток с привычным выражением человека, которого ничто на свете не волнует. Эрос, который помогает Афродите в клубе и для неё с Гермесом почти как брат, говорит без остановки. С того момента, как я замечаю их, и до того, как сажусь за стол, я ни разу не вижу, чтобы он вдохнул или хотя бы на секунду замолчал.

— …по-моему, это было бы справедливо. В смысле, мужчины тоже должны иметь возможность беременеть. Просто задумайтесь на секунду, проследите за моей логикой.

— Мы следим за твоей «логикой» уже десять минут, и с каждой минутой ты кажешься всё тупее. Ты точно хочешь продолжать? — перебивает его Хайдес.

Эрос его игнорирует.

— Если бы мужчины тоже могли рожать детей, мир прежде всего стал бы справедливее. И потом, появилась бы двойная интрига! Сейчас сюрприз только один — узнать, мальчик будет или девочка. А при таком биологическом равновесии пара ещё спрашивала бы себя: «Эй, а кто из нас двоих забеременел?» Ну разве не весело?

Эрос обводит нас взглядом и наконец останавливается на мне.

— Даже не думай, что я с тобой соглашусь, — предупреждаю я. — Я только пришла, а мне уже хватило.

Он закатывает глаза и выхватывает стакан из рук Аполлона ровно в тот момент, когда тот подносит его ко рту. Осушает одним глотком и с силой ставит на стол.

— Где Афри? — спрашиваю я.

Язык Гермеса сейчас во рту девушки, с которой он танцует, но у него какой-то невероятный талант к многозадачности, и он вскидывает руку, указывая в сторону танцпола.

Я сразу её замечаю. Длинные светлые волосы взлетают в такт музыке, а блестящее платьице сверкает ярче всего в этом зале. Афродита двигается под незнакомую мне песню в окружении нескольких своих танцовщиц. Она смеётся, запрокинув голову, и хотя все вокруг стараются заниматься своим вечером, очевидно, что время от времени они всё равно поглядывают в её сторону. Она — главная достопримечательность Сада наслаждений, а возможно, и всего Олимпа. Красивая, солнечная, весёлая и добрая со всеми. Иногда кажется невозможным, что она вообще существует.

— Как прошло сегодня? — спрашивает Хайдес, барабаня пальцами перед моим лицом, чтобы привлечь внимание.

Розоватый свет с потолка падает на его лицо, создавая игру теней на шраме, пересекающем левую половину.

— Как обычно. Мужиков-мудаков избивают до полусмерти, а потом угрожают им тетраплегией, — отвечаю я. — Сплошное счастье.

Он улыбается.

— Великолепно. Молодец.

— А у тебя как дела?

Хайдес проводит рукой по волосам.

— Укладка идеальна, новый лак, который я тестирую, действительно отлично держит, даже несмотря на поездки на мотоцикле. Я доволен.

Я вздыхаю.

— Ты ведь спрашивала про мои игры, да? — добавляет он.

— Ага.

— Отлично.

— Как вернёшься домой, напишешь отзыв на лак в своём блоге на Tumblr? — насмехается Гермес.

Хайдес толкает его локтем.

— Почему бы тебе не вернуться к языку этой незнакомки и не перестать трахать мне мозги?

Девушка, о которой идёт речь, даже не замечает, что Гермес разговаривает с нами; она смотрит на него широко раскрытыми глазами, полностью поглощённая зрелищем нашего брата. Он почти на всех действует именно так. Здесь люди готовы убить за каплю его внимания.

— И вообще, у меня нет Tumblr! — уточняет, как обычно, Хайдес. — Сколько ещё раз мне придётся это повторять? Я начинаю раздражаться.

— Отлично, продолжай в том же духе. Я как раз и хочу тебя разозлить. Я не смогу спокойно спать, пока не буду уверен, что довёл тебя…

Хайдес протягивает руку и щиплет его за бок. Гермес взвизгивает и подпрыгивает на месте.

— Ай! Ты же знаешь, у меня бока чувствительные! — Он поворачивается к незнакомке. — Любовь моя, увидимся позже. Я сам тебя найду.

Гермес всё ещё хмурится и растирает место, за которое его ущипнул Хайдес, пока силой втискивается на диванчик. Мне приходится придвинуться к Аполлону, а тот, в свою очередь, чуть не оказывается на коленях у Эроса.

— Полегче, громила, — предупреждает тот. — Я маленький, а в тебе сто килограммов мышц. Ты меня раздавишь.

— Сядь на колени к Хайдесу, уверен, он будет в восторге, — ухмыляется Гермес.

Эрос понимает, что это шутка, но всё равно пытается запрыгнуть брату на колени. Тот реагирует мгновенно и всей ладонью упирается нашему другу в лицо.

— Даже не пытайся, а то я сделаю тебя ещё сантиметров на двадцать ниже.

Аполлон давится смешком.

Эрос смотрит на него с гримасой.

— Как так получается, что ты вечно молчишь, но всегда готов поржать над другими?

Каждый вечер проходит примерно так же, перепалки здесь в порядке вещей. Мне больше нравится наблюдать за ними, чем участвовать. Тем более меня почти никогда не втягивают: все знают, что я обидчивая и плохо реагирую на шутки в свой адрес.

— Кстати... — Эрос повышает голос, прерывая очередную словесную дуэль Гермеса и Хайдеса. — Вы уже познакомились с новой девушкой, которую взяли в клуб?

— Какой ещё «новой девушкой»? — спрашивает Аполлон.

— Психея. — Эрос вздыхает, подперев лицо рукой. — В мифе Эрос и Психея, то есть я и она, связаны страстной и волшебной историей любви. Но в этой реальности... она, конечно, красавица, но я ей вообще не интересен.

Гермес чуть приподнимается с диванчика и, прищурившись, оглядывается по сторонам. Вечно ему всё надо знать.

— Где она? Мне интересно. Афри мне ничего не сказала!

— Сегодня у неё первый день, и у неё есть собственное шоу, которое начинается... — объясняет Эрос, потом его взгляд замирает где-то за нашими спинами, и он улыбается. — Прямо... сейчас.

Не добавив больше ни слова, Эрос перелезает через Хайдеса, который вжимается в спинку дивана и возмущается:

— Какого чёрта ты делаешь?

Эрос вприпрыжку удаляется от столика, лавируя между посетителями, и исчезает из виду.

Хотя ничего особенно странного в этом нет. Эрос непредсказуем.

Гермес уже собирается последовать за ним, неспособный заниматься своими делами дольше одной секунды, но свет гаснет, и зал погружается в кромешную тьму. Кто-то что-то бормочет, другие издают возбуждённые и любопытные возгласы. На потолке загорается единственный прожектор и бросает розовый свет на одну из небольших сцен посреди танцпола, в центре которой установлен шест для пилона.

— Психея была смертной принцессой, прославившейся своей невероятной красотой, — раздаётся голос Эроса, усиленный микрофоном. — Девушка была настолько прекрасна, что люди начали почитать её почти как богиню; это вызвало ревность Афродиты, потому что мужчины стали пренебрегать её храмами и вместо этого чествовать Психею. Тогда богиня любви решила наказать девушку и велела своему сыну Эросу заставить её влюбиться в самого уродливого мужчину на свете. Но когда Эрос увидел Психею, он был поражён её красотой и сам в неё влюбился. Он спас её и увёз в зачарованный дворец, где она жила в окружении богатств и имела всё, что только могла пожелать. Их любовь была тайной, потому что Эрос приходил к ней по ночам и не позволял увидеть своё лицо. Он просил доверять ему и никогда не пытаться на него посмотреть. Какое-то время всё шло хорошо, пока завистливые сёстры Психеи не внушили ей, что Эрос может оказаться ужасным чудовищем и что она обязана узнать правду о его внешности.

В толпе словно открывается узкий проход. Я вижу только чью-то голову, которая движется прямо к сцене.

— Однажды ночью Психея зажгла лампу, пока Эрос спал, и обнаружила, что он бог любви, сын Афродиты. Капля масла из лампы упала юноше на кожу и разбудила его. Почувствовав себя преданным любимой, он сбежал. Психея искала его повсюду, желая заслужить прощение, и в конце концов пришла к Афродите просить помощи. Богиня назначила ей четыре почти невыполнимых испытания, но благодаря помощи Психея сумела пройти почти все. Ошибку она совершила лишь в самом конце.

Новая девушка обходит небольшую сцену, поднимается по двум боковым ступеням и начинает медленно кружить вокруг пилона, держась за него одной рукой.

— Ей нужно было спуститься в Аид к Персефоне и попросить у неё шкатулку, в которой хранилась часть её красоты. Психея решила украсть немного себе, чтобы стать ещё прекраснее ради Эроса. Она открыла шкатулку, но внутри оказалась вовсе не красота, а волшебный сон, погрузивший её в состояние, похожее на смерть. Но Эрос так и не перестал её любить; он нашёл Психею и разбудил. А затем попросил Зевса сделать её бессмертной, и она стала богиней, после чего они поженились.

На фоне начинает играть музыка, тише голоса Эроса, продолжающего рассказ. Психея движется вокруг пилона, её тело всё ещё скрыто тенью, но розовый свет очерчивает мягкие изгибы силуэта.

— По-гречески «Психея» означает «душа», «дыхание жизни»... и «разум». А её миф трактуют и как историю духовного взросления, и как путь к обретению настоящей любви.

Рука Психеи легко скользит по металлу пилона, тело раскрыто наружу. Лица в темноте не видно, но я различаю очертания волос. Похоже на густое гладкое каре.

— Дамы и господа, поприветствуем в Саду наслаждений нашу Психею!

Посетители аплодируют, кто-то свистит. Гермес подпрыгивает на диванчике, глаза сияют от восторга, словно он и сам вот-вот нырнёт в толпу.

Музыка становится громче — медленная, с гипнотическим ритмом, а тело Психеи движется так, будто мелодию написали специально для неё.

Свет останавливается на её фигуре, позволяя мне наконец рассмотреть её. Волосы подстрижены в каре с чёлкой и окрашены в электрический синий — думаю, это парик. Вокруг глаз синие блёстки, складывающиеся в очертания двух крыльев бабочки. Тело обтянуто топом и короткими шортами.

Психея кладёт одну руку поверх другой на пилон, одновременно цепляясь за него внутренней ногой. Внешняя обхватывает шест, позволяя телу вращаться, пока она плавно опускается вниз.

Это не вызывающее шоу. Совсем не такое впечатление она производит. Наоборот, это похоже на изящный, утончённый танец. Каждое её движение лёгкое и невесомое, и она заставляет искусство pole dance казаться до смешного простым, хотя на самом деле для него нужны сильные мышцы и огромная нагрузка на руки, плечи и ноги.

Публика заворожена. Мне достаточно пробежаться взглядом по лицам ближайших зрителей, чтобы увидеть у каждого одно и то же выражение: приоткрытые рты, широко распахнутые глаза, следящие за каждым движением Психеи так, словно оторваться от неё невозможно.

Я тоже смотрю. И чем дольше смотрю, тем сильнее понимаю: весь остров может вспыхнуть и сгореть дотла, а я всё равно останусь здесь и дождусь конца её выступления, прежде чем побегу спасаться.

Психея зажимает пилон бёдрами и на короткое мгновение отпускает руки, затем мягко выгибает спину. Она удерживается в таком положении под шквал аплодисментов. Но они тут же стихают, когда её длинные ноги поднимаются выше головы и она цепляется за пилон под коленом. Тело остаётся перевёрнутым, и зал взрывается восторженными криками.

Она снова встаёт, и даже это умудряется сделать так, будто нет ничего проще, а потом продолжает обходить пилон, держась за него одной рукой. Я плохо вижу её лицо, но мне кажется, она улыбается.

К сожалению, я понимаю, что это финальный элемент выступления. Психея раскручивается вокруг пилона: одна нога согнута так, словно она сидит, вторая вытянута вперёд. Корпус слегка отклонён назад, пока она выполняет завораживающее вращение.

Когда всё заканчивается, мне хочется, чтобы она начала с самого начала.

А когда она кланяется, я настолько ошеломлена, что не могу даже захлопать. Зато Гермес уже стоит и свистит как сумасшедший, засунув два пальца в рот.

— Браво! — орёт он с таким энтузиазмом, что даже Аполлон смеётся. Потом касается рукой ширинки и снова садится. — Кажется, у меня встал.

Хайдес кривится и допивает остатки своего напитка.

— Откуда, чёрт возьми, она вообще взялась? — выдаю я, когда все немного успокаиваются и на танцполе снова начинается безумная пляска.

Я провожаю Психею взглядом, пока она спускается со сцены, обходит её и теряется среди других танцовщиц. Кажется, она подходит прямо к Афродите, и они обнимаются.

— О-о, — дразнит меня Гермес. — Гей-радар запищал. Ну что скажешь? Лесбиянка? Би? Гетеро?

Я открываю рот, но не могу выдавить ни слова.

Хайдес что-то говорит, но его голос доносится до меня как невнятное гудение. Слова превращаются в бессмысленные звуки, будто буквы долетают до уха в случайном порядке и складываются в несуществующие слова.

Я смотрю на электрически-синий парик Психеи, пока он не исчезает из поля зрения, оставляя меня со сжатыми на бёдрах кулаками и странным ощущением в груди.

— Тена, ты в порядке? — зовёт Гермес, размахивая рукой у меня перед лицом.

Я моргаю и наконец фокусирую взгляд на братьях.

— Да, да.

— Точно? — не отстаёт он.

— Я просто думала о том, как сильно люблю женщин.

— Аминь, — отвечают все трое хором.

На следующей неделе я почти бегом покидаю свой клуб, едва заканчиваю игры. Даже не останавливаюсь попрощаться с сотрудниками. Единственная мысль — успеть в игровой зал Афри и не пропустить выступление Психеи.

Каждый вечер она разная. Не только хореография, но и внешний вид. Она надевает разные парики: каре цвета фуксии, белые и зелёные, длиннющие светлые волны, прямые чёрные волосы до бёдер. Похоже, электрически-синий ей особенно нравится, потому что только его я вижу на ней повторно. Вообще-то он и мой любимый. Ей потрясающе идёт любая причёска. Хотя всё это отходит на второй план, как только она начинает двигаться вокруг пилона.

Я никогда не видела ничего подобного.

И мне ни разу не удалось к ней подойти. После выступления она всегда исчезает. Однажды вечером я попыталась последовать за ней сквозь толпу потных, танцующих тел, но она ускользнула, будто растворилась в воздухе. Я уже начинаю бояться, что у меня галлюцинации и на самом деле её не существует.

Мне никогда не было трудно принять свою сексуальность. Я поняла, что меня привлекают только женщины, ещё подростком, хотя подозревала об этом и раньше. Рассказать семье тоже оказалось несложно. Кронос Лайвли может быть зашоренным во

множестве вещей, но ирония судьбы в том, что дочь-лесбиянка для него совершенно приемлема — куда приемлемее желания носить длинные волосы и заводить детей.

Вот и пойми этого ублюдка.

Когда я призналась ему, что я лесбиянка, он ответил:

— Зачем ты мне это говоришь? Это не моя проблема.

Кронос Лайвли — убийца, сексист, женоненавистник, преступник, который избивает собственных детей и устраивает смертельные игры, — союзник ЛГБТК+-сообщества. Возможно, это его первое достоинство. И единственное.

Я бегу по коротким дорожкам острова к клубу. Разница с другими вечерами в том, что сегодня я ужасно опаздываю. У меня было три разных поединка с тремя одинаково отвратительными мужчинами, и я закончила позже, чем рассчитывала. Боюсь, что шоу уже началось, а то и вовсе закончилось.

Я добираюсь до столика, где сидят братья, и, судя по состоянию Гермеса, вечер уже близится к концу.

Я остаюсь стоять и смотрю на них. Они смотрят в ответ.

Аполлон приподнимает бровь.

— Психея уже закончила, — сообщает Хайдес.

Все трое прекрасно понимают, ради чего я примчалась сюда запыхавшаяся и злая.

Разочарование обрушивается на меня с такой силой, что несколько секунд я не могу сдвинуться с места. Наконец киваю и иду к барной стойке. По пути никто не решается меня остановить или заговорить. Вообще-то мало кто это делает и в обычные дни. Но сегодня у меня, наверное, такой вид, будто я готова взорвать весь мир, поэтому даже самые общительные предпочитают держаться подальше.

— Привет, Афина, — здоровается со мной бармен Имерос. — Что тебе налить?

— Виски-сауэр, пожалуйста.

От моего тона улыбка тут же исчезает с его лица. Он поворачивается готовить коктейль, ничего больше не добавляя. Вообще он нормальный, не раздражает меня, как девяносто девять процентов людей, населяющих эту планету. Но сегодня просто не мой вечер.

Поэтому мне почти жаль, когда соседний стул занимает слегка подвыпивший парень с той самой ухмылочкой, по которой сразу понятно: сейчас будет подкатывать.

— Афина Лайвли, — тянет он заплетающимся языком. — Наконец-то мне удалось украсть минутку наедине с самой красивой женщиной Олимпа.

— Здесь полно девушек. Почему тебе обязательно надо было подойти именно ко мне? — устало спрашиваю я.

— Потому что ты всю жизнь была моей запретной мечтой, и я хочу её осуществить.

— Тогда лучше продолжай спать, — отрезаю я.

— Знаешь, я думаю...

— Нет, спасибо.

— Я думаю, ты могла бы дать мне шанс. Даже просто перепихнуться. Одной ночи с тобой мне хватило бы, чтобы прожить остаток жизни счастливым.

— Я лесбиянка.

— Я знаю.

— Это значит, что мне нравятся женщины.

— Я знаю.

— А ты мужчина.

— Я знаю.

— Тогда какого хрена тебе надо?

— Ты вообще пробовала секс с мужчиной? Может, ты на самом деле не лесбиянка и обнаружишь, что тебе нравится ещё и…

Мой мозг отключается. Это происходит автоматически, когда начинаются подобные разговоры. *Ты уверена? А с мужчиной ты когда-нибудь пробовала? Откуда ты знаешь, что тебе нравятся только женщины, если никогда не была с мужчиной? Может, я сумею тебя переубедить.*

Поначалу я ещё тратила время на ответы. Моим любимым было:

— Мне не нужно пробовать быть с мужчиной, чтобы знать, что они все мне отвратительны и люблю я только женщин.

Потом перестала. Теперь просто позволяю им нести чушь, а в конце их обезьяньих монологов встаю и ухожу. Через несколько минут всем надоедает. Большинство мужчин, которым нужен только секс, не тратят слишком много сил на трудную или невозможную добычу — просто переключаются на следующую.

Но блондин рядом со мной, похоже, отличается от остальных мужчин, с которыми мне не повезло столкнуться.

— Я сказала тебе нет, — повторяю я.

— Да ладно! Хочешь сказать, что вообще не считаешь меня привлекательным? Ни капельки? — Он красуется на стуле, выпрямляет спину и вскидывает подбородок.

— Какая часть фразы «мне нравятся женщины» тебе непонятна?

— Всё понятно, но я думаю, тебе могли бы понравиться и мужчины, если бы ты просто…

— Могу гарантировать: ей нравятся только женщины, — вмешивается незнакомый женский голос. — И я — больше всех.

Я успеваю повернуться ровно настолько, чтобы узнать электрически-синий парик Психеи и блёстки вокруг глаз. Она обхватывает меня за шею — собственнически, но мягко — и впечатывается губами в мои. Не ждёт ни секунды: тут же размыкает мои губы и скользит внутрь горячим влажным языком, превращая поцелуй в страстный.

Ноги становятся ватными — отчасти из-за шока от неожиданного жеста, отчасти потому, что поцелуй слишком интимный, почти неприлично интимный, а её запах окутывает меня и заставляет хотеть ещё сильнее. Что само по себе абсурдно, учитывая, что до этого мы ни разу даже не разговаривали.

Когда Психея отстраняется, она оставляет руку у меня на талии и улыбается парню.

Он застыл, распахнув глаза.

— Ну, мы могли бы повеселиться втро…

Из горла Психеи вырывается почти звериное рычание.

— Мне не нравятся мужчины. Я лесбиянка, дружок. И она тоже. Так почему бы тебе не свалить?

Он уходит, фыркнув и пробормотав что-то себе под нос.

— Можешь не бормотать! Тебе надо научиться принимать отказ, малыш-переросток! — кричит она ему вслед, провожая взглядом.

Её смех высокий, похожий на звон множества маленьких колокольчиков. Такой забавный и почти детский по сравнению с тем, как она двигается вокруг пилона.

Её глаза снова обращаются ко мне, и смех становится ещё громче. Наверное, у меня сейчас самое глупое выражение лица в истории, пока я изо всех сил стараюсь не прикоснуться к губам, чтобы убедиться: то, что, как мне кажется, только что произошло, действительно произошло.

— Пожалуйста, не благодари, — говорит она.

В её голосе тоже есть что-то забавное и располагающее. Очень солнечное. Напоминает Гермеса, только в женской версии.

— Тебе никто никогда не говорил, что нельзя вот так внезапно целовать людей без их согласия?

Тем временем Имерос протягивает мне мой напиток и тут же отходит.

Психея перехватывает стакан и отпивает через жёлтую трубочку. Морщится.

— Кисло. Я больше люблю сладкое.

Впервые она оказывается достаточно близко, чтобы я могла рассмотреть каждую черту её лица. Глаза большие и круглые, в них блестят озорство и чистая радость жизни. Мне, если уж совсем честно, совершенно незнакомая. Губы непропорциональные: верхняя гораздо тоньше нижней, обе покрыты ярко-розовым блеском. Носик идеальный — чуть вздёрнутый, с круглым кончиком, усыпанным маленькими звёздочками, приклеенными к коже. На щеках их меньше — думаю, часть отклеилась от пота, пока она танцевала или выступала на пилоне.

— Но вообще ты права, — продолжает она и снова отпивает мой коктейль. — Нельзя вот так целовать людей. Поэтому можешь забрать поцелуй, который я у тебя украла. Когда захочешь.

Я медлю. Какого чёрта она вообще несёт?

Она расхохоталась.

— Прости, я плохо соображаю рядом с красивыми девушками. Это мой недостаток. И чем привлекательнее они мне кажутся, тем больше херни я говорю, а ещё начинаю тараторить, путаться в словах, проглатывать их, пока вообще ничего нельзя разобрать, и люди смотрят на меня ровно с тем выражением лица, которое сейчас у тебя! — последнюю часть она почти выкрикивает и тычет в меня указательным пальцем.

Ногти у неё выкрашены в разные неоновые цвета.

К эксцентричным личностям я привыкла, всё-таки я живу с Гермесом Лайвли. Но она... она просто с другой планеты. Смотрит на меня, пьёт мой коктейль и покачивает головой в ритм песни, которая играет в зале.

— Значит, сегодня ты пропустила моё выступление, — продолжает она.

— Что?

— До этого ты не пропустила ни одного. Я тебя вижу.

Чёрт.

Я пытаюсь уйти в оборону и не показать ни одной эмоции.

— Ты ошибаешься. Наверное, путаешь меня с кем-то другим.

Психея склоняет голову набок и ухмыляется.

— Тебя невозможно с кем-то перепутать.

— Это комплимент? — уточняю я.

— Ты единственный человек, который постоянно выглядит так, будто всех ненавидит. Ты на кого-то злишься?

— На всё население планеты.

Я забираю стакан обратно, вырывая его у неё из рук. Там осталось совсем немного, и я допиваю всё одним глотком.

— Вообще-то ты моя любимая зрительница, — спокойно признаётся она.

— Я?

Она мне подмигивает.

— Просто чтобы понимать… ты правда лесбиянка или просто подыграла мне, чтобы отвязаться от того типа?

Она снова смеётся. Кажется, за последние несколько минут я услышала больше смеха, чем за всю жизнь, если не считать Гермеса.

— Конечно правда. Иначе я бы не предложила тебе поцеловать меня ещё раз.

Я замолкаю. Эта девушка приводит меня в полнейшее замешательство. На пилоне она похожа на богиню — недосягаемую, загадочную, окружённую какой-то мощной аурой. А потом оказывается передо мной вот такой: пьяный эльф, который не способен молчать дольше двух секунд.

Я прошу у Имероса ещё один виски-сауэр, и он забирает пустой стакан.

— Господи, какая же ты бука. Я не пойму: у тебя лицо навсегда застряло в этом выражении или ты меня ненавидишь?

Я сдерживаю улыбку.

— Я тебя не ненавижу.

— Вот именно. Иначе не приходила бы сюда каждый вечер на меня смотреть.

— Я приходила сюда каждый вечер ещё до того, как ты начала здесь работать, если уж совсем жестоко разрушить твои иллюзии.

— Да-а? А я заметила, что ты всегда уходишь сразу после моего выступления. — Она приближается, пока кончики наших носов не соприкасаются. На лице у неё наглая ухмылочка. — Ты мной одержима?

О Боже.

— Может, это ты «одержима», если замечаешь меня среди толпы обожающих глаз и ещё отслеживаешь, когда я ухожу.

Она отстраняется, хмуря губы и обдумывая мои слова.

— Возможно. Вообще-то тот поцелуй не был импровизацией. Я ещё до того, как заметила этого идиота, который решил обратить тебя в гетеро силой своего волшебного члена, шла к тебе именно затем, чтобы поцеловать.

Меня так сильно передёргивает, что она это замечает.

Психея тычет в меня пальцем.

— А! Почти засмеялась!

— «Почти».

Она надувает губы.

— Бука вернулась.

Имерос ставит передо мной второй напиток. Психея присваивает его раньше меня и выпивает половину.

— Ты вообще никогда не веселишься, да? — спрашивает она.

Я пользуюсь моментом и отбираю стакан.

— Каждый вечер избиваю отвратительных мужиков. Не сказала бы, что совсем не развлекаюсь.

— О, неплохо, — отзывается она, и, кажется, совершенно искренне. — Но я не только об этом. Я про настоящее веселье. Про ту радость и лёгкость, с которыми иногда вообще-то стоит относиться к жизни.

— Трудно жить «легко», когда ты дочь Кроноса Лайвли.

На мгновение из её глаз исчезают живость и возбуждение, уступая место лёгкой печали.

— Верно. Полагаю, Афродита не единственная, кому досталась непростая жизнь.

— У всех нас всё дерьмово, да. — Я бросаю на неё косой взгляд. — А ты как вообще оказалась у него на работе?

Она пожимает плечами.

— Деньги.

— Логично.

Психея больше ничего не говорит. Упирается локтем в барную стойку, кладёт подбородок на ладонь и внимательно на меня смотрит. Изучает совершенно бесстыдно, её огромные глаза не отрываются от меня, словно она пытается что-то найти.

Я остаюсь неподвижной, чувствуя себя неловко. Наверное, это тот момент, когда она понимает, что я не такая интересная, как моя сестра или братья. Тот момент, когда до неё доходит, что я просто бесстрастная глыба мрамора, которая всё держит внутри и не способна расслабиться даже настолько, чтобы улыбнуться. Я полная её противоположность: она не может прожить и минуты без смеха. Сейчас она решит, что тратить на меня время бессмысленно, и вернётся на танцпол веселиться с более жизнерадостными людьми, у которых в голове нет такого количества тараканов.

Меня так воспитали, и я уже не думаю, что это можно исправить. Кронос говорил, что я должна быть неуязвимой, что нельзя позволять ни одной эмоции вырваться наружу. Что я должна отсечь от себя весь мир и сосредоточиться только на себе, на важных вещах, на том, что действительно имеет значение. Мне никогда не позволяли плакать, потому что сильная женщина вроде меня не может ныть.

Неуязвимая. Никаких эмоций. Веселье — пустая трата времени. Ты мужчина.

Меня учили, что я должна быть только сильной и холодной. Безжалостной. Умной. И больше ничем.

Я знаю, что со мной не слишком приятно проводить время.

Когда я снова смотрю на Психею, то уже собираюсь попрощаться первой. Гордость велит уйти раньше неё, чтобы не дать ей возможности отвергнуть меня.

Но она наклоняется вперёд и снова меня целует. На этот раз не страстно и грубо, как в первый. Это мягкий, нежный поцелуй, который длится дольше предыдущего. Она уверенно двигает губами, слегка прикусывает мою нижнюю и удерживает равновесие, прижав ладонь к моему бедру.

По позвоночнику проходит дрожь, и мне требуется вся сила воли, чтобы не застонать как отчаявшаяся идиотка.

Она едва отстраняется, но не перестаёт смотреть мне в глаза.

— У тебя серьёзные проблемы с тем, чтобы целовать людей, — бормочу я.

— Это был единственный способ заставить тебя улыбнуться, бука.

— Я не...

Я подношу руки ко рту, касаясь губ, словно иначе не могу их почувствовать. И правда — я улыбаюсь. Осознание этого заставляет меня вспыхнуть, щёки начинают гореть.

— После первого поцелуя ты тоже улыбалась. Я решила, что единственный способ снова увидеть твою улыбку — поцеловать тебя ещё раз.

— Ты самоуверенная.

— Ты мной одержима, — повторяет она ту же фразу, которую бросила мне совсем недавно, с тем же двусмысленным тоном и наглой ухмылкой.

— Это ты первая меня поцеловала. Дважды, — напоминаю я.

— Не обольщайся, Афина Лайвли.

— То есть ты со всеми так?

— А если да?

Меня накрывает приступ ревности, и я остаюсь хватать ртом воздух как полная идиотка. У меня нет никаких причин так себя чувствовать, мы только что познакомились. Да и вообще, я не дала ей ни единого повода хотеть оставаться здесь со мной.

Неуверенность обрушивается с привычной силой, чтобы испортить ещё один момент моей жизни. Знакомый ледяной холод разливается по телу, когда недовольство собой заставляет меня прятаться от чужих глаз.

Если отступить и ничего не показать, никто не узнает, какая ты на самом деле. Лучше оставаться загадкой, неприступной стеной, за которую невозможно заглянуть, даже если попытаться вскарабкаться наверх.

— Тебе лучше вернуться на танцпол и повеселиться, — говорю я холодным тоном. Тем самым, который годами училась доводить до совершенства. Само воплощение безразличия. — У меня есть дела.

Психея приподнимает бровь, но не настаивает. Снова увеличивает расстояние между нами, слегка пошатываясь на каблуках. Открывает рот — не знаю, чтобы сказать, что ушла бы и без моего приглашения, или что-нибудь ещё.

Её спасает другая сотрудница Афродиты. Имени я не помню, но она очень красивая и хватает Психею за талию в слишком уж интимном объятии.

— Ты куда пропала? Возвращайся к нам! — кричит она.

Психея позволяет увести себя, но глаз с меня не сводит. К счастью, толпа поглощает их, и синий парик исчезает из виду.

Я остаюсь сидеть так долго, что успеваю насчитать четыре разные песни. Неподвижно смотрю на сжатую в кулак руку, лежащую на стойке. Пока прямо перед моим носом не появляются пальцы Имероса, двигающиеся из стороны в сторону и возвращающие меня в реальность.

Я вздрагиваю.

— Она спрашивала о тебе, знаешь?

— Что? Кто?

Он кивает в сторону танцпола.

— Психея. В первый вечер, когда выступала.

Я замираю.

— Ага.

Он ухмыляется.

— Не хочешь узнать подробности?

— Только если сам хочешь рассказать. Мне всё равно.

— Ладно-а-а, — тянет он и собирается уйти.

— Что она спрашивала? И что ты ей ответил? — выпаливаю так быстро, будто не хочу, чтобы он разобрал ни слова.

Он возвращается, наклоняется к стойке и несколько секунд наблюдает за веселящейся толпой.

— Она спросила про трёх братьев и сестру Афродиты. Я объяснил, что вы всегда сидите за своим обычным столиком. Вообще-то она и сама уже догадалась, кто вы, пока наблюдала за вами.

— И...

— Задала по одному вопросу о каждом. А на следующий вечер вернулась с вопросом только о тебе.

Я хватаю стакан и осушаю его.

— А.

— И на следующий вечер тоже.

— Да скажешь ты наконец, какого хрена она спрашивала?

Имерос смотрит, как я с силой ставлю стакан на стойку, и с совершенно невозмутимым видом забирает его.

— Она спросила, какая ты вообще.

— И какой «вообще» ты меня описал?

Он на секунду задумывается.

— Ну... очень закрытая, отстранённая, к тебе непросто подойти. Самая серьёзная из всех вас, это точно. Предана работе и ненавистница мужчин номер один.

Я жду, но он больше ничего не добавляет. Жду, пока к горлу не подкатывает желчь.

— И всё? — шепчу я.

— М-м?

— Ты больше ничего ей обо мне не сказал? Это всё, что я из себя представляю?

Он отстраняется. Я перегнула с тоном, сама слышу, насколько разозлилась. Хочется успокоить его и сказать, что злюсь не на него, а на себя. Но это бессмысленно, а показывать себя настолько уязвимой я ненавижу.

Я выдавливаю улыбку. Ту самую, которой научилась: почти неподвижную, едва заметную, вежливую и холодную.

— Спасибо. До завтра.

Я сбегаю из клуба, всё ещё слыша за спиной голос Имероса, который меня зовёт. Всё тело кипит от злости. К этому чувству я привыкла, но каждый раз оно всё равно парализует меня и отключает мозг. Любую эмоцию я ощущаю ярко, но со злостью всё иначе. Она словно усилена во много раз: если остальные чувства — слабые огоньки, тихо потрескивающие внутри, то моя ярость — пожар, который разрастается с каждой секундой.

Я быстро иду, пытаясь привести мысли в порядок. Иду без цели и в конце концов оказываюсь на пляже. Туфли проваливаются в песок, заставляя меня выругаться, поэтому я снимаю их и швыряю в сторону. Плевать, если потеряются.

У самой воды я опускаюсь на колени и прижимаю ладони к земле, позволяя прохладной воде намочить их. С закрытыми глазами смачиваю сгибы локтей и шею сзади.

Имерос не виноват.

Я не могу злиться на него за то, что он видит меня именно такой и именно так описывает. В конце концов, это я сама кажусь холодной, отстранённой и неприступной. Так меня воспитали, такой меня научили быть. После стольких лет измениться трудно.

Просто... мне хочется быть чем-то большим. Хочется обладать столькими качествами, которые я вижу в братьях и сестре. Хочется не впадать в панику рядом с

людьми, не закрываться в себе из-за того, что я кажусь себе неинтересной, неостроумной и вообще не тем человеком, с которым приятно разговаривать.

Краем глаза я замечаю слева две ракушки. У одной отколот кусочек, но я всё равно её подбираю. Чуть дальше лежит ещё одна.

Я верчу их в руках, вспоминая ту игру, которую Афродита предложила мне, когда мы были младше. Я больше ни разу её не повторяла: отчасти потому, что мне нравилось делать это вместе с ней, а отчасти потому, что я перестала желать того, чего, как заранее знаю, у меня никогда не будет.

Но сегодня ночью всё иначе. На груди лежит тяжесть, а голову переполняют навязчивые мысли. Мне нужно хоть чем-нибудь отвлечься. Чем угодно.

Я беру первую ракушку и наполняю влажным песком.

— Я хочу уметь так же легко заводить друзей, как Афродита, — бормочу я и ставлю её у самой кромки воды, в песок.

Наполняю вторую, подношу к губам, словно желание нужно прошептать именно ей и услышать его должна только она.

— Я хочу быть такой же смешной, как Гермес, с его чувством юмора, от которого все всегда смеются.

Третья.

— Я хочу… — Я замолкаю. — Я хочу такой же харизмы, как у Хайдеса. Такой, из-за которой люди не думают, что от тебя нужно держаться подальше, а наоборот хотят узнать тебя поближе, потому что чувствуют: за суровой оболочкой скрывается что-то интересное.

Остаётся последняя. Аполлон. Пожалуй, именно он больше всех похож на меня. Он тоже всегда замкнут в себе, но иногда всё же способен открыться. Он — дверь с тончайшей щелью, через которую можно хоть что-то увидеть. Я — запертая дверь, заколоченная железными досками. И, в отличие от меня, его присутствия никто не избегает. От него знают, чего ждать: спокойствия, сдержанности, вежливости. А я — бомба с часовым механизмом, рядом с которой страшно даже сесть, потому что не знаешь, когда она взорвётся.

— Я хочу такого же спокойного присутствия, как у Аполлона. Такого, которое никого не напрягает.

Я смотрю на четыре ракушки, расположенные передо мной на разной высоте. Морские волны лениво подбираются к ним и слегка касаются, но не сдвигают с места.

Несколько мгновений есть только я, солёная вода и далёкая музыка.

Я привыкла всегда быть настороже, поэтому замечаю присутствие другого человека ещё до того, как он останавливается у меня за спиной и начинает говорить.

Афродита медлит, затем садится рядом со мной на песок. Увидев ракушки, она улыбается, поняв, что её игра осталась в моей памяти настолько прочно, что мне захотелось повторить её.

— Что произошло в клубе? — спрашивает она.

— Ничего.

— Я видела, как ты разговаривала с Психеей, потом с Имеросом. Я знаю, как ты выглядишь, когда злишься, а то, как ты вскочила и ушла, было чистой яростной Афиной.

— Ничего не случилось, правда. Я ненавижу музыку, танцующих людей и весь этот шум…

Афродита поворачивается и пригвождает меня к месту своими голубыми глазами, подчёркнутыми линией металлически-синей подводки.

— Ты правда всё это ненавидишь или просто думаешь, что должна ненавидеть?

— Что?

— Сколько вещей, как тебе кажется, тебе не нравится только потому, что Кронос научил тебя их не любить? Сколько вещей, как тебе кажется, ты собой не являешься только потому, что Кронос навязал тебе, какой ты должна быть?

Впервые в жизни я остаюсь без слов. Без ответа.

Хотя Афродита его и не требует. Она не из тех, кто давит, заставляя говорить, и уж точно не стремится победить в споре. Поэтому даже не подталкивает меня придумать хоть что-нибудь. Она обнимает меня за плечи. Я наклоняюсь и кладу голову ей на грудь.

— Твой разум — невероятное место, Тена, — шепчет она. — Тебе просто нужно самой научиться его узнавать. Ты не виновата.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 3. «Я ХОЧУ ТАНЦЕВАТЬ ТАК, БУДТО НИКТО НЕ ЗНАЕТ, КТО Я»

Среди обязанностей Афины была и защита домашних ремёсел: именно ей приписывали передачу смертным искусства шитья и приготовления пищи. Считалось также, что она изобрела авлос, но, увидев в отражении, как от усилий при игре исказились её щёки, с негодованием отбросила инструмент. Брошенный авлос подобрал сатир Марсий.

Афина, девятнадцать лет

Снова видеть наши игровые залы после нескольких месяцев, проведённых в кампусе Йеля, — странная смесь ностальгии и ужаса. Осознание того, что наш отец снова рядом, вызывает тревогу, от которой никак не удаётся избавиться. Не то чтобы географическое расстояние мешало ему давить на меня, звонить, писать и раздавать приказы, конечно.

В Йеле жизнь легче, но счастливой она всё равно не становится. Я не уверена, что счастье вообще положено каждому из нас, это было бы утопией. Но мне хочется верить — и я надеюсь, — что хотя бы однажды в жизни его испытывают все. Рано или поздно очередь ведь доходит до каждого, правда?

Я несчастлива здесь, на Олимпе, и в Йеле тоже несчастлива.

Так, где же я тогда буду счастлива?

У меня отвратительное предчувствие, что счастье будет обходить меня стороной до самой смерти Кроноса. В жизни человека, которому приходится иметь дело с Кроносом Лайвли, счастью просто неоткуда взяться.

Я любимая дочь своего отца.

Я любимая, но не в хорошем смысле. Именно от меня он ждёт слепого послушания, верности его принципам и больной морали. А я хотела бы быть просто дочерью своего отца. И ничем больше.

Здесь меня боятся. В Йеле — тоже. Гермес — душа любой компании, всеобщий любимчик, куда бы он ни пришёл и где бы ни оказался. Хайдес — загадочный, тот, о ком все задаются вопросами. Афродита — невероятно красивая девушка, которой завидуешь и чьего общества хочется. Аполлон — спокойное присутствие, будто воплощающее самую тихую часть нашей компании.

И всё же я не могу сдержать улыбку, пусть и едва заметную, когда переступаю порог клуба Афродиты. До открытия ещё несколько часов, весь свет выключен, кроме нескольких маленьких прожекторов. Имерос стоит за стойкой и проверяет запасы нужного алкоголя, а Афродита разговаривает с несколькими сотрудницами. Через несколько секунд она исчезает в приватной зоне.

Эрос в своём ярко-зелёном костюме следует за ней как щенок.

— С возвращением, Афина, — приветствует меня Имерос.

— Привет. Как ты?

— Отлично, пожалуй. А ты? Как Йель?

Я кривлюсь.

— Там есть один парень, который постоянно посвящает мне стихи и зовёт на свидание. Не думаю, что он до конца понял концепцию «гомосексуальности».

Имерос громко хохочет.

— «Стихи»? Вау. Но старания-то ты могла бы оценить.

Как его зовут? Ли... ам? Лиам. Хотя я почти уверена, что однажды он представился мне каким-то итальянским именем, и я до сих пор не понимаю зачем. Вообще-то он неплохой человек, но рифмы у него по-настоящему ужасные.

— А если говорить о красивых девушках? На любовном фронте никаких подвижек?

У меня вырывается вздох, отчего его любопытство только усиливается. Вообще-то одна девушка есть. Её зовут Блю Монтгомери, и у меня не хватает смелости даже представиться. Она наверняка знает, кто я, просто кажется такой же закрытой и интровертной, как я сама. А это, без сомнения, огромная проблема, потому что два интроверта вместе — безнадёжная катастрофа.

Я до сих пор удивляюсь, как мне хватает смелости выходить против мужчин на ринг и участвовать в играх нашего отца, но при этом я слишком труслива, чтобы заговорить с красивой девушкой.

Правда в том, что физически я сильная, а вот голова у меня хрупкая. Однажды Гермес сказал, что я каменный кирпичик, внутри которого одни перья. Если бросить меня в кого-нибудь, я переломаю ему кости. Но если расколоть меня пополам, ко мне нельзя будет даже прикоснуться — я рассыплюсь на кусочки. Какой бы странной ни была эта метафора, она правдива.

— Нет, ничего, — отвечаю наконец. — Несколько случайных перепихонов.

С сексом легко. Когда это ничего не значащие отношения только ради физического удовольствия, я справляюсь. Мне не нужно рассказывать о себе, не нужно быть интересной, не нужно быть смешной, поддерживать компанию или придумывать темы для разговора.

Всё остальное — кошмар.

Внезапно тишину пустого зала нарушает стук каблуков по полу. Я оборачиваюсь, ожидая увидеть сестру. Но пастельно-розовый парик с чёлкой доказывает, что я ошиблась.

Психея пересекает танцпол в шортах и спортивном лифе, направляясь прямо к одной из двух небольших сцен с пилоном. Каждый её шаг кошачий, медленный и элегантный. А когда она слегка поворачивает голову и бросает на меня озорной взгляд, я понимаю: весь этот маленький спектакль предназначен именно мне.

Прекрасно. Я заявилась как раз тогда, когда у неё репетиция перед сегодняшним вечером.

Мы разговаривали всего один раз, прошлым летом. В тот вечер я внезапно её отшила, придумав дела, которых на самом деле не было, потому что мой мозг обожает заниматься самосаботажем. До конца лета я больше ни разу с ней не заговорила. Всегда приходила в клуб Афри уже после окончания её выступления. Искала её в толпе как бы невзначай и позволяла себе только один взгляд в её сторону.

Один. Таково было правило. Только чтобы посмотреть, какой безумный парик она надела сегодня.

И сейчас мне нужно сохранять то же безразличие, хотя это трудно, учитывая, что она ещё красивее, чем я помнила.

Я поворачиваюсь к ней спиной, киваю Имеросу и не свожу глаз с двери.

Усиленный микрофоном голос окликает меня.

— Куда собралась, Афина Лайвли? — спрашивает Психея с притворно-огорчённой и одновременно игривой интонацией.

Я поднимаю руку, не оборачиваясь, и показываю ей средний палец.

Она смеётся.

— Мне нужна публика, которая оценит хореографию, — продолжает она. — Ты мне должна.

Вот это уже заставляет меня обернуться.

— Должна?

Она пожимает плечами.

— Всё прошлое лето ты меня игнорировала.

Чёрт.

— Я тебя не «игнорировала».

— Конечно игнорировала. Ты больше не приходила смотреть мои выступления.

— Ты «одержима мной», — поддразниваю я её той же фразой, которую она сказала мне при нашей первой встрече.

Если мне не кажется, она улыбается.

— Иди сюда. Скажи, что думаешь.

Не знаю, почему я ей уступаю. Может, потому что, помимо её красоты, я безумно любила её выступления. Может, потому что ещё не вошла в фазу самосаботажа. Не знаю, но в итоге хватаю стул у барной стойки и тащу его к сцене. Усаживаюсь прямо под ней, совсем близко. Закидываю ногу на ногу и складываю руки на груди.

— Ну давай.

Психея ухмыляется и поправляет микрофон.

Стоит снова увидеть её выступление, и ноги становятся ватными настолько, что я благодарю себя за идею прихватить стул. Дело не только в изяществе движений, в том, как она зажимает пилон бёдрами и вращается вокруг него, будто для неё не существует гравитации. Дело ещё и в том, что при каждой возможности её взгляд находит мой и больше не отпускает.

Она смотрит нагло, вызывающе, словно прекрасно знает, что я полностью в её власти. Но это не провокация — в её взгляде лишь озорство, наполненное радостью и весельем.

Когда она оказывается вниз головой, переплетённая с пилоном, то замирает. А моё тело само подаётся вперёд, пока наши лица не оказываются друг напротив друга, всего в нескольких сантиметрах.

На её щеках и носу всё ещё рассыпаны те самые веснушки-звёздочки.

Я опираюсь локтями о край сцены, устраиваясь поудобнее, чтобы лучше её рассмотреть.

— Ну и что скажешь? — спрашивает она.

— Мне нравится.

— Придёшь посмотреть на меня сегодня вечером?

— Ты действительно «одержима мной».

Она смеётся, и всё её тело дрожит.

— А ты всё такая же бука.

Лицо у неё краснеет, но, похоже, её это совсем не беспокоит. Я не раз видела её в таком положении и, честно говоря, всегда задавалась вопросом, не становится ли ей плохо.

— Почему ты больше со мной не разговаривала? — внезапно выпаливает она.

Потому что если я буду слишком много с тобой разговаривать, ты поймёшь, насколько я скучная, замкнутая и неспособная веселиться. Чем меньше ты обо мне знаешь, тем больше шансов, что я останусь для тебя привлекательной загадкой.

— Потому что мне нечего было тебе сказать.

— Вау, ну и стерва. Ты мне нравишься.

Одним движением она подтягивается, слезает с пилона и садится рядом со мной, свесив ноги.

— Я не «стерва», это правда.

— Теперь стерва вдвойне. Всё, я точно тобой одержима.

— Ты раздражаешь. Ты вообще хоть что-нибудь воспринимаешь всерьёз?

Она прищуривается.

— А ты вообще хоть к чему-нибудь относишься легко?

— Не твоё дело, — отвечаю я, всё же стараясь говорить вежливо.

В её больших глазах словно вспыхивает искра.

— А постоянно прятаться не утомительно? Разве это не требует огромных усилий?

— А ты разве не прячешься за этими безумными париками и лицом, облепленным наклейками и блёстками? Готова поспорить, даже цвет глаз у тебя ненастоящий и ты носишь линзы.

Её лицо становится серьёзным, ноги перестают раскачиваться, спина выпрямляется. Какое-то время она сидит совершенно неподвижно, и с каждой секундой её лоб хмурится всё сильнее.

Наконец она улыбается мне, каблуки снова начинают покачиваться, а спина расслабляется.

— Значит, у нас всё-таки есть что-то общее.

Совсем не такого ответа я ожидала.

— Может, мне стоит попробовать быть немного серьёзнее, а тебе — меньше хмуриться и меньше закрываться от всех.

— Ты уже перегибаешь, — предупреждаю я.

Без всякого предупреждения её руки оказываются у меня на лице. Кончиками указательных пальцев она приподнимает уголки моего рта и внимательно их рассматривает, изогнув бровь.

— Какого чёрта ты делаешь? — невнятно спрашиваю я, почему-то не в силах её оттолкнуть.

— О-о-о! — восклицает она, широко распахнув рот. — Так твой рот всё-таки умеет улыбаться! Это ты сама решаешь постоянно ходить с кислой миной. Невероятно.

Я мягко отшлёпываю её руки от своего лица.

— Очень смешно.

— Может, мне снова тебя поцеловать, чтобы ты улыбнулась сама по себе.

Я фыркаю.

— Это уже какой-то абсурд.

— Потому что ты не видела, как улыбалась после моего поцелуя.

— Ты одержима.

Она ухмыляется.

— Объясни, как ты вообще здесь оказалась?

Психея усмехается.

— Родители выгнали меня из дома после каминг-аута. Оказывается, иметь дочь-лесбиянку — позор, и я не заслуживаю жить под их крышей, если не начну встречаться

с мужчиной. Какое-то время я жила у подруги, у неё отец грек, и она часто приезжает сюда навещать семью. Она рассказала мне про Кроноса и Олимп, и...

— И?..

Похоже, есть что-то ещё, о чём она не хочет говорить.

— Если честно, я хотела попроситься на работу в твой игровой зал. Но мне сказали, что ты очень придирчива в выборе сотрудников и почти никого не нанимаешь — это вообще редкость. А Афродиту мне посоветовали из-за...

— Из-за её доброты и мягкости, которых у меня, по всеобщему мнению, очевидно нет? — шиплю я.

Психея морщит нос.

— Никто никогда не говорил, что ты не добрая и не мягкая.

— Но никто и не говорил, что я такая. В отличие от моей сестры.

— А ты когда-нибудь пробовала показывать доброту и мягкость? Люди не могут знать, что у тебя есть нежная сторона, если ты её никогда не показываешь.

Добротой ты не заставишь людей тебя бояться. Тебе не нужно им нравиться, нужно, чтобы они тебя боялись, — шепчет голос Кроноса у меня в голове.

Я отмахиваюсь, словно могу вместе с жестом прогнать и сам разговор.

— Вернёмся к тебе. Мне жаль, что с тобой так вышло. Наверное, было тяжело.

Она пожимает плечами.

— По крайней мере, я свободна.

От этих слов становится больно, хотя она не может знать, какое значение они имеют для меня.

— Теперь можно я кое-что спрошу? — нарушает она тишину.

— Нет, — автоматически отвечаю я.

Она смеётся.

— Но ты даже не знаешь, что я собираюсь спросить!

— Что-то личное, да?

— Да.

— Тогда ответ точно нет.

Психея спрыгивает со сцены, и каблуки звонко ударяются об пол.

— Не настолько уж это личный вопрос.

— Ладно.

— Ну пожалуйста, можно?

Я встаю со стула, поднимаю его и направляюсь к барной стойке, откуда Имерос куда-то исчез. Психея следует за мной вприпрыжку, как маленький эльф, а её парик раскачивается из стороны в сторону.

— Ну давай, ну давай, ну давай, ну давай, — начинает она нараспев.

— Господи, какая же ты приставучая. Ладно, спрашивай!

Психея встаёт прямо передо мной, опирается о стойку с напитками и преграждает путь.

— Что тебе нравится делать?

— Что мне «нравится делать»?

— Да, вообще. В жизни. Чем тебе нравится заниматься?

— Боксом. Избивать жестоких мужиков в своём зале.

— Нет, я имею в виду то, что тебя развлекает.

Я даже не моргаю.

— Бокс. Избивать жестоких мужиков в своём зале.

Она сдерживает смешок.

— Это не хобби. У каждого человека есть что-то, чем он занимается в свободное время, чтобы отвлечься и развлечься. Вот про это я и говорю.

Ну, мне нравится читать. Хотя, возможно, по её меркам это не считается «весельем». Но всё равно лучше, чем вообще не иметь ответа.

— Книги. Чтение.

Её лицо озаряет ослепительная улыбка — значит, она довольна, что хоть что-то из меня вытянула.

— Отлично. А ещё?

Я открываю рот. А ещё? Что мне ещё нравится? Понятия не имею. Моя жизнь состоит из бокса, книг, учёбы и необходимости разгребать последствия импульсивной херни моих братьев. И чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, что понятия не имею, что меня развлекает. Я вообще когда-нибудь веселилась в жизни?

Её улыбка гаснет.

— М-м-м.

— Что значит «м-м-м»? Ты меня осуждаешь?

Она распахивает глаза.

— Ой. Нет. Вообще нисколько. Я просто задумалась.

— О чём?

— У меня есть для тебя предложение.

— Нет.

Она запрокидывает голову и смеётся.

— Ты всегда такая? Ты же даже не услышала, что я хочу предложить.

— Уже представляю, что мне это не понравится.

— Если никогда не пробовала, откуда ты знаешь?

Словно Афродиту слышу.

— Ладно, говори.

Психея театрально разводит руки перед собой, будто разворачивает лист с подробным планом.

— Я попрошу у Афродиты выходной вечером, и мы пойдём развлекаться. Ты вообще пробовала заходить в другие игровые залы просто чтобы... не знаю, потанцевать? Попеть? Выпить что-нибудь не кислое? С кем-нибудь познакомиться? Сделать хоть что-то помимо боёв в своём зале и сидения без дела в клубе Афродиты?

— Нет. И не хочу.

— Почему?

— Потому что остальные меня узнают и начнут гадать, что я там делаю.

— Дай понять: тебе, значит, нельзя развлекаться? Людям нельзя увидеть, как Афина Лайвли танцует?

— Нет, — отвечаю я слишком быстро.

Она так долго изучает моё лицо, что мне приходится опустить взгляд на ноги.

— Так вот в чём проблема, да? Здесь все привыкли видеть тебя холодной и неприступной, поэтому другая версия тебя разрушит образ, который ты сама себе создала.

Образ, который создал для меня отец.

— Моему отцу не понравится, если его прихвостни донесут, что Афина, его дисциплинированная и серьёзная дочь, шатается по клубам, пьёт и танцует.

Я не жду, что это признание заставит её передумать. Мы разговариваем всего второй раз, но, кажется, я уже поняла, какая она. Психея из тех упёртых людей, которые не бросают дело, пока не предложат тысячу решений.

— А если ты наденешь один из моих париков и накрасишься так, чтобы тебя не узнали?

Я остаюсь с открытым ртом.

В её глазах вспыхивает всё более яркий огонёк. Идея уже укореняется у неё в голове, и я сомневаюсь, что сумею её оттуда выкорчевать.

Она начинает подпрыгивать на месте и хлопать в ладоши.

— Идеально! Да! Я одолжу тебе один из своих париков, накрашу, наклею звёздочки-веснушки и, может, дам солнцезащитные очки. Например, с линзами в форме сердечек... или круглые, со стразами по оправе. И одежду свою дам. Тогда никто ни за что не догадается, что это ты!

Да, очевидно, никто и не заподозрит.

Но...

Её пальцы обхватывают моё запястье, и прежде чем я успеваю что-либо осознать, Психея уже тащит меня к своей гримёрке. Мы проходим по узкому коридору и вваливаемся в одну из кабинок.

— Психея, нет...

— Тихо. Мы это делаем. Сегодня ночью мы будем веселиться.

— Я не хочу.

— Зануда несчастная.

Зануда?

Я снова собираюсь возразить, но Психея перебивает меня, швырнув в меня неоново-зелёным париком. Я ловлю его и прижимаю к груди ровно в тот момент, когда второй прилетает мне в лицо. Белый.

— По-моему, тебе пойдут зелёный, белый или розовый.

— Психея.

— Что? Давай, скажи, какой ты цветотип, и я выберу подходящий оттенок.

Через час я сижу за столом с семьёй, а парик и одежда, которые я спрятала в своей комнате, весят на душе как самый страшный секрет. От чувства вины пропадает аппетит, а от одного вида вина в бокале меня мутит.

Я боюсь, что отец поймёт: сегодня после работы я собираюсь пойти развлекаться, — просто посмотрев мне в лицо. Одного короткого взгляда ему хватит.

Не прийти на ужин и тем самым избежать этой тревоги нельзя: совместные приёмы пищи священны, пропускать их недопустимо.

Сидящий рядом Гермес наклоняется к моему уху и шепчет:

— У тебя лицо наркоторговца, который спрятал несколько килограммов наркоты в заднице и надеется пройти досмотр в аэропорту.

Я фыркаю.

— Что ты скрываешь? — не отстаёт он.

Я поднимаю глаза на Афродиту, сидящую напротив. Она ест чинно, но смотрит на меня с понимающей ухмылочкой.

В итоге Кронос, кажется, не замечает страшного преступления, которое я намерена против него совершить. Он отпускает нас, желая хорошей работы, а я едва ли не бегу вверх по лестнице. Беру с собой маскировку, которую дала Психея, и провожу обычный поединок в своём игровом зале. Мужчина сдаётся, я отпускаю его,

жена благодарит меня со слезами на глазах, а я заставляю её поклясться, что мы останемся на связи.

Мы с Психеей встречаемся в укромном переулке, который я показала ей перед тем, как вернуться домой. Там нет освещения, поэтому она вздрагивает, когда я неожиданно оказываюсь у неё за спиной. Сердце ёкает, когда я замечаю, что она надела мой любимый свой парик — электрически-синий, только теперь с двумя длинными косами до бёдер. На щеках и носу всё те же звёздочки, а тело обтянуто латексным комплектом: топ с вырезом сердечком и брюки клёш. Образ завершают оранжевые солнцезащитные очки в форме облачков.

Я переодеваюсь за кустом, потому что тревога настолько сильная, что я не хочу входить ни в один клуб в своём обычном виде, а выходить оттуда переодетой волшебным эльфом.

Мне пришлось надеть парик цвета фуксии с чёлкой, длиной до талии. Я настояла именно на длинном, и Психея не стала задавать вопросов — наверное, поняла, что у меня есть личная причина. Одежда у меня такая же, как у неё, только на мне мини-юбка и сапоги до бёдер. Мы специально выбрали полную противоположность тому, что я обычно ношу.

— А теперь посвети фонариком телефона себе в лицо, мне надо тебя немного накрасить, — командует она.

Она приклеивает мне на щёки звёздочки-веснушки, красит тонкие губы яркой красной помадой с блёстками и надевает на меня солнцезащитные очки. Чёрные линзы — в форме звёзд.

Психея отступает на шаг и любуется мной так, словно она Леонардо, а я — Джоконда.

— Идеально. Никто не скажет, что за этой кричащей красавицей скрывается Афина Лайвли.

Красавица.

— Наверное, я выгляжу ужасно, — бормочу я.

— Тебе идёт!

— Только тебе идут все эти... штуки... — Я приподнимаю прядь волос цвета фуксии и пытаюсь одёрнуть юбку пониже. Она слишком короткая. Но мне безумно нравится.

Свою старую одежду я оставляю в сумке за кустом и мысленно напоминаю себе забрать её в конце вечера.

— Так, нам ещё нужны вымышленные имена! — объявляет Психея, шагая впереди и ведя меня к клубу, который выбрала.

— «Вымышленные имена»?

— Мы обе инкогнито, разве нет? Сегодня мы не Афина и Психея. Сегодня ночью мы... мы... — повторяет она, продолжая идти. — Я Соль, а ты Перец!

Я хмурюсь.

— Соль и Перец? Почему мы вообще должны так называться?

Она машет рукой, даже не оборачиваясь.

— Подыграй, Перец. Это часть веселья.

— Не похоже на вершину «веселья», Психея.

— Кто такая Психея?

— Ты.

— Нет, я Соль.

Я уже открываю рот, чтобы возразить, но она начинает насвистывать. Ускоряет шаг и сворачивает налево. Только сейчас я замечаю, что мы оказались в той части острова, куда мы с братьями почти никогда не ходим, потому что здесь расположены игровые залы отсутствующих божеств. Детей, которых Кронос так и не смог найти и усыновить. Зевс, Гера, Дионис, Посейдон, Деметра, Артемида, Арес, Гестия и Гефест.

Признаю: внутри вспыхивает искра любопытства.

Маленькая и осторожная.

Соль останавливается перед клубом, из которого льётся мигающий фиолетовый свет. Снаружи — портик из белых греческих колонн, обвитых гирляндами сиреневых огней и виноградными лозами с гроздьями. Наверное, искусственными. На вывеске написано: EUPHORIA — острыми, угловатыми буквами.

Музыка внутри гремит настолько громко, что снаружи звучит так же отчётливо и мощно, как на обычном танцполе. Я сегодня не планировала лишиться барабанных перепонок.

У входа болтаются люди с бокалами вина, другие выходят, пошатываясь и смеясь, а ещё кто-то проходит мимо сурового взгляда вышибалы.

Чтобы не раскрывать мою личность и пройти без очереди, Психея показывает служебный бейдж, и нас сразу пропускают. Я прохожу мимо мужчины в костюме, опустив голову, хотя невозможно представить, что под этой обтягивающей юбкой и париком скрывается Афина Лайвли.

Внутри оказывается именно тот кошмар для моих ушей, которого я ожидала. Музыка настолько оглушительная, что я зажмуриваюсь и на несколько секунд застываю на месте, прежде чем Соль подхватывает меня под руку и тащит к барной стойке.

Она заказывает два «Экстази», трижды повторив название, чтобы бармен её расслышал.

Вокруг нас творится безумие.

Поначалу всё кажется мне сплошным хаосом. Просто толпа людей, которые дёргаются на танцполе, несинхронные движения, крики и голоса, подхватывающие слова звучащей песни.

Мои глаза воспринимают только сбившиеся в кучу тела, приглушённые фиолетовые огни под потолком, оставляющие кое-где тёмные участки, и несколько столиков по краям, за которыми, впрочем, никто не сидит. Здесь все только танцуют.

Но чем дольше я смотрю, чем сильнее приучаю взгляд замечать детали, тем яснее начинаю понимать смысл того, что сначала казалось беспорядочным и бессвязным. Я замечаю, что люди смеются, танцуют вместе, двигаются по площадке, меняясь партнёрами так, словно все здесь знакомы. Постепенно это перестаёт быть хаосом и превращается в самое близкое к воплощению эйфории зрелище, какое мне когда-либо доводилось видеть.

— Это мой любимый зал, — кричит Психея мне в ухо.

— Неудивительно.

Она смотрит на танцпол, и в глазах у неё горит яркий свет.

— Здесь не существует твоей личности. Кто ты, чем занимаешься, что тебе нравится, даже твоё имя — всё это не имеет значения. Просто бросаешься туда и веселишься. С кем угодно. Можешь быть кем захочешь, можешь быть никем, можешь стать совершенно другой версией себя — не той, какой бываешь в обычной жизни. Единственное требование — чтобы тебе было весело.

Теперь я понимаю, почему она привела меня именно сюда.

И всё же тело остаётся напряжённым, мышцы никак не хотят расслабляться.

Она замечает это и тут же протягивает мне маленькую стопку с жидкостью бордового цвета.

— Выпей и пойдём танцевать.

— Я не чувствую себя…

Её лицо возникает прямо перед моим, чуть ниже, но совсем близко.

— Здесь ты Перец, помнишь? Никто тебя не знает, кроме меня. Никто не будет тебя осуждать. Я тоже. Здесь ты можешь попробовать на вкус жизнь, которая была бы у тебя, если бы ты была свободна. Разве тебе не хочется узнать, какая она?

Хочется, думаю я мгновенно. Больше всего на свете.

Хотя бы сегодня ночью.

Я беру напиток и выпиваю залпом. Сначала вкус резкий, потом становится очень сладким. Виноград, конечно. Даже не знаю, чего ещё я ожидала. В самом конце проступают цветочные нотки. Это настолько вкусно, что я облизываю губы и слишком поздно замечаю, что Психея всё это время за мной наблюдала.

Ухмыльнувшись, она заказывает ещё два.

Эти мы выпиваем вместе, переплетя руки. В конце она издаёт восторженный вопль, от которого я вздрагиваю. В ответ она смеётся и толкает меня к танцполу. Похоже, она уже успела меня изучить, потому что даже не позволяет остановиться в каком-нибудь далёком уголке. Она цепляется указательным пальцем за мой и вливается в толпу, которая расступается перед ней, освобождая дорогу, ни на секунду не сбиваясь с ритма.

Мы оказываемся в самом центре.

Кто-то налетает на меня, бешено двигаясь, и за считаные секунды я успеваю получить три локтя.

Психея начинает танцевать.

А в тех двух шотах, видимо, было очень много алкоголя, потому что я уже чувствую, как он ударяет в голову.

— Давай, Перец! — подбадривает она.

Она кружится вокруг себя и, снова оказавшись напротив, подмигивает мне. Я пытаюсь покачиваться на месте и прекрасно знаю: если бы увидела себя со стороны, выглядела бы как ствол дерева, который отчаянно пытается вырвать собственные корни из земли.

Психея берёт меня за обе руки, переплетает наши пальцы и притягивает к себе. Наши тела не сталкиваются, а лишь касаются настолько, чтобы по спине пробежали мурашки. Её кожа скользит по моей, пока она двигает бёдрами в ритме песни и пытается заставить меня повторять за ней.

Я оглядываюсь, изучая движения остальных, чтобы понять их, научиться и попробовать повторить, чтобы не выделяться. Психея сразу замечает это, берёт меня пальцами за подбородок и заставляет смотреть только на неё.

— Танцуй так, как тебе хочется, — приказывает она.

— А если это будет выглядеть нелепо? Не как у остальных?

Но ответ уже не нужен. Я встречаюсь взглядом с девушкой слева. Она ослепительно улыбается мне и проводит рукой по моей коже, одновременно крича что-то, чего я не могу расслышать.

Если бы она меня узнала, никогда бы так не сделала.

Только сейчас меня по-настоящему накрывает осознание: здесь я действительно далеко от всех и от всего. Афина я только для самой себя — а ведь именно этого мне хотелось с самого детства.

Я медленно опускаю веки, пока всё вокруг не исчезает. Остаются только музыка и ощущение тела Психеи, которое касается моего, двигаясь в такт.

Я доверяюсь другим чувствам.

Слуху — чтобы ловить ноты песни.

Осязанию — теплу уже вспотевшей кожи… Соли.

Обонянию — смеси алкоголя, лёгкого запаха винограда и ванильного аромата девушки, которая притащила меня сюда.

Вкусу — сладкому следу двух шотов, который до сих пор остаётся на языке.

Не замечая этого, я начинаю танцевать. Не думаю о движениях, просто делаю то, что подсказывает тело. Оно двигается само, хотя никогда прежде не танцевало, тем более в таком переполненном месте.

По воплю Соли понимаю, что она мной гордится.

Глаз я так и не открываю.

Двигаю руками, бёдрами, притягиваю Соль ближе, потом отпускаю. В голове пусто, она не отдаёт телу ни одного приказа, как обычно. Обычно я миллиард раз всё обдумываю, прежде чем позволить себе хоть какой-то импульс. Сегодня ночью всё иначе. Песни сменяют одна другую, пот скользит по коже, и впервые это ощущение вызвано не боксёрским поединком и не упражнениями в спортзале.

Если бы только люди вокруг знали, что я танцую впервые в жизни. Или что не знаю ни одной из этих песен, потому что вообще не слушаю музыку. Ни одна пока особенно меня не цепляет, но потом появляется одна — ровно в нужный момент. Когда я уже не боюсь танцевать с Психеей, брать её за руки, кружиться вместе, двигаться неправильно.

Песня нравится мне с первых же нот — как раз тогда, когда алкоголь достигает идеальной точки.

Я открываю глаза, и Психея тычет в меня пальцем.

— Ты улыбаешься! По-настоящему улыбаешься! И больше не похожа на свою обычную буку! — орёт она с таким восторгом, что я действительно начинаю смеяться.

— Видишь? Твои внезапные поцелуи — не единственное, что может заставить меня улыбаться.

Она подмигивает, приближается и кладёт руки мне на бёдра.

— То есть ты признаёшь, что они тоже заставляют тебя улыбаться и что ты мной одержима?

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 4. «Я ХОЧУ СТАТЬ МАТЕРЬЮ»

Афина — богиня войны, и всё же одним из её символов является оливковое дерево, олицетворяющее мир. Ведь к войне она прибегает лишь как к необходимости ради сохранения мира.

Афина, девятнадцать лет

Лето, когда мне исполняется двадцать, не похоже ни на одно предыдущее.

Перед семьёй я всё та же Афина, но теперь я взращиваю и вторую версию себя. Параллельную Афину, которая после работы тайком ускользает из своего клуба и прячется за кустом, чтобы переодеться. Парики всех цветов и фасонов, яркие солнцезащитные очки самых странных форм, юбки, сапоги, откровенные топы и звёздочки, приклеенные к лицу.

Весь июль мы с Психеей играем в Соль и Перец. Погружаемся в эти новые личности и ходим развлекаться в EUPHORIA Диониса. Почти каждую ночь, потому что по острову разгуливает убийца, который охотится на девушек, работающих у моей сестры, а конечная его цель — добраться до неё самой.

И хотя лето началось беззаботно, вместе с нашей новой игрой, мой мозг всё равно остаётся настороже. Я не ухожу из клуба Афродиты, если рядом нет братьев, которые могут за ней присмотреть; Тимос, её телохранитель, всегда следует за ней по пятам, но я не слишком доверяю его способностям. Может, я просто заноза в заднице… а может, слишком сильно люблю сестру, чтобы доверить её защиту незнакомцу, который делает это только ради денег. Одновременно я всё время слежу и за Психеей. Даже после того, как мы понимаем образ действий убийцы и она, по идее, должна быть в безопасности, потому что её имя начинается на «П», а Пиони, ещё одна несчастная девушка с «подходящим» для убийцы именем, уже мертва. Психея ведь так и не сказала мне своё настоящее имя — оно может начинаться с другой буквы, и тогда она тоже окажется в списке избранных.

Я начинаю беспокоиться и за неё. Почти как… почти как будто у меня наконец-то появился друг. Впервые в жизни кто-то, кто мне дорог помимо братьев и сестры. Или почти как будто я по уши в неё втрескалась.

Когда убийцу наконец ловят, и Кронос жестоко его казнит, лето снова приобретает прежний вкус. Мы всё ещё потрясены случившимся, и целую неделю после смерти Делайлы никто из нас не появляется в игровых залах. Сотрудники не знают, чем закончилась история с убийцей, и тем более не знают, кто он такой, но им сообщают, что опасности больше нет.

В первую неделю августа мы снова переступаем пороги своих игровых залов. Семь дней отсутствия оборачиваются для меня сменой тяжелее обычного: приходится драться с четырьмя мужчинами, и все четверо сдаются почти сразу. Даже нормального удара нанести не способны — почти жалко их.

Мне удаётся сохранять концентрацию, хотя имя Психеи беспрерывно звучит где-то в уголке головы. Только о ней я и думаю, пока бегу к нашему обычному укромному месту посреди одной из боковых дорожек, известных только нам, Лайвли.

Соль уже там, вместе с одеждой и париками на сегодняшний вечер.

Мне нравится Афина, которой я становлюсь рядом с ней. Нравится потому, что Перец, моё альтер эго, — не маскировка и не выдуманная личность, за которой я прячу

настоящую себя. Это та, какой я могла бы быть, если бы отец годами не манипулировал моим сознанием. Вернее, это одна из частей, которые я могла бы добавить к самой себе.

Мне нравится бокс, нравятся мои игры, нравится уметь быть рациональной и холодной. Мне нравится быть сильной, но иногда хочется позволить себе быть ещё и хрупкой, нежной. Лёгкой. Беззаботной.

Когда я Перец, в неоновом парике и обтягивающих юбках, мне кажется, что любое моё желание может исполниться. Кажется, будто те ракушки, наполненные песком, действительно что-то значат.

— Соль и Перец снова вместе! — объявляет Психея.

Я дарю ей полуулыбку, на что она закатывает глаза и бормочет что-то очень похожее на «бука».

Несмотря на долгий перерыв, мы быстро возвращаемся к привычному ритму. Идём в EUPHORIA, опрокидываем по два виноградных шота и ныряем в танцующую толпу. Иногда включают незнакомую мне песню, которая вдруг нравится, и я спрашиваю у Психеи название. Кажется, она знает их все, от первой до последней. Я записываю их по мере того, как открываю для себя, и иногда потом сижу в комнате, ищу в интернете и слушаю снова.

Они вызывают те же ощущения, что и в игровом зале, и всё-таки чего-то не хватает. Чего-то со звёздочками-веснушками и звонким смехом.

Психеи.

Мы всегда остаёмся почти до закрытия, а потом гуляем по пустынным и укромным улочкам Олимпа. Я направляюсь домой, она — в жильё для сотрудников. Я говорю мало, только когда она сама начинает разговор или задаёт вопросы. А вопросов у неё, между прочим, огромное количество. Мне всё время кажется, что мои ответы никогда не бывают достаточно интересными, никогда не оказываются тем, что другому человеку хотелось бы услышать.

Но сегодня ночью в воздухе чувствуется что-то другое. Помимо общего облегчения от того, что убийца больше не бродит по острову, убивая людей, а наша милая, всеми любимая Афродита теперь в безопасности.

Что-то во мне. Что-то в ней. Что-то между нами.

Мы молчим, выходя из клуба и направляясь по привычной дороге. Психея не произносит ни слова, не задаёт ни одного вопроса. И хотя тишина не давит, я начинаю задумываться, не стоит ли мне обеспокоиться и спросить, всё ли у неё хорошо.

Когда мы доходим до места, где я обычно переодеваюсь обратно, а потом мы расходимся, она медлит.

— Хочешь сходить на пляж? — предлагает она.

Я просто киваю.

Августовская ночь особенно душная, влажность липнет к коже, и без того мокрой после танцев, так что мне приходится собрать волосы, чтобы хоть немного освободить шею. Интересно, как она вообще это терпит, учитывая, что на ней ещё и парик. Ни малейшего ветерка, поэтому мы идём по песку до самой воды. Море омывает ноги, но даже оно тёплое.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Психея садится на песок, скрестив ноги, и смотрит на ровное чёрное море. Сегодня на ней мой самый любимый парик из всех — тот самый, в котором она

впервые появилась в клубе Афродиты и впервые там выступила. Электрически-синее каре с чёлкой.

— Вся эта история с убийцей была… тяжёлой, — бормочет она.

— Понимаю. — Я сажусь рядом.

— Она заставила меня подумать: если бы одной из жертв оказалась я, если бы я умерла, то я даже не уверена, приехали бы сюда мои родители. Не уверена, что им было бы не всё равно на свою недостойную дочь-лесбиянку, которая предпочла уйти из дома вместо того, чтобы притворяться гетеро и выйти замуж за мужчину, как им так хотелось.

— Конечно, они бы страдали. Уверена.

Она поворачивается ко мне вполоборота с лёгкой усмешкой.

— Ты врёшь. Ты и сама понимаешь, что сомнение вполне оправданно. У тебя ведь тоже ужасные родители.

Правда. В моём случае я знаю, что Кроносу и Рее было бы жаль моей смерти, но только потому, что папа потерял бы дочь, на которую возлагает все надежды вместе с Аполлоном. Ту, которую лучше всех натренировал быть именно такой, какой ему нужно, свой проект, развивающийся ровно в том направлении, на которое он рассчитывал. Ни по какой другой причине.

— Мне нравится Олимп, знаешь? — добавляет она, заставляя меня удивлённо посмотреть на неё. — Твой отец, конечно, больной ублюдок, от которого лучше держаться подальше, но атмосфера в игровых залах… Здесь все свободны быть теми, кем хотят. Здесь никто не говорит мне, что со мной что-то не так.

— Родители, должно быть, превратили твою жизнь в настоящий ад, если тебе нравится здесь.

Она улыбается.

— Ты даже не представляешь насколько.

— Ты по ним скучаешь?

Она пожимает плечами.

— По ним как по людям? Нет. Они заставляли меня чувствовать себя неправильной, смотрели с отвращением и унижали. По ним как по родителям? Да. Ужасно. Кто бы не хотел красивую, счастливую семью, которая тебя любит?

Никто. Мы с Афродитой, Гермесом, Хайдесом и Аполлоном кое-что об этом знаем.

— Кто бы не хотел маму и папу, которые тебя любят? Которые принимают такой, какая ты есть? — продолжает она. — Разве это не самый минимум, который должен дать родитель? Разве детей не рожают для того, чтобы любить их без всяких условий?

— Знаю, — с трудом шепчу я. Для меня она касается слишком болезненных тем. — Но знаешь, чему я научилась? Семья — это не только родители. И не только люди, с которыми тебя связывает кровь. Это ещё и друзья, которых ты выбираешь, которых случайно встречаешь в жизни. Моя семья — мои братья и сестра, и у каждого из нас совершенно разная биология, разные родители. Нас усыновили в разных концах Соединённых Штатов, и… мы полюбили друг друга, приняли друг друга, поняли.

Психея слушает внимательно, ни на секунду не отводя глаз от моего лица.

Одинокая слеза скатывается по щеке, усыпанной золотыми звёздочками.

— Отец даже не смотрел мне в лицо, — рассказывает она. — Не разговаривал со мной. Всё потому, что я была противоестественной. Ненормальной, по его мнению. Меня нужно было исправить. — Она выдыхает печальный смешок. — «Исправить»,

представляешь? Будто не они сами меня создали! Нельзя исправить то, что стало результатом их собственной ДНК. Иначе выходит, что ошиблись они, верно?

Я молчу, потому что понимаю: ей ещё нужно выговориться.

— Может, папино молчание и правда было подарком, если сравнивать его с яростью матери. Он испытывал отвращение и разочарование, а она была просто в бешенстве. Постоянно твердила мне убираться из дома, потому что я — позор.

Я протягиваю руку и беру её ладонь, лежащую у неё на коленях.

— Даже сейчас я иногда думаю: как это могут быть те же самые люди, которые расчёсывали мне волосы, когда я была маленькой, или целовали в макушку, когда я плакала из-за разбитой коленки? Как родители могут не любить собственных детей?

Она задаёт этот вопрос, глядя мне прямо в глаза, и на её лице написана самая чистая, самая невинная искренность. Хотела бы я дать ей ответ — если бы только не задавала себе тот же вопрос много лет подряд.

— Как родитель может не любить своего ребёнка из-за его сексуальной ориентации? — добавляет она.

— Знаешь, в чём дело, Психея? То, что мы не можем найти этому объяснение, — лучшее, с чем можно жить. Если мы не способны это понять, значит, мы отличаемся от своих родителей. Значит, мы бы любили собственных детей несмотря ни на что. Не понимать чужую невежественность и жестокость — огромное облегчение.

Она замирает, чуть склонив голову влево, и смотрит куда-то в пустоту за моей спиной. Лоб хмурится, губы слегка поджимаются, а потом она выдыхает.

— Верно, — бормочет она.

— Но тебе всё равно можно из-за этого страдать, — успокаиваю я. — И ты всё равно имеешь право продолжать задавать себе этот вопрос.

— Ты даже не представляешь, как сильно я тоже хочу семью. Я не хочу вернуть родителей, потому что они ясно дали понять: такой, какая я есть, они меня никогда не полюбят. Я просто хочу…

— Кого-то, кто тебя примет.

— Кого-то, кто меня примет и кого я смогу назвать семьёй.

Мы долго смотрим друг на друга, и единственным фоном остаётся шум моря; пусть сегодня оно и спокойное, его непрерывный плеск всё равно слышен. Правда, я боюсь, что даже он недостаточно громкий, чтобы заглушить бешеный стук моего сердца.

— Как тебя зовут на самом деле, Психея? — спрашиваю я.

Она тут же опускает голову.

— Если скажу, ты будешь меня так называть?

— Только если ты сама захочешь.

— Не хочу, — быстро отвечает она. — Это имя дали мне родители, и с ним связано слишком много плохих воспоминаний. А Психея — новая личность, которую дала мне Афродита. По крайней мере, сначала я так думала. Я приехала сюда, рассчитывая стать другим человеком, а вместо этого получила возможность быть той, кем всегда была. Я чувствую себя Психеей.

— Тогда для меня ты и останешься Психеей.

— Кайя, — произносит она так тихо, словно специально не хочет, чтобы я услышала.

— Психея. А при необходимости — Соль.

Она улыбается, теперь уже искреннее, почти так же, как улыбается, когда действительно счастлива.

Не должно бы, но меня удивляет, как много у неё общего со мной и моими братьями. Когда мы познакомились, я думала, что слишком от неё отличаюсь, что за плечами у меня слишком тяжёлый груз, который невозможно объяснить другим. Иногда я убеждаю себя, что моя боль и прошлое — скучные вещи, стороны меня, которые лучше держать взаперти, потому что никому до них не будет дела. Гораздо лучше, когда у тебя весёлая, счастливая жизнь, о которой интересно рассказывать. Я думала, у Психеи именно так.

Я очень сильно ошибалась. Обычно я ненавижу оказываться неправой, но в этом случае... с удовольствием это принимаю.

Пока она уже спокойнее смотрит на море, я оглядываюсь вокруг. Приближаю лицо к песку и щурюсь, разыскивая ракушки. Нахожу две, одна из них отколота, обе веерообразные. Идеально подходят для моего плана.

— Что ты делаешь? — тут же спрашивает она.

Её болезненное любопытство очень напоминает Гермеса. Правда, любопытство брата игнорировать сложнее. Ну, возможно, потому что у него нет груди и такого красивого лица, как у Психеи.

— Когда мы были маленькими, Афри научила меня одной игре. Берёшь ракушку, наполняешь песком и загадываешь желание. Потом оставляешь у самой воды, и когда волны уносят её, значит, океан принял твоё желание и рано или поздно оно исполнится.

Она реагирует ровно так, как я и ожидала от человека вроде неё. Улыбается от уха до уха, глаза загораются новым, ещё более счастливым светом. Идея игры приводит её в восторг, и она ни секунды не подвергает её сомнению.

Психея наполняет свою выцветшую оранжевую ракушку песком и подносит ко рту, крепко зажмурившись.

— Я хочу семью, которая примет меня такой, какая я есть.

Она кладёт ракушку на мокрый песок, и несколько секунд мы неподвижно ждём достаточно большой волны, которая доберётся до берега и утащит её с собой.

Психея шутливо толкает меня плечом.

— Теперь ты.

— О, нет, я...

— Афина, — укоряет она. — Я рассказала тебе о родителях, сказала своё настоящее имя. Думаю, ты можешь на минутку позволить себе быть уязвимой и загадать желание здесь, при мне.

Я с трудом сглатываю. Конечно, могу.

У меня есть одно желание, которое я никогда не произносила вслух и которое с каждым годом всё сильнее обвивается вокруг сердца, становясь важной частью моей жизни.

Я наполняю отколотую ракушку.

— Я хочу стать матерью.

Лицо Психеи остаётся непроницаемым, но я уже достаточно хорошо её знаю, чтобы заметить напряжение в мышцах и даже лёгкую дрожь верхней губы.

Никто не ожидал бы услышать такое от Афины Лайвли, кроме моих братьев и сестры, которые знают об этом желании с тех времён, когда я была ещё совсем маленькой.

Отец, разумеется, против. До того как я совершила каминг-аут, он говорил, что, если я когда-нибудь забеременею, то заставит меня сделать аборт. Возможно, поэтому он и не выразил никакого недовольства моей ориентацией: в его голове быть лесбиянкой означает, что стать матерью мне будет сложнее.

Хотя он должен бы знать, что воспитал девушку, которая не умеет сдаваться.

Я смотрю на свою ракушку. Брызги воды долетают до неё, но волна никак не накрывает полностью и не может утащить в море. Я повторяю себе, что просто поставила её в неудачное место и сегодня вода слишком спокойная, но какая-то часть меня шепчет, что это знак судьбы.

Внезапно чья-то рука берёт меня за подбородок, и пара губ впечатывается в мои.

Психея. Уже в третий раз целует меня без предупреждения.

Она тут же отстраняется, но остаётся совсем близко.

— Я опять ходила с кислой миной? — шепчу я.

— М-м-м. — Её взгляд снова опускается на мой рот.

— А теперь?

— Улыбаешься. Как всегда, когда я тебя целую.

Её аромат щекочет ноздри, приторно-сладкий.

— Я и правда тобой одержима, да?

— Наконец-то признала.

Я взглядом соединяю все оставшиеся на её щеках звёздочки-веснушки, словно из них можно сложить послание специально для меня — такое, которое даст мне смелость впервые самой её поцеловать.

Я люблю женщин, и редко встречаю такую, которая мне совсем не нравится. Не потому, что я готова бросаться на любую, а потому, что считаю: женщины обладают красотой, которой мужчинам не хватает. По крайней мере, в моих глазах.

Но... Психея — совсем другое. С первого мгновения, когда я увидела, как её тело движется вокруг пилона, с первого мгновения, когда рассмотрела её лицо вблизи, проследила взглядом очертания губ и заглянула в большие глаза, она стала самой красивой женщиной, которую я когда-либо встречала.

От одной мысли о том, чтобы её поцеловать, покалывает каждое нервное окончание. И дело не только во внешности, но и в том, какая она. Девушка с тысячей вопросов на кончике языка, звёздочками вместо веснушек, цветными париками и звонким смехом. Девушка, которая дала мне возможность попробовать стать той версией себя, которой мне запрещали быть всю жизнь.

— Да, наверное, пора признать это и смириться, — соглашаюсь я наконец.

Она приподнимает бровь. Я заставляю замолчать все вопросы, которые, уверена, она уже собирается задать, и сама первой целую её. Встаю на колени в песке, обхватываю её лицо обеими руками, нависаю сверху и наконец забираю себе контроль, которого мне всегда не хватало.

Психея, в свою очередь, обхватывает меня за талию и притягивает к себе, застонав мне в губы. От этих тихих звуков удовольствия по телу проходит холодная дрожь, несмотря на то что кожа всё ещё покрывается капельками пота.

Более громкий стон заставляет её приоткрыть рот ровно настолько, чтобы я могла скользнуть внутрь языком. Она не сопротивляется, наклоняет голову, давая мне больше пространства и позволяя делать всё, что захочу.

Я запускаю пальцы в волосы парика и слегка тяну, направляя её тело так, как нужно мне, как хочу я, чтобы подарить ей лучший поцелуй, на который способна, тот, которого она заслуживает и который никогда не забудет.

Её руки тем временем гладят мою спину и опускаются к низу живота, заставляя меня простонать от удовольствия. В голове уже выстраивается длинный список того, что я могла бы сделать сегодня ночью, прямо здесь и сейчас, и ни один пункт не подходит для общественного места. Пусть пляж и частный, никогда не знаешь, кто может нас увидеть.

— Пойдём ко мне, — шепчу я, тяжело дыша, прямо ей в губы.

Психея слегка прикусывает мою нижнюю губу, почти не давая говорить.

Я настолько сосредоточена на мысли добраться до своей комнаты, что даже не оборачиваюсь проверить, унесла ли вода ракушку с моим желанием. Сейчас это неважно — не тогда, когда рядом она и я почти получила возможность иметь её так, как хочу.

Мы бежим по песку, соединённые только переплетёнными указательными пальцами, и я веду её вверх по ступенькам к террасе, общей для моих комнат и комнат братьев.

Улыбка исчезает с моего лица, когда я замечаю кого-то, сидящего в ротанговом кресле прямо возле двери на мой балкон. В том самом кресле, где я иногда читаю на закате, а порой и на рассвете, когда просыпаюсь слишком рано и мысли не дают снова уснуть.

Кудрявые волосы Гермеса различимы даже в ночной темноте и без включённого света.

Но ещё сильнее бросается в глаза серьёзное, ледяное выражение лица, которое у него увидишь крайне редко.

— Привет, девочки, — первым здоровается он, затем тянется к наружному выключателю, и слева от него загорается единственная лампа.

— Привет, — отвечаю я. — Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно с тобой поговорить.

Но смотрит он на Психею, и я сразу принимаю это за дурной знак. И всё же ничего не понимаю. Ситуация настолько странная и непривычная, что я заставляю себя не делать поспешных выводов.

— Можем поговорить завтра утром? Сейчас у меня вообще-то есть дела.

— Нет, — отрезает он.

Что с ним такое? Герм никогда таким не бывает. Это вообще-то моя прерогатива. Он решил сегодня ночью занять мою роль?

Психея прочищает горло.

— Наверное, мне лучше уйти и оставить вас вдвоём.

— Нет, — поспешно говорю я.

— Да, так будет лучше, — перебивает меня Гермес. Он улыбается ей. — Прости, красавица. Доброй ночи.

Я делаю шаг вперёд, кулаки сжаты вдоль тела, а терпение уже окончательно идёт к чёрту. Не то чтобы для этого требовалось много, но всё же сегодня настроение у меня было спокойнее обычного.

— Гермес, не тебе решать, что…

Психея отпускает мой палец и гладит тыльную сторону ладони.

— Всё нормально. Увидимся завтра, хорошо? Ничего не случилось.

Меня накрывает дурное предчувствие, тяжёлое, как тёмная тень над головой. Будто что-то вот-вот обрушится на меня и раздавит, а отойти в сторону уже слишком поздно.

Я не могу ничего ей сказать, только киваю, не сводя глаз с брата.

Когда мы остаёмся одни и звук шагов Психеи растворяется в ночи, давая понять, что она уже далеко, я скрещиваю руки на груди.

— Какого хрена происходит? Ты вообще понимаешь, что испортил мне вечер?

— Да. В этом и был смысл, Тена.

— Почему?

Он встаёт с кресла, подходит ко мне, а потом садится на парапет, скрестив ноги.

— То, что ты делаешь, опасно, — шепчет он. Оглядывается по сторонам, словно помимо нас здесь может прятаться кто-то ещё. — Ты разве не понимаешь? Я даже удивлён, потому что ты у нас самая рациональная и параноидальная.

Неужели он знает про мои вечера с Психеей в клубе Диониса? Нет, невозможно. Я всегда переодета, всегда осторожна. Он не мог…

— EUPHORIA — хаотичное место, конечно, и лучшее место, чтобы спрятаться, но ты не привыкла делать что-то тайком. А когда у тебя нет практики, легче допустить маленькую ошибку, — спокойно объясняет он. — Особенно когда у тебя есть брат, который слишком привык замечать детали и совать нос не в своё дело.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Герм…

— Если папа тебя поймает, тебе конец. Ты вообще об этом думаешь?

— Да. И отбрасываю эту мысль, потому что всю жизнь только и думаю о том, чего мне нельзя делать, иначе он разозлится.

— И именно сейчас ты решила, что вот это как раз обязательно нужно делать? Худшее из всего возможного?

— Почему ты так говоришь? Я просто провожу несколько часов в одном из игровых залов Олимпа с…

— С сотрудницей, — заканчивает он.

Что-то в его глазах погасло. У Гермеса всегда есть яркий свет — чистое счастье. Я всегда восхищалась им и даже завидовала, потому что в собственных глазах никогда не видела ничего подобного. Он думает, что слабее меня лишь потому, что плохо дерётся врукопашную, но на самом деле он сильнее, потому что гораздо лучше справляется с нашей семейной ситуацией. Моя сила — физическая. Его — стойкость.

— Если ты счастлива, я самый счастливый человек на свете, — продолжает он. — Клянусь, если бы мог, я бы отдал тебе своё счастье, Афина. Но то, что ты делаешь, принесёт тебе только боль. Поверь мне.

— О чём ты?

В его словах есть скрытый смысл, которого я не понимаю.

Его кадык дёргается, и он отводит взгляд к небу.

— У меня всё закончилось плохо.

Люцифер.

Мы знаем, что он умер и что Кронос к этому причастен, но подробностей не знаем. Гермес никогда о них не рассказывал. Я сама когда-то убеждала его прожить эту любовь, бороться и быть счастливым. И часто чувствовала вину из-за того, чем всё закончилось, словно отчасти тоже приложила к этому руку.

И, возможно, именно это сейчас делает он. Предупреждает меня, показывает на тормоз и просит убрать ногу с педали газа, пока я ещё могу остановиться.

— Ты знаешь, чем всё закончилось между мной и Лю… — Он обрывает себя, не в силах даже произнести его имя. — Я рассказываю тебе это только потому, что не хочу, чтобы ты испытала ту же боль, которую испытал я и которую чувствую до сих пор. Говорю потому, что он не заслуживал того, что с ним случилось. И Психея тоже не заслуживает. Я не хочу отнимать у тебя счастье, просто хочу, чтобы ты понимала, чем рискуешь.

Понятно, что Кроносу не понравится узнать, что я тайком пробираюсь в EUPHORIA переодетой и танцую там с его сотрудницей. Но я ведь работаю. Всегда. Не было ни одной ночи, когда я не пришла бы в свой зал. Зачем ему что-то проверять, если он знает, что я выполняю свои обязанности?

Потому что Кронос рано или поздно узнаёт всё. От него ничего не ускользает, — шепчет голосок у меня в голове.

Чем дольше продолжается наш разговор, тем яснее я понимаю, на какой риск шла. Последний месяц он был отвлечён убийцей и необходимостью защищать Афродиту, но теперь я не могу позволить себе ни одной ошибки.

Мысль о том, что я подвергла Психею опасности, бьёт как сильная пощёчина. Сердце начинает бешено колотиться, с силой ударяясь о рёбра, и его грохот отдаётся в ушах.

Гермес замечает это, подходит ко мне, кладёт руки на плечи и мягко ведёт к креслу. Усаживает и опускается передо мной на колени, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

— Эй, эй, ты совсем побледнела. Смотри на меня, Тена, на меня. Успокойся.

Мне трудно дышать, словно в воздухе больше не осталось кислорода.

Гермес сжимает мои руки и помогает дышать вместе с ним, подстраиваясь под его ритм. Я отодвигаю все эмоции в сторону и умоляю мозг позволить рациональности взять верх.

Когда дыхание наконец выравнивается, Гермес гладит меня по щеке — достаточно мягко, чтобы это не вызвало раздражения.

— Прости, — бормочет он.

— Это не твоя вина. Наоборот, ты прав. Чёрт, ещё как прав. Почему я была такой глупой и наивной? Это вообще на меня не похоже.

Как я могла? Именно я, которая анализирует каждую ситуацию и ищет малейшую слабость в системе.

— Потому что любовь и такое делает, — отвечает он тихо, с нежностью в голосе.

Я встречаюсь с ним взглядом. В его голубых глазах стоят те же слёзы, что и в моих. Стоит мне моргнуть, как одна скатывается по щеке, и будто нарочно в тот же момент слеза появляется и на лице брата. Синхронны даже в боли.

— Герми, я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось. Но и прощаться с ней не хочу.

— Это нормально.

Но ты должна. Именно этого он не произносит, оставляя мысль висеть в воздухе, уверенный, что я всё равно пойму.

— Я уверен, ты сделаешь правильный выбор. Каким бы он ни был.

Ещё одна слеза выходит из-под контроля. Я грубо стираю её пальцами, но третья тут же меня предаёт. Герм перехватывает руку, опускает её прежде, чем я снова вытру лицо слишком резко, и сам мягко проводит подушечкой пальца по моей щеке.

— Хочешь ещё немного посидеть здесь? Поговорить? Отвлечься? Что угодно, как захочешь, — предлагает он.

Я качаю головой.

— Если понадоблюсь, я рядом. Стучи в любое время.

— Спасибо, Герми. Спокойной ночи.

Он медлит несколько секунд, прежде чем подняться и повернуться ко мне спиной. Даже дойдя до стеклянной двери своей комнаты, он снова смотрит в мою сторону. Мы обмениваемся улыбками, и обе выходят грустными.

Оставшись одна, я получаю от собственного тела противоречивые сигналы. Сначала оно кричит, чтобы я побежала к Психее и всё равно рискнула, потом — чтобы пошла к Кроносу, послала его нахрен и взбунтовалась, как Афри, потом — чтобы нашла Гермеса и призналась, что мне уже нужна компания. А в самом конце шепчет: просто ложись в кровать и спи, потому что если игнорировать всю эту боль, можно убедить себя, что её нет.

Я почти так и делаю. Поднимаюсь и берусь за ручку стеклянной двери. Потом передумываю и иду в противоположную сторону, через террасу. Босые ноги касаются всё ещё тёплого пола. Но к Герми я не иду.

Стучу по стеклу.

Секунда.

В темноте шевелится силуэт, и передо мной появляется сонная сестра. Зевает мне прямо в лицо, а потом как следует меня рассматривает и распахивает глаза так широко, что просыпается мгновенно.

— Что случилось?

Я открываю рот, но не издаю ни звука.

Слёзы снова начинают литься без остановки.

— Афина, что случилось? — повторяет она.

— Почему я никогда не могу получить ничего из того, чего хочу?

Мой голос превращается в писк, в сдавленный слезами выдох.

В голове толпятся все мечты, которые я растила с детства: от самых банальных, вроде дурацкой куклы для игр, до самой серьёзной и чистой — свободы быть той, кем я хочу.

Афродита заключает меня в объятия. Ей не нужно осторожничать, спрашивать разрешения, как обычно делают все, потому что всем известно, что я не люблю физический контакт. Она обнимает крепко, ровно настолько, насколько мне нужно, и всё же недостаточно, чтобы собрать воедино все части меня, которые сломаны и никак не хотят снова срастись. Она затаскивает меня внутрь и ведёт к кровати.

Мы ложимся рядом на бок, лицом друг к другу.

Больше она не прикасается ко мне сама. Это я беру её руку и сжимаю между своими, продолжая выплакивать все слёзы, которые сдерживала последние годы.

Я знаю, что должна сделать, и сделаю это завтра, повторяю про себя снова и снова, до тошноты.

Афродита только один раз ещё спрашивает, что произошло и почему я так расстроена, но я не могу об этом говорить. Не только потому, что продолжаю мочить

подушку слезами и задыхаюсь, но и потому, что если начать обсуждать это сейчас, всё станет слишком реальным.

Когда я засыпаю, последнее, что вижу, — голубые глаза сестры, которые смотрят на меня и ждут, пока закроются мои.

На следующее утро я рано выскальзываю из её комнаты, стараясь не разбудить. Глажу её по затылку и шёпотом благодарю за то, что приняла меня и осталась рядом, хотя я так ничего и не рассказала.

Я не могу встретиться с Психеей лицом к лицу. Зная её настойчивость, она поставит меня в такое положение, в котором я не выдержу. Поэтому передаю ей записку через одного из людей Кроноса — из тех, кто относится к нам дружелюбнее остальных и обращается нормально.

Не ищи меня. Больше не разговаривай со мной, даже если увидишь где-нибудь на острове. Держись от меня подальше, иначе я добьюсь, чтобы тебя уволили.

Афина

Чтобы написать эту угрозу, мне приходится глубоко дышать и буквально заставлять руку выводить слова. Это слишком жестоко даже для меня. Но я знаю: только так смогу убедить её держаться подальше. Без этой работы у неё ничего не останется, и придётся вернуться к родителям. Меня тошнит от самой необходимости использовать против неё её тяжёлую семейную ситуацию.

Но выбора у меня всё равно нет.

Поэтому я стою и смотрю, как один из прихвостней Кроноса спускается по ступенькам с террасы и исчезает на боковой дорожке. Представляю, как он идёт по улицам Олимпа, среди кустов и яблонь, а потом останавливается у игрового зала Афри.

Представляю дружелюбную улыбку Психеи, когда она берёт листок. И то, как меняется её лицо, когда она читает написанное.

Представляю, как она меня ненавидит. Презирает. Спрашивает себя почему. Думает, не сумасшедшая ли я психопатка, которая ещё несколько часов назад приглашала её к себе в комнату, а теперь безжалостно отталкивает.

Я прокручиваю эту сцену столько раз, что начинает болеть голова и кружиться всё вокруг.

Я закрываюсь в душевой и моюсь под ледяной водой, потом собираю волосы, надеваю свою обычную строгую одежду и спускаюсь обедать с семьёй.

Спектакль начинается снова. Снова начинается та часть моей жизни, где я — только то, чем хочет видеть меня отец.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 5. «Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОНА ВЕРНУЛАСЬ К ЖИЗНИ»

В «Одиссее» Афина защищает Пенелопу, оставшуюся одной на Итаке после того, как Одиссей отправился на Троянскую войну. Долгие годы молодая женщина живёт в окружении женихов, которые хотят заставить её выбрать одного из них новым мужем. Афина не вмешивается напрямую и не сражается вместо неё, но дарит Пенелопе ясность ума и твёрдость. Тогда она объявляет, что выберет нового мужа только после того, как закончит ткать погребальный покров для своего свёкра Лаэрта. Это долг, с которым никто не может спорить. Каждый день, у всех на глазах, она работает за ткацким станком. Но каждую ночь тайком распускает всё, что соткала за день. История полотна Пенелопы — один из самых известных эпизодов «Одиссеи» и очень ясно показывает тот тип ума, который греки связывали и с Афиной.

Афина, двадцать лет

— Нам уже пора возвращаться, — тихо говорит Хайдес, протягивая мне руку.

Я остаюсь неподвижной, всё ещё сидя на песке и глядя на воду, куда несколько часов назад мы развеяли прах Афродиты. Мы, братья и сёстры, устроились здесь в молчании. Но уже почти закат, и постепенно все начинают уходить.

А у меня нет сил.

Я чувствую себя истощённой, выжатой до последней капли.

Качаю головой.

— Тена… — настаивает он.

— Оставь её, — мягко вмешивается Хейвен. — Ей нужно делать то, что она чувствует. Если мы понадобимся, она знает, где нас найти.

Хайдес сжимает челюсть и нехотя кивает. По его лицу видно: последнее, чего он хочет, — оставить меня здесь одну.

— Ладно, но пообещай: если тебе станет плохо, ты придёшь к кому-нибудь из нас. К кому угодно.

Я киваю и снова смотрю на море. Их шаги по песку почти бесшумны, и я даже не замечаю момента, когда они оказываются уже далеко, вне моей досягаемости.

Я хочу остаться здесь не только потому, что тело отказывается двигаться, но и потому, что здесь находится моя сестра. Уйти отсюда — значит больше не быть рядом с ней, принять, что мы никогда больше не будем вместе.

Как мне вообще с этим справиться?

Как продолжать жить с тяжестью того, что произошло?

Я была так уверена, что всё закончится хорошо; сейчас мне хочется рассмеяться в лицо себе прошлой — такой глупой и наивной. Я правда думала, что смогу выстрелить в отца и никаких последствий не будет? Правда думала, что всё обойдётся? Что ничего не пойдёт не так?

Как я могла нажать на спуск, не подумав о братьях и сестре рядом? Не подумав, что пуля может уйти в другую сторону?

Хватило одного движения отца. Его рука толкает мою. Пистолет разворачивается в сторону моих братьев. В тот же миг я нажимаю на спуск. Пуля летит прямо в грудь Афродиты.

Я убила сестру.

Я убила сестру.

Это из-за меня она умерла.

К горлу подступает рвота, но в желудке ничего нет, и на песок выходит только желудочный сок.

Когда я закрываю глаза, вижу только её лицо, искажённое болью, и слышу, как она шепчет мне не винить себя, простить себя. Когда открываю — вижу пустоту её отсутствия, за которое отвечаю только я. В тишине её голос продолжает повторять, чтобы я не брала вину на себя. А среди шума мира, который всё равно движется дальше, выстрел остаётся громче всего и перекрывает каждый звук.

Я подползаю ближе к морю, протягиваю руку и позволяю прохладной воде коснуться кончиков пальцев. Словно на самом деле глажу волосы сестры или её прекрасное лицо.

С трудом поднимаюсь на ноги и иду вперёд, пока вода не доходит до икр. Потом наклоняюсь и двигаю руками среди маленьких волн, будто обнимаю её.

И вдруг меня ударяет осознание: её прах наверняка уже унесло. Мы развеяли его здесь несколько часов назад, течение должно было отнести его дальше.

Мозг отключается. Короткое замыкание.

Я больше не думаю — меня ведёт сердце. Начинаю быстро идти. Бежать так, как хочется, не получается, но я пытаюсь. Ухожу от того места, где мы её оставили, и гонюсь за ней — куда бы море ни решило её унести.

Сопротивление воды тяжёлое, а голод даёт о себе знать уже через несколько минут. Я прошла значительную часть пляжа и больше не могу. Выбираюсь из моря и падаю у самой кромки воды.

Полностью обмякаю на мокром песке, ложась лицом к небу.

Иногда вода накрывает меня и разбрызгивается по телу. Порой попадает в рот, и я кашляю, но не могу отодвинуться, отползти к сухому песку.

Беспомощная, лежу на спине в точно такой же позе, в какой умерла она.

Разница лишь в том, что я жива. Что я, к сожалению, продолжу жить, а её больше нет.

На её месте должна была умереть я.

Если бы я могла заключить сделку с дьяволом, попросила бы забрать мою душу и вернуть Афродиту сюда.

Не знаю, как это возможно, но я снова начинаю плакать. Думала, слёз уже не осталось, однако они всё ещё есть. Скатываются к вискам, падают на песок и смешиваются с солёной водой, которая размеренно касается меня.

Чем больше проходит минут, тем сильнее и яростнее становится плач. Рыдания сотрясают грудь, мешают нормально дышать, и я кашляю, когда из-за них поперхиваюсь слюной.

Все постоянно говорят, что время лечит раны, но я почти уверена: мою оно будет только делать хуже. Я не могу представить будущее, в котором когда-нибудь прощу себя за то, что сделала, в котором потеря сестры станет болеть меньше.

Как это вообще возможно?

Время лечит не все раны. Время убьёт меня так же, как я убила её.

Я вытираю слёзы слабыми, усталыми движениями и поворачиваю голову, чтобы брызги моря попадали не прямо в лицо, а на затылок. Медленно открываю глаза и смотрю на огромную золотую полосу песка впереди. От одной мысли, что нужно подняться, пройти по ней и оставить Афродиту здесь, меня мутит.

Я не могу уйти.

Я должна остаться с ней.

Нет. Я должна сделать больше: исправить свою ошибку.

Я щурюсь, пытаясь понять, действительно ли предмет в нескольких сантиметрах от меня — то, что я думаю. Ракушка. Со стоном тянусь к ней и подцепляю кончиками пальцев. Насыпаю внутрь немного песка и подношу к губам.

— Я хочу, чтобы она вернулась к жизни, — шепчу я.

Я завершаю ритуал так, как когда-то научила Афродита: кладу веерообразную ракушку у самой воды. Волна проходит по ней, но не уносит. Не хочет исполнить моё желание, не хочет забрать его с собой и найти кого-нибудь, кто сможет сделать его реальностью.

Я жду второй волны, но и она оставляет маленький оранжевый кусочек на месте.

Приходит третья. Я задерживаю дыхание, когда ракушка чуть сдвигается, но волна отступает, так и не забрав её.

От ярости меня пробирает дрожь.

— Почему? — кричу я. — Почему?

Четвёртая волна издевается ещё сильнее. Может, я сошла с ума, но мне кажется, будто кто-то смеётся над моей надеждой, над моим желанием.

— Да пошло оно нахрен, нет, — шиплю я.

Я сажусь, потом встаю на колени и ползу по мягкому песку в поисках других ракушек. Если это желание не услышали, я загадаю ещё одно. Ещё сотню, если понадобится. Останусь здесь на несколько дней, пока море наконец не унесёт мою ракушку. Пока не закончатся все грёбаные ракушки, которые я найду на этом дурацком пляже.

Нахожу ещё одну.

Наполняю её.

— Я хочу, чтобы Афродита вернулась к жизни, — бормочу я.

Не жду. Замечаю третью. Повторяю всё то же самое дрожащими руками, песчинки высыпаются между пальцами, и я хватаю новую горсть. Движения становятся всё более беспорядочными, лихорадочными, полностью во власти тревоги, которую я не умею рационализировать, как обычно.

— Я хочу, чтобы Афродита вернулась к жизни, — повторяю я.

Это превращается в заклинание.

Я раскладываю у моря восемь ракушек с одним и тем же желанием, и ни одну течение не уносит. Некоторые сдвигаются, проползают на несколько сантиметров вперёд, но всё равно остаются на месте.

Я прижимаю руки ко рту, пальцы перепачканы песком, и пытаюсь приглушить отчаянные рыдания, которые перехватывают дыхание.

И тут на меня падает чья-то тень.

— Афина.

Я поднимаю голову, и надо мной возвышается Психея. На ней парик, один из самых неброских, которые она изредка надевала по вечерам в игровом зале.

У меня ёкает сердце.

Я начинаю заикаться, выговаривая какие-то бессвязные слова, не в силах собрать буквы во что-то осмысленное.

Психея ничего не спрашивает, просто стоит неподвижно и переводит большие глаза куда-то за меня. Я знаю, что она смотрит на ракушки, и что-то подсказывает:

она помнит игру Афродиты, ту самую, в которую прошлым летом играла и со мной. В ту самую ночь, когда мне пришлось с ней попрощаться.

С тех пор мы больше ни разу не разговаривали, даже не смотрели друг на друга. Я больше не приходила на её выступления у пилона, ни разу не произнесла её имя и не позволяла другим произносить его при мне.

— Что ты здесь делаешь? — наконец нахожу в себе силы спросить я.

— Мне нравилась Афродита, ты же знаешь, — тихо говорит она. — Мы с остальными сотрудниками Сада наслаждений попрощались с ней по-своему.

Я с трудом сглатываю.

— Вы знаете, как это случилось?

— Несчастный случай с Кроносом.

Похоже, она не знает, что я тоже была там. Что именно я выстрелила.

Я опускаю голову.

— Да.

— Что ты делаешь, Афина?

— Загадываю желания.

Она опускается на колени, чтобы оказаться со мной на одном уровне.

— Я заметила...

— Прошу, чтобы она вернулась к жизни. — Я говорю это, не отводя от неё глаз.

Психея смотрит в ответ, на лбу появляются складки. На секунду мне кажется, что это неодобрение, но оно тут же исчезает.

— Понимаю.

— Только не говори, что это глупо. Я знаю. Но я больше ничего не могу сделать. У меня нет других решений. Есть только эти тупые грёбаные желания, которые море не хочет забирать. У меня нет...

Она встаёт, и движение обрывает меня, заставляя потерять нить. Потом начинает уходить. Когда я уже думаю, что ей надоело слушать мою бессвязную болтовню, она останавливается и наклоняется к песку. Один раз. Второй. Третий. Каждый раз всё дальше от того места, где я сижу брошенная на земле.

Она возвращается с непроницаемым лицом и протягивает руку ладонью вверх. В ней ещё несколько ракушек. Для меня.

— Теперь у тебя есть ещё три желания.

Я медлю. Слёзы снова текут по щекам, пока я беру их дрожащими пальцами. Руки трясутся так сильно, что ракушки выпадают. Психея подбирает их и сама наполняет песком вместо меня.

Подносит к губам, повторяя всё так, как я учила её прошлым августом.

— Я хочу, чтобы Афродита вернулась к жизни, — трижды шепчет она.

И кладёт ракушки рядом с теми, которые наполнила я.

Я смотрю на них с тяжестью в груди и комом в горле, который не исчезает, сколько бы я ни сглатывала.

— Можно я посижу здесь с тобой?

— Да, — шепчу я.

Психея устраивается рядом и больше ничего не говорит. И я больше не плачу.

Она остаётся со мной и ждёт, пока хотя бы одна волна не проглотит хоть одну ракушку и не даст мне глупую надежду, за которую можно ухватиться и идти дальше. Остаётся со мной, чтобы надеяться на нечто нелепое и невозможное.

Несмотря на ту записку, которую получила несколько месяцев назад, где я ударила её в самое больное место. Несмотря на то, что я больше ни разу её не искала, хотя она наверняка должна понимать: я отказывалась даже произносить её имя у себя в голове, потому что это причиняло слишком сильную боль. Я сосредоточилась на Блю и вычеркнула Психею. Она должна быть в ярости. Должна ненавидеть меня. А вместо этого сидит здесь и помогает.

После нескольких минут молчания Психея поднимается и отходит. Я смотрю, как она идёт вдоль воды, оглядываясь по сторонам, а потом подбирает ещё одну ракушку. Но мне её не отдаёт.

Подносит к губам и загадывает своё желание так тихо, что я ничего не слышу.

Мне бы не лезть не в своё дело — вообще-то я всегда такой и была. Никогда не испытывала потребности расспрашивать людей, узнавать секреты и совать нос в чужие дела. Но сейчас любопытство пожирает меня заживо.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки до привкуса крови, прежде чем всё-таки решаюсь спросить.

— Что ты загадала?

Психея поворачивает голову, но не смотрит мне в глаза.

— Чтобы ты перестала так сильно страдать.

Я пропускаю удар сердца.

И когда слышу шум приближающейся волны, оборачиваюсь. Вода уносит ракушку, которую только что положила она, с желанием для меня, а вместе с ней — и одну из моих. Наконец освобождает меня от этой тяжести.

Я знаю, что Афродита никогда не вернётся, но мне нужно было это увидеть. Иногда, чтобы идти дальше, нужна иллюзия, бесполезная надежда, которая хоть немного облегчает сердце. Какой бы нелепой она ни была.

— Я готова идти, — объявляю я, шмыгнув носом.

Психея выглядит разочарованной.

На самом деле мне самой не хочется уходить. Уйти — значит попрощаться и с ней, а сейчас она для меня источник покоя и облегчения. Не думаю, что заслуживаю этого. Моя сестра умерла по моей вине, и я не заслуживаю таких спокойных мгновений. Я должна себя наказать, потому что никто из семьи этого не делает. Никто не осмелился сказать ни слова, и дело не в деликатности; я вижу по их лицам, что они на меня не злятся, что не считают виноватой. И я не понимаю, как, чёрт возьми, такое возможно. Мне хочется, чтобы кто-нибудь на меня накричал, оскорбил, сказал, что я ужасный человек и не должна была поступать так импульсивно.

Но никто этого не делает. Возможно, потому что все понимают: слова, которые я сама повторяю себе последние несколько дней, гораздо жестче.

— Я тебя провожу.

— В этом нет необхо…

— Я уволилась, — перебивает она. — Для меня нет смысла работать здесь без неё. Я всё равно отложила достаточно денег. Смогу начать заново в Америке и без родителей.

Значит, мы больше никогда не увидимся, а дорога до дома станет последним временем, которое я проведу с тобой. Вот чего она не договаривает.

Я больше ничего не добавляю, лишь киваю и жестом предлагаю идти за мной. По песку мы идём медленнее обычного, и я понимаю, что темп задаю именно я. Это я оттягиваю момент нашего прощания.

Мы доходим до ступенек, ведущих на общую террасу: я всё ещё впереди, она позади.

Доходим до стеклянной двери моей комнаты, но я даже не смотрю на ручку. Просто замираю к ней спиной — только так мне хватает смелости произнести:

— Прости меня.

— За что?

— За прошлое лето.

— Неважно.

— Нет, важно, я…

— Ты только что была на похоронах своей сестры. Тебе не нужно сейчас думать обо мне. Правда.

Я загоняю слёзы обратно. Господи, как они вообще ещё могли у меня остаться?

— Но я хотя бы должна перед тобой извиниться, — возражаю я. — Об этом я могу подумать. Позволь мне.

— Тогда посмотри мне в глаза, Афина.

Я поворачиваюсь к ней лицом, поднимаю подбородок, несмотря на влажные глаза.

— Прости. Я сделала это ради тебя.

На её губах появляется лёгкая улыбка.

— Я так и думала.

— Но теперь нам всё равно следует…

— …попрощаться, — заканчивает она, пожав плечами.

В её больших глазах, которые всегда ассоциировались у меня с радостью и лёгкостью, сейчас есть чувство, которого я прежде никогда там не видела. Даже когда она рассказывала о матери и отце. Какая-то поэтичная тоска — та, что перед прощанием заставляет тебя не только грустить, но и испытывать счастье от всего прекрасного, что было до этого.

Прелесть некоторых финалов в том, что их начало было настолько прекрасным, что делает конец чуть менее болезненным.

И, может быть, однажды так станет и с моей сестрой. Вся прожитая нами вместе жизнь превратится в настолько прекрасное воспоминание, что хоть немного смягчит боль от того будущего, которого у нас больше не будет.

— Спасибо за сегодня. За ракушки и за твоё желание.

— Не за что.

Я знаю, она ждёт, что я попрошу её остаться. Я бы хотела это сделать, если бы только не считала этот момент самым неподходящим на свете для того, чтобы начинать всё заново. Психея сделала бы меня счастливой, а я не хочу быть счастливой. Я хочу наказать себя за то, что сделала с сестрой. Не хочу ни капли счастья, ни одного смешка, ни даже полуулыбки, не хочу даже объятий братьев.

Я ничего этого не заслуживаю.

Как я вообще могу пытаться быть счастливой после того, что сделала?

Психея понимает, что ничего от меня не дождётся, и делает шаг вперёд.

— Можно я поцелую тебя в последний раз?

— Но в этот раз у тебя не получится заставить меня улыбнуться.

— Попытка не пытка. Если уж мне приходится с тобой прощаться, я хочу сохранить в памяти твою улыбку, пусть даже едва заметную.

Я просто киваю.

Психея встаёт на цыпочки. Не касается меня. Руки остаются вдоль тела. Она прижимается губами к моим так, словно целует что-то хрупкое и драгоценное, что может рассыпаться на тысячи осколков.

Хотя это всего лишь нежное прикосновение губ, которое длится те три секунды, что я отсчитываю в голове, сердце у меня тает, а ноги начинают дрожать. Я незаметно завожу руку за спину и хватаюсь за дверную ручку, чтобы не рухнуть на пол.

Психея отстраняется и смотрит на меня.

— Улыбаешься. Да.

— Правда?

— Угу. Всё ещё одержима мной.

Мы продолжаем смотреть друг на друга, и Психея постепенно отступает всё дальше. Ни разу не поворачивается ко мне спиной. Уходит, не разрывая зрительного контакта.

— Пока, Перец, — прощается она уже у края террасы.

— Пока, Соль.

Её светлый парик исчезает за стеной, вниз по лестнице. Я с силой стискиваю зубы и бросаюсь в свою комнату только для того, чтобы пересечь её и выйти в коридор. Я знаю, куда иду. Единственное место, которое сейчас может мне помочь. Как бы нелепо это ни звучало, ведь это комната моей сестры.

Пусть её самой там больше нет, всё, что ей принадлежало, осталось. Её запах, книги и страницы, которые она перелистывала, простыни, на которых спала, платья, которые носила...

Это может причинить мне такую боль, что добьёт окончательно, или дать настолько сильное утешение, что я хотя бы ненадолго смогу вдохнуть.

Мне нужно искать её во всём, что найду.

Когда я распахиваю дверь, там уже есть кто-то, кому, похоже, пришла в голову та же мысль. Гермес лежит на полу между кроватью и шкафом. Широко распахивает глаза и запрокидывает голову, глядя на меня вверх ногами.

— Эй.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— А ты что делаешь?

— То же самое, что, думаю, делаешь ты.

Он едва улыбается.

— Иди сюда.

Двумя шагами я оказываюсь рядом и ложусь возле него. Гермес поднимает руку и прижимает меня к груди. Потом издаёт странный звук.

— Почему ты мокрая и пахнешь водорослями?

— Мы живём на острове. Какой, по-твоему, может быть ответ? — пытаюсь пошутить, но в самом конце голос ломается.

— Понимаю.

— Герм?

— Да?

— Почему вы на меня не злитесь?

— Потому что это не твоя вина.

— Стреляла я.

— И целилась в нашего отца. Кронос ударил тебя по руке, прекрасно понимая, что на линии огня стоим мы. Если и есть на кого злиться, то на него.

— Я не могу так на это смотреть, — вздыхаю я. — И, наверное, никогда не смогу. Всю оставшуюся жизнь я буду думать, что именно я убийца…

Он сильнее сжимает меня, прижимая к своему телу. Моё ухо оказывается прямо напротив его сердца, и я слышу удары — ровные и спокойные. Я просто слушаю их, пока сама не начинаю успокаиваться.

— Мне кажется неправильным жить в мире, где её нет, — через некоторое время шепчет Герм.

— Мне тоже.

— Я не знаю, как мы с этим справимся.

— Я тоже не знаю, — признаюсь я, хотя правильным ответом должна была бы стать какая-нибудь фраза, способная его утешить и подарить надежду.

— Тогда будем разбираться вместе. — Он целует меня в затылок, а потом тут же начинает отплёвываться со своей обычной театральностью. — Фу, мерзость, будто сардину поцеловал.

В любой другой день я, наверное, засмеялась бы. Сейчас из меня вырывается звук где-то между смешком и всхлипом.

— Тена?

Я мычу в ответ.

— Сколько ещё эмоциональных потрясений ты сегодня выдержишь?

— Почему спрашиваешь?

— Не знаю, стоит ли тебе кое-что показывать.

— Показывай, — тут же отвечаю я.

Со вздохом он садится, и я повторяю за ним. Оглядывается, потом снова смотрит на меня, будто пытается определить, до какого уровня эмоционального разрушения я уже дошла.

— Показывай, — повторяю я. — Это связано с Афродитой? Я хочу знать.

Он чешет затылок, ещё сильнее растрёпывая светлые кудри, и поднимается. Берёт небольшой блокнот с прикроватной тумбочки, с той стороны кровати, где спала она. Возвращается и протягивает мне, не говоря ни слова.

Я беру его так, словно это бомба, которая вот-вот взорвётся у меня в руках. Он уже открыт на странице, которую Гермес хочет мне показать.

— Прежде чем ты обвинишь меня в том, что я нарушил её личные границы, сразу остановлю: это не её тайный дневник. Просто блокнотик, куда она записывала всякую случайную ерунду, в основном про звёзды и небо. Я прочитал его только потому, что хотел снова увидеть её почерк и прикоснуться к чему-то, чего касалась она сама…

— И?

— А потом нашёл кое-что ещё. Вот здесь, — он указывает на страницу, — она записывала про северное сияние. Если полистаешь дальше, там страниц двадцать о том, как оно образуется, почему, в каких регионах и в какое время года его вероятнее всего увидеть. Я проверил её книжный шкаф — у неё минимум десять книг про северное сияние и северные страны. А потом…

Он быстро перелистывает страницы и останавливается на другой.

— Здесь её желания. И самое первое — увидеть северное сияние.

Я сглатываю ком в горле, зная, что он всё равно вернётся, и начинаю читать. С удивлением замечаю: она записывала желания, которые, наверное, приходили ей в голову, когда она была далеко от пляжа и рядом не было ракушек, которым можно было бы их доверить.

Перед каждым желанием и правда нарисована маленькая ракушка.

Увидеть северное сияние

Поступить на астрофизику

Сделать блестящую карьеру

Носить короткие волосы, выше плеч

Брать уроки бокса и самообороны

Увидеть Эйфелеву башню на рассвете и на закате

Побывать внутри египетской пирамиды

Увидеть храмы Киото

Прокатиться на гондоле в Венеции

Посетить Конкорд, город, где происходит действие «Маленьких женщин»

Пройтись вдоль Великой Китайской стены

Поесть паэлью после посещения Саграда Фамилия

Найти хорошего мужчину, который будет меня любить

Завести семью, но только после того, как получу работу мечты

Увидеть, как Афина станет мамой

Увидеть, как Хайдес найдёт любовь, рядом с которой будет чувствовать, что его ценят

Увидеть, как Аполлон влюбится и станет менее грустным

Увидеть Гермеса счастливым

Получить ту жизнь, о которой мечтаем мы с братьями и сестрой

— Вау, — единственное, что тихо слетает с моих губ.

Я касаюсь синей ручки на линованной бумаге, выпуклых следов от букв, словно глажу сестру. Вот что от неё осталось, и это бесценное сокровище, которое стоит больше всего на свете.

— Думаю, теперь наш долг — исполнить эти желания, даже если она не сможет этого увидеть, — говорит Герм.

Я перечитываю их все.

— С желанием про Хайдеса, вообще-то, уже получилось. Остальные…

— Над ними можно поработать, — заканчивает он.

Я киваю, а потом чувствую, как лицо начинает кривиться от злости.

— Меня бесит, что её собственные желания мы исполнить не можем. Они так и останутся записанными здесь. Наш отец отнял у неё всё. Меня это так…

Гермес забирает у меня блокнот и закрывает, а затем садится передо мной, скрестив ноги.

— Большинство желаний, которые она записала, вполне осуществимы, Тена. Мы это сделаем. Не переживай.

— Мы сделаем?

Он улыбается, но слеза падает прямо ему на губы, заставляя их разомкнуться.

— Сейчас разберёмся с Хейвен и лабиринтом и прикончим нашего отца. А потом вернёмся к своей жизни и займёмся всем, что осталось незавершённым. Хорошо?

Я бросаю взгляд на закрытый блокнот, лежащий на кровати.

Мне хватило прочитать список дважды, чтобы навсегда запомнить каждое желание. Они уже отпечатались у меня в голове. Это именно та опора, которая была мне нужна. Возможно, если я исполню желания, которые она здесь записала, то искуплю хотя бы крошечную часть своей вины. Возможно, это единственное, что я могу сделать, чтобы мне стало хоть немного легче.

Мы с Гермом больше ничего друг другу не говорим. В последний раз оглядываем комнату сестры и выходим, но не расходимся. Идём ко мне и вместе ложимся на кровать.

Закатный свет пробивается сквозь стекло и заливает брата оранжевым сиянием, очерчивая его силуэт. Кудри кажутся золотыми.

Мы не разговариваем, не касаемся друг друга и даже лежим не лицом друг к другу.

Нам просто нужна компания, пока мы пытаемся пережить самую тяжёлую утрату в нашей жизни. И иногда, чтобы выдержать огромную боль, достаточно именно этого: кого-то, кто понесёт её вместе с тобой.

Это конец, но начало было таким прекрасным, что я надеюсь однажды вспоминать о нём с тоской и улыбкой.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 6. «Я ХОЧУ ИСПОЛНИТЬ ЖЕЛАНИЯ МОЕЙ СЕСТРЫ»

Афина — богиня-дева («парфенос»): у неё нет любовных отношений и возлюбленных, и она не позволяет желанию управлять собой. В мифологическом мире, полном сложных и страстных связей, она полностью владеет собой и воплощает рациональность, дисциплину и стратегию.

То, что Афина никогда не влюбляется, не случайность: любовь воспринимается как нечто, способное лишить контроля, тогда как она, напротив, олицетворяет ясный разум.

Афина, двадцать один год

Первое, что я делаю, когда мы возвращаемся в Йель после катастрофы с Пандорой и затянувшегося пребывания в Греции, где помогали Лав и её матери, — бегу искать Блю.

В последний раз я видела её привязанной к греческой колонне, где ей грозила казнь от рук какой-то незнакомки с луком и стрелами. Гермесу удалось её спасти, а я держала Блю рядом с собой до самого конца игры, но потом отвезла обратно в кампус и так и не получила возможности поговорить.

Всю дорогу она молчала. Не ответила даже на моё прощание. И я её не виню — она пережила нечто безумное. В машине мы пытались хоть что-то объяснить, не вдаваясь в подробности, но я всё равно не уверена, что это помогло. Её перепуганное лицо и мертвенная бледность преследовали меня всё это время, с той ночи и до сегодняшнего дня.

Ужин уже закончился, поэтому столовую я сразу исключаю. Она может быть в общежитии, и я стучу в дверь её комнаты. Открывает соседка, которая вздрагивает, увидев перед собой одну из Лайвли. Смущённо объясняет, что Блю в редакции UnGodly News, студенческой газеты.

Я без колебаний направляюсь туда. В голове повторяю заранее подготовленные фразы. Но чем больше их прогоняю, тем сильнее закрадывается страх, что звучат они жалко и ни к чему не приведут.

Что я вообще могу ей сказать? Уже хорошо, что она не заявила на нас после всего, через что прошла. Не то чтобы это сильно что-то изменило, учитывая, что мы и так все под расследованием ЦРУ. Одно заявление больше, одно меньше.

Единственное, чего я хочу, — попросить прощения и убедиться, что не оставила ей травму, которую она будет таскать за собой годами. И что она не считает меня сумасшедшей, хотя, если честно, мы с семьёй немного такие и есть.

Между нами с Блю никогда ничего не было, даже поцелуя. Только обмен колкостями и огромное напряжение — по крайней мере с моей стороны. Я так и не поняла, скрывалось ли что-то и за её неприязнью, за той тонкой гранью между любовью и ненавистью.

Блю стала для меня любовью с первого взгляда, с самого дня, когда я впервые её увидела. Меня заворожила её красота, признаю, и любопытство — желание узнать её и понять, что она за человек. А моя неспособность подойти только усиливала интерес, превращая её в притягательную загадку, которую хотелось разгадать. Но если сейчас задуматься, я понимаю, что почти ничего о ней не знаю, кроме того, что ей нравится меня провоцировать и не уступать.

Это возбуждает, даёт адреналин — в конце концов, я люблю вызовы. Но одновременно ужасно выматывает никогда не знать, какие чувства скрываются за всем этим. Не иметь ни единого лёгкого момента.

После Психеи Блю стала хорошим отвлечением. Я отчаянно искала способ «клин клином», но никак его не находила. Блю совершенно случайно ворвалась в мою жизнь и отвлекла ровно настолько, чтобы Психея не занимала мои мысли.

Я надеялась, что, может быть, теперь, когда она знает больше о моей семье...

Да, даже у меня в голове это звучит нелепо. Я бы сама над собой посмеялась, будь у меня настроение.

Я и правда не думаю, что участие в одной из наших игр могло хоть как-то сблизить её со мной.

Я нахожу её в своём кабинете. Это её любимый способ меня провоцировать — занимать мой стол и пользоваться моими вещами. Светлые волосы собраны в растрёпанный хвост, на носу очки, а сама она что-то печатает за компьютером. К счастью, не за моим.

Она не сразу меня замечает — я умею двигаться бесшумно.

Поэтому позволяю себе немного её рассмотреть. Сначала взгляд скользит к статье, висящей на стене, и я усмехаюсь. Хейвен стоит спиной, без футболки, перед Хайдесом, который таращится на неё во все глаза. Сейчас, оглядываясь назад, я бы такого не повторила. Это был неверный и нечестный поступок, даже если ничего и не было видно. Но всё равно рада, что сделала это: теперь это воспоминание, над которым смеёмся мы все, и Хейвен первая.

Я всё ещё улыбаюсь, когда снова смотрю на Блю. И тут губы застывают, вытягиваясь в прямую линию. Она смотрит на меня. Уже заметила.

Я сразу вижу перемену в языке её тела. Она больше не расслаблена в кресле, спина выпрямлена и напряжена, словно она настороже. Будто в любую секунду кто-то может войти, снова связать её и попытаться убить.

Я не могу её за это винить.

Я захожу в кабинет, отделённый от остальных рабочих мест журналистов, но остаюсь у порога, чтобы не пугать.

— Привет, — здороваюсь первой.

— Привет.

Тон враждебный. Он и раньше таким был, но сейчас гораздо сильнее. Точка невозврата.

— Как ты? — спрашиваю я.

— Афина, у меня нет времени на болтовню. Чего ты хочешь?

— Узнать, как ты после случившегося, — повторяю я, уже конкретнее. Это не пустая болтовня.

— Ты имеешь в виду после того, как меня похитили прямо здесь, в кампусе, а очнулась я привязанной к грёбаной греческой колонне в заброшенном театре? И какая-то греческая Китнисс Эвердин чуть не нашпиговала меня стрелами?

— Вижу, тебе хочется припомнить каждую мелочь, — бормочу я.

Блю резко вскакивает и отступает, прижимаясь к самой дальней от меня стене.

Я поднимаю руки.

— Я не собираюсь причинять тебе вред. Если ты забыла, мой брат сделал всё возможное, чтобы тебя спасти, а потом мы о тебе позаботились.

Она издаёт резкий смешок.

— Ты шутишь, да?

— Нет. Как я признаю, что ты оказалась в чудовищной ситуации, так и ты должна признать, что злодеями были не мы. Мы тоже были жертвами.

Она не находит, что ответить. Постепенно мышцы расслабляются, хотя глаза остаются настороженными. Блю медленно делает шаг вперёд, я повторяю. Между нами всё ещё приличное расстояние, но мы хотя бы больше не стоим в противоположных концах комнаты.

— Мне правда очень жаль. Я никогда не могла представить, что ты окажешься втянута в опасности моей семьи.

— Ладно.

— Я серьёзно, Блю.

— Я тоже. Ладно, хорошо, я поняла. Хватит.

Я хмурюсь.

— Хватит?

— А ты чего ждёшь? Что мы станем подругами? Что я теперь в тебя влюблюсь? Что мне вообще будет приятно с тобой разговаривать?

— Нет.

— Вот именно. Потому что этого не будет. После той ночи на Хэллоуин вы надолго исчезли, и, полагаю, ваши семейные «проблемы» были решены, но мне всё равно. Я никогда не забуду, через что из-за тебя прошла. Это было страшно. Я знаю только одно: хочу, чтобы ты держалась от меня подальше. И ты, и все, кто с тобой связан. Я даже не могу дружить с человеком, у которого такая семья.

Я указываю на неё пальцем.

— Даже не смей судить мою семью. Мои братья и кузены не такие, как те, кто заставил тебя участвовать в этой больной игре. Ясно?

Она стискивает челюсть и отводит взгляд.

— В любом случае я тебя понимаю. И ещё раз прошу прощения.

— Извинения приняты. А теперь, думаю...

— Нет, я ещё не ухожу. Хочу сказать тебе последнее.

Она скрещивает руки на груди.

— Я слушаю.

— Я ухожу с должности главного редактора газеты.

— Что?

Она выглядит расстроенной, и я не понимаю почему, если больше не хочет иметь со мной ничего общего. В конце концов, если бы я осталась, ей пришлось бы видеть меня почти каждый день и разговаривать. Но, наверное, по рабочим вопросам она способна вести себя по-взрослому и забыть... о попытке её убить.

— Так будет лучше. Должность перейдёт к Хелл Фокс, с понедельника она займёт моё место. В ближайшие дни я сообщу об этом остальным.

Хелл любит писать, и после нескольких её материалов я убедилась, что эта должность идеально ей подходит. Не только потому, что даст дополнительные зачётные баллы и хорошо будет смотреться в резюме после выпуска, но и потому, что её страсть к этому сильнее моей. Мне нравится писать, конечно, но я всё-таки куда более жадный читатель.

Мне нужно сосредоточиться на экзаменах и выпуске, чтобы, закончив учёбу, я смогла посвятить себя желаниям Афродиты и поставить галочку напротив каждой ракушки, которую она нарисовала в том блокноте.

Я возьму себе год, а потом снова вернусь к собственным жизненным планам. Именно этого мне хочется, и именно это кажется мне самым правильным. Никто не стал возражать, как я боялась, никто не сказал, что я зря трачу время. Наоборот, кое-кто даже вызвался поехать со мной в некоторые путешествия.

— Ладно. — Блю возвращает меня к реальности. — Что-нибудь ещё?

— Вроде нет.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я разворачиваюсь на каблуках и выхожу из редакции, ни разу не оглянувшись, чтобы позволить себе последний взгляд. Останавливаюсь у подножия мраморной лестницы, не обращая внимания на немногочисленных студентов, проходящих мимо, и хватаюсь за перила.

Глубоко дышу, пытаясь унять сильную пульсацию в висках и ускорившееся сердцебиение.

— Я этого ожидала, мне не должно быть больно, — вполголоса повторяю я себе снова и снова, до тошноты.

Настоящая проблема в том, что я никогда не забуду ужас на её лице. Страх, что я могу причинить ей вред, что могу оказаться опасной. Неприязнь, с которой она на меня смотрела, следя за каждым малейшим движением и ожидая худшего.

Мне хочется всё переиграть. Если бы только у меня раньше хватило смелости познакомиться с ней поближе, может, сейчас всё сложилось бы иначе. Может, она отреагировала бы как эта сумасшедшая Хейвен, которая, узнав о нашей семье, не бросила Хайдеса. Или как Хелл, у которой реакция была куда нормальнее: сначала она испугалась, а потом постепенно привыкла к нашему миру.

А может, мне стоило забыть о своей влюблённости в Блю и вернуть Психею — девушку, которая всё превращает в нечто лёгкое, даже подколы, которая загадывает желания для меня и собирает ракушки, чтобы я могла попросить море вернуть к жизни мою сестру. Ту, которая нахлобучила мне на голову парик, назвала «Перцем» и затащила в клуб, чтобы попытаться научить меня веселиться.

Может, я потеряла столько лет, убегая от того, чего хотела, потому что... потому что я идиотка. Других объяснений не нахожу.

Идиотка, которая не боится выйти на бой против мужчины вдвое крупнее неё, зато до смерти боится чувств, боится, что никогда не окажется достаточно сильной для любви, для других людей.

Как бы то ни было, теперь уже слишком поздно. Почти год я ничего не слышала о Психее и даже не знаю, как с ней связаться. Наверное, я могла бы что-нибудь придумать, но не решаюсь. В очередной раз боюсь, что она станет отвлечением от Афродиты.

Сначала я должна выполнить весь список желаний, а потом уже подумаю о себе.

Так правильно.

Когда я добираюсь до комнаты в общежитии, дверь открыта, а внутри находятся Гермес, Хейвен, Аполлон и Хайдес.

Я приподнимаю бровь.

— Мне не нравится, как это выглядит. Что случилось?

— Как прошло с Блю? — тут же спрашивает Герм.

— Мы поклялись друг другу в вечной любви и потрахались.

— О, правда? — отзывается Аполлон.

— Нет, идиот, — одёргивает его Герм. — От неё сексом не пахнет.

— А если бы она наконец-то потрахалась, у неё точно не было бы этого обычного выражения лица, будто она злится на весь мир, — добавляет Хейвен.

Надо признать, она уже неплохо меня изучила.

— Она меня до ужаса боялась, — рассказываю я, подходя к кухонному уголку и ставя воду для зелёного чая. — Даже разговаривать со мной не хочет, велела держаться от неё подальше до скончания веков. И не только мне, но и вам.

В комнате повисает тишина.

— Ну, наконец-то кто-то отреагировал нормально, — замечает Аполлон. — Мы настолько привыкли к безумию Хейвен, Хелл, Лиама и остальных, что забыли: вполне нормально не хотеть иметь с нами ничего общего. Особенно если человек оказался втянут в одну из наших смертельных игр.

Все кивают.

— Хочешь выговориться? Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает Гермес.

— Что угодно, — добавляет Хайдес.

— Нет, нет, спасибо, — успокаиваю их я. — Но… мне бы хотелось всем вместе сходить на пляж. На тот, что ближе всего к кампусу.

Гермес хватает Аполлона за запястье, чтобы посмотреть время на его часах. Потом раздражённо отпускает.

— Да кого я обманываю, я не умею определять время по стрелкам. Дайте мне айфон!

Аполлон фыркает, а Хейвен хихикает.

— Уже почти одиннадцать. Не поздновато, Тена?

— Я хочу показать вам игру, которой Афри научила меня, когда мы были маленькими, — объясняю я. — Мне хочется, чтобы вы тоже её знали и чтобы у вас осталось такое воспоминание о нашей сестре.

Хайдес первым встаёт.

— Идём.

Никто не возражает. Если подумать, можно было бы подождать ещё несколько минут, хотя бы пока я выпью горячий чай. Я выключаю чайник и оставляю всё как есть до нашего возвращения.

Мы едем в Уэст-Хейвен. Именно этот пляж Аполлон вводит в навигатор перед тем, как тронуться. Карта показывает всего пять километров — примерно пятнадцать быстрых и безболезненных минут.

До сегодняшней ночи я здесь ни разу не была. Казалось бы, если вырасти на острове, море должно стать чем-то любимым, по чему потом скучаешь, но со мной произошло ровно обратное. Я всегда держалась от него подальше.

Пляж тянется на несколько километров параллельно пешеходной набережной. Здесь есть велодорожки, прогулочные тропы, киоски и заведения, которые сейчас уже закрыты. Кажется, кроме нас пятерых, вокруг вообще никого.

По моей просьбе мы спускаемся на песок, и их любопытство растёт с каждой секундой. Гермес продолжает сыпать вопросами, совершенно не умея ждать.

Здесь песок смешивается с галькой, поэтому я прошу всех направить фонарики телефонов к берегу, чтобы было легче искать ракушки. Нахожу одну, правда расколотую пополам, а когда Хейвен замечает, что я делаю, подбирает вторую — для себя. Срабатывает эффект домино: каждый понимает, что нужно делать, и присоединяется. Гермес снова начинает задавать вопросы.

— Ты можешь хоть немного, блядь, помолчать? — огрызается на него Хайдес.

Порыв ветра растрёпывает ему волосы, и он с недовольным фырканьем поправляет чёлку.

Гермес дружески толкает его.

— Успокойся, Дива, и лучше следи за причёской.

— Так, у всех есть ракушка? — уточняю я.

— Да, — отвечают они по очереди.

— Возьмите немного песка и насыпьте внутрь, — продолжаю я. — Потом поднесите ракушку к губам и прошепчите желание. А затем оставьте её у самой воды, и когда морская волна унесёт её с собой, значит, желание принято и отправилось в путь, чтобы однажды исполниться.

Когда я заканчиваю объяснять, все смотрят на меня.

— Это та самая игра Афри? — тихо спрашивает Аполлон.

— Красиво, — говорит Гермес. — Правда очень красиво.

Теперь каждый смотрит на свою ракушку уже иначе. У каждого из них появилось новое воспоминание об Афродите; есть что-то ужасающе прекрасное в том, чтобы открывать новую сторону человека, которого ты потерял. Ты знаешь, что будущего с ним уже не будет, и тебе остаются только маленькие детали, о которых могут рассказать другие.

Я подношу ракушку к губам и говорю:

— Я хочу исполнить желания моей сестры.

Потом оставляю её морю, и оно с удивительной лёгкостью уносит ракушку за считаные секунды.

— Ты отправишься в путешествие после выпуска? — спрашивает Хейвен. — Уже знаешь, с чего начнёшь?

Я киваю.

— План такой: закончить учёбу в Йеле, потом я хочу переехать в Нью-Йорк и подать документы в магистратуру по издательскому делу. Если всё сложится и меня примут, через полтора года я закончу, а потом смогу взять несколько месяцев и съездить туда, куда хотела Афродита.

Они не удивляются. Все давно знают, как сильно я люблю читать и вообще книги. Это было тем, что объединяло нас с Афродитой. Для неё это была просто чистая любовь к возможности проживать новые миры и знакомиться с вымышленными персонажами. Для меня всё не ограничивается этим: меня по-настоящему интересует вся издательская индустрия. Мне нравится сама мысль читать рукописи, выбирать, какие из них стоит приобрести и продвигать, давать писателям голос и помогать их книгам попасть на полки всех книжных магазинов. Мне хочется работать над чужими книгами, над историями, в которые я верю и с которыми хочу познакомить всех остальных.

Нет ничего, чего я хотела бы сильнее. И я готова это получить. Сначала я собиралась поставить учёбу на паузу и сразу заняться желаниями из блокнота сестры. Именно Аполлон заставил меня серьёзно задуматься над этим решением; Афродите совсем не понравилось бы, если бы я бросила всю свою жизнь. Она хотела бы, чтобы сначала я закончила начатое. Так я и сделаю.

Хейвен насыпает немного песка в свою ракушку.

— Я хочу, чтобы Афина смогла исполнить желания Афродиты.

Я остаюсь с открытым ртом, а она бросает мне лукавую улыбку и кладёт свою ракушку туда же, где только что оставила мою.

— Что ты сделала? Вы же должны были загадать свои желания…

— Я решила подарить своё тебе.

Следом за ней вперёд выходит Аполлон, а я всё ещё не нахожу слов, слишком растроганная поступком Хейвен.

— Я хочу, чтобы Афина смогла исполнить желания Афродиты, — повторяет он.

— Повторюшка, — поддевает его Хейвен.

Аполлон по-братски толкает её плечом, а она отвечает ему ещё сильнее.

Море уносит и их две ракушки.

Четвёртым загадывает желание Гермес. И оно оказывается тем же самым, что у Хейвен и Аполлона.

Хайдес подбрасывает свою ракушку в воздух и ловит обратно. На лице у него предельно сосредоточенное выражение.

— А я хочу никогда не облысеть с возрастом.

Гермес и Аполлон одновременно толкают его.

— Придурок, — наезжает на него кудрявый.

— Эй, я достаточно верю в Афину, чтобы понимать: ей не нужно, чтобы я отдал ей своё желание, чтобы её собственное стало более исполнимым. Это называется доверять людям, которых любишь, придурок.

— Подлиза, — прокашливает Гермес.

Я хлопаю Хайдеса по плечу.

— Мне и твой вариант нравится, не переживай. И я согласна, что желание тебе лучше оставить. Если начнёшь терять волосы, станешь ещё невыносимее, чем сейчас.

— Правда, — соглашается Аполлон.

— Чёрт, правда, — добавляет Герм, а потом смотрит на море. — Может, нам всем стоило загадать волосы Дивы.

— Правда, — подводит итог Хейвен. Хайдес смотрит на неё. — Прости, любимый.

Стоя рядом друг с другом, мы молча любуемся морем. Тем самым, которое только что проглотило наши желания и теперь ищет способ их исполнить. Красиво верить во что-то больше нас самих, во что-то волшебное и нереальное. Мне это нравится, потому что связано с сестрой, но я прекрасно понимаю: чтобы всё, чего я хочу, стало реальностью, придётся приложить усилия самой.

Кроноса больше нет. Империя Лайвли рухнула, а ЦРУ говорит, что у нас отличные шансы быть признанными не виновными, а жертвами. Перед нами — передо мной — открывается целый мир возможностей.

Не знаю, не слишком ли поздно становиться той, кем мне всю жизнь запрещали быть, но… я могу хотя бы попробовать. Я всю жизнь ждала свободы от отца, и теперь, когда она у меня в руках, было бы глупо позволить ей ускользнуть. А уж глупой меня за два десятилетия жизни никто никогда не называл.

В конце концов мы отправляемся прогуляться. Болтаем обо всём понемногу, обсуждаем и более серьёзные вещи, например наши планы после выпуска, и покорно участвуем в играх, которые Гермес, как всегда, придумывает на ходу.

Когда мы снова садимся в машину и Хайдес устраивается за рулём, а я — на пассажирском сиденье, я поворачиваюсь к нему и молча разглядываю, погрузившись в внезапно появившиеся новые мысли.

— Что? — спрашивает он.

— Когда вернёмся в кампус, ты сразу хочешь спать?

Он вздыхает.

— Что тебе нужно?

Я беру прядь каштановых волос и осторожно пропускаю её между пальцами. Они заканчиваются всего на несколько сантиметров ниже ключиц.

— Я хочу, чтобы ты подстриг меня до той длины, которую хотела Афродита.

— Что?

На заднем сиденье Гермес храпит, уткнувшись в плечо Хейвен, а она, в свою очередь, привалилась к нему. Аполлон сидит куда приличнее, веки опущены, но я уверена, что он не спит.

— Я хочу носить короткие волосы, как хотела она, столько, сколько мне понадобится. А потом, через несколько лет, кто знает, может, отращу их до той длины, о которой всегда мечтала сама.

Хайдес останавливается на жёлтый свет. Поворачивает голову, прислонённую к подголовнику, и усмехается.

— Ладно. Мне нравится.

— Нравится?

— Очень. Хотя... мой экспертный взгляд советует тебе длинную многослойную стрижку и чёлку-шторку. Стоит подумать.

Он всё-таки заставляет меня тихо рассмеяться.

— Дива, — бормочет Гермес сзади.

— Мы вообще-то должны были притворяться спящими, — отчитывает его Хейвен.

— То есть мы все тут притворяемся, пока ждём, что двое главных суровых ребят в семье наконец скажут друг другу что-нибудь эмоциональное, а в итоге слушаем разговор о волосах? — продолжает Аполлон.

Хайдес фыркает, а когда загорается зелёный, резко трогается с места.

— Вы ужасны.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 7. «Я ХОЧУ ТЕБЯ»

Дистанция между Афиной и любовью отчётливо прослеживается в мифологии. Когда бог Гефест пытается овладеть ею, Афина отвергает его. Косвенно из этого эпизода рождается Эрихтоний, однако настоящей близости между ними так и не происходит: этот сюжет как раз подчёркивает неприкосновенность богини. Впрочем, Афина никогда не руководствуется любовью в своих решениях. Даже когда помогает героям и защищает города, делает это из соображений стратегии и справедливости. Даже когда поддерживает кого-то, например Одиссея, их связь основана скорее на взаимном уважении и интеллекте, чем на любви. Это не означает, что она совершенно холодна или отстранена, — просто её отношения с другими проходят скорее через разум, чем через сердце.

Афина, двадцать пять лет

Хейвен и Хайдес одни стоят в центре танцпола и танцуют свой первый танец как муж и жена. Над ними раскинулось ночное небо, полное звёзд, а лёгкий ветерок наконец начинает сбивать температуру, невероятно высокую для почти наступившего октября здесь, в Греции.

Эта свадьба стала одним из самых счастливых событий моей жизни — по крайней мере, у себя в голове я могу позволить себе быть сентиментальной и признать это. Два дня покоя, в которых я безумно нуждалась.

С Пандоры и до сегодняшнего дня жизнь неслась в бешеном темпе. Я делала всё возможное, чтобы забить голову учёбой, а тело изматывать боксом.

Когда тебе больше не приходится защищаться от психопатов — отца и деда, которые втягивают тебя в игры и опасные поездки по Греции, — появляется возможность, как у меня, так и у остальных, стать людьми с нормальной жизнью. Людьми, которым приходится переживать из-за того, достаточно ли хорошо они записали лекцию, и зубрить до поздней ночи перед экзаменом. Эти мысли отвлекали меня от прощания с Психеей, ужаса в глазах Блю, обрывков воспоминаний об играх Пандоры и чувства вины за смерть сестры.

Последние четыре года я стараюсь снова и снова проживать в голове хорошие моменты с Афродитой. А главное — жить настоящим вместе с семьёй. Учиться, ходить в университет, добиваться карьерных целей, чувствовать себя состоявшейся и гордиться собой.

Годы магистратуры в NYU оказались лучше тех, что я провела в Йеле. Мне даже удалось научиться нормальному социальному взаимодействию с однокурсниками.

Я всё равно не сгусток экстраверсии и веселья вроде Гермеса и Лиама, но теперь я Афина менее холодная, менее отстранённая. Всё ещё испытывающая отвращение к некоторым человеческим особям, разгуливающим по миру, и с врождённым недоверием к мужчинам, конечно, но всё-таки чуть менее жёсткая.

Любовь так и осталась где-то далеко. Каждый раз, когда я думаю об этом слове, передо мной возникает не пространство возможностей, а одно конкретное лицо: большие глаза, звёздочки-веснушки на щеках и цветной парик.

Обычно я тут же прогоняю этот образ, хотя тех нескольких секунд вполне хватает, чтобы сердце провалилось куда-то в грудь, а желудок скрутило.

Я начинаю бояться, что воспоминание о ней будет действовать на меня так до конца моих дней. Она — единственное, что я не могу рационализировать, сделать логичным, разложить по частям, изолировать и спрятать в каком-нибудь уголке разума, откуда это никогда больше не выберется.

Возвращение в Грецию точно не помогает. Смотреть, как Хейвен и Хайдес целуются, медленно покачиваясь на месте, красивые и безупречно элегантные, — всё равно что получить кулаком в лицо. Любовь окружающих меня людей постоянно напоминает о чём-то прекрасном, что я почти получила.

Я допиваю золотистую жидкость в бокале и зажмуриваюсь. Нужно перенаправить мысли и сосредоточиться на том, что случится меньше чем через месяц, когда я сяду на рейс из аэропорта JFK и начнётся моё путешествие по местам, которые выбрала Афродита.

На некоторых остановках, уже полностью распланированных, ко мне присоединятся братья и кузены. Они всё устроили так, чтобы ни в одном городе я не оставалась одна. Я пыталась их отговорить, но безуспешно. В конце концов поняла, что забота обо мне была лишь предлогом. Они тоже хотели почувствовать себя частью этого поступка, исполнить желания Афри, и я никогда не стала бы им мешать.

— И откуда такое грустное лицо с явным уклоном в «я сейчас кого-нибудь прибью»? — восклицает Лиам, усаживаясь рядом.

С ним Зевс, но коляску он останавливает с другой стороны, устраиваясь справа от меня.

— У меня не грустное лицо с уклоном в «я сейчас кого-нибудь прибью». Это просто моё лицо.

Лиам смеётся.

— А, точно.

— Это была шутка. Моё лицо не такое.

Он распахивает глаза.

— О. Да, конечно. Я тоже пошутил.

Я тихо хихикаю.

— Расслабься, Лиам, я прикалываюсь.

— Теперь я запутался. Я тебя больше не понимаю, — признаётся он.

Зевс по-покровительски качает головой.

— Не переживай, ты отлично справляешься.

— Спасибо. — Лиам снова смотрит на меня. — Ну что, ты ещё общалась с Блю?

— Можно было и не так в лоб, — бормочет Зевс.

Я отбираю у Лиама бокал и выпиваю одним глотком.

— Нет. А зачем?

— Она вроде тебе нравилась. Я немного надеялся, что у вас всё получится.

Чёрт. Если уже Лиам Бейкер жалеет меня из-за личной жизни, это новый уровень отчаяния. Ниже падать уже некуда.

— После того вечера в редакции мы больше ни разу не разговаривали. Но, наверное, так даже лучше.

— Она вообще-то была стервой, если честно.

Я решаю его проверить и сохраняю серьёзное лицо.

— Но иногда я по ней скучаю…

— Стерва, да, но мне она нравилась! — тут же исправляется он.

Зевс хлопает себя ладонью по лбу.

— Ли…

«Ли» — прозвище, которым он его называет. Мне всегда казалось это милым. Они не используют приторные ласковые обращения вроде «любимый» и тому подобного, и, пожалуй, именно поэтому остаются моей любимой парой во всей этой семье сентиментальных людей.

— Но вообще у тебя вид человека, который страдает от любви. А я такие вещи замечаю. Напоминаю: я уже много лет пишу об этом стихи. Я понимаю, — продолжает Лиам. — Вот только интересно, по кому ты страдаешь, если не по Блю.

Я смотрю на него искоса.

— А тебе какое дело?

— Мы друзья, разве нет? Друзья переживают друг за друга.

Вот это действительно заставляет меня улыбнуться. Если бы на первом курсе Йеля мне сказали, что через много лет мы с Лиамом станем друзьями… я бы спрыгнула с самой высокой крыши кампуса.

Его попытки меня завоевать временами переходили границы, но чаще всего всё это было просто лёгкими моментами в жизни, которая всегда оставалась тяжёлой. Делать вид, что я его терпеть не могу, было частью спектакля, а ещё способом объяснить, что шансов у него нет и лучше бы ему отступить.

Со временем наши отношения изменились, развились и выросли вместе с нами. Лиам одним из первых всегда пытается вытянуть из меня слова, копается внутри, чтобы найти ту крошечную часть эмоциональности, которую я тщательно закапываю. А его природный талант превращать эти попытки скорее в шутку, чем во вторжение в личное пространство, чаще всего и заставляет меня раскрываться.

Я вкратце рассказываю им о Психее. Они с Зевсом смотрят на меня с предельной сосредоточенностью, доедая закуски так, словно это попкорн, а я — фильм, выхода которого они ждали годами.

В конце Лиам ударяет кулаком по столу так, что вздрагивают сидящие рядом люди, занятые своими разговорами.

— Ты должна ей написать! Верни себе эту девушку!

— Тс-с, — шикаю я, смутившись.

Зевс кивает.

— Согласен. Её номера у тебя нет и ты не уверена, где она сейчас живёт, но вообще-то мы живём в эпоху социальных сетей.

— Я уже давно нашла её профиль в Instagram, — признаюсь я. — Не то чтобы у меня самой был аккаунт под настоящим именем. У меня есть фейковый, с которого я слежу за людьми.

Лиам разевает рот.

— Что? Ты на меня подписана? Как у тебя ник? Ты ставишь мне лайки? Ты видела последний рилс, где я читаю стихотворение, которое написал на прошлой неделе? — выпаливает он одно за другим.

Зевс щёлкает пальцами.

— Ли, внимание на главную тему.

— Точно. — Он смотрит на меня. — Только ты ведь не тот аккаунт с кучей цифр в нике, который написал: «Редкостное говно», да?

Я тихо смеюсь.

— Нет, Лиам. Мне не нужен фейковый аккаунт, чтобы сказать тебе, что мне не нравится твоё стихотворение.

— Но серьёзно, — снова вступает Зевс. — Почему бы тебе не попробовать с ней связаться? Восстановить отношения.

— Потому что прошло слишком много времени. А вдруг у неё кто-то есть? Мне будет ужасно больно. А если она больше ничего не чувствует? Если вообще поняла, что я того не стою? Я не могу рисковать и получить отказ.

Лиам приподнимает бровь.

— Дорогая, жизнь состоит из отказов куда больше, чем из побед. Придётся это принять. Иначе какой вообще смысл? Если не спросишь, ответ всегда будет «нет». А если спросишь — рано или поздно какая-нибудь скажет «да».

— И это говорит король отказов, — замечает Зевс. — Парень, который настолько привык к «нет», что поэтому и убегал от меня. Но посмотри на нас сейчас. Я его самое уверенное «да» за всю жизнь. Никто другой никогда не скажет ему «да» так, как сказал я. Откуда ты знаешь, что для тебя Психея — не то же самое?

— Не знаю. В том-то и дело. И мне страшно это выяснять.

Лиам хватает меня за плечи и встряхивает так сильно, что Арес, Хелл и Тейя оборачиваются и ошарашенно на нас смотрят.

Зевс машет рукой.

— Возвращайтесь к празднику, здесь ничего не происходит.

Тейя отступает неохотнее всех.

— Ладно, но потом я должна узнать всё.

Лиам снова переключается на меня.

— Дай телефон. Я сейчас сам ей напишу и начну переписку.

— Что? — каркаю я. Инстинктивно прижимаю к коленям клатч, в котором лежит телефон. — Даже не обсуждается.

— Ох, Афина, я же не говорю отправить ей фотку твоих сисек. Просто: «Привет, как дела?» — Он поворачивается к Зевсу. — Хотя начать с пары сисек тоже не так уж плохо, да?

Тот задумчиво кривится.

— Нет, пожалуй. Смотря любит ли Психея такое.

— Я бы оценил, — добавляет Лиам.

— Я тоже.

— Однозначно да! — вклинивается Арес. — Сиськи — всегда правильный выбор.

Хелл отвешивает ему лёгкий подзатыльник.

Я поднимаю руки.

— Так, можете хоть на секунду прекратить? У меня от вас уже мозг плавится.

— Да, да, ты права, — соглашается Лиам, понижая голос, чтобы этот шпион Арес больше не подслушивал. — Но насчёт остального я серьёзно. Если у тебя не хватает смелости, я сделаю это сам. Ничего не отправлю без твоего одобрения…

— Ребята, спасибо, правда, но сейчас не подходящий момент. Мне надо подумать. И вообще мне не нравится идея снова сближаться с ней через сообщение в какой-то дурацкой соцсети.

— Тем более что в этом нет необходимости, — вмешивается женский голос.

Каждая мышца моего тела каменеет. Спина выпрямляется и застывает так сильно, что начинает болеть. Я даже не могу повернуть шею и посмотреть, кто это сказал. Да и зачем? Я прекрасно знаю.

Такой весёлый, звонкий голос я никогда бы не забыла.

Мы с Лиамом и Зевсом одновременно поднимаем головы. Новоприбывшая стоит рядом со столом, за спиной Зевса. На ней короткий электрически-синий парик с чёлкой, который я всегда безумно любила. Тело облегает длинное платье с вырезом сердечком, тоже электрически-синее. Сквозь разрез сбоку видна нога, которую я уже не раз видела обвивающейся вокруг пилона.

Лицо оставляю напоследок. И вот они — привычные звёздочки, приклеенные к коже вместо фантазийных веснушек.

Два огромных глаза, которые сияют всё так же, как в ту первую ночь, когда я в них заглянула.

Психея.

Я несколько раз моргаю, прежде чем убеждаюсь, что она действительно здесь. В первое мгновение мне кажется, что мозг сыграл со мной злую шутку.

— Что ты здесь делаешь? — с трудом шепчу я.

На её губах появляется лёгкая усмешка.

— Соль скучает по Перцу.

От наших тайных прозвищ глаза мгновенно наполняются влагой.

Она тут же пожимает плечами.

— Ну и молодожёны меня пригласили. После очень любезного предложения Гермеса.

Гермес, конечно. Только он и Афродита знали о Психее.

Гермес.

Который сейчас на танцполе тверкает у Посейдона за спиной, а Цербер за диджейским пультом подбадривает его в микрофон.

— Может, вам стоит побыть немного вдвоём, — предлагает Зевс.

— Зачем? Кто вообще эта девушка? — подозрительно спрашивает Лиам. — Извини, но Афине нужно вернуть девушку, которая нравится ей уже семь лет, Психею. А ты найди себе кого-нибудь другого.

О господи. Я хочу, чтобы пол разверзся и проглотил меня.

Психея приподнимает бровь и смотрит на меня с явной провокацией.

— Вот как? Ей нужно вернуть девушку, которая ей нравится?

Когда Лиам собирается что-то добавить, я его останавливаю.

— Это и есть Психея. Прошу тебя, больше ничего не говори.

— О, — произносит он. — О!

За спиной Психеи танцпол постепенно заполняется гостями. Гермес размахивает рубашкой над головой, закручивая её вокруг ладони, а голая, покрасневшая на солнце грудь блестит от нанесённых им блёсток.

Аполлон танцует неловко, почти не сходя с места, пока Лав и Хейвен пытаются заставить его хоть немного расслабиться.

Когда Лиам, Зевс, Арес и Хелл тоже уходят танцевать, Тейя напоследок бросает на меня очень красноречивый взгляд.

Я снова поворачиваюсь к Психее и прочищаю горло.

— Привет.

— Вижу, ты всё та же хмурая Афина, которую я знала. Перец тобой бы не гордилась.

Я не знаю, что ответить. Она права: именно Психея была единственной, кто умел вытаскивать наружу мою более весёлую и беззаботную сторону.

— Времена, когда я пьяная танцевала в EUPHORIA с ярким париком на голове, давно прошли.

Психея кивает.

— А тебе вроде нравилось. Ты больше никогда не пробовала ходить в похожие места?

— Иногда я включала у себя в комнате песни, названия которых спрашивала у тебя, — признаюсь я. — Но поняла, что мои ноги плохо двигаются, когда тебя нет рядом. Без тебя я не умею нормально танцевать.

Я удивлена сказанному не меньше неё. Не думала, что сумею выдать настолько искреннюю и даже довольно сентиментальную мысль. Просто хотела сказать правду, вот и всё.

— Можем отойти куда-нибудь потише и поговорить? — наконец спрашивает она.

Я бросаю последний взгляд на танцпол. Все выглядят счастливыми и поглощёнными праздником, никто не замечает, как мы отходим от столов и спускаемся по скрытой дорожке между густыми ветвями деревьев и цветущими кустами.

Психея ведёт, идя впереди. Когда понимаю, что мы ушли дальше, чем ожидала, ничего не спрашиваю. Тем более у меня уже есть предчувствие, и оно подтверждается, когда она останавливается.

Это наше тайное место, где мы переодевались перед походами в EUPHORIA. Прятали два рюкзака за кустом и превращались в Соль и Перец.

Сейчас здесь тоже стоит рюкзак — прямоугольный, чёрный и совсем простой. Психея закидывает его на плечо и кивает вправо.

— Спустимся на пляж?

И снова я не спорю. Молча позволяю ей вести меня туда, куда она хочет. Мы снимаем туфли и идём по широкой полосе прохладного песка.

Садимся у берега, но достаточно далеко от воды.

— Я ждала, что ты сама меня найдёшь, — говорит она. — Но я никогда не была гордячкой, скорее наоборот. Я из тех, кто делает первый шаг, поэтому… вот я и здесь.

— Вот ты и здесь. — Я позволяю себе несколько секунд просто смотреть на неё. Прошло семь лет с тех пор, как я впервые увидела её в этом же парике, а кажется, будто она совсем не изменилась с того лета. Всё та же провокационная улыбка, всё тот же свет в глазах.

— А теперь тот момент, когда ты говоришь, что скучала по мне.

Я улыбаюсь.

Она тоже, хотя и хмурит лоб.

— Что?

— Ты всё-таки одержима мной.

Она закатывает глаза.

— Неправда. Не я годами смотрела свои сторис в Instagram с фейкового аккаунта.

Я вздрагиваю.

— Что? Неправда. У меня нет Instagram.

— У Афины Лайвли — конечно. А у Пользователя300600900 есть.

Чёрт. Как она поняла, что это я? Среди всех фейковых и странных аккаунтов в этой ужасной соцсети как она связала со мной именно этот?

Я сохраняю невозмутимое лицо.

— Это не я.

— Открой Instagram на телефоне и посмотрим.

— Не могу, потому что приложения у меня нет. Я им не пользуюсь.

— Афина.

— Ладно, это была я! Хорошо, признаю. А теперь хватит.

И вообще в последний год я перестала это делать. Очень долго следила за ней анонимно, это правда, а потом поняла, что только причиняю себе боль, и бросила. От одной мысли, что однажды открою её профиль и увижу там другую девушку, меня выворачивало изнутри.

Психея толкает меня плечом.

— Это очень мило и трогательно.

— Совсем не в стиле Афины Лайвли, да. Скорее в стиле Перца, — шучу я.

— Перец — это всё равно ты. Перец — это Афина. Я всегда тебе это говорила.

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза, потом я опускаю голову и начинаю ковыряться в песке.

— Я должна была защитить тебя от отца. До тебя он убил другого сотрудника, чтобы наказать Гермеса.

Улыбка исчезает с её лица.

— Я догадывалась, что он способен на такое. Твоя записка меня уничтожила, но я ни разу не пришла требовать объяснений, потому что боялась: за всем этим стоит что-то гораздо большее.

— Ты не злилась на меня?

Она смеётся.

— О да, ещё как, блядь, злилась. Но что я могла сделать?

— Ничего.

— Ничего, — подчёркивает она.

— Я...

— А когда мы снова увиделись на похоронах Афродиты, это тоже был не самый подходящий момент для отношений, — перебивает она.

— Да.

— Но почему тогда ты не нашла меня позже? Когда всё успокоилось. Почему годами следила за мной с фейкового аккаунта и ни разу не попыталась восстановить отношения?

— Потому что... потому что...

Слова застревают в горле. Признаться, что мне нравится с ней танцевать, — одно. Признаться, насколько слабой я становлюсь, когда дело касается отношений, — совсем другое.

Она замечает, как мне трудно, и вместо того чтобы давить дальше, расстёгивает молнию рюкзака. Достаёт парик цвета фуксии с чёлкой, длиной до талии. Мой любимый. Не предупреждая, надевает его мне на голову, скрывая короткие волосы.

— Теперь ты Перец. А Перец — это та версия Афины, которой никогда не дали шанса стать собой. Перец танцует, веселится, выпивает на пару шотов больше, чем стоит, умеет относиться к жизни чуть легче и даже находит смелость поцеловать меня и пригласить к себе в комнату. Теперь ты можешь быть Перцем и поговорить со мной откровенно?

Понятно, что это всего лишь парик и никакой магической силы у него нет, но мне нравится сама идея. Она напоминает игру с ракушками желаний. Иногда верить во

что-то несуществующее — не глупость, а просто способ найти смелость сделать то, на что не хватает веры в себя.

Я хочу быть и Перцем тоже. Хочу быть сильной девушкой, но одновременно той, кто умеет относиться к жизни хоть немного легче.

Чтобы подтолкнуть меня окончательно, Психея поднимает руки к затылку и несколько секунд возится у основания шеи, прежде чем снять собственный парик.

Каскад светлых кудрей рассыпается по груди, опускаясь ниже груди. Длинные волосы пшеничного цвета, с более светлыми прядями, обрамляют её прекрасное лицо.

— Твои настоящие волосы? Вау, всё серьёзно, — с трудом шучу я, потому что она настолько красивая, что я уже не уверена, правильно ли вообще произношу слова.

— Да. — Она наматывает светлую прядь на указательный палец. — Тебе нравится?

— У меня слабость к блондинкам, — признаюсь я.

— Блю блондинка?

Упоминание её имени выбивает меня из равновесия. Не потому, что это всё ещё открытая рана — давно уже затянулась и зарубцевалась, — а скорее потому, что я не ожидала, что Психея вообще её помнит.

— Да, Блю блондинка.

— М-м-м.

— Между нами никогда ничего не было. Более того, я уже много лет с ней не разговаривала.

Она поворачивается так резко, что я слышу хруст сустава.

— Правда?

Меня смешит то, что она вообще никогда не пытается скрывать эмоции. Как сейчас, когда улыбается во все тридцать два зуба и буквально кричит всем видом, как счастлива, что Блю больше не мешается у неё на пути.

— Даже не пытаешься скрыть восторг, да?

Она пожимает плечами.

— Нет. Я рада, что она убралась с дороги. Конечно, если это действительно означает, что теперь шанс есть у меня. А если даже без неё мы всё ещё там же, где были раньше, скажи сразу, чтобы я успела подготовиться к грусти, — выпаливает она на одном дыхании.

— Понимаю.

— Я пряталась за париком, а ты в парике была самой собой. Теперь твоя очередь сказать правду.

Я считаю до десяти про себя и выравниваю дыхание. Она права. Прошли годы, мы несколько раз теряли друг друга и находили снова. На этот раз мы должны найти друг друга так, чтобы больше никогда не потеряться.

Бог знает, как сильно я этого хочу.

— Я боялась, что слишком поздно, — тихо говорю я. — Боялась отказа. Я бы его не выдержала. Не от тебя. И дело правда не в гордости: ты дала мне возможность быть всем тем, чем мне запрещали быть. У меня осталось такое красивое, такое счастливое воспоминание о тебе… Я не могла рисковать им, Психея.

Она слушает, предельно сосредоточившись, а потом кривится.

— И всё? Только поэтому? То есть причина настолько банальная?

— Разве не из-за самых банальных вещей мы чаще всего и разрушаем отношения? — отвечаю я.

Отсутствие общения, страхи, которые существуют только у нас в голове, недопонимания, которые никто не проясняет, слишком много невысказанного и слишком много сказанного не вовремя и не тем тоном.

Мы разрушаем отношения с другими из-за глупых мелочей. А когда становится слишком поздно, понимаем, что проблемы можно было решить, а отношения — спасти. Одна из множества ужасных сторон человеческой природы.

— Ты не разрушила наши отношения, — шепчет она. — Ты и не смогла бы.

Я сглатываю.

А одна из прекрасных сторон человеческой природы в том, что некоторые любят нас настолько сильно, что способны простить даже тогда, когда мы всё портим. И именно ради таких людей мы должны становиться лучше.

— Какие у тебя планы на будущее, Перец?

— Работать. Отправиться в путешествие и исполнить желания, которые оставила Афродита. Жить свободной жизнью, которую отнял у меня отец. Жить рядом с семьёй. И...

На мне парик, игра должна продолжаться. Я должна сказать ей, что она тоже входит в мои планы. Я справлюсь, это несложно.

Психея снова помогает мне. Шарит рукой по песку, наклоняясь вперёд и осматривая пространство вокруг. Возвращается с ракушкой, которую я по привычке наполняю песком и подношу к губам.

— Я хочу тебя, — говорю ей. — Хочу ту версию себя, которую ты умеешь вытаскивать наружу. Хочу танцевать так, как танцую, когда ты меня ведёшь. Хочу твой звонкий смех и ненасытное любопытство, хочу всегда видеть этот свет жизни, который горит в твоих глазах. Я хочу...

— Чёрт, да ты и правда одержима, — перебивает она с огромной улыбкой.

Я только открываю рот, а она пользуется моментом, бросается на меня и целует. Её тело прижимается к моему, и я теряю равновесие. Через несколько секунд моя спина уже лежит на холодном песке, а её горячий живот прижат к моему. Она решительно размыкает мои губы и целует до тех пор, пока у меня не заканчивается воздух.

Это лучший поцелуй в моей жизни, такой, с которым уже никогда ничто не сравнится.

Дело не только в том, что меня целует девушка, которая нравится мне столько лет. Меня целует человек, который прощает мои ошибки, молчание, попытки оттолкнуть его. Тот, кто хватает тебя, когда ты отступаешь назад, останавливает паранойю в твоей голове и ищет хоть одну хорошую мысль, чтобы доказать: ты гораздо больше всего того, что тебя сдерживает.

Психея отстраняется, но её губы остаются так близко к моим, что касаются их, пока она говорит.

— Твой разум — чертовски запутанное место, Афина. Настолько, что очень часто даже ты сама не умеешь в нём жить. Тебе нужно позволять людям быть рядом, чтобы они помогали искать всё прекрасное, что у тебя здесь внутри. — Она постукивает пальцем по моему виску. — В тебе полно чудесных вещей, о существовании которых ты даже не знаешь. Ты больше, чем пацанка, которая избивает мужчин и которую вырастил твой отец. Ты больше, чем холодный человек, который не показывает эмоций. Но даже если бы ты была только такой — кто вообще вправе решать, что этого

недостаточно? Даже если бы ты была «всего лишь» такой, есть человек, которому ты всё равно нравишься. Я.

У меня вырывается дрожащий выдох.

Лучше она и не могла описать то, как я чувствовала себя всю жизнь. Запертой в разуме, который принадлежит мне, но сформирован кем-то другим. В разуме, заполненном идеями отца о том, какой я должна быть и какой быть не должна. В разуме, который я лишь отчасти считала своим, даже не подозревая, что внутри может скрываться ещё что-то. И отчаянно, почти яростно желая это «что-то» найти.

Всё ещё лежа сверху и улыбаясь своей привычной весёлой усмешкой, Психея поправляет мне парик, укладывая чёлку на лбу.

— Хочешь сегодня снова стать Солью и Перцем?

— Прямо перед всеми?

— Необязательно. Только для нас.

— Мне может понравиться.

Мы поднимаемся только после ещё одного поцелуя. Психея переплетает пальцы с моими и пускается бежать, увлекая за собой. Я кричу ей, что мы оставили туфли у воды, а она в ответ разражается звонким смехом и даже не пытается остановиться, чтобы вернуться за ними.

Мы снова проходим по дорожкам острова и возвращаемся на приём, который продолжается ещё громче, чем раньше. Музыка, кажется, стала звучать сильнее, и кто-то даже поёт. Голос Гермеса перекрывает все остальные.

Нас никто не замечает. Я не встречаюсь взглядом ни с кем из семьи, кроме Лиама. Он снова сидит за столом, рядом с Зевсом, улыбается мне, кивает и показывает большой палец. Потом указывает себе на голову, и я вспоминаю, что всё ещё в парике.

Мы незаметно уходим туда, где растут яблони и сад вокруг дома становится гуще. Музыка всё равно доносится сюда, но никто до нас не доберётся, а это главное.

На эти несколько минут мы снова превращаемся в тех девушек, которые танцевали в EUPHORIA, зажатые среди толпы пьяных и счастливых людей. Только теперь это мы — более взрослые, более осознанные.

Мы двигаемся точно так же, как тогда: кружимся, покачиваем бёдрами так, что когда-то я краснела.

Я была права, когда говорила ей, что без неё танцевать совсем не то.

Музыка звучит иначе, песни нравятся не так сильно, движения не получаются такими естественными и плавными, как тогда, когда именно она держит меня за руку, притягивает к себе и заставляет наши тела сталкиваться.

Мы танцуем вдвоём, скрытые деревьями, целых пять песен. Когда наконец останавливаемся, опьянённые смехом и немного запыхавшиеся, я обнимаю её сзади и прижимаю к груди. Психея склоняет голову и чуть поворачивается ко мне, улыбаясь.

— Соль и Перец и спустя столько лет всё ещё огонь, — бормочет она.

— Я правда по тебе скучала, — признаюсь я едва слышно, смущаясь.

Она пожимает плечами.

— О, я знаю. Поэтому и пришла тебя забрать. Хотела положить конец твоим страданиям.

Я щипаю её за бок, и она хохочет.

А потом, держась за руки, но уже без наших париков, мы возвращаемся на свадебный праздник.

Это первый вечер за всю мою жизнь, когда мой разум — спокойное место, в котором мне не страшно находиться.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 8. «Я ХОЧУ ВСЁ ТО, ЧТО У МЕНЯ УЖЕ ЕСТЬ»

В культуре и мифах Древней Греции загадать желание никогда не было простым или безобидным поступком. Желание всегда существовало внутри сложной системы отношений между людьми и богами, где всё определялось равновесием, уважением и чувством меры. Переступать границы было опасно. Именно с этим связано понятие «хюбрис» — чрезмерность, гордыня, заставляющая желать слишком многого.

В некоторых случаях желания выражались через оракулов и обращения к богам, например в святилище Дельфийского оракула, где люди пытались понять, чего вообще правильно желать. Ответы часто были двусмысленными, подчёркивая тем самым, что будущее и божественную волю невозможно полностью подчинить человеческому контролю.

Поэтому для греков было важно не столько само наличие желаний, сколько умение правильно их формулировать и сдерживать, не переступая границу между человеческим и божественным.

Афина, двадцать пять лет

— Тут так холодно, что моча замерзает ещё до того, как долетит до унитаза, — объявляет Гермес, возвращаясь из крошечного туалета в кемпере.

— Мы в Исландии. Не знаю, чего ты ожидал, когда мы предупреждали тебя про лютый холод и пронизывающий ветер, — скучающим тоном отвечает Аполлон. Он сидит на маленьком диванчике и смотрит в окно.

Гермес таращит глаза и показывает на себя с головы до ног.

— На мне термобельё, флисовый свитер, лыжные штаны и ветровка. Мы вообще-то ещё и внутри, господи, что мне, блядь, сделать, чтобы не лишиться пальцев на руках и ногах? Я даже посрать не могу — задница немеет.

Хайдес вздыхает.

Гермес тут же идёт в новую атаку, и лицо у него озаряется. Он указывает на что-то на столешнице в кухонном уголке.

— Можно разогреть булочку и засунуть её в трусы. Как вам идея?

Устав от его жалоб, которые продолжаются уже третий день, я хватаю шерстяной плед и швыряю в него. Ткань обматывается вокруг верхней части туловища и закрывает половину лица.

— Спасибо, — глухо бормочет он.

Хейвен и Психея тут же бросаются ему на помощь, причём Психея предлагает приготовить кипяток с травяным чаем. А Хайдес и Аполлон молча благодарят меня за то, что я наконец заставила его замолчать.

Мы уже несколько дней в Исландии, меньше чем в часе езды от Рейкьявика, в районе национального парка Тингведлир. Это одно из мест, которые Афродита отметила в своём блокноте, посвящённом северному сиянию. По её заметкам, место идеально из-за близости к крупному городу, но при этом здесь почти нет искусственного света, а открытый ландшафт позволяет видеть большую часть неба.

Поэтому мы арендовали кемпер и остановились на разрешённой стоянке недалеко от парка, чтобы быстро добраться туда, как только заметим какие-нибудь изменения в небе.

Это последнее желание, которое осталось в списке моей сестры, и, похоже, оно же самое трудное. Хотя мы выбрали идеальный район для наблюдений и приехали зимой, в середине февраля, северное сияние упорно не появляется.

Признаю: как бы я ни любила семью и ни привыкла делить с ними пространство, жить всем вместе в кемпере при такой температуре и постоянно следить за исландской погодой уже начинает сводить меня с ума.

Гермес жалуется на холод, а каждый раз после туалета считает своим долгом сообщить нам, что его член превратился в сосульку. Аполлон в основном молчит — как всегда, прагматично терпит и вмешивается только когда ему хочется. Хайдес и Хейвен радуют нас своими траханьями, невзирая на температуру. Психея остаётся моим главным источником здравомыслия, хотя её язык любви очень часто заключается в провокациях.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть.

— Это я! — кричит Лиам.

А ещё есть Лиам, который регулярно приходит в гости из своего кемпера, где живёт вместе с Аресом, Хелл, Лав и Нис.

Вообще, каждый раз, когда мне хочется врезать Гермесу, я напоминаю себе, что всё могло быть хуже. Я могла оказаться в кемпере с Аресом и Лиамом. В таком случае, думаю, я бы просто дала себе умереть от переохлаждения снаружи.

Большой части семьи здесь нет, но состыковать графики всех невозможно. И в любом случае те, кто пропускает эту поездку, участвовали в других, а присутствующие сегодня не смогли попасть на какие-то предыдущие этапы.

Только мы с Гермесом побывали везде. Впрочем, именно мы первыми и нашли блокнот с желаниями. Я первой вцепилась в идею исполнить их все, а он сразу пошёл следом, потому что… ну, речь идёт о его биологической близняшке.

Афродита — больное место для каждого из нас, но для нас с Герми она настоящий ахиллесов каблук.

— Я слежу за приложениями! — объявляет Лиам, втискиваясь в остатки свободного пространства кемпера.

Всё по тем же заметкам Афри, которая в своё время продумала буквально всё, мы скачали Veður, исландское приложение с погодой, и My Aurora Forecast & Alerts, которое отслеживает облачность и индекс Кр — солнечную активность: чем выше показатель, тем больше у нас надежды. Каждый час данные обновляются.

— Может, этот час как раз наш, — продолжает Лиам, показывая какие-то показатели Аполлону.

Хейвен опускает пакетик травяного чая в дымящуюся кружку, но, когда Гермес её хватает, он вскрикивает и едва не роняет.

— Горячо!

— Сначала ты замерзал, теперь слишком горячо. Может, мне тебя ударить и усыпить? — предлагает Хайдес.

Хейвен предупреждающе на него смотрит.

— Потерпи.

Гермес обнимает её и прячется за её телом, увеличивая расстояние между собой и агрессивным братом.

— Только Маленький рай меня понимает.

— Нет, я тоже тебя понимаю, — вмешивается Лиам. — После туалета я засунул в трусы пирожное, разогретое в микроволновке.

— Я предложил то же самое всего несколько минут назад, и все посмотрели на меня как на психа!

— Попробуй. Мне помогло.

— Попробую. Спасибо, дружище, хорошо, что ты есть.

Они стукаются кулаками.

— ТреМенди навсегда, даже когда Поси нет рядом.

Я издаю протяжный стон.

Хайдес кивает в мою сторону.

— У меня то же чувство.

Настоящая причина нашего плохого настроения в том, что мы ждём северное сияние уже пять дней, а от него ни следа. Несмотря на то, что поездку спланировали с учётом всех возможных факторов, небо отказывается сотрудничать. Я начинаю верить, что вселенная решила испортить мой великий план в самом конце.

Я не могу провалиться сейчас.

Когда уныние становится слишком сильным, я возвращаюсь мыслями к последним четырём месяцам и всем путешествиям. Вспоминаю увиденное, делая вид, что смотрю глазами сестры. Но это был не только подарок ей, способ почтить её память: каждый город оказался подарком и для меня. Мне пришлось начать этот проект, чтобы понять это.

Сейчас мне отчаянно нужно напоминание, поэтому я беру телефон и открываю галерею. У меня есть отдельный альбом, посвящённый только этому путешествию; прокручиваю в самое начало, к первой фотографии нас с Гермесом в дороге.

Мы начали с Конкорда, города, где происходит действие «Маленьких женщин», её любимого романа. Кроме Гермеса, который был моим постоянным спутником, со мной тогда были Хелл, Локи, Аполлон, Гера и Лиам. Место оказалось тихим, полным зелени, спокойных улочек и деревянных домов — простота и умиротворение, которые влюбляют в себя сразу.

Мы побывали в Орчард-хаусе, настоящем доме семьи Олкотт, где жила и писала Луиза Мэй и который стал прообразом дома сестёр Марч. В музее Конкорда нам удалось увидеть подлинные вещи, связанные с Олкоттами. А затем мы отправились на кладбище Слипи-Холлоу, где похоронена писательница.

Оттуда мы с Гермом отправились в Европу. Первой остановкой стала Барселона — ради Саграда Фамилия. Желание было сформулировано чётко и в строгой последовательности, поэтому мы ей следовали. Сначала забронировали столик в одном из ресторанов с самыми высокими оценками, чтобы попробовать настоящую паэлью, а после пары часов там, наслаждаясь средиземноморским климатом, благодаря которому день оставался тёплым даже в октябре, отправились смотреть храм.

В Барселоне мы провели три дня вместе с Хейвен, Хайдесом, Нис, Рори и Тейей. По утрам ходили по городу как самые обычные туристы, а вечерами занимали первый попавшийся столик в баре и пили сангрию или пробовали местные сладости. Стоит закрыть глаза, и я всё ещё слышу эхо нашего смеха и Нис, пытающуюся говорить по-испански с убийственно сильным американским акцентом.

Из Испании мы улетели в Италию, но Хейвен и Хайдес вернулись в Штаты за Никой, которая оставалась на попечении Аполлона и Лав. Вместо них к нам присоединились Арес и Хелл.

Лиам тоже должен был полететь. Он ни за что на свете не пропустил бы поездку в Рим, где родилась его мать. Ему не терпелось блеснуть своим итальянским вторым

именем и весьма скудными знаниями местной культуры, но в последнюю минуту что-то случилось и помешало ему поехать. Мне хватило узнать, что дело было связано с его домашним гекконом, — после этого подробностей я больше не хотела.

В Риме мы провели пять дней, потому что, хотя Афри упоминала только Колизей, уехать, не посмотрев всё возможное и не объевшись пиццей, карбонарой и качо-э-пепе, было невозможно. У меня есть минимум полсотни фотографий неба с вечера, когда мы смотрели закат у Алтаря Отечества.

Единственным минусом стало то, что Арес попался на развод какого-то парня в костюме гладиатора: тот уговорил его сфотографироваться вместе, а потом потребовал деньги. Хотя, пожалуй, правильнее сказать, что Арес сам себя развёл, учитывая, что отдал ему пятьдесят евро. Но если спросить его, он скажет, что это был потрясающий опыт, позволивший ему почувствовать связь с итальянской культурой.

Потом мы отправились в Венецию. Поездка на гондоле по-настоящему понравилась только Хелл и Гермесу, причём последний захотел прокатиться второй раз в одиночку, пока мы ждали его в маленьком баре с тремя спритцами на столе. Мы с Аресом от качки страдали: он потому, что до сих пор не очень ладит с водой, а я потому, что вообще предпочитаю твёрдую землю под ногами.

Но если не считать этой мелочи, я благодарна Афродите за то, что благодаря ей увидела и узнала такой прекрасный город, как Венеция, с его мостами над водой, миллиардами ступеней и ощущением, будто оказался в маленьком кусочке рая на Земле.

Последней европейской остановкой стал Париж. На этот раз компанию нам с Гермесом составили Локи, Психея, Аполлон, Лав, Посейдон и его «подруга детства» Хэ-Рин. Три пары, точнее четыре, хотя Поси попросил нас пока держать всё в секрете от братьев и матери, — в городе любви, где мы при этом почти всё время проводили вместе. В этом и была прелесть таких поездок: путешествовать семьёй, не только всем вместе вспоминая Афри, но и просто проживая спокойные, беззаботные моменты — те, которых жизнь с Кроносом и Ураном нам никогда не позволяла.

И здесь мы тоже не могли ограничиться одной Эйфелевой башней, которую посмотрели на рассвете и на закате, как и хотела Афродита. Лувр и собор Парижской Богоматери были большими желаниями не только для меня, но и для Аполлона.

А Гермесу было жизненно необходимо перепробовать вообще всё типично французское: круассаны, pain au chocolat, только что испечённые багеты, киш, крепы со всевозможными начинками, макарон и улиток. Вот только последних он потом вырвал, и мы переполошили весь ресторан.

В Египте только мне, Гермесу, Лав и Аполлону удалось зайти внутрь пирамиды Хеопса, одного из семи чудес света. Посейдон и Дионис сбежали уже через несколько минут из-за ужасного чувства клаустрофобии внутри.

Я заранее всё изучила и примерно представляла, что нас ждёт, но всё равно должна признать: было тяжело. Стоит войти, как низкий наклонный проход заставляет идти согнувшись, а воздух сразу становится горячим и неподвижным, пахнет сыростью и камнем. Подъём внутрь, к Камере царя, требует хорошей выносливости спины и ног, а ещё способности сохранять спокойствие в тесном и тёмном пространстве.

Пожалуй, это был единственный случай, когда Гермес молчал больше трёх минут подряд — его личный рекорд. Он был настолько сосредоточен на крутых проходах и

поте, выступившем на коже, что открывал рот только затем, чтобы пробормотать ругательство или попросить Бога не дать ему умереть именно так.

Если оглянуться назад, думаю, я бы повторила. Не только ради сестры, но и потому, что это потрясающий опыт, который заставляет понять, насколько ты мал по сравнению с тем, что существует в мире.

Азия стала моей любимой частью этого кругосветного путешествия. И именно там мы постарались собраться максимально большим составом. Были практически все братья и кузены, без партнёров, кроме Хейвен.

Храмы Киото были прекрасны, хотя во время цветения сакуры выглядели бы ещё впечатляюще.

А Великая Китайская стена по уровню нагрузки превзошла даже пирамиду. Один только подъём к ней означает неровные ступени, крутые участки и истёртый камень. Зато когда добираешься наверх, пространство раскрывается, и дорога широко тянется по линиям холмов. Где-то она узкая, где-то широкая, ступени высокие и неудобные, никогда не одинаковые по высоте и ширине. Дует сильный ветер, маршрут настолько тяжёлый и длинный, что приходится много раз останавливаться. Но стоит обернуться к пейзажу — и усталость исчезает. Зелёные холмы, голубое небо над головой и тень Стены, которая тянется всё дальше и дальше, пока не растворяется вдали.

Если бы у бесконечности было физическое воплощение, это была бы Великая Китайская стена.

А теперь мы снова в Европе. Почему-то мне кажется, что именно северное сияние было самым важным желанием Афродиты — тем, которому она посвятила страницы и страницы заметок, потому что оно связано с небом, а значит, с её самой большой страстью.

— Через десять минут выходим проверить обстановку, — объявляю я, усмехаясь фотографии Герма, который спит с открытым ртом на обратном рейсе из Китая.

Разумеется, через час он уже не спал и, как обычно, блевал. Перелёты действуют на него не лучшим образом.

Судя по блокноту Афри, лучше всего выходить несколько раз за ночь и проверять небо, хотя самое подходящее время — примерно с девяти вечера до двух ночи. Поэтому вся обувь стоит у двери кемпера, чтобы мы могли мгновенно собраться и выйти.

— Можно вопрос? — Лиам поднимает руку.

— Если тебе прям обяза… — начинает Хайдес, но Гермес перекрывает его:

— Давай.

— Если мы так и не увидим сияние… что тогда? В смысле, сколько вообще будем торчать здесь, в Исландии, и ждать?

Я издаю настолько звериный рык, что он отшатывается.

— Мы его увидим. Без сомнений, — поспешно исправляется он.

Психея бросает на меня мягкий предупреждающий взгляд, поэтому я прочищаю горло и пытаюсь ответить более рационально и по-человечески.

— Вы можете уехать когда захотите. Я останусь, пока оно не появится в небе, — заявляю я.

На несколько секунд повисает тишина.

— Ты уверена, что это правильное решение? — спрашивает Аполлон с сомнительно нахмуренным лицом.

Я снова рычу.

Аполлон чуть отодвигается.

— Для тебя это определённо правильное решение.

— Такое чувство, будто мы кемпингуем со львом, — вмешивается Гермес. — Тена, расслабься немного. Ты уже месяцами мотаешься по миру. Ты сделала очень много, не обязательно так упираться в…

— Обязательно, — обрываю я, стараясь контролировать тон. — Я хочу закрыть все пункты.

И потом, мне самой хочется увидеть северное сияние.

— Она права, — соглашается Хайдес. — Мы не для того уже несколько дней морозим здесь задницы, чтобы уехать без сияния.

— А ты не лез внутрь грёбаной пирамиды, — огрызается Герм, театрально содрогаясь. — Мне она иногда до сих пор снится.

— Я бы туда ни за что не полез.

— Конечно. Ещё волосы испортишь, которые всё равно через пару лет потеряешь из-за облысения.

Хайдес опасно усмехается.

— А что, если я прямо сейчас испорчу тебе лицо кулаком?

Гермес подходит ко мне и прячется за моими плечами.

— Тебе придётся пройти по трупу нашей сестры.

— Не думаю. Я просто отойду и дам ему пройти, — монотонно отвечаю я.

Лиам, Хейвен и Психея прыскают со смеху.

Я встаю, всё ещё слыша в ушах перепалку братьев, и иду к двери. Натягиваю термосапоги, но стоит взяться за ручку, как надо мной нависает чья-то тень.

Я и без слов знаю, кому она принадлежит. Аполлону.

— Что делаешь? — спрашивает он.

— Выхожу. Мне нужна передышка, и, кто знает, может, это грёбаное сияние наконец соизволит появиться.

— Я с тобой, — объявляет он и наклоняется надевать обувь.

Я не отказываю, потому что из всех нас Аполлон больше всего похож на меня в вопросах общения. Если мне нужна передышка от шума, тише спутника не найти.

Проблема начинается через несколько шагов на улице, когда дверь кемпера снова открывается у нас за спиной. Гермес выскакивает наружу вприпрыжку и кричит:

— Подождите нас!

Я закатываю глаза, Аполлон улыбается.

Теперь Хайдес и Герм идут рядом с нами по морозной исландской ночи. Наше дыхание видно в воздухе — плотные белые облачка зависают перед лицами. Тишина почти сюрреалистичная, такой абсолютной беззвучности я прежде никогда не испытывала.

— Ну что, сыграем в…

— Заткнись, — одновременно приказываем мы Герму.

— Какие же вы зануды с палкой в заднице, вы вообще понимаете, как тяжело мне с вами жить?

— Думаю, Локи было лучше, когда он был глухим, — замечает Хайдес.

Аполлон неожиданно прыскает со смеху — редкое событие для человека, которому наш юмор обычно не кажется особенно смешным.

У Гермеса рот распахивается.

— Да как ты смеешь? — Но проходит всего мгновение, и он сам начинает смеяться.

Я уже чувствую, как мёрзнут ступни, несмотря на несколько слоёв носков и тяжёлую обувь. От перчаток толку будто вообще нет. Обычно больше десяти-пятнадцати минут снаружи мы не выдерживаем и возвращаемся внутрь.

Пятнадцать минут, чтобы сияние появилось. Пожалуйста, покажись.

Как бы ни была прекрасна Исландия, я скучаю по своей жизни в Штатах и уже не могу дождаться, когда начну работать в издательской сфере. Скучаю по более умеренным температурам и холоду, от которого хотя бы не дрожат сами кости.

Я поднимаю голову к небу. Атмосфера кажется идеальной. Вокруг нет никакого искусственного света, а судя по приложению, показатели хорошие, лучше, чем в предыдущие ночи.

Я засовываю руку в правый карман куртки и провожу пальцами по маленькому предмету внутри, запечатанному в пластиковый пакетик. Я привезла его из Америки и хочу оставить здесь. Идеальное завершение круга, который начался ещё в детстве, вместе с Афри.

— Предлагаю ещё одну игру, — продолжает Гермес.

— Он не отстанет, пока мы не согласимся, — бормочу я, обращаясь к двум другим братьям.

Оба кивают.

— Ну давай, рассказывай, что за новую грёбаную игру ты придумал на этот раз, — шипит Хайдес.

Гермес смотрит на него широко распахнутыми глазами.

— Чего ты сегодня такой раздражительный? В смысле, сильнее обычного.

— Утром он ворчал перед зеркалом, что этот холод портит ему кожу на лице, — рассказываю я.

Хайдес тут же поворачивается ко мне с оскорблённым видом.

Гермес взрывается смехом, больше похожим на вопль гиены.

— О-о-о, ну теперь всё понятно. Бедная Дива.

Когда он пытается броситься к нему, выпятив губы для поцелуя, Хайдес отталкивает его.

— Давай уже свою игру, хотя бы отвлечёшься от того, чтобы с такой самоотдачей действовать мне на нервы.

Гермес потирает руки в жёлтых перчатках.

— Давайте каждый принесёт жертву, чтобы вызвать северное сияние. Пообещаем небу что-нибудь взамен на то, что оно нам его покажет. Как вам?

— Кажется, я не понял, — признаётся Аполлон. — Жертву?

— Ну, например, Афина может пообещать два месяца слушать стихи Лиама и ни разу не жаловаться, если взамен появится сияние.

— Мне кажется, двух дней уже достаточно, — поправляю я.

— Два месяца, — настаивает он. — Жертва должна быть настоящей.

— Даже две минуты его слушать — уже настоящая жертва.

Потом он переключается на Аполлона.

— А ты можешь пообещать чаще смеяться над нашими шутками, стараться хотя бы убедительно делать вид, что считаешь нас смешными.

Тот несколько секунд размышляет.

— Не думаю, что справлюсь.

Гермес его не слушает и принимается за Хайдеса.

— А ты можешь пожертвовать пересадкой волос, если начнёшь лысеть, во имя благого дела, ради желания своей сестр…

Хайдес зажимает ему рот ладонью.

— Можно узнать, почему мы должны так напрягаться, а ты нет? И какая будет твоя жертва, придурок?

Пока они спорят, какое-то движение в небе привлекает моё внимание. Я так резко вскидываю голову, что слышу хруст в шее.

На тёмном небосводе появилась светлая полоса, больше похожая на облако. Я долго её разглядываю, пытаясь понять, нормально ли, что она возникла так внезапно. Показываю на неё и ловлю серьёзный взгляд Аполлона.

— Это?.. — шепчет он.

— Не знаю. По-моему, просто облако.

— Которое появилось из ниоткуда? Ещё недавно его там не было.

— Вы о чём? — пищит Гермес. — О, чёрт! Это сияние? Видите, ваши жертвы сработали? Ну, значит, моя уже не нужна. Спасибо, ребятки.

Я щурюсь, хотя зрение у меня идеальное. Не могу понять, что это за полоса в небе: сердце уже надеется, а разум приказывает не обманываться.

В полной тишине мы наблюдаем, как она начинает двигаться.

Гермес орёт с места, зовя остальных членов семьи, оставшихся в кемперах.

Прямо у меня на глазах светлая полоса меняет форму, окончательно убеждая меня, что это не обычное облако. Она сероватая, с зеленоватым оттенком, совсем не того яркого цвета, который обычно представляешь при словах «северное сияние».

Но если я правильно читала записи Афродиты, всё ещё может измениться — это только его рождение.

Теперь рядом уже и остальные, и все стоят в почти священном молчании, словно даже самый тихий звук способен испугать северное сияние и заставить его исчезнуть.

Полоса вытягивается по небу; изгибается, закручивается, двигается так, что я остаюсь с открытым ртом от изумления, потому что невозможно поверить, что мне действительно довелось увидеть нечто подобное. Движение медленное, но непрерывное, и напоминает морские волны, среди которых я выросла.

По толпе прокатывается хор восклицаний, когда цвет вдруг становится ярче. Зелёный усиливается, и теперь это совсем не та бледная, тусклая дымка, что появилась вначале. Кто-то ликует, другие уже держат телефоны поднятыми вверх, пытаясь запечатлеть каждую секунду.

А я просто стою и смотрю, боясь пропустить хотя бы одно мгновение этого сияния.

Среди зелени пробивается жёлтый оттенок, вызывая новый всплеск восторга.

Сердце колотится так сильно, будто счастье полностью захватило его, и я улыбаюсь так широко, как почти никогда в жизни.

Сияние начинает двигаться быстрее и охватывает всё большие участки неба, его форма ни на секунду не остаётся прежней, меняясь прямо у нас на глазах. Гермес приходит в такой восторг, что выбегает вперёд, раскинув руки к небу, и скачет как сумасшедший.

Его смех — единственный звук, раздающийся в ледяном воздухе. И почти сразу им заражаются Лиам, Хейвен и Психея.

— Чёрт, да это сияние почти такое же красивое, как я, — замечает Арес.

Хайдес толкает его.

Чья-то голова ложится мне на плечо, и я сразу узнаю аромат геля для душа Психеи.

— У тебя получилось, Перец, — шепчет она.

Я улыбаюсь и целую её в лоб.

— Невероятно. Я исполнила все её желания.

Она прижимается ко мне, и я позволяю, обнимая в ответ ещё крепче. Я никогда не любила физический контакт, но с ней он не ощущается вторжением в моё личное пространство.

Я вытаскиваю руку из кармана и показываю ей пакетик с ракушкой, наполненной песком.

Психея приподнимает бровь.

— А это что? Какое желание?

Я достаю ракушку из пластика.

Быстро оглядываюсь вокруг. Все празднуют появление сияния, смеются и шутят, пьяные от того спокойствия, о котором ещё несколько лет назад я не могла даже мечтать.

Потом смотрю на неё.

И думаю об остальной семье, которая ждёт нас дома, о пятничном вечере игр, который Гера устроит у себя.

Думаю о каждом подарке, который дала мне жизнь, о каждом человеке, оставшемся рядом, о тех, кого я потеряла, но память о ком никогда не потеряю, обо всём, что мне ещё предстоит получить. О каждой будущей мечте, которая ворвётся в мою жизнь, перевернёт планы и превратит каждый новый день в очередное приключение.

Мой разум больше не враждебное место, в котором приходится жить. Теперь это уютное убежище, где я могу найти немного покоя и сил.

— Я хочу всё то, что у меня уже есть, — шепчу я в ракушку.

Я не могу оставить её в море, но могу оставить здесь, под северным сиянием, под небом, которому принадлежат мечты моей сестры.

А теперь пришло время исполнять мои собственные — с той смелостью, которую она подарила мне, сама того не зная.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА ОБРЕЧЁННЫХ. Гера

Глава 1. ПРОКЛЯТИЕ

Геру часто изображали величественной и царственной женщиной, с короной на голове и скипетром в руке.

Гера

Моя комната погружена во тьму. Все лампы из моей коллекции выключены. Среди моих любимых — ночник в форме луны и проектор, заливающий стены галактиками любых цветов, каких я только пожелаю.

Но сегодня я хочу, чтобы они все погасли. Хватит и бледного серебристого луча с неба, пробивающегося сквозь стекло балконной двери.

Про себя я без конца повторяю мантру: *Ничего страшного, неважно, это не конец света, не плачь, двигайся дальше. Ничего страшного, неважно, это не конец света, не плачь, двигайся дальше.*

Ничего страшного.

Неважно.

Это не кон...

Три удара костяшками пальцев в дверь заставляют меня вздрогнуть. Это не просто стук, это секретный сигнал с особым, четким ритмом, который мы с братом придумали много лет назад.

— Лиззи? — шепчет он из-за стены.

Ему нравится так меня называть; говорит, мне это идет куда больше — звучит мягче и подходит мне лучше, чем Гера.

— Входи.

Нис прикрывает за собой дверь и плюхается на кровать рядом со мной. Правда, ложится валетом, как мы привыкли: его голова возле моих ног в махровых носках, а его ноги свешиваются с матраса, потому что я терпеть не могу, когда чужие ступни маячат у меня перед лицом.

— Что стряслось? — спрашивает он после нескольких минут тишины.

Мы с ним всегда были близки. Не потому, что я люблю Ниса больше остальных братьев, а потому, что вопреки его странному поведению он единственный, перед кем я могу раскрыться.

Зевсу тяжело даются разговоры о чувствах; он готов слушать тебя часами, если нужно, но выключить свой рационализм просто не в состоянии.

Арес — сплошная загадка, всё зависит от того, с какой ноги он встал. К нему идешь, когда первая стадия разочарования, самая паршивая, уже позади и нужно над этим просто посмеяться.

Посейдон не может даже самому себе признаться, что влюблен в свою лучшую подругу, и мне не хочется вешать на него еще и свои проблемы. Я предпочитаю быть той, кто помогает, а не той, кто вываливает собственные загоны.

Дионис хранит внутри себя глубину, которую всеми силами пытается спрятать за маской равнодушия и показного пофигизма к миру.

— С Брэндоном всё кончено, — объявляю я. — Сегодня утром в школе он практически жил во рту у другой.

— Ну… Лиззи, не может закончиться то, что даже не начиналось. Вы же ни разу не ходили на свидание.

— Ты хочешь мне помочь или даешь лишний повод сигануть с балкона?

— Ты понимаешь, о чем я! — спешит добавить он. — Ты познакомилась с ним, вы сдружились, ты вбила себе в голову идею отношений с ним, а он… начал встречаться с другой.

— Вот именно в этом и проблема! Так происходит абсолютно всегда: любовь обходит меня за километр.

— Да брось, это неправда…

— Дружба липнет ко мне как банный лист и просто не отвязывается, — ворчу я. — Либо все видят во мне исключительно подружку, либо вокруг одни мудаки, которым я нахрен не сдалась и которые хотят просто поиграть на моих нервах.

Рука Ниса сжимает мою щиколотку — в шутливом и одновременно по-братски заботливом жесте.

— Придет твой человек, — утешает он меня. — Ну, или я хотя бы надеюсь на это.

Несмотря на паршивое настроение, из меня вырывается смешок:

— Нис!

— Тебе семнадцать, Лиззи. И ладно, да, в отношениях тебе слегка не везет, не буду врать, но у тебя вся жизнь впереди. К черту этих мелких уродцев, рано или поздно ты кого-нибудь найдешь.

Я выжидательно смотрю на него.

— Ну, или я надеюсь на это. Повторюсь.

На этот раз мы прыскаем со смеху в один голос.

Я дергаю ногой, чтобы заехать ему пяткой прямо в грудь, но он перехватывает мою икру и не дает пошевелиться.

— Не знаю, Нис, — выдыхаю я. — У меня вся жизнь впереди…

— Будем надеяться, — вставляет он.

— …но я ведь даже ни разу не целовалась. Это нормально — ни с кем не целоваться в семнадцать лет? Мои подруги уже не девственницы, они говорили «я люблю тебя», знают, каково это — сходить на романтическое свидание в День святого Валентина… пока я с трудом выбиваю банальный ответ на сообщение. Это нормально?

— Очень надеюсь, что ты сейчас не пытаешься напроситься на свой первый поцелуй со мной.

Я снова пинаю его, на этот раз в бок.

— Ты ходячее невезение, Лиззи, факт, но…

— Это ненормально, вот и всё.

— Да кто, блять, вообще решает, что нормально в любви, а что нет? У каждого свой темп. Тут правил нет.

— Просто я… я…

— Ты?

Я сглатываю вставший в горле ком.

— Мне кажется, на мне проклятие. Не может быть такого, чтобы никто не был способен меня полюбить. Да что там полюбить — ко мне даже сраного искреннего интереса никто проявить не может.

— Проклятие? Серьезно? — спрашивает он с сухим смешком. — Ой, Лиззи, да брось!

— Я начинаю приходить к выводу, что это злой рок, а не судьба.

На несколько секунд повисает тишина. Нис приподнимается, упираясь локтями в матрас, и бросает на меня выразительный взгляд, на который я не отвечаю.

— В каком смысле?

— Рок — это божественная прерогатива, то, что выше нас, тогда как судьбу творит сам человек, — объясняю я. — Рок предначертан свыше, и от него никуда не деться. Судьба куда милосерднее, ведь твоя собственная воля способна переломить ее ход. Чего нельзя сказать о роке: как ни пытайся, он останется прежним — неизменным и беспощадным.

— Урок потрясающий, но ты-то тут при чем, прости?

— Высший рок постановил, что мне никогда не познать любви. И я ничего не могу изменить. Ну то есть попытаться-то можно, но держа в голове, что расклад не изменится и финал всегда будет один.

— Что за хуйня.

— Нис!

— Извини, но ты чересчур драматизируешь.

— Знаю, я обожаю драматизировать, и я обожаю любовь! Обожаю саму мысль любить и быть любимой, обожаю истории любви, любовные письма, любовные стихи, любовные романы, фильмы про любовь и любовь, любовь, люб...

— Ты перестанешь наконец повторять слово «любовь»? — восклицает он то ли со смехом, то ли с глухим раздражением.

Я замолкаю и снова уставляюсь в потолок. В то же время я слышу, как Нис неловко ворочается на кровати. Но когда его голова опускается мне на плечо, какая-то часть меня оттаивает и чувствует долгожданное облегчение.

— Ты всегда была такой, я же знаю, — шепчет он. — Папа приходил к тебе перед сном и читал сказки о принцессах, которые находили свою любовь и жили долго и счастливо. Он показывал тебе прекрасную сторону любви, потому что ты была маленькой и нуждалась в этом, а теперь ты взрослеешь и сталкиваешься с совсем другой реальностью. Но поверь мне: дай любви время найти тебя. Не зацикливайся на одних только отношениях, кайфуй от учебы и мечтай о масштабном будущем. А пока ты ищешь своего человека, рядом всегда есть любовь твоей семьи и друзей.

Я знаю, что в мире есть куда большее, чем любовь партнера. Я знаю, что есть мечты, которые нужно воплощать, собственная независимость, дружба, семья... В жизни есть вещи куда важнее неразделенной любви.

Но это вовсе не означает, что нельзя желать и ее тоже; это не повод обесценивать ее, превращая в нечто легкомысленное или в пустой каприз тех, кто не умеет оставаться наедине с собой.

Люди, ищущие чужой любви, прекрасно умеют быть одни: я мечтаю учиться, получить диплом, найти отличную работу и состояться как личность.

Но я также мечтаю о свадьбе и детях; мечтаю о том, с кем смогу делить жизнь, о человеке, который назовет меня «любимой» и посмотрит с нежностью в те дни, когда я сама не смогу выносить собственное отражение в зеркале. Я мечтаю о вещах, которые многим кажутся «приторной романтической херней» — о цветах, коробках конфет, праздничных ужинах на годовщину, о душевной близости и сладкой лени по утрам в

постели. В желании любить нет ничего постыдного, оно ни капли не умаляет ценности человека.

Только Нису я об этом не говорю. Во-первых, потому что он уже миллион раз слышал от меня подобные речи и я не хочу быть занудой, а во-вторых, потому что знаю: он искренне хотел меня утешить и выложился ради этого на все сто.

— Я ведь знаю, что иногда это был ты, — сообщаю я.

— Что?

— Знаю, что порой, когда папа внезапно заходил ко мне в комнату и ни с того ни с сего рассказывал истории, это происходило с твоей подачи.

— Оу. Э-э… Правда?

— Я узнавала твои шаги в коридоре, — признаюсь я. — На самом деле я знаю походку каждого в нашей семье. И я слышала, как ты подходил к моей двери, замирал на пару минут, а потом уходил. А чуть позже появлялся папа, ложился ко мне в постель, утешал меня, спрашивал, не хочу ли я выговориться, или читал одну из моих любимых сказок.

Я всегда обожала то, что папа так и не перестал обращаться со мной как с маленькой девочкой, даже когда я стала подростком. Когда мне перестали быть нужны сказки на ночь — а уложить меня было сложнее всех остальных, — он всё равно время от времени продолжал нашу традицию. Особенно в самые паршивые дни. И зачастую благодаря вмешательству Ниса.

— Почему ты каждый раз уходил и не пытался зайти сам, как сегодня?

— Наверное, потому что никогда не чувствовал себя способным тебя утешить. Ни у кого это не выходит так круто, как у папы.

— А сегодня что изменилось?

Я опускаю голову, чтобы поймать его взгляд. Его глаза распахнуты и устремлены в потолок. Каштановые волнистые пряди в беспорядке падают на лоб.

Его кадык заметно дергается, он приоткрывает тонкие губы, но не издает ни звука. Когда он наконец нарушает бесконечную тишину, его голос слегка запинается:

— Сегодня за ужином у тебя были такие грустные глаза… Я просто захотел лично убедиться, что к тебе вернулась улыбка.

Я теряю дар речи, застигнутая врасплох столь неприкрытым проявлением нежности. Несколько мгновений я не могу шелохнуться, но затем издаю восторженный писк и бросаюсь на него, крепко стискивая в объятиях.

— С каких это пор ты у нас такой милый? О. Мой. Бог.

Нис пыхтит и не обнимает в ответ; он вяло делает вид, будто отталкивает меня, хотя на самом деле просто пассивно позволяет себя тискать.

— Ладно, ладно, хорош. Я досчитал до пятнадцати, отлипаем.

Я все еще давлюсь смехом, когда он поднимается на ноги и приглаживает взлохмаченные волосы. Дойдя до двери, он оборачивается. Свет из коридора заливает его высокую стройную фигуру. Я различаю на его лице что-то похожее на улыбку.

Он указывает на меня пальцем:

— Миссия выполнена. Спокойной ночи, Лиззи.

— Спокойной ночи, Дори. Спасибо.

Он издает утробное звериное рычание:

— Ненавижу «Дори».

— Пока, Дори.

Он оставляет дверь приоткрытой, но прежде чем я успеваю рявкнуть, чтобы он ее закрыл, до меня доходит причина. Я узнаю звук папиных шагов в коридоре. Они пересекаются с шагами Ниса, и оба замирают.

— Ты уже всё разрулил?

— Да, но ты всё равно зайди к ней. Ей будет приятно.

— Договорились. Молодец, Дори. А теперь марш спать.

— Господи, ну хоть ты-то не начинай с этим Дори…

Папа посмеивается и останавливается у меня в дверях. Его внушительная, высокая фигура заполняет собой весь узкий проем. Он стучит костяшкой по косяку:

— Милая?

— Заходи.

Папа шагает в темноту комнаты, но идет не сразу к кровати. Он задерживается в уголке возле письменного стола, где стоит проектор. Включает его и настраивает, пока не находит идеальный угол. Потолок озаряется глубоким синим светом с россыпью мерцающих золотых огоньков. Он знает, что этот режим мой самый любимый.

— Нис занял мое место? Читал тебе сказки о принцах, принцессах и настоящей любви? — поддразнивает он.

— Представляешь такое? Да он бы превратил их в сущий кошмар.

Папа посмеивается. Кровать прогибается под его весом, и я поджимаю ноги, освобождая ему место.

— Ты в порядке, Гера?

— Буду в порядке.

Он вздыхает, находит мою ладонь, переплетает наши пальцы и мягко поглаживает большим пальцем тыльную сторону руки.

— И кому из парней мне нужно пойти набить морду на этот раз? Кто посмел разбить сердце моей дочери?

— Мы оба отлично знаем, что ты мухи не обидишь.

— Да, это правда, я просто пытался сойти за грозного папочку. Лучше пошлю твою маму. Вот она вырубает с одного удара.

— Ты даже комаров не прихлопываешь.

Он округляет глаза:

— Они не виноваты, что ради выживания им приходится пить нашу кровь! Подумаешь, комариный укус, почешется три дня — и пройдет. Разве стоит за это лишать их жизни? Они тоже живые существа.

Единственный человек на свете, который не ненавидит комаров? Мой отец, Гиперион Гэвин Лайвли.

— В общем… — перевожу я тему.

— Хочешь, я достану нашу книгу сказок и почитаю тебе? Может, твою любимую?

— Правда почитаешь?

— Ты никогда не будешь слишком взрослой для сказки на ночь от своего отца, — мягко журит он меня, поднимаясь с кровати. Книга бережно хранится на полке среди десятков других романов, купленных и прочитанных мной за долгие годы.

Папа открывает ее на странице с моей любимой историей — той самой, которую я в детстве просила перечитывать чаще всего, — и садится ко мне поближе. Я слегка приподнимаюсь, просто чтобы иметь возможность смотреть на него во время чтения. Дело не только в уюте романтической и счастливой сказки перед сном, и даже не в

теплом, бархатном тембре его голоса — мне просто нравится наблюдать за ним своими глазами и осознавать, как сильно мне повезло с отцом.

Я не свожу с него взгляда, пока он начинает читать историю, которую я помню наизусть. Одну из тех бесчисленных историй, что заставили меня влюбиться в саму идею любви и надеяться однажды встретить нечто похожее. Но эта, по сравнению с остальными в книге, особенная.

— Давным-давно в Греции жил парень вместе с двумя братьями и не самой счастливой семьей. И была одна американская девушка, приехавшая на каникулы именно в тот греческий город, где жил он.

Она особенная, потому что ее нет в этой книге; это история, которую папа выучил наизусть и лишь делает вид, будто читает со страниц. Она самая прекрасная на свете, ведь это история о том, как они с мамой познакомились и полюбили друг друга.

Будучи ребенком, я даже не догадывалась, что он ничего не читает и всё это лишь милый спектакль.

— …и тогда он сказал ей: «Спорим, Creep станет мировым хитом, если не одной из самых обожаемых песен Radiohead?»

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. ЗЛОЙ РОК

Роль Геры была ключевой для сохранения стабильности Олимпа и священных уз брака. Она была богиней замужних женщин, супружества и материнства. Каждый союз — будь то богов или смертных — находился под ее покровительством, а молитвы, обращенные к ней, возносились ради верности, процветания и согласия в семье. Всё это сделало ее одной из самых почитаемых богинь среди греческих женщин, искавших ее благословения прежде всего во время свадеб и родов.

Гера

Первое, что я делаю, едва переступив порог квартиры, — сбрасываю туфли на каблуках, и они врезаются в паркет с двумя глухими ударами. Там они и останутся как минимум до завтрашнего дня, потому что у меня нет ни малейшего желания прибираться прямо сейчас.

Я стаскиваю пальто и швыряю его на безупречно чистый диванчик. Включаю единственную лампу в зоне кухни — над островком — и достаю из холодильника бутылку белого вина. Я даже не утруждаю себя тем, чтобы достать стеклянный бокал: просто срываю пробку и делаю глоток прямо из горла.

Сегодня мне исполнилось тридцать лет, и вечер вышел просто чудесным. Моя громкая, сумасшедшая и полная любви семья устроила праздник в шикарном заведении на Манхэттене; собрались вообще все, даже девчонки, с которыми мы вместе учились в магистратуре NYU после Йеля.

Вот только за пределами этого круга у меня остаются лишь работа и квартира, которую я делю с рыжим котом.

Моя жизнь чертовски одинока: я отучилась, нашла работу, которая мне по душе и приносит достойные деньги. Но вместе с тем большую часть времени я провожу одна, а не с людьми. Жизнь, в которой к тридцати годам у меня так и не случилось серьезных отношений и я ни разу не произнесла: «Я люблю тебя». В подростковом возрасте я определенно была права, когда твердила Нису, что надо мной тяготеет злой рок. Моя история была написана с самого начала, и переписать ее мне так и не дали.

Словно желая добить меня, взгляд падает на бледно-голубой конверт, лежащий на мраморной столешнице островка. Официальное приглашение на свадьбу Посейдона и Хэрин, пришедшее пару месяцев назад. Я бросила его там и больше ни разу к нему не прикасалась.

Они женятся через неделю в Калифорнии — там, где мы выросли, где они впервые встретились, полюбили друг друга и сошлись вновь. Еще одна свадьба в семье, еще одна крепкая пара, пока я продолжаю торчать одна.

В кругу близких это давно превратилось в дежурную шутку. Я и сама над этим смеюсь — да и плевать. Просто иногда, когда я выпиваю слишком много вина в тишине пустой квартиры, беззаботная ирония превращается в глухой вопрос: «Что со мной не так?»

Прежде чем окончательно накачаться алкоголем и отключиться на диване в пьяном полузабытьи, я высыпаю горсть сухого корма в миску Аристотеля. Шуршание пакета заставляет его пулей метнуться ко мне, требовательно подмяукивая на скаку. Он ластится мордой о мою руку — подлиза ненасытный, — а затем набрасывается на еду с таким остервенением, словно меня больше не существует.

Некоторое время я просто наблюдаю за ним, не отрываясь от бутылки. Боюсь, мне осталось всего пара глотков до того, чтобы снова написать парню из моих недоотношений — той мутной интрижки, которую мне пришлось оборвать месяц назад, потому что я была нужна ему лишь тогда, когда у него не оставалось других вариантов.

Уж не знаю, дело ли в вине или батареи шпарят на полную, но меня начинает бросать в жар. Я на неверных ногах плетусь к балконной двери и выбираюсь на террасу. Прохладный нью-йоркский воздух мгновенно приносит облегчение. На мгновение остаемся только я, освежающий ветерок на разгоряченном лице, терпкая кислинка вина на языке и мириады огней, кружащих в танце меж небоскребов города, который никогда не спит.

Но магия длится недолго: сквозь алкогольный дурман до меня начинают доноситься привычные назойливые звуки, отравляющие почти каждый мой вечер на протяжении последних недель.

Мой сосед трахает очередную пассию.

Мне искренне интересно, остались ли вообще в этом городе женщины, которых он еще не перетаскал к себе в постель? Каждый раз, когда мне кажется, что он добрался до самого дна списка, следующим же вечером он удивляет меня новой незнакомкой. Я наблюдаю за тем, как они по утрам дефилируют по лестничной площадке, когда ухожу на работу.

Мой сосед — один из самых невыносимых ублюдков, каких я только встречала в своей жизни. И это обидно, учитывая, что внешне он чистая десятка из десяти, да еще с отличием и похвальным листом. Но стоит ему открыть рот… раздражающий, высокомерный, самовлюбленный мудак.

Каждый раз, когда я прихожу к нему с разборками и требую вести себя тише, на его лице расплывается похотливая ухмылочка: «Другие соседи не жалуются, проблемы только у тебя».

Естественно, они не жалуются — ведь именно моя квартира находится впритык к твоей, конченый ты дебил.

Я знаю о нем совсем немного, не считая того, что его член способен заставить баб орать так, словно они идут на мировой рекорд. Его зовут Майлз Уитмор, и, судя по британскому акценту, он родился в Соединенном Королевстве, а затем перебрался сюда — на мою неизбывную беду. Он старше меня на пару лет и выше меня на добрых полтора десятка сантиметров. Вроде как преподает литературу в Нью-Йоркском университете — ровно там же, где я защищала магистерский диплом.

Я знаю об этом исключительно потому, что однажды он наяривал там добрую половину ночи, напрочь лишив меня сна, а когда наутро я постучала к нему в дверь с претензиями, он отшил меня фразой: «Мне пора на пары. Отложи свои истеричные и вздорные нравоучения на потом, премного благодарен!»

Да, признаю, потом я его погуглила. Кафедра в NYU после череды красных дипломов с высшими баллами. Смертная тоска, как предсказуемо.

К несчастью, между нашими террасами чуть больше метра, и если моя примыкает к гостиной, то его соединена напрямую со спальней. Так что я даже не могу напиться в одиночестве и покое, не слушая оргазмы его трофея на сегодня.

Бывают вечера, когда его сексуальная жизнь берет тайм-аут, и в такие моменты мы оба оказываемся на террасах в тишине. Он курит сигарету, а я опираюсь на парапет и болтаю по телефону — обычно с Дионисом, но иногда мы собираемся в

групповой видеочат девчонками, правда, только после того, как уломаем Афину подключиться. Я болтаю без умолку, совершенно не смущаясь его присутствия; права вякать у него нет, да он, собственно, никогда и не пытается.

Сказать по правде, порой я ловлю его на подслушивании. Понимаю это по тому, как он усмехается моим словам или хмурит брови, словно реагируя на каждую фразу.

Однажды нам даже удалось перекинуться целыми десятью спокойными репликами без единого взаимного оскорбления. А на следующий вечер мы снова орали друг на друга на балконах, потому что я уже захлебывалась от грохота в его берлоге.

Словно кто-то на небесах решил сделать мне прощальный подарок на тридцатилетие, девица наконец замолкает после затяжного хриплого стона. Вокруг меня вновь воцаряется блаженное одиночество, нарушаемое лишь гулом ночного Нью-Йорка.

Но стоит балконной двери его спальни с грохотом распахнуться, как бутылка вина выскальзывает у меня из пальцев — я перехватываю ее в последний миг. На пороге возникает он: строгие брюки расстегнуты, белая рубашка распахнута на рельефной, точеной груди.

Светло-каштановые волосы, обычно уложенные волосок к волоску, сейчас взлохмачены. Непослушная прядь падает на лоб, небрежно задевая кончик носа. Он смахивает ее резким движением, и в эту же секунду его черные глаза впиваются в меня.

Он не здоровается — лишь вопросительно выгибает бровь.

И только сейчас я осознаю, какую картину он наблюдает. Я: босиком, в черном облегающем платье с расстегнутой на спине молнией, растрепанная и с блестящими от выпивки глазами.

Ах да, и с винной бутылкой наперевес.

Жалкое зрелище.

— О-о, Лайвли, пустилась во все тяжкие? Дикая тусовка с котом?

— Ты вообще соображаешь, что на часах первый час ночи, а шлюха в твоей спальне визжит так, будто в нее вселился дьявол? — цежу я сквозь зубы.

Он ухмыляется:

— Слышала, значит?

— Это был не комплимент! Это жалоба!

— М-м-м, — он щурит глаза, разглядывая меня с ног до головы. — Пожалуй, я все-таки сочту это за комплимент.

Моя рука дергается на автомате, и он резко шарахается назад, выставив перед собой ладони в защитном жесте с неподдельным ужасом в глазах. Лишь секунду спустя до меня доходит причина: я занесла стеклянную бутылку в воздух.

— Да не собираюсь я в тебя кидать, псих недоделанный! — вызверяюсь я. — Я допить ее хочу! Еще чего, вино на тебя переводить.

— Ценная информация. Ну и как там Аристотель?

Что в нем бесит еще сильнее? Мой кот в нем души не чает. Стоит мне оставить дверь приоткрытой, как Аристотель запрыгивает на бортик моей террасы, перемахивает на его половину и скребется в стекло, выпрашивая ласку. Но настоящая катастрофа в том, что Майлз ему потакает: тискает его, а потом идет звонить ко мне в дверь, чтобы лично вернуть беглеца. Он с умным видом утверждает, что этот лишний контакт между нами чертовски необходим, если не сказать обязателен и неизбежен —

ведь нельзя же выставить кота обратно на парапет и рисковать тем, что он сорвется вниз.

Когда я пересказала это Аресу, тот выдал предельно «утешительное»: «Бля, из тебя даже ебучая старая дева с кошками не выйдет, тебя даже коты бросают».

Хочется с размаху приложиться головой об стену.

Я игнорирую вопрос про кота:

— Надеюсь, вы там закончили? Я вообще-то спать лечь хочу.

Майлз бросает ленивый взгляд в глубь своей спальни:

— Вообще-то у нас просто перекур. Думаю, зайдем еще на один раунд. Максимум два, обещаю.

— Господи, клянусь, сейчас эта бутылка точно полетит в тебя. Это просто невыносимо…

— Я постараюсь не так сильно выкладываться, чтобы она орала потише.

— Это ни капли не смешно, понял? И никогда не будет. Меня заебали ты и твои бесконечные потрахушки. Когда я возвращаюсь после адского рабочего дня и хочу спокойно отдохнуть после ужина, мне меньше всего на свете хочется слушать нечеловеческие вопли из твоей берлоги. Нельзя к ним домой поехать, а не тащить их сюда? Или шумоизоляцию на стены нацепить?

— Ну или можно просто заткнуть девчонкам рот кляпом, — невозмутимо предлагает он.

Я тычу в него пальцем:

— Именно! Да! Прекрасная мысль!

Он фыркает со смеху:

— Я пошутил, Лайвли.

— А я нет. Пожалуйста, возьми на заметку хоть одну из этих идей. Пожалуйста.

Последнее «пожалуйста» звучит странно даже для моих собственных ушей — как-то невнятно и смазанно.

Проходит время, и тишина сгущается настолько, что я вынуждена поднять голову и проверить, не ушел ли он. Майлз все еще стоит на месте и разглядывает меня, озадаченно нахмурив брови.

— Господи правый, да ты же в стельку пьяная, — с усмешкой замечает он.

— Ну и что с того?

— Ты в порядке?

Вопрос, заданный столь мягким тоном — настолько непривычным для нашего обычного собачьего лая, — на миг выбивает у меня почву из-под ног. Рот открывается, но связного ответа я выдать не могу.

— Ладно, ни хрена ты не в порядке, ясно, — отвечает он сам себе.

— Нет, не в порядке! Только с какой стати мне душу перед тобой изливать? У меня день рождения, мне стукнуло тридцать, а я за всю гребаную жизнь ни разу даже паршивого «я тебя люблю» не услышала! Ни одного мужика не встретила, который захотел бы пойти дальше первого свидания! Живу в четырех стенах с котом, который ластится ко мне только ради жратвы, а потом сбегает к моему соседу-мозгоклюю. Все мои подруги пристроены, братья с парами, кузены тоже. И когда я набираюсь смелости попросить кого-нибудь из них провести со мной вечер, мне кажется, что они соглашаются из чистой жалости! Потому что Гера, бедняжка Лиззи, совсем одна, надо же составить ей компанию, утешить ее, втереть ей, что любовь рано или поздно придет, и что она, блять, вообще-то не такое уж полное убожество!

Я тяжело дышу, словно только что отпахала марафон, но этот словесный понос уже не остановить:

— Через неделю мой брат женится, и я опять буду единственной дурой без пары! И невеста наверняка кинет букет в мою сторону, а остальные услужливо расступятся, чтобы я его поймала — опять же из жалости! Боже, как же я сука ненавижу эту жалость! А потом ко мне обязательно кто-нибудь подкатит с дежурным утешением, что следующей буду я, и если принц еще не объявился, значит, Вселенная готовит для меня что-то поистине легендарное!

Я кривлюсь в отвращении.

— К слову, мне нахрен не сдалось ничего легендарного, сечешь? Мне достаточно простой, счастливой любви! Мне просто надо, чтобы хоть кто-то в этом чертовом мире ценил меня саму по себе! Не как сестру, кузину, тетю, подругу, студентку или воспитательницу. Я просто хочу, чтобы…

Внезапный приступ трезвости бьет меня словно пощечина, и я резко затыкаюсь.

— Слушай, а окружающим-то какое собачье дело до твоей личной жизни? — спрашивает Майлз, все так же хмуря лоб.

— Не знаю. Наверное, они уверены, что я страдаю как побитая собака. Но правда в том, что я уже смирилась со своим роком. Я знала это еще девчонкой, а сейчас, с высоты взрослого ума, окончательно поняла: любовь дана не каждому. Точка. У меня и без нее полно хорошего в жизни — вот протрезвею и снова смогу это разглядеть, а не тонуть в водовороте собственных загонов.

Я подаюсь вперед и наваливаюсь на парапет. При этом я отчетливо замечаю, как дергается Майлз: словно порывается перемахнуть ко мне и перехватить меня поперек тела, испугавшись, что я сейчас по-идиотски сорвусь вниз.

— Загвоздка в том, что… ну да, иногда у меня в голове вся эта картина выглядит уныло. Но одно дело, когда я сама это перевариваю и страдаю молча в тряпочку, и совсем другое — когда мне без конца тычут этим в морду и жалеют. Терпеть этого не могу.

— Ну, ты всегда можешь заявиться на свадьбу и объявить всем, что нашла парня. И они отстанут.

— Мне никто не поверит, пока я не притащу его за руку.

— У тебя всё настолько беспросветно? Твою мать.

— Майлз. Тридцать лет. Ноль серьезных отношений. Первый поцелуй в девятнадцать. В двадцать лишилась девственности, да и то наполовину. Единственный повторный секс был в двадцать один. В плане романтики я ходячий мем.

Он вскидывает указательный палец:

— «Наполовину»? Это еще как?

Я морщусь:

— Наполовину лишилась, а потом во время следующего раза практически добрала вторую половину, ясно тебе? — отрезаю я. — И не смей расспрашивать дальше, эту историю хрен объяснишь, и вообще… это слишком интимно.

— Ну теперь-то ты вывалила вообще всё, Лайвли.

Блядь. Я на полном серьезе исповедуюсь собственному соседу.

Ладно, похер, не буду делать из этого трагедию. Мне плевать. В конце концов, если внушать себе, что тебе похуй, достаточно убедительно, то в итоге действительно станет похуй. Иногда мой мозг выдает поразительно практичные фокусы.

Я пожимаю плечами и делаю еще один глоток из горла:

— Не думаю, что сорвала тебе крышу откровением. Ты и так наверняка догадывался, что моя жизнь пресна до тошноты — ни секса, ни нормальной близости.

Он неопределенно мычит и приваливается плечом к стене рядом со своей балконной дверью:

— Сказать по правде — вообще нет. Я бы поставил на то, что у тебя есть какой-нибудь вежливый, правильный бойфренд из тех, с кем сходятся еще со школьной скамьи и потом тянут лямку до гробовой доски. Я как-то не сообразил, что твои истерики из-за моих потрахушек — это банальная зависть.

— Что?! — визжу я. — Да я на пушечный выстрел не хотела бы оказаться на месте тех шлюшек, которых ты к себе таскаешь!

Он ухмыляется:

— Я этого и не говорил. Я брал шире, Лайвли.

Проклятье.

От позорного провала меня спасает безымянная девица в его постели, которая подает голос из глубины комнаты:

— Ты куда пропал? Всё нормально?

Я шумно выдыхаю:

— Проваливай к ней. Еще пара глотков вина — и я просто рухну на диван без чувств, отключусь так крепко, что даже ее визги меня не разбудят.

Он даже не думает двигаться с места; напротив, сверлит меня взглядом настолько пристально, что я отвожу глаза от неловкости, в душе молясь, чтобы мои щеки не залило предательским румянцем. Алкоголь делает меня безоружной, вытаскивая наружу ту неуверенную девчонку-подростка. Ту самую версию себя, которую я старательно закопала глубоко под землю, когда повзрослела. Теперь-то я Гера — ну, или Лиззи, — выковавшая вокруг себя непробиваемую броню отстраненного пофигизма.

И это опять же из-за вина мой взгляд слишком нагло скользит по рельефным очертаниям его груди, спускаясь к едва заметным кубикам пресса и впадинке пупка. И снова его вина в том, что я застреваю на его чертах лица: прямой крупный нос, волевая тяжелая челюсть, взлохмаченные назад волосы, как у сказочного принца, и эти огромные черные глаза — две бездонные чернильные лужи.

— Если расскажешь, как умудрилась потерять девственность лишь наполовину, я выставлю ее за дверь и отменю следующие заходы, чтобы не сбивать твой сон.

Предложение звучит настолько дико для наших привычных терок, что мне кажется, будто спьяну у меня начались слуховые галлюцинации. Я демонстративно подаюсь ухом в его сторону, требуя повторить. Он спокойно повторяет — и я убеждаюсь, что со слухом пока все в порядке.

— Твоя внезапная благотворительность выглядит стремно. В чем подвох? — прищуриваюсь я. — Завтра у тебя по расписанию оргия на двадцать голосистых девок?

Он заливается смехом:

— Ты всегда прешь напролом, да? Нет, никакой оргии. Завтра у меня разгрузочный день. И так, к сведению: моя доброта вовсе не внезапная. Это ты никогда не даешь шанса на нормальное общение, потому что способна только облаивать меня с порога.

— Естественно, ты же конченый мудак.

— А ты душная заноза в заднице.

— Если бы я вела себя так же, как ты, — шиплю я, размахивая в воздухе указательным пальцем как полоумная, — и ты по пять ночей в неделю слушал мужицкие вопли из моей спальни, которые мешают тебе спа…

— Если бы ты вела себя так же, — перебивает он с невозмутимой наглостью, — я бы от души поздравил тебя с выдающимися талантами и попросил дать мастер-класс на пробу лично мне.

— Я сдаюсь, — фыркаю я. — Иди закатывай свои следующие раунды. А байка про мою половинчатую девственность останется при мне. К тому же я уже достаточно накидалась, чтобы вырубиться, даже если ты заставишь ее орать как Халк.

Майлз задумчиво кивает:

— Отдай ее сюда, давай.

Я свожу брови к переносице:

— Ты о чем вообще?

Он с трудом давит смешок:

— О бутылке вина. У меня стойкое предчувствие, что ты продолжишь хлестать, а тебе уже явно хватит. Ну же, давай сюда.

Он шагает вплотную к парапету и протягивает через него длинную руку. Я отдаю ему стекло исключительно потому, что на донышке там остались жалкие капли, а сил собачиться с ним у меня больше нет.

Мы не желаем друг другу спокойной ночи, не расшаркиваемся в вежливостях. Просто коротко киваем и одновременно захлопываем свои балконные двери.

Аристотель сладко дрыхнет на диване и даже ухом не ведет на мои шаги. Комната утопает в темноте, если не считать одинокого спота, все еще горящего над кухонным островком.

По-хорошему, надо бы поступить как взрослая: доползти до душа, почистить зубы и залезть под одеяло в пижаме. Но голова идет кругом, и каждый гребаный шаг требует титанических усилий. Я просто валюсь на диван, свернувшись калачиком, чтобы не потревожить кота, прямо в расстегнутом платье и со штукатуркой на лице.

Я отключаюсь прямо посреди дуэли взглядов с черным потухшим экраном телевизора перед глазами.

Утром меня выдергивает молот, дробящий виски, и мерзкий перегар во рту. Я переворачиваюсь на спину и лишь по мере того, как туман рассеивается, начинаю понимать: мое тело вышибло из сонного царства вовсе не по доброй воле.

Кто-то настойчиво колотит во входную дверь. Я проверяю время на телефоне. Шесть утра — кого, блять, принесло в такую рань?

— Умоляю, открой, — раздается жалобный мужской голос.

Голова еще слишком чугунная, чтобы сразу сообразить, чей он. Я сползаю с дивана, спотыкаюсь о собственные ноги и плетусь в прихожую. Заглянув в глазок, я обнаруживаю нарушителя спокойствия: это Майлз. Опять в той же расстегнутой на груди рубашке и строгих черных брюках — правда, на этот раз ширинка застегнута.

Я поворачиваю замок:

— Чего тебе? Ни свет ни заря!

На его лице застыл неподдельный ужас. Он без малейшего приглашения влетает в мою квартиру и прижимает указательный палец к моим губам, призывая замолчать:

— Тише, тише, она же услышит!

— Кто услышит? И с какого хрена ты вообще сюда ввалился?

Майлз даже не делает вида, что слушает меня. Он мечется взад-вперед по коридору, тяжело вздыхая на каждом шагу.

— Лайвли, мне нужна твоя помощь. Никогда в жизни не думал, что приползу сюда умолять о чем-то подобном, но только ты способна вытащить меня из этого кромешного ада.

— О чем ты вообще мелешь?

Он наконец замирает на месте — от его мельтешения меня уже начинало подташнивать. Он разворачивается ко мне лицом, но, попытавшись заговорить, зависает, медленно сканируя меня взглядом с головы до пят. Волосы торчат во все стороны, глаза заплыли от сна, а макияж превратился в кашу.

— Да, я вырубилась на диване, прикинь.

— Зашибись.

— Так чего тебе надо? Утро субботы, шесть часов — ради твоего же блага надеюсь, что там реальное ЧП.

Он делает неопределенный жест куда-то в сторону:

— Девчонка, с которой я был этой ночью… она не уходит.

— Не уходит?

— Не уходит.

— Не уходит?

Он закатывает глаза:

— Не желает сваливать. Из моей постели. Из моей квартиры. Она вбила себе в башку, что втрескалась в меня по уши, и что это был не просто секс. Теперь дошло, Лайвли?

Я сжимаю губы в тонкую линию.

Он предостерегающе тычет в меня пальцем:

— Это не смешно. Ни капли не забавно. Не смей…

— Ой, да вообще-то это дико смешно! Только объясни, почему ты приперся ко мне? Я тут каким боком?

— Ты должна мне помочь.

— Что-то мне подсказывает, что это сугубо твои половые трудности, — отшиваю я его, пытаясь протиснуться мимо. — Я пойду в душ, потом завалюсь в постель и не вылезу оттуда минимум до полудня. А ты выкручивайся сам как умеешь.

Горячая ладонь обхватывает мое запястье, удерживая на месте:

— Лайвли.

— Чего тебе еще? Теперь ты превратился в того, кто не хочет убираться из моей квартиры.

— Ну вот, видишь, каково это? — усмехается он.

Я выдергиваю руку, но все же выделяю ему еще пару секунд своего времени:

— Чего ты хочешь?

Он скребет затылок — нервный жест, а не реальная потребность.

— Ты могла бы ворваться ко мне в спальню и заявить, что ты моя жена. Ну или моя девушка. Наорешь на нее, покроешь меня матом, хорошенько ее напугаешь — и ей придется смыться.

— Ты шутишь?

Он выразительно указывает на свое лицо:

— Я похож на человека, у которого в шесть утра есть настроение шутить? Нет. Вруби свои лучшие актерские таланты и выдай мне перформанс всей своей жизни.

У меня отвисает челюсть.

Он снова оглядывает меня с ног до головы:

— И… может, сначала приведешь себя в порядок? Если зайдешь в таком виде, тебя примут за бомжиху, подобранную на помойке.

Одна часть меня рвется заржать, другая — вытолкать его взашей за порог. Какая потрясающая наглость: разбудить меня в субботу в шесть утра, потребовать сыграть обманутую невесту, да еще и облить помоями напоследок. Мой пыл остужает лишь случайный взгляд в зеркало у входа.

Да уж, выгляжу я и правда так, словно всю ночь провалялась на тротуаре в невменяемом состоянии.

— Слушай, я не…

— Лайвли, я умоляю. — Он сокращает дистанцию и берет обе мои ладони в свои, крепко сжимая их и глядя на меня жалобным щенячьим взглядом. — Сделай это ради меня, очень прошу. Взамен проси всё что угодно. Вообще всё, серьезно.

— Мне от тебя ничего не нужно, Майлз.

— Да брось! Я же должен хоть в чем-то тебе пригодиться. В чем угодно.

— Нет.

— Ты даже подумать не успела!

— Если я начну думать, я просто выставлю тебя за дверь и даже рассматривать эту дичь не стану.

Он моментально бледнеет:

— Всё-всё, ладно, не думай. Отключи мозг. Иди смой в ванной тушь, которая уже до подбородка стекла, и погнали на сцену, а?

— Майлз, я…

Внезапно он стискивает мои пальцы с такой силой, что я тихо взвизгиваю от боли. Он азартно встряхивает моими руками:

— Придумал! — выпаливает он, расплываясь в улыбке. — Я знаю, как вернуть должок. Сегодня утром ты изображаешь мою девушку, а я притворюсь твоим бойфрендом на свадьбе твоего брата.

Теперь уже кровь отливает от моего лица:

— Что, прости? Ты с дуба рухнул?

— Ты только вдумайся! — не унимается он, повышая голос на целую октаву. — У них будет живое доказательство, что я существую! Никто больше не станет доставать тебя дурацкими речами о том, что всё еще наладится, невеста перестанет показательно целиться букетом тебе в лоб, от тебя наконец отстанут… да и все остальные просто удавятся от зависти. В конце концов, ты только посмотри на меня.

Я понимаю, что последнюю фразу он бросил просто ради хохмы, но мой мозг отказывается это переваривать. Как ему вообще пришла в голову такая чушь?

— Мне не нравится этот план. Ты хоть соображаешь, что это значит? Тебе придется лететь со мной в Калифорнию в следующую субботу и торчать там до вечера понедельника. Тебе придется познакомиться с моей семьей, изображать бешеную страсть ко мне, играть во всю эту парочковую романтику и…

Он кивает — серьезный как никогда:

— Я справлюсь. Это не проблема. Что угодно, лишь бы отделаться от этой бабы. Она меня пугает.

План дерьмовый. Всё может пойти по пизде в любую секунду; если кто-то нас заподозрит, если мы сфальшивим, это будет космический позор. Я не просто останусь

вечной неудачницей-одиночкой — я выставлю себя настолько отчаявшейся и жалкой, что ей пришлось арендовать фальшивого парня.

С другой стороны, если они поверят, мне дадут пожить спокойно хотя бы какое-то время. И, положа руку на сердце, явиться под ручку с таким типом — повод для нехилой гордости. Красивый, обаятельный, с улыбочкой того самого идеального мальчика, которого так и хочется познакомить с родителями.

О боже.

Рука Майлза, властно опустившаяся мне на талию, выдергивает меня из мыслей. Его пальцы сминают ткань расстегнутого платья, подушечки ощутимо вдавливаются в кожу, притягивая меня к нему так близко, что между нашими телами остаются считаные миллиметры. Я запрокидываю голову и натыкаюсь на его черные глаза, неотрывно впившиеся в мои. Он слегка наклоняется — ровно настолько, чтобы наши носы едва соприкоснулись.

— Я чертовски убедительно притворяюсь, — шепчет он. Его дыхание обжигает мои губы. — Чувствуешь?

— Майлз…

— Если этого кастинга мало, могу поцеловать тебя — чисто чтобы доказать, что я вживаюсь в роль безупречно. К тому же у нас целая неделя на дрессировку: введешь меня в курс семейных дел, расскажешь про каждого из них и выдашь четкие инструкции, как не спалиться.

Познакомить его с моей семьей? Рассказать ему о них? Он не понимает, что подобные заходы точно не подтолкнут меня согласиться.

— Твое тело говорит за тебя: ты уже на полном серьезе обдумываешь мое предложение.

Его слова напоминают о том, что его рука всё еще покоится на моей талии, а сам он непозволительно близко. Я сбрасываю его ладонь и делаю шаг назад. С шумным вздохом тру лицо и зачесываю пальцами волосы назад.

— Тебе придется сыграть убедительнее всех оскароносных актеров за всю историю кино, — предупреждаю я. — Без права на ошибку. Моя семья совсем не наивна, за редким исключением, а некоторые из них чуют пиздеж и сплетни за версту. Ты даже не представляешь, в какое осиное гнездо лезешь.

Он ухмыляется:

— Любопытно. Раз это сложно, адреналина будет только больше. Теперь я просто сгораю от нетерпения.

Я пожалею об этом, к гадалке не ходи.

Но я слишком вымотана и слишком сильно хочу завалиться спать, чтобы размышлять об этом сейчас. Велю ему подождать меня в гостиной и приземлиться на диван, а сама запираюсь в ванной и привожу себя в порядок. Переодеваюсь, выбрав джинсы и свитер. Собираю волосы в хвост и смываю остатки размазанного мейкапа.

Когда я возвращаюсь, Майлз сидит на диване с блаженно мурлычущим Аристотелем на коленях.

— Ну всё, погнали.

Он даже головы не поднимает, залюбовавшись моим котом:

— Не хочешь по-быстрому отрепетировать реплики? Подобрать пару правдоподобных деталей для фальшивого скандала?

— Управимся за пару минут, незачем репетировать. Шевели поршнями.

Майлз вздыхает и чмокает Аристотеля в макушку, прощаясь с ним так трогательно, будто это его собственный питомец. Поднявшись на ноги, он упирается взглядом в меня и застывает. Он слегка прищуривается, разглядывая меня так, словно видит впервые в жизни.

— У тебя веснушки.

Я заминаюсь:

— Да, в курсе.

Он прижимает подушечку указательного пальца к моей щеке, легонько растирает и смотрит на свой палец:

— Оу. Замазываешь их тоналкой? Жаль. Веснушки — это же так красиво.

— Я их не замазываю, просто тональный крем их перекрывает, тут уж ничего не поделаешь. — Я выхожу в коридор и жестом уступаю ему дорогу, чтобы дальше вел он.

Он доходит до своей входной двери; связка ключей лениво покачивается на его длинном тонком пальце.

— Ну и почему бы тебе тогда не перестать им мазаться? Он тебе вообще не нужен, только веснушки прячет, а они же прекрасн…

Я с глухим стуком припечатываю ладонь к косяку:

— Мы собираемся выставить девицу из твоей берлоги или так и будем стоять тут и обсуждать мои веснушки?

— Выставим девицу. Но к теме веснушек мы еще вернемся, учти.

Я до боли прикусываю щеку изнутри, чтобы не покрыть его трехэтажным матом. Или чтобы не заржать. У этого мужика есть редкий дар: рассмешить и взбесить тебя до белого каления одной и той же фразой.

В его квартире царит полумрак, хоть шторы в гостиной и распахнуты. Я успеваю заметить угловой черный диван — великоватый для человека, живущего одного, — огромную плазму на стене и ломящийся от книг угловой стеллаж. Разглядеть что-то еще не удается: Майлз быстрым шагом идет по коридору к дальней двери.

Он вскидывает ладонь, приказывая мне замереть на месте:

— Готова? — шепчет он едва слышно.

— Да.

— На твоем лице ноль ярости бабы, застукавшей чужую шлюху в постели своего парня, — придирается он. — Вруби хоть каплю злости.

Я пытаюсь состряпать зверскую физиономию, но Майлзу приходится зажать рот ладонью, чтобы не прыснуть от смеха. Я с силой пихаю его в плечо:

— Завали и дай мне самой всё сделать.

Считаю про себя до трех и распахиваю дверь настежь.

— И это кто еще, блять, такая?! — истошно ору я.

Незнакомка, валявшаяся на кровати в чем мать родила, подрывается как ошпаренная и садится. Ее испуганные оленьи глаза в ужасе таращатся на меня.

— Ты кто вообще нахуй такая?! — повторяю я, взвинчивая голос.

Она судорожно хватает ртом воздух:

— Я… я… а ты кто?

— Девушка Майлза! Мужика, с которым ты трахалась всю ночь! — Я резко оборачиваюсь к двери: — А ты где шляешься? Майлз! А ну иди сюда, кусок дерьма!

Он вбегает в спальню мелкой трусцой. На его лице написано настолько неподдельное, филигранное чувство вины, что я на секунду сбиваюсь с мысли.

Мелькает шальная догадка: наш цирк на свадьбе Посейдона вполне может выстрелить с оглушительным успехом.

— Гера… послушай, я всё объясню.

— Я не знала, что у него есть девушка, клянусь! Он мне ни слова не сказал! — оправдывается девица, сползая с кровати и судорожно прикрываясь простыней. Она начинает лихорадочно сгребать с пола свои шмотки.

Я скрещиваю руки на груди:

— И давно вы кувыркаетесь? Это первый раз или вы уже давно развлекаетесь?

— Первый, я клянусь! Прости меня, я сама не знаю, что на меня нашло…

— Подтверждаю, первый! Я его до сегодняшней ночи в глаза не видела! Боже мой, прости пожалуйста! — бормочет незнакомка, уже натянув платье. Она нелепо прыгает на одной ноге, пытаясь как можно быстрее влезть в туфли.

Я выцепляю взглядом первый попавшийся под руку предмет — ночник на тумбочке — и со всей дури дергаю шнур из розетки. Тщательно следя за траекторией, чтобы не задеть его, но создать полную иллюзию броска на поражение, я швыряю лампу в Майлза. Ночник со звоном врезается в гардероб и разлетается на три куска прямо по полу.

Майлз округляет глаза и беззвучно одними губами артикулирует: *«Полегче!»*

— И это после всего, через что мы прошли, Майлз?! — продолжаю орать я. — После всего, что я для тебя сделала?! Я была с тобой рядом, пока твои родители со скандалом разводились! Я переехала сюда ради нас! Я даже терпела твои вечные проблемы с кишками, и каждый раз, когда мы куда-то идем, именно я не забываю положить в сумочку таблетки от твоих внезапных приступов поноса!

Майлз ошарашенно поворачивается к девице:

— Вот это последнее — чистый пиздеж, нет у меня никакого поноса!

Я хватаю с тумбочки следующий предмет — AirPods в белом глянцевом кейсе — и метко запускаю в него. Он ловит наушники на лету, озадаченно сводя брови, в которых явно пляшут смешинки:

— Не очень-то эпично для броска, Гера.

— Ты ублюдок! Чертов урод, которому я отдала всю свою жизнь, всю заботу и верность, не говоря уже о сердце! А я ведь пришла сказать тебе, что беременна, понял?!

Девица начинает надсадно кашлять, словно подавившись собственной слюной:

— Твою мать… Мне так жаль, прости меня, ради всего святого, я не…

— Пасть закрой! — рявкаю я на нее.

И снова перевожу бешеный взгляд на Майлза.

Я тычу пальцем в свой живот:

— Тройня, мудила! Трое детей! А ты что творишь?! Изменяешь мне! И черт знает с кем еще! Не поверю, что она у тебя единственная, а?! Угадала?! Признавайся!

Сказать по правде, я сама в полном восторге от своего таланта. Может, мне бросить всё, записаться на актерские курсы и стать звездой кино? Притворяться кем-то другим чертовски весело, а если за это еще и бабки платят, да премии вручают… О, мне определенно нравится эта мысль.

— Прости меня, я правда не знала, — всхлипывает возникшая передо мной девица с полными слез глазами. — Я сейчас же ухожу, вы меня больше никогда в жизни не увидите!

Затем она разворачивается к Майлзу и отвешивает ему такую смачную, звонкую пощечину, что его голова мотается вбок.

К счастью, девица больше не оглядывается и пулей вылетает из спальни — потому что в эту секунду моя концентрация летит к чертям, и я выпадаю из образа. У меня от изумления отваливается челюсть. Я отчаянно давлю дикий ржач ровно до тех пор, пока входная дверь с грохотом не захлопывается.

— Ох, бля-я-ять, — выдыхаю я, заливаясь хохотом.

Майлз потирает горящую щеку, тоже выходя из амплуа застуканного на измене неверного муженька:

— «Ох, блять» тут должен говорить я, Лайвли! Ты мне лампу расколотила! Ты ебанутая?

Я с усмешкой оглядываю осколки ночника, валяющиеся на полу:

— Она была уродливой. А я сыграла безупречно: убедительно, эмоционально и достойно стоячих оваций. Так что на твоем месте я бы проявила хоть каплю благодарности и осыпала меня заслуженными комплиментами.

Он шумно выдыхает и бросает кейс с AirPods на кровать. Я замечаю насмешливую ухмылку на его губах, которая тут же гаснет, когда он снова поворачивается ко мне:

— Спасибо, Лайвли. Всё было потрясающе. Кроме поноса.

Я одариваю его ослепительной язвительной улыбкой:

— Что-нибудь еще?

— Жду тебя в понедельник вечером на ужин. Начнем твою дрессировку, чтобы на свадьбе твоего брата я выглядел идеальным парнем.

— На ужин? — переспрашиваю я.

— Придешь ко мне, я состряпаю что-нибудь по-быстрому, а потом вплотную возьмемся за дело.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 3. ВЕСНУШКИ

Священным животным Геры был павлин. Согласно мифу, когда стоокий великан Арг Панопт был убит, богиня в память о нем поместила его глаза на павлиний хвост. Отсюда берет начало символика перьев с «глазками».

Гера

— Ты ведь в курсе, что мы могли заказать доставку? Не обязательно было стоять у плиты ради нас обоих, — замечаю я, проглатывая последний кусочек ньокки с томатным соусом.

Майлз замирает с вилкой на весу:

— Почему? Тебе не понравилось?

— Да нет, было вкусно. Очень, очень, очень вкусно. Я просто к тому, что ты не обязан был утруждаться.

Он пожимает плечами и подливает воды в стаканы:

— Я люблю готовить, особенно итальянскую кухню. Моя мама родилась и выросла в Италии, а потом познакомилась с отцом — коренным лондонцем до мозга костей, — и они переехали в Соединенное Королевство.

— Ого. Здорово.

И вот она снова — его фирменная самодовольная ухмылочка, замешанная на наглости и неприкрытом веселье.

— Скажем твоей семье, что ты без ума от моего томатного соуса и лазаньи, и по воскресеньям постоянно клянчишь, чтобы я тебе их приготовил.

— Ты этот соус для ньокки сам сделал? С нуля? Не купил готовую банку в супермаркете? — ахаю я.

Он прыскает со смеху:

— Ну естественно. Что за псих станет жрать мерзкую магазинную химию, когда можно сделать всё дома самому — из свежих продуктов и с нормальным балансом калорий?

Мое лицо, должно быть, слишком красноречиво выдает вину.

— Я так и знал.

Я громко фыркаю и поднимаюсь из-за стола. Но стоит мне потянуться за своей тарелкой, намереваясь отнести ее в раковину и помочь ему прибраться, как его пальцы ловко перехватывают мое запястье, заставляя вернуть посуду на место.

— Я сам. Жди меня на диване и начинай готовить первый вводный урок. «Лайвли 101».

Я послушно топаю к дивану, втайне радуясь, что от меня не требуется ничего, кроме как растечься по подушкам и переваривать потрясающий ужин.

Майлз щелкает языком, насмешливо глядя мне вслед:

— Не очень-то ты и рвалась помогать, а?

— Твой дом — твои правила. Кто я такая, чтобы лезть со своим уставом?

Он качает головой:

— Нет, вы только посмотрите на нее…

— Кстати говоря, вчера ни один сладострастный вопль не нарушил покой моего воскресенья. Да и в субботу, если подумать, тоже было тихо. Что стряслось? Натянул пояс верности с амбарным замком вместо трусов?

— Господи, Петросян нервно курит в сторонке. Я изо всех сил держу себя в руках, чтобы не лопнуть со смеху, Лиззи, честно.

Это был наш самый первый урок. Называть меня Лиззи перед семьей будет куда естественнее и убедительнее, чем Гера. Пока это рабочий вариант номер один. Мы как раз подбираем ласковое прозвище, которое мне подойдет.

— В общем… — продолжает он.

Сейчас он стоит ко мне спиной и сгружает грязную посуду с приборами в раковину. Мне видна лишь его широкая спина, обтянутая простой белой футболкой, заправленной в строгие темно-коричневые брюки. Короткие рукава открывают рельефные мускулы сильных рук, играющие при каждом малейшем движении.

Если бы только он не был конченым, невыносимым бабником… Впрочем, даже будь он другим, ничего бы особо не изменилось.

— Короче, начинай с того, со сколькими родственниками мне придется знакомиться.

— У тебя есть ручка и бумага?

Он подходит ближе, вопросительно выгибает бровь, упирает руки в бока и нависает надо мной сверху вниз:

— Я не настолько тупой, чтобы мне требовались картинки, Лайвли.

— Нет, поверь мне, чтобы перечислить мою семью и разложить все родственные связи, тебе реально понадобятся картинки. — Я сужаю глаза. — И я Лиззи, запомни уже. Не Лайвли.

Он небрежно отмахивается и уходит в глубь коридора. Я вслушиваюсь в звук его шагов, пытаясь заучить их ритм — привычка, оставшаяся у меня с самого раннего детства по отношению ко всем близким людям. Именно так я когда-то безошибочно понимала, когда Нис замирал перед моей дверью, а затем шел звать папу.

Майлз вручает мне чистый лист и черную ручку, после чего опускается прямо на ковер. Я устраиваюсь рядом с ним и использую журнальный столик между диваном и плазмой как подставку для схемы нашего безумного генеалогического древа.

По ходу рассказа я вывожу имена на бумаге, чтобы ему было проще ориентироваться:

— Уран и Гея — наши бабушка с дедушкой. Они усыновили Кроноса, Гипериона и Крио. Гиперион женился на Тейе, и вместе они усыновили меня, Ниса, Ареса, Посейдона и Зевса. Кронос женился на Рее, и они усыновили Хайдеса, Афину, Афродиту, Гермеса и Аполлона. Но Рея сейчас мотает пожизненный срок в тюрьме. История долгая, не для чужих ушей, так что без лишних вопросов.

Его глаза округляются:

— «Пожизненный»?

— Не сбивайся на расспросы, иначе потеряешь нить. Хейвен замужем за Хайдесом, но ее удочерил Крио. Нет, это не инцест, и да, юридически всё законно. — Лицо Майлза вытягивается от растущего недоумения. — Арес встречается с Хелл. Аполлон — с Лав, которая приходится родной сестрой Тимосу, а Тимос был с Афродитой, и она была беременна.

— Оу…

— И все трое погибли. Тим, Афродита и их нерожденный ребенок…

Внезапный спазм перехватывает горло, не давая выговорить ни слова. Он, кажется, всё понимает без слов, потому что не давит, не лезет с расспросами и просто терпеливо ждет в тишине.

— И Гиперион, мой отец, тоже мертв. Как и Кронос, Крио, Уран и Гея.

Майлз молча наблюдает за тем, как я перечеркиваю их имена крестами.

— Мне… мне пиздецки жаль, Лиззи, правда. Если я правильно понял, вы потеряли безумно много близких? Должно быть, это был сущий ад.

— Только в случае с Афродитой, Тимом и Гиперионом. Смерть Урана, Кроноса, Геи и Крио стала для нас чистым спасением.

Он озадаченно хмурит брови.

— Забей, тебе незачем вникать в подробности.

Да и как, черт возьми, я могла бы объяснить ему, что творилось за фасадом нашей семьи? Олимп с его залами, мифологический культ, лабиринт, смертельные игры на выживание, не говоря уже обо всех тех преступлениях, за которые Рея сейчас расплачивается за решеткой. Он должен знать ровно столько, сколько требуется для роли идеального фальшивого бойфренда, и ни граммом больше.

— Я могу спросить, как они погибли? Хотя бы твой отец.

— Лучше не надо.

— Понимаю. Прости.

— Ты лучше попроси прощения за все те бессонные ночи, которые ты мне устроил, отмахиваясь от моих претензий к твоим громким потрахушкам.

Я выдавливаю смешок, но он не подхватывает улыбку. Майлз пристально, предельно серьезно смотрит мне в глаза, и я с ужасом понимаю, что он раскусил мой маневр: попытку съехать на легкий язвительный треп, потому что выворачивать душу о собственном семейном кошмаре невыносимо больно.

— Так вот… — Я перевожу дух и вывожу крупными буквами имя ЛИАМ. — Лиам учился с нами в Йеле, и он парень моего брата, Зевса. Про Лиама тебе нужно знать главное: у него совершенно уникальное видение мира и своя собственная логика жизни. С непривычки он может вызвать у тебя кучу вопросов или даже слегка выбесить, но он потрясающий парень и очень добрый. Никогда не оставляй еду без присмотра, если он рядом: сметет не раздумывая.

— Принято, сделал пометку. А что насчет твоих родных братьев? — Он проводит пальцем по свеженачерченной схеме, наглядно показывая, что схватывает всё на лету.

Улыбка сама собой касается моих губ, и на мгновение я залипаю на этих именах — просто черные чернила на белом листе. Отрешаюсь я ровно до тех пор, пока не чувствую на себе его вопросительный взгляд темных глаз.

Чертовски трудно подобрать нужные слова, когда говоришь о тех, кого любишь больше всего на свете — главным образом потому, что на свете просто нет таких слов, которые могли бы описать их по достоинству.

Первым делом я рассказываю про Зевса. Он старший брат не только по свидетельству о рождении, но и по своей сути. Тот самый цербер, который лично знакомился с каждым пацаном, зовущим меня на свидание, исключительно ради того, чтобы предупредить: если я не вернусь домой в целости и сохранности, он достанет ублюдка хоть из-под земли. Ответственный, вечно перегибающий палку, сделавший своей жизненной миссией нашу защиту и поставивший семью превыше всего на свете. Тот тип людей, о чьей любви ты знаешь не по громким речам или нежным телячьим нежностям, а потому, что он нутром чует, в чем ты нуждаешься, и его молчаливые поступки кричат об этом громче тысячи пустых фраз.

Затем идет Поси — с его чарующим, свободным взглядом на жизнь, родственная душа Лиама. Я объясняю, что банда из Посейдона, Лиама и Гермеса — это убойный

коктейль: душа любой пьянки и главный источник всех наших семейных катастроф. Рассказываю о его запутанной и мучительной лавстори с лучшей подругой Хэрин и о его бешеной страсти к океану. О том, какой он гениальный серфер, но сколько дерьма ему пришлось перелопатить, чтобы выгрызть свое место под солнцем в мире, который упорно считал его тупым и ни на что не годным.

— Голубые волосы? — перебивает меня Майлз.

— Да, по ним ты узнаешь его без малейших сомнений.

— А Арес? В мифологии он был богом войны — воинственным и сеющим хаос. Он похож на свой прототип?

В памяти тут же вспыхивает картина: Арес поджигает гроб Кроноса, запуская ту самую цепочку испытаний, которая стоила ему глаза и поставила под удар всю семью. Я старательно гоню воспоминание о том, как погиб наш отец; я уже не первый год хожу к психотерапевту, но до сих пор с трудом способна переварить эту потерю.

— Арес… Арес — это ходячий хаос, чистая правда. К слову, он ослеп на один глаз.

Майлз передергивает плечами:

— Что за дичь вообще творилась в твоей семье?

— Отличный вопрос, который я благополучно проигнорирую.

Об Аресе я выкладываю ему правду, опустив самые болезненные и глубокие раны. Биологическая мать, которая никогда его не любила, вбила ему в голову установку: в этой жизни его вообще никто не сможет полюбить. Из-за этого он привык относиться к отношениям поверхностно и отстраненно, до смерти боясь даже заикнуться о вещах, причиняющих ему боль. Он привык прятаться за глухой стеной сарказма и злых подколок, лишь бы никто не разглядел, как сильно он страдает внутри. Я предупреждаю Майлза, что у Ареса длинный язык и напрочь отсутствуют какие-либо фильтры — он рубит правду-матку прямо в лоб, даже когда тема на грани фола и благоразумнее было бы просто заткнуться.

— Кто остался? — спрашивает наконец Майлз.

— Нис.

Он улыбается, выразительно кивая на мое лицо:

— Судя по твоей улыбке, это твой любимый брат. Я угадал?

— У меня нет любимчиков, это попросту невозможно, — тут же защищаюсь я. — Но с ним я делила больше всего минут слабости. Звучит дико, ведь ты и сам скоро увидишь: кажется, будто Дионис абсолютно профнепригоден для нормального человеческого общения. Он производит впечатление человека, которому перманентно скучно и глубоко насрать на всё вокруг, но это лишь фасад. Порой тебе покажется, что он в стельку пьян, хотя сейчас он пьет куда меньше благодаря долгому пути, который прошел. Правда, я на сто процентов уверена, что на предстоящих выходных он развяжется и напьется от счастья за Поси, и Рори будет рядом, чтобы приглядывать за ним. Он мой лучший друг.

— Почему мне кажется, что за твоими словами прячется глухая тоска?

Я отрываюсь от блокнота, где только что разглядывала выведенное имя брата, и вскидываю глаза на соседа. Как он, черт возьми, это понял?

Я с трудом сглатываю. Ладно, пожалуй, об этом я могу ему сказать, тут нет великой тайны:

— Был период, когда он сбежал в Париж, прихватив с собой родительские деньги. Потом он вернулся и вымолил прощение.

Майлз высоко вскидывает обе брови:

— Ого. Ну и… специфическая же у вас семейка.

— И это я еще не успела рассказать тебе про то, как Хейвен засветила сиськи перед Хайдесом в театре Йеля спустя две недели после знакомства.

— Чего?!

Я посмеиваюсь в кулак и собираюсь перейти к блоку про кузенов. Нужно непременно предупредить его, что Гермес чует запах секса за версту и работает похлеще желтой газетенки со сплетнями, а на Афину вообще нельзя долго пялиться, если не хочешь схлопотать по морде. Но Майлз резко тормозит меня, накрывая кончиками пальцев мою ладонь.

Прикосновение выходит легким, почти невесомым, но его пальцы задерживаются на моей коже на пару секунд дольше положенного.

— Стой. Почему бы тебе не рассказать мне о… — Он ловко вытягивает ручку из моих пальцев и обводит кружком мое имя. — О Гере. К черту кузенов и всех остальных, сначала я хочу узнать о ней.

Я замираю. К такому повороту я не была готова; напротив, меня чертовски успокаивала мысль об огромной семье — идеальный повод тянуть кота за хвост до победного и откладывать момент, когда ему придется узнать обо мне хоть что-то настоящее.

— В конце концов, я о тебе почти ничего не знаю, — добавляет он.

— Да ты вообще ничего обо мне не знаешь, Майлз. — Я перехватываю инициативу и выдергиваю ручку обратно.

Он тут же невозмутимо отбирает ее снова и чертит еще один круг вокруг моего имени, разглядывая каракули с нарочито рассеянным видом:

— Я знаю, что ты предпочитаешь белое вино: каждый раз, когда я натыкаюсь на тебя на террасе, у тебя в руке плещется бокал. Знаю, что ты искренне считаешь себя проклятой злым роком и обреченной на вечное одиночество — что звучит настолько же уморительно, насколько и нелепо, позволь заметить.

— Нет, твои ценные комментарии к делу не относятся.

Он ухмыляется:

— Знаю, что ты фанатеешь от документалок про животных, потому что каждый божий вечер врубаешь их на всю катушку. Полагаю, как раз во время ужина? Если так, то ужинаешь ты строго в промежутке между семью и восемью вечера.

— «На всю катушку»?! — сиплю я, сгорая со стыда. — Это неправда! О боже, серьезно? Тебе слышно через стену?

Блядь. А я ведь без конца отчитывала его за визги его ночных шлюшек.

— Мог бы и сказать, вообще-то, — мямлю я, чувствуя, как лицо заливает предательский жар. — Сказал бы хоть слово — я бы сделала потише.

Он лишь пожимает плечами:

— Да мне плевать. И, положа руку на сердце, серия про макак была весьма познавательной.

Я снова забираю у него ручку, не поднимая головы, лишь бы он не заметил катастрофы: щеки полыхают багровым пламенем, и я кожей чувствую, как горит всё лицо. Несколько секунд я нервно кручу ручку в пальцах, лихорадочно соображая, чем заполнить паузу.

— Говорить о себе не должно быть настолько трудно, знаешь ли, — нарушает он тишину. — Неужели ты совсем ничего про себя не знаешь, Веснушка?

Я вскидываюсь в ту же секунду, едва услышав дурацкую кличку:

— «Веснушка»?!

Он подается вперед — настолько близко, что я невольно вжимаюсь назад, охваченная безотчетной паникой. Майлз не отступает и повторяет тот же жест, что и два дня назад: прижимает подушечку пальца к моей щеке и слегка трет. Когда он смотрит на свой палец, на коже отчетливо виден след консилера, под которым я старательно прячу львиную долю своих веснушек.

Я выпаливаю первое, что приходит на ум, лишь бы сбежать из этой опасной ловушки:

— Я работаю с детьми. Я педагог и детский психиатр.

Кажется, это его искренне ошарашивает:

— Серьезно? Очень благородно. А почему именно дети?

— Потому что детей нужно защищать. Мы живем в гребаном мире, где они больше всех уязвимы и страдают сильнее остальных.

И потому что я прекрасно знаю, через какой персональный ад прошли мои кузены в детстве. Я знаю их травмы, с которыми они живут по сей день, бесконечно далекие от того, чтобы завершить психотерапию, начатую в тот день, когда маски с «Пандоры» были сорваны, а Уран — выбит из игры.

— Слишком многих детей бросают на произвол судьбы просто потому, что взрослые считают реальные проблемы с ментальным здоровьем банальными возрастными капризами. Если помочь ребенку сразу, можно предотвратить катастрофу во взрослой жизни.

— Справедливо.

— А ты у нас кто, профессор?

— О-о, наводила обо мне справки?

Проклятье.

— Ладно, признаю, грешна.

— Для разговоров обо мне время еще не пришло, — тут же сворачивает тему он и снова нагло вытягивает ручку у меня из рук. Мне интересно, сколько еще продлится это перетягивание каната? — Я хочу узнать больше о Лиззи.

— Например?

— Какой твой любимый цвет?

Я едва не прыскаю:

— Ты серьезно? Какая скука смертная.

— Какой твой любимый цвет?

Я раздраженно выдыхаю:

— Оранжевый.

Он кривит губы:

— Блевотина.

— Ну, о вкусах не спорят… и вообще, пошел нахрен.

— Если бы ты могла поужинать с любым умершим человеком, кого бы ты выбрала? Неважно, знаменитость или нет.

— Майкла Джексона, однозначно. Вот только никто из моих родственников не станет устраивать тебе допрос с пристрастием по этим пунктам. Они сами этого не знают. Точно так же, как понятия не имеют, что мой любимый цвет — оранжевый.

Я забираю ручку обратно, вызывая на его губах понимающую ухмылку.

— Но я готов поспорить: спроси я тебя о любимых вещах твоих братьев, ты отчеканишь ответы без запинки, — тихо роняет он.

Его замечание прилетает точно под дых, выбивая воздух из легких. Пальцы разжимаются, ручка выскальзывает, но прежде чем она успевает упасть на разделяющий нас клочок ковра, Майлз ловко ловит ее на лету.

— Это неправда.

— Любимый цвет Ареса?

Ответ вылетает на чистом автомате, прежде чем я успеваю прикусить язык:

— Зеленый.

На несколько мгновений повисает звонкая тишина.

— У Ниса — бордовый. У Поси — голубой, но это банально, потому что в этот цвет у него выкрашены волосы с четырнадцати лет. У Зевса, я бы сказала, коричневый, оттенка капучино.

Майлз сверлит меня немигающим взглядом, в котором читается явное осуждение, и мне это категорически не нравится.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь: что до меня никому нет дела, в то время как я пекусь обо всех. Но это неправда, и я не хочу, чтобы у тебя сложилось такое впечатление о моей семье. Разгадка куда проще и вовсе не такая печальная, как тебе кажется. Просто я человек, зацикленный на мелочах — даже самых крошечных и незначительных. Мы все устроены по-разному, и нет ничего криминального в том, что моим братьям плевать, какой цвет я люблю больше всего. Дионис, может, и не знает, что я обожаю оранжевый, зато он всегда знал: если я запиралась в комнате и не включала ни одной из своих любимых ламп, нужно было бежать к папе или маме, чтобы они пришли мне на помощь.

А это стоит дороже всего остального.

К концу моего монолога на его губах играет легкая улыбка:

— Логично.

— Идем дальше.

— Ага, «идем дальше»… — Он на мгновение задумывается, хотя сдается мне, что он просто ломает комедию. — Для тебя это ведь первые отношения, верно?

— Да.

— Значит, они ни разу не видели тебя с парнем. Нам нужно четко обозначить границы: телесный контакт и поцелуи.

— «Поцелуи»?! — взвизгиваю я, закашливаясь собственной слюной.

— Ты собираешься провести три дня на их глазах и ни разу не поцеловать меня? Они раскусят наш цирк в первую же секунду.

— Я не стану целовать тебя! Это фальшивые отношения, вовсе не обязательно…

— Блять, какая же ты душная, — бурчит он себе под нос.

Без малейшего предупреждения он перехватывает меня за талию и легко отрывает от пола, усаживая к себе на колени. Кажется, это не стоит ему ровным счетом никаких усилий — он управляется со мной так, будто я вешу не больше тряпичной куклы. Чего точно нельзя сказать обо мне: от накатившей неловкости я едва не валюсь на него всем весом.

Майлз откидывается спиной на основание дивана, а я в панике упираюсь ладонями в сиденье по обе стороны от его головы:

— Ты что творишь?!

— Расставляем границы: что нам можно, а что нельзя. — Он запрокидывает голову назад, опираясь о диван, чтобы получше разглядеть мое лицо.

Его рука соскальзывает с моей талии и тянется к лицу; одним лишь указательным пальцем он подцепляет непослушную прядь и заправляет ее мне за ухо.

— Это ведь нормально, да?

Я с трудом сглатываю и киваю:

— Это пойдет. Выглядит естественно и не переходит черту — вполне сдержанное проявление нежности.

— Лиззи?

— Что?

— Посмотри мне в глаза.

Скрепя сердце я поднимаю взгляд и сталкиваюсь с его глазами. Две смоляные радужки, обрамленные густыми каштановыми ресницами, намертво пригвождают меня к месту.

— Полагаю, я обязана смотреть в глаза собственному парню, чтобы всё выглядело натурально.

— Именно. Если ты будешь стыдливо косить взгляд, это мало потянет на нормальные отношения, не находишь?

Его голос звучит так низко и бархатно, а прикосновения настолько бережные, что мне кажется безумием сама мысль: неужели это тот самый ублюдок, с которым мы поливали друг друга помоями последние три месяца? В памяти до сих пор свежи оскорбления, которыми мы осыпали друг друга по вечерам на террасе, когда не могли связать и двух фраз без ядовитых шпилек и изощренного сарказма.

— Еще я полагаю… — тянет он. Его ладонь накрывает мою, и мучительно медленным, выверенным движением он переплетает наши пальцы. Поднимает сцепленные руки на уровень наших лиц и замирает, разглядывая их так, словно пытается решить, нравится ему эта картинка или нет. — Что мы можем держаться за руки, верно? Тебя устроит или ты слишком сильно меня презираешь?

— Ради трех дней потерплю.

— Замечательно.

— Но я уж точно не собираюсь вот так рассиживаться у тебя на коленях, — я выразительно киваю на позу, в которой мы сейчас застыли, — на глазах у всей моей семьи.

— Да уж, мне это тоже кажется перебором.

— Тогда на кой черт ты притянул меня к себе, кусок идиота?

— Чтобы ты привыкла находиться рядом со мной и перестала вспыхивать багровым пламенем от каждого шороха. — Он давит смешок: — Вот, полюбуйтесь, ты снова краснеешь, Веснушка.

Я разрываю замок из пальцев и с силой упираюсь обеими ладонями в его горячую грудь, намереваясь оттолкнуться, соскочить и плюхнуться на безопасное расстояние на диван. Меньше всего на свете мне сейчас нужно испытывать физическое влечение к собственному соседу, который отравлял мне жизнь месяцами. Игнорировать его привлекательность было сущим пустяком, пока он строил из себя всезнайку и крыл меня занудой за то, что я не желала слушать стоны девиц, которых он приволакивал к себе на ночь.

Но Майлз не оставляет мне шанса. Он нажимает мне на плечо, заставляя снова рухнуть прямо на его бедра, а свободной рукой жестко перехватывает мое лицо за подбородок.

— Никаких поцелуев в губы? — уточняет он.

— Никаких.

— Не думаешь, что твоя родня начнет задавать неудобные вопросы, если ни разу не увидит, как мы целуемся?

— Моя родня задает неудобные вопросы абсолютно обо всем, они стая неисправимых ищеек.

Меня передергивает от одной мысли о том, как начнет допекать меня Гермес, стоит нам остаться наедине хоть на пару минут. *Какой он в постели? Вы уже трахались? Ставлю на то, что у него огромный член. Ну давай, каково это — вообще заниматься сексом? Ты была в куда более плачевном состоянии, чем Полло. Сколько он держится? Он хорош? Романтичный? Страстный? Лизать умеет или…*

— Мы можем их обмануть, — шепчет Майлз, выдергивая меня из водоворота мыслей.

— Это как?

— Проще показать, но чур без истерик. Даже не вздумай отталкивать меня или прописывать мне в челюсть, Веснушка. Усекла?

— Не уверена, что готова подписаться под этим: твои предисловия звучат нихрена не обнадеживающе.

Он пропускает мои слова мимо ушей и притягивает мое лицо ближе к своему. Настолько близко, что его дыхание опаляет кожу, а наши губы разделяют считаные миллиметры. В тот миг, когда мне начинает казаться, что он сейчас нагло нарушит уговор и поцелует меня взасос, он едва заметно смещается в сторону.

Его губы мягко касаются самого уголка моего рта — поцелуй выходит столь же невинным, сколь и головокружительно интимным. Самое возбуждающее ощущение, которое мне доводилось испытывать за всю мою чертову жизнь.

— Видишь? — шепчет он, не отодвигаясь ни на сантиметр. — Я могу закрыть твое лицо ладонями — они у меня достаточно большие, чтобы перекрыть обзор чужим глазам, — и просто целовать тебя в уголок губ. Со стороны это будет выглядеть как самый настоящий поцелуй.

У меня пересыхает в горле настолько, что я не могу даже сглотнуть.

Но ему обязательно нужно всё испортить и включить дешевые понты — в своем репертуаре:

— Что такое, передумала? Предпочтешь поцелуй с языком?

Я резко дергаюсь назад. Движение выходит настолько резким и неуклюжим, что я теряю равновесие и прикладываюсь спиной о деревянный край журнального столика; пытаясь сгладить падение, я с размаху впечатываю локоть в столешницу.

Майлз закусывает губу, изо всех сил сдерживая ржач:

— Жива?

— В полном порядке! — рявкаю я.

Я вскакиваю на ноги и отступаю на почтительное расстояние. Чтобы хоть как-то сбросить колотящееся напряжение и стыд, я начинаю нарезать круги перед Майлзом, который так и остался сидеть на ковре, вальяжно откинувшись на диван. Он не спускает с меня глаз.

— Значит так: поцелуй в уголок губ утверждается, объятия и прикосновения к волосам — тоже. Держаться за руки разрешаю, — чеканю я список. — И никаких «Лайвли». Только Лиззи или Гера.

— А еще я смогу доказать свою безграничную любовь, заявив им во всеуслышание, что ты мечтаешь поужинать с Майклом Джексоном.

Я одариваю его убийственным взглядом.

Он назидательно указывает на меня пальцем:

— Вот так на меня при них смотреть не надо. Они решат, что ты меня на дух не переносишь.

Майлз подбирает листок со схемой семьи и задумчиво разглядывает каракули, нахмурив лоб:

— В любом случае продолжим завтра. Снова встречаемся здесь за ужином, после чего ты просветишь меня насчет кузенов и расскажешь о себе что-нибудь еще.

— Опять?!

— Не думаю, что твой любимый цвет и имя покойника, с которым ты не прочь разделить ужин, — это всё, что мне нужно о тебе знать, Веснушка.

— Слушай, моя семья не станет устраивать тебе викторину на знание фактов обо мне. И к слову, нам совершенно не обязательно ужинать вместе.

Его лицо искажает гримаса — столь же обиженная, сколь и насквозь фальшивая:

— Это еще почему? Я обязан приготовить тебе свою лазанью, чтобы ты могла с чистой совестью заявлять, что это твое любимое блюдо.

Я уже открываю рот, чтобы огрызнуться, когда тишину квартиры разрывает оглушительный рингтон моего телефона. Он всё так же лежит на кухонном островке, где мы только что ели. Я бросаюсь к нему, судорожно соображая, кому вздумалось звонить мне в такой час. Кроме моего брата, вариантов нет.

— Ты серьезно? — давится смешком Майлз. — У тебя на звонке стоит Wannabe от Spice Girls?

Я пропускаю его подколку мимо ушей и моментально бледнею, увидев на экране имя: «Нис». И вовсе не потому, что мне есть что скрывать, а потому, что до меня только что дошла критически важная деталь: он должен узнать о Майлзе первым. Это совершенно не в моем духе — держать его в неведении, а потом огорошить внезапным мужиком из ниоткуда.

Я принимаю видеовызов, направляя камеру строго на свое лицо и вставая спиной к островку — лицом к Майлзу.

— Привет!

— *Bonsoir [Добрый вечер]*, Лиззи, — приветствует он меня с безупречным французским прононсом. На французском он чешет куда чище, чем на греческом.

Судя по картинке, он развалился на диване под приглушенным красным светом, отбрасывающим резкие тени на его точеные скулы.

— Что стряслось?

— Ты на взводе. Почему ты дерганая? Что ты от меня прячешь?

Вот именно поэтому с Дионисом невозможно иметь секреты. Он сечет всё за долю секунды, а его въедливая, давящая серьезность мгновенно вгоняет меня в панику. Но я все-таки решаю рискнуть и соврать:

— Ничего.

Он скептически выгибает бровь:

— Не забывай: мне нельзя напиздеть, даже когда я пьян. Мое тело в хлам, но мозги варят кристально четко.

Поверх экрана смартфона я натыкаюсь на озадаченный взгляд Майлза.

— Послушай… за последние месяцы кое-что произошло. Я не говорила тебе, потому что тема деликатная, и мне сначала хотелось убедиться, что всё снова не

накроется медным тазом, как обычно. Но обещаю: в следующие выходные, на свадьбе Поси, ты всё поймешь.

Нис медленно кивает, взвешивая мои слова. Тем временем Майлз бесшумно поднимается на ноги и подходит ближе, останавливаясь по ту сторону кухонного островка.

— Ладно, твою логику я уловил, — тянет брат. — Но категорически с ней не согласен. Выкладывай сейчас. Будь любезна.

— Нис…

— Лиззи, ну пожалуйста, я умоляю, — канючит он. — У меня был просто адовый день — не спрашивай подробностей, мне позарез нужна хорошая новость. Ты ведь собираешься порадовать меня чем-то хорошим, правда?

Черт с ним, какой вред от того, если я приоткрою карты чуть раньше? Одной головной болью на свадьбе станет меньше.

— Ладно. Я кое с кем встречаюсь.

В трубке повисает гробовая тишина.

— Ты часто с кем-то ходила на свидания, Лиззи. И в чем тут мировая сенсация?

— Этот парень не дебил, в отличие от остальных, и… мы вместе.

Нис на экране заметно оживляется и рывком садится:

— «Вместе» в том смысле, что вы прямо сейчас дышите одним воздухом в комнате, или…

— В смысле отношений, вот.

Ну и в одной комнате тоже, чего уж там.

Его рот распахивается так широко, что мне становится даже немного обидно:

— Да ладно?! Не пизди!

— Честное слово, чистая правда.

— Да не верю! — орет он еще громче, расплываясь в улыбке до ушей. — Ты сломала проклятие?! Не верю!

Майлз язвительно усмехается, снова услышав слово «проклятие».

Мой брат окончательно впадает в экстаз. На меня обрушивается шквал вопросов; алкоголь дает о себе знать — он безбожно глотает слоги, так что я стою перед экраном с абсолютно потерянным видом.

— Как зовут? Кто такой? Ну расскажи хоть что-нибудь, не томи!

— Я познакомлю вас лично.

— Нет, прямо сейчас! Выдай хоть пару деталей! Лиззи, я так счастлив за тебя! Очень надеюсь, что он носит тебя на руках, потому что моя мелкая заслуживает именно той любви, о которой грезила в детстве, пока папа зачитывал ей до дыр эти приторные сказочки.

В глазах Майлза вспыхивает нескрываемое любопытство.

Я начинаю мямлить, как круглая дура:

— Он… он профессор литературы в Нью-Йоркском университете.

— Ебать мой лысый череп! — выдает Нис свою фирменную интеллигентную реакцию. — Ты же всегда сохла по преподам, разве нет? Или я путаю? Кажется, это были пожарные…

Я чувствую, как краска заливает лицо вплоть до корней волос — особенно оттого, что Майлз вперился в меня взглядом и не моргает. Мне даже не нужно смотреть на него, чтобы знать: он скалится во все тридцать два, захлебываясь собственным раздутым эго.

— Первое место — профессора, второе — пилоты, и только третье — пожарные, — неохотно бубню я себе под нос.

— Точно-точно! Скинь его фотку, живо. Я хочу на него глянуть.

Я случайно мажу взглядом по Майлзу — тот беззвучно давится хохотом.

Никаких его фоток у меня нет и в помине, поэтому я опускаю телефон, делая вид, будто отвлеклась, и одними губами бешено артикулирую ему: *«Срочно скинь фотку!»* Пересылаю кадр брату и наблюдаю за его реакцией в прямом эфире.

Он залипает в экран так надолго, что даже Майлз начинает нервничать и нетерпеливо барабанит пальцами по мрамору островка.

— Лиззи, он чисто визуально один в один твой типаж, который ты расписывала годами. Ты что за манифестацию Вселенной провернула, мать твою? — выдыхает он.

Господи, вот сейчас мне реально хочется испариться от жгучего стыда. Хочется, чтобы прямо под моими ногами разверзлась бездна и поглотила меня целиком. Но самое паршивое — это самодовольная, наглая ухмылка на физиономии Майлза.

— Значит, твой идеал во всем, а? — шепчет он с предельным ехидством.

В ответ я молча впечатываю ему средний палец прямо перед носом.

Нис на том конце провода продолжает бушевать, как ураган:

— Ты ему заплатила? Или сгенерировала через нейросеть? Он вообще настоящий? Господи, умоляю, скажи, что он из плоти и крови и что в эти выходные у него внезапно не случится форс-мажора, из-за которого он сольется со свадьбы!

— Дориан! — одергиваю я его. — С чего бы мне выдумывать человека?!

Только то, что мы встречаемся, подумаешь.

Я не замечаю его приближения и тем более не слышу шагов, ведь он ходит босиком. Внезапно крепкая рука собственнически обвивает мои плечи, и лицо Майлза появляется в кадре вплотную к моему.

Глаза Диониса выкатываются из орбит:

— *Putain de merde! [Блядский рот!]*

Майлз на секунду подвисает:

— Ты не говорила, что он француз.

— Он не француз, просто выучил язык и решил, что это автоматом делает его парижанином.

— А, это когда он спиздил родительские бабки и рванул в Париж?

— Именно в тот раз.

— Что ж, я искренне рад, что он соизволил вернуться. Иначе как бы я узнал, что являюсь воплощением мужчины твоей мечты? До единой детали. Забавно, правда?

Я резко отпихиваю его локтем:

— У тебя каштановые волосы и черные глаза, Майлз, таких миллиарды штампуют. Спустись на землю, корону собьешь.

— Да почему ты вечно…

— Вы двое ни хера не вместе, — отрезает Дионис, перебивая наш треп.

Мы мгновенно забываем про склоку и синхронно поворачиваемся к экрану айфона. Нис буравит нас прищуренным взглядом, между его бровей залегла глубокая складка.

— Ты о чем вообще? — натянуто смеюсь я.

Он медленно качает головой:

— Вы не пара.

— Полагаю, нам об этом известно чуточку лучше, чем тебе, — с подчеркнутой вежливостью вставляет Майлз.

Но брат начисто игнорирует его потуги:

— Лиззи?

— Да?

— Вы ломаете эту комедию только для того, чтобы на свадьбе тебе никто не капал на мозги из-за того, что ты до сих пор одна?

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 4. «ЗАБУДЬ»

Культ Геры очень древний, в некоторых регионах Греции он возник, возможно, даже раньше культа Зевса. В таких городах, как Аргос, ее почитали в качестве главного божества.

Гера

Я скучала по Калифорнии. И хотя с Нью-Йорком у меня сразу возникла мощная душевная связь, ни одно место на земле не сравнится с тем, где ты выросла.

Халф-Мун-Бей хранит в себе воспоминания — настолько же прекрасные, насколько и разрывающие сердце. Этот город олицетворяет собой то самое «до» — до того, как Уран и Кронос перевернули наши жизни вверх дном. Время, когда Зевс еще мог свободно ходить и бегать; когда Арес видел обоими глазами; когда Посейдон еще мог рассекать волны на доске и быть рядом с Хэрин; когда Нис стучал в дверь моей комнаты, потому что чуял, что мне паршиво.

И главное — это место, где всё еще был жив папа. Каждый чертов угол здесь кричит об имени Гипериона. Наша любимая лавка с джелато, куда он приводил нас за рожком на четыре шарика, таявшим раньше, чем мы успевали разделаться со вторым. Крошечный магазинчик с винилом и дисками, где он скупал пластинки только ради того, чтобы поддержать едва сводящего концы с концами владельца. Наш неизменный пляж и океан, в волнах которого мы учились плавать. Школа, перед которой я до сих пор отчетливо вижу нашу машину, припаркованную вторым рядом с включенной аварийкой.

Майлз сидит за рулем арендованной тачки, послушно следуя указаниям навигатора. Я могла бы и сама показать ему дорогу до нашего дома, но правда в том, что стоило нам проехать дорожный указатель «Халф-Мун-Бей», как мое желание разговаривать пробило отметку абсолютного нуля.

Мне жизненно необходимы эти минуты тишины — чтобы впитать знакомые до боли улицы, заново пережить осевшие здесь воспоминания и выжать из себя максимум светлых эмоций, заглушив тьму. Та девочка, которой я была в Халф-Мун-Бей, и та женщина, которой я стала в Нью-Йорке, — два абсолютно разных человека. И по первой из них я так и не нашла в себе сил отслужить панихиду.

Я позволяю себе мимолетный взгляд на водительское кресло. На Майлзе классические черные «рейбены», и судя по футболке с коротким рукавом и опущенному стеклу, калифорнийское пекло дается ему нелегко. Он рулит обеими руками, хотя предплечье лениво покоится на дверце. Время от времени шальной порыв ветра треплет его каштановые волосы, делая его до неприличия похожим на модель с обложки, а вовсе не на скромного преподавателя литературы, приехавшего сюда изображать моего хахаля.

Количество времени, которое мы провели бок о бок за последние семь дней, не укладывается в голове. Скажи кто об этом мне месяц назад — той, что яростно орала на него с террасы с бокалом вина наперевес, — я бы рассмеялась в лицо.

Нашим железным ритуалом стал ужин — строго между семью и восемью вечера. Майлз встречал меня на пороге своей квартиры в фартуке и с дымящимися сковородками, под дулом пистолета требуя приводить с собой Аристотеля. Я перепробовала все его коронные шедевры итальянской кухни, и должна признать: его

лазанья — это чистый оргазм. У меня даже сейчас слюнки текут при одном воспоминании о ее вкусе.

Я в деталях расписала ему расклад по моей семье — насколько это вообще было возможно, старательно вычистив из рассказа криминал, кровь и смертоубийства. Судя по всему, Майлз завис где-то между диким шоком и искренним восторгом, заявив, что уже сгорает от нетерпения лично пожать руки Дионису, Гермесу и Аресу.

Вдобавок мне пришлось без конца выворачивать душу о себе — снова, снова и снова. Он буквально завалил меня вопросами всех калибров. Его интересовали те самые крошечные мелочи, которые так люблю подмечать я сама: мое любимое блюдо, фильм, над которым я неизменно реву, любимый музыкальный жанр и прочая ерунда. Но некоторые расспросы копали куда глубже, и чем отчаяннее я юлила, тем ярче разгорался охотничий блеск в его глазах.

Впрочем, допрос не был игрой в одни ворота. Я тоже узнала о нем чертовски много. Например, то, что если бы он не превращал мои первые три месяца по соседству в бессонный ад, мы вполне могли бы выстроить более чем сносные отношения. Может, даже стать друзьями. Хотя последнее предположение — чистой воды авантюра.

Майлз провел львиную долю жизни в Лондоне, но профессорская кафедра в NYU была слишком лакомым куском, чтобы от нее отказываться. Так три месяца назад он въехал в квартиру по соседству со мной и превратился в стопроцентного нью-йоркского профессора. Мать он боготворит превыше всего на свете, с отцом отношения куда более натянутые, но лишь потому, что тот болезненно переживает его переезд за океан.

Его любимый цвет — желтый, что стало для меня полнейшим сюрпризом: я ставила на черный или глухой коричневый. Будь у него шанс поужинать с кем угодно из мертвых, он выбрал бы леди Диану — над этим я долго ржала, будучи уверенной, что он назовет какого-нибудь нафталинового британского классика. Он уверяет, что у него феноменальная фотографическая память; терпеть не может спорт, но насильно загоняет себя в зал минимум трижды в неделю; и он пустил слезу, когда…

— Эй, помнишь, как ты ревел белугой, когда я рассказала тебе историю про песню Creep у Radiohead и про моих родителей? — прерываю я тишину.

Майлз протяжно стонет:

— Ответ на этот вопрос, который ты успела задать мне уже раз двадцать, неизменно положительный, Лайвли. Избавлю тебя от трудов на будущее: он не поменяется, усекла?

— Петросян во плоти.

— Чего о тебе уж точно не скажешь.

Неделя выдалась не из легких. Несмотря на тонны информации, которые мы друг о друге впитали, не проходило и дня без стычек и обмена ядовитыми подколками. Такое ощущение, что наши мозги физически не способны мирно сосуществовать дольше определенного лимита. У нашего перемирия каждый вечер истекал срок годности, и стоило стрелкам перешагнуть черту, как мы моментально превращались в прежних соседей, готовых перегрызть друг другу глотки.

Как бы там ни было, это дело десятое. Наша единственная задача — безупречно отыграть этот гребаный спектакль на выходных, и дело с концом. Родня впервые увидит меня в счастливых отношениях и решит, что чертово проклятие пало. К следующим семейным посиделкам я состряпаю дежурную отмазку: улетел к предкам в

Лондон, свалился с гриппом, сломал лодыжку. А через пару месяцев я торжественно объявлю о нашем расставании. Проще простого.

Да, фактор Ниса я тоже учитываю. Скрыть от него правду я не смогла — за все годы нашего братства у меня это ни разу не вышло. Пришлось признаться, что всё это цирк, и хотя он свято уверен, что это перегиб, который выйдет мне боком, он позволил мне поступать так, как я считаю нужным. Я знаю: эта тайна останется строго между нами, и он унесет ее в могилу. Не только потому, что любит меня и я его любимица, но и потому, что через пару месяцев он просто-напросто выкинет это из головы.

Стоит мне переступить порог родного дома, пока плетущийся следом Майлз затаскивает наши чемоданы, как я буквально примерзаю к полу.

В гостиной собрался почти весь наш табор. И все пялятся на нас. Картина один в один как в кино: персонажи посреди оживленного базара резко затыкаются и уставляются на тебя с убийственно-драматичными минами, вгоняя в дикий ступор.

Мама застыла посреди комнаты с подносом домашнего печенья. У Аполлона вопросительно вздернуты брови, а Лав замерла с приоткрытым от шока ртом. Нис обреченно обхватил голову руками — видимо, уже предвкушая грядущий апокалипсис. Гермес даже не пытается фильтровать неприкрытое охуение на физиономии, и я мысленно возношу молитвы за то, что Лиама нет поблизости, иначе они с ходу выдали бы залп из самых похабных шуточек.

Арес — натура столь же театральная и показушная, как и Херм, — ощутимо пихает последнего локтем в бок:

— А ну врубай свой суперрадар и скажи, разит от них сексом или нет. Я в упор не врубаюсь: моя сестра реально подцепила мужика или это левый тип помогает ей дотащить баулы?

— Это Майлз Уитмор, — объявляю я, пропуская его высер мимо ушей. — И да, он мой парень.

— Наконец-то рад познакомиться лично. Лиззи все уши мне вами прожужжала.

Присутствующие молниеносно переглядываются между собой. Поэтому я торопливо вношу поправку:

— Разумеется, исключая криминал и смертельные игры.

По комнате прокатывается дружное многоголосое «а-а-а-а» и шумный выдох облегчения; все разом оживают, поднимаются с мест и стягиваются к нам знакомиться.

Майлз легонько толкает меня локтем в бок:

— «Криминал»? Какие еще «игры»?.. Прости, о каких таких играх речь?

Я натягиваю приторную улыбку:

— Расскажу в наш медовый месяц, любимый.

Мама, кажется, втрескалась в него с первого взгляда. Она коршуном налетает на него первой, наперебой причитая, как она счастлива, что рядом со мной наконец-то появился такой мужчина. Проблема возникает ровно тогда, когда я считаю нужным напомнить ей, что она видит его первую минуту, а мама без тени смущения выдает: «Или мне кажется, или внешне он чисто твой типаж?» Тот высокомерно-самодовольный оскал, которым Майлз мгновенно одаривает меня, будет сниться мне в кошмарах до конца моих дней.

Они по очереди подходят жать руки. Гермес нагло расталкивает всех локтями, чтобы пробиться первым. Он сгребает Майлза в объятия без малейших церемоний, но

благодаря моим экспресс-курсам по выживанию в нашей семейке Майлз оказывается морально готов и даже глазом не моргает.

Майлз держится безупречно со всеми. Он помнит каждую сраную деталь, которую я ему скармливала, и непринужденно вворачивает их в разговор. Меня начинает откровенно бомбить, потому что этот засранец оказывается куда более одаренным актером, чем я, швыряющаяся кейсом от AirPods ради демонстрации священного гнева.

Он ведет себя настолько идеально, что на меня тяжелым саваном опускается глухая тоска, сковывая горло в удушающей хватке. Моя семья души в нем не чает, зная его без году неделю — точнее, считаные минуты, — и ни единая живая душа не догадывается, что всё это дешевая бутафория, и такого мужчины рядом со мной нет и в помине.

Это цирк, но вместе с тем — именно то, о чем я втайне грезила всю сознательную жизнь. То же самое чувство, которое захлестывает меня каждый раз, когда я вижу рядом Хелл, Локи, Хэрин, Рори и всех остальных половинок моих братьев и кузенов.

Мама тепло обнимает меня за талию и опускает голову мне на плечо:

— Он такой красивый, такой воспитанный, статный… Господи, да ты должна в пояс кланяться тому проклятию, что держало тебя в девках столько лет, раз в награду оно подогнало тебе ТАКОГО мужчину.

Так, ладно. Похоже, затея с этим спектаклем была грандиозной ошибкой. Слезы уже предательски жгут веки, норовя брызнуть наружу.

— Ну и какой у нас план на сегодня? — подает голос Майлз, закончив рукопожатие с Дионисом.

— Соберемся за большим семейным ужином, познакомишься с остальными, — посвящает его Тейя. — А после еды отдохнем за какими-нибудь играми. Завтра роспись ровно в одиннадцать утра, так что нужно хорошенько выспаться.

— А, точно. Лиззи говорила, что вы фанатеете от игр и дико азартные.

Арес тут же предостерегающе выставляет ладони:

— И про какие такие «игры» она тебе заливала? Надеюсь, не про Лабиринт Минотавра с мачете наперевес?

Аполлон отвешивает ему увесистый подзатыльник.

Майлз вежливо улыбается, но в ту же секунду наклоняется ко мне и цедит сквозь зубы:

— «Минотавр с… мачете»? Я не ослышался? «Мачете»? Он реально сказал «мачете»?

— Арес у нас шутник от бога, — торопливо отмахиваюсь я.

— Но перед ужином нам нужно сделать кое-что еще, — добавляет Поси.

Мы с ним, Зевс, Арес, Нис и мама обмениваемся быстрыми выразительными взглядами. Это дело касается исключительно нашей шестерки, остальная семья не участвует, хотя и знает, о чем речь. Точнее, в курсе абсолютно все, кроме, пожалуй, самого Майлза.

— Моего отца похоронили в Греции, куда гроб отправили после панихиды здесь, в Калифорнии, — объясняю я ему, пока остальные прощаются с нами и назначают встречу в ресторане через пару часов. — Но мы выкупили колумбарную нишу на местном кладбище, чтобы у нас было символическое место, куда можно прийти в любой момент, не летая через океан в Европу. Мы навещаем его как минимум раз в год, но куда чаще просто приезжаем в Халф-Мун-Бей, садимся перед его второй могилой и говорим с ним. И нам очень хотелось прийти сюда перед свадьбой Поси, вот.

Майлз слушает затаив дыхание, и с каждым моим словом его взгляд становится всё мягче и глубже. Он убирает с моего лица прядь волос и бережно заправляет ее за ухо — один из тех тактильных жестов из нашего утвержденного списка. На долю секунды мне кажется, что всё происходит на самом деле, а не ради спектакля перед братьями, которые исподтишка пялятся на нас, свято веря, что выглядят эталоном тактичности.

— Тогда я… останусь здесь, ладно? А вы просто скиньте мне адрес ресторана.

— Или мы можем составить ему компанию! — вопит Гермес, выныривая из приоткрытой входной двери.

Готова поспорить на что угодно: он караулил в засаде, выжидая удобного момента, чтобы остаться с Майлзом один на один и вытрясти ответы на те миллиарды вопросов, что прямо сейчас роятся в его дурной любопытной башке.

Мама, похоже, придерживается схожего мнения, потому что тут же вмешивается:

— А почему бы тебе не поехать с нами?

— Нет! — выпаливаю я слишком резко, спровоцировав волну недоуменных взглядов. — В смысле… это сугубо семейное дело. Личное. Да и мы вместе не настолько долго. Я бы поняла, будь это Хелл, или Хэрин, или…

Они продолжают буравить меня взглядами.

— Ну то есть… а вдруг он бросит меня на следующей неделе? — Я перевожу всё в шутку, но даже моим собственным ушам смешок кажется насквозь фальшивым. — И у Поси на всю жизнь останется осадочек, что бывший его сестры торчал с нами на могиле нашего отца.

— Гера, ты вечно всё катастрофизируешь, — укоряет меня мама.

— Я не собираюсь бросать тебя на следующей неделе, — негромко роняет Майлз.

Я физически не могу поднять глаза на него, хотя кожей чувствую его тяжелый взгляд:

— Через месяц. Через год. Суть не в сроках, а в том, что всё может пойти прахом, и воспоминание…

Вот теперь я окончательно убеждаюсь: притащить его сюда было худшей ошибкой в моей жизни. Чистым безумием. Потому что Майлз — фальшивый бойфренд, с которым мы в лучшем случае сухо поздороваемся при случайной встрече на лестничной площадке. В понедельник цирк свернет шатры, и никто из моих родных больше никогда его не увидит.

— Лиззи, я вообще не против. Пусть едет с нами, — тепло поддерживает Пос.

Я мотаю головой с такой бешеной силой, что мозг едва не бьется о черепную коробку.

— А что, если я поеду с вами, но просто подожду в машине? — предлагает Майлз. — Чтобы не нарушать ваш сокровенный момент.

Кажется, никогда в жизни этот человек не вызывал во мне столько острой симпатии, сколько в эту самую секунду.

Теплые пальцы осторожно касаются моей руки, безвольно опущенной вдоль бедра. Майлз едва ощутимо сжимает мою ладонь, привлекая внимание. Я наконец поднимаю глаза и натыкаюсь на его взгляд — в нем светится самая искренняя, непритворная тревога.

— Ты как? Всё хорошо?

Я сглатываю ком в горле и киваю:

— Спасибо.

— Пустяки, брось.

Мы отправляемся на прокатной машине, прихватив с собой Поси и Ареса. Тейя, Нис и Зевс едут следом на маминой. Мы паркуемся у въезда в «Скайлон Мемориал Парк», а Майлз остается сидеть за рулем. Посейдон делает последнюю попытку позвать его с нами, но Майлз смотрит только на меня и спокойно отвечает:

— Лиззи так будет спокойнее. Я сделаю так, как хочет она.

Это, впрочем, не мешает маме тут же подхватить меня под локоть и заговорщически прошептать на ухо, какой он внимательный, чуткий и просто идеальный. Зная ее, признайся я сейчас, что всё это спектакль, она бы на полном серьезе предложила скидываться ему на ежемесячную зарплату, лишь бы он продолжал изображать моего жениха.

Стоит нам миновать ворота мемориального парка, как перешептывания затихают сами собой. Единственные звуки в этой тишине — шорох подошв по густой траве и мягкое шуршание колес инвалидной коляски Зевса, которую он попросил толкать именно меня. Когда он выматывается и нуждается в помощи, он всегда доверяет это либо мне, либо Лиаму.

По мере приближения к отцовской плите воздух словно густеет от тихой грусти. Но это не та рвущая жилы боль, от которой не продохнуть; это совсем не похоже на тот кошмар, что творился в первые месяцы после трагедии. С годами мы научились ценить ту самую тишину, о которой нам без конца говорила мама. Тейя стала нашим спасительным якорем посреди бури горя — стойкость, перед которой мы преклоняемся каждый божий день. Потеряв мужа, самую большую любовь всей своей жизни, она поставила нашу боль выше собственной. Она до последнего спасала нас, а не себя — пока мы с ужасом не заметили, как она медленно угасает на глазах. Тогда мы установили железное правило: право страдать есть у каждого из нас; мы можем плакать когда угодно, не пытаясь строить из себя несокрушимых ради других.

Только так, рука об руку с терапией, мы приняли и прочувствовали мантру, которой папа когда-то научил маму, а она передала ее нам.

Тишина — это тоже часть песни.

Папа был самой прекрасной мелодией, которую нам только доводилось слышать. Но то, что теперь вместо нее звучит тишина, вовсе не мешает нам любить эту песню и вспоминать о ней со светлой улыбкой.

Наш ритуал отточен до мелочей и никогда не меняется. Мы опускаемся прямо на траву, выстраиваясь полукругом перед надгробным камнем.

Гиперион Гэвин Лайвли

Порой мне до сих пор кажется дикостью видеть его имя, высеченное на холодном граните. Несмотря на прошедшие годы, в голове не укладывается, что человека, которого я любила так сильно, больше нет на этой земле.

— Странное чувство — продолжать любить того, кто уже не может принять твою любовь, — шепчу я в пустоту.

Арес задумчиво кивает:

— Я тут на днях залип на одно видео в тиктоке, там говорилось…

— Я очень надеюсь ради твоего же блага, что ты не собираешься нести свою фирменную хуйню на могиле нашего отца, — сквозь зубы обрывает его Зевс.

— Да папа бы поржал, он меня отлично знал! И вообще-то нет, там была серьезная мысль, но у вас же вечно ко мне предвзятое отношение!

— Хочу напомнить, что на свадьбе Хайдеса и Хейвен ты сунул священнику иконку с Бритни Спирс.

— И че такого?

Посейдон безбожно прыскает со смеху. Мама изо всех сил держит лицо, хотя уголки ее губ предательски дрожат. Она отродясь не умела изображать строгую чопорную родительницу.

Я тоже отлично помню эту карточку. Лицо Бритни было криво прифотошоплено поверх лика падре Пио. Мы тогда всем табором ломали голову, почему он хотя бы святую женщину не выбрал, раз на то пошло. Но в этом весь Арес.

— Ну и чего там было в твоем тиктоке? — подталкиваю я его.

Он открывает рот, но тут же захлопывает:

— Всё, забыл. Это вы виноваты — вечно обламываете мои духовные порывы.

— Как бы мне хотелось, чтобы он был сейчас с нами, — тихо роняет Поси. — Чтобы мы ехали на роспись вместе в машине, врубив на полную *Hey Jude*, и папа орал вместо «Джуд» «Поси», как в моем детстве. Чтобы я стоял у алтаря, поднял глаза — а он сидит там, в первом ряду, и ревет в три ручья, как последний плакса.

Мама улыбается сквозь блеснувшие слезы:

— О да, он бы рыдал навзрыд без остановки, а мне пришлось бы отпаивать его валерьянкой.

— А на банкете задвинул бы самый душераздирающий тост на свете, — подхватываю я.

Поси улыбается, но одинокая слеза скатывается по его щеке и теряется в уголках губ.

Арес сидит рядом, задумчиво выдергивая травинку и накручивая ее на палец:

— Пос, клянусь всеми богами: если на банкете заиграет *Creep* у Radiohead, я лично начищу тебе табло.

— Ты? Начистишь? — с язвительной усмешкой переспрашивает Зевс.

— Ну, подпрягу Джареда или Хайдеса. Или Гадюку. Смотря кто окажется ближе и будет больше настроен переломать жениху кости.

Мама хлопает в ладоши, торопливо смахивает слезинки со щек и расплывается в ослепительной улыбке:

— Так, хорош разводить сырость и раскидываться угрозами, мы вообще-то семья, зарубите себе на носу. Мы пришли сюда почтить его память, а не тонуть в соплях. Завтра у Поси свадьба, так что выше нос.

— Полностью согласен, — отзывается Зевс.

— Ну еще бы, маменькин сынок подал голос, — глумится Арес.

— Ты прекрасно знаешь, что я заставлю тебя визжать от боли, просто прихватив твое ухо двумя пальцами.

— Знаю, блять. — Арес испуганно зажимает уши ладонями и отползает назад по траве. — Не надо, пожалуйста.

Эта сцена вызывает дружный хохот, и воздух вокруг нас мгновенно теплеет. Первоначальная щемящая тоска начинает податливо размягчаться, словно кусок глины в руках скульптора. Перетекая из одной колкой семейной шутки в другую, она превращается в светлую ностальгию, согретую чистой любовью.

— Я вспомнил цитату из тиктока! — вопит Арес, перебивая всеобщий треп.

— Ну давай, выкладывай, — подталкиваю я его.

— Короче, там объясняли, что горе со временем не становится меньше. Оно не рассасывается и не слабеет. Горе остается в тех же масштабах, в каких обрушилось на нас в самую первую секунду. Меняемся только мы сами. Живя дальше, двигаясь вперед и сохраняя память, мы растем вокруг этой боли и в итоге становимся больше нее.

Мы все на мгновение затихаем; думаю, каждый из нас прокручивает его слова в голове и приходит к выводу, что это именно то, что нам сейчас было жизненно необходимо услышать.

— И разве вы не делаете прямо сейчас именно это? — тихо произносит мама. — Ну вот серьезно: когда несколько лет назад мы все оказались на Олимпе, потому что Кронос захотел швырнуть Хейвен в лабиринт, я, честно признаюсь, вообще не видела просвета впереди. Скажу положа руку на сердце: я была в первобытном ужасе, потому что дурное предчувствие твердило мне, что для многих из нас всё закончится гробом.

Арес строит кислую мину:

— Оу, ну спасибо за доверие, мамуля.

Она пропускает его шпильку мимо ушей:

— И всё же вы стоите передо мной, мы все стоим здесь. Вы не сломались, вы продолжили жить, вы строите невероятные, прекрасные жизни — вопреки всей грязи, потерям и боли. Вы растете вокруг этой раны и становитесь сильнее нее. Я горжусь каждым из вас. Горжусь быть вашей матерью. Никогда об этом не забывайте.

Арес тут же сгребает ее в охапку. Они с Зевсом могут до хрипоты обзывать друг друга маменькиными сынками, но по факту оба привязаны к ней одинаково крепко.

Я выдавливаю улыбку, делая вид, будто ее слова тронули меня до глубины души, и старательно отвожу взгляд от остальных. К счастью, все слишком заняты мамой, чтобы заметить мощеную стену стыда и неловкости, которая прямо сейчас вырастает вокруг меня. Тело намертво сковано судорогой, и меня сжирает отчаянное желание вскочить на ноги и бежать отсюда без оглядки.

Гордилась бы она мной, узнай, что Майлз — никакой мне не парень? Гордилась бы, если бы я призналась, сколько бокалов вина высаживаю в одиночку на террасе за неделю? Гордилась бы, скажи я ей, что давно поставила крест на любых попытках знакомиться с людьми? Что я сдалась и похоронила веру в любовь? Что я порой неделями не звоню братьям, даже когда выть хочется от тоски, просто потому, что чувствую себя ущербной неудачницей, портящей чужое безоблачное счастье?

Считала ли бы она до сих пор, что я «расту вокруг горя»? Что я делаю со своей жизнью что-то невероятное — прямо как остальные?

Я даже не замечаю, в какой момент они дружно поднимаются на ноги. Прямо перед моим носом появляется раскрытая ладонь. Нис.

— Ты в порядке? — вглядывается он в меня.

— Да.

— Ну погнали тогда.

— Сколько у нас еще времени до ресторана?

— Минут сорок пять, наверное, милая. А что? — Мама подходит ближе и бережно обнимает меня за плечи сверху. — Всё точно хорошо?

Я насильно натягиваю улыбку:

— Конечно, просто… мне нужно побыть здесь еще немного, с папой. Вы же все влезете в кроссовер, да? Майлзу незачем срываться и кого-то подвозить.

— А… Ну да, мы все поместимся. Но ты уверена, что не хочешь, чтобы кто-то остался с тобой?

— Уверена, мам, не переживай.

Братья по очереди чмокают меня в щеку. Единственный, кто мнется на месте и задерживается на пару секунд дольше остальных, разглядывая меня сверху вниз с руками, глубоко засунутыми в карманы брюк, — это Нис.

— Ты ведь в курсе, что проклятие, над которым ты ржешь столько лет, не существует на самом деле?

У меня перехватывает дыхание:

— Ты к чему это вообще…

— Ты ведь понимаешь, что на тебе нет никакого ебучего рока, запрещающего тебе встретить любовь, Лиззи?

Я с трудом проталкиваю застрявший в горле ком:

— Понимаю.

— Вот и славно. Но на всякий случай я продолжу долбить тебе это в мозг. Если что-то понадобится — набирай. Хотя сдается мне, ты в надежных руках: вон тот Майлз сидит и послушно ждет тебя в тачке.

Он разворачивается ко мне спиной и неспешно шагает по дорожке. Я очухиваюсь слишком поздно и кричу ему вслед:

— Что это значит?!

Он не оборачивается.

— Дори! Что это значит?!

Он лишь лениво машет ладонью в воздухе, даже не сбавляя шага:

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. А если не понимаешь — напряги хоть немного свои мозги, сама допрешь.

— Дионис!

Сколько бы я ни орала, он просто растворяется в закатных лучах, превращаясь сначала в размытый силуэт, а затем и вовсе исчезая из виду.

Я остаюсь одна перед гранитной плитой в память об отце. У меня нет ни малейшего желания копаться в словах брата. Я подползаю вплотную к холодному камню и прижимаюсь к нему виском. Словно это и правда папа; словно я всё еще та маленькая девочка, чья любая беда испарялась без следа, стоило отцу крепко прижать меня к груди.

Мимо изредка проходят редкие посетители кладбища, но никто не косится на меня с осуждением — скорее наоборот. Кто-то ободряюще улыбается, на чьих-то лицах читается трогательное сочувствие к моей скорби.

— Лайвли.

Неожиданный голос — хоть и мягкий, спокойный — заставляет меня вздрогнуть всем телом.

Майлз стоит в паре шагов от меня, скрестив руки на груди. Темные очки по-прежнему на нем, скрывая взгляд, так что прочесть выражение его лица мне не под силу.

— Ты что здесь делаешь?

— Ваша семейная сходка закончилась. Нет ни одной причины, по которой ты должна торчать в одиночестве на кладбище, пока солнце садится и вокруг сгущается тьма.

— Надеюсь, ты продемонстрировал эту показную заботу моим братьям и маме, чтобы сделать спектакль еще правдоподобнее?

Он на секунду заминается, затем шумно выдыхает:

— Ну да, само собой. Твоя мама объявила, что я истинный джентльмен. И вообще лапочка. — Он слегка морщит лоб: — Она мне даже щеки потрепала.

— Не обижайся на нее, она чересчур темпераментная.

— Да брось, она классная. Видно, что женщина с железным стержнем и огромным сердцем.

— Так и есть.

— Твой отец был таким же?

Внезапный порыв ветра растрепывает мои волосы. Я обнимаю себя за плечи:

— Нам не обязательно разговаривать. Мы же одни.

Нам не нужно ничего и никому доказывать.

Майлз медленно делает пару шагов вперед — словно опасается, что я вот-вот брошусь на него с кулаками. Он стягивает с себя черную кожаную куртку и аккуратно набрасывает мне на плечи. Я задерживаю дыхание, не находя в себе сил протестовать. Во-первых, потому что меня и правда начинает пробирать вечерняя сырость, а во-вторых — потому что я попросту не знаю, что сказать.

В конце концов он опускается на траву по другую сторону надгробия, старательно следя за тем, чтобы не задеть холодный камень.

— Спасибо, — шепчу я.

— Пустяки.

Я поворачиваю к нему голову. С моего места виден лишь его четкий профиль. Прямая линия крупного породистого носа, каштановые пряди, небрежно зачесанные назад, но то и дело падающие на лоб. Словно прочитав мои мысли, он снимает солнцезащитные очки и задвигает их на макушку, убирая густую шевелюру назад. Его глаза прикованы к размытой точке на темнеющем небе; ума не приложу, о чем он сейчас думает.

— Что ты делаешь? — не выдерживаю я.

— То же самое, что и ты.

Безоружная простота, с которой он это роняет, заставляет мое сердце предательски пропустить удар.

А следом накрывает глухое раздражение.

— Почему ты не был таким любезным все те три месяца, пока мы собачились и ненавидели друг друга?

— Я не «любезный». Я не могу угнать машину и бросить тебя куковать здесь пешком. Так что я тупо вынужден делать то же, что и ты.

Я снова резко разворачиваюсь к нему с отвисшей челюстью.

Майлз коротко подмигивает мне:

— Шучу я, не кипятись.

Я шумно фыркаю и захлопываю рот. Меньше всего на свете мне улыбается устроить грызню с моим невыносимым фальшивым хахалем прямо на символической могиле отца — после того, как я только что пережила интимнейший душевный раздрай, буквально обнимая гранитную плиту.

— Могу задать тебе вопрос?

Я неопределенно мычу в ответ.

— Что твой отец любил больше всего на свете?

Я теряюсь. Этот вопрос снова выбивает меня из колеи. Он не пошевелился, но теперь его голова повернута прямо ко мне, и он не отводит немигающего взгляда.

— Зачем тебе это?

— Потому что мне искренне любопытно, каким человеком он был, но при этом я понимаю, что тебе тяжело выворачивать передо мной душу о нем. То, что человек искренне любит, говорит о его натуре куда больше любых биографий. И мне показалось, что на этот вопрос тебе будет ответить куда проще и не так больно.

Оу.

О боже.

Чем дольше я прокручиваю в голове его логику, тем отчетливее понимаю, насколько он чертовски прав и насколько безупречно это попадает в цель.

— Вообще-то две, — уточняю я. — Больше всего на свете Гиперион Лайвли любил свою семью и музыку.

Майлз вытягивает руку и указывает пальцем на гранитную плиту:

— «Тишина — это тоже часть песни».

— Это было его жизненной философией. Он утверждал, что красота музыки кроется не только в аккордах, мелодии, вокале исполнителя или гармоничном переплетении инструментов. Для него существовали еще и тишина перед первым звуком — густая от предвкушения и адреналина, — и тишина, наступающая после финала, когда ты замираешь и понимаешь, открыл ли только что один из своих новых любимых треков на всю жизнь. Точно так же он смотрел и на саму жизнь. Пустота и тишина, оставшиеся после чьего-то ухода, не способны стереть всю ту музыку, которую человек успел создать, пока был рядом.

Глаза Майлза — две черные бездонные омута — не отпускают моего взгляда. Он смотрит на меня с такой всепоглощающей интенсивностью, что я вынужденно опускаю глаза, но тут же снова вскидываю их — не в силах противиться этому притяжению.

— Это потрясающая мысль. Мне бы очень хотелось включить ее в то, чему я учу своих студентов.

Я улыбаюсь:

— Серьезно? Думаешь, она заслуживает стоять в одном ряду со всей той великой литературой, которую ты штудировал годами и теперь преподаешь другим?

— Литература — это не только признанные поэты и классики, которых университетская система решила засунуть в учебные планы. В этом мире миллиарды слов, написанных и сказанных миллиардами простых людей, так никогда и не дождутся своего читателя. Я иногда ловлю себя на мысли: сколько шедевров пылится где-то там, за пределами аудиторий, пока я изо дня в день вынужден пересказывать одни и те же тексты — пусть даже безупречные? — Он шумно выдыхает: — Я искренне рад, что услышал слова твоего отца.

Не понимаю, почему от его слов у меня так отчаянно щемит в груди. Наверное, потому, что при жизни папа так и не дождался никакого официального признания. Он, разумеется, никогда к нему и не стремился. Просто… порой мне так хочется знать наверняка, понимал ли он, насколько безгранично мы были ему благодарны, как гордились всем, что он для нас сделал. До такой степени, что мне хочется выйти на площадь и прокричать на весь гребаный мир о каждом его невероятном поступке.

— Вы только гляньте: неужели на лице Геры Лайвли промелькнула улыбка?

Я закатываю глаза:

— Тебе обязательно нужно всё испортить.

Майлз с тихим смешком поднимается на ноги и протягивает мне руку:

— Готова ехать?

— А вот ты готов познакомиться с остальным табором и пережить ужин в окружении всех Лайвли разом?

— Твоя семейка забавная. Лиам только что на полном серьезе спросил, не хочу ли я следующим летом рвануть с ним, Гермесом и Посейдоном на Санторини.

Я поднимаюсь сама, принципиально проигнорировав его протянутую ладонь, и отряхиваю джинсы от налипших травинок:

— Типичный Лиам.

— Я готов, Веснушка. Хотя мне всё же хотелось бы прояснить пару моментов насчет Минотавров с мачете и «криминала».

— Забудь. Поверь мне на слово.

— Ты хотя бы можешь сказать, как твой брат ослеп на один глаз?

— Про это тоже забудь.

— А Зевс в…

— Лучше не надо.

Остаток пути до ворот кладбища мы шагаем в тишине. Дойдя до машины, Майлз вальяжно прислоняется к пассажирской двери, преграждая мне путь. Он покручивает ключи на пальце, оглядывая меня с нарочито недовольной миной:

— А что Дионис имел в виду, когда шепнул мне ни в коем случае не играть с Аполлоном в «Виселицу»?

Я уставляюсь на него тяжелым взглядом, не издавая ни звука, даже единого слога.

Он понимающе кивает и распахивает передо мной дверцу тачки:

— Всё, проехали. Молчу.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 5. БОГ ВИНА

Геру часто называют «Басилея», то есть «царица». Ее власть неразрывно связана с общественным порядком и институтом брака: она богиня не романтической любви — прерогативы Афродиты, — а законного союза и стабильности.

Маилз

Эта семейка — одна из самых отбитых, каких я только встречал за всю свою гребаную жизнь.

Но отнюдь не со знаком минус. Мое впечатление сугубо восторженное, пусть я и продолжаю гадать, что они вкладывают в понятия «криминал», «смертельные игры» и, главное, какого хрена за фрукт этот «Минотавр с мачете».

Мне всё стало ясно с первых же минут нашего знакомства, а за последующие часы уверенность лишь окрепла. Они не из тех семей, к которым можно приклеить дежурную банальщину вроде «дружные» и «любят друг друга». Между ними существует нечто неизмеримо большее, за чем я неотрывно наблюдаю с самого начала банкета: эти ребята без раздумий перегрызут глотку или отдадут жизнь друг за друга. Тут дело не просто в сплоченности, а в каком-то глубинном чувстве единения. Они принадлежат друг другу — в самом поэтичном смысле этого слова. Что невольно вызывает у меня улыбку, если учесть, что все они приемные. В голове не укладывается, как родителям удалось собрать под одной крышей столько детей, которые выглядят так, словно сама природа создала их для идеальной гармонии.

Гермес, Лиам и Посейдон — это ходячий пожар и душа любой попойки. Мне успели шепнуть, что еще со времен колледжа эта троица гордо именует себя «ТриМудозвона». Когда я поинтересовался историей прозвища, исчерпывающее пояснение прилетело от Хайдеса:

— Потому что их ровно трое и они первостатейные, феерические мудозвоны.

Я заржал вместе с самими виновниками торжества. И вот еще одна деталь, которая меня в них поражает: они безбожно стебут друг друга, собачатся на ровном месте, а уже через минуту обнимаются как ни в чем не бывало. Я лично в этом убедился, когда Гермес перегнул палку с Афиной, и та без раздумий запустила в него вилкой — лишь затем, чтобы через секунду оказаться зажатой в удушающих братских объятиях. Хелл заранее предупредила меня, что в этой семье летающие столовые приборы посреди семейного обеда — абсолютная норма. Порой в ход идут тарелки со стульями. Сказала, я быстро привыкну.

Аполлон — самый нелюдимый и закрытый из всех. Перекинуться с ним словом мне пока не довелось, но я изучил его от и до. И шуточку про то, что с ним нельзя садиться играть в «Виселицу», я отлично запомнил. Ведь это же была шутка, правда?

Был один предельно щекотливый момент, когда «ТриМудозвона» заставили меня отпить коктейль сначала через оранжевую трубочку, а потом через желтую, с пристрастием выпытывая, чувствую ли я разницу. Услышав мой отрицательный ответ, они искренне опечалились, в то время как вся остальная семья дружно выдохнула с облегчением и осыпала меня благодарностями. Еще один ребус, который мне предстоит вытрясти из Геры позже.

Зевс — наименее дружелюбный из всей компании, если уж обязательно нужно найти хоть какой-то изъян. Он не хамит, нет, но держится настороже. Скупой на

эмоции, без намека на дежурные шуточки или вежливые улыбки. Арес заверил, что он так ведет себя со всеми без исключения, а Тейя мягко пояснила, что он типичный старший брат-параноик и просто прощупывает меня на прочность.

Знал бы он, что проверять тут нечего…

Впрочем, больше всего меня напрягает Дионис. Во-первых, из всех братьев именно с ним у Геры самая тесная душевная связь. А во-вторых — он единственный, кто посвящен в наш секрет. Изображать влюбленного до беспамятства бойфренда под его прицелом — та еще задачка. Всё равно что играть сцену на съемочной площадке, когда прямо напротив сидит Леонардо Ди Каприо и препарирует каждое твое микродвижение. Давление ощущается неслабое, чего уж там.

Но сильнее всего меня выбивает из колеи сама Гера рядом с ними. Это совсем не та фурия, что орала на меня с балкона, расплескивая белое вино из бокала. И не та уставшая соседка с потухшим взглядом, которую я изо дня в день встречал на лестнице после тяжелой рабочей смены.

В кругу семьи эта девушка буквально светится изнутри. Она здесь не Гера, не Лайвли. Она здесь — Лиззи. Как бы бредово это ни звучало со стороны, я уверен, что для ее братьев и кузенов в этом заложен огромный смысл.

Мне доводилось ловить мимолетные, потрясающие вспышки настоящей Лиззи, но они всегда были слишком краткими — пусть и чертовски яркими, — чтобы я мог узнать ее ближе. Мне-то, положа руку на сердце, всё это время доставалась исключительно невыносимая мозгоклюйка.

К десерту мы оба ничего не заказываем. И пока остальные с аппетитом уплетают сладкое и негромко переговариваются, я закидываю руку на спинку ее стула и придвигаюсь вплотную.

Я убираю волосы с ее лица, заправляя непослушную прядь за ухо, чтобы подобраться к ней как можно ближе, и шепчу прямо на ухо:

— Самое время перейти к пунктам из списка разрешенных публичных нежностей.

Я кожей чувствую, как ее тело мгновенно деревенеет:

— Что ты задумал?

— Сам пока не знаю, но я спиной чую испепеляющий взгляд Зевса и всерьез опасаюсь, что он испепелит меня прямо за этим столом.

Она сдерживает улыбку:

— Майлз…

Признаться ей, что я всю неделю ждал легального повода просто прикоснуться к ней — исключено. Сегодня на ней длинное оранжевое платье без бретелей. Вырез сердечком открывает взору вещи, на которые я физически не могу смотреть без того, чтобы не заливаться краской как сопливый юнец, а от разреза на бедре у меня перехватило дыхание, едва она вышла из комнаты. Знай она всю правду… что ж, боюсь, реакция будет бурной. Либо до нее наконец дойдет то, что она упрямо отрицает, свято веря в собственное выдуманное проклятие.

Мне до боли хочется, чтобы она оставалась той самой Лиззи, какой бывает с семьей, и когда мы вернемся в Нью-Йорк. Но я почти уверен, что передо мной снова захлопнется броня Геры, которая на дух меня не переносит и с которой мы собачимся через вечер.

Хотя крошечные подсказки она мне давала. Например, когда болтает по телефону на террасе: ее искрометный юмор, поразительная способность мгновенно находить нужные, согревающие слова для того, кто на другом конце провода. Я вижу это по тем

вечерам, когда принципиально не зову к себе никого и выхожу на балкон ждать ее, зная, что рано или поздно она выйдет с бокалом. В такие моменты она держится куда спокойнее, а ее шпильки теряют ядовитую остроту.

Господи, неужели всё дело было исключительно в моих шумных потрахушках? Неужели настолько всё просто?

Увидев ее в родной стихии, рядом с близкими, я почувствовал, как внутри что-то щелкнуло. Я разглядел в ней черту, о которой прежде не догадывался и от которой теперь схожу с ума.

Гера никогда не лезет на авансцену. Напротив, она делает всё возможное, чтобы не отсвечивать лишний раз. Но она наблюдает. Молча, чутко сканируя всё вокруг. Она нутром чувствует обстановку и моментально вмешивается именно тогда, когда что-то идет наперекосяк: если кто-то на грани ссоры или назревает неловкость. Она не расталкивает людей локтями ради внимания, она просто держится рядом и делает шаг вперед ровно тогда, когда это жизненно необходимо. Редкий дар быть рядом в нужную секунду.

Не давая себе времени на раздумья, я опускаю ладонь на ее обнаженное бедро, закинутое на правую ногу. От соприкосновения с ее гладкой кожей по телу прошибает разряд тока, выбивая из колеи куда сильнее, чем я рассчитывал.

Она сглатывает, нервно облизывая губы в тщетной попытке сохранить невозмутимый вид:

— Ты что творишь? — цедит она сквозь зубы.

Свободной рукой я мягко перехватываю ее за подбородок, вынуждая поднять глаза и встретиться со мной взглядом. На несколько секунд я залипаю в зелени ее глаз и лишь сейчас замечаю золотисто-янтарные крапинки, рассыпанные вокруг зрачков, словно тончайшие прожилки чистого золота.

— Ты сегодня не стала замазывать веснушки, — шепчу я.

Ее щеки и аккуратный нос усыпаны мелкими рыжими искорками — яркими брызгами на фарфоровой молочной коже. До того чертовски красивыми, что мне хочется разглядывать их бесконечно, соединяя мысленными линиями в причудливые созвездия.

— У меня не было времени на сложный макияж…

— Хотела произвести на меня впечатление?

— Меньше всего на свете мне сдалось впечатлять собственного фальшивого хахаля.

— Почему ты ни разу не можешь подыграть мне и погладить меня по шерстке? Хоть один гребаный раз, Лайвли. Всего один.

Она закатывает глаза:

— Наверное, потому, что тебе вечно требуется подтверждение твоей запредельной неотразимости. Я здесь не для того, чтобы подкармливать твое эго — оно у тебя и без того раздуто до планетарных масштабов.

Я негромко усмехаюсь. Порой эту девчонку нужно просто выводить из себя до полного изнеможения. Мой взгляд соскальзывает к ее губам, тронутым нежной приглушенной помадой припыленно-розового оттенка, идеально подчеркивающей соблазнительный лучок Купидона. Рука сама тянется к ее лицу: я неспешно, плавно провожу подушечкой большого пальца по ее нижней губе, одновременно сокращая разделяющие нас сантиметры.

У нее вырывается прерывистый, дрожащий вдох:

— Помни: только уголок губ.

— Мы слишком близко к твоим родственникам, они сразу всё просекут.

Она хмурится:

— Ты о чем вообще? Майлз, ты не имеешь права целовать меня в…

— «Не имею права»? Или ты сама этого не хочешь? Скажи «нет» — и я отступлю прямо сейчас, без вопросов.

Ее секундная заминка бьет по моим рецепторам такой термоядерной дозой адреналина, какой я не испытывал уже целую вечность.

А затем наваждение рассеивается в единый миг.

— Нет, не хочу. Именно так.

— Странно.

— Что значит «странно»?

— А то, что ты вся пылаешь и едва дышишь.

— Здесь жарко.

— Не пизди, прямо над нами шпарит кондиционер. — Я выразительно киваю на потолок, разбивая ее дешевое оправдание с неприкрытым триумфом.

— Я сейчас врежу тебе прямо при всех, как тебе такой расклад? Заодно разыграем сцену драматичного расставания на глазах у публики и закроем этот балаган.

Она насмешливо улыбается, и я отвечаю тем же, с удовольствием принимая правила ее игры.

— Договорились. Тебе одолжить мои AirPods, чтобы эффектно швырнуть их в меня ради правдоподобного накала драмы?

Она издает насквозь фальшивый смешок:

— У меня под рукой целый арсенал из ножей и вилок. Так что прибереги наушники.

Я заминаюсь:

— Ты ведь прикалываешься, да?

В ответ мне достается ее фирменный саркастичный оскал.

— Точно так же, как вы прикалывались насчет Аполлона и «Виселицы», — пользуюсь я моментом, чтобы выведать подробности. — И про «криминал». И про Минотав…

— Может, лучше вернемся к нашему расставанию?

Эти загадки будут мучить меня по ночам.

Я слегка склоняю голову набок, одновременно сокращая разделяющее нас расстояние так, чтобы она не заметила подвоха. Идеальный угол, чтобы наконец попробовать эти губы на вкус, без сомнений.

— И всё же: могу я хотя бы получить прощальный поцелуй перед тем, как мы разбежимся? — шепчу я прямо ей в губы.

Гера морщит нос:

— Полагаю, этой пантомимы с интимным шептанием на ухо уже более чем достаточно. Моя родня вовсе не горит желанием смотреть, как мы сосемся прямо за столом, поверь мне на слово.

— А жаль.

Блять. Это должно было остаться не озвученной мыслью.

Без малейшего предупреждения Гера резко отстраняется, сбрасывая мою ладонь, всё еще покоившуюся на ее бедре:

— Я в дамскую комнату, — бросает она и выскальзывает из-за стола за моей спиной, даже не дав мне времени переварить сказанное.

Я замираю на месте, лихорадочно соображая, в чем я накосячил. И накосячил ли вообще. Затем поднимаю взгляд и провожаю глазами Геру: она лавирует между столиками, направляясь прямиком к выходу в уборные.

Я залипаю ей вслед так долго — даже когда ее силуэт уже скрывается из виду, — что кто-то замечает это и бесцеремонно занимает освободившийся стул. Чтобы выдернуть меня из оцепенения, человеку приходится демонстративно откашляться несколько раз подряд.

Дионис Лайвли. Густой румянец на лице красноречиво свидетельствует о том, что он влил в себя изрядно больше положенного. Гера не вдавалась в подробности, но, судя по всему, с алкоголем у парня непростые отношения.

— Здорово.

— Ты сейчас пялился на задницу моей сестры, мне не показалось?

Я давлюсь собственной слюной:

— Ну… вообще-то она моя девушка. Имею право, разве нет?

— Фальшивая, — уточняет он шепотом.

— Ладно, тогда я пялился на нее понарошку. Так получше?

Он цокает языком:

— Нет, не особо. Когда я протрезвею, я, пожалуй, разобью тебе лицо.

— Судя по тому, что мне рассказывали, трезвым ты не бываешь в принципе.

— Твоя правда. Тогда считай, что на этот раз легко отделался.

— Даже не знаю, кого из вас с Зевсом мне стоит бояться сильнее. Впрочем, круто, что вы так яростно опекаете сестру.

Нис притягивает к себе бокал Геры, на донышке которого плещутся остатки белого вина, и залпом осушает его:

— Лиззи заслуживает только лучшего. И наш прямой долг — проследить, чтобы она это получила.

— Бесспорно.

Он зевает во весь рот, даже не утруждая себя тем, чтобы прикрыть его ладонью:

— Давай уже, задавай вопрос, который вертится у тебя на языке.

— Откуда ты знаешь, что я…

— Я в стельку пьяный, но не тупой.

— Ладно. Тогда…

— Главное, чтобы вопрос не касался наших игр и уголовных статей, которые на нас висят.

— А насчет «Минотавра с мачете»?

— Про него тоже забудь.

Мы синхронно ухмыляемся, но он становится серьезным на секунду раньше меня.

— Объяснишь мне толком, что это за бред с проклятием? Про злой рок, который поставил на ней крест, и прочую катастрофическую чушь, о которой она без конца заикается, но никогда не говорит прямо?

Нис тяжело проводит ладонями по лицу, издавая усталый, глухой стон:

— Она не рассказывала тебе про парней, с которыми ей доводилось связываться?

— Нет. Заикнулась только про какую-то «половинчатую девственность», без подробностей.

— Скажем так: в любви ей тотально не везет. Если бы я вывалил на тебя весь список ее похождений, ты бы тупо не поверил. Я бы и сам счел это бредом сумасшедшего, если бы не наблюдал всё лично, своими глазами. Такое чувство, что она притягивает к себе исключительно бракованных ублюдков — у нее встроенный ебучий магнит на самых конченых уродов этой планеты. Один динамит ее на первом свидании, заставляя часами сидеть в одиночестве за столиком в баре. Другой целует ее вечером, а на следующий день ставит перед фактом, что начал встречаться с другой. Третий пытается затащить ее в койку на первой же встрече, а получив от ворот поворот, просто вышвыривает за порог посреди ночи, оставив одну на улице в одиннадцать вечера. Мы с Зевсом сорвались за ней посреди ночи и едва не вынесли к хуям дверь в квартиру этого мудилы.

У меня невольно округляются глаза.

Нис лишь равнодушно передергивает плечами:

— И таких историй еще вагон, я смогу пересказать их, только если у нас в запасе будет часов пять свободного времени.

Глухая, противная тошнота подкатывает к горлу, усиливаясь с каждой секундой. Дело вовсе не в переедании — ужин был отличным. Но от одной лишь малой части того дерьма, через которое пришлось пройти Гере, меня натурально выворачивает наизнанку.

Возможно, я далеко не образец благородного джентльмена, но любая девица, переступающая порог моей спальни, с первой минуты четко знает: ничего серьезного я не ищу, утром ей придется уйти, и исключений из этого правила не бывает.

— Короче, она свято уверена, что на ней висит проклятие, не дающее кому-либо полюбить ее по-настоящему. Поначалу это было просто семейной шуткой. Но сейчас я больше чем уверен: она превратила этот бред в незыблемый закон, по которому строит всю свою жизнь.

— Мне безумно жаль ее… и тех кретинов, которые умудрились ее упустить, — искренне признаю я.

Моя фраза заставляет его резко повернуть голову в мою сторону. Он прищуривается, сканируя меня с головы до ног так, словно перед ним редкий экзотический зверь:

— Чего ты уставился? — не выдерживаю я. — Твоя сестра красивая, я же не слепой. К несчастью, именно тем сердцам, в которых больше всего любви, достается меньше всего взаимности.

Кажется, этот ответ его успокаивает:

— М-да уж. А теперь переходи ко второму вопросу, который свербит у тебя в башке.

Твою мать. Я начинаю проникаться к нему уважением.

— Она говорила тебе что-нибудь обо мне?

— Кто именно?

— Гера.

Я жду. Но он не спешит отвечать; напротив, напрочь игнорирует меня и лениво оглядывается по сторонам, будто только сейчас осознал интерьер заведения, в котором мы провели последние два часа.

— Симпатичные синие стены, правда? — как ни в чем не бывало выдает он.

Я с глухим стуком припечатываю ладонь к столешнице:

— Что Лиззи наговорила тебе обо мне? — шиплю я одними губами.

— Что ты не даешь ей спать, потому что каждую ночь напролет дерешь очередную бабу и вы устраиваете нечеловеческий грохот.

— «Каждую ночь» — это явное преувеличение. От силы четыре вечера в неделю, максимум, — защищаюсь я. — И вообще, нет ничего криминального в нормальном желании потрахаться!

— Ну разумеется, нет. Криминал начнется тогда, когда я начищу тебе рыло, если ты посмеешь запудрить мозги моей сестре этим спектаклем. Если заставишь ее поверить, что она реально тебе интересна, только ради того, чтобы затащить ее в постель, а потом выставить на мороз.

Уж чего-чего, а подобного наезда я точно не ожидал. Но секунду спустя до меня доходит: Нис меня совершенно не знает — как и никто в этой сумасшедшей семейке. Да и сама Гера, положа руку на сердце, тоже. Она в курсе, где я учился и где преподаю, знает имена моих родителей и мой любимый цвет, но понятия не имеет, что я за человек.

— У меня даже в мыслях не было ничего подобного, — твердо заверяю я его, вложив в голос максимум честности, на которую способен.

— М-м-м, да, я так и думал.

— Тогда к чему этот базар с угрозами?

— Хотел посмотреть на твою реакцию.

— Ну и что ты понял? — спрашиваю я, краем глаза замечая, как Лиам ловко ворует с тарелки Афины недоеденный кусок торта.

Дионис увесисто хлопает меня по плечу — жест одновременно дружеский и предупреждающий:

— Давай сразу проясним одну вещь: мне глубоко насрать на большую часть того, что творится вокруг меня. Я слушаю от силы половину того, что несут мои родственники, и вникаю в четверть того, что они вытворяют. Но когда появляется ситуация, которая меня реально задевает — то, ради чего стоит пошевелить мозгами и отставить в сторону бокал вина, — я берусь за дело. И делаю это лучше, чем кто бы то ни было на этом свете. Догнал?

Я беру секундную паузу на размышление:

— Нет, не догнал. Ты куда клонишь?

Он подается вперед, понижая голос почти до шепота:

— Она тебе небезразлична. Разжигает твое любопытство — к бабке не ходи. Но если у тебя нет серьезных намерений, советую свернуть любые контакты сразу после этой свадебной клоунады и спокойно жить дальше. Желательно при этом раскошелиться на шумоизоляцию в спальне. В качестве финального аккорда мы объявим всем, что вы разбежались, и каждый пойдет своей дорогой. Если же в тебе есть хоть капля смелости и благих намерений — дерзай.

— С чего ты вообще взял, что она мне интересна?

Не думал, что так палюсь.

Дионис задумчиво покусывает губу, едва сдерживая лукавую ухмылку, пока подбирает идеальные слова, чтобы вскрыть все мои карты:

— Никто не играет настолько безупречно. На нее порой накатывает очевидная неловкость, а вот на тебя — ни единого раза. Ты смотришь на нее совсем не так, как смотрят понарошку, Майлз.

Мне нечем крыть. Я тяжело откидываюсь на спинку стула и упираюсь взглядом в пустую тарелку.

Правда ведь в том, что весь этот фарс — ложь в квадрате. Весь обман, который мы заварили, был просчитан мной до мельчайших деталей, а вовсе не родился из отчаянной утренней просьбы о помощи.

Та девица, с которой я провел ночь, даже не думала закатывать истерику и намертво баррикадироваться в моей спальне. Я соврал Гере только для того, чтобы вынудить ее сыграть для меня и предложить ответную сделку. Возможно, это омерзительный ход, но вместе с тем — единственный способ, который я нащупал, чтобы провести с ней время за пределами наших смежных террас и без риска немедленно ввязаться в собачью грызню. Мне до безумия хотелось, чтобы она увидела во мне Майлза, а не того назойливого соседа по балкону, с которым раз в две недели перекидываются дежурными любезностями сквозь зубы.

Позови я ее на свидание по-человечески, это выглядело бы дико. И каждый раз, когда я проводил вечер дома один и выходил караулить ее на балкон, я всеми силами пытался завязать хоть самый банальный диалог. Поначалу она шла на контакт, это было чертовски приятно, распаляло интерес, и мне хотелось большего. Она опускала броню и… неизменно наступал момент, когда она делала резкий шаг назад, возводила между нами непреодолимую пропасть и в панике сбегала.

Первое время наши стычки меня откровенно бесили. Потом — начали забавлять. Да чего уж там, даже ее язвительные оскорбления стали моей ежедневной дозой Геры Лайвли, без которой я уже не мог уснуть, не растягивая губы в идиотской улыбке.

Не знаю, делает ли этот обман поверх обмана меня ублюдком, жалким ничтожеством или конченым придурком. Мне плевать, потому что за последнюю неделю я узнал о ней столько всего, что физически не способен жалеть о содеянном. Наоборот: мне хочется, чтобы эта гребаная свадьба длилась целый месяц.

Но как мне вбить ей в голову, что она может дать мне реальный шанс? Что я не похож на тех омерзительных тварей, через которых ей пришлось пройти? И главное… как мне самому понять, согласится ли она быть со мной из-за искренней симпатии ко мне, или просто ухватится за тепло первого встречного, лишь бы разрушить выдуманное проклятие, к которому сама себя приговорила?

У меня тысяча вопросов и всего два жалких ответа. А эти два ответа порождают еще добрую сотню новых сомнений.

— Ну всё, раз Гера вернулась, можем расплатиться и двигать домой, — объявляет Тейя.

Лиззи замечает, что ее стул оккупировал Нис, и на пару мгновений одаривает нас с братом подозрительным взглядом, вздернув бровь. Я тут же подскакиваю к ней, без слов давая понять, что всё под контролем.

Пока Хайдес и остальная часть клана рассаживаются по машинам, чтобы ехать в отель, мы отправляемся домой. Однако решение Хэрин провести эту предсвадебную ночь вместе со своим будущим мужем оставляет одного из нас без посадочного места.

Мягко положив ладонь на спину Лиззи, я слегка подталкиваю ее к открытой двери кроссовера:

— Садись ты. Я дойду пешком.

— Что? Ты с ума сошел? Ни за что! Мы вернемся за тобой, — протестует Тейя.

Неподдельная тревога на ее лице отзывается во мне уколом вины. Она так искренне печется о парне, который по факту не имеет к ее дочери никакого отношения.

— Тут всего пятнадцать минут неспешным шагом, ерунда. Я люблю гулять, — успокаиваю я ее.

— Ну и ладушки, — резюмирует Арес, беззаботно пожимая плечами.

Тейя тут же отвешивает ему профилактический подзатыльник.

— Майлз, мы не можем тебя вот так… — начинает было Зевс.

— Я пойду с ним, — ставит точку Гера, обрубая дальнейшие споры. — Прогулка никому еще не вредила, заодно побудем немного вдвоем.

Дионис уже вольготно развалился на заднем сиденье внедорожника рядом со своей девушкой. Рори, кажется.

— Клянусь, риска блевануть нет ни малейшего, так что можешь не сбегать, Лиззи. Вино было французским и баснословно дорогим, я никогда в жизни не позволю своему организму исторгнуть его столь вульгарным и неуважительным способом.

Я обожаю этого парня.

Я не спеша переплетаю свои пальцы с пальцами моей фальшивой девушки:

— Доставлю ее домой в целости и сохранности. Встретимся на месте, и спасибо за заботу.

Едва заметного кивка Геры оказывается достаточно, чтобы убедить семейство в том, что всё в порядке и они могут трогаться.

Оставшись одни на опустевшей парковке, она тут же высвобождает ладонь и делает первые шаги. Я сразу подмечаю ее неуверенную походку — пары секунд хватает, чтобы догадаться: каблуки превратили ее ноги в фарш.

— Жмут туфли?

Я пристраиваюсь рядом, намеренно сбавляя шаг, чтобы она не пыталась спешить ради меня.

— Ни капли.

— Красивые, кстати.

— Очень красивые.

— Но пальцы, похоже, стирают в кровь.

— Да брось, глупости…

— Тогда почему ты ковыляешь с грацией своего в стельку пьяного братца?

Лиззи строит уморительную гримасу:

— Пьяный в хлам Нис двигается куда грациознее, чем я на этих орудиях пыток.

Я смеюсь и делаю шаг к ней:

— Давай понесу тебя на руках, ну же.

Но стоит мне потянуться к ней, как она испуганно шарахается назад, издавая приглушенный стон боли:

— О господи, нет! В этом нет никакой нужды. Тут идти всего пятнадцать минут.

Я аккуратно перехватываю ее за запястье, не давая двинуться дальше:

— В машине оставалось еще одно свободное место. Ровно одно. Почему ты не поехала со всеми?

— Не могла же я бросить тебя одного, — бросает она, упорно глядя себе под ноги.

— Достаточно было заикнуться о том, что у тебя гудят ноги, и кто-нибудь из твоих братьев с радостью составил бы мне компанию. На эгоистов вы вроде не похожи.

— Мы и не эгоисты.

Я улыбаюсь и чуть наклоняюсь, вынуждая ее посмотреть мне прямо в глаза:

— Значит, ты просто хотела побыть со мной, Веснушка. Я прав?

Она раздраженно фыркает, отталкивает меня и возобновляет свое мучительное шествие. С каждым новым шагом остатки ее грации стремительно испаряются. Это выглядело бы дико смешно, не сжимайся мое сердце от вида ее лица, искаженного неподдельной болью.

— Я беру тебя на руки. Иди сюда.

— Нет, спасибо, это кринж.

— Значит, оказаться у меня на руках — это «кринж», а ковылять вот такой раскорякой — верх достоинства?

Она слабо пихает меня в плечо, отчаянно борясь с накатывающим смехом, лишь бы не уступить:

— Придурок.

— Хватит упрямиться.

— А ты прекрати ломать комедию: вокруг нет моей семьи, зрителей ноль.

Ее отповедь заставляет меня опустить руки, убивая на корню все душевные порывы. Она на полном серьезе уверена, что любой мой внимательный жест — лишь часть отрепетированной роли, а не искреннее желание позаботиться о ней?

А затем в памяти всплывают слова Ниса.

Ну разумеется, она именно так и думает. Она привыкла к уродам, которые вытирали об нее ноги, а мы сами заварили всю эту кашу под вывеской стопроцентного фарса. Она физически не способна разглядеть искренность в моих поступках и словах, пока я прямым текстом не выложу ей свои настоящие намерения.

Но как бы там ни было, я не позволю ей ковылять до дома, превозмогая эту дикую боль.

— Тогда сделаем по-другому.

Она уже снова упрямо ковыляет вперед. Господи, эта девчонка вообще способна постоять на месте хоть секунду?

— Ну и как же?

— Снимай свои туфли и надевай мои кроссовки.

— Что?!

Я не трачу время на пустые пререкания — уверен, вида того, как я опускаюсь на одно колено прямо на асфальт и начинаю распускать шнурки, более чем достаточно, чтобы доказать серьезность моих намерений. Лиззи несколько раз окликает меня, но я невозмутимо игнорирую ее протесты ровно до тех пор, пока не остаюсь стоять в одних носках, протягивая ей свою обувь.

Она подозрительно косится на мои кроссовки так, будто они могут сдетонировать в любую секунду, но в итоге всё же сдается и принимает капитуляцию.

Чистейшее облегчение, мгновенно разгладившее черты ее лица, стоит ей утонуть в мягкой подошве, вызывает у меня теплую улыбку.

— Спасибо, — едва слышно шепчет она.

— Пошли, горе луковое.

— Погоди, в смысле? Я думала, это честный обмен. Теперь твоя очередь напяливать мои шпильки.

— Не наглей, Лайвли, иначе я закину тебя на плечо и устрою тебе персональный сеанс испанского стыда на всю улицу.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 6. НАБЛЮДАТЕЛИ

Согласно другой версии мифа, Гера породила Гефеста в одиночку, без участия Зевса — в отместку за то, что тот явил на свет Афину без нее. Этот сюжет призван подчеркнуть ее независимую созидательную мощь.

Гера

Не знаю, сколько уже минут я вишу на шее у брата, но мне кажется, что мне всегда будет мало. Стиснутая в его сильных руках, лишь чуточку ниже его благодаря каблукам, я утыкаюсь лицом в его грудь и слушаю ровные, спокойные удары его сердца.

Поси сжимает объятия еще крепче и начинает мерно покачивать нас из стороны в сторону, словно мы малые дети.

Хэрин стоит буквально в двух шагах и тепло улыбается, глядя на нас. Свою порцию сестринской любви от меня она уже отхватила сполна. Меня распирает от таких бешеных эмоций и щемящего счастья, что я не в силах перестать обнимать и целовать их обоих; не могу оторвать от них глаз — таких ослепительно красивых и счастливых.

Я так безумно рада за них, что проревела белугой всю службу в церкви.

Перед глазами то и дело всплывал тот маленький мальчик, ненавидевший школу за то, что все вокруг считали его непроходимо тупым. Тот самый мальчишка, который во все горло орал в машине *Hey Jude*, с гордостью хвастаясь тем, как папа заменил имя в припеве на его собственное. Подросток, однажды спустившийся к ужину с бирюзовыми волосами и больше никогда не вернувшийся к своему цвету. Пацан с вечно сморщенными от морской воды пальцами из-за бесконечных часов посреди волн. И тот, кому пришлось вырвать себя с корнем из здешней жизни — жизни, которую он боготворил, — ради учебы в Йеле. Парень, часами плававший наперегонки с Хелл просто потому, что отчаянно искал хоть кого-то, кто разделит с ним похороненную страсть. И вот теперь передо мной стоит мужчина, в которого он вырос. Стоит, прижимая меня к себе, с обручальным кольцом на пальце.

— Я сейчас отлипну, клянусь, — бормочу я ему в рубашку.

— Еще пару секунд, ладно.

Мы сжимаем друг друга изо всех сил, а затем нехотя размыкаем объятия. Я легонько подталкиваю его в сторону Хэрин, которая терпеливо ждет его у края танцпола:

— А ну марш на свой первый танец в статусе женатого мужчины, шевели поршнями.

— Видеосъемку я беру на себя! — встревает Арес, собственнически приобняв за плечи Хелл. — Только не вздумай сутулиться и задирай подбородок, а то вечно башку опускаешь, и в кадре вылезает второй подбородок.

— Арес, бля… — стонет Пос.

— А че такого? Ты хочешь выглядеть красавчиком на свадебном видео или тебя устраивает быть уродом? Я ж ради тебя стараюсь!

Мы с Хелл переглядываемся, синхронно хватаем его под белы ручки и силой уволакиваем к столам для гостей. Теперь, когда площадка свободна, мы все можем насладиться танцем молодых.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Если венчание проходило в старинной церкви, то сам банкет закатили в отеле Ritz-Carlton в Халф-Мун-Бей. Потрясающий курортный комплекс прямо на вершине утеса, нависающего над Тихим океаном. Будь воля самих молодоженов, они бы тупо расставили складные столы прямо на пляжном песке и гуляли там. Этот же зал стал идеальным компромиссом: можно лопать деликатесы в полном комфорте и при этом буквально дышать океанским бризом.

Я плюхаюсь на свое место рядом с братьями и мамой. Ну и Майлзом, куда ж без него. В центре каждого стола вместо банальных букетов красуются корзинки с морскими ракушками и бутафорскими морскими звездами из настоящего муранского стекла. Скатерти чередуются оттенками бирюзы и глубокого индиго — цвета морской волны, любимые цвета жениха и невесты, как и каждая крошечная деталь декора вокруг.

— А теперь искупаем в овациях наших молодоженов и их первый танец! — надрывается в микрофон Гермес, нагло оккупировавший диджейский пульт. Лиам стоит рядом с ним и просто широко лыбится, хлопая в ладоши. Видимо, эти двое свято уверены, что имеют полное право творить любую дичь, ведь они — «ТриМудозвона» и обязаны громче всех гулять на свадьбе своего третьего брата по оружию.

Первые секунды я никак не могу узнать песню, но стоит разобрать мотив, как всё встает на свои места. Они танцуют под акустический кавер на *I Want It That Way* от Backstreet Boys — только переливы фортепиано и бархатные струны гитары.

В памяти всплывает смутный образ тринадцатилетней Хэрин, которая до безумия фанатела от этого трека и каждый раз клянчила у папы включить его на магнитоле, когда он подвозил ее до дома.

На первом же припеве ладонь Майлза бесшумно скользит по скатерти и мягко накрывает мою руку. «Романтично» — именно так это выглядело бы со стороны, не будь всё сущей дешевкой. Я кожей чувствую чужой пристальный взгляд; вскинув голову, я замечаю Диониса, который не спеша потягивает вино из бокала и не сводит глаз с наших сцепленных пальцев.

Никогда бы не подумала, что этот фальшивый роман способен вывернуть меня наизнанку с такой сокрушительной силой. Прошлой ночью я ворочалась часа два, не в силах уснуть, потому что мозг по кругу крутил воспоминания: как Майлз без колебаний отдал мне свои кроссовки, как требовал взять меня на руки и донести до дома, наплевав на приличия. И то, как он всерьез прикидывал, не поцеловать ли меня по-настоящему прямо во время вчерашнего ужина.

«А жаль», — бросил он тогда.

Ума не приложу, сколько сотен раз это дурацкое слово эхом отдавалось у меня в висках.

Вся катастрофа в том, что то, как он со мной обращается, — это филигранное, до последней запятой воплощение того, как я всегда мечтала быть любимой. Эти мелкие знаки внимания, бережные прикосновения, единственно верные слова в нужную секунду, беззлобные поддразнивания… всё то, чего я так жадно ждала от любви. От настоящих отношений.

И всё это — гребаный театр. Я получила сказку в рамках унизительного контракта. Завтра мы улетим обратно в Нью-Йорк, и по экрану этой дешевой мелодрамы побегут финальные титры. И с чем я останусь? Лишь с ядовитым привкусом того, чего так долго искала.

Я силой вышвыриваю эти мысли из головы, пока не отравила праздник собственному брату. Этот день принадлежит только ему, и я хочу искренне радоваться и отрываться вместе с семьей.

Главное — как можно меньше пялиться на Майлза. Чертов классический костюм сидит на его мощной, накачанной фигуре настолько безупречно, будто дорогую ткань отливали прямо по его меркам, лишь бы подчеркнуть убийственную стать.

Господи, как же я его ненавижу. Ненавижу за то, что если я задержу на нем взгляд хоть на секунду дольше, то рискую позорно пустить слюни как малолетка, в то время как уже завтрашним вечером он запросто притащит к себе очередную одноразовую шлюху.

До конца банкета осталось каких-то пять часов. Пять жалких часов: не смотреть на него, не…

Прямо перед моим носом возникает раскрытая ладонь.

Майлз уже стоит надо мной, возвышаясь над моим стулом.

И только сейчас до меня доходит, что танцпол вокруг молодоженов стремительно заполняется парами.

О нет.

— Потанцуешь со мной? — звучит его бархатный британский акцент.

Вдоль позвоночника пробегает электрический разряд.

Я не имею права отшить его. Во всяком случае, точно не на глазах у всей родни.

Но я вполне могу свести контакт к минимуму и просто покорно поплестись за ним следом. Однако стоит мне сделать попытку подняться, как Майлз слегка шевелит раскрытыми пальцами прямо перед моим лицом, не давая сделать шагу. Я натыкаюсь на его немигающие черные омуты.

— Потанцуешь со мной, Лиззи? — с нажимом повторяет он.

Его пальцы нетерпеливо вздрагивают, безмолвно требуя вложить мою руку в его. Обычно именно так люди и принимают подобные приглашения: говорят «да», улыбаются и доверчиво протягивают ладонь.

Внутри режет так невыносимо, что мне хочется расплакаться прямо здесь, на глазах у всего зала.

— Да, — едва слышно выдыхаю я.

От соприкосновения нашей кожи сердце на миг перестает биться. Майлз идет первым, вытянув руку назад, чтобы не разрывать хватку ни на миллиметр. Он уверенно прокладывает нам путь сквозь толпу, избавляя меня от необходимости лавировать между гостями, позволяя просто послушно повторять его шаги.

Отыскав свободный пятачок, он мягко берет ведение на себя. Опускает широкую ладонь мне на талию, а мою руку решительно перемещает себе на плечо.

Слегка склонив голову, он расплывается в своей излюбленной наглой, самодовольной улыбочке:

— Всего один медляк, Веснушка. Я же не в окопы тебя зову.

— Ты к чему это?

— Могла бы ради приличия хотя бы улыбнуться.

— «Улыбнуться».

— Ага. Это такое действие, когда уголки губ приподнимаются вверх. Знакомо, не?

— М-м-м.

— А то у тебя мина как у приговоренной к электрическому стулу.

Я шумно выдыхаю и перевожу взгляд через его плечо — туда, где кружится мой брат, с абсолютно блаженным, идиотским выражением лица прижимая к себе Хэрин. Они безнадежно не попадают в такт музыке, но при этом остаются безоговорочно самой прекрасной парой на этом чертовом танцполе.

— Лайвли, ты в порядке?

Я неохотно перевожу фокус обратно на него:

— Что?

Он чуть щурит глаза:

— Ты в норме? Сама не своя.

— Могу я спросить тебя кое о чем?

— Валяй. На мой вопрос ты забила, ну да ладно, давай свой.

Прежде чем я успеваю раскрыть рот, он застает меня врасплох: ловко подсекает и закручивает в грациозном пируэте. Я даже испугаться не успеваю, потому что в следующее мгновение он властно перехватывает меня и прижимает обратно к себе — с такой филигранной легкостью и плавностью, что у меня на пару секунд напрочь вышибает из головы заготовленную фразу.

— Зачем тебе столько разных баб? — шепчу я прямо ему в шею. — Нет, я отлично понимаю прелесть необременительного секса без обязательств и соплей. Но почему именно ты…

Он тяжело, шумно выпускает воздух сквозь зубы, и я моментально осознаю: я с размаху приложилась по единственной педали, к которой мне категорически запрещено было даже приближаться.

— Это самое банальное и предсказуемое объяснение из всех, что ты можешь услышать.

— Тебе изменили.

Он кивает, и теперь уже сам избегает моего взгляда, блуждая глазами где угодно, лишь бы не смотреть мне в лицо.

— Я ведь даже сделал ей предложение. Мы были официально помолвлены, Лиззи. Я ни в чем ей не отказывал, положил к ее ногам весь мир и всего себя без остатка. Веришь мне? Клянусь, так и было. Я потом месяцами ломал голову: чего же ей, черт возьми, не хватало, что она пошла искать это в чужой постели? — Он шумно выдыхает: — Впрочем, это случилось пять лет назад. Ее-то я давно забыл, а вот сосущее чувство, что я ни для кого никогда не буду достаточно хорош и что мне снова вонзят нож в спину, — увы, нет.

Оу.

Слышать его настолько уязвимым, видеть его глаза, подернутые тенью старой, неизгладимой боли, заставляет что-то внутри меня встать на место. Не то чтобы мне доставляло удовольствие знать, как он страдал, — скорее меня отпускает от осознания, что из нас двоих не я одна по макушку завалена страхами и комплексами.

— Мне жаль. Правда. Безумно жаль.

Он грустно улыбается:

— Я знаю.

Какой странный ответ. *Я знаю.*

— А теперь можно мне задать тебе вопрос? — подхватывает он. — Только на этот раз я бы очень хотел услышать ответ.

— Валяй.

Начинает играть новый трек — с еще более тягучим, медленным ритмом, чем предыдущий. Майлз закручивает меня в очередном повороте и притягивает обратно к себе с чересчур собственнической силой: наши тела с глухим стуком сталкиваются, и на пару секунд мы оба замираем без движения. Его лицо склоняется над моим, кончик его носа почти невесомо задевает мой.

— Что ты любишь больше всего на свете?

Меня накрывает дежавю со вчерашнего вечера на кладбище, когда он задал мне в точности тот же вопрос про отца, уверяя, что это лучший способ по-настоящему узнать душу человека.

Мне бы очень хотелось сделать вид, будто мне нужно поразмыслить, и мне бы чертовски хотелось, чтобы мой ответ не прозвучал так приторно и избито. Но… он именно такой. Это моя суть, и я никогда не стану притворяться кем-то другим.

— Любовь, — произношу я. — Любовь во всех ее проявлениях. Любовь между друзьями, между тобой и твоим питомцем, любовь в семье, любовь между мужем и женой, даже между двумя неуклюжими подростками, которые открывают ее для себя впервые, на ощупь. Любовь, которую ты питаешь к любимому фильму или к песне, способной звучать в твоих наушниках каждый день до конца жизни, к книге, которая перевернула тебя и вывернула наизнанку. Даже любовь к любимому сорту мороженого. — Я комкаю последнюю фразу, нервно хихикая от того, насколько по-идиотски это звучит со стороны. — Я до безумия, неизлечимо влюблена во все формы любви, какие только существуют на этом свете.

Он слушает меня молча, не переставая плавно покачиваться в такт музыке и вести меня в танце.

— Ну и рыжих котов, — добавляю я вдогонку.

Его губы трогает едва заметная усмешка.

Но я в упор не понимаю, почему он молчит. Ни единого звука не слетает с его губ — хотя бывают моменты, когда мне до смерти хочется засунуть ему кляп в рот, лишь бы он заткнулся хоть на секунду.

— То есть ты решил просто оставить меня подвешенной в воздухе после того, как я вывалила на тебя всю эту приторную ваниль? — не выдерживаю я.

— Ты не готова услышать то, что я хочу тебе ответить, — шепчет он. — «Забудь», Лиззи.

И снова чертово дежавю. Вот только когда я твердила ему забыть и не лезть, у меня были железобетонные аргументы: уберечь его от криминала нашей семейки и смертельных игр. В его же случае, сдается мне, дело в чем-то принципиально ином.

Я отступаю: то, как он смотрит на меня прямо сейчас, убеждает меня в том, что он, пожалуй, успел немного меня изучить. И он чертовски прав, когда утверждает, что я боюсь это услышать.

Я прочищаю горло, нарочито фальшиво покашливая:

— А твой ответ каков?

Он упирается взглядом в мои глаза — с такой обжигающей силой, что щеки моментально вспыхивают пожаром.

— Литература…

Я закатываю глаза:

— Кто бы сомневался, профессор.

Он картинно закатывает глаза в ответ:

— Кто бы сомневался.

— А дальше?

— Думаешь, есть что-то еще?

— Догадываюсь.

— Литература… — повторяет он с нажимом. — И…

Фигура моей мамы возникает прямо за его спиной, безжалостно обрывая диалог на полуслове. Она налетает на Майлза с тем безудержным восторгом, который обычно приберегают для старых закадычных друзей, а не для парня, которого видишь без году неделю:

— А ну живо танцевать с нами! — голосит она.

Майлз ошарашенно таращится на меня с выражением морды олененка, внезапно выскочившего на скоростное шоссе. Я едва сдерживаюсь, чтобы не заржать ему в лицо.

Момент для семейного налета был, мягко говоря, не самый удачный, но я слишком хорошо знаю свою мать. Ей жизненно необходимо узнать Майлза поближе, втянуть его в самый эпицентр праздника и доказать, как сильно родня от него тащится. Потому что, господи боже, мои братья и кузены реально без ума от Майлза.

Ума не приложу, как такое возможно, но меньше чем за двое суток он влюбил в себя вообще всех. Он вписался в наш клан так органично, будто жил с нами всю жизнь. Сегодня утром я застала его на кухне за завтраком в компании Зевса, Лиама, Ареса и Хелл. Они перешучивались так, будто дружат с пеленок: передавали друг другу тарелки и приборы, подкладывали тосты… Я так и стояла столбом за углом, подглядывая за ними, пока мама не возникла за спиной и не поинтересовалась, какого черта я тут выслеживаю.

Каждый раз, когда я болтаю с кем-то из гостей и Майлза нет рядом, я панически ищу его глазами — чисто чтобы убедиться, что он не чувствует себя лишним и всё в порядке. И ни единого раза я не застала его скучающим в углу. Он неизменно оказывался в самом центре: сыпал улыбками, источал свое сокрушительное обаяние и травил байки с моими кузенами.

Что выглядит сущей пыткой с колокольни человека, знающего, что вся эта идиллия — дешевый спектакль.

Единственный, кто так и не выкатил открытого вердикта, — это Нис. Он отделался своим коронным: «Я пока не решил, нравится он мне или нет. Всё зависит от того, что этот тип выкинет в понедельник».

Голова идет кругом. Не только от дурдома вокруг, но и от этих последних минут танца с Майлзом, от его ладоней на моем теле, от его глубоких, черных глаз и от сонма загонов, грозящих окончательно пустить этот вечер под откос.

Я остаюсь стоять посреди кружащейся толпы в полном одиночестве, пока чья-то рука не сгребает мою ладонь и не начинает настойчиво тащить сквозь людскую гущу. Я мгновенно узнаю буйные светлые кудри Гермеса и беспрекословно доверяюсь ему, куда бы он меня ни вел. А ведет он меня, если быть точной, к одному из самых дальних, глухих столиков — подальше от колонок и назойливого гула голосов.

Он галантно помогает мне опуститься на стул, плюхается рядом и с размаху припечатывает локоть к столешнице. Подперев подбородок раскрытой ладонью, он впивается в меня своим фирменным, до тошноты въедливым взглядом.

— Гера.

— Да в порядке я, в порядке.

— Ой, брось, я тебя даже не спрашивал, потому что и так вижу твое состояние. Всё на лбу написано.

— «Написано»?

— Ага. Ты полное ничтожество, сестренка.

— Ну спасибо за поддержку.

Он звонко щелкает пальцами у меня перед носом, и я рефлекторно вскидываю голову, встречаясь с его пронзительными голубыми глазами. В них пляшет бешеное любопытство и… нечто куда более мягкое, бережное. Сочувствие? Понимание?

— Я всё просек, сечешь? — шепчет он с заговорщицким прищуром.

— О чем ты?

Он выразительно указывает пальцем на меня, затем — на кого-то на танцполе. Мне не нужно переспрашивать. Я прекрасно понимаю, кого он имеет в виду.

— Я раскусил, что всё это чистый фейк.

Слюна предательски застревает у меня в дыхалке, и я надсадно закашливаюсь. Гермес давится победным ржачем, пока заботливо похлопывает меня по спине, помогая вернуть контроль над телом и хоть как-то восстановить дыхание.

— Тебе вообще как в башку взбрело устроить фейк-дейтинг уровня ромкома из нулевых? — выдает он, тихо угорая.

Он не осуждает меня, не считает жалким убожеством. Напротив, в его взгляде читается чистейший восторг и… восхищение? Чему я, собственно, удивляюсь: у Гермеса мозги с рождения набекрень, он мыслит совсем не так, как нормальные люди.

— Как ты дога…

— Мне безумно греет душу то, что ты даже не пытаешься отмазываться. Ты же в курсе, насколько виртуозно я умею совать свой нос в чужую личную жизнь.

Я шумно выдыхаю:

— Херм. Как. Ты. Догадался.

— Как догадался? Элементарно. — Он вальяжно растекается по стулу с видом человека, который хитрее всех на свете. Так оно, без сомнения, и есть, но капля скромности ему бы точно не повредила. — Ты забываешь, Лиззи, что я всеведущий рассказчик, который наблюдает из партера и подмечает все грязные секретики персонажей.

— Мы потрясающе играли, — возражаю я. — Докопаться до такой мысли было практически нереально.

Он глубокомысленно кивает:

— О да, чистая правда, актеры из вас просто феноменальные.

— К чему этот ядовитый сарказм?

Гермес картинно вскидывает ладони:

— «Сарказм»? Ты о чем вообще? Вы потрясающие, гениальные актеры, серьезно. Снимаю шляпу.

— Гермес!

Он заливается смехом, сгребает меня в охапку и с силой прижимает к своей груди. Рубашка у него расстегнута буквально до пупка, а вся кожа сияет россыпью глиттера. Он никогда в жизни не упустит повода искупаться в блестках.

Опустив подбородок мне на макушку, он нежно чмокает меня в волосы:

— Я неплохо шарю в театре, амплуа и масках. Актеры вы и правда толковые, но ты забываешь одну простую вещь: чтобы спектакль по-настоящему выстрелил, актер обязан вложить в него частичку непритворной правды. Пусть даже я раскусил, что

ваш роман — фейк, ваши эмоции абсолютно настоящие. Актеры на сцене притворяются вымышленными героями, факт, но их чувства при этом вполне осязаемы. Они реальны, их из пальца не высосешь. Их вытаскивают из собственной жизни и отдают роли, чтобы вдохнуть в нее правдоподобие. Ровно то же самое происходит и с вами двумя.

У меня отвисает челюсть.

— Что, ошарашена?

— Ненавижу тебя. Ты настолько проницательный и хитрый жук, что я тебя просто люто ненавижу.

Он крепче сжимает меня в кольце рук. Моих ноздрей касается приторный аромат клубники — его фирменный запах, который не меняется годами.

И только сейчас до меня доходит истинный подтекст его слов:

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что…

— Я имею в виду, что вы притворяетесь парой, но ни капли не притворяетесь в том, что тащитесь друг от друга. Вы реально запали друг на друга. И теперь вам осталось всего ничего: сесть, поговорить ртом и замутить по-настоящему.

— Не думаю, что это хорошая затея.

— У меня в голове рождаются исключительно гениальные затеи, как ты смеешь сомневаться?

— Херми, я на полном серьезе.

— А я, по-твоему, шутки шучу? — Он отстраняется и отодвигает меня от себя, пригвождая к стулу взглядом — настолько серьезным, каким я его еще отродясь не видела. — Если ты признаешься этому мужику, что он тебе нравится, он упадет перед тобой на колени и воздаст хвалу Господу со всеми ангелами на небесах.

Из меня вырывается нервный смешок:

— Но ведь он тебе нравится, я угадал?

Я самой себе боюсь в этом признаться, не то что вывалить это кому-то постороннему.

— Считаю твое молчание за безоговорочное «да», ладно, ломайся дальше. — Он небрежно машет ладонью в воздухе: — Молния в номер: это взаимно. Если я ошибаюсь, даю добро прописать мне со всей дури прямо в челюсть.

— Слегка перебор, нет?

— Ни капли, я даю карт-бланш, зуб даю. Единственная просьба: не целься в нос. Родиться с аккуратным вздернутым носом — редкая генетическая лотерея, и ее нужно беречь любой ценой.

Спорить бессмысленно: нос у него и правда самый идеальный из всех, что я видела.

— Я понимаю, что после всего пережитого дерьма тебе тяжело в это поверить, но… Не думаешь, что пора дать смачного пинка под зад этому гребаному року и наконец поверить, что у судьбы припасены на тебя совсем другие планы?

Я прокручиваю в голове его слова, скользя взглядом по гостям, без устали отрывающимся на танцполе. Я сразу выцепляю взглядом стайку наших — самую громкую и, судя по всему, уже самую пьяную в зале. В центре круга отжигает Посейдон: уже без пиджака и рубашки, с одним лишь галстуком, болтающимся на голой шее. А рядом с ним выплясывает Майлз, выдавая движения настолько же нелепые, насколько и чертовски притягательные, а в партнерах у него крутится Арес.

— Очень хотелось бы, — тихо отзываюсь я наконец.

Херм смачно и звонко целует меня в щеку:

— Подумай об этом. Не обязательно прямо сию секунду или завтра. Возьми паузу, но обязательно подумай.

— Хорошо, Херми.

— Знаешь, когда-то я был свято уверен, что мне суждено остаться лишь второстепенным персонажем. Мелкой пешкой, которая тупо наблюдает за чужими жизнями со стороны, способная только комментировать их, подглядывать в замочную скважину и втайне мечтать, что однажды софиты развернутся на меня и я сорву свои овации. С годами до меня дошло, что я тоже главный герой. А вот кто всегда добровольно прятался за чужими спинами — так это ты.

Я недоуменно вздергиваю бровь, сбитая с толку внезапной глубиной его признания.

Гермес тепло, открыто улыбается мне:

— Ты говоришь редко, но когда открываешь рот — бьешь не в бровь, а в глаз, в самую нужную секунду. Ты редко берешь инициативу, но если действуешь — это всегда единственно верный шаг. Я прирожденный наблюдатель, и именно поэтому я прекрасно вижу, насколько чутко наблюдаешь за всеми ты сама.

— Ты правда так считаешь?

— Да пиздец как считаю, — рубит он, заставляя меня брызнуть со смеху. — Просто знай: ты прекрасна такая, какая есть, но ты заслуживаешь выйти из тени и заявить о себе во весь голос.

Это чертовски уютно — сидеть в тишине, сканировать других и не подставлять себя под удар. Порой от этого бывает безумно одиноко, начинает казаться, будто ты пустое место и от тебя ноль толку. Но знать, что кто-то видит тебя насквозь и искренне верит, что ты заслуживаешь большего… это разом перечеркивает каждую секунду, когда мне казалось, что мое присутствие весит ровно столько же, сколько и мое отсутствие.

— Спасибо, Херми.

— Не за что, инцестная моя кузинка.

И опять двадцать пять.

— Да прекрати ты уже! Забудь и проехали. Это было странное помутнение и…

Он обрывает меня, рывком поднимаясь на ноги и протягивая мне раскрытую ладонь:

— А теперь погнали танцевать и надираться в хлам, шевелись. Хватит строить кислые мины и вздыхать от тайной неразделенной любви.

Прежде чем вложить ладонь в его руку, я бросаю короткий взгляд на танцпол. Пытаюсь напустить на себя равнодушие, но сердце делает кульбит, когда я ловлю немигающий взгляд Майлза, намертво прикованный ко мне.

Он делает едва заметный жест подбородком — безмолвный, властный призыв подойти к нему.

Я решаю прислушаться к совету Гермеса и шагаю к нему в самый центр круга, под слепящий свет софитов, сжимая в кулаке свой фальшивый сценарий. Хотя прямо сейчас мне до безумия хочется порвать его в клочья и наконец позволить себе быть настоящей.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 7. «ДВА ЧАСА»

Геракл был сыном Зевса и смертной женщины Алкмены, с которой тот изменил Гере. Разгневанная богиня ненавидела младенца, однако отец во что бы то ни стало желал даровать ему бессмертие, равное их собственному. Согласно одной из версий мифа, он принес маленького Геракла на Олимп, пока Гера спала, и приложил его к ее груди: молоко богини должно было наделить ребенка божественной природой. Геракл припал к соску со слишком большой силой и разбудил царицу богов; та резко оттолкнула его, и молоко брызнуло в небеса.

Это божественное молоко, пролившееся в ночную тьму, стало Млечным Путем.

Гера

На часах уже второй час ночи, когда мы с Майлзом поднимаемся по лестнице дома на этаж со спальнями. Судя по царящей вокруг гробовой тишине и погашенному свету, остальные вернулись уже очень давно.

И неудивительно. Хоть мы и покинули банкет всей толпой одновременно, я сразу заметила, сколько лишних крюков Майлз нарезал по дороге. Он то и дело сворачивал не туда, в упор игнорируя четкие указания, которые навигатор озвучивал вслух и отображал на виртуальной карте.

Я уверена, что он плутал намеренно, и в то же время не могу утверждать это с железной уверенностью. Может, он просто вымотался.

Мы не проронили ни слова с самого отъезда.

Наш последний диалог свелся к коротким фразам:

— Ты готова?

— Да.

— Я подгоню машину, жди меня здесь.

И дальше — пустота.

Молчание продолжает висеть между нами и сейчас, пока мы идем по коридору. Но это не та липкая тишина, от которой становится не по себе и которую отчаянно хочется заглушить чем попало.

В машине мы слушали музыку. Утром, по дороге туда, мы договорились включать треки строго по очереди — с учетом наших диаметрально противоположных вкусов и неизбежных пререканий. На обратном же пути он молча отдал пульт мне. Было забавно наблюдать за тем, как он беззвучно шевелит губами, подпевая некоторым песням.

Я замираю перед дверью своей спальни и оборачиваюсь к нему.

— Завтра я лечу не с тобой, — хрипло роняет он.

— В смысле?

— Всплыли срочные рабочие дела, мне нужно быть в Нью-Йорке раньше, поэтому я перебил билет на другой рейс.

Оу.

Я хватаюсь за дверную ручку и начинаю нервно крутить ее, надеясь, что он переведет взгляд на мои пальцы и перестанет пригвождать меня к месту своими смоляными глазами.

Бесполезно. Он продолжает сверлить взглядом меня.

— Ясно. И когда ты уезжаешь?

— Выдвигаюсь в аэропорт меньше чем через три часа.

Оу.

Я мысленно благодарю кромешную тьму за то, что она скрывает разочарование на моем лице. Я знаю, что оно там написано. И молюсь, чтобы его глаза еще не успели привыкнуть к полумраку. Понятия не имею, как бы я стала это объяснять, но мозг уже лихорадочно соображает, какую дежурную отмазку скормить ему в случае чего.

— Хорошо, — выдавливаю я наконец.

— Что ж… спокойной ночи. Полагаю, увидимся уже на балконе — с твоим неизменным бокалом вина.

— А я, полагаю, буду слушать, как ты… — *Трахаешься.* Слово застревает поперек горла.

Впрочем, ему и не нужно слышать это вслух. Даже без света я различаю, как мгновенно меняется его поза. Он весь деревенеет и делает шаг назад. Словно я ударила его под дых.

Ну а разве это не чистая правда?

— Спокойной ночи, — ставлю я точку.

Майлз не двигается с места, поэтому инициативу беру я. Шагаю к себе в комнату, прикрываю дверь за спиной и задерживаю дыхание. Я так и остаюсь стоять, привалившись спиной к дереву, замерев в ожидании звука его шагов в сторону гостевой спальни в конце коридора.

Мой взгляд намертво прикован к светящемуся циферблату часов на тумбочке.

1:15.

1:16.

1:17.

1:18.

1:19.

1:20.

Постучи, пожалуйста.

1:21.

1:22.

Постучи. Позови меня.

1:23.

1:24.

1:25.

1:26.

Не уходи.

В половине второго я наконец слышу их. Майлз идет в свою комнату, и сердце внутри меня совершает болезненный, сокрушительный кульбит. Не знаю, что режет сильнее: глухая тоска оттого, что он ушел, или осознание того, что ему потребовалось целых пятнадцать минут, чтобы принять это решение.

Ноги предательски подкашиваются, когда я дохожу до своей личной ванной и стягиваю вечернее платье. Механическими, заученными движениями залезаю под душ и тщательно смываю с себя день, до боли стискивая зубы, лишь бы не расплакаться.

С какой стати мне вообще выть? Откуда взялась эта сосущая пустота разочарования, которая намертво вцепилась в горло? Почему меня колотит крупной дрожью?

Я влезаю в пижаму и падаю на постель с мокрыми волосами. Ни один ночник не зажигаю. Часть ламп разбилась за эти годы, и таких больше не купить. Но проектор

остался целым и невредимым. Будто Вселенная решила сжалиться надо мной и оставить хотя бы одну вещь из тех, что я так люблю.

Или его просто качественно собрали на заводе, и нет за этим никакого высшего знака и божественного промысла. Не всё на свете обязано быть волшебством, пусть мне и всегда нравилось в это верить. Совпадения никогда не были для меня слепой удачей — я всегда видела в них чистую, настоящую магию.

Я поворачиваюсь на бок и гипнотизирую бегущие минуты на светящемся экране будильника.

Говорят, когда на часах выпадает 11:11, нужно загадывать желание. В детстве я никогда этого не пропускала.

Сегодня я загадываю желание каждую чертову минуту. Одно и то же, не меняя ни единого слова.

1:44 — желание.

1:45 — желание.

1:46 — желание.

К черту правила.

В 2:00 оно сбывается. Я понимаю это по глухому звуку шагов за дверью моей комнаты. Они не принадлежат ни одному из моих братьев и уж точно не маме. Я знаю это наверняка, потому что с детства научилась безошибочно запоминать и различать их походку.

Это шаги Майлза.

Я даже не помню, в какую секунду запечатлела их в памяти, но готова поставить всё, что у меня есть: за дверью он.

Одиночный удар в деревянную панель заставляет меня рывком сесть на матрасе. Я выжидаю секунду, прежде чем подняться на ноги и подойти к двери.

— Да?

— Это Майлз, — шепчет его голос с той стороны.

Я прижимаюсь лбом к прохладному дереву:

— Я знаю.

Секундное колебание.

— Когда-нибудь ты объяснишь мне всё толком, но сейчас я не хочу терять ни минуты.

— Что-то случилось? — выпытываю я.

— Ты можешь открыть?

Повторять дважды не требуется. Картина, открывшаяся моим глазам, выбивает у меня почву из-под ног. Передо мной всё тот же Майлз — с мокрыми каштановыми волосами, совсем как у меня, — вот только из одежды на нем лишь серые спортивные штаны. Воздух в доме всё еще тяжелый и удушливый от жары, а полное отсутствие ветра делает эту ночь еще более душной, чем обычно.

И его полуобнаженный вид ни капли не спасает положение.

Я держу взгляд строго на уровне его глаз, гордо вздернув подбородок:

— Да?

— Можно мне переночевать у тебя?

Маска показного равнодушия мгновенно осыпается с моего лица, отчего он не сдерживает тихого смешка.

— Что?

— Можно я останусь с тобой? Хоть на полу. Я просто хочу быть рядом — эти последние два часа, пока я не уехал.

— Зачем?

— Когда я сяду в самолет, всё закончится. И пусть для тебя всё это было лишь спектаклем, я почувствовал нечто настоящее, Лиззи. И мне хочется оттянуть миг, когда я больше не смогу быть к тебе настолько близко.

Я с трудом сглатываю ком в горле:

— Что ты сказал?

Он улыбается:

— Сдается мне, ты всё расслышала до единого слова. Если хочешь, я могу повторить, но знай: тебе не послышалось. И мне чертовски тяжело дается эта откровенность.

Земля окончательно уходит из-под ног. Я настолько оглушена его признанием, что мозг наотрез отказывается переваривать услышанное. Мои уши уловили звук, но рассудок парализован, а сердце попросту выбило из строя.

Мне до безумия хочется услышать эти слова снова, но язык не поворачивается попросить. Хоть раз в жизни мне не хочется выглядеть отчаявшейся дурой, готовой уцепиться за малейшую иллюзию чужой любви и нужности. Меня сковывает дикий ужас: а вдруг он на самом деле чувствует то, в чем только что признался? Это ведь слишком прекрасно, чтобы оказаться правдой.

Всё происходит стремительно, прежде чем ко мне возвращается связное мышление. Я отступаю на шаг в глубь комнаты, впуская его внутрь. Майлз не медлит ни секунды, принося с собой легкий шлейф геля для душа из гостевой ванной, смешанный с его естественным, мускусным запахом.

Когда он порывается лечь прямо на пол, я решительно перенаправляю его на постель.

— Ты уверена?

— Да, — запинаясь, выдыхаю я.

Я чувствую себя такой нелепой и жалкой. Такой нелепо и жалко счастливой.

Мы ложимся на мою двуспальную кровать. Я — у самого правого края, он — у левого. Оба на боку, лицом друг к другу. Лунный свет, льющийся сквозь стеклянные двери террасы за моей спиной, падает серебряным ореолом на его черты, делая его лицо красивым до щемящей боли.

Не думаю, что мне удастся сомкнуть глаза. И я сама ни за что на свете не хочу растратить эти последние два часа нашей иллюзии.

Но заговорить я не в силах: с губ не слетает ни единого членораздельного звука. И сдается мне, точно так же, как в машине, слова сейчас совершенно излишни.

— Тогда… когда мы танцевали… — шепчу я спустя долгую паузу. — Ты начал говорить, что любишь больше всего на свете, но тут влезла мама.

Майлз едва слышно выдыхает.

— Литература и?.. — настаиваю я.

Он смотрит на меня так долго и немигающе, что я уже начинаю верить, будто ответа не последует.

Затем он медленно поднимает руку и едва ощутимо касается кончиком указательного пальца моей щеки. Начинает неспешно гладить мои веснушки, чертя на коже невидимые траектории, форму которых я не способна угадать. Будто и правда пытается соединить точки, чтобы разглядеть скрытый рисунок.

Каждое его мимолетное прикосновение обжигает кожу багровым пламенем настолько, что желание поцеловать его превращается в физическую, острую жажду.

— Литература… и люди, которые говорят о любви так, как о ней говоришь ты, — тихо роняет он наконец.

Мы больше не роняем ни слова, и его ладонь плавно опускается обратно на подушку, в паре сантиметров от моего лица.

Нам больше не нужны никакие разговоры.

Нам нужны только эти последние два часа вместе — в полной тишине, рядом друг с другом.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 8. 21 СЕНТЯБРЯ

Каждый год в святилище в Аргосе Гера совершала обряд очищения в священном источнике, чтобы символически «обновить» свою девственность. Таким образом, она предстает не застывшей в неизменном статусе богиней, а фигурой постоянно возрождающейся, обновляющейся и пребывающей в движении.

Гера

Прежде чем сесть в машину к маме, которая вызвалась подбросить меня в аэропорт, я выкраиваю немного времени, чтобы побыть в своей комнате одной. Я собралась пораньше исключительно ради этого — чтобы задержаться еще на несколько минут в месте, где выросла, где испытала самую огромную любовь в своей жизни.

Положа руку на сердце, по-настоящему меня волнует лишь одна-единственная деталь в этой комнате. Она лежит там, на книжной полке, среди остальных томов. Книга отличается по формату от обычных романов: прямоугольная, внушительная, с тисненой глянцевой обложкой.

Сборник сказок, который папа читал мне на ночь в детстве.

Я сижу прямо на полу и перелистываю страницы, то и дело выхватывая взглядом отдельные строчки. К собственному изумлению, я понимаю, что не забыла ни единого слова. Каждая короткая реплика, каждое описание заново оживляют в памяти теплый тембр отцовского голоса — то, как он менял интонации, пародируя разных персонажей, и как его голос звучал торжественно и глубоко, когда он говорил от лица рассказчика.

Когда я дохожу до последней страницы, случается нечто странное. На глаза попадаются два тетрадных листка в клетку, исписанные от руки черными чернилами. Почерк безошибочно принадлежит Гипериону.

Заголовок не оставляет сомнений, что это такое.

Американская принцесса и греческий принц.

Моя самая любимая сказка — история любви между ним и мамой. Записанная его собственными словами — теми самыми, которые он шептал в темноте моей детской по ночам под сиянием звезд над головой. Самое драгоценное сокровище, о каком я только могла мечтать; мне просто интересно, сколько лет эти листы пролежали здесь, дожидаясь, пока я их найду.

Слезы ручьем катятся по щекам, так что мне приходится отодвинуть бумагу подальше, боясь закапать и испортить чернила. Я прижимаю листки к груди так крепко, будто это он сам — будто я прямо сейчас обнимаю своего папу, — и реву навзрыд, совсем как в тот первый день, когда его не стало. С той лишь разницей, что тогда меня душили невыносимая боль и черная пустота утраты. Сейчас же это чистейшая радость и всепоглощающая благодарность.

Мама застает меня заплаканной на ковре, и ее глаза тоже моментально блестят от слез, стоит мне показать ей листы. Мы перечитываем папину сказку вдвоем, сидя в машине, пока мои чемоданы уже лежат в багажнике.

Я снова реву; поразительно, откуда в моем теле еще берутся слезы. Я была уверена, что выплакала всё до капли. Мама просто тихо смахивает слезинки, но я прекрасно вижу, каких усилий ей это стоит: она терпеть не может раскисать на глазах у детей.

Всю дорогу до аэропорта мы едем в тишине, до краев наполненной любовью, без малейшей тени тоски, а перед входом в терминал стоим обнявшись долгие, бесконечные минуты.

Я перечитываю эти строки в очереди на досмотр, перечитываю их, сидя у гейта в ожидании посадки, и пулей взлетаю по трапу в салон самолета лишь ради того, чтобы перечитать их в пятый раз.

Весь остаток полета я сплю. Мне снятся сны — яркие, один прекраснее другого. Я просыпаюсь через равные промежутки времени, любуюсь облаками в иллюминаторе, а затем мысли снова затихают, и я проваливаюсь в дремоту.

И лишь оказавшись на заднем сиденье Uber по дороге домой, я окончательно осознаю, что происходит. Туман в голове рассеивается, и образ Майлза вспыхивает перед глазами отчетливее, чем когда-либо.

Всю дорогу я нервно барабаню пальцами по бедру, разглядывая знакомые до боли улицы. Каждая минута, каждый зеленый сигнал светофора, каждый поворот и торможение неумолимо приближают меня к нему.

Когда я поднимаюсь на свой этаж, стрелки часов уже переваливают за время ужина. Я бросаю чемодан и рюкзак прямо в прихожей, отложив разбор вещей на завтра. Взгляд инстинктивно метнулся к балконной двери. Внутри всё так и зудит от электрического нетерпения, подталкивая меня выйти наружу — просто чтобы проверить, стоит ли Майлз на своей половине террасы в ожидании меня.

Но сперва я иду и наливаю себе бокал белого вина. Я это заслужила, разве нет? В конце концов, это стало нашей негласной традицией — сталкиваться там, пока я пью.

Я делаю три щедрых глотка, подливаю еще немного и выхожу на свежий воздух. Я упрямо смотрю прямо перед собой — на линию горизонта Нью-Йорка и гипнотический танец огней среди небоскребов, который всегда так обожала. Панический страх того, что его там нет и я всё это себе навыдумывала, перехватывает дыхание, а ладони мгновенно покрываются испариной.

Но он там.

Господи, Майлз стоит, привалившись к парапету своего балкона — я отчетливо вижу его боковым зрением.

И пока я делаю вид, будто разглядываю высотки, пронзающие ночное небо, он неотрывно смотрит на меня.

— Привет, Лайвли.

Держи себя в руках.

— Привет.

Я поворачиваюсь к нему, зеркально повторяя его позу. При этом замечаю, что между его указательным и большим пальцами зажата сигарета. Он делает долгую затяжку и тушит окурок в стоящей рядом пепельнице.

— Выходные вне дома? — интересуется он.

Понятия не имею, куда он клонит этим новым спектаклем, но сдается мне, эта игра чертовски мне по душе, и любопытство всё равно возьмет верх.

— Мой брат женился.

Его лицо озаряется улыбкой:

— Ого. Поздравляю!

— Спасибо. А твои выходные как прошли?

Он делает несколько выверенных, лениво-элегантных шагов и останавливается в самом углу, вплотную к моей террасе:

— Я летал в Калифорнию на свадьбу брата моей фальшивой девушки.

Я едва удерживаюсь, чтобы не прыснуть со смеху. Беру себя в руки и напускаю на себя озадаченный вид:

— Никогда о подобном не слышала.

— Да? Я тоже. Но я чертовски круто провел время. Честно говоря, мне кажется, я даже успел соскучиться по этой безумной семейке, с которой провел всего каких-то два дня.

От этих слов у меня щемит сердце.

— М-м-м.

— И по своей фальшивой девушке я тоже соскучился.

— «Соскучился»?

— Соскучился быть ее фальшивым парнем, — добавляет он тише.

Я медленно киваю, взвешивая каждое его слово; делаю глоток вина, чтобы потянуть время и понять, как мне следует ответить. Жизнь научила меня просчитывать каждый шаг в разговорах с парнями, когда речь заходит о чувствах, свиданиях и отношениях. Тщательно фильтровать свое поведение и каждое слово, слетающее с губ, лишь бы убедить их не сбегать и доказать, что я стою их внимания.

Но неужели так должно быть на самом деле?

С Майлзом я буду просто собой — без заученных ролей и просчитанных ходов.

— Значит, ты хотел бы продолжить притворяться, что встречаешься с ней? — шепчу я.

Черные омуты впиваются в меня с такой сокрушительной силой, будто он уже схватил меня руками и прижал к себе.

— Я хотел бы встречаться с ней по-настоящему, — чеканит он вслух, громко и отчетливо, вкладывая в слова такую непоколебимую уверенность, какой ради меня еще ни один мужчина в жизни не проявлял. — Я хочу покончить с этим цирком и сделать всё настоящим.

— Правда хочешь?

Он подается вперед через перила, его руки повисают в метре пустоты, разделяющем наши балконы.

— Позволь мне показать тебе, чего я хочу, Лиззи.

В мгновение ока он разворачивается ко мне спиной и скрывается в глубине своей квартиры, оставив меня стоять посреди ночи с отвисшей челюстью. Бокал едва не летит на пол. Я окликаю его по имени, но в ответ — тишина.

Ответ, впрочем, не заставляет себя ждать, но прилетает совсем не так, как я рассчитывала. В прихожей раздается резкая трель дверного звонка.

Неужели он…

Я бросаю бокал прямо на столике террасы и срываюсь с места. Распахиваю входную дверь настежь, даже не подумав заглянуть в глазок или спросить, кто там. Потому что и ежу понятно, кто стоит за порогом.

Майлз. Он стоит передо мной, и его глаза горят именно тем пламенем, которое я всю жизнь мечтала увидеть во взгляде смотрящего на меня мужчины.

— Хватит притворяться, — хрипло выдыхает он.

— «Хватит притворяться», — повторяю я как эхо.

— И к черту эти дурацкие поцелуи в уголок губ.

В одно мощное движение он всем телом вжимается в меня; его ладони смыкаются на моем лице, намертво фиксируя голову, и он с животной жаждой сталкивает наши

рты. В этом поцелуе нет ни капли романтичной нежности и уж тем более скромности. Он сминает мои губы с той исступленной нетерпеливостью, которая обнажает всё копившееся и сдерживаемое безумие последних дней.

Ударом ноги он с грохотом захлопывает за собой дверь и, не разрывая поцелуя, властно вжимает меня спиной в стену прихожей. Он накрывает меня своим горячим телом, сливаясь со мной так тесно, будто стремится сделать нас единым целым.

Я отвечаю на поцелуй с той же дикой страстью, с какой он его начал, поражаясь тому, как отчаянно я его хочу, тому, как отзывается каждая клеточка моего тела.

Майлз тяжело дышит мне в губы, пока его руки скользят вниз, оглаживая изгибы моего тела, и замирают на талии. Я пользуюсь моментом и зарываюсь пальцами в его каштановые, художественно растрепанные волосы.

— Я соврал тебе, — шепчет он. — Та девчонка вовсе не отказывалась уходить из моей квартиры. Я всё выдумал — чисто чтобы предложить взаимовыгодную сделку и провести с тобой несколько дней, а не высиживать каждый вечер на террасе в ожидании тебя. Мне безумно жаль, но это был единственный способ узнать тебя поближе, удержать рядом и не дать тебе сбежать, как ты вечно делаешь.

Уж чего-чего, а подобного признания я точно не ждала. Я слегка отклоняю голову назад, вглядываясь в его лицо.

— Ты злишься? — спрашивает он. — Я не хотел…

На этот раз я целую его первой. Он не колеблется ни секунды и отвечает, сминая мои губы с прежним исступлением. Его пальцы впиваются в мои бока, проскальзывая под ткань рубашки. Подушечки пальцев обжигают кожу жаром, вызывая наслаждение, в котором даже самой себе признаться чертовски неловко.

Он отрывается от моих губ:

— Лиззи, скажи, что ты не злишься…

— Ни капли, — тихо смеюсь я. — Это как раз то подтверждение, в котором я так нуждалась. Пусть даже ты нагло мне наврал и заставил устроить тот дешевый спектакль в твоей спальне.

Бедная девчонка. Я наверняка нанесла ей психологическую травму на всю жизнь. И ради чего? Ради парня, который строит столь изощренные многоходовки только ради шанса побыть со мной и узнать меня получше.

О боже.

Майлз шумно выдыхает с явным облегчением и невесомо касается поцелуем моих губ:

— Я должен тебе кое-что рассказать.

— М-м-м?

Мои глаза прикованы к очертаниям его губ, и ничто другое в мире меня сейчас не волнует.

— Потом я снова буду тебя целовать, обещаю. Я не отлипну от тебя до самого утра — да и то только потому, что нам обоим придется тащиться на работу.

Мы синхронно улыбаемся.

— Я только что слушал Creep у Radiohead. Ту самую песню твоих родителей, да?

Я едва заметно напрягаюсь — исключительно потому, что не догоняю, куда он клонит.

— Знаешь, когда вышел трек, который так обожал твой отец? Двадцать первого сентября.

Я вопросительно смотрю на него:

— И?..

— В этот день родился я.

Всё мое тело каменеет. И сколько бы разочарований я ни пережила за эти годы, во мне так и не умерла та наивная девочка, свято верящая, что совпадения — это знаки Вселенной, и что в нашей жизни всё еще есть место настоящей магии.

В голове моментально вспыхивает четкая мысль: *папа послал его мне.* Да, ему потребовалось на это время, он никуда не спешил, чего уж там… Но он это сделал.

— Я не могу пообещать, что стану той самой сказочной любовью из книг твоего детства — о принцах и принцессах. Но могу поклясться, что ты можешь мне доверять. И что каждый внимательный жест по отношению к тебе не был частью спектакля. Это настоящий я, и именно так я хочу вести себя с тобой.

Мне приходится приложить титанические усилия, чтобы не расплакаться как последняя идиотка.

— Тебя больше никто и никогда не посмеет обидеть, — обещает он. — Я залечу всю ту боль, которую тебе причинили, и отдам тебе всю ту любовь, в которой тебе отказывали. Ты веришь мне, Веснушка? Я говорю чистую правду. Я так отчаянно хочу тебя, что с трудом могу связать мысли во что-то красивое.

Я торопливо киваю, охваченная жадным желанием снова почувствовать его губы.

Майлз без труда подхватывает меня на руки. Он несет меня к дивану, бережно опускает на подушки и устраивается рядом. Мы двигаемся абсолютно синхронно: он притягивает меня к себе, а я с готовностью падаю в его объятия. Ни у одного из нас нет ни малейшего желания отдаляться хоть на миллиметр.

— Хватит притворяться, — повторяет он мягким, нежным шепотом. — И хватит с нас этого дурацкого проклятия.

Наши губы снова смыкаются в поцелуе — на сей раз бесконечно трепетном:

— «Хватит притворяться», да.

Крошечные осколки моего сердца, разбитого за долгие годы, начинают медленно, бережно срастаться воедино.

— А теперь ты, может, соблаговолишь объяснить мне, что там за «криминал», «смертельные игры» и «Минотавр с мачете»?

Я задорно морщу нос:

— Забудь, Майлз.

И мы синхронно заливаемся смехом.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА ПОСЛЕСВЕЧИЯ. Арес

Глава 1. «ОДИН, ЧЕТЫРЕ, ТРИ»

Арес был, пожалуй, самым непопулярным из всех олимпийских богов из-за своего буйного нрава, агрессивности и неутолимой жажды раздоров. Однако он же оставался и одним из самых человечных среди двенадцати владык Олимпа, о чем свидетельствуют многочисленные произведения греческого искусства. Еще большую славу бог снискал в римскую эпоху, когда обрел куда более грозный облик Марса — бога войны.

Арес

— Как он? — доносится глухой, но до боли знакомый мужской голос.

— Мать или отец? — отзывается та самая милая медсестра, которая последние полчаса откачивала меня на кушетке.

Тяжелый вздох, затем:

— Оба.

— У нее схватки, роды займут не один час. А вот ее благоверный хлопнулся в обморок в ту же секунду, как роженице развели ноги. Приложился затылком, но череп, кажется, цел. Сейчас вон там, в конце коридора, приходит в себя.

— Не переживайте, если этот идиот приложится головой об пол, мозги у него только на место встанут.

Ясно, сто процентов Хайдес. Ну, семьдесят процентов Хайдес и тридцать — Аполлон. У них обоих поразительно схожее мнение о моей скромной персоне.

Оборачиваться я даже не пытаюсь. Я всё так же распластан на больничной каталке, приткнутой к стене коридора в паре метров от родильного зала. Из которого я позорно катапультировался без чувств, как последний кретин, стоило мне краем глаза зацепить расширившуюся вагину и жуткие железные клешни в руках у акушеров.

Я парень впечатлительный, тут уж ничего не поделаешь. В моих влажных фантазиях этот знаменательный день рисовался совершенно иначе: я должен был стать эталонным партнером, сжимать ладонь Хелл, пока она тужится и орет, истекая потом, прямо как в голливудских фильмах, и со слезами на глазах встречать рождение наших дочерей.

Сейчас же от одной мысли о лысой башке, протискивающейся наружу прямо из вагины Хелл, у меня предательски подгибаются колени.

Я изо всех сил стараюсь отвлечься и перебираю в голове имена для двойняшек. Раз уж в палате от меня толку как от козла молока, будет куда лучше, если к финалу у меня появится хоть пара вменяемых вариантов, как назвать девчонок. Мы ломали над этим головы месяцами, накатали сотни списков, но ни одно имя так и не легло на душу.

Каюсь: когда нам озвучили пол, во мне теплилась слабая надежда назвать хотя бы одну Бритни. Но Хелл даже договорить мне не дала, а у гинеколога глаза на лоб полезли прямо посреди вождения датчиком УЗИ по нашему гигантскому пузу.

У нас будет две девочки. И ни одна из них не получит имя моей любимой певицы.

В паре сантиметров от моего носа резко щелкают пальцы. Следом в поле зрения выплывает непроницаемая физиономия Аполлона.

— Здорово, Джаред. Как сам?

— Ты просто невыносим.

— Ты что, клеишься ко мне?

Рядом с ним материализуется Афина, скептически вздернув бровь:

— Ты еще и жалкий.

— А ты у нас просто мымра страшная.

— Давай, соберись уже в кучу. Твоей девушке прямо сейчас предстоит протолкнуть две головы через свою вагину, так что обычный обморок ты как-нибудь переживешь, — чеканит она, после чего железной хваткой впивается мне в предплечье и рывком усаживает на каталке.

Стоит принять вертикальное положение, как комната делает плавный кульбит, но через пару секунд голова проясняется.

— Встань и иди, давай, — командным тоном давит Аполлон.

Я тычу в него указательным пальцем:

— А потом ты сам же будешь психовать, когда я начну шутить про Иисуса!

И хотя Афина тут же резко отворачивается, пытаясь скрыть реакцию, я успеваю заметить, как дергаются вверх уголки ее губ: верный знак того, что даже ей иногда смешно с моих перлов. Ума не приложу, как она держится. В смысле, я же чертовски уморительный, но у нее выработался железобетонный иммунитет к моему сарказму. Ну или она мастерски притворяется.

Пока я безуспешно пытаюсь доказать медсестре, что уже в полном адеквате и готов вернуться в родовой бокс к Хелл, на горизонте появляется моя мать — она подлетает к Хайдесу, застывшему у стойки регистрации. Отлично, еще больше зрителей в моем персональном цирке уродов, где я официально признан главным посмешищем больницы: срубился еще до того, как успел стать батей. Судя по всему, второй попытки мне не светит: если я снова грохнусь в обморок и пробью себе черепушку, пользы для Хелл и ее двойных родов от этого не будет никакой.

Если верить врачам, пичкавшим нас информацией последние девять месяцев, для первых родов норма — от четырех до двенадцати часов. Если, конечно, обойдется без сюрпризов вроде неправильного предлежания, которое мигом отправит нас на экстренное кесарево сечение.

Хотя с кесаревым я бы, наверное, справил…

О господи. Нога моментально подкашивается, едва в воображении всплывает распоротый живот Хелл.

Аполлон тут же сечет это движение и намертво перехватывает меня за локоть, нахмурив брови.

— Всё под контролем, — торопливо заверяю я его. — Премного благодарен, Господь мой, ты всегда рядом, стоит мне потерять вер…

— Я сейчас самолично отправлю тебя в нокаут, если ты не завалишься.

— Всё, молчу.

С того дня, как он заставил нас играть в «Виселицу» на футбольном поле Йеля, прошли годы. Повторять этот аттракцион сегодня посреди больницы у меня нет ни малейшего желания. Хотя толпа реаниматологов под боком слегка внушает оптимизм.

Я тут же ищу глазами знакомый силуэт матери, и она с разбегу налетает на меня, стискивая в объятиях с такой сокрушительной силой, что из легких выбивает весь воздух:

— Как там Хэз? А ты? Нам сказали, ты свалился без чувств! Какой же у меня чувствительный мальчик!

Она стискивает мое лицо ледяными ладонями, сжимая щеки так, что челюсть сводит от боли:

— Я в порядке, — невнятно шамкаю я сквозь ее пальцы. — Никто в обморок не падал, брехня всё.

В ответ на меня обрушивается шквал обреченно закатанных глаз.

И ровно в эту же секунду из дальнего конца коридора доносится звонкий, беззаботный вопль:

— Здорово, ребзя! Где тут у вас раздают попкорн?

Гермес несется к нам легкой рысцой, словно поддатый жеребец, а Локи неспешно вышагивает следом на почтительном расстоянии, сдержанно ухмыляясь.

Мой кузен тормозит прямо передо мной, щурит глаза и отвешивает мне смачную пощечину:

— Ты бледный, как кусок моцареллы. Живой вообще, Арес?

Я с размаху отбиваю его клешню встречным шлепком:

— Лучше всех, блять!

Мимо нас как раз проплывает медсестра и, фальшиво покашливая в кулак, нарочито громко бросает в воздух:

— Грохнулся со страху.

У вас тут понятие «врачебная тайна» вообще существует, не?

Губы Гермеса расползаются в ехидной ухмылке:

— О-о, бедняжка. На сколько сантиметров уже раскрытие у Хэз? Есть новости? Головка уже показалась?

Я предпочитаю пропустить его треп мимо ушей. Правда в том, что мне хреново: стоит мне хоть на миг заглянуть в самую искреннюю глубину своей души, как та моя часть, что привыкла делать вид, будто всё зашибись, испуганно затыкается и дает высказаться настоящему мне.

Дело не в обмороке и даже не в приступах вертолетов, которые накатывают, едва я представляю младенца, вылезающего из вагины моей дев… О господи, меня снова мутит.

Я судорожно хватаюсь за первое, что попадается под руку, — мускулистое предплечье Хайдеса.

Нет, загвоздка вовсе не в физиологии родов. Дело в том, что я, блять, становлюсь отцом. Через считаные часы мне придется взять на себя заботу о двух детях. Двух крошечных существах, которых нужно научить жить в этом мире. А положа руку на сердце: я и сам-то так до конца и не научился существовать в этом гребаном мире. На сколько меня хватит, прежде чем все поймут, что отец из меня фальшивый?

Я становлюсь отцом.

Эту беременность мы не планировали, всё вышло совершенно случайно, но мы ни секунды не думали о том, чтобы прервать ее. Мы захотели этих малышей с самого первого теста на беременность. Который Хелл переделывала дома пять раз подряд, прежде чем отправиться в клинику за окончательным, железобетонным вердиктом.

Там я, кстати говоря, тоже хлопнулся в обморок. До сих пор поражаюсь, как Хелл Фокс меня до сих пор не бросила нахрен.

Я понятия не имею, как быть отцом. Нет, заботиться о коте по кличке Тринадцать я умею отлично, но сдается мне, уровень сложности тут принципиально иной.

У меня будет две девочки. Две дочери.

— Арес? — окликает меня далекий голос.

— Он что, опять отключается? — подает голос кто-то из девчонок.

— По-моему, смачная пощечина быстро вернет его в реальность. Я готов принести себя в жертву, — это Аполлон.

— Разыграем право на пощечину в «камень, ножницы, бумага», — парирует Хайдес. — Я ни за что не упущу шанса ему врезать.

— Ладно, готов?

Я вздрагиваю всем телом и отшатываюсь назад, выставив перед лицом ладони щитом:

— Отвалите от меня оба!

— Ты в порядке? — в сотый раз интересуется Хайдес.

И сколько бы он ни строил из себя циника и ни подкалывал меня, в его глазах отчетливо читается то самое доброе сердце, которое он всегда проявлял ко мне — даже когда я этого ни капли не заслуживал. Он реально за меня переживает. И мне до боли хочется просто уткнуться ему в плечо, разреветься и спросить, как ему удается быть таким охренительным отцом.

— Лучше всех, — выдавливаю я пересохшим горлом, едва не давясь воздухом.

— Твой голос говорит об обратном, — комментирует Локи.

— Когда ты был глухим, ты нравился мне куда больше, — ляпаю я, не подумав.

К счастью, самоиронии у него не меньше моего, и он лишь беззвучно посмеивается; Тейя же за этот выпад смачно щиплет меня за бок.

Едва заметив фигуру Зевса в инвалидном кресле, которое толкает Лиам, я окончательно прихожу к выводу: мне жизненно необходимо побыть одному. Я физически не вывезу сейчас толпу вокруг себя. Нет, я до гроба благодарен семье за поддержку, но это вопрос пары минут, когда кто-нибудь допрет, какая чернуха творится у меня в башке.

Вот черт, уже поздно.

Хайдес Гребаный Лайвли.

Он обменивается с Аполлоном коротким выразительным взглядом — из тех, что между братьями значат больше тысячи слов. В следующую секунду один вырастает у меня справа, а второй — слева.

— Мы отведем его подкормить углеводами, а то у него уровень сахара упал, — бросает Аполлон в сторону родни.

У меня нет сил даже на то, чтобы огрызнуться. Что со мной творится?

Никто не задает лишних вопросов, никто не идет следом и не пытается спорить. Мы отшагиваем весь коридор и сворачиваем налево, в маленькую неприметную комнатку отдыха. Один-единственный двухместный синий диванчик и столик из светлого дерева, заваленный глянцевыми журналами со сплетнями.

Я машинально цепляюсь взглядом за обложку:

— О, у Ким Кардашьян новый хахаль. И кто этот хрен с горы?

Стоит мне нагнуться, чтобы разглядеть фото, как Аполлон рывком вздергивает меня за шкирку:

— Давай сосредоточимся на главном.

Логично. В стене прямо передо мной тускло светится кофейный автомат.

— Горячий шоколад с двумя пакетиками сахара вполне сойдет, — заявляю я, будто выдаю заказ личному официанту в лице Аполлона.

Он саркастично выгибает бровь:

— Я вообще-то пошутил.

— А я вообще-то реально хочу горячего шоколада. Метнись и купи, Джаред.

Он полностью игнорирует мой выпад и плюхается на диванчик рядом с Хайдесом. Я даже не успеваю задаться вопросом «а мне-то куда падать?», как они оба синхронно и с силой дергают меня вниз. В итоге я плюхаюсь прямо на колени к Хайдесу — как сопливый детсадовец на коленках у папаши.

Судя по их наглым ухмылкам, эту парочку происходящее дико забавляет.

— Ты ссешься от страха, — нарушает тишину Хайдес.

— Чего?

Аполлон тут же добивает:

— Ты в полнейшем ужасе.

— А?

— Не строй из себя дурачка, — бурчит Хайдес. — Короче, тебе пиздец как страшно. Так что вырубай свою комедию. У тебя есть редкий шанс вывалить наружу все свои загоны, а мы посидим и послушаем. Давай, рожай.

Я на секунду зависаю, пораженный точно в самое уязвимое место, и всерьез собираюсь вывернуть душу перед кузенами. Но ровно в этот миг в дверях материализуется Гермес. На нем стерильный медицинский халат, кудрявая шевелюра наглухо упрятана под шапочку, а сам он на ходу натягивает резиновые перчатки.

— Я в родовую палату — ассистировать! — звенит он на всю комнату.

Я закатываю глаза к потолку. Хайдес тихо выдыхает:

— Опять двадцать пять.

Ровно ту же херню он устроил, когда рождалась Ника. Мы до сих пор так и не разгадали природу этой необъяснимой страсти Гермеса к рожающим женщинам, но для него этот зов, кажется, сильнее любых законов логики — буквально прописан на генетическом уровне. Во время родов Хейвен он включил шаманские ритуальные ритмы и под бой барабанов выплясывал хороводы вокруг кровати роженицы. Он был свято убежден, что накачивает тело матери положительными вибрациями Вселенной, чтобы стимулировать потуги.

Шоу продлилось недолго — врачи выперли его взашей, когда он стал тупо путаться под ногами. Зато неделю спустя Хейвен призналась, что от него и правда была колоссальная польза: желание родить ребенка как можно скорее подстегивалось единственной мечтой — чтобы Гермес наконец заткнулся со своими барабанами.

— На этот раз никаких танцев с бубном, зуб даю! — торопливо заверяет он, будто читает мои мысли. — Бывайте!

Он испаряется со скоростью молнии, оставив нас троих ошарашенно переглядываться.

Хайдес снова переводит тяжелый взгляд на меня:

— Так, вернемся к нашему великовозрастному дитятку и его персональным кошмарам.

— Как же я сука ненавижу эту ситуацию.

— А мы от нее в полном восторге.

— Кто бы сомневался.

— Давай, Арес, выкладывай, — голос Аполлона внезапно теплеет, теряя менторские нотки.

— У тебя сейчас уникальная возможность задать мне любые вопросы и вывалить все свои страхи, — продолжает Хайдес.

Я выразительно киваю на Аполлона:

— А этот здесь с какой целью сидит?

— У него, если ты забыл, тринадцать детей было.

Аполлон тяжело вздыхает:

— Ты серьезно? Теперь еще и ты начнешь петросянить про Иисуса?

— Вообще-то я не уверен, что апостолов можно на полном серьезе считать «сыновьями Иисуса». Да и было их двенадцать… — рассуждаю я. — Шутка так себе, незачет. Пожалуйста, оставь мне священную обязанность быть смешным и стебать его по поводу и без.

Хайдес на мою провокацию не ведется:

— Так с чего начнем? И только не вздумай ляпнуть, что ты планируешь дать деру.

Я дергаюсь, оскорбленный до глубины души:

— Да я хочу этих детей! Правда хочу, до безумия, и я люблю их уже сейчас так, будто знаю всю жизнь! Просто… — Я с шумом выпускаю воздух из легких: — Я просто до смерти боюсь стать хуевым отцом.

— Это нормально. Все боятся стать плохими родителями, — успокаивает меня Аполлон.

Хайдес молча поддерживает его коротким кивком головы.

— Нет, вы нихрена не понимаете. Я всю сознательную жизнь ходячая катастрофа. Мой страх — это не то, что чувствуют нормальные люди; это чистый, животный ужас. Перед моими глазами всегда стоял пример лучшего отца на свете. Что бы я ни сделал, я и близко не дотянусь до его планки.

Гиперион.

Стоит упомянуть его имя — пусть даже косвенно, — как у обоих моих кузенов мгновенно отнимается язык. Нас накрывает густая, наэлектризованная тишина, будто они до смерти боятся нарушить ее хоть единым звуком.

Приходится выручать их самому.

— О чем ты думал, — я поворачиваюсь к Хайдесу, — когда стал отцом? В те бесконечные часы, пока Коэн рожала, а ты приближался к черте, которая перевернет всю вашу жизнь?

Он отвечает не задумываясь:

— Я думал только об одном: я хотел стать для Ники тем отцом, каким Кронос никогда не был для меня. Я хотел дать ей всю ту любовь, которой меня намертво лишил собственный отец. Хотел, чтобы она чувствовала себя так, как он мне никогда не позволял. И поверь мне, Арес: одного благого намерения тут было мало.

— А я хочу стать для двойняшек тем, чем для меня был Гиперион. Но как мне, блять, дотянуться до стандартов, которые задал мой отец?

Он был… просто лучшим человеком на всей этой планете. Тем самым отцом, которому хватало одного взгляда, чтобы понять: тебе паршиво. Одного слова, чтобы облегчить неподъемный груз твоей боли. А иногда — просто мармеладного вишневого мишки. Он был отцом, который безупречно чувствовал, когда тебе нужна тишина,

немного хорошей музыки и стакан какао, а когда жизненно необходимо выговориться и выплеснуть всё дерьмо наружу.

Когда они с Тейей усыновили меня, вся моя жизнь разделилась на «до» и «после». Всю дорогу в машине я был на сто процентов уверен, что эта сказка долго не продлится: не пройдет и недели, как они вернут меня обратно в приют, потому что я был трудным, невыносимым волчонком. Но в ту самую секунду, когда наши взгляды встретились, я всем своим существом взмолился о том, чтобы всё получилось. С первого же мига я понял: величайший подарок, который мне когда-либо могла преподнести жизнь, — это стать его сыном и быть им любимым.

Если у меня получится стать хотя бы на четверть таким же отцом, каким был Гиперион, я сочту свою жизнь прожитой не зря. Если я смогу заслужить от своих дочерей хотя бы четверть той любви, которую испытывал к нему сам, я уйду из этого мира с железной уверенностью, что сотворил нечто прекрасное.

— Арес, — выдергивает меня из омута мыслей Хайдес. — Идеальных родителей не существует. И дети ждут от отца и матери вовсе не этого. Всё, чего они хотят…

— …чтобы ты их любил, — договаривает за него Аполлон. Его хриплый голос наполняется глухой, далекой горечью — той самой детской болью, что въелась в него с малых лет и так никогда и не отпустила. — Дети не требуют от тебя быть безупречным отцом. Они просят быть добрым отцом, который подставит плечо.

Я вот-вот разрыдаюсь. А я сука ненавижу пускать слезы на глазах у семьи — позволяю себе такую слабость разве что под сопливые драмы в обнимку с Хелл.

— Ты не обязан быть безукоризненным, — продолжает Хайдес. — Ты обязан просто быть рядом.

Я беспомощно хватаю ртом воздух, не зная, что ответить. Правда в том, что в их словах есть кристально ясный смысл, мне даже переваривать это не нужно. В глубине души я и сам прекрасно знаю, что всё именно так.

Наш сеанс душевного стриптиза прерывает новое действующее лицо, бесцеремонно вкатывающееся в нашу крошечную коморку. Зевс в инвалидном кресле буравит нас подозрительным, прищуренным взглядом:

— Вы реально думали устроить разговор по душам с моим родным братом без меня?

— Да нет, я просто говорил им, что…

— В курсе я, я всё подслушал, — обрубает он на корню.

У меня отвисает челюсть:

— Твою мать, я даже не услышал, как ты подъехал. Твоя коляска пиздец бесшумная.

Он сдержанно усмехается, слишком привычный к моим тупорылым выпадам:

— Ты справишься на отлично, Арес. Ты очень вырос за эти годы…

— Думаешь? По-моему, я остался ровно того же роста. Вы заметили разницу? — обращаюсь я к кузенам.

Оба смотрят на меня так, будто я умственно отсталый.

— Я имел в виду мозги, — холодно чеканит Зевс. — Но, видимо, я поторопился с выводами, надо бы перепроверить.

Оу.

М-да.

Черт, это всё гребаная паника. Нельзя требовать от меня молниеносной сообразительности и тонкого понимания контекста, пока Хелл выталкивает наружу из своего живота двух живых младенцев.

— Ты повзрослел, — делает вторую попытку брат. — И будь наш отец сейчас здесь, я уверен на все сто: он сказал бы тебе, что тебе незачем гнаться за призрачными стандартами. Ты хорош ровно такой, какой есть — за вычетом твоих убогих шуточек, которые я настоятельно советую не повторять при дочерях.

Кажется, это самое трогательное признание, которое я когда-либо слышал от Зевса. Именно поэтому я даю себе мысленный подзатыльник, чтобы не испоганить момент, и прикусываю язык. Когда дело касается меня, лучше заткнуться к чертовой матери, пока не ляпнул лишнего.

Я просто улыбаюсь ему — той самой улыбкой, в которой плещется чистая, безграничная благодарность.

Финальный контрольный выстрел прилетает, когда он негромко добавляет:

— Ты молодец. И будешь отличным отцом.

— Оставим его, пусть похлюпает носом от наплыва чувств в одиночестве, без зрителей, — негромко роняет Хайдес, по-свойски хлопнув меня по плечу.

Я двигаюсь на автопилоте, толком не фиксируя, что происходит вокруг. Хайдес и Аполлон уходят первыми, Зевс задерживается еще на несколько секунд, пока я твердо не заверяю его, что я в порядке и со мной всё будет тип-топ.

Оставшись один на опустевшем диванчике, в звенящей тишине наедине с собственными демонами, я упираюсь локтями в колени и роняю лицо в ладони. Мой единственный зрячий глаз тупо гипнотизирует торговый автомат напротив — слабая попытка зацепиться за что-то постороннее и выкинуть всё из башки.

Ты не обязан быть идеальным, ты обязан быть рядом.

Никаких стандартов нет.

Я долблю эти фразы в мозгу до тошноты. До тех пор, пока в моей голове эти спасительные слова не начинают звучать теплым голосом самого Гипериона.

Как же мне хочется, чтобы он был сейчас здесь. Чтобы обнял меня, чтобы просто постоял рядом. Хочется увидеть, как он стал бы дедушкой, снова почувствовать его несокрушимое плечо. Хочется, чтобы та музыка, которую жизнь сочинила для нас двоих, звучала чуточку дольше, а не оборвалась этой глухой, ранней тишиной. Но за одну вещь я благодарен судьбе: моя тишина — светлая. Это не та сосущая пустота, когда трек заканчивается и ты понимаешь, какое же это было дерьмо, вычеркивая его из плейлиста навсегда. Это то благоговейное послевкусие, которое остается после песни, которую ты любил до безумия и которая стала гимном всей твоей жизни.

И ровно в тот миг, когда я кручу эту мысль, взгляд цепляется за одну странную деталь.

Словно удар молнии средь ясного неба, она выбивает из легких весь воздух и разгоняет пульс до такой бешеной скорости, что мне кажется: сейчас схватит инфаркт.

Колени превращаются в желе, но я всё равно поднимаюсь на ноги. Делаю шаг за шагом, как завороженный идя на тусклый свет автомата со снеками. Я настолько ослеплен увиденным, что напрочь забываю про журнальный столик и со всего размаху впечатываюсь в него голенью, едва не пропахав носом пол.

Приходится вцепиться в металлический корпус аппарата, чтобы не рухнуть.

Десять рядов по восемь ячеек.

В четвертом ряду, на третьей позиции — пачка жевательных мармеладных мишек с фруктовым вкусом.

Десять рядов. Десять.

Четвертый ряд. Четыре.

Третье место. Три.

Один, четыре, три.

Совпадений не бывает, но мой рациональный рассудок сейчас летит ко всем чертям. Сердце орет куда громче: оно вопит во все связки, что это гребаный знак свыше. Что даже если я не верю в загробную жизнь, там определенно что-то есть — и папа прямо сейчас смотрит на меня оттуда и передает мне свой привет.

Механическими движениями я покупаю пачку мармелада. Но не вскрываю ее. У меня рука не поднимется испортить ее, разорвав упаковку. Я аккуратно заталкиваю ее в задний карман джинсов и твердым шагом направляюсь обратно к родовому отделению.

Мне требуется добрых десять минут и тонна серьезных, несвойственных мне речей, чтобы доказать старшей медсестре: я справлюсь, я не хлопнусь в обморок, не расшибу себе лоб и не стану обузой для будущей матери.

И да: всё это время я принципиально не смотрю туда, где разведены ее ноги. Я сижу на стуле у изголовья, прямо на уровне ее лица. Я намертво сжимаю ее пальцы, позволяя ей дробить мои кости в ответ каждый раз, когда накатывает очередная волна адской схватки. Я рядом с ней — обнаженный перед своими страхами, но больше не парализованный ими. Я перестал носить их как броню и аккуратно сложил в темный угол. Они никуда не исчезнут насовсем, но я могу отобрать у них власть надо мной. Могу задвинуть их подальше и вместо них выбрать смелость.

Первая девочка появляется на свет глубокой ночью, когда полная луна висит в зените темного неба. Мы называем ее Селеной — в честь самого воплощения Луны в греческих мифах. Это имя слетает с наших губ в одну секунду, хотя мы ни разу не обсуждали его заранее.

Вторая рождается на рассвете, когда ночной мрак начинает растворяться в утреннем золоте, и мы даем ей имя Эос. Момент единения тьмы и света.

Они безупречны.

Селена и Эос.

Моя луна и мой рассвет — отныне и навеки.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. «ЗДОРОВО, МЕЛКИЙ»

Описанный Гесиодом в «Теогонии» как бог, «щиты пробивающий» и «города разоряющий», Арес олицетворял собой наиболее жестокую и кровавую сторону битвы, резко контрастируя с мудрой стратегией Афины. В сказаниях греческой мифологии Арес обычно появлялся в сопровождении рожденных от Афродиты сыновей — Фобоса (страха) и Деймоса (ужаса), а также своей сестры Эриды (раздора).

Арес

Есть одна вещь, которую я в тайне ото всех делаю примерно раз в неделю. Уже который год подряд. Узнай об этом мои кузены или братья, они бы стебали меня до конца моих дней: ни для кого не секрет, как я ненавижу показывать свою сентиментальность и распускать нюни.

Я и сам толком не смогу объяснить, на кой черт мне всё это. Как объяснить нормальным языком, что, стоит у меня появиться паре часов свободного времени, я покупаю хот-дог с банкой пива, сажусь на скамейку в парке и разговариваю с Тимосом?

Да, со стороны звучит так, будто я окончательно свихнулся. Дайте мне секунду, я всё проясню.

Когда дед Уран объявил на меня охоту и мне пришлось залечь на дно, мотаясь с континента на континент, у нас зародился наш собственный маленький ритуал.

Те месяцы в бегах были не из легких. Пережить семь испытаний само по себе было адовым испытанием, но тащить на плечах груз изгнания, быть вдали от дома и вечно скрываться, лишь бы тебя не сцапали и не пустили на фарш самым садистским образом — это било по мозгам совсем иначе.

Я изо всех сил скрывал это, пытаясь казаться несгибаемым, но Тим раскусил меня в первую же неделю нашего побега.

Ночью я засыпал, сжимая в объятиях Хелл, но подрывался буквально через пару часов: сердце колотилось как бешеное, а всё тело было мокрым от липкого пота. И чтобы не пугать ее, я взял за привычку бесшумно выскальзывать из спальни и нарезать круги по крошечной съемной квартирке.

Я искренне верил, что Тимос ни сном ни духом, пока однажды ночью не наткнулся на него: он стоял в гостиной, привалившись плечом к стене, скрестив руки на груди, и пристально изучал меня тяжелым взглядом.

— Ты в этом полу дыру протрешь рано или поздно, мелкий.

По правде говоря, он далеко не сразу сообразил, как мне помочь. Его первой гениальной попыткой было сухое: «Марш в постель и спать». О да, премного благодарен, невероятно помогло, греческий Кен недоделанный.

Второй попыткой стал чай с ромашкой и мелатонином.

Третьей — тяжелые транквилизаторы.

Четвертой — трава (он взял с меня клятву, что я не сдам его начальству).

И только пятая попытка наконец попала в яблочко. Мы тогда перебрались в крошечный шотландский городок — на редкость промозглый, промороженный до костей и вечно утопающий в тумане.

Тимос просто сгреб меня за шкирку, заставил натянуть куртку и выставил за дверь.

— Знаешь, что всегда помогало мне остыть и выбить из башки дурные мысли?

— Понятия не имею, от тебя можно ждать чего угодно. Пострелять? Начистить кому-нибудь табло? Поднять трамвай? — огрызнулся я.

— Хот-дог, пиво и глухой переулок в черте города.

— Я ждал чего-то более брутального.

— На часах четыре утра, и я торчу здесь с тобой вместо того, чтобы спать. Имей хоть каплю совести и будь благодарен, мелкий.

Мы нашли какой-то круглосуточный клоповник из тех, где время словно застыло навсегда. Будем честны: вид у тех сосисок был откровенно ублюдский, а единственное пиво продавалось в жестяных банках и носило название, о котором в Штатах слыхом не слыхивали.

Мы приземлились на первом попавшемся углу: покосившаяся скамейка, пустынная темная улица и разбитый фонарь в паре метров над головой.

Хот-дог был редкостным дерьмом.

Пиво по вкусу напоминало отработанное машинное масло.

И всё же тот час, проведенный бок о бок с ним, впервые за долгое время вышиб из моей головы мысли об Уране и о семье, оставшейся за океаном по его вине.

Мы почти не разговаривали. Да и о чем болтать с этим угрюмым шкафом, способным разве что играть мышцами и утробно рычать на весь мир? Но мне стало легче. И он это прекрасно видел. Дошло до того, что стоило ему услышать, как я крадусь мимо его двери среди ночи, он уже стоял на пороге — полностью одетый и готовый к выходу.

Сначала мы сбегали каждую ночь. Постепенно потребность в этом стала отпадать. В итоге мы свели это к одному разу в неделю — в точности как я делаю сейчас. Это одно из самых теплых воспоминаний, что у меня остались о нем. Да чего уж там: пожалуй, это вообще одно из лучших воспоминаний о ком-либо из людей, встреченных мной на этом гребаном пути.

Его смерть оставила во мне черную дыру, которую не залатать ничем. Наверное, потому, что нам банально не хватило времени. Наверное, потому, что я искренне полюбил его слишком поздно. Наверное, потому, что с отцом у меня остался целый океан невероятных моментов, накопленных за годы жизни, а с Тимми… их ничтожно мало.

Мне чертовски не хватило времени с ним.

Мой психотерапевт уверяет, что эти еженедельные вылазки — лишь отчаянная попытка мозга заткнуть сосущую пустоту внутри. Я просто дорисовываю новые воспоминания, чтобы обмануть себя и поверить, будто мы успели побыть вдвоем чуть дольше.

Сжимая в руке хот-дог и бутылку пива, я опускаюсь на лавочку в Центральном парке — подальше от любопытных глаз. Понятное дело, в Нью-Йорке практически невозможно найти место, где бы вокруг не шастали толпы, но… это тихий, укромный закуток, куда редко забредают зеваки; скрытая жемчужина, на которую можно наткнуться разве что по чистой случайности.

Я сажусь и делаю первый укус, замирая в ожидании. Всё всегда идет по одному и тому же сценарию. Мой мозг запускает заученный шаблон: я прихожу первым, надкусываю сосиску, и ровно на втором укусе рядом появляется Тимос со своим хот-догом и пивом.

Мой — щедро полит кетчупом и майонезом, его — ядреной горчицей. И по накатанной начинается наша дежурная перепалка:

— Я до сих пор в упор не понимаю, как ты жрешь это блевотное месиво из соусов, — бубнит он.

— Терпеть не могу горчицу.

— Ты ее в жизни не пробовал, откуда тебе нахрен знать? — мгновенно заводится он.

Я ехидно скалюсь:

— Ну да. Но есть такая еда, про которую ты заранее знаешь, что она редкое дерьмо, даже не пробуя.

— Горчица — идеальная заправка для хот-дога, ты понятия не имеешь, чего лишаешься.

— Ничего я не лишаюсь.

— Разве что последних мозгов каждый раз, когда раскрываешь пасть. У тебя там хоть пара извилин осталась в этой бестолковке?

Я не отвечаю. Мимо скамейки как раз проходит какая-то женщина и бросает на меня абсолютно равнодушный взгляд. Обычно я втыкаю в уши наушники, подключенные к телефону, и делаю вид, будто говорю по связи. Чисто чтобы не выглядеть конченым психом.

Я поворачиваю голову. Рядом никого нет. Но если я приложу усилие, если прищурю глаза — один из которых так и остался слепым — и позволю всей накопившейся боли выйти наружу, мое сознание способно нарисовать его силуэт.

Я знаю, что не слетел с катушек и у меня нет галлюцинаций, только потому, что эта визуализация требует от меня титанических душевных сил. И главное: я могу представить его лишь таким, каким запомнил при первой встрече. Это образ Тима, навечно законсервированный во времени, который никогда не постареет. Не реальный человек.

— Ну и как, твои малявки уже научились посылать тебя на три веселых буквы? — снова подает он голос.

Я усмехаюсь:

— О, они без ума от меня. Я самый крутой батя на этой планете. С Селеной, правда, приходится попотеть: я уже несколько лет бьюсь над тем, чтобы окончательно растопить ее сердечко, но чую — финиш уже близко.

Он понимающе кивает, внезапно становясь серьезным:

— Я ни секунды не сомневался, что из тебя выйдет отличный отец.

— Неужели ты не видишь, какой я молодец?

— Нет, не вижу. Потому что я не гребаный призрак, материализующийся по щелчку пальцев благодаря какой-то мистической связи. Я просто фантом, которого ты силой вытаскиваешь из собственной башки, и я не могу знать, как на самом деле складывается твоя жизнь. Забыл?

Вдоль позвоночника пробегает морозная дрожь.

— Ты хоть понимаешь, сколько времени спускаешь в трубу, сидя здесь со мной? Времени, за которое мог бы двигаться дальше и проживать миллиарды охуенных моментов, — не унимается он.

— Заткнись, пожалуйста.

— Тебе кажется, что это капля в море. И правда: подумаешь, жалкий часок в неделю, какая трагедия? А теперь представь, что прямо сейчас ты мог бы быть рядом с Хелл.

Я криво улыбаюсь:

— И драть ее.

— Придурок.

— Пускать моторчик у нее на…

— Или возиться с дочерьми. Или висеть по видеосвязи с Хейвен, подлавливать в кадре Хайдеса и поливать его дерьмом, как ты так любишь делать.

— Один час в неделю — это не конец света, Тим, ты и сам прекрасно знаешь, — отрезаю я.

Я со всей дури вгрызаюсь в хот-дог, и кусок булки падает прямо на джинсы. Я смахиваю крошки резким, раздраженным взмахом руки.

Я знаю, что выгляжу жалким. Но я никогда не умел нравиться людям, а уж тем более — привязываться к кому-то сам. Потерять в один миг человека, который был мне дорог и которому был небезразличен я, оказалось сокрушительным ударом под дых.

— Я скучаю, — признаюсь я едва слышным шепотом, который услышал бы только я один, не будь он проекцией в моей голове.

— Это нормально. Так бывает, когда тот, кого ты любишь, умирает.

— Жестоко.

— Жизненно.

Я откладываю булку и пока даже не открытую бутылку пива. Откидываюсь на спинку лавочки, запрокидываю голову и упираюсь взглядом в небо. Кроны деревьев заслоняют край обзора, но в остальном надо мной простирается бескрайняя синева, подернутая редкими облаками.

— У меня есть коробка, где я храню всю любовь к тебе, — говорю я небу. — Когда я ее открываю, она с силой вырывается наружу и начинает метаться. Носится из стороны в сторону, разыскивая тебя по всему свету. Ищет в доме, где ты жил, в городе, где ты родился, в нотах песни, которую твоя сестра играет на пианино — той самой, что она написала для тебя, — в шуме прибоя, который ты так любил, и в шепоте твоей матери, когда она зовет тебя по имени. Она расспрашивает твоих родных, умоляет подсказать, где тебя найти. Ищет хоть какое-то место, где ты мог бы прятаться, чтобы прийти к тебе, но никогда не находит, потому что старательно обходит стороной твою могилу. И всей той любви, которую мне так хочется тебе отдать, попросту негде приклонить голову. Она устало скитается, теша себя иллюзией, что рано или поздно ты снова объявишься. Я не знаю, что с ней делать. Не знаю, куда ее деть. Я никогда не брал в расчет, что ты можешь взять и уйти навсегда.

Проходит столько времени, что я поворачиваю голову, пытаясь снова вызвать его силуэт перед глазами. Будь он еще жив, он наверняка буравил бы меня этим своим взглядом строгого, непреклонного родителя.

Он тяжело вздыхает, пряча за этим слабую усмешку:

— Дай ей набегаться, дай выплеснуться, позволь ей искать меня. Рано или поздно она доберется до того места, где я похоронен. Она не пропадет даром. Она вернется к тебе, когда поймет, что ее дом — там, где бьется твое живое сердце, и поможет тебе жить дальше.

Чтобы не разреветься как сопливый пацан, я по привычке включаю фирменного циничного придурка:

— Хуйня на постном масле.

— Арес.

— Да знаю я, знаю, ты прав. Просто…

— Что? — Он кивает на недоеденную сосиску: — Не жрешь, потому что это месиво из соусов втайне кажется тебе редкостным дерьмом, да?

Из меня вырывается усмешка.

— Я должен тебе признаться.

— Очень надеюсь, что это не признание в вечной любви, где ты заявляешь, что всегда любил меня, а Хелл была лишь прикрытием.

— Не в моем ты вкусе. Скорее уж это ты втайне по мне сох.

— Ты тоже не в моем вкусе, Арес, выдохни.

— Быть такого не может. Я во вкусе абсолютно у всех, даже у лесбиянок.

Я буквально слышу его смех. Тот самый скупой, сдержанный смешок Тимоса, когда я, вопреки его воле, казался ему забавным, но он изо всех сил старался этого не выдать.

— Нет, мое признание в другом… Был момент во время нашего побега от Урана, когда я подрывался посреди ночи вовсе не от панических атак. Я нарезал круги по комнате только ради того, чтобы вытащить тебя на улицу. Чтобы мы пошли за нашими дурацкими хот-догами, поругались из-за горчицы и поплелись обратно. Даже притом, что мы толком ни о чем не говорили и утешитель из тебя был как из говна пуля. В какой-то момент я начал притворяться просто потому, что втрескался в этот наш ритуал.

Он улыбается:

— Я знаю. Я всё понял, мелкий. Мне тоже нравилось.

Я почти уверен, что в реальности он ответил бы именно так.

— У тебя отличная жизнь, Аресик, — снова подает он голос. — Чуткая, умная девушка, которая терпит твои заскоки так, как не смогла бы ни одна женщина на свете. Две дочки, которые души в тебе не чают. Семья, готовая прикрыть спину в любую секунду. Хорошая работа.

— А еще я чертовски красив.

— И красив, куда ж без этого.

Я фыркаю себе под нос. Пожалуй, порой я перегибаю с тем, какие комплименты вкладываю в его уста в собственной голове.

В этой обманчивой тишине — тишине, которая существует только для нас двоих, надежно отгороженная от адского гула Нью-Йорка и лая собак в Центральном парке, — низкий, рокочущий голос Тимоса произносит фразу, к которой я морально готовился не одну неделю:

— Ты должен меня отпустить.

Отпустить.

Мне кажется, это паршивое слово для того, кого ты любил и кто погиб. Наверное… Господи, наверное, правильнее сказать: «дать упокоиться».

— Ты должен дать мне упокоиться, — послушно исправляется фантом, подчиняясь моей воле.

В этом куда больше мира, это похоже на честный договор. В «отпустить» мне всегда чудится что-то паршивое, будто я разжимаю пальцы и позволяю Тиму сорваться в бездонную пропасть забвения — туда, на самое дно, где его уже будет не разглядеть.

Но если я построю для него уютный уголок среди своих воспоминаний, где он сможет лечь и спокойно отдохнуть, ему там будет куда лучше.

Я даю тебе упокоиться.

Я отчетливо вижу его перед собой — ровно так, как учила мой психотерапевт. Представляю, как Тимос поднимается со скамейки и оборачивается ко мне со спокойной улыбкой, готовый уйти навсегда.

— Стой, только… — Я панически дергаюсь, пытаясь удержать его еще на секунду: — Сначала я должен выдать тебе тайну. Я решил, что об этом имеешь право знать только ты, а для остальных я унесу ее с собой в могилу.

Он скептически вздергивает бровь.

— Спроси меня, есть ли у меня водительские права, Термос.

Он ухмыляется:

— Ну и есть у тебя права, кусок дебила, расколотивший мой внедорожник?

— Нет. Сейчас — нет.

— Я так и знал!

— Погоди, стой, притормози. Я их сдал! Со второй попытки. То есть они у меня были, факт. Но через месяц их отобрали к херам. Если позволишь вставить слово — из-за сущего пустяка, который копы раздули до масштабов вселенской трагедии.

— Верится с трудом, но подробностей я спрашивать не стану.

Чтобы мы понимали друг друга: вожу я нихера не плохо. Ту тачку я размотал исключительно потому, что мне взбрело в голову догнать Урана и Гею после предпоследнего испытания, на котором они обезглавили мою биологическую мать. Мой воспаленный мозг решил, что пойти с ними на лобовой таран и сдохнуть всем разом ради спасения семьи — отличная идея.

Тим тогда вовремя привел меня в чувство, я крутанул руль, и мы эпично кувыркнулись в кювет. Если искать во всем плюсы: не случись той аварии, мы бы в жизни не подобрали Тринадцать — нашего черного кота, который до сих пор жив, здоров и прекрасно себя чувствует.

— Советую пересдать экзамен и восстановить корочку, — подытоживает он. — Неужели ты готов упустить шанс лично научить дочерей водить?

— Эй, времена изменились. Я более чем уверен, что Хелл отлично подменит меня на этом поприще. Дорогу эмансипации, нет?

По правде говоря, у меня банально не хватило бы терпения. Хотя… черт, признаю: мне чертовски не хватает возможности катать девчонок по городу или забирать их из школы. Пусть даже водит Хелл просто охренительно, а мне дико в кайф быть ее личной «принцессой на пассажирском».

— Это всё? — окликает он меня снова.

Мне безумно хочется крикнуть «нет», лишь бы оттянуть прощание. Да и кто мне запретит? Никто, кроме меня самого. Но я слишком долго топтался на месте все эти годы. Я обязан сделать это — ради себя, ради тех, кого я люблю, ради собственного душевного спокойствия и ради светлой памяти о Тиме. Я больше не имею права держать его на привязи в своих мыслях. Пора дать ему покой.

— Бывай, Термос, — едва слышно шепчу я.

— Бывай, мелкий.

Нижняя губа предательски дрожит, и слезы вот-вот хлынут по щекам, как у сопливого мальчишки, содравшего коленку об асфальт.

Тим кивает на брошенный на скамейке фастфуд:

— Рано или поздно попробуй его с горчицей, не пожалеешь.

Я не отвечаю. Открой я сейчас рот — и это прощание, разрывающее душу на куски, затянется еще дольше. Я годами глумился над Хайдесом, называя его сопливым нытиком, но по факту я сам оказался куда хуже. Сдается мне, внутри я куда более ранимый и привязанный к людям, чем все те, над кем я потешался всю жизнь.

Тимос Лиакос разворачивается ко мне спиной в последний раз.

В самый последний раз, когда я сижу на этой скамейке и жду его.

В самый последний раз, когда я позволяю себе выкраивать этот час глухого одиночества, чтобы упиваться своей болью.

Но любые финалы неизменно расчищают место для новых начинаний. И начиная с сегодняшнего дня у меня появится один лишний час в неделю — чтобы жить в настоящем и делать что-то по-настоящему охренительное.

Не знаю, сколько минут проходит с тех пор, как образ Тима растаял в воздухе, но резкая вибрация смартфона в кармане заставляет меня вздрогнуть. Сообщение от Хелл.

Хелл: *Ты в порядке? Мы ждем тебя дома.*

Арес: *Уже лечу, Умняшка.*

Зов Хелл и моих дочерей сильнее чего бы то ни было на этом белом свете. Ноги сами несут меня вперед, безошибочно выбирая путь к нашему дому.

Я шагаю по улицам этого бешеного, бурлящего жизнью мегаполиса, оглядываясь вокруг совершенно иным взглядом — с ощущением, будто с сердца наконец-то свалился неподъемный булыжник.

Поравнявшись с тележкой с уличной едой, я ловлю внезапную мысль. Торможу и заказываю четыре хот-дога: один себе, один для Хелл и два для наших двойняшек. Когда доходит очередь до соусов, я не колеблясь ни секунды прошу щедро бахнуть горчицы.

Без пива, впрочем. Оно мне отродясь не нравилось. Я давился им исключительно ради того, чтобы выглядеть несгибаемым крутым парнем перед Тимосом, и вечно отворачивался, чтобы он не спалил мою перекошенную от отвращения физиономию.

Стоит мне переступить порог квартиры, как Селена и Эос с визгом бросаются мне навстречу и намертво облепляют мои ноги.

— Привет, мои маленькие Умняшки, — выдыхаю я, изо всех сил сдерживая предательские слезы.

Хелл наблюдает за нами с дивана, рядом на подушке лежит раскрытый ноутбук. Она вечно что-то строчит, и от этой ее привычки я тащусь просто до безумия. Она тепло улыбается, глядя на нашу возню, но знает меня настолько досконально, что мягко просит девчонок оставить нас на минутку вдвоем.

Я даже не утруждаю себя банальным «привет». С порога вываливаю на нее всё, что только что произошло с моим воображаемым Тимом, и признаюсь в своем маленьком секрете, который тянулся за мной все эти годы. Она не осуждает меня. Она молча слушает — чутко, внимательно, пока не убеждается, что я выговорился до самого донышка.

А потом просто прижимает меня к себе. Обнимает своим хрупким телом так крепко, будто способна закрыть собой от всего дерьма и всей боли этого мира.

И ровно в эту секунду я чувствую это. Чувствую то, о чем говорил Тим.

Я кожей ощущаю, как вся та любовь находит новое русло; та самая любовь, что бесприютно металась по свету, не зная, куда приткнуться, потому что человека,

которому она предназначалась, больше нет среди живых. Она мягко оседает прямо здесь, между нашими телами, впитывая новое тепло, новую надежду, новую жизнь. Она возрождается прямо у меня в руках, даря мне силы двигаться дальше.

— Я тут хот-догов на ужин захватил, — говорю я, когда нас наконец отпускает момент. — На всех.

Мне хватает одного-единственного укуса, чтобы понять: этот ублюдок был чертовски прав.

С горчицей они реально вкуснее.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Глава 3. «НАРЦИСС, ЭГОИСТ, ИМПУЛЬСИВНЫЙ, ХАМ, ЛИЦЕМЕР, ХАОТИЧНЫЙ, САРКАСТИЧНЫЙ НА ГРАНИ ОСКОРБЛЕНИЯ, ЭГОЦЕНТРИК И ПИРОМАН»

Среди самых известных детей Ареса и Афродиты была Гармония, олицетворявшая романтическую любовь — знак диалектического восприятия бытия как извечной борьбы противоположностей, из которой рождается сложная ткань природы и человеческих судеб, балансирующих между красотой и войной.

Арес

Вернись я сейчас в тот день, когда принимали роды, я бы выбил всю дурь из Хайдеса и Аполлона. Зуб даю. Единственное, над чем бы я завис, — это с кого из них начать. Кому первому прописать в челюсть.

Причина банальна: эти двое запудрили мне мозги, убедив, будто всё будет легко и естественно. Я сейчас не о родительстве в глобальном смысле — понятное дело, это самая адовая задача, с какой только можно столкнуться в жизни. Они убедили меня в том, что я справлюсь. Что я, Арес Кейден Лайвли, смогу быть охренительным отцом.

И вот в этом, сдается мне, они нагло мне напиздели. Положа руку на сердце, я ни капли не чувствую себя лучшим папой на свете для своих дочерей. Ну вот серьезно: я смотрю на Хайдеса — и я ему в подметки не гожусь. Смотрю на Хелл — и отчетливо осознаю, что мать из нее получается в сто раз круче, чем из меня отец.

С Эос всё куда проще, признаю. И дело вовсе не в том, что я люблю ее сильнее, просто со мной она выглядит счастливее. А вот Селена — совсем другой коленкор. Когда она только родилась и я взял ее на руки, она залилась таким надрывным ревом, будто ее режут. Ладно, младенцы вечно орут дурниной, это базовые заводские настройки, но стоило забрать ее из моих рук, как она мгновенно заткнулась. И этот номер повторялся далеко не единожды.

С самых первых лет жизни Селена питает к Хелл слепую преданность, природу которой я так и не смог разгадать. Вернее, мозгами-то я понимаю, почему она выбирает мать. Хелл идеальна — самое прекрасное создание, когда-либо ступавшее по этой гребаной земле. Будь я на месте дочери, я бы тоже выбрал Хелл, а не себя. Но почему с Эос всё работает иначе?

Меня это до сих пор слегка задевает. Заставляет снова чувствовать себя тем сопливым пацаном, которого никто никогда не выбирал и которого не смогла полюбить даже собственная биологическая мать.

Со временем стало полегче, не спорю. Штука в том, что, хоть они и близняшки, каждая из них умудрилась стать точной копией одного из нас. В Эос я безошибочно узнаю свои повадки: то же искрометное, слегка ядовитое чувство юмора, вечный моторчик в заднице, тяга к цифрам, баранье упрямство и дикая обидчивость. Чего стоит один только эпизод, когда она на полном ходу впечаталась в стену на игрушечной тачке, подаренной Лиамом и Зевсом на ее шестилетие.

Пересказывать весь шквал подколок, обрушившихся на меня в тот вечер от родни, не имеет смысла. «Яблочко от яблоньки», «Водит всё равно лучше бати», «Хелл, учи ее водить сама, пока до морга не дошло», «Арес, признайся: ты бы хоть с этой педальной каталкой совладал?»

Селена — куда более закрытая, запойный книжный червь, ювелирно владеющий словом. Ей не в кайф беситься на детской площадке с одноклассниками, и друзей она заводит со скрипом. Стоит чему-то пойти не так — она пулей несется к Хелл.

Эос — это ходячий ураган. Господи, если что-то не по ней, пусть самая ничтожная мелочь, — гарантирую: ходуном будет ходить весь этаж. Она возмущается с той же бешеной экспрессией, что и я всю жизнь; она импульсивна и сначала орет, а потом думает. Селена же, напротив, взвешивает каждую букву перед тем, как открыть рот.

Сейчас, когда им стукнуло по пятнадцать, я наконец всем нутром прочувствовал фразу «самый трудный возраст». Пубертат со скоростью света превращает моих невинных ангелочков в форменных чудовищ, готовых перегрызть мне глотку, если я выдам обычное «привет» не с той интонацией.

Хелл, правда, вставила мне пистон, строго-настрого запретив употреблять слово «чудовища» в их присутствии. Исключительно при них, ага. За глаза, насколько я понял, называть вещи своими именами вполне себе можно.

— Тот раз, когда дядя Арес ослеп на один глаз! — визжит Ника.

Посейдон звонко хлопает в ладоши и перестает корчить из себя сопливого меня времен Йеля посреди семи испытаний деда Урана.

Вечер пятницы. Со дня свадьбы Хейвен и Хайдеса мы ни разу не изменили железной традиции собираться на наши семейные игры. Взрослая жизнь то и дело вставляет палки в колеса и не дает приходить полным составом, но чаще всего нам удается стянуть весь этот табор в одну точку. Сегодня недосчитались пары-тройки человек из вторых половинок и отпрысков, но в нашей гостиной яблоку уже негде упасть.

Рано или поздно фантазия дает сбой, поэтому в какой-то момент нам пришлось поднять лапки кверху и достать из пыльного сундука старые форматы. Сегодняшний — мой безоговорочный фаворит: мы по очереди показываем пантомимой дичь, творившуюся с нами в золотые годы, а баллы лутает тот, кто первый разгадает загадку.

Ника только что урвала победное очко в копилку команды «Дивы», состоящей из нее самой, Хайдеса и Хейвен.

— Я был в шаге! — стонет Лиам, в сердцах хлопая себя ладонью по бедру. Их с Зевсом команда «Санторини» безнадежно торчит на нулевом счете.

— Я до сих пор не въезжаю, откуда Ника знает всю эту подноготную, — подозрительно щурится Гера. — Вы что, вывалили на ребенка всё дерьмо, через которое мы прошли? На полном серьезе? Без единой цензуры?

Хайдес картинно закатывает глаза. Всем нам уже глубоко за тридцать, и меня откровенно бесит этот факт, но чем старше он становится, тем больше превращается в ходячий секс. Шевелюра у него всё та же, но мы с Гермесом и Аполлоном упорно гнобим его подозрениями в тайной пересадке волос. В конце концов, мемы про Тамблер с годами протухли, и нам пришлось изобретать новые подколы.

— По-вашему, наша дочь могла не унаследовать от своей матери эту невыносимую маниакальную дотошность? — парирует он. — Хейвен сдалась и сама ей всё слила, чисто чтобы та от нее отстала.

— Прямо вообще всё знаешь? — встревает Поси, подаваясь вперед.

Гермес, растянувшийся во всю длину дивана прямо поверх ног кузена, Хэрин и Лав, противно хихикает:

— И про то в курсе, как твоя мамка засветила титьки перед папашей в театре, зная его без году неделю?

— Да. И про то, как дядя Арес спалил дотла гроб моего деда, я тоже знаю, — без запинки отбривает Ника, после чего запинается и кривит нос: — Ну, если его вообще можно назвать «дедом». Ваши родственные связи хрен без стакана разберешь.

Затем она поворачивается ко мне, и мы обмениваемся заговорщическими ухмылками.

Вот, кстати, к вопросу о светлых сторонах жизни: я ее любимый дядя. Новость, которая в свое время морально уничтожила Хайдеса и наполнила мою душу неизмеримым триумфом. Понятия не имею, как так вышло, но мы с Никой спелись с первой же секунды. Если у нее стрясся завал — она бежит ко мне, пусть даже в девяти случаях из десяти мои советы делают ситуацию только хуже. Мы перекидываемся мемами, а с ее малых лет частенько устраиваем чисто наши совместные вылазки.

— Я ведь самый охрененный дядя во Вселенной, сечешь?

Мы со стуком стукаемся кулаками.

— Только у дочурки Хейвен мог оказаться настолько всратый вкус… — подает голос Афина.

Гермес шумно и театрально стонет:

— Вы вообще смирились с тем, что ее краш среди дядей — Арес? Лично я — ни хера. Это один из главных экзистенциальных провалов в моей жизни.

— Дядя Херми, ты мне тоже очень нравишься, не ной! — смеется она. — К тому же ты уже числишься лучшим другом мамы. Нельзя заграбастать себе всё на свете.

Я подскакиваю на месте, будто меня огрели хлыстом:

— Это я ее лучший друг!

Прежде чем разгорится очередная семейная потасовка, Аполлон властно хлопает в ладоши, призывая зал к порядку:

— Итак, очко уходит «Дивам». Двигаем дальше? — Он опускает руку в холщовый мешочек с нашими именами, выуживает свернутую бумажку и зачитывает: — Нис, твоя очередь выходить на сцену.

Дионис, до этого аморфной массой растекавшийся по креслу, кажется, вообще с трудом отдупляет суть происходящего. Он с титаническим усилием отскребает себя от обивки и вываливается в центр гостиной, вокруг которого мы все и рассредоточились — кто прямо на ковре, кто на диванах.

Судя по лицу, он не думает над заданием ни доли секунды. Что наводит меня на подозрение: сейчас он начнет выдавать рандомную дичь, лишь бы поскорее скинуть с себя эту обузу. Нис начинает выделывать какие-то нелепые кренделя, расшифровать которые выше моих сил — и судя по озадаченным физиономиям остальных и повисшей тишине, туплю здесь не я один.

Когда я оборачиваюсь к своим бойцам из команды «Умняшки», чтобы толкнуть мотивационную речь о том, что нам позарез нужна победа, мой взгляд натыкается на пустоту. Хелл сидит рядом, Эос тоже тут, а вот второй сестры и след простыл. Я сканирую комнату метр за метром, пытаясь понять, куда она слилась, пока до меня не доходит: она ушла.

— Где Селена? — шепчу я на ухо Хелл.

— Зевс кубарем летит с колеса обозрения в Мексике! — во все горло орет Гермес, войдя в экстаз.

Дионис обреченно машет головой, а его жестикуляция становится всё более истеричной.

— Кажется, она на кухне, — тихо роняет Хелл с тем самым выражением лица, по которому сразу ясно: причину она знает от и до. — Сходи к ней?

— Что-то стряслось?

— Да, но пусть она расскажет тебе сама. Иди. — Она ласково проводит рукой по моему предплечью, плавно трансформируя поглаживание в ощутимый пинок с дивана.

— Не знаю… Вряд ли она станет со мной откровенничать.

— А ты попробуй.

Я доверяю чутью Хелл больше, чем себе. Если она что-то утверждает — в девяноста девяти процентах случаев так оно и есть. Если умную мысль пытаюсь родить я — можно ставить сотку на то, что это редкая хуйня. Поэтому я аккуратно отлипаю от клана, который слишком увлечен расшифровкой невнятных конвульсий Ниса, чтобы заметить мое исчезновение, и иду искать дочь.

Она обнаруживается на кухне — сидит на высоком барном стуле у кухонного островка из темного дерева и белого мрамора. Смартфон лежит перед ней на столешнице, и она сверлит взглядом светящийся дисплей так, будто ждет спасительного звонка, нервно обкусывая ноготь.

У нее настолько убитый вид, что у меня внутри всё скручивается в тугой узел. Родительство — паршивая штука в том плане, что ты быстро осознаешь: вся боль, которую ты перелопатил за свою жизнь, — сущая ерунда по сравнению с тем, что ты чувствуешь, когда видишь, как твои дети тонут в тоске.

Мои семь испытаний? Да я бы прошел их еще тысячу раз подряд, если бы это могло стереть хоть одну слезинку с лиц моих девочек.

Я знаю, что отец из меня хреновый, когда дело доходит до тонких задушевных бесед, но любовь к моим дочерям — абсолютно безусловная, и она пульсирует во мне каждую секунду моего существования.

Я замираю на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку, и складываю руки на груди.

— Всё пучком, Куколка?

Она терпеть не может, когда я ее так зову. Впрочем, на этот раз она даже не пытается огрызнуться. Слишком загруженная тем ураганом, что прямо сейчас бушует у нее в голове, она лишь вздрагивает всем телом и каменеет.

— Да. Иди обратно к остальным.

Она снова косится на экран смартфона. Тяжело вздыхает.

— Что-то не похоже, что всё пучком, Куколка.

— Ну, наверное, так и есть. Но мне не хочется об этом говорить…

— «…с тобой»? — заканчиваю я за нее фразу. — Тебе в лом говорить об этом с папой, потому что папа ни хера в твоих делах не смыслит, да?

Она смеривает меня взглядом из-под ресниц. Если по характеру на меня как две капли похожа Эос, то внешность она подчистую содрала с Хелл — особенно форму глаз. Селена же, будучи моей полной противоположностью по натуре, внешне — моя стопроцентная копия. Тот же смоляной оттенок волос, аккуратный вздернутый нос и тонкие губы.

Я молча пялюсь на стрелки настенных часов, считая про себя секунды в ожидании, ответит ли она хоть что-то. Спустя почти семь минут глухой тишины я плюю на приличия, прохожу на кухню и решительно направляюсь к кладовке.

— Пап… — слабо протестует она.

Я показательно игнорирую ее — ровно так же, как она игнорировала меня. В конце концов, родитель здесь я; и раз уж ей не сдалось мое общество… полагаю, я имею полное законное право ей его навязать. Исключительно ради ее же блага, само собой.

За коробками с сухими завтраками обнаруживается именно то, за чем я пришел. Пачка мармеладных мишек с фруктовым вкусом. Селена буравит меня взглядом, словно я опасный хищник, готовый вцепиться ей в глотку, опусти она бдительность хоть на миг. И не сводит глаз даже тогда, когда я усаживаюсь напротив нее и шлепаю пачку ровно посередине кухонного островка.

Папа, умоляю тебя: где бы ты там сейчас ни был, подсоби мне. Пошли мне правильные слова и, главное, сделай так, чтобы эти чертовы мармеладки сработали на ней так же безотказно, как когда-то сработали на мне.

Я выуживаю одну конфету и закидываю в рот, хотя она со вкусом зеленого яблока. Выразительным жестом киваю дочери, чтобы она повторила за мной, и Селена послушно вытягивает красную — вишневую, мой любимый вкус. Следом тянется за второй, на этот раз целенаправленно выискивая в пакете именно красную.

Я улыбаюсь:

— Твои любимые?

Она кивает:

— Я ем только вишневые.

Я запускаю руку в недра пачки и изо всех сил стараюсь выцепить любую мармеладину, только не этого цвета:

— Забавно. А я вишневые на дух не переношу.

На мгновение ее лицо светлеет:

— Правда? Тогда оставь их все мне.

Я переворачиваю пачку кверху дном и высыпаю всё содержимое прямо на столешницу. Несколько минут мы сидим в полной тишине. Я методично сдвигаю в ее сторону вишневых мишек — моих обожаемых, которых я прямо сейчас самоотверженно поливаю грязью, — а Селена уплетает их с жадностью голодающего. Последние две штуки бережно откладывает про запас.

Она задумчиво вертит в пальцах конфету, катая ее подушечкой указательного пальца:

— Тут есть один парень…

О нет. Только не дела сердечные, блять. Пункт первый: я морально не готов слушать, как какой-то сопливый кретин посмел оказаться недостойным моей девочки. Пункт второй: в делах амурных из меня советчик как из говна пуля. По идее, это мой звездный час — укрепить нашу связь и доказать ей, что сопли можно мотать на кулак не только перед мамой. Но сдается мне, я сделаю только хуже.

— Он тебя поцеловал? — выпаливаю я с чересчур яростным напором.

Она мнется:

— Нет, вообще-то нет. Хотя мне хотелось.

— Отлично. Значит, никакого секса, так? Моя дочь всё еще девственница.

Ее щеки моментально заливает густой краской:

— Папа!

Когда я был мелким и Тейя с Гиперионом впервые назвали меня «наш сын», мне показалось, что это самое прекрасное слово, каким меня только могли окрестить в этой

жизни. Быть желанным ребенком у таких невероятных родителей стало для меня величайшим счастьем на свете.

Потом Хелл назвала меня «любимый», и я открыл для себя совершенно новую грань блаженства.

Но ничто, слышите, вообще ничто на свете не способно переплюнуть простое «папа».

— Ну а чего ты хотела: ты слишком мелкая. Тебе всего пятнадцать, Сэл.

— А ты во сколько девственность потерял?

Блять. В пятнадцать.

— В двадцать пять.

— Ты врешь.

— Я никогда не вру.

— Ты врешь постоянно. Но это не страшно, потому что врать ты толком не умеешь и тебя сразу видно насквозь.

— Я не вру. Я просто выдаю улучшенную версию реальности.

Она закатывает глаза:

— Ага, конечно, как скажешь.

Я предостерегающе тычу в нее пальцем:

— Поклянись мне, что займешься сексом только когда…

— Я займусь сексом тогда, когда буду к этому готова, — обрубает она.

— Нет, ты займешься сексом тогда, когда я буду морально готов с этим смириться!

Я прекрасно вижу лукавую ухмылку, которую она отчаянно пытается скрыть в уголках губ:

— Хватит, пап.

Я громко хлопаю в ладоши, пытаясь вернуть разговор в конструктивное русло:

— Итак, есть некий парень. Кто он?

— Его зовут Мэддисон, он учится в моей школе.

— Что еще за имя дурацкое? Одного этого должно быть достаточно, чтобы послать его нахрен и жить дальше. — Моя дочь заслуживает куда большего, чем какой-то сопливый Мэддисон. Положа руку на сердце, моя дочь заслуживает самого идеального парня во всей Вселенной.

Она, разумеется, пропускает мой выпад мимо ушей:

— Мы познакомились и начали общаться просто как друзья. Больше переписывались, чем виделись лично. Он… ну, уверенности он мне никогда особо не внушал, если честно. Он не фанат торчать в телефоне, и ответы от него порой приходили через несколько дней.

О господи боже. Годы летят, наука совершает прорывы, цивилизация шагает вперед, а у мужиков — одни и те же тупорылые отмазки.

— Забудь эту чушь раз и навсегда: никто на этом свете не «мало пользуется телефоном» и никто не откладывает его на несколько суток. Просто есть люди, которые для нас значат меньше других, когда встает вопрос о том, чтобы найти сраную минуту на ответ. Усекла?

Селена медленно кивает, поджав губы в тонкую полоску. Я мысленно даю себе смачную «пять», ликуя от того, как четко попал в цель. Звучало чертовски зрело, прямо как у настоящего мудрого родителя.

— Но он всегда был таким милым и веселым. Никогда не подавал виду, что я нравлюсь ему больше, чем просто подруга, да и я первой шагов не делала. В итоге пять дней назад мы наконец-то сходили на свидание. И вот уже пять дней он мне не пишет. Вообще. Испарился в никуда. — На последней фразе ее голос предательски дает петуха.

Прекрасно, блять. Сегодня именно тот вечер, когда мне предстоит разжевать собственной дочери понятие «гостинг» и объяснить, что мужики в подавляющем большинстве случаев — редкостные скоты, которые будут разбивать ей сердце. Донести эту мысль не составит труда. Меня самого выворачивает от одной необходимости озвучить вслух, что ее отшили самым подлым и трусливым способом из всех существующих.

— Умняшка… — тихо выдыхаю я.

Она испуганно закрывается, скрещивая руки на груди:

— Я чувствую себя круглой дурой. Пожалуйста, только не надо меня жалеть.

— С какой стати мне тебя жалеть? Я в бешенстве. Я прямо сейчас готов найти этого Гэррисона и переломать ему всю кабину.

Она скептически вздергивает бровь.

— Ладно, я попрошу дядю Хайдеса и тетю Афину переломать ему кабину, потому что они сильнее, а я даже пощечину по-человечески отвесить не умею, но суть…

На ее губах мелькает робкая улыбка.

Я перегибаюсь через остров и аккуратно накрываю ее ладони своими:

— Селена, единственный, кого здесь стоит пожалеть, — это он сам, поняла? Бывает, что люди не сходятся, это жизнь. Но давать деру — удел трусов. Пудрить мозги — удел мудаков. А играть в молчанку — удел сопливых малолеток.

— Значит, мне стоит поискать кого-то повзрослее?

Меня прошибает ледяной пот:

— Нет-нет-нет! Твои ровесники — отличный вариант. К тому же, открою тайну: некоторые и к пятидесяти годам не отращивают достаточно мозгов, чтобы относиться к людям по-человечески, с честью и уважением.

— Не особо-то это утешает. По сути, ты говоришь, что впереди меня ждет сплошная боль.

— Именно так. — Так, ладно, искренность искренностью, но пора срочно родить какую-нибудь вдохновляющую телегу, чтобы дать ребенку хоть каплю надежды: — Любовь — самая запутанная и неблагодарная херня на свете. И тебе, увы, довелось хлебнуть лишь крошечный глоток — дурацкую невкусную закуску перед банкетом из двадцати блюд.

Она начинает заметно бледнеть.

Так, ладно, что-то меня не туда занесло. Слишком много беспросветного пессимизма. Соберись, Арес, включи мозги.

Правда ведь в том, что когда мы молоды и любовь впервые дает нам под дых, мы свято верим, будто во взрослой жизни всё волшебным образом переменится. Будто мы научимся на своих шишках, а люди вокруг станут чище и благороднее. В девяти случаях из десяти это нихрена не так. Мы и взрослыми ловим ровно такую же адскую боль от любви, как и в сопливом пубертате. Любовь по своей природе корява, несовершенна и не меняется никогда. Но порой жизнь решает сделать тебе царский подарок — когда невидимая нить вдруг с размаху притягивает тебя прямо к твоему человеку. Такое выпадает далеко не каждому, с этим стоит просто смириться, но шанс всё же есть.

— Послушай меня, — негромко начинаю я. — Там, за порогом, бродит целая куча парней. К моему огромному отцовскому сожалению — ведь мне до смерти хочется уберечь тебя от любых страданий. И многие из них разобьют тебе сердце. Но среди этой толпы — если ты будешь внимательно смотреть по сторонам и научишься знать себе цену, не соглашаясь на меньшее, — обязательно найдутся те, кто будет по-настоящему достоин твоего времени и твоей души. Найдутся настолько невероятные парни, что даже твой придирчивый батя с искренней радостью пожмет им руку.

— Думаешь?

— Да я уверен на все сто! Этот недоумок Гэррисон…

— Мэддисон.

— Да насрать мне, как его зовут.

Селена не выдерживает и прыскает со смеху, и меня мгновенно отпускает — волна облегчения смывает ком в горле.

— Суть в другом: на твоем пути встретится вагон людей, которые не оправдают твоих надежд. Люди, которые растопчут твое сердце, которые будут преследовать исключительно свои мелкие корыстные цели. И папа при всем желании не сможет начистить рыло каждому из них, сечешь? Ну или дядя Хайдес с тетей Афиной, пока я стою на стреме и машу помпонами. — Я назидательно кручу пальцем в воздухе: — Да и ты сама в этой жизни не раз станешь причиной чьей-то боли, давай смотреть правде в глаза. Мы все по очереди бываем то охотниками, то дичью. То злодеями, то героями. Поэтому я могу дать тебе лишь один-единственный совет, Умняшка.

— Я слушаю.

— Когда тебе делают больно — ты просто идешь дальше.

Она замирает на пару секунд, задумчиво покусывая нижнюю губу:

— Легко тебе говорить. Я кручу это в голове по кругу без остановки, и мысли просто не дают мне покоя.

— Я знаю. Через это проходят абсолютно все.

— И как все с этим справляются?

— Универсальной инструкции нет, Куколка. Все люди устроены по-разному, и сердца у всех бьются на свой лад. Боюсь, тебе еще только предстоит нащупать свой собственный способ выживания. Но при всем при этом я прошу об одном: всегда приходи за разговором ко мне или к маме. Ну или к подруге, которой безоговорочно доверяешь. Держи фокус на собственных желаниях, на той жизни, которую ты сама хочешь построить, на том, насколько ты чертовски молода и сколько всего охренительного ждет тебя впереди.

Селена бессильно роняет голову на сложенные руки, и я тут же перехватываю ее пальцы, крепко сжимая в своих ладонях. Она с готовностью сжимает их в ответ:

— Это тяжело. Он заставил меня почувствовать себя полным ничтожеством. Словно я сломанная кукла, которую место только на помойке.

— Эй, — строго окликаю я ее, вынуждая поднять подбородок и встретиться со мной взглядом. — То, как с тобой обходятся другие, ни на йоту не определяет твою ценность. Зато с потрохами выдает их собственную. Человек, который проявляет к тебе неуважение, поступает так не потому, что ты чего-то недостойна, а потому, что он сам — пустое место. Раз у него не хватило духа даже на банальное объяснение и честный разговор.

Кажется, внутри нее наконец-то щелкает тот самый тумблер. Сдается мне, я подобрал идеальный кусочек пазла — тот самый, что встает намертво и собирает всю картину воедино.

— Пап, можно я тебя кое о чем спрошу? Только без вранья, честно.

— Валяй. Если только ты не собираешься выпытывать, во сколько лет я лишился невинности…

С ее губ срывается еще одна робкая улыбка:

— Я хотела спросить… ты правда считаешь меня симпатичной? Может, я просто недостаточно красивая для Мэддисона? Или недостаточно веселая? Или скучная? Вдруг он нашел кого-то в сто раз лучше меня? Почему я вдруг перестала быть ему нужна? В чем, черт возьми, причина? Я ломаю над этим голову уже который день и не нахожу ни одного ответа. Может, дело во всем этом разом?

Я хмурюсь. Я уже и забыл, каково это — быть подростком и впервые в жизни на собственной шкуре прочувствовать, что такое отвержение. Не то чтобы во взрослом возрасте что-то кардинально менялось, но первый удар наотмашь навсегда выбивает из тебя детскую невинность и разбивает в прах наивную сказку об идеальной любви.

— Ты безумно красивая, ты чертовски остроумная, и у тебя потрясающий, живой ум — настолько глубокий и тонкий, что мне доставляет чистый кайф наблюдать за тобой, даже когда ты просто сидишь на ковре и читаешь очередную книжку, — чеканю я.

— Ты мой отец, твое мнение не в счет.

— Мое мнение — единственное на этой гребаной планете, которое имеет реальный вес, заруби себе на носу.

Она раздраженно фыркает — как и всегда, стоит мне включить самовлюбленного индюка. В этом она до жути похожа на свою мать, да уж.

— В правильных глазах ты будешь совершенством. И главное: единственное мнение о тебе, которое реально имеет значение, — это твое собственное.

Селена ничего не отвечает, лишь упрямо надувает губы с детской обидой, пока я наконец не решаюсь обойти остров. Я притягиваю ее к себе со спины, смыкая руки вокруг ее хрупких плеч, и прижимаю к груди. Роняю поцелуй ей в макушку и замираю, втягивая носом знакомый запах ее волос, в сотый раз задаваясь вопросом: как у такого ходячего пиздеца, как я, могло получиться столь прекрасное чудо?

— Это ведь пройдет, правда? — шепчет она мне в руку.

— Пройдет. Сейчас кажется, будто небо рухнуло на землю, но со временем боль притупится. Настанет день, когда ты вспомнишь об этом с улыбкой и сама поразишься, как могла так убиваться из-за какого-то кретина.

— Скорей бы уже этот день настал.

— Мы дождемся его вместе, — обещаю я.

— А если придется ждать… не знаю, месяцев пять? Или целый год?

— Значит, будем ждать. Вдвоем.

Она издает тихое, неопределенное мычание, словно до конца не веря моим сказкам.

— Знаешь, что я тебе скажу? Каждый раз, когда тебе покажется, что тебя снова накрывает с головой, когда появится зуд написать ему и потребовать ответов или когда ты начнешь сомневаться в себе — сразу иди ко мне.

— Ты же знаешь, я никогда в жизни так не сделаю. Я не из таких. Я не Эос.

Ее правда. Селена куда горделивее, особенно когда дело касается слабости и тоски. Она замыкается в себе, потому что до смерти боится показаться обузой. Не просит о помощи, панически опасаясь наткнуться на равнодушие или обесценивание своей боли. Точно так же, как всю жизнь делаю я сам.

— Давай договоримся так: тебе не придется говорить об этом вслух, — предлагаю я. — Достаточно будет просто попросить у меня вишневого мишку.

Она слегка поворачивает голову, глядя на меня снизу вверх:

— Вишневого мишку?

— Да. Подходишь ко мне и говоришь: «Пап, я хочу вишневого мишку». И я сразу всё пойму: пойму, что тебе хреново и тебе нужно выговориться. Или, вернее, помочь вытащить наружу те слова, которые ты упорно держишь внутри. Это будет наш секретный шифр. Вишневый мишка.

С каждой новой деталью в ее глазах появляется всё больше доверия к моей безумной затее. В конце концов она едва заметно кивает — знак, который я с чистой совестью принимаю за «да». А затем снова приваливается ко мне всем весом, отвечая на мои объятия.

Я прикрываю глаза, упиваясь этим теплом, словно путник в пустыне — последним глотком ледяной воды.

— Я и не думала, что ты умеешь быть таким же чутким, как мама.

Укол под дых.

— Это еще почему?

— Иногда я боюсь, что я слишком непохожа на тебя, чтобы ты любил меня так же сильно, как любит мама. Эос — твоя копия, с ней тебе наверняка в сто раз веселее и проще. С ней тебе легко быть папой. А со мной — нет. Я слишком закрытая и совсем другая.

А вот это уже чистый контрольный выстрел в висок. Будто мне мало было видеть, как мою девочку растоптал какой-то малолетний придурок с дурацким именем.

Я мягко разжимаю руки, беру ее за плечи и заставляю смотреть себе прямо в глаза:

— Выбрось эту дурь из головы, Селена. Слышишь? Да, ты не похожа на меня, чистая правда. Но я бы не изменил в тебе ни единой черточки. Ты вовсе не усложняешь мне жизнь. Ты заставляешь меня до безумия гордиться тем, что я имею право называть тебя своей дочерью.

К концу фразы мой голос предательски сбивается на запинку — в конце концов, я всё тот же Арес, который органически не переваривает телячьи нежности. Я научился им только рядом с Хелл, хотя образцом слащавого романтика так и не стал.

Селена смущенно опускает глаза, затем выуживает одного из двух оставшихся на столешнице мишек и с явным наслаждением отправляет в рот.

— И вообще-то мы не настолько уж разные, — доверительно шепчу я ей на ухо. — Вишневые — мои самые любимые. Я с самого детства ел только их и никакие другие.

Я чувствую, как ее тело моментально деревенеет от изумления:

— В смысле? А зачем ты тогда соврал, что…

— Чтобы отдать их тебе.

Ее губы расплываются в теплой улыбке, и я готов поклясться, что в глазах блестят слезы. Она сдерживает их из последних сил.

— Спасибо, пап. Я люблю тебя.

— А я тебя сильнее. — Я показываю ей язык и звонко целую в лоб.

В эту же секунду на кухню вихрем влетает Гермес:

— Ребзя, вы тут уснули, что ли? У нас игра в самом разгаре! Вы что, реально сольете победу этим выскочкам из «Див»?

— Сердечные драмы, — коротко бросаю я, незаметно для Селены кивая в ее сторону.

Беззаботная физиономия Херма меняется в долю секунды, уступая место неприкрытой, слепой ярости:

— Кто тебя посмел обидеть? Мы нахрен переломаем ему все кости, блять. — Он зависает на секунду, прикидывая расклады: — Точнее, мы запряжем дядю Хайдеса и тетю Тену переломать ему кости. Но мы всё равно сделаем это, слышишь? Выкатывай имя, Сел.

Хелл вырастает прямо за его спиной и решительно отпихивает его локтем, протискиваясь в дверной проем:

— Никто никому ничего ломать не будет! Остыньте оба. — Она подходит вплотную к дочери: — Всё хорошо, милая?

Селена бросает на меня заговорщический взгляд — пожалуй, первый за долгие годы:

— Папа со всем разобрался.

— Ну еще бы папа не разобрался, — охотно соглашается Хелл, привстает на цыпочки и невесомо касается поцелуем моих губ. — Наш папа вообще молодец.

Я мгновенно перехватываю ее за талию, силой продлевая поцелуй, который категорически не желаю отпускать так быстро. Если бы только Селена не подскочила со стула, издавая картинный звук рвотного позыва:

— Снимите себе номер в мотеле, фу, какая мерзость!

— Ты просто завидуешь, потому что тебя задинамили, а мы по уши влюблены, — ехидно подкалываю я.

— Папа! — визжит она, пока Гермес сгибается пополам от хохота.

— Арес! — одновременно одергивает меня Хелл, изо всех сил стараясь не заржать сама.

Селена подходит ближе, воинственно уперев руки в бока:

— Мам, вот только не надо лыбиться! Ты же знаешь, что только подначиваешь его, когда ржешь над его тупорылыми шутками!

Я забавно морщу нос, всё еще не убирая ладоней с бедер Хелл:

— «Тупорылыми»? Говорится «ебанутыми», Селена. Изъясняйся как нормальные подростки твоего возраста, ради всего святого!

Гермес тут же подхватывает ее под локоть:

— Погнали, Сэлли, дядя Херми проведет тебе экспресс-курс отборного мата, чтобы ты органично вписалась в стадо невоспитанных зумеров.

— Останови его! — с мольбой в голосе бросает мне Хелл.

— Не-не-не, я с ним абсолютно солидарен.

Я ловлю ее прежде, чем она успевает броситься им вдогонку, и намертво прижимаю спиной к краю кухонного островка. Упираюсь ладонями в столешницу по бокам от ее бедер и нависаю над ней. Должен признать: к Хелл время отнеслось куда милосерднее, чем ко мне. В моих смоляных волосах уже проглядывают серебряные нити седины, тогда как она выглядит ровно той же девятнадцатилетней девчонкой, которую я встретил в Йеле посреди самого темного, кромешного ада в моей жизни.

Или я просто люблю ее так сильно, что для моих глаз она останется прежней до скончания веков. Разве не в этом суть настоящей любви — той самой, правильной, исцеляющей, которая выжигает дотла любые сомнения? Вот бы суметь объяснить это Селене. Если мне когда-нибудь придется расписывать ей, какую любовь стоит искать и боготворить, я расскажу ей о том, что чувствую к ее матери. Как-нибудь в другой раз. Потому что я уверен на все сто: поводы еще обязательно будут. Даже если ради этого мне придется забить пачками мармеладных мишек всю кладовку от пола до потолка.

Хелл доверчиво утыкается лбом мне в грудь — прямо туда, где бешено колотится сердце.

— Гиперион гордился бы тем, каким отцом ты стал.

— Правда?

— На все сто.

Я мягко перебираю пальцами ее пряди — она так и не стала отращивать волосы с тех пор, как остригла их еще в колледже. Неизменное небрежное каре чуть ниже мочек ушей, которое так изумительно подчеркивает мягкие черты ее лица и эти огромные оленьи глаза, с первого же взгляда сведшие меня с ума.

Мы никогда не расписывались официально: для нас обоих штамп в паспорте всегда был пустой формальностью, не имеющей никакого отношения к истинной любви. Но порой… порой мне до зуда хочется увидеть ее в белом подвенечном платье, со свадебным букетом в тонких пальцах и дурацким, ничего не значащим обручальным кольцом на руке.

— Давай поженимся, — выпаливаю я на одном дыхании.

Она моментально каменеет в моих руках. Отстраняется назад и уставляется на меня так, будто я только что на полном серьезе предложил ей открыть публичный дом посреди Бронкса:

— Без венчания в церкви и прочей пафосной мишуры, — торопливо вношу я ясность. — Сыграем свадьбу в нашем стиле, чисто по-нашему — как умеют только Арес и Хелл. Нарядим Аполлона Иисусом Христом и силой заставим его объявить нас мужем и женой. Чисто по фану, всё как мы любим.

Она тихо фыркает и качает головой, сдерживая улыбку:

— Ты конченый придурок.

— Я на полном серьезе.

— О господи, я знаю, что ты на полном серьезе, в том-то и ужас.

— Ну давай, скажи «да».

— Я подумаю.

— Ты разбиваешь мне сердце.

— Для начала нам нужно выиграть сегодняшнюю игру.

Твою мать. Я про нее уже напрочь забыл.

— Твоя правда. Если я еще раз увижу самодовольные рожи Коэн и Макаки, я самолично вышвырну диван в окно.

— Тогда погнали в бой, Аресик.

Стоит ей попытаться выскользнуть из моего кольца, как я намертво перехватываю ее и снова накрываю ее губы поцелуем. На этот раз — без нашей дочери-подростка поблизости, которую тошнит от родительских нежностей, — я позволяю себе зайти чуточку дальше. Уверенным движением размыкаю ее губы языком, находя ее собственный. Дразню, сплетаясь с ней в тягучем, горячем танце, пока в легких окончательно не кончается воздух.

— Один, четыре, три, — едва слышно выдыхает она прямо мне в губы.
— И я тебя.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА КОРОН. Кронос

Глава 1. «ДОБРОТА — ЭТО СЛАБОСТЬ»

Еще до того, как пожрать собственных детей, Кронос жил под гнетом Урана, пока мать, Гея, не убедила его поднять восстание. Таким образом, явившись миру освободителем, он сам впоследствии превращается в тирана, истязающего собственное потомство. Эта цикличность словно намекает: порожденный насилием неизбежно рискует продолжить его цепь, превращаясь из жертвы в палача.

Вспышка молнии распарывает небосвод, и следом раскатывается оглушительный грохот грома. Карден наблюдает за тем, как тяжелые струи дождя хлещут по стеклу, и едва заметно вздрагивает.

Девкалион возвращает его внимание к уроку:

— Карден, я объясняю материал.

Мальчик послушно переводит взгляд на наставника, дающего частные уроки ему и его брату Гэвину. На человека, которому Уран платит за то, чтобы он вбивал в их головы всё, чему учат в обычной школе, — куда отец категорически отказывается их отдавать, желая держать под неусыпным надзором двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Он панически боится, что школьные учительницы заметят на детях неладное — например, темные синяки, усеивающие кожу после показательных наказаний за малейшую провинность или недостаточно проявленную силу. Боится он и того, что общение со сверстниками сделает их мягкотелыми, слишком открытыми и дружелюбными. Ему жизненно необходимо держать их взаперти, чтобы своими руками вылепить из них тех чудовищ, которых он нарисовал в своем воображении, когда оформлял усыновление.

Девкалион — рослый мужчина средних лет, обладающий самым мягким и добрым лицом, какое только доводилось видеть этим двум мальчишкам. Впрочем, когда единственный пример мужчины перед глазами — Уран, разглядеть доброту можно в ком угодно. Вот только Девкалион действительно глубоко порядочный человек. Он безупречно образован во всех науках: от математики, английского и литературы до физики и всемирной истории, не обходя стороной и те дисциплины, которые Уран строжайше запретил преподавать. Например, музыку, которую тот считал абсолютным мусором в воспитании истинного лидера.

Круглые лазурно-голубые глаза Девкалиона словно светятся изнутри тихим, ровным теплом. Тонкая паутинка морщин залегла на его розоватой коже, обрамленной каштановыми волосами до основания шеи, которые он неизменно гладко зачесывает назад.

Поскольку ему приходится заниматься с подопечными изо дня в день, с понедельника по пятницу, за ним закреплена собственная комната в особняке на Олимпе. Родом из Арты, города на северо-западе Греции, он без колебаний согласился поселиться в крыле для гостей. Жалованье назначено более чем щедрое, а деньги нужны ему слишком отчаянно, чтобы позволить себе тонуть в тоске по родине. Ему

крупно повезло урвать место у Урана Лайвли — люди на коленях молят о шансе снискать его благосклонность.

Пока Девкалион склоняется над партой Гэвина в глубине библиотеки, помогая тому справиться с заковыристым упражнением, Карден слегка приподнимается на стуле, чтобы сквозь оконное стекло разглядеть происходящее во дворе, у самого входа в лабиринт.

Похоже, два дня назад хозяева привезли в дом очередного ребенка, которого ни он, ни Гэвин еще ни разу не видели. Стандартный протокол, ровно так же всё происходило и с самим Гэвином: держать взаперти в полной изоляции, пока кандидат не пройдет кровавое испытание лабиринтом и не заслужит право на место за семейным столом.

Карден даже боится представить, как завершился этот отбор. Стены дождя и грохот бури наглухо заглушают любые звуки снаружи. Он до рези щурит глаза, надеясь, что зрение не подведет его так же, как слух, но различить удается немногое. Самого мальчишки нигде не видно; зато у выхода из гигантского живого лабиринта отчетливо угадывается знакомый силуэт отца.

Ладонь Девкалиона с мягкой, но непреклонной твердостью опускается на его столешницу:

— Карден, некоторые вещи лучше не видеть. Возвращайся к уравнению и допиши его, вас ждет ужин.

Девкалион никогда не повышает голос и не срывается на грубость, даже когда отчитывает их. Что неизменно сбивает мальчика с толку, ведь Уран с пеленок вбивал ему в голову иное: если ты ошибся или повел себя дурно, кара обязана быть жестокой, физической, доводящей до истошных слез. Иначе щенок никогда не уяснит, чего делать нельзя.

«Доброта — это слабость, — звучит в ушах его вечный рык. — Добротой ты не добьешься ни капли уважения. Люди должны не восхищаться твоим мягким сердцем, они обязаны в ужасе ссаться от той жестокости, на которую ты способен».

Кардену с трудом дается эта философия, однако спорить с ней он не смеет и лишних вопросов не задает.

Порой он ловит себя на мысли: есть ли дети у самого Девкалиона? — и изо всех сил пытается нарисовать их в воображении. В такие минуты его обжигает укол тихой детской зависти, ведь их отец — не бессердечный монстр, лишенный тепла, в отличие от его собственного.

Он уже почти выводит финальную цифру в уравнении, когда тяжелые двери библиотеки с грохотом распахиваются настежь. Стремительные, тяжелые шаги Урана отмеряют комнату и замирают точно за спинами сыновей.

— За мной, — единственное, что он отрывисто рявкает.

Гэвин и Карден испуганно переглядываются. Для ужина слишком рано. Трапеза предстоит не из приятных, и к бабке не ходи: Уран останется в бешенстве еще на несколько дней. А значит, им придется ступать словно по тонкому льду — следя за тем, чтобы не сорвалось ни единого лишнего слова и даже тон голоса не показался дерзким.

Девкалион едва сдерживает дрожь, когда поднимает глаза на вошедшего хозяина и вежливо склоняет голову в приветствии. Его веки на долю секунды испуганно вздрагивают — мимолетный жест, который не ускользает от внимательного взгляда Кардена. Мальчик тоже оборачивается через плечо и моментально понимает причину.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Уран одет в свой привычный безупречно скроенный дорогой костюм, однако само его лицо и резкие, хищные движения буквально сочатся яростью. Дети давно научились не лезть на рожон: они слишком часто застают его в таком бешенстве. Они пока не знают, какой кошмар творится в недрах живого лабиринта и что сегодня еще один ребенок завалил смертельную игру. Вот уже много лет он маниакально одержим идеей возродить величие Олимпа со всеми его мифологическими узами, но до сегодняшнего дня сумел отобрать лишь Кардена и Гэвина.

Его цель — с маниакальной точностью воссоздать генеалогическое древо древних греков с двенадцатью титанами, порожденными Ураном и Геей: Кроносом, Реей, Гиперионом, Тейей, Коем, Фебой, Океаном, Тефией, Крием, Мнемосиной, Фемидой и Иапетом. Родить их естественным путем невозможно — не только потому, что Гея банально не выдержит двенадцать беременностей подряд, но и потому, что между первенцем и младшим образуется непреодолимая возрастная пропасть, не говоря уже об отсутствии гарантий нужного пола младенцев.

Но превыше всего Уран жаждет абсолютного совершенства. Несмотря на слепую веру в собственный гений, величие и в то, что взял в жены равную себе породистую женщину, генетика — штука капризная и слишком непредсказуемая, чтобы полагаться на случай. Ему нужны отпрыски с исключительными врожденными задатками, конкретными физическими данными и доказанным выдающимся интеллектом.

Вся загвоздка в том, что Кардену только-только стукнуло десять, а Гэвину — девять. Уран уже расписал сценарий так называемой «Ночи престолонаследия», назначенной на день их двадцатиоднолетия, когда он торжественно наречет сыновей новыми именами, дав официальный старт своему великому замыслу. Однако истинным триумфатором станет лишь тот, кто сумеет первым усыновить тринадцать детей, с помощью которых будет воссоздан новый пантеон Олимпа. Тот из троицы будущих вождей, кто первым заслужит имя Кроноса, получит расчищенную дорогу, прямые выходы на приюты и доступ к «зеленому коридору», лично подконтрольному Урану.

Заветный рубеж в двадцать один год неумолимо приближается, а у него на руках — лишь двое из двенадцати запланированных титанов.

— Мне нужно повторять дважды, что мои приказы выполняются сию же секунду?! — рычит Уран.

Карден и Гэвин испуганно спрыгивают со стульев. Девкалион не смеет издать ни звука, хотя в нем всё кричит от протеста. Не из-за сорванного урока — из-за леденящего страха, что Уран прямо сейчас собирается подвергнуть этих несчастных мальчишек очередной изощренной экзекуции. В тот единственный раз, когда учитель с предельной учтивостью попытался вступиться за воспитанников, он чудом избежал немедленного увольнения с волчьим билетом. Лишиться места он не имеет права, но главное — он всем сердцем успел привязаться к маленьким Лайвли.

Гэвин робкий, часто заикается и не выдерживает зрительного контакта слишком долго. При этом он невероятно умен, безумно влюблен в книги и музыку — больше всего на свете. Но музыка под запретом: по мнению хозяина дома, это занятие недостойно мужчины и является пустой тратой времени.

Карден знает его дольше — около года. Он более общителен, говорит всегда уверенно и обладает на редкость притягательным для своего возраста даром убеждения. В отличие от брата, у него, кажется, нет какой-то особой страсти — чего-то, что зажигало бы изнутри, тайной любви, способной облегчить тяготы этой жизни.

Каждый раз, когда уроки подходят к концу и мальчики расходятся, Девкалион с горечью думает лишь об одном: в какую бессмысленную пропасть брошены жизни этих двоих детей. В руках лучших родителей — более добрых и не столь жестоких — они могли бы вершить великие дела.

Каждую ночь учитель молится за них, надеясь, что взросление рядом с чудовищем не превратит в чудовищ и их самих. Случается же так, что яблоки падают далеко от гнилой яблони.

Дети следуют за Ураном из библиотеки вниз по лестнице. Они направляются вовсе не в столовую, как ожидали, а выходят наружу — в сторону лабиринта.

Напуганный Гэвин перехватывает руку Кардена, пользуясь тем, что Уран идет впереди спиной к ним. Тот терпеть не может проявления физической нежности, а уж тем более на людях. Он вбивает им в головы, что семью нужно ставить превыше всего на свете, но при этом никогда не показывать слабость через привязанность.

Гэвин застывает как вкопанный, едва они доходят до входа в лабиринт и он замечает это.

— Смотреть, — шипит Уран.

Труп. Прямо здесь, на земле. Ростом чуть больше метра, с ослепительно светлыми волосами и широко распахнутыми черными глазами. В грудь вонзен острый клинок, расплывшийся багровым пятном крови.

Гэвин резко отворачивается, отказываясь смотреть.

Карден не двигается с места, не отводя взгляда от безжизненного тела. Он знает: отец приходит в бешенство от любой слабости, он слишком хорошо помнит боль от последующих наказаний и быстро научился подчиняться — даже когда выворачивает наизнанку, даже когда потом приходится убегать, чтобы в одиночестве блевать и выть от ужаса.

Уран коршуном налетает на Гэвина, вздергивает его за шиворот над землей и силой разворачивает к мертвецу:

— Я сказал: смотреть! Что, сердечко слишком слабое, чтобы выдержать вид мертвого тела? Впечатлительный выискался?! Я что, удочерил девку и сам об этом не знал?!

Карден старается незаметно сместиться, вставая на линии взгляда брата, чтобы своей спиной закрыть от него мертвого ребенка. Про себя он неистово молит, чтобы отец не заметил этой уловки.

— Я ращу вас не для того, чтобы вы выросли размазней! — орет Уран прямо в лицо Гэвину. — Вам предстоит привыкнуть к вещам похуже! Я не потерплю в своем доме сопливых сопляков!

Но мы и есть дети, думает Карден, не отрывая взгляда от трупа. *Мы всего лишь дети, и взрослые у гроба должны испытывать точно такую же разрывающую боль.*

Гэвин начинает плакать — всё громче, надрывным воем, от которого у Кардена сжимается сердце, а Уран звереет еще сильнее. Титан подтаскивает его вплотную к телу ребенка, не прошедшего испытание, и с силой швыряет на колени прямо у ног мертвеца.

Он рявкает, что тот слабак, что он никогда в жизни не заслужит имя Кроноса и что одни лишь радости ему приносит Карден — послушный, сильный и образцовый сын. Гэвин заходится в рыданиях, а следом его выворачивает прямо на траву, вызывая новую волну хозяйской ярости.

Уран брезгливо кривится и оборачивается к старшему. Карден вытягивается в струну, на лице застыла маска абсолютного спокойствия, пока отец одобрительно хлопает его по плечу и криво ухмыляется. В его глазах нет ни следа рассудка, ни крупицы человечности — лишь беспросветное безумие.

— Молодец, — единственное, что он цедит сквозь зубы.

Но Карден почти не слышит похвалы, целиком поглощенный истерикой Гэвина.

За ужином никто не смеет проронить ни слова. Уран восседает во главе стола, и на его лице всё еще полыхает та же слепая ярость, что и в библиотеке.

Гэвин сидит опустив голову и не притрагивается к тарелке.

Карден через силу запихивает в себя еду, прекрасно зная, что в спальне его вырвет всем съеденным. Он давится только потому, что пустая тарелка может спровоцировать новую вспышку гнева отца.

— Гэвин, если ты сейчас же не сожрешь то, что лежит на тарелке, я лично протолкну это тебе в глотку силой, — обманчиво спокойным тоном предупреждает Уран. — Живее.

Гея безучастно наблюдает за происходящим, медленно допивая свое вино и даже бровью не ведя.

Гэвин цепляет вилкой овощи и долго пережевывает их в безвкусную кашицу, после чего сглатывает комок, будто раскаленную лаву, судорожно морщась.

Карден отводит глаза: он физически не может смотреть на мучения брата. Он сотни раз повторял приемному братишке: делай в точности то, что требует Уран, повторяй за мной. Он учил его держать осанку, настраивать тон голоса, правильно ступать и прятать любые эмоции, не позволяя им проступать на лице.

Но сколько бы Гэвин ни старался изо всех сил, стать таким же он не способен. И Карден даже не винит его за это — он понимает, что люди разные. В глубине души его пугает другое: то, с какой пугающей легкостью у него самого получается быть тем, кем хочет видеть его отец — бездушным монстром, лишенным сердца и жалости; и то, что для Гэвина даже притвориться таким — задача непосильная.

Уран уже знает: своим Кроносом он сделает именно Кардена. И плевать, что единственной альтернативой на данный момент остается лишь Гэвин. Он уверен на все сто: даже если удастся разыскать остальных десятерых детей, никто из них не заставит его гордиться так, как Карден.

Карден первым опустошает тарелку и получает разрешение выйти из-за стола, но ему до боли хочется помочь Гэвину, который едва осилил четверть порции.

Один из многочисленных подручных отца конвоирует его до спальни, следит за тем, чтобы мальчик почистил зубы и лег в постель. Едва Карден оказывается под одеялом, охранник закрывает за собой дверь, оставляя его одного сверлить взглядом потолок.

Он вымотан, сон медленно берет свое, но мальчик стискивает зубы и борется с усталостью. Садится на кровати и отвешивает себе пару звонких пощечин, чтобы не отключиться. Ему нужно дождаться звука шагов, когда Гэвина поведут по коридору в соседнюю комнату.

Но вместо шагов снизу доносятся раскатистые крики Урана. Нечеловеческая ярость в его голосе леденит кровь, будто угрозы сыплются на него самого, а не на беззащитного младшего брата. Спуститься и вмешаться он не может — однажды он уже совершил эту фатальную ошибку. Но и лежать пластом в тишине комнаты — невыносимая пытка.

Иногда достаточно натянуть подушку на голову и со всей силы вдавить ее руками в уши.

Иногда приходится забиваться в самый дальний угол шкафа.

Сегодня ночью не помогает ни то, ни другое. Карден распахивает балконную дверь, выходящую на общую террасу, и шагает в прохладный весенний воздух. Босые ступни касаются ледяных плит пола — мороз моментально прошибает всё его щуплое тело крупной дрожью.

Даже здесь отчетливо слышен звериный рев Урана, но мерный плеск набегающих волн и серебристая лунная дорожка на темной глади воды помогают отсечь хотя бы часть того кошмара, что творится в стенах особняка.

Каждый раз, когда Карден видит вспышки ярости и насилия отца, наступают жуткие мгновения, когда на его месте он представляет самого себя. Взрослого, стоящего во главе клана. Он видит себя точно таким же тираном, таким же безжалостным чудовищем. Этот образ выбивает почву из-под ног, пугает настолько, что мальчик давно перестал смотреть на свое отражение в зеркалах. Он до ужаса боится, что однажды из рамы на него взглянет монстр. Тот самый монстр, которого Уран так старательно выкармливает и дрессирует, словно бойцовского пса.

Он видит это и во снах. В настоящих, липких кошмарах, от которых просыпается в холодном поту с бешено колотящимся сердцем. Ему снится он сам — на двадцать лет старше, одетый в дорогие костюмы Урана, с тем же безумным блеском в глазах. Перед ним на коленях застыли дети, трясущиеся от ужаса, пока он громко хохочет и кричит. А за его спиной тянется кровавый след — он не знает, чья это кровь, но точно уверен, что пролил ее сам.

В этих снах он превращается во всё то, чего так жаждет отец. Во всё то, ради чего его растят и муштруют, словно подопытную крысу.

Выхода нет.

Погруженный в тяжелые мысли, Карден внезапно цепляется взглядом за темное пятно неподалеку. Что-то пошевелилось.

Что-то крошечное, копошащееся на холодных плитах террасы. Мальчик на цыпочках подходит ближе и щурит глаза. Птица, породу которой он в темноте не может разобрать. Она лежит на боку, даже не пытаясь встать на лапки или взлететь; причина становится ясна, когда левое крыло судорожно дергается и бессильно падает вдоль тельца.

Сломано? Ранено?

Птенец не издает ни звука, лишь судорожно и часто дышит.

Твердо решив помочь, Карден осторожно подхватывает комочек перьев в ладони и бежит в дом. Он точно знает, к кому нужно идти за советом. Комната Девкалиона находится этажом выше, в гостевом крыле. Мальчик крадется бесшумно, стараясь не скрипнуть ни единой половицей: попадись он кому-то на глаза в такой час — проблем не оберешься.

Он негромко стучит в дверь учителя.

— Кто там?

— Это Карден. Мне нужна помощь, — задыхаясь, шепчет он в щель.

Услышав имя, наставник тут же распахивает дверь. В руке зажата книга, на лбу залегла тревожная складка. Взгляд мужчины моментально падает на птицу, которую ребенок бережно прижимает к груди.

— Я нашел его на террасе, — шепотом объясняет Карден.

— Это ласточка.

— Кажется, у нее сломано крыло. Ее нужно спасти. Ты поможешь мне?

Девкалион тихо вздыхает:

— Конечно. Вот только я не ветеринар. Это бедное создание мы сами вылечить не сможем.

Лицо Кардена тут же вытягивается от разочарования.

— Мы можем облегчить ее боль и подержать в безопасности, — торопливо добавляет Девкалион. — А послезавтра, когда закончится учебная неделя, я заберу ее с собой в город и отнесу к врачу. Договорились?

Карден расплывается в такой улыбке, какой учитель у него еще отродясь не видел, и на несколько секунд Девкалион замирает, борясь с непреодолимым желанием разрыдаться. Он ловит себя на мысли: улыбался ли этот ребенок хоть раз так открыто с тех пор, как его усыновил Уран?

— Я сам всё сделаю, не бесп…

— Нет, я тоже хочу, — перебивает мальчик. — Я хочу ее спасти.

Девкалион прекрасно понимает, почему.

Эта птичка — крошечный осколок доброты, которую Уран клеймит слабостью, посреди жизни, выстроенной на сплошном насилии и кошмаре. Для Кардена это единственный шанс сотворить нечто светлое, милосердное, человеческое.

Следующий час они хлопочут над раненой ласточкой. Устраивают ее в картонной коробке, проделав отверстия для притока воздуха и выстелив дно мягким пледом, чтобы создать удобное гнездо. Затем накрывают коробку тканью, обеспечивая птице необходимые темноту и покой.

Девкалион объясняет Кардену, что тот может забрать коробку к себе в спальню, но нужно строго следить, чтобы рядом не было громких звуков, яркого света и сквозняков. Мягкое, сухое тепло помогает сбить шок от травмы.

— А кормить мы ее не будем? — спрашивает Карден, пытаясь заглянуть внутрь через одну из дырочек в картоне.

— Лучше не стоит. Ласточки питаются насекомыми… любая другая еда может только навредить. Но вот водой напоить мы обязаны — буквально по крошечной капельке.

— Понял. А крыло? Оно срастется само?

— Нет, Карден. Крылом должен заняться ветеринар, поэтому ни в коем случае не трогай его и не пытайся вправить. Сделаешь только хуже.

Карден кивает, сидя на полу и прижимая колени к груди:

— Мне так жаль эту птичку.

— Мне тоже. Но ты поступил правильно, когда подобрал ее. Она поправится. Ты должен гордиться собой: ты совершил очень добрый, благородный поступок.

Слышать в свой адрес такие слова… Мальчик резко вскидывает голову. Отец никогда не говорит с ним в подобном тоне — скорее наоборот. Если Уран и пускает в ход эти определения, то исключительно как ругательства, и всегда — в адрес Гэвина.

— Можно я кое-что спрошу? — шепчет он после долгой паузы.

— Конечно. Но потом ты сразу пойдешь к себе и ляжешь спать. Твой отец не должен ничего узнать.

Мальчик кивает:

— Как мне стать таким же добрым, как ты, а не злым, как папа?

Девкалион так и застывает с приоткрытым ртом. Весь мир вокруг словно погружается в абсолютную, звенящую тишину после столь наивного и одновременно сокрушительного вопроса из уст десятилетнего ребенка.

— Как мне научиться беречь вещи и людей так, как умеешь ты, — он выразительно косится на коробку с ласточкой, — а не ломать и калечить, как делает папа?

Девкалион мысленно благодарит полумрак за то, что тот скрывает исказившую его лицо боль. Он опускается на колени и садится на пол рядом с Карденом. Долго молчит, мучительно подбирая слова. Это слишком недетские, глубокие вопросы, от которых невозможно просто отмахнуться дежурной фразой.

— Понимаешь, Карден… мы всего лишь люди. Мы не рождаемся абсолютно добрыми или абсолютно злыми. Но мы способны выбирать, какую сторону в себе выпускать наружу. Даже тогда, когда весь мир силой толкает нас ко злу.

— Но папа наказывает меня за доброту. У меня нет выбора. Я злой, точно как он, и он хочет видеть меня именно таким.

Девкалион знает это слишком хорошо. Именно поэтому отвечать сейчас так невыносимо тяжело. Как остаться человеком, если вырастивший тебя отец методично вытравливает из тебя всё светлое, заставляя быть худшей версией самого себя?

— Карден, пока в твоей душе живет желание выбирать добро — ты остаешься добрым человеком. Твои нынешние поступки продиктованы не твоей собственной волей. Помни: всё, что тебя заставляют делать и говорить, — лишь слепое подчинение воле твоего отца. Ты всё еще можешь спастись от этой участи.

— Правда могу?

Девкалион инстинктивно понижает голос до едва слышного шепота. Порой ему чудится, будто Уран способен слышать каждое слово, произнесенное в стенах этого дома, если не на всем гребаном острове.

— Если ты не дашь ему сломать себя изнутри, то когда вырастешь и примешь имя Кроноса, ты сможешь разорвать этот порочный круг. Сможешь восстать против него и сокрушить его — точно так, как поступают настоящие герои. Ты ведь помнишь, о чем гласят мифы?

Карден утвердительно кивает. Он всегда слушает уроки с предельным вниманием — еще и потому, что отец каждую неделю устраивает жесткие допросы, проверяя, как они усваивают нужные ему знания. Сказание о Кроносе, который свергает отца и берет власть над Олимпом в свои руки, — его любимое. В нем теплится слабый огонек надежды. Вот только есть в этом мифе одна мрачная деталь, которая не дает ему покоя:

— Но ведь потом Кронос точно так же сходит с ума, как и Уран, и сжирает собственных детей из страха, что они свергнут его с трона. В мифе он сам превращается в чудовище, точь-в-точь как его отец.

— Умница, — Девкалион грустно улыбается. — Ты обязан помнить об этом каждую секунду своей жизни, чтобы история не повторилась вновь. Только ты сам решаешь, кем тебе стать, Карден. Ты понимаешь меня?

Ребенок сидит не шелохнувшись, уставившись янтарными глазами на свои босые, замерзшие ступни. Наконец он поднимает взгляд на учителя — в глазах наставника стоят слезы и та затаенная боль, которую ему строжайше запрещено показывать днем, даже когда хозяина дома нет рядом.

— Ты поможешь мне? Поможешь мне остаться добрым?

Одна слезинка всё же срывается с ресниц Девкалиона, пока он бережно, по-отечески гладит мальчика по макушке. Для Кардена это странное, пугающе непривычное ощущение: никто и никогда не прикасался к нему с такой нежностью. Ни Уран, ни Гея.

Карден с пеленок усвоил: если Уран пускает в ход руки, то лишь затем, чтобы ударить.

— Я помогу тебе. Хотя мне кажется, что в глубине души тебе это даже не нужно.

Карден возвращается в свою комнату, но почти до самого утра не смыкает глаз, наблюдая за ласточкой. Он пристраивает коробку в дальнем углу и ложится на ковер прямо рядом с ней. Птица дышит уже куда ровнее и спокойнее, ей явно лучше, чем в тот миг, когда он нашел ее на балконе. Мысль о том, что это его рук дело, что он спас живую душу вместо того, чтобы пройти мимо, как учил отец, отзывается в груди горячей волной гордости. Адреналин бурлит в венах, не давая расслабиться ни на миг.

Он сидит и сторожит ласточку, которая стала для него живым воплощением его собственной доброты, его человечности. Неопровержимым доказательством того, что он не обречен стать монстром. Если эта птица сдохнет — вместе с ней умрет и его последняя надежда остаться человеком.

Сон срубает его лишь на рассвете, когда первые ленивые солнечные лучи начинают просачиваться сквозь оконные стекла. Веки медленно тяжелеют, и он проваливается в небытие, убаюканный мерным дыханием раненого птенца.

И кошмары отступают. Впервые в жизни ему снятся настолько прекрасные сны, что просыпаться и возвращаться в реальность не хочется вовсе. Ему снится, будто он уже взрослый, стоит во главе семьи рядом с доброй, любящей женой с золотым сердцем. Снятся дети, которых он сам учит всем наукам на свете, не вычеркивая ни одной, ведь они должны познать всё разнообразие мира, чтобы найти свое истинное призвание. Снится Гэвин, стоящий плечом к плечу рядом с ним.

Ему снится огромная счастливая семья, в которой больше нет ни Урана, ни Геи, где все они могут быть просто нормальными людьми. Где доброта — не позорная слабость, а великая сила. Где милосердие не лишает тебя уважения, а заставляет людей искренне тянуться к тебе.

Ему снится та любовь, которую ему так и не довелось испытать наяву.

Но просыпается он оттого, что чья-то пудовая хватка с силой вздергивает его за ворот ночной рубашки.

Безумные, остекленевшие глаза Урана впиваются в него в упор:

— Что за цирк ты здесь устроил, черт тебя дери?!

Он не услышал будильник, заведенный, как и каждое утро, ровно на семь тридцать. Часы показывают десять утра. Он не услышал, как слуги Урана колотили в дверь, пытаясь дозваться его. Не услышал, как отец с ноги распахнул дверь, выкрикивая его имя, и двинулся на него через спальню.

Детскому телу просто требовалось доспать свое после бессонной ночи у коробки с ласточкой.

— Прости меня, отец… я смог уснуть только на рассвете и был слишком уставшим, чтобы встать вовремя.

Хлесткая пощечина с размаху прилетает ему по лицу:

— Я не потерплю под своей крышей ленивого ублюдка, дрыхнущего до полудня! Какого хера ты вообще не спал до рассвета?!

Карден отчаянно молится про себя, хотя прекрасно понимает: шансов скрыть тайну нет. Уран разжимает кулак, роняя мальчика на пол, и его взгляд падает на картонную коробку.

— Нет! — вырывается у ребенка истошный вопль. Он кричит с такой отчаянной яростью — интонацией, которой он отродясь не смел повышать голос на отца, — что тут же с ужасом осознает: он только что собственноручно подписал смертный приговор.

А за распахнутой дверью спальни уже застыли Девкалион, Гэвин и Гея. Первые двое прибежали на шум, боясь, что Карден заболел. Геей же двигало лишь холодное любопытство.

Уран встряхивает коробку, вызывая новую волну истошных воплей Кардена.

Ласточка выскальзывает наружу и с глухим, едва слышным стуком падает на пол. Уран смотрит на нее так, словно перед ним какое-то омерзительное чудовище.

— Что это?

— Птица. У нее сломано крыло, и я ухаживал за ней.

Уран застывает без движения, переводя немигающий взгляд с лица сына на лежащего на полу птенца. С каждой секундой брезгливая гримаса всё сильнее искажает его черты.

Он хватает ласточку, зажимая ее тельце в пальцах, и силой впихивает в руки Кардену:

— Убей ее.

Этот приказ — настолько внезапный и беспощадный — заставляет мальчика онеметь. И впервые в жизни он видит, как отец смотрит на него в точности тем же взглядом, каким обычно одаривает Гэвина. Это жутко, но в то же время дарит слабую надежду: значит, в глубине души он вовсе не такое исчадие ада, каким себя считал. В нем есть доброта.

— Убей ее, — повторяет тиран. — Задуши.

— Она же ничего не сделала. Это просто птица… — пытается возразить мальчик.

— Доброта — это слабость! Если ты будешь жалеть животных, ты начнешь жалеть и людей. А ты не имеешь права щадить никого на этом свете, Карден! Жалость делает тебя слабаком!

Девкалион делает шаг вперед, хотя Гея и делает попытку удержать его на месте:

— Мистер Лайвли, позвольте мне…

— Пошел вон! Ты всего лишь жалкий голодранец, нанятый учить моих щенков! Знай свое место! — рявкает он на учителя.

— Не требуйте от ребенка убийства животного. Это нанесет ему тяжелейшую душевную травму, — не отступает тот. — Это несправед…

Уран намертво игнорирует его слова. Он впивается взглядом в Кардена:

— Убей ее. Или я убью твоего брата.

Ноги Девкалиона подкашиваются от столь сокрушительного шока, что ему приходится опереться о стену, чтобы не рухнуть:

— Что?.. — едва слышно шепчет он. Затем в панике поворачивается к Гее: — Остановите его!

Гея бесцеремонно хватает Гэвина за плечи, заталкивает в спальню и толкает прямо в руки Урана. Заметив, как ребенок трясется мелкой дрожью и заливается слезами, она лишь брезгливо закатывает глаза:

— Опять этот жалкий сопляк распустил нюни.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Уран сжимает пальцы на шее Гэвина, бросая на Кардена красноречивый взгляд.

Глупая птица или твой брат — выбирай.

Эта ласточка была живым символом его человечности, но Гэвин не должен сдохнуть из-за его упрямства.

Детские ладони Кардена мелко дрожат в тисках парализующего ужаса, пока пальцы всё сильнее сжимаются вокруг птичьего тельца.

— Сильнее! — командует Уран.

Гэвин надрывно всхлипывает.

Карден не сводит глаз с ласточки — ровно так, как всегда учил отец: смотреть прямо в лицо любой ситуации, особенно самой кровавой и чудовищной. Но делает он это не из покорности, а потому, что чувствует немой долг перед этой крошечной жизнью. Он убеждает себя: если в нем осталась хоть капля человеческого, он обязан смотреть ей в глаза и лично нести груз содеянного.

Он чувствует это физически: жизнь по капле уходит из тельца ласточки. С каждой секундой дыхание угасает. И ровно в этот миг все его мечты разлетаются в прах. Медленно растворяется в небытии та семья, о которой он грезил еще несколько часов назад. Каждый образ, каждая крупица любви и человеческого тепла тают прямо у него в руках — точно так же, как он сейчас душит эту жизнь.

Сухой, неестественный хруст заставляет его замереть.

Должно быть, сломалась косточка.

Ласточка больше не шевелится.

Одного довольного взгляда Урана достаточно, чтобы получить подтверждение: она мертва. По его вине.

Его человечность, его доброта были безжалостно задушены его собственными руками. Его первое убийство — в жалкие десять лет. Убийство беззащитного существа, неспособного дать сдачи, изувеченного и лишенного шанса на побег.

Уран разжимает хватку на шее Гэвина, и Гея небрежным рывком подхватывает плачущего мальчика, уводя его прочь из спальни.

— Девкалион, — сухо роняет она, не добавляя больше ни слова. Недвусмысленный приказ убираться с глаз долой.

Уран презрительно кривит губы:

— Раз ты настолько привязался к этой дохлой твари, что посмел забить на свои обязанности и распорядок, ты останешься с ней в одной комнате. Выйдешь отсюда только завтра утром. Еды до завтра ты не получишь. Захочешь пить — хлебай воду из-под крана в раковине.

— Сэр… — делает робкую попытку Девкалион.

Уран молча проходит мимо него. Но уже за порогом вдруг передумывает и резко разворачивается. Он железными клешнями вцепляется в горло учителя и с размаху припечатывает его к стене. Глухой стук затылка о камень заставляет Кардена вздрогнуть. Слезинка срывается с ресниц, и мальчик торопливо смаргивает ее, боясь навлечь на себя новые кары.

— Ограничься тем дерьмом, за которое тебе платят, Девкалион. Еще раз сунешься не в свое дело — я отрублю тебе руки к чертовой матери.

Багровый от удушья Девкалион покорно кивает. Уран выдерживает еще несколько томительных секунд, прежде чем разжать пальцы и отпустить его.

Карден остается в комнате один. Он ложится на кровать, так и не выпустив ласточку из рук.

Его терзает мысль: не сдался ли он слишком быстро? Вдруг это была всего лишь очередная садистская проверка? Неужели отец и правда свернул бы шею Гэвину, откажись он подчиниться? Да, он выполнил приказ, но готов был поклясться жизнью, что сделал это исключительно ради спасения младшего брата.

И всё же… поступил бы Гэвин так же? Или отказался бы наотрез — и выяснил бы, что Уран блефовал и не стал бы их убивать?

Как и всегда, мальчика до ужаса пугает его собственная безоговорочная покорность перед бесчеловечными, зверскими приказами этого монстра.

Он чувствует себя осквернённым, заклеймённым грязью.

Он сжимает мертвую птицу в ладонях до самой глубокой ночи, не вставая даже ради того, чтобы сходить в туалет или сделать глоток воды. Он греет ее теплом своих рук, хотя прекрасно знает, что это уже просто остывший трупик. Он отчаянно пытается удержать крупицы собственной доброты и человечности.

Вот только часть его души уже знает наверняка: они умерли вместе с ней.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. НОЧЬ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

Имя Гиперион означает «пребывающий на высоте» или «тот, кто ступает в вышине». Оно ассоциируется с первозданным небесным сиянием — еще до того, как солнце обрело личностное воплощение. Он не само Солнце, но изначальная светоносная мощь небес.

Он — отец трех великих светил небосвода: Гелиоса-Солнца, Селены-Луны и Эос-Зари.

Единственные звуки, нарушающие тишину столовой, — это резкий звон приборов о фарфор и сухое тиканье настенных часов.

Впрочем, едят далеко не все. Карден и Гэвин неподвижно застыли на своих местах. Зато третий брат, появившийся в особняке двумя годами позже, — Тайлер — уплетает так, словно голодал целую вечность. Он заталкивает в рот кусок за куском, время от времени одобрительно мыча себе под нос.

Характером Тайлер в корне отличается от старших. Если Гэвин робкий и тихий, а Карден расчетливый и отстраненный, то Тайлер наделен юмором скорее ядовито-тошнотворным, чем смешным, и спесью, действующей на нервы абсолютно всем — порой даже самому Урану.

Там, где Гэвин судорожно фильтрует мысли, боясь ляпнуть лишнее, а Карден филигранно взвешивает каждое произнесенное слово, Тайлер без тормозов вываливает наружу всё, что всплывает в его бестолковке.

От сегодняшней ночи каждый из них ждет совершенно разного. Уран свято уверен, что победу в игре одержит Карден и заслужит имя Кроноса. Сам Карден жаждет того же, потому что до зуда любит тотальный контроль. Гэвин мечтает лишь об одном — выбраться из этой мясорубки живым. Тайлер же одержим властью. Вовсе не ради высоких целей, а скорее чтобы насолить Кардену. Его не волнует нихрена, кроме возможности отобрать у других то, что им дорого. Лишь в этом он черпает истинный кайф.

Именно поэтому Уран видит в Кардене идеального наследника. Тот всегда беспрекословно подчинялся и делал всё, чтобы соответствовать ожиданиям тирана, тогда как Гэвин вечно оставался слишком хрупким. В глазах отца он безнадежно болен добротой — качеством, которого Уран не выносил органически. Тайлер же попросту опасен: дай ему слишком много власти, и он без колебаний разнесет семью в щепки.

«Ночь престолонаследия», как ее величает Уран, — событие, которого все ждали годами. Она решит дальнейшую судьбу империи Лайвли — разумеется, через смертельное испытание в лабиринте. Правила и лазейки известны одному лишь Урану; братьям назвали только место и час.

Все трое — в безупречно скроенных элегантных костюмах, с гладко уложенными волосами, пахнущие дорогим парфюмом — сидят за столом, словно марионетки, чьи нити зажаты в кулаке отца.

На Тайлере пиджак глубокого цвета ночного неба, подчеркивающий ледяную лазурь его глаз. У Гэвина — точно такой же по крою, но темно-бордовый. На Кардене же — ослепительно-белый, без единого изъяна.

— Братец, ты доедать эту отбивную собираешься? — чавкая с набитым ртом, встревает Тайлер. Он бесцеремонно перегибается через стол и вилкой сгребает кусок мяса прямо из тарелки Гэвина: — Ну и славно, я заберу.

Тот даже бровью не ведет. Положа руку на сердце, младшего брата он презирает всеми фибрами души. Тайлер воплощает в себе всё то, чем Гэвин не является и кем отчаянно боится стать. К Кардену же он всё еще питает остатки тепла, пусть и видит невооруженным глазом, какие жуткие метаморфозы происходят со старшим по мере взросления. После того инцидента в библиотеке из-за книги, которую они когда-то читали вдвоем, Гэвин отдалился, но позже снова потянулся к нему — ведомый своей «жалкой добротой», как выразился бы отец.

Зерно безумия, посеянное Ураном, пустило корни во всех троих. Разница лишь в том, что Карден методично взращивает его — пусть и не спеша. Гэвин всеми силами морит его голодом, пытаясь вырвать с корнем. Тайлер же заливает удобрениями сверх меры, превращая в исполинского монстра с настолько мощными, спутанными ветвями, что совладать с ним не в силах уже он сам.

— Что за похоронные лица? — подает голос Уран. — И с каких это пор вы позволяете себе хамство воротить нос от еды, которую для вас готовили с таким старанием?

Карден накалывает кусок картофеля, отправляет в рот, делает пару дежурных жевательных движений и проталкивает ком в горло, щедро запивая водой. Он выпил пару глотков вина — исключительно чтобы бросить подачку отцу, как привык делать годами. Дальше налегал исключительно на воду, прекрасно осознавая: для того, что грядет, ему потребуется абсолютная, кристальная трезвость ума.

Гэвин придерживается той же стратегии, но наотрез отказался даже пригубить алкоголь. Тайлер же глушит уже третий бокал.

— Ты до сих пор не вкурил, батя, насколько унылые уродцы твои старшенькие? — скалится Тайлер. — Представь, какой это был ад — расти с ними под одной крышей!

— Представь, каким адом было расти бок о бок с таким конченым долбоебом, как ты, — невозмутимо парирует Карден.

Тайлер театрально распахивает рот:

— Ой, как мы заговорили, какая невоспитанность. И этим же самым ртом ты вылизываешь бате задницу, вымаливая титул Кроноса?

— Титул Кроноса достанется мне потому, что у меня, в отличие от тебя, есть мозги. А когда я его получу, ты будешь драить за мной сортиры зубной щеткой.

Тайлер издает тихий, ядовитый смешок — звук настолько жуткий, что Гэвин буквально каменеет на стуле. В следующую долю секунды воздух со свистом рассекает сталь: Тайлер молниеносным броском всаживает столовый нож в столешницу ровно в миллиметре от пальцев Кардена.

Лезвие намертво застревает в массиве дерева.

Карден смотрит на нож с таким видом, будто перед ним самое ничтожное зрелище на всем белом свете, после чего медленно переводит тяжелый янтарный взгляд на холодную синеву глаз Тайлера. Они долго сканируют друг друга — как два диких хищника, прикидывающих траекторию смертельного броска.

— Тайлер, сядь на место. Хватит, — вмешивается Гея своим неизменно ледяным, безучастным тоном.

Ей глубоко плевать на всё и на всех. Она подает голос лишь тогда, когда понимает: градус ее безразличия перешел все границы и нужно изобразить хоть

видимость участия. Перережь они друг другу глотки прямо сейчас — она и глазом не моргнет. Ее интересуют исключительно бабки Урана и сытая жизнь, в которой ей не приходится шевелить даже пальцем.

Тайлер кривит губы в издевательской ухмылке и плюхается обратно на стул. И ровно в ту секунду, когда он теряет бдительность, Карден одним движением выдергивает нож из столешницы и, потратив доли секунды на прицел, швыряет его обратно. Лезвие проносится в миллиметре от лица Тайлера, распарывая кожу на щеке тонким росчерком.

В гробовой тишине зала одинокая капля крови сбегает вниз по щеке и срывается с подбородка. Тайлер даже не думает ее вытирать. С его губ слетает едва слышный смешок — тихий, похожий на сухой выдох, — и он с невозмутимым видом возвращается к тарелке, словно ничего не произошло.

Карден ловит на себе тяжелый, предостерегающий взгляд Девкалиона, сидящего за столом вместе с ними, как и заведено по будням. Учитель не оставил их: он вел их обучение с раннего детства вплоть до выпускных экзаменов. С годами Карден отдалился от наставника. Не потому, что разлюбил, а потому, что четко осознал: чтобы выжить в уготованном ему аду, нужно безжалостно ампутировать любые привязанности.

Но Девкалион не опускал рук. Он добросовестно отрабатывал жалованье, обучая Тайлера; при малейшей возможности приглядывал за Карденом и часами вел доверительные беседы с Гэвином. Порой он тайком включал тому музыку, зная, как сильно мальчик по ней сходит с ума.

Несмотря ни на что, Девкалион до последнего верил в искру человечности в Кардене. Пусть глаза мальчика с каждым днем становились всё темнее и холоднее, слова — всё более сухими и механическими, а сам он, казалось, напрочь разучился улыбаться. В глубине души учитель отчаянно молился, чтобы сегодня победу вырвал Гэвин. Он знал: если верх одержит Карден, спасти его душу уже не удастся никогда.

Когда минутная стрелка часов замирает на десяти, Уран тяжело поднимается из-за стола. Недвусмысленный приказ: Ночь престолонаследия начинается.

Трое братьев синхронно встают следом. Ладони Гэвина моментально становятся липкими от пота, а лицо бледнеет еще сильнее. Тайлер слегка навеселе, но выпивка лишь подогревает его дикую решимость, делая еще опаснее и готовым пойти по трупам братьев. Карден же застыл с каменной непроницаемостью.

Девкалион пристально вглядывается в его черты, тщетно пытаясь понять: в какой именно момент этот ребенок научился с таким пугающим мастерством прятать эмоции, превратившись в монолитный ледяной айсберг? Когда именно это произошло прямо на его глазах и почему он не сумел встать на пути этой тьмы?

Семейство идет за Ураном, шествующим впереди в сопровождении пары вооруженных амбалов. Следом плывет Гея, за ней — трое сыновей. Процессию замыкают Девкалион и еще трое головорезов с оружием. Они покидают стены особняка через черный ход, ведущий к кратчайшей тропе до Лабиринта Минотавра.

Небо абсолютно чистое; сквозь редкие белые хлопья облаков мерцают холодные звезды.

— Всё обойдется, — едва слышно шепчет Девкалион в спину идущему впереди Гэвину.

Парень слишком парализован страхом, чтобы ответить вслух, но заводит руку за спину и на долю секунды находит пальцы наставника — короткое, судорожное пожатие, чтобы выжать хоть каплю утешения посреди этого кошмара.

Нельзя сказать, что Девкалион стал для них отцом: Уран мгновенно почуял бы неладное и стер в порошок любого посмевшего покуситься на его авторитет. Но он определенно оставался единственным островком человечности в их жизнях на протяжении всех этих проклятых лет. Единственным проявлением милосердия в доме, где правили бал животная жестокость и террор.

Девкалион проложил невидимую тропу, различимую лишь для глаз Гэвина и Кардена. Тонкий след надежды, по которому они могли бы пойти, решись они сбежать от деспота. Хрупкая, но спасительная зацепка.

Лабиринт Минотавра был настолько же грандиозен, насколько омерзителен. Исполинская конструкция из густого живого кустарника высотой под три метра, наглухо скрывавшая всё, что творилось внутри. Зеленые стены образовывали сотни запутанных ответвлений, в которых можно было плутать до скончания веков, а подробная карта находилась исключительно в руках Урана. Лишь он один знал расположение всех тупиков, гибельных капканов и тайных троп, выводящих наружу.

Перед массивным входом установлено единственное массивное кресло — трон для главы клана. Чтобы тиран мог наблюдать за кровавой бойней, не пачкая собственных рук, отслеживая каждый шаг сыновей через миниатюрные нагрудные камеры, прикрепленные к их одежде.

Гея, Девкалион и охрана выстраиваются полукругом за спинкой кресла. Уран разводит руки в стороны и начинает вещать:

— Приветствую вас в Ночи престолонаследия, сыновья мои, — торжественно провозглашает он. — Сегодня великий день, ибо он определит ваше первичное — пусть пока и временное — распределение ролей. Это фундамент, с которого начнется настоящая игра в ближайшем будущем. Один из вас станет Кроносом и получит карт-бланш и поддержку в усыновлении тринадцати олимпийцев. Двое других — Гиперион и Крий — окажутся в заведомо уязвимом, подчиненном положении. Я жду от вас выдающегося интеллекта и безжалостной хитрости как в оценке правил, так и в их исполнении. Покажите всё, чему я дрессировал вас эти годы, и заставьте меня гордиться вами.

Тайлер нервно переминается с ноги на ногу. Гэвин застыл монолитной бетонной плитой — со стороны вообще трудно понять, дышит он или уже задохнулся от ужаса. Что же творится в голове у Кардена — разгадать не под силу никому.

— Входите же в лабиринт, и да начнется игра!

Трое братьев шагают вперед не оборачиваясь, хотя Гэвину отчаянно хочется бросить хотя бы один последний взгляд на Девкалиона.

Стоит им переступить порог сооружения — тяжелые чугунные ворота черного цвета, высотой вровень с живой изгородью, — как створки с глухим, протяжным скрежетом захлопываются за их спинами. Это мерзкое металлическое эхо еще добрых несколько секунд звенит в ушах.

Первое, что открывается их глазам, — заросшая травой поляна с миниатюрным греческим святилищем: четыре строгие колонны, увенчанные треугольным фронтоном. Под сводом высится статуя самого Минотавра: получеловек-полузверь с мощным торсом и остроконечными бычьими рогами. В каменных когтях он сжимает пергамент с высеченным на нем текстом.

Единственный, кто без малейших колебаний и тормозов подходит вплотную, — это Тайлер. Он даже небрежно приваливается плечом к колонне, чтобы с комфортом изучить надпись.

— «Когда царь Минос воззвал к Посейдону с мольбой о божественном знамении, дабы подтвердить свое священное право на трон Крита, владыка морей даровал ему ослепительно прекрасного белого быка, приказав принести его в жертву во славу свою. Однако Минос был пленен великолепием зверя и отказался обагрять его кровью алтарь. Оскорбленный Посейдон в отмщение разжег противоестественную страсть к быку в сердце супруги царя — Пасифаи. От этого союза родилось чудовище — Минотавр с головой быка и телом смертного, пожиравший исключительно человеческую плоть. Дабы скрыть позор, царь повелел Дедалу воздвигнуть лабиринт, откуда тварь не смогла бы найти выхода. Каждые девять лет на растерзание чудовищу туда отправляли четырнадцать юных афинян: семь юношей и семь дев».

Дочитав до конца, он театрально зевает и оборачивается к Кардену и Гэвину:

— Какая же унылая нудятина. И где сама игра?

Карден молча указывает прямо перед собой — за спину статуи. В живой стене чернеет прямоугольный проем, ведущий в узкий темный коридор, из глубины которого лениво сочатся струйки белесого тумана.

Это место меньше всего напоминает локацию, куда нормальный человек сунулся бы по доброй воле, но выбора им никто не оставил. Это единственная тропа, открывающая путь к началу состязания.

Тайлер идет первым. Со стороны может показаться, будто выпитый алкоголь наделяет его смелостью, несвойственной ему в трезвом уме. Но правда куда проще: он ринулся бы вперед в любом состоянии — подстегиваемый жаждой опасности и мелким, болезненным азартом превосходства.

Зеленый коридор давит узкими, удушливыми тисками; в непроглядной ночной тьме клаустрофобия сжимает горло лишь сильнее. Тайлер же вышагивает по тропе, весело насвистывая под нос какую-то легкомысленную мелодию, и Кардену до зуда в кулаках хочется с размаху впечатать его самодовольную башку в колючие ветви.

В конце тропы их встречает сердце истинного Лабиринта Минотавра. Небольшая просторная площадка, за которой зеленые исполины начинают дробиться, изгибаться и петлять десятками ответвлений.

Посреди поляны их дожидается девушка в белоснежной, ниспадающей до самой земли тунике. Длинные пряди цвета пепла водопадом струятся по спине до тонкой талии. Лицо наглухо скрыто сияющей золотой маской.

— Приветствую вас в Лабиринте Минотавра. Подойдите к столу, дабы дать старт испытанию. Мое имя — Ариадна, и я поведаю вам правила.

Ее голос звучит чарующе, мелодично — словно обманчиво-нежное прикосновение перед тем, как разразится кровавая буря.

Тайлер, слегка пошатываясь, снова первым вываливается вперед:

— Добрый вечер, красотка. Не подсобишь с прохождением?

Девушка полностью игнорирует выпад и переводит взгляд на застывших поодаль братьев. Она не делает ни движения, пока те не подходят вплотную. На полированной поверхности стола из темного дерева аккуратно разложены два ряда карт по три штуки в каждом, рубашками вверх: верхний ряд — алый, нижний — сапфирово-синий.

— Итак, что от нас требуется? — ровно спрашивает Карден, пряча руки за спину, лишь бы никто не заметил предательской дрожи в пальцах от натянутых до предела нервов.

Ариадна плавно ведет ладонью над красными картами, не касаясь глянца:

— Каждая из этих трех карт скрывает вашу роль в сегодняшней игре. Ваш выбор предопределит вашу судьбу. За одной из них сокрыт Минос. В стенах лабиринта царь Минос неприкасаем для голода Минотавра и волен беспрепятственно искать путь к выходу. Тесей — герой — также защищен от чудовища, но, в отличие от царя, получит подсказки с маршрутом к спасению. Последняя роль принадлежит афинянину — добыче и жертве Минотавра. Тот, кому выпадет сия доля, получит две минуты форы на побег, прежде чем зверь выйдет на охоту за его плотью. Единственная цель Минотавра — растерзать жертву без капли пощады.

В глазах Тайлера вспыхивает бешеное, безумное пламя адреналина. Гэвин же, напротив, с мучительным трудом сглатывает сухой ком в горле и бросает затравленный взгляд на Кардена.

— Тот, кто первым найдет выход из лабиринта, станет триумфатором Ночи престолонаследия и обретет имя Кроноса. Шанс на победу есть у каждого из вас, однако очевидно, что один окажется в заведомо смертоносном положении. Тесей имеет право разделить карту лабиринта с братьями по доброй воле, помня при этом, что приближает собственный проигрыш. Минотавр же не тронет пальцем никого, кроме афинянина.

— Ебанутая игра, — презрительно фыркает Тайлер, издавая смешок. — А синие карты на кой черт?

Ариадна смещает ладонь ко второму ряду:

— За синими картами сокрыты три вида оружия. Тот, кому выпадет жребий афинянина, сможет вслепую выбрать одну из них и передать зверю. Этим оружием Минотавр и выйдет на охоту за его жизнью.

За спиной Ариадны, в темном зеве левого поворота, раздается тяжелый шорох. Первой на подстриженную траву ложится исполинская тень, отброшенная тусклыми фонарями на вершинах зеленых стен.

Два массивных рога.

Звериная звероподобная пасть.

И следом — мощный человеческий силуэт.

Минотавр неспешно ступает на свет и замирает за плечом девушки. Голову венчает реалистичная бычья маска с крошечными прорезями для глаз, острыми рогами и вытянутой мордой. Тело с ног до головы затянуто в глухой черный комбинезон, мешковатый крой которого скрывает точные пропорции и комплекцию наемника.

Ариадна опускает пальцы в потайной карман туники и выуживает шестигранную игральную кость:

— Бросок определит очередность выбора карт. Будьте предельно внимательны: каждый из вас увидит лишь свою карту, не зная карт братьев, ибо после первого выбора вам будет дарован шанс на единственный обмен с любым из соперников. Каждый имеет право лишь на одну попытку обмена. Лишь по завершении круга махинаций карты всех игроков будут открыты вслух.

Посреди натянутой тишины, к всеобщему изумлению, первым за кубиком тянется Гэвин. Ариадна роняет кость на его раскрытую ладонь, и парень бросает ее на столешницу. Предмет катится и замирает гранью с единицей вверх.

Тайлер заливается злорадным, издевательским хохотом и отпихивает руку брата. Бросает сам — и фортуна явно на его стороне. Выпадает пятерка.

У Кардена остается лишь один шанс обойти его, но судьба выносит свой вердикт — тройка.

— Очередность выбора: Тайлер, Карден, Гэвин, — ровно чеканит Ариадна, царственным жестом указывая на красный ряд.

Тайлер после секундного раздумья сгребает карту по центру. В конечном счете всё упирается в чистую теорию вероятностей — слепой случай, который невозможно просчитать заранее.

Гэвин замирает, судорожно пытаясь выстроить логическую цепочку и вычислить нужную карту, но волна липкого ужаса напрочь выбивает способность мыслить трезво.

Карден берет карту справа от себя, оставляя последнюю Гэвину.

Все трое держат карты рубашками вверх на ладонях. По кивку Ариадны они расходятся на несколько шагов друг от друга и украдкой заглядывают в выпавший жребий. Лица братьев остаются абсолютно непроницаемыми: ни тени эмоций, ни вздрагивания мускулов, которые могли бы выдать правду.

Круг обменов обещает стать ювелирной партией. Всё сводится к умению безошибочно прочитать блеф и переломить слепой жребий чистым расчетом.

Ариадна выдерживает секундную паузу, прежде чем обратиться к замыкающему:

— Гэвин, желаешь ли ты обменяться картой с одним из братьев? Если да — с кем именно?

Лоб Гэвина блестит от ледяной испарины. Первый выбор был слепой лотереей, но обмен таит в себе куда больше смертельных рисков.

Перед каждым из них стоит одна и та же дилемма:

Потребуешь обмен — всё равно что во все горло заорешь: «Мне достался смертник-афинянин».

Откажешься от обмена — громогласно признаешь: «У меня на руках Тесей или Минос».

В обоих случаях риск колоссален, особенно для того, кто ходит первым.

А главное — что, если по злой иронии судьбы именно последнему игроку действительно выпал жребий афинянина?

Гэвин не может позволить себе играть в рулетку. Ему досталась лучшая доля из всех возможных. Отдать ее добровольно, рискуя наткнуться на карту афинянина, он попросту не вправе. Он отчаянно надеется, что Карден считает этот немой посыл и сделает нужный ход.

— Нет. Я отказываюсь от обмена. Оставляю свою.

Брови Тайлера скептически ползут вверх:

— Это значит, что у тебя топовая роль, или ты так криво пытаешься взять нас на понт, чтобы потом всучить афинянина принудительно?

— Это значит, что тебе иногда стоит заткнуть свою помойную пасть и не вякать, — ледяным тоном обрубает Карден.

Ариадна пропускает перепалку мимо ушей и поворачивается к старшему:

— Карден, ты желаешь совершить обмен?

У Кардена на руках прекрасная, безопасная карта. Минос. Но холодный разум шепчет пойти на размен с Гэвином: при любом раскладе их дуэт окажется в выигрыше. Даже если у Гэвина на руках окажется афинянин, Карден подготовлен к схватке с чудовищем куда лучше брата. Их муштровали по единой программе и гоняли на одних и тех же полигонах, но Гэвин физически слабее в разы.

Набрав полную грудь воздуха, он чеканит:

— Меняюсь с Гэвином.

Тайлер следит за их движением сквозь прищур век; его губы беззвучно, лихорадочно шевелятся, прокручивая варианты. Он прекрасно отдает себе отчет: пусть в этой резне каждый сам за себя, Карден и Гэвин подсознательно тянутся друг к другу и играют связкой. Он один. Но порой одиночная охота — самый верный путь к триумфу, когда ты не связан ни жалостью, ни чужим балластом.

Едва братья передают друг другу карты, Ариадна обращает золотую маску к последнему участнику:

— Тайлер, ты намерен совершить обмен? Если да — с кем?

Карден за спиной незаметно скрещивает пальцы. Если паранойя Тайлера достаточно сильна, он оставит свою карту нетронутой. Но если ему выпал афинянин, он из чистой, маниакальной ненависти швырнет ее Кардену, лишь бы втоптать того в грязь.

Тайлер скалится:

— М-м-м, меняться или не меняться?

Он протяжно мычит себе под нос, сканируя братьев оценивающим взглядом.

Затем всем корпусом разворачивается к Кардену, и ослепительная, но жуткая до дрожи ухмылка кривит его губы, искажая черты лица:

— Пожалуй, я поменяюсь с Гэвином. Да.

Карден слабо улыбается, но лишь через секунду до него с запозданием доходит суть запроса.

— Нет, — шепчет он.

Впрочем, от его протеста мало толку. Решение принято и зафиксировано Ариадной, которая жестом приглашает братьев провести обмен.

— Нет! — настаивает Карден, в ужасе осознавая, что Минос сейчас уплывает прямо в руки Тайлера.

А взамен Тайлер может сбагрить именно афинянина.

— Теперь вы можете открыть свои карты.

У Тайлера — Минос.

У Кардена — Тесей.

У Гэвина — афинянин.

Гэвин станет законной добычей Минотавра, который по-прежнему неподвижно возвышается в паре шагов от них. Тайлер сможет беспрепятственно бежать вперед, на ощупь выискивая путь к спасению. Карден же держит в руках прямые указания к выходу.

— Я так и знал! — взрывается Тайлер, заливаясь оглушительным, победным хохотом. — Я знал, что это был блеф! Ой, Карди, ну не делай ты такое лицо. Гэвин всё равно вечный балласт для семьи. Без него нам будет только лучше, поверь мне на слово.

Карден закипает от слепой ярости. К Тайлеру — с самого первого дня, как того усыновили и притащили в их дом. К несправедливости этой жизни — сколько он себя

помнит вообще. Мальчик делает резкий выпад вперед, бросаясь на младшего, и дает себе железную клятву: он самолично свернет ему шею прямо здесь. Ни одно правило этого не запрещает. Он волен прикончить любого соперника и продолжить свою партию.

Гэвин вцепляется ему в плечи, выжимая из своего тела все до капли остатки сил. Тянет старшего назад, блокируя его в железном, удушающем захвате. Тайлер же тем временем вальяжно скрещивает руки на груди, наблюдая за потасовкой с глумливой усмешкой.

— Карден, нет, — горячечно шепчет Гэвин ему на ухо. — Он того не стоит. Забей. Мы выберемся.

— Гэвин, ты, блять, смертник! Ты афинянин!

— Именно: я афинянин. А ты — Тесей, и у тебя на руках маршрут к выходу. Не смей позволить Тайлеру добраться туда раньше тебя, оставшись со мной и пытаясь закрыть от Минотавра. Беги напролом к финишу и забери эту победу. Ты всегда был истинным Кроносом, так тому и быть.

Карден яростно мотает головой:

— Я не…

— Афинянин обязан выбрать оружие для Минотавра, — холодным тоном обрывает их Ариадна. Она опускает взгляд на стол, где всё так же лежат три синие карты.

Гэвин бросает быстрый взгляд назад, проверяя, на достаточном ли расстоянии держатся Карден и Тайлер, после чего подходит к столешнице и изучает три варианта. В прошлый раз удача была на его стороне, но то была слепая случайность. Он понятия не имеет, что нарисовано на рубашках, но всей душой молит, чтобы там не оказалось оружия дальнего боя. Для заведомо проигрышной бойни это был бы наилучший расклад.

Крайняя левая карта принесла ему спасение в первом круге, и он решает довериться ей снова.

Он едва касается ее кончиками пальцев, обозначая свой выбор.

— Превосходно, — бесстрастно роняет Ариадна, но открывать начинает с двух оставшихся.

На центральной изображен мачете.

На правой — лук и стрелы.

Гэвин обреченно опускает голову еще до того, как Ариадна переворачивает выбранную им карту: в глубине души он уже знает, какой приговор себе вынес. Еще одно оружие дальнего боя? Слишком наивно было надеяться на чудо.

И действительно: тяжелый, сокрушенный стон Кардена и победный смешок Тайлера за спиной служат исчерпывающим подтверждением.

Он даже не смотрит на стол. Лишь молча наблюдает, как Ариадна наклоняется к траве и выпрямляется с огнестрельным пистолетом в руках, после чего протягивает его Минотавру — и тот впервые делает шаг вперед.

Ариадна неспешно собирает колоду с невозмутимостью человека, у которого в запасе целая вечность, и ледяным спокойствием стороннего зрителя, не рискующего собственной шкурой. Затем ее немигающий взгляд пригвождает Гэвина к месту:

— У тебя есть ровно две минуты форы на побег. По первому сигналу сирены ты начнешь бег. Когда прозвучит третий гудок — Минотавр получит официальное право выйти на твой след. — Она переводит маску на двоих других братьев: — Афинянин —

единственный, кто стартует первым. Вторым выдвигается Тесей. Минотавр вступает в игру третьим — с отставанием еще в одну минуту. Замыкает цепочку Минос. Как я уже говорила, Тесей вправе разделить карту лабиринта с любым игроком, дабы указать путь к спасению, с условием: лист обязан неотлучно оставаться в его руках. Передавать карту запрещено, равно как и отбирать ее силой. Если Тесей пожелает прийти на помощь афинянину, ему сперва придется его отыскать. Афинянин не имеет права дожидаться хода Тесея: он обязан немедленно углубиться в лабиринт под страхом мгновенной казни на месте. Если двое из трех игроков погибнут в процессе, состязание автоматически считается оконченным, а победителем признается единственный выживший — даже если он не сумел добраться до выхода. Оружие Минотавра может быть отобрано любым из вас.

Гэвин молча кивает с застывшим лицом, хотя сердце внутри колотится с такой силой, будто вот-вот проломит ребра.

Тайлер алчно потирает ладони — кот, которого вот-вот запрут в амбаре с беспомощными мышами.

Взгляд Кардена остекленел и уперся в пустоту; его мозг работает на запредельных оборотах, мысли сменяют друг друга вспышками, лихорадочно перебирая идеи, взвешивая плюсы и минусы в отчаянной попытке родить план спасения, гарантирующий победу.

Много времени не требуется, чтобы осознать беспощадную правду: спасительного плана нет. У Минотавра боевой пистолет, и, судя по длине ствола, это высокоточная модель с убойной кучностью выстрела.

Карден коршуном бросается к Гэвину, с силой вцепляясь пальцами в его плечи:

— Слушай меня.

Гэвин заранее знает каждое слово, готовое сорваться с его губ. Он лишь устало качает головой:

— Нет, Карден. Оставь.

— Ты даже не выслушал, что я хоч…

— Прекрасно знаю. Ты собираешься предложить догнать меня и прикрыть. Это бессмысленно. У этой твари ствол. Ты просто бездарно сольешь время, наблюдая за моей казнью, и подаришь Тайлеру лишние минуты на поиск выхода.

— Ты издеваешься?! Нам просто нужно скоординироваться и встретиться в одной точке…

— И как мы это провернем, Карден?! — с глухой безнадежностью перебивает тот. — Как ты собираешься отыскать меня посреди бесконечного лабиринта с сотнями развилок, стартуя позже меня? Это невозможно!

— Да, шанс мизерный, но он есть! Мы обязаны попытаться!

— Пока ты будешь рыскать по кустам в моих поисках, Тайлер выйдет к финишу, и нам обоим крышка!

Карден на мгновение хмурится, теряя былую невозмутимость:

— Ты, должно быть, реально на грани срыва, раз начал материться.

— Плевать, брат. У тебя карта, ты можешь и должен победить. Ты станешь Кроносом и возглавишь всё это дерьмо. Просто поклянись мне, что никогда не станешь таким, как наш отец, — и всё будет не зря.

— Нет, нет, нет, блять, ни за что! — Карден сбивается на свистящий, отчаянный шепот: — Мы что-нибудь придумаем… метки, по которым ты будешь указывать мне дорогу! Что-то, понятное только нам двоим!

— И как вы, нахрен, собираетесь держать это в тайне, если мы стоим в двух шагах и прекрасно всё слышим? — ехидно встревает голос Тайлера.

Гэвин уже открывает рот, чтобы огрызнуться, но Карден хватает его ладонями за лицо, намертво удерживая взгляд на себе:

— Придумай знак, по которому я смогу тебя выследить, а я расшифрую его на ходу. Думай, Гэвин! Я не оставлю тебя здесь подыхать! Дай мне шанс вытащить тебя!

— Кард…

Оглушительный, пронзительный вой сирены на корню срезает его голос. Братья замирают, глядя друг на друга расширенными зрачками, не в силах сделать даже вдох. Карден первым сбрасывает оцепенение и с силой толкает брата в спину:

— Беги! Давай!

— Карден…

— Уходи, сию секунду! Я найду тебя, клянусь! Мы выберемся вдвоем!

Времени на споры больше нет. Гэвин срывается с места и пулей влетает в узкий проем между живыми изгородями. Первый же поворот выбрасывает его на развилку. Направо или налево. Но прежде чем сделать выбор, ему нужно решить главное: какую метку оставлять за собой для брата.

У него есть считаные секунды, чтобы изобрести безотказный шифр — след, который придется оставлять на каждом гребаном перекрестке этого проклятого лабиринта.

Думай, стучит в висках набатом. *Что-то неприметное, что прочие сочтут случайностью, но за что мгновенно зацепится острый ум Кардена.*

Что я могу оставить?

Он проводит дрожащими ладонями по лицу, затем зарывается пальцами в волосы, еще час назад безупречно уложенные ради лоска семейного торжества. И в тот самый миг, когда он с бессильным стоном опускает руки, окончательно смирившись с мыслью, что обречен бежать вслепую, лишив брата малейшего шанса прийти на выручку, взгляд цепляется за деталь.

Прямо перед глазами — крошечная мелочь, неразличимая для случайного взора, но кричащая для того, кто знает, что искать.

Красная нитка, торчащая из манжеты пиджака. Кривой стежок подкладки.

Тонкая алая нить.

Нить Ариадны.

Руки Гэвина ходуном ходят от волнения, пока он зажимает кончик между большим и указательным пальцами и медленно тянет, вытягивая отрезок подлиннее. Резким рывком обрывает нить и решительно сворачивает налево. На уровне глаз он аккуратно цепляет красный отрезок за тонкую ветку живой изгороди, завязывая его тугим узлом.

Для глаза того, кто не подозревает о ловушке, эта деталь останется невидимой. Но зоркий, тренированный взгляд Кардена, целенаправленно ищущий любые следы его пути, выхватит метку без лишнего труда.

Минотавр будет слишком поглощен азартом погони, да и бычья маска наверняка существенно режет ему угол обзора.

Тайлер же понесется сломя голову, сосредоточенный лишь на одном — как бы первым добежать до выхода.

И Гэвин упрямо продолжает путь в глубь лабиринта. На каждом новом перекрестке он выдергивает алую нить из дорогой ткани пиджака и повязывает ее на

ветвях. Порой на это уходит слишком много драгоценных секунд: ладони скользят от ледяного пота, а пальцы сводит такой бешеной судорогой, что нитка выскальзывает из рук.

Едва он затягивает четвертый узел, над лабиринтом взвывает сирена.

Зеленый свет для Тесея — для его брата. Как бы сильно Гэвину ни хотелось затаиться на месте и дождаться подмоги, он не имеет права облегчать себе задачу. Он упрямо шагает дальше, уцепившись за слабый проблеск надежды: вдруг этот безумный план и правда сработает?

Сирена взрывает ночную тишину в третий раз — очередь Минотавра.

Теперь на охоту вышел не только спаситель: по пятам идет головорез с мордой быка и боевым пистолетом в руке, готовый выследить его и пустить пулю в лоб.

Гэвин замирает в нерешительности. Стоит неподвижно, пока гулкое эхо тревоги медленно растворяется в свежем ночном воздухе. Ни шороха вокруг — лишь бешеный стук собственного сердца, отдающийся прямо в горле тупыми ударами набата.

«Беги, Гэвин!» — звенит у него в голове голос Девкалиона.

Он срывается с места — еще быстрее, чем прежде. Оставляет на колючих ветках еще два алых узла, внезапно упирается в глухой тупик и теряет драгоценное время, судорожно срывая ложную метку. Рассудок то и дело играет с ним злые шутки: в шорохе листвы ему мерещатся тяжелые шаги чудовища за спиной, будто палач подобрался вплотную и вот-вот всадит пулю меж лопаток, стоит лишь оглянуться.

За спиной — никого.

Зато красная нить подходит к концу. Гэвин срывает с себя пиджак и лихорадочно ощупывает швы в поисках новых ниток. Не найдя ничего подходящего, он вцепляется в ткань обеими руками и с силой рвет ее, с треском распарывая подкладку. Удовлетворенно кивает: теперь у него есть запас материала, чтобы вести за собой Кардена — если тот вообще сообразил зацепиться за первые метки.

В лабиринте почти нет света — осознанная садистская задумка Урана: чередовать кромешную тьму с редкими освещенными пятачками, превращая испытание в пытку для нервов.

В чернильной мгле некоторых тупиков Гэвин не разглядел бы Минотавра даже в секунду перед собственным расстрелом.

Он гонит прочь дурные мысли и заставляет себя двигаться вперед. Бежать он больше не рискует: сбросил туфли, чтобы ступать босиком по мокрой траве и издавать как можно меньше шума. За соседней стеной кустарника уже может рыскать палач. Безопасных укрытий в этой западне для него нет. Остается уповать лишь на то, что первым его настигнет правильный человек.

Финальный гудок сирены взрезает воздух, окончательно разрывая купол тишины.

Теперь в лабиринт волен войти и Тайлер. Тот срывается с места как спущенная пружина, прижимая заветную карту к груди, одержимый одной-единственной идеей — растоптать братьев и заставить их захлебнуться пылью.

Тайлер вихрем несется по зеленым коридорам, то выныривая на свет, то проваливаясь в глухую тьму. Он действует наобум, проклиная отца за необходимость бегать по кустам вместо того, чтобы единолично назначить наследника. И ежу понятно, кого Уран видит в роли Кроноса; этот цирк устроен исключительно ради хозяйской забавы.

А Уран тем временем восседает у входа, не сводя глаз с перемещения своих пешек.

Вот только никто из них — кроме самого Минотавра — не подозревает об одной детали: у Миноса, Тесея и афинянина нет шанса обойти правила. Единственный, кому дозволено безнаказанно мухлевать и плевать на законы игры, — это сам Уран. Он держит прямую связь через скрытый наушник под бычьей маской и лично наводит наемника на след Гэвина.

Вовсе не потому, что он спит и видит смерть одного из сыновей — пусть вылепить из Гэвина идеального монстра ему так и не удалось. Просто в его больной голове это еще один тайный тест внутри испытания. Он заранее знает сценарий этой партии от первого до последнего хода.

— Направо, — сухо командует он Минотавру через передатчик.

Наемник послушно сворачивает. Ослушаться приказа он не посмеет при всем желании.

Тайлер делает верный поворот, но до выхода ему еще как до луны. Уран готов подтасовать карты снова, лишь бы победа не уплыла к младшему.

Гэвин продолжает петлять, оставляя за собой спасительные клочки. Крошечные алые нити.

И Карден их видит. Ему требуется пара напряженных минут, чтобы расшифровать след брата, но взгляд всё же выхватывает ориентир. Исключительно благодаря тому, что самая первая метка пришлась на освещенный участок лабиринта. Вторую, затерянную в чернильной темноте, разглядеть стоило колоссальных усилий. Но он держит себя в руках.

Когда Гэвин сворачивает налево и упирается носом в глухую стену колючей зелени, Минотавр находится уже совсем рядом. Впрочем, Карден — тоже.

Очередной тупик.

Воспаленный мозг снова подсовывает иллюзию тяжелых шагов прямо за спиной.

Гэвин уже дергается назад, но резко замирает, вслушиваясь в темноту. На сей раз это не галлюцинация. Это жестокая реальность. За стеной кустарника справа от него кто-то есть. До ушей доносится не просто шелест примятой травы под подошвами — отчетливо слышно чужое прерывистое, тяжелое дыхание.

Это может быть тот, кто сломя голову несется через кусты, чтобы спасти ему жизнь.

Или тот, кто под маской зверя рыщет во тьме с одной целью — пустить ему пулю в висок.

Времени сменить маршрут нет. Кто бы там ни был — он подобрался вплотную.

Гэвин таращит глаза в темноту, вытягивает руки по швам и судорожно сжимает кулаки. Будто он реально способен выйти на кулачный бой против вооруженного амбала. Максимум, на что хватит сил, — попытаться выбить оружие из рук, хотя даже сам он понимает, насколько жалки эти шансы.

Карден едва не проскальзывает на мокрой траве и судорожно хватается за ветки, удерживая равновесие.

Братья сталкиваются взглядами.

Сердце Гэвина пропускает пару ударов, а затем пускается вскачь с удвоенной силой. Чистая, обжигающая радость прошибает тело электрическим разрядом до самых костей. Волна адреналина накрывает с головой. Он никогда в жизни не испытывал подобного чувства.

Карден жадно глотает воздух ртом, со лба градом катится пот:

— Уходим. Быстро. Дорога к выходу в противоположной стороне, нужно возвращаться.

Они срываются на бег плечом к плечу, не тратя секунды на пустые разговоры. Карден сверяется с миниатюрной схемой на своей карте и уверенно ведет их сквозь бесконечные лабиринты живой изгороди.

Сейчас не время для сантиментов, хотя Гэвину отчаянно хочется вывалить наружу всё, что копилось годами. Карден ведь с каждым годом всё глубже уходил в глухую броню. Горько признавать, но часть души Гэвина была свято убеждена: старший бросит его на растерзание. Он до сих пор верил, что именно Карден настучал отцу тогда, в детстве, когда они втайне пробирались в библиотеку читать повести о приключениях Чарли, охотника за душами. Уран тогда накрыл Гэвина на месте и выпорол до полусмерти, пока Карден сидел мышью в темном углу, зажимая рот и боясь подать голос. Долгие годы Гэвин не сомневался: брат сдал его ради того, чтобы выслужиться перед отцом и подтвердить статус образцового первенца. На самом же деле доносчиком был Тайлер, но ни у одного из них так и не хватило духу поговорить начистоту.

Для Кардена сегодняшняя ночь — не просто попытка сохранить остатки человечности или вытащить брата из мясорубки. Это шанс искупить вину за ту давнюю детскую трусость, снова стать с Гэвином единым целым и обрести хотя бы одного верного союзника в том кромешном аду, что ждет его впереди. Брата, на чье плечо можно опереться. Он жаждет заслужить прощение.

Эта мысль подстегивает его сильнее любого страха, пока он выверяет ориентиры по карте Тесея и прокладывает курс к финишу.

С каждым новым витком, с каждым сделанным шагом надежда внутри них разгорается всё ярче. Они наивно тешат себя иллюзией, будто всё складывается идеально, даже не задумываясь о том, насколько подозрительно гладко идет их побег. Да, слепой жребий благоволил им с картами, но продвигаться настолько легко в игре, срежиссированной лично Ураном Лайвли, — неестественно до жути.

Они не могут знать, что Минотавр крадется буквально в одном повороте от них. Они не могут знать, что их родной отец сидит перед мониторами за воротами парка и методично наводит чудовище прямо на их след.

— Кардена не трогать, — сухо приказывает он в микрофон гарнитуры. — Если они не найдут выход сами — прикончи афинянина. Но Тесея пальцем не смей коснуться.

По правде говоря, Уран предпочел бы, чтобы карта афинянина досталась Тайлеру. В его характере есть черты, которые старик ценит, но ничуть не меньше тех, что вызывают у него откровенное омерзение. И главное из них — непредсказуемость. Каким бы изощренным виртуозом обмана Тайлер ни был и на что бы ни шел ради победы, безумие в его зрачках — это часовой механизм бомбы. Никогда не угадаешь, не заденет ли тебя осколками, когда рванет. Оставить Олимп на растерзание такому психу он не может. Гэвин стал бы катастрофой ровно противоположного толка: тот наотрез отвергнет любое насилие и любые игры клана. Карден же держится ровно посередине — идеальный, филигранный баланс. Еще немного муштры под личным надзором Урана — и из него получится истинный шедевр.

— Еще пять… — бросает Карден, оборачиваясь к Гэвину.

Слова застревают у него в глотке, едва он замечает тень за спиной брата. Фигура с рогатой головой и чудовищной звериной мордой. Истошный вопль вырывается из груди Кардена — настолько дикий, что даже Минотавр на мгновение спотыкается.

Человек-бык вскидывает руку и стреляет в воздух, заставляя обоих парней замереть как вкопанных. Карден рывком подминает Гэвина под себя и вжимает спиной в плотную стену живой изгороди.

Минотавр наводит дуло прямо на них:

— Освободи сектор обстрела, — требует глухой, искаженный модулятором голос.

Гэвин отчаянно пытается отпихнуть брата:

— Если ты закроешь меня собой, он не выстрелит! Правила запрещают ему убивать Тесея! Но Тайлер тем временем добежит до выхода, и тогда нам конец!

Логика железная, оба это понимают. Но как перешагнуть через такое? Бросить брата на расстрел, рвануть к финишу, унося в ушах грохот выстрела? Карден заранее знает: этот звук будет эхом преследовать его до самой могилы.

— Здесь обязана быть лазейка, — лихорадочно шепчет Карден. — Хоть что-то, что…

— Ее нет! Не дай Тайлеру победить, умоляю тебя!

— Гэвин…

— Ты сделал всё, что мог. Ты пришел за мной. Для меня этого достаточно.

Карден не успевает возразить: внимание обоих приковывает внезапный жест Минотавра. Свободной рукой амбал касается маски около уха.

Несколько секунд молча слушает, кивает сам себе и снова переводит тяжелый прицел на братьев:

— Правила изменились.

— Что?! — вырывается у Кардена.

Будто он не знал. Будто это не главное фамильное кредо Урана.

Лайвли переписывают правила под себя, если это гарантирует победу.

Минотавр медленно протягивает пистолет Кардену, а второй рукой достает точно такой же из потайного набедренного кармана комбинезона. Его рука едва заметно вздрагивает, и этот секундный тремор не ускользает от Кардена.

— Отныне Тесей обязан лично застрелить афинянина, — чеканит искаженный голос. — Если не хотите оба сдохнуть от моей руки прямо сейчас.

Братья переглядываются: в глазах Гэвина плещется ровно тот же парализующий ужас, что и у Кардена.

Время будто застывает намертво. Новая вводная перечеркивает любые расклады, в пыль стирает их наивные надежды — так внезапно и беспощадно, что у них отнимается язык, а мышцы отказываются подчиняться.

— Нет… — сипит Карден. — Нет.

Гэвин бессильно роняет голову, уставившись на свои босые ступни в примятой траве. Он принимает приговор:

— Ты должен, — едва слышно выдыхает он. — Мы не можем сдохнуть вдвоем, ты сам знаешь.

— Здесь должен быть другой выход!

И ровно в ту секунду, когда с губ слетает эта фраза, Кардена прошибает мысль. Он запрокидывает голову и срывается на сухой, лающий смех под ошарашенным взглядом Гэвина. Как он, черт возьми, не допер до этого раньше?!

Выход элементарен.

— Я убью Минотавра, — говорит он.

Тот даже не дергается — ни страха, ни тени тревоги от услышанного.

У Кардена в руках заряженное боевое оружие. Ничто не мешает пустить пулю в лоб зверю.

— Ты уверен, что готов замарать руки в крови? — тихо спрашивает Гэвин.

Да. Уверен. Пусть он ни разу в жизни не нажимал на спуск против человека и прекрасно осознает: этот шаг сделает его еще ближе к отцу. К тому монстру, каким Уран жаждет его видеть. Скорее всего, это и есть часть сценария, скрытая суть всего испытания. Ломать его шаг за шагом, пачкать ложью и кровью, заставлять творить те же зверства, чтобы убедить: пути назад нет, душа прогнила и пора покориться написанной судьбе.

Но сейчас… сейчас это не имеет значения, ведь он делает это ради спасения брата. Так ведь? *Так ведь?!* — стучит в висках набатом.

Карден уверенно перехватывает рукоять: стрелять его учили на совесть. Вскидывает ствол и берет Минотавра на мушку.

В этот миг наемник принимает очередной приказ из наушника, о котором братья Лайвли даже не догадываются:

— Сними маску, — командует Уран. — Они должны увидеть, кто перед ними.

В позе Минотавра впервые проступает неприкрытый ужас. Всё его тело вздрагивает, и он инстинктивно пятится на полшага назад:

— Нет, молю вас…

Карден хмурится. Он видит: мольба обращена не к нему, а к невидимому кукловоду. Впервые тот, кто считался главным палачом игры, дает слабину, демонстрируя смятение и животный страх.

Вот только мальчик не знает: наемник боится не пули в лоб. Он в ужасе от того, что повлечет за собой эта правда.

— Снимай. Сию же секунду, — давит Уран.

Гэвин и Карден онемело следят за сценой, перестав понимать что-либо.

Секунды растягиваются в вечность. Движения Минотавра кажутся неестественно вязкими, замедленными. Пальцы нащупывают край маски, стягивают ее с головы и роняют на траву.

Под звериной личиной скрывается самый добрый человек из всех, кого эти двое когда-либо встречали в жизни.

Девкалион смотрит на своих учеников взглядом, полным такой сокрушительной, черной скорби, какой они не видели у него никогда.

Ноги Гэвина подкашиваются, и он рушится на колени. Его сотрясает судорожный рвотный спазм — наружу выплескивается лишь желчь, единственный плюс нетронутого за ужином мяса.

У Кардена перехватывает дыхание. Он снова и снова сканирует Девкалиона взглядом — с головы до пят, надеясь, что глаза врут, что морок рассеется и перед ним встанет чужак.

Он моргает раз за разом.

Девкалион не исчезает.

Черты лица не меняются.

Это действительно он.

— Стреляй, Карден, — ровно произносит учитель. В его голосе нет злости — лишь бесконечная, всепоглощающая тоска, от которой Гэвин заходится в беззвучных рыданиях.

Человек, учивший их столько лет с безграничной отдачей и нежностью. Человек, показавший им, что такое сострадание, посреди стен дома, где любая доброта каралась как смертный грех и позорная слабость. Человек, который тайком включал Гэвину музыку и оберегал остатки человечности в Кардене.

— Зачем ты согласился участвовать в этом? — наивно шепчет Карден. Он знает ответ, но судорожно пытается оттянуть миг, когда палец ляжет на спусковой крючок.

— Уран поклялся вырезать всю мою семью до единого. Был выбор: они… или я. А потом: я… или вы двое. И я каждый раз выбирал себя.

Кардену кажется невероятным, что наставник без колебаний ставит их жизни выше своей собственной. Но мальчик даже не представляет, насколько сильно Девкалион привязан к нему и Гэвину. Быть может, лишь в эту секунду он впервые до конца осознает, что такое истинная доброта.

— Убейте меня! — задыхаясь от слез, молит с земли Гэвин. — Вернемся к первоначальным правилам! Я афинянин, прикончите меня!

— Уран никогда не планировал убивать кого-то из вас, — объясняет Девкалион, подтверждая страшную догадку Кардена. — Всё с самого начала велось именно к этой точке.

— Карден, брось ствол! Не смей!

Гэвин дергается с травы, пытаясь выбить оружие из рук брата, но Карден резким, безжалостным толчком отшвыривает его в сторону. Он сильнее, и его решимость сейчас несокрушима.

Внутри Кардена бушует ровно та же раздирающая буря, которую Гэвин выплескивает в истерике и не способен удержать в себе. Но Карден обязан спрятать ее под броню. Если Девкалион увидит, как он сломлен, учителю будет в сотню раз тяжелее встретить смерть. Мальчик выстраивает глухую стену эмоциональной защиты: сейчас нужно думать только о Девкалионе.

Они долго смотрят друг другу в глаза, вглядываясь в черты, словно пытаясь выжечь этот миг на сетчатке до скончания времен.

— Мне жаль, — едва слышно роняет Карден.

— Я знаю. Помни: это и есть твоя человечность.

Карден кивает, хотя в глубине души не верит в это ни на гран. Он физически чувствует, как его душа раскалывается на мириады острых осколков, собрать которые воедино не удастся уже никогда.

— Не теряй ее, — молит Девкалион. — Ты справишься. Ты не такой, как он, не становись им. Держитесь с братом друг за друга, любите друг друга, взбунтуйтесь. Останьтесь людьми, берегите человечность друг в друге. Поклянись мне.

Гэвин сжался в комок в углу, захлебываясь слезами; он без конца умоляет Кардена опустить оружие, молит Девкалиона застрелить его, вернуться к начальным правилам.

Карден ощущает его впервые в жизни: леденящий могильный холод смерти. Морозное прикосновение к затылку, словно костлявая ладонь сдавливает горло. Шепот, приказывающий убить, спустить курок. Самое омерзительное, глухое и одинокое чувство из всех, что ему довелось испытать, — чувство, с которым отныне ему суждено жить до самого последнего вздоха на этой земле.

Они не прощаются.

Не говорят последних слов.

Лишь молча смотрят друг на друга. Все трое.

И когда Карден сжимает палец на спуске и зажмуривается, перед его внутренним взором встает совершенно иная картина. Ему видятся две квадратные деревянные парты в глубине библиотеки. Левая — неизменно его, правая — Гэвина. Девкалион стоит между ними и классной доской с книгой в руках, очками на переносице и той самой теплой, открытой улыбкой.

Тело с глухим ударом оседает на траву.

Но времени оплакивать его нет — не сейчас. Его жертва не имеет права оказаться напрасной.

Карден железной хваткой впивается в предплечье Гэвина и силой вздергивает его на ноги. Он орет на него: требует бежать, рыдать и выть от боли сколько угодно, но делать это на бегу — прорываясь к выходу из лабиринта, чтобы не дать победить Тайлеру.

Гэвин спотыкается, пелена слез застилает ему глаза, но Карден не разжимает пальцев ни на миг. Он тащит его за собой: взгляд на карту, затем под ноги; теряет равновесие и всем телом впечатывается в колючие ветви. Ветки полосуют лицо, хлещут по глазам, но он лишь прибавляет ходу.

На очередном перекрестке что-то тяжелое на полном скаку сбивает его с ног, опрокидывая на землю.

Тайлер летит кубарем по другую сторону прохода. Теперь уже Гэвин подхватывает Кардена, рывком поднимая его на ноги, чтобы продолжить гонку.

Тайлер быстрее — он один, его не тянет вниз чужой балласт.

И на несколько секунд он вырывается вперед.

Выход из лабиринта уже в паре десятков метров. Кардену не оторваться от него: по карте Тесея он неизбежно выведет к воротам и соперника.

Остается последний, предельный шаг, но Карден больше не колеблется: он добровольно отрекся от остатков человечности, и отныне этот мир никогда не станет прежним.

Он берет на мушку бедро Тайлера и стреляет — дважды, наверняка. Брат заходится криком — не просто от физической муки, но от слепой, всепоглощающей ярости. Утробный, звериный вопль заставляет Гэвина содрогнуться.

Вот оно — то самое зрелище, ради которого Уран затеял эту бойню.

— А ну стоять! Сучий ты выродок, клянусь, я тебя… — надрывается распластанный на земле Тайлер. Он ползет по траве, словно раздавленный червь, волоча за собой широкий кровавый след.

Ему не добраться до ворот. Ему не победить.

Гэвин разжимает пальцы на руке брата, позволяя тому пересечь створки выхода в гордом одиночестве. Уран уже стоит там, встречая его торжественными рукоплесканиями. В его взгляде полыхает привычное безумие, но рядом с ним горит неприкрытый триумф. Так сияют глаза кукловода, получившего ровно то, чего он жаждал.

— Кронос Карден Лайвли! — громогласно провозглашает он. — Тот, кто понесет вперед знамя империи Лайвли и возродит Олимп на земле!

Карден — отныне Кронос — не слышит ни слова из победных речей отца, продолжающего превозносить его подвиг. Уран перехватывает его запястье, победно

вздергивает руку сына вверх и с силой трясет ее. Затем указывает пальцем на Гэвина, чеканя: «Гиперион», и на скулящего на траве Тайлера: «Крий».

Уран настолько опьянен собственным триумфом, что ни разу даже не заглядывает сыну в лицо. Он без умолку сыплет похвалами тому, насколько Карден оказался достоин стать его наследником, его истинным первенцем.

Кардена же выворачивает наизнанку от подступившей к горлу тошноты. Ему приходится напрячь каждую связку в теле, чтобы не издать ни звука и застыть каменным изваянием.

Наконец Урану надоедает этот фарс. Не удостоив старшего даже сухим прощанием и не бросив ни единого взгляда в сторону Гэвина и Тайлера — Гипериона и Крия, — он размеренным шагом направляется к дому под руку с Геей, чье лицо за весь вечер не дрогнуло ни на миллиметр.

— Будь ты проклят, ублюдок конченый! — захлебывается лаем Тайлер, судорожно вцепившись руками в простреленную, истекающую кровью ногу.

Дикий стон взрезает ночную прохладу, пока двое громил Урана не подхватывают раненого под мышки, волоча в дом к врачам. Он извивается всем телом: жажда разорвать Кроноса на куски для него сейчас куда важнее пули, засевшей в разорванной плоти.

— Пустите меня, суки, я прикончу его! Я лично сверну ему шею! Я…

Кронос даже не ведет бровью. До слуха долетает истеричный визг, но до этого бесполезного куска дерьма ему нет дела: сознание глушит звуки, превращая их в бессмысленный белый шум.

Когда Тайлера уволакивают прочь, у распахнутых ворот остаются лишь двое: Кронос и Гиперион. Карден и Гэвин.

Гиперион делает пару неуверенных, робких шагов к фигуре брата, рухнувшего на колени прямо в траву. Руки плетьми повисли вдоль тела. Голова бессильно опущена к земле, скрывая лицо от всего мира.

— Кард…

— Пошел вон, — обрубает тот.

Гиперион задыхается:

— Что?

— Пошел вон. Оставь меня одного.

— Ты винишь меня? — заикается он. В конце концов, он не молил о жертвах — напротив, он требовал бросить его умирать.

— Пошел вон, — игнорируя вопрос, с металлом в голосе повторяет Кронос.

— Я не могу…

Стоит Гипериону протянуть руку, чтобы коснуться его плеча, как Кронос резким ударом сбивает его ладонь и с силой отталкивает брата прочь. Теперь его лицо поднято — перекошенное, багровое, со взглядом, налитым ядом и ненавистью.

— Я сказал: пошел вон нахрен!

Этот рык звучит настолько свирепо, словно удар тяжелым кулаком под дых. Гиперион никогда не слышал от брата подобных интонаций, никогда не видел его срывающимся на такой звериный вопль. Он никогда не видел его настолько раздавленным.

Это неприкрытая, чистейшая агония — то самое чувство, которое Карден методично выжигал в себе годами и которое теперь вырвалось на свободу, сметая всё на своем пути.

Гиперион отступает, подчиняясь приказу и оставляя брата наедине с собой, пусть сердце и обливается кровью. Он убежден: одиночество сейчас — худшее, что можно оставить Кардену. Оно окончательно добьет его человечность.

Брошенный всеми под куполом ночного неба, Кронос Лайвли так и стоит на коленях. Слезы жгут веки, рвутся наружу, но он борется с ними так, будто это его злейший враг.

Он застыл там, сгорбившись, до боли стиснув веки, чтобы не дать воли рыданиям, на целый бесконечный час. А затем что-то внутри него ломается окончательно. Из самой середины груди — из той черной дыры, что разверзлась на месте сердца, — поднимается непреодолимая, мучительная жажда.

Жажда, которая заставляет его с трудом подняться на ноги и на негнущихся коленях снова шагнуть в темный зев лабиринта с картой Тесея в кармане. Он бредет вслепую по знакомым зеленым коридорам, в звенящей тишине ночи, пока не выходит в ту самую точку, где… всё произошло.

Он не в силах даже сформулировать это в мыслях.

Но ему жизненно необходимо увидеть всё своими глазами: упрямый мозг отказывается верить в реальность, цепляясь за иллюзию, будто произошла чудовищная ошибка, будто глаза подвели его и обманули рассудок.

Но он там.

Стоит лишь завернуть за угол живой изгороди.

Тело Девкалиона.

Кронос снова падает на колени. С широко распахнутыми глазами, хватая ртом воздух, он на четвереньках ползет по мокрой траве к своему наставнику.

И лишь оказавшись вплотную к остывающему телу, он ломается. Потоки слез обжигают щеки, соленый привкус затапливает губы, слезы срываются с подбородка, заливая шею. Дышать нечем, грудная клетка ходит ходуном, а из горла вырываются тяжелые, хриплые всхлипы.

Единственный человек, несший в себе свет доброты, мертв.

Человек, поклявшийся помочь ему сберечь человеческую душу.

Человек, который учил его, ни разу не повысил голоса и оберегал их тайком, словно ангел-хранитель.

Мертв.

И ровно в эту секунду до него доходит истина. Когда он ложится на землю рядом с трупом и обнимает мертвое тело так, как мечтал обнять в детстве, будучи беззащитным мальчишкой.

Он понимает: его человечность не погибла в тот день, когда он задушил ласточку. Его человечность умерла сегодня ночью — вместе с Девкалионом. Ведь именно учитель бережно хранил ее в своем сердце.

А теперь у него не осталось ничего.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
ИГРА НАСЛЕДИЯ. Гермес

Глава 1. «ДЕНЬ, КОГДА...»

Гермеса нарекли «психопомпом», ибо он — проводник душ в царство Аида. Он не вершит над ними суд, не карает их, но лишь указывает дорогу: посредник меж живыми и мертвыми.

Гермес

Мой любимый день месяца — это день ХПП. День пижамной вечеринки Херми.

Это тот самый вечер, когда мы с Локи забираем к себе отпрысков всей нашей семейки и закатываем для них пижамный разгул. Скупаем тонны фастфуда, стаскиваем отовсюду настолки, выбираем кино, а затем укладываем спать этих исчадий ада, которых наши дражайшие родственники явили миру.

Правда в том, что со временем мы с Локи окончательно поняли: для роли родителей мы попросту не созданы. Мы обожаем детей, спору нет, но далеко не каждый человек способен взвалить на себя подобную ношу. Не каждой паре позарез нужны собственные дети, и не у всех в крови бурлит родительский инстинкт.

Зато я без ума от роли дяди. Видеть, как мои братья и кузены дают жизнь маленьким копиям самих себя, стало одной из самых чистых и огромных радостей в моей жизни.

Мне дико кайфово находить в Нике ядовитый язык Хейвен и глаза моего брата Хайдеса; видеть в близняшках точные слепки Ареса и Хелл — вплоть до того, что одна сходит с ума по математике, а вторая носом уткнулась в книги и сочинительство. Гелиос, сын Лав и Аполлона, унаследовал ту же мрачную сдержанность своего отца; он самый молчаливый из всех моих племянников, но при этом подмечает абсолютно всё. Пусть ему нет еще и десяти, рассуждает он зачастую как умудренный опытом старик. В древности Гелиос был самим Солнцем, каждый божий день проносившимся по небосводу на колеснице, запряженной огнедышащими конями. А по ночам он переплывал океан в гигантской золотой чаше. Именно он был истинным богом солнца, пока не явился Аполлон, не примазался к небесному светилу и не отжал его трон. У малого отцовские кудри — роскошная, густая копна цвета спелой пшеницы.

Фемида, дочь Афины и Психеи, хоть и не приходится ей кровной по биологии, вполне могла бы сойти за родную. С ее прямыми смоляными волосами и раскосыми кошачьими глазами на фоне безупречной кожи цвета эбенового дерева. Она хитрая как черт — вылитая мать, — а ее эмоциональный интеллект улетел далеко в стратосферу. Зато светлый и позитивный взгляд на мир ей достался от Психеи. Если верить мифу, Фемида была титанидой, олицетворявшей божественный порядок, закон природы и космическое правосудие. Она держала в узде баланс между богами и смертными. Та самая сила, что хранит мировой порядок на незыблемых вечных принципах, а не на сиюминутных обидках и жажде мести. Пожалуй, это один из моих любимейших образов во всей античной мифологии, и выбор моей сестры я оценил с первой секунды.

Тефия же, дочь Поси и Хэрин — это ядерная заноза в заднице, каких мало. Не в том плане, что ее трудно обуздать, а просто энергии в этой девчонке хватит, чтобы

запитать целый мегаполис. За это я ее и обожаю: она всегда готова вписаться в любой блудняк и жить не может без шумной компании — прямо как я сам. В мифологии Тефия — дочь Урана и Геи, Неба и Земли, праматерь всех земных рек и мириадов пресноводных нимф, прозванных океанидами. Символ прозрачных, ласковых вод, без которых жизнь на земле попросту бы загнулась.

Сторм тоже неизменно тусуется на моих пижамных вечеринках. Для меня — да и для всех остальных, я уверен на сто процентов — она полноценная часть нашей семьи. Пусть она уже взрослая деваха, ей всё еще по кайфу зависать с нами и с нашей стаей мини-Лайвли; она прилетает к нам при первой возможности и здорово выручает в попытках удержать этот хаос под контролем. Ника тоже берет на себя роль старшей сестры — если, конечно, не решает устроить заговор с мелкими против нас.

Но прямо сейчас по швам трещат даже они. Тефия как невменяемая скачет по дивану, пока Гелиос загробным голосом требует, чтобы она свалила на пол, потому что его от ее скачек уже физически мутит.

Нынешний ХПП пошел по пизде с самого начала, напрочь выбившись из привычного графика: обычно часам к девяти, максимум к десяти вечера весь выводок без задних ног сопит в подушки. Но сегодня Тефия умудрилась втихаря свистнуть шоколада сверх всякой меры и щедро подогрела контрабандой кузенов за нашими спинами. А старшие как раз вошли в тот всратый возраст, когда ложиться спать вовремя — удел сопливых младенцев, а им подавай взрослый движ до утра.

И вот картина маслом: мы с Локи стоим у кухонного островка, хмурим брови и обреченно слушаем истошные вопли этой банды мифологических чертенят, которые вертели на одном месте идею закрыть глаза и лечь в сраную баиньку.

— Это всё из-за тебя, — синхронно выдаем мы с Локи, тыча друг в друга указательными пальцами.

Я со смешком шлепаю его по пальцу:

— Ой, да захлопнись! Это стопроцентно твой косяк.

Он со смехом перехватывает мою руку и шутливо выкручивает мне палец:

— Мы можем выдать нашим племянникам снотворного?

— Сильно сомневаюсь. Я бы уточнил у нашего штатного эскулапа Аполлона, но он, блять, папаша одного из них. Еще заявится сюда посреди ночи и вздернет меня на люстре.

— Шуточки про виселицы и Аполлона никогда не выйдут из моды, да?

— Я просто жду дня, когда его пацан дорастет до возраста, когда ему можно будет слить всю подноготную, — ехидно скалюсь я. — Только представь себе постную, скорбную мину Гелиоса, когда он узнает о бурном криминальном прошлом своего безупречного бати.

— А что он скажет о прошлом дядюшки Херми? — подначивает Локи.

— Что я чертовски горяч и охрененен.

Он тихо фыркает от смеха, закидывает руку мне на плечо и притягивает к себе, роняя поцелуй мне в висок:

— Снотворное отпадает, но, может, ромашковый чай? С мелатонином, например. Должно срубить их намертво.

— Ромашка кончилась, Л.

— Твою мать, — цедит он сквозь зубы.

— Так, ладно, зайдем с другого фланга. Сейчас ты выпинываешь их чистить зубы, а потом объявляешь, что дядюшка Херми ждет всех в гостиной для суперсекретной особой игры.

Локи кивает, делает шаг в сторону коридора, но тут же тормозит и оборачивается с подозрением:

— Под «особой игрой» ты же не имеешь в виду вытащить их на крышу и заставить балансировать на карнизе?

— Да боже упаси. Нет у меня никакой особой игры, буду сочинять на ходу. Остается молиться, чтобы они унаследовали от взрослых Лайвли тягу к азартным игрищам и это предложение разожгло в них искру азарта.

Он картинно выдыхает с облегчением, лукаво подмигивает мне и растворяется в гостиной.

Буквально через секунду до меня доносятся его звонкие хлопки в ладоши и командный голос:

— Дядюшка Херми приготовил для вас секретную игру! Но допуск получат только те, кто начистит бивни до блеска! Живо марш в ванную, все до единого!

— А я хочу еще шоколада! — истошно голосит Тефия.

— А я хочу всадить тебе кубик мелатонина прямо в вену, крошка, но взрослая жизнь полна разочарований!

Я давлю в кулак смешок и делаю глоток воды, прислушиваясь к удаляющемуся топоту босых ног. Едва детвора скрывается в недрах ванной, я выхожу из кухни и принимаюсь за перестановку.

У подножия дивана уже раскатаны спальные мешки — традиционное пристанище тех лузеров, кто продул в «камень, ножницы, бумага». Тройка победителей оккупирует диван, остальным достается ковер.

Я оттаскиваю журнальный столик вплотную к телеку, освобождая себе просторную поляну в центре комнаты. Вырубаю весь верхний свет и зажигаю единственный ночник в форме светящейся луны. Ставлю его прямо посреди ковра, вокруг которого разложены спальные места, у самых своих ног. По комнате разливается мягкий, тягучий полумрак — не слепящий, приглушенный. Очень надеюсь, что убаюкает он эту ораву, а не меня самого.

Шумная стая мини-Лайвли высыпает в гостиную и застает меня сидящим по-турецки на полу с ослепительной, во всю ширь лица улыбкой до ушей.

— Что стряслось? — подает голос Гелиос.

— Он нажрался в хлам, как на папином дне рождения? — выдвигает версию Ника.

Но у Тефии на уме совершенно другое:

— Я хочу шоколад!

Я энергично взмахиваю руками, указывая им вектор движения к импровизированным спальным местам:

— Быстро по койкам, шагом марш!

— Мы не хотим спать! — вставляет шпильку Эос, хотя вся банда уже послушно расползается по спальникам и одеялам.

Прямо передо мной — физиономии Сторм и шестерых мелких чертенят: глаза горят похлеще фар, спать они не планируют ни в одном глазу и явно ждут от меня зрелищ.

В этот момент в комнату вплывает Локи и опускается рядом со мной на ковер:

— Ну что, кто хочет послушать сказку?

Я медленно поворачиваю к нему голову и цежу сквозь зубы:

— У меня нет в запасе ни единой сраной сказки.

Локи продолжает невозмутимо улыбаться детям насквозь фальшивой улыбочкой:

— У тебя вечно рот не закрывается. Ты что, решил завязать со словесным поносом именно сегодня?

Судя по кислым минам детворы, идея сказок на ночь их тоже ни капли не греет.

— Нам не нужны сказки! Под сказки засыпают, а мы хотим тусить! — возмущается Фемида, воинственно скрестив руки на груди, словно гладиатор перед боем.

— Ну, сказки бывают разные. От некоторых как раз фиг уснешь, — парирует Локи, заговорщически округляя глаза, будто выдает им тайну государственной важности.

Этого скромного вброса хватает, чтобы их любопытство мгновенно вспыхнуло.

— На кой черт ты давишь на эту сказку? Я же сказал: я пустой, — снова шепчу я ему на ухо.

Локи опускает голову, пряча лицо от наших племянников:

— Да не знаю я, Х! Задвинь им про Питера Пэна, Золушку или про то, как Лиам отправился в смертельный трип на Санторини… Да сочини хоть что-нибудь, ради бога!

Он продолжает бубнить себе под нос, накидывая варианты детской классики, но я отсекаю фоновый шум и мысленно цепляюсь за первую же названную им вещь. За Питера Пэна.

— А что, если… — начинаю я так звонко, что в комнате мгновенно воцаряется гробовая тишина. — Что, если я расскажу вам сказку о девочке, которая считала звезды?

Я тут же чувствую, как на меня в упор устремляется тяжелый, пристальный взгляд Локи.

— О «девочке, которая считала звезды»? — с сомнением переспрашивает Фемида.

Я лукаво подмигиваю ей:

— Именно так. Ну что, слушаем или как?

Разноголосый детский хор взрывается дружным «да». На лицах почти каждого из них читается чистый азарт — за исключением Ники. Будучи старшей, она уже знает в общих чертах трагическую историю своей тети Афри. И я всем сердцем надеюсь, что моя ночная сказка заставит ее полюбить тетю, которую ей так и не довелось застать живой, еще чуточку сильнее.

Я прочищаю горло и беру разгон:

— Жили-были двое детей. Точнее, пожалуй, правильнее сказать так: жили-были брат и сестра. Нет, стойте, пардон, начнем заново: жили-были близнецы. Вот так куда точнее. Потому что эти двое появились на свет с разницей всего в пару минут. Итак, жили-были близнецы.

Мои нарочитые запинки и театрально-скорбные гримасы вызывают дружные смешки среди мини-Лайвли.

— Звали их Илай и Дейзи, и они были похожи как две капли воды. У обоих — ослепительно светлые волосы, отливавшие на солнце чистым золотом, и пронзительно-синие глаза цвета бескрайнего моря. Вопреки канонам подобных сказок, они не были принцем и принцессой, наследниками трона. Их отец не носил короны, а мать не была королевой. Они жили вовсе не в хрустальном замке волшебного королевства, а ютились

в убогой лачуге посреди глухой фермы. И был с ними лишь дед с пепельно-седой бородой и злющими глазами. Он не ведал пощады, вечно доводил их до слез своими жестокими выходками и…

Я запинаюсь. Я не имею права вывалить на этих детей правду о том, как нас пороли кожаным ремнем до мяса. Локи крепко сжимает мою ладонь, и ко мне снова возвращается способность дышать.

— …своими жестокими выходками, — обрубаю я опасную тему. — Но когда тоска становилась невыносимой, брат с сестрой тайком выбирались на крышу своего ветхого дома и часами сидели там, запрокинув головы к небу. Звезды отражались в их зачарованных глазах: они были по уши влюблены в эти далекие мерцающие огоньки. Им до дрожи хотелось протянуть ладонь, поймать хотя бы один из них, сжать в кулаке и почувствовать живое тепло. И однажды ночью Илай, будучи мальчишкой до жути любопытным, спросил у Дейзи: «Как думаешь, сколько звезд на небе?» Сестренка на миг задумалась, а потом серьезно ответила: «Я не знаю. Но я могу сосчитать их для тебя». Илаю это показалось полнейшим бредом: ведь на это ушла бы целая жизнь! Кто знает, сколько их там сияет в вышине — быть может, бесконечность? Но Дейзи была девчонкой со стальным стержнем: несмотря на всю хрупкость, внутри нее полыхал огонь, затушить который было не под силу никому. И с той самой ночи, стоило им залезть на крышу, Дейзи принималась за подсчет звезд над их головами. Она вела по небу тонким указательным пальчиком, загибая числа одно за другим. И как бы сильно она ни старалась не разочаровать брата, вскоре стало ясно: эта затея невыполнима. Но она упорно продолжала считать. Даже когда глаза слезились от усталости, а светящиеся точки начинали двоиться и плыть перед взором.

И вот однажды перед ней предстал человек, которого она никогда прежде не видела. Одетый в безупречно строгие, траурно-темные одежды, он улыбался ей мягкой улыбкой, но глаза его были мертвыми и пустыми. Он назвался Временем и поведал, что всё сущее в этом подлунном мире — его дети, включая далекие звезды. Он вызвался помочь ей с ее счетом и открыл великую тайну: в самой чаще дремучего леса скрыто заколдованное озеро, в зеркальной глади которого небесный свод отражается так чисто, что там можно пересчитать все звезды — от первой до самой последней. И тогда она сможет подарить ответ любимому брату. Он наказал ей: чтобы отыскать озеро звезд, нужно идти прямо по лесной тропе, пока по правую руку не покажется тринадцатое дерево. Там следовало свернуть — и озеро откроется взору. Незнакомец исчез, взяв с нее обещание встретиться у воды этой же ночью.

Когда Дейзи выложила всё Илаю, тот пришел в неописуемый восторг. Ему до зуда хотелось узнать точное число звезд на небе, и он без колебаний согласился пойти с ней. Рука об руку, шаг за шагом, они отсчитали тринадцать исполинских вековых деревьев с густыми кронами. Свернули направо — и замерли перед зеркальной гладью кристально чистой воды, отражавшей мириады небесных огней. Дейзи бросилась к кромке берега, склонилась над озером и робко коснулась пальцами воды — будто провела ладонью по живым звездам. Это место дышало покоем, тишиной и безмятежным счастьем — в отличие от дома, из которого они сбежали. Изумрудная трава благоухала дивными ароматами, а озерная вода ласкала кожу приятной прохладой. Илай беззаботно носился по поляне, пока Дейзи медленно ступала вдоль береговой линии, методично пересчитывая каждую звезду, застывшую в темной глубине.

Но когда ее пальчик коснулся последнего клочка неба, сосчитав финальную звезду, перед ней словно из воздуха соткалось Время с леденящей душу усмешкой. «Я забыл предупредить тебя о главном законе этого места, — промолвило оно. — Стоит тебе завершить счет, как твое собственное время подойдет к концу, и ты останешься здесь навеки. Твой брат вернется в мир смертных, а ты навечно останешься у заколдованных вод среди звезд — таково нерушимое правило, ведь ты замкнула круг». Дейзи принялась отчаянно спорить, обвиняя Время в подлом обмане. Но со Временем споры бессмысленны: когда оно решает, что твои песчинки иссякли, тебе остается лишь склонить голову. Дейзи не могла допустить, чтобы та же участь постигла Илая, и во весь голос закричала ему: «Беги! Возвращайся домой!» Но брат на другом берегу лишь яростно замотал головой и наотрез отказался уходить. Он крикнул, что ни за что не оставит ее одну и, если ей суждено остаться пленницей этого места, он разделит ее проклятие.

Время было глубоко тронуто той великой любовью, что связала их души, но закон есть закон, и сделать исключение даже ради этих двоих оно не могло. Тогда Время предложило им сделку: Илай вернется к живым на землю, а Дейзи останется сиять среди звезд этого озера, превратившись в самую яркую, самую заметную для человеческого глаза звезду на небосклоне — чтобы Илай, где бы он ни скитался, мог в любую секунду поднять глаза к небу и найти ее свет. И нарекло ее Сириусом. Одинаково синие глаза близнецов пролили одинаково горькие слезы, когда Время повело Дейзи за собой, а Илая вытолкнуло прочь. Единственное, что успела крикнуть ему сестра на прощание, было: «Не переставай считать звезды, Илай! Никогда не переставай!»

С той самой роковой ночи Илай снова и снова уходил в дремучую чащу. Он безошибочно помнил тринадцать деревьев и поворот направо, но за ними больше не было волшебного озера Времени. Оно испарилось без следа, словно его никогда и не существовало. Мальчик надрывно звал сестру, срывая горло до кровавого хрипа, но Дейзи не было на земле — она осталась среди созвездий. Однако Время сдержало свое слово. Когда обессиленный мальчик впервые поднял взор к ночным небесам, среди мириадов холодных огней он выхватил ее. Она сияла ярче всех остальных — ярче любой звезды, какую он только видел в своей жизни. Сириус. Дейзи — девочка, которая считала звезды. И с той ночи он перестал искать ее среди живых: она вечно сияла над его головой, незримо ведя его сквозь всю жизнь до самого последнего шага.

Я всё еще судорожно сжимаю пальцы Локи, когда в тишине затихает последнее слово. На самом деле он — первый, на кого я перевожу взгляд. Глаза Локи подозрительно блестят, он мягко улыбается мне и одними губами шепчет:

— Ты молодец.

— Тебе понравилось?

— Безумно. Я хочу услышать ее еще раз. — Он кивает подбородком на ковер перед нами, куда я пока не рискую смотреть, целиком поглощенный его лицом: — Судя по всему, твоя публика тоже осталась под впечатлением.

Селена и Эос сидят обнявшись, уткнувшись макушками друг в друга. Ника торопливо смахивает слезы со щек, отвернувшись к окну. Остальные замерли в благоговейном молчании. Первым подает голос Гелиос — как всегда ровно и не по годам сдержанно:

— Дейзи и Илай больше никогда не встретились?

— Никогда, — подтверждаю я. — Но в каком-то смысле они всегда оставались рядом. Настоящая любовь сильнее любых расстояний.

— Но разве Илай не мог навалять Времени? Герои во всех сказках именно так и делают! — горячится Фемида. — Они выхватывают мечи или пускают в ход магию и разносят злодеев в щепки!

— Время невозможно победить, крошка.

— И что делать, если победить его нельзя? — не унимается она.

Принять.

— Принять его.

Я лишь успеваю подумать об этом, но вслух эту истину чеканит Локи.

Ведь так оно и есть, если начистоту. Ты можешь сколько угодно выть, орать дурниной и выплескивать ярость наружу. Можешь быть самым злым сукиным сыном на этой планете и крушить всё живое вокруг, но в конечном счете тебе придется смириться. Единственный способ победить Время — это принять его правила и просто жить дальше.

— Время забирает только детей? — нарушает тишину Селена.

Я качаю головой:

— Время рано или поздно приходит за каждым из нас. Кому-то выпадает счастье задержаться подольше, а кому-то выносят приговор куда раньше — как Дейзи. Но бояться его не нужно.

Главным образом потому, что в нашей реальной жизни этим самым Временем был не кто иной, как Кронос, за чьей спиной незримо маячил Уран. Я не могу дать железной гарантии, что каждый из них проживет сто лет, и понятия не имею, какие сюрпризы уготовило нам будущее, но я могу спать спокойно, зная наверняка: эти дети никогда не познают того ада, через который прошли их деды.

— По-моему, они все слегка приуныли, — тихо роняет Локи; меж его бровей залегает тревожная складка.

И он чертовски прав. Сказка им явно зашла, но послевкусие оставила с горчинкой — что, в общем-то, следовало просчитать заранее.

— И что делать будем? — шепчу я.

— Без понятия. Можем подкупить их новой порцией шоколада. Правда, тогда у них откроется второе дыхание, и нам придется высасывать из пальца очередную байку.

На помощь неожиданно приходит Ника — единственная, кто выкупил подлинную суть этой истории. Она поднимается на ноги и обращается к кузенам:

— А что, если мы перетащим спальники на лужайку и заночуем прямо под звездами?

Это настолько трогательный жест, что мне приходится сделать судорожный глубокий вдох, лишь бы не разреветься прямо при них. Вот уж чего я точно не ожидал.

Идея моментально приводит всех в дикий восторг, но лишь Гелиос вежливо поворачивается к нам с Локи:

— Нам можно?

Этот пацан — ходячее воплощение благовоспитанности. В нем настолько пугающе много от Аполлона, что я, хоть и должен был давно привыкнуть, каждый раз выпадаю в осадок заново.

— А почему бы и нет? — отзывается Локи, косясь на меня.

— «Почему бы и нет», — послушным эхом повторяю я.

Мини-Лайвли со счастливыми визгами сгребают в охапки спальные мешки с подушками и гурьбой несутся к выходу на задний двор. Ника со Сторми идут по флангам, бдительно пася эту банду, а мы с Локи замыкаем шествие.

Детвора вповалку устраивается прямо на траве, плечом к плечу, а Сторм заботливо расстилает широкий плед для нас с Локи — аккурат в тот момент, когда до меня доходит, что мы-то себе захватить постель даже не догадались.

Мы ложимся рядом под этим бескрайним звездным куполом, и меня накрывает волна глубокого, звенящего покоя и безмятежности.

В прозрачной тишине теплой летней ночи — под убаюкивающий стрекот цикад и ласковое дуновение ветерка, лениво колышущего изумрудные травинки вокруг, — к небу робко тянется крошечная ручонка.

Тонкий детский пальчик указывает прямо в зенит.

Эос.

— Один, два, три, четыре…

За считаные секунды вирус подхватывают остальные. Они принимаются вслух пересчитывать огоньки, сияющие прямо над их головами — мириады светящихся крупиц, вплавленных в иссиня-черный бархат. Выходит форменный кавардак: каждый считает сам по себе, наперебой выкрикивая цифры, и детский гомон сливается в забавную какафонию.

Но мы даже не думаем призывать их к порядку. Мы просто лежим, слушаем, как они считают звезды, и завороженно смотрим ввысь.

Именно в такие ночи я получаю главное доказательство: смерть бессильна стереть твой след на этой земле. Пока ты хранишь память о тех, кого любишь, и передаешь ее другим — существует только жизнь. И это самый прекрасный, самый бесценный подарок, который только способно сделать нам Время.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi
Глава 2. «...НАЧАЛА СЧИТАТЬ ЗВЕЗДЫ»

Среди олимпийских богов Гермес наделен самым человечным нравом.

Гермес

Я тихо прикрываю за собой дверь веранды и плюхаюсь на один из плетеных стульев вокруг столика под навесом.

Воздух влажный, липкий; он моментально оседает на обнаженных предплечьях. Я втягиваю его полной грудью, пока стрекот цикад остается моим единственным аккомпанементом в этой чернильной ночи.

Устраиваюсь поудобнее на подушке в наволочке из белого льна и беру кружку с ромашковым чаем, поданным — непременно — с желтой соломинкой. Я уже слишком стар, чтобы глушить ту термоядерную высокоградусную дрянь, которую хлестал в молодости и которую держал с завидной стойкостью.

Я слишком стар.

Сегодня мне стукнуло пятьдесят.

Ладно, половина пятидесятилетних мужиков прописала бы мне в челюсть, ляпни я вслух, что в нашем возрасте мы уже рухлядь. Это просто первый шок от взятия полувекового рубежа. Разумом-то я понимаю, что еще относительно молод, а главное — не выгляжу на свои годы ни на йоту.

Время по уши втрескалось в меня и решило дать мне постареть без лишней спешки.

Да и если начистоту: я неизменно плещу в свой ромашковый чай перед сном щедрую каплю виски — чисто символическую дозу, клянусь всеми богами. Настолько смехотворную, что это идеальный старческий коктейль для моих будущих семидесяти: «ромашкей».

Блять. Мне сегодня стукнуло пятьдесят, а значит, до семидесяти осталось каких-то жалких двадцать лет. Мысль бьет под дых с удвоенной силой, пока я делаю второй глоток.

Запрокидываю голову к небу: сплошная черная бездна без единого облачка. И не просто без облаков — без единой сраной звезды. Как бы по-детски это ни звучало, но пустое небо заставляет меня почти всерьез дуться на сестру.

С тех самых пор, как ее не стало, не было ни одного моего дня рождения, когда бы ночь надо мной не взрывалась россыпью сияющих огней. Их было настолько не сосчитать, что не стоило даже пытаться. В моей голове это всегда оставалось ее подарком — пусть издалека, из неведомой глуши, где она сейчас прячется. Я намертво вбил себе в голову: в день нашего общего рождения, раз уж она не может сидеть за столом рядом со мной, она присылает мне в подарок все звезды Вселенной.

И где они сегодня, Афри? Куда подевались мои звездочки?

Если я что и ненавижу всем сердцем — так это оставаться без подарков в день рождения. Для меня это событие масштаба национального праздника. Я обожаю, когда вокруг меня пляшут, сюсюкают и чествуют так, будто мое явление на свет осчастливило всё человечество. Да, мне до сих пор по кайфу, когда мне хором поют дурацкую праздничную песню, и я свято верю в ритуал загадывания желаний над задуваемыми свечами.

Хейзел Райли - Игра Олимпа
Hazel Riley - Game of Olympus. Catarsi

Из дома доносится приглушенный гомон моей семьи. Я тащусь от наших совместных сборищ, когда любая комната мгновенно становится слишком тесной, но никогда — слишком шумной. Тишина с самого детства была моим заклятым врагом; я люблю балаган, особенно когда этот шум исходит от любимых людей, ловящих чистый кайф.

На первых порах после трагедии эта пустота, оставленная отсутствием кое-кого за столом, резала слух куда больнее. Особенно пустующее место подле меня, когда вносили торт. Я смотрел на этот чертов десерт чуть ли не с отвращением: ведь он предназначался мне одному, это больше не было тем, что мы делили пополам с моей близняшкой. Мне казалось это чудовищной несправедливостью, садистской насмешкой судьбы — будто я больше не имел права праздновать собственное рождение, раз ее больше не было рядом.

Пока я взрослел, Афри навсегда застряла в своих двадцати. Я менялся, обрастал морщинами, а она оставалась прежней — ровно такой, какой я видел ее в самый последний раз.

Но люди не врут, когда говорят, что время лечит. Время и грамотная психотерапия, я бы уточнил, но это уже совсем другая история.

Кажется, это случилось на мой тридцатый юбилей: вокруг хлопали в ладоши друзья и родные, горланили поздравления. И я, повинуясь внезапному жестокому фантомному рефлексу, резко обернулся через плечо в поисках сестры. Мне до ломоты в ребрах захотелось сгрести ее в охапку, прижать к себе и спросить, что она собирается загадать. Мое фирменное неизлечимое любопытство.

Поначалу я в ужасе решил, что официально слетел с катушек. Превратился в шизофреника с галлюцинациями. Ее не было среди живых уже добрый десяток лет, а я обернулся с железобетонной уверенностью, что она жива и стоит прямо за моей спиной.

А затем до меня дошла простая вещь, принесшая невыразимый покой. Это был не приступ помешательства, не откат на нулевую стадию проживания горя. Это был миг, когда, пусть даже не присутствуя во плоти, она ощущалась настолько осязаемо, что я готов был поклясться: она рядом. Вокруг царило такое чистое, искреннее счастье, словно она и не уходила вовсе.

Я не свихнулся. Я просто научился различать невидимые следы ее присутствия в наших жизнях. Всё еще яркие, пульсирующие вокруг нас.

Я делаю еще глоток «ромашкея», сверля взглядом пустое небо. Купить дом за чертой города было лучшим решением, которое мы когда-либо принимали с Локи. Здесь практически нет светового смога, и ночной купол каждый вечер предстает чистым холстом, меняясь без конца.

Разумеется, для такого фаната вечного хаоса и движа, как я, идеальным местом всегда оставался мегаполис. Но Локи жизненно необходима тишина, а в отношениях приходится искать компромиссы. Ему достался покой, мне — бескрайнее звездное небо.

— Эй, именинник, ты чего тут сычом сидишь? — раздается насмешливый голос за спиной.

От неожиданности я так дергаюсь, что порция ромашкового виски расплескивается через край кружки.

Оборачиваюсь — и замираю.

Перед глазами вспыхивает мгновенный флешбэк, накладывая на лица передо мной совершенно иной образ из прошлого. Мои братья и сестра — еще совсем зеленые сопляки времен Йеля.

У Хайдеса всё та же безупречная грива волос — смоляная, блестящая, не тронутая годами. Знакомый шрам рассекает левую щеку, стекает по шее и прячется под воротником глухой черной рубашки. Лицо тронули морщины, как и положено с годами, но к нему время отнеслось куда милосерднее, чем ко многим из нас, и в чем-то он до сих пор кажется мне тем самым угрюмым пацаном, что слонялся по кампусу со спелым красным яблоком в руке.

Следом стоит Афина. Ее юная версия носила прямые темно-каштановые волосы до лопаток. Нынешняя же состригла их под каре чуть ниже мочек ушей — в память о нашей сестре. И больше никогда в жизни не отращивала длину. Ее тело, когда-то по-кошачьи гибкое и грациозное, тоже ощутило на себе тяжесть прожитых лет. Она всё еще упрямо ходит на бокс, откуда неизменно возвращается в глубоком унынии, потому что былая взрывная скорость осталась в прошлом. Порой они с Хайдесом встают в спарринг, и победа всегда остается за ним.

И замыкает строй Аполлон. Его облик изменился меньше всех. Он словно поставил себе цель законсервироваться в вечности: если не считать единственной стрижки сто лет назад, он хранит маниакальную верность стилю, который Арес метко окрестил «образом под Иисуса». Его перемены куда глубже — они внутри. Пусть он так и остался нелюдимым молчуном, он наконец научился держать своих демонов на поводке.

Они выходят на веранду и рассаживаются вокруг меня. Аполлон остается стоять, небрежно привалившись плечом к стене, а двое других опускаются на стулья.

— Жду подарок от Афри, — признаюсь я начистоту. — Либо она запамятовала в этом году, либо я накосячил где-то по крупному, и она решила меня проучить.

— Ты косячишь стабильно круглый год, Херм, так что причина вряд ли в этом, — отзывается Тена. Она бесцеремонно утягивает у меня кружку и делает пару солидных глотков. Лицо тут же перекашивает отвращением: — Ну и блевотина.

Я прыскаю со смеху.

— Никуда твой подарок не денется, имей каплю терпения, — спокойно добавляет Аполлон. — Она еще ни разу не пропускала твой день.

И всё же небо над нашими головами остается глухим, черным полотном.

— Так, ладно, отставить сопли, сыграем в игру.

Троица синхронно и тяжело стонет.

— Только что осенило, — продолжаю я с самым невинным видом. К их вечному нытью я привык ровно так же, как привык класть на него с прибором. — Раз уж мы разменяли чертов полтинник, пора завязывать со скелетами в шкафах. Мы слишком старые для этих тайн мадридского двора. Короче: в каждый наш день рождения мы вчетвером уединяемся в глухом углу и задаем друг другу вопросы, на которые обязаны отвечать с кристальной, беспощадной честностью.

Энтузиазма на их физиономиях не прибавляется ни на грамм. На что мне, опять же, глубоко насрать.

— К примеру: сегодня именинник я, а значит, мое священное право — задать по одному вопросу каждому из вас. И вы выкладываете всю подноготную начистоту. На днюху Хайдеса отдуваться будем уже мы под его допросом. И так по кругу для Афины и Аполлона, — победно подытоживаю я. — Ну скажите же, гениально?

— Перебор, — сухо взвешивает Хайдес. — По мне, куда честнее, если виновник торжества выбирает только одну жертву и задает один вопрос. Если колоться начнут сразу все трое, пропадет весь азарт.

Афина отвешивает ему чувствительный подзатыльник в бок:

— Ты ебанулся? Ты реально решил пойти у него на поводу?

— А у нас есть выбор, по-твоему? — невозмутимо парирует он.

— Нет, но если бы мы хоть раз объединили усилия против этой язвы, мы бы заткнули его нездоровое любопытство и хоть однажды вышли победителями.

Я заливаюсь издевательским хохотом:

— Тена, солнце мое, ты на полном серьезе веришь в эту сказку? Такого расклада в природе не существует. Я выигрываю всегда.

— Ага, исключительно потому, что ты редкостная заноза в заднице, — роняет Аполлон. И несмотря на содержание фразы, звучит это с ледяным, убийственным спокойствием. Он из тех, кто сразу поднимает лапки кверху и даже не пытается трепыхаться. Чем быстрее он сольет мне нужную инфу, тем скорее закончится эта экзекуция.

— Итак, в игре в честь моего дня рождения я выбираю задать вопрос… — беру я разгон.

Серые глаза Хайдеса мгновенно отводят взгляд: он с первой секунды раскусил, кто был и остается моей единственной мишенью. Наш давний спор с Аресом и Аполлоном, который уже давно превратился в наш главный локальный мем, вытеснив даже древние подколы про Тамблер времен Йеля.

— Давай уже, рожай свой сраный вопрос. Я знаю, что ты метишь в меня, — шипит он.

Я с предвкушением потираю ладони под синхронное хмыканье Аполлона и Афины:

— Кристальная правда, Хайдес: ты делал пересадку волос?

Теперь они уже откровенно ржут в голос.

Хайдес с мученическим видом проводит ладонями по лицу:

— Нет.

Так, ладно, я разочарован. Настолько, что наотрез отказываюсь принимать этот бред за чистую монету:

— Правду, Хайдес. Ну же, колись.

— Это и есть правда! Никаких пересадок я не делал, мои волосы сидят на башке мертво — густые, роскошные и преданные.

— Да не может такого быть! Неужели ты ни разу в жизни не начал лысеть, чтобы потом втихаря лечь под нож и залечь на дно на время заживления? — не унимаюсь я.

— Нет, — с каждым словом его тон становится всё более ядовитым.

— Вот дерьмо. А я ведь заготовил целый список убойных панчей. И куда мне их теперь девать?

— Твои половые трудности.

— Придется ждать, пока облысеет кто-нибудь другой.

Хайдес с усмешкой ерошит мои кудри:

— Может, первой облезет как раз твоя башка, мудила.

О боже… от одной мысли о перспективе расстаться с моими божественными кудрями сердце падает куда-то в район желудка. Я торопливо складываю пальцы «козой», сплевываю через плечо от сглаза и тут же перевожу жест на брата:

— Чур меня, перенаправляю порчу обратно на Хайдеса с удвоенной силой!

Он со стуком бьет меня по рукам с неподдельным ужасом в глазах:

— Завязывай! Ты же знаешь, для меня это больная тема.

— Для меня тоже! Ты вообще видел, насколько мои кудри безупречны?

Афина решительно вклинивается между нами, с силой разводя наши туши в разные стороны:

— Всё, брейк! Ведите себя как взрослые мужики, в конце концов!

Мы оба показательно и страдальчески кривимся.

— Вы вообще можете поверить, что мы разменяли половину жизни? — тихо роняю я, оставив в покое шевелюру Хайдеса.

— Если быть занудой до конца, пятьдесят — это половина сотни, а до ста лет мы вряд ли дотян… — подает голос Аполлон.

— Не время включать душного умника, — шиплю я на него. А потом до меня доходит суть: — Твою мать, а ведь правда. На самом деле мы уже перешагнули экватор. Мы уже, считай, на финишной прямой в могилу.

— Ну это ты загнул, я вовсе не имел в виду…

Я перегибаюсь через плечо Афины, вцепляюсь мертвой хваткой в воротник рубашки Хайдеса и притягиваю его к себе:

— Мы стоим на пороге гроба! Ты реально хочешь, чтобы твоим последним следом на этой земле стала наглая ложь родным братьям?!

Он тяжело вздыхает:

— Не делал я никаких пересадок, отъебись!

— Я чую, что ты был лысым! — истошно ору я, входя в раж. — Просто у меня пока нет доказательств!

Наша сестра разнимает нас во второй раз, старательно напуская на себя свирепый вид. Но я-то вижу этот дешевый спектакль: кончики ее губ предательски подрагивают, готовые расплыться в улыбке. Она обожает наши собачьи перепалки, а еще больше обожает растаскивать нас по углам под предлогом смачно всех отматерить.

— А если честно, я счастлив, что мне стукнуло пятьдесят. Счастлив, что мы все стареем, — негромко прерывает нас Аполлон, устремив зеленые глаза в ночное небо. — Было время, когда я и помыслить не смел, что мы вообще доживем до таких седин. Стареть всем вместе — лучший счастливый финал, какой нам только могла подарить жизнь.

— Твоя правда, — вторит ему Афина. — Мы начинали эту жизнь порознь, но завершим ее плечом к плечу. Жаль только… жаль, что ее нет рядом с нами.

Стоит ей произнести эти слова, как воздух вокруг словно теплеет. Мы все улыбаемся — одновременно. Это светлые, чуть щемящие улыбки, в которых больше нет той разрывающей боли, что душила нас раньше.

— Как думаете… мы с ней еще увидимся? С Афродитой. Да и вообще со всеми, кого мы потеряли по дороге. Мы встретимся снова? — едва слышно шепчу я.

Никто не решается нарушить тишину. Из дома новой волной доносится беззаботный смех родных, мягко переплетаясь с мерным стрекотом невидимых цикад в траве.

— Я хочу этого больше всего на свете, — наконец отзывается Афина. — Но я не уверена, что одного желания достаточно, чтобы повернуть судьбу вспять.

Я нащупываю ее ладонь под столом и переплетаю свои пальцы с ее пальцами, крепко сжимая. Несмотря на свою органическую ненависть к любым телячьим

нежностям, Тена сжимает мою руку в ответ — с той же отчаянной силой. Мы встречаемся взглядами, и я тепло улыбаюсь ей, давая понять: я чувствую всё то же самое.

Очередной взрыв хохота из гостиной заставляет меня улыбнуться шире. Я до безумия люблю звук чужого смеха: нет ничего прекраснее на этой земле. Ржать с кем-то до колик в животе, до слез из глаз, ловя себя на мысли, какое это неземное счастье — иметь рядом людей, рядом с которыми ты чувствуешь себя настолько живым и беззаботным.

Когда счастливы те, кого я люблю, счастлив и я сам. И в такие секунды я свято верю: в мире существует бесконечное множество чудес, за которые стоит благодарить каждый прожитый день.

— Пойдем в дом? — предлагает Хайдес, поднимаясь со стула с тихим вздохом.

Афина тут же поднимается следом, но я остаюсь сидеть на месте:

— Я догоню вас чуть позже.

Чья-то тяжелая, теплая ладонь на прощание ободряюще сжимает мое плечо. Я слушаю удаляющийся стук шагов, а затем — щелчок закрывшейся двери. До слуха доносится, как Арес что-то орет Хайдесу из глубины коридора — из всей фразы до меня долетает лишь привычное «макака».

Убедившись, что меня оставили в покое, я поднимаюсь на ноги и огибаю дом, направляясь к задней стене, где приставлена металлическая лестница на крышу. Карабкаюсь по перекладинам, про себя горячо молясь не навернуться спиной вниз и не переломать себе шейные позвонки к чертовой матери. Я, конечно, мечтаю снова увидеть сестру, но такой способ встречи кажется мне слегка чересчур экстравагантным.

В точности как в сопливом детстве на ферме нашего деда, я осторожно ступаю по скату черепицы, балансируя над землей. Приходится признать: тело уже не то, что во времена пьяных вылазок на крыши кампуса в Йеле, где я бросал вызов гравитации, но хватку я еще не растерял.

Если оглянуться через плечо — кажется, будто я могу разглядеть ее силуэт. Не ту маленькую Дейзи из лачуги и даже не ту двадцатилетнюю девчонку, чей образ навеки застыл во времени. Я пытаюсь представить, какой бы она была сейчас, разменяй она полтинник вместе с нами. Делаю колоссальное мысленное усилие, мысленно чертя морщинки на ее лице, обманывая себя иллюзией, будто она сидит рядом.

Нахожу то самое место на коньке крыши, где она могла бы устроиться, и осторожно опускаюсь рядом. Проверив, не скользит ли ткань брюк по камню, я откидываюсь спиной на теплую черепицу и устремляю взор в бездну ночного неба.

«Не переставай считать звезды» — это были последние слова, которые мне сказала Афродита. И я всю свою жизнь положил на то, чтобы не нарушить эту немую клятву.

Я навеки останусь тем самым мальчишкой, что пересчитывает огни на небосклоне в поисках своей близняшки. Своей второй половины.

Звук открывающейся внизу двери заставляет меня вздрогнуть. Я поудобнее перехватываю край выступа и свешиваюсь вниз. В темноту двора бесшумно выступает силуэт Локи. Он стоит спиной к дому, затем слегка приподнимает подбородок и на языке жестов показывает мне: *«Я вижу тебя»*.

Мы не перестаем говорить это друг другу сквозь годы. Порой мы болтаем на ASL, пусть даже он и вернул себе часть слуха благодаря операции в двадцать один год, а я взялся за изучение языка еще задолго до того, как он решился лечь под нож.

— Х?

Знакомый бархатный голос Локи вызывает невольную улыбку:

— Я наверху.

До ушей доносится мерный стук его подошв по перекладинам той же лестницы, затем — мягкие шаги по черепице, а секундой позже знакомый пряный парфюм щекочет ноздри, и его горячее тело опускается на скат вплотную ко мне.

Я машинально укладываю голову ему на плечо:

— Ты чего вылез?

— Соскучился, — тихо выдыхает он. — Да и вообще, тебя потеряли в доме. Без тебя там слишком пусто.

Подобные дифирамбы противопоказаны моему и без того непомерно раздутому эго:

— Я скоро спущусь. Просто хотел дождаться… звезд.

Локи плавно заводит ладонь мне за шею и неторопливо перебирает пальцами мои кудри. Это движение моментально снимает всё напряжение: у него какая-то врожденная суперспособность умиротворять меня одним мимолетным касанием.

— Ниже по шее не спускайся, а то я решу трахнуть тебя прямо на этой черепице, — предупреждаю я.

Локи тихо прыскает со смеху:

— Такой трогательный момент испоганил.

Я запрокидываю голову назад, ловя губами его дыхание, и оставляю на его губах легкий, невесомый поцелуй. Локи уже готов податься вперед и углубить ласку — я отчетливо вижу вспыхнувший в его светлых глазах знакомый огонек, — но в следующую секунду выражение его лица резко меняется. Его взгляд соскальзывает мимо моего лица и цепляется за невидимую точку за моей спиной.

— Взгляни туда, — шепчет он, вытягивая руку к горизонту.

С предельной осторожностью я приподнимаюсь и поворачиваю голову вслед за его пальцем.

Я ума не приложу, как это возможно: ведь я буквально пять минут назад обшарил глазами каждый миллиметр этого проклятого темного купола. Но чудо случается.

Мой подарок на день рождения.

Прямо перед моими глазами.

Одинокая светящаяся точка — крошечная, едва заметная, но отчетливо сияющая в глубине черного бархата. И неудивительно, что именно Локи с его зрением заметил ее первым.

— Звезда… наконец-то, — едва слышно выдыхаю я, и губы сами собой растягиваются в улыбке от уха до уха.

— Видишь? Дейзи никогда не забывает об Илае.

От этих слов у меня мгновенно наливаются тяжелой влагой веки. Та самая сказка, которую я когда-то сочинил на ходу для наших племянников и которую они до сих пор просят пересказывать снова и снова.

Этот робкий огонек в вышине — мое вечное напоминание о том, что те, кого мы теряем, не уходят от нас насовсем. Нужно лишь уметь искать их в тех вещах, которые

они любили при жизни. Ровно так же, как мы ищем Гипериона в его любимых аккордах или Тимоса — в фортепианных пассажах Лав.

Но я не позволяю ни единой слезинке сорваться с ресниц.

И когда из распахнутых окон дома снизу вырывается очередной дружный взрыв семейного хохота, я отчетливо осознаю: лучшего финала для этой пьесы придумать невозможно. Этот миг. Здесь. Сейчас.

Пусть бархатный занавес медленно опускается на подмостки, скрывая от досужих глаз зрителей ту жизнь, что осталась нашим героям. Их звонкий, живой смех продолжит звенеть эхом в каждом потаенном закоулке этого театра.

Ничто не способно умереть до конца, пока ты хранишь память об этом в своем сердце.